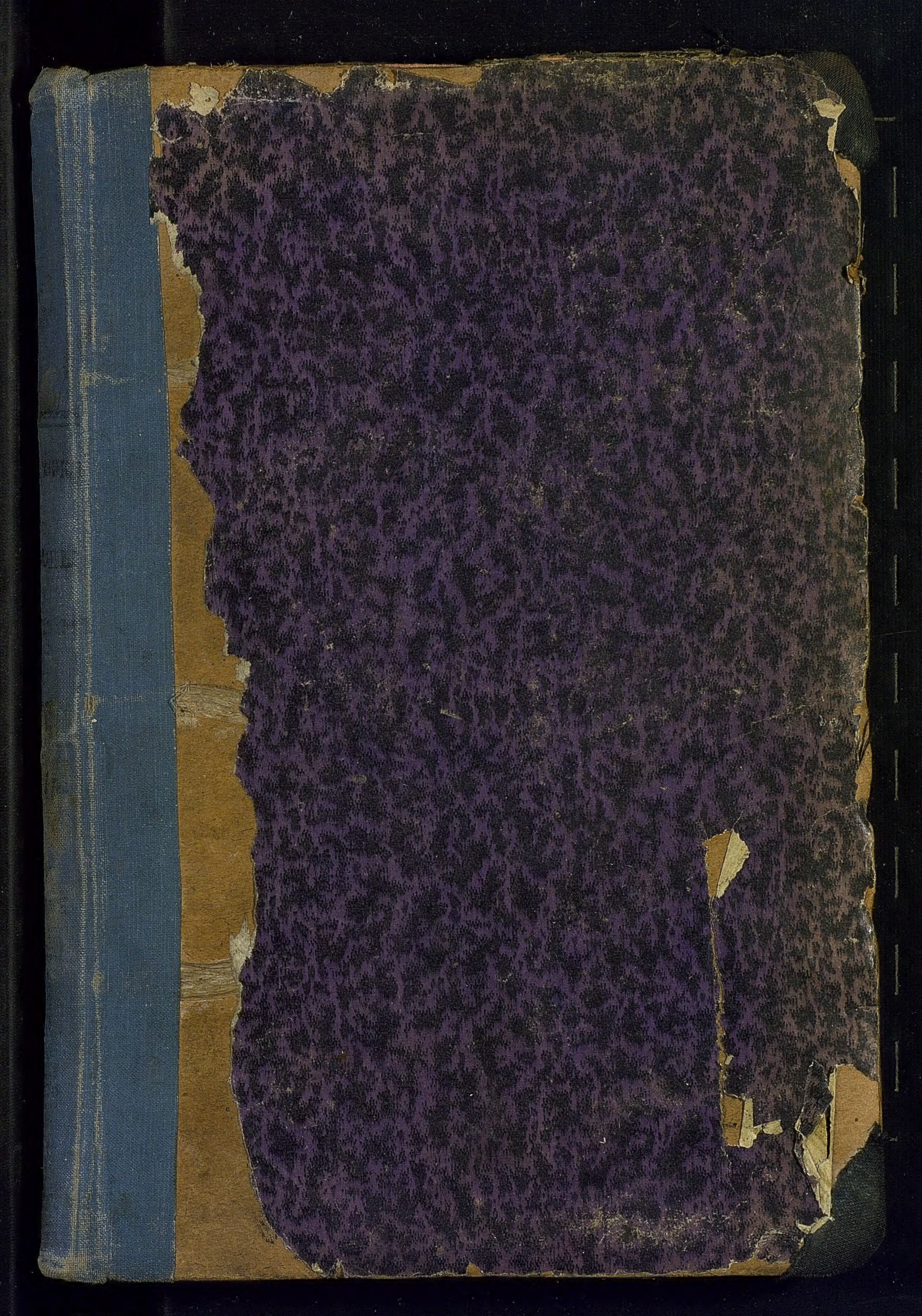
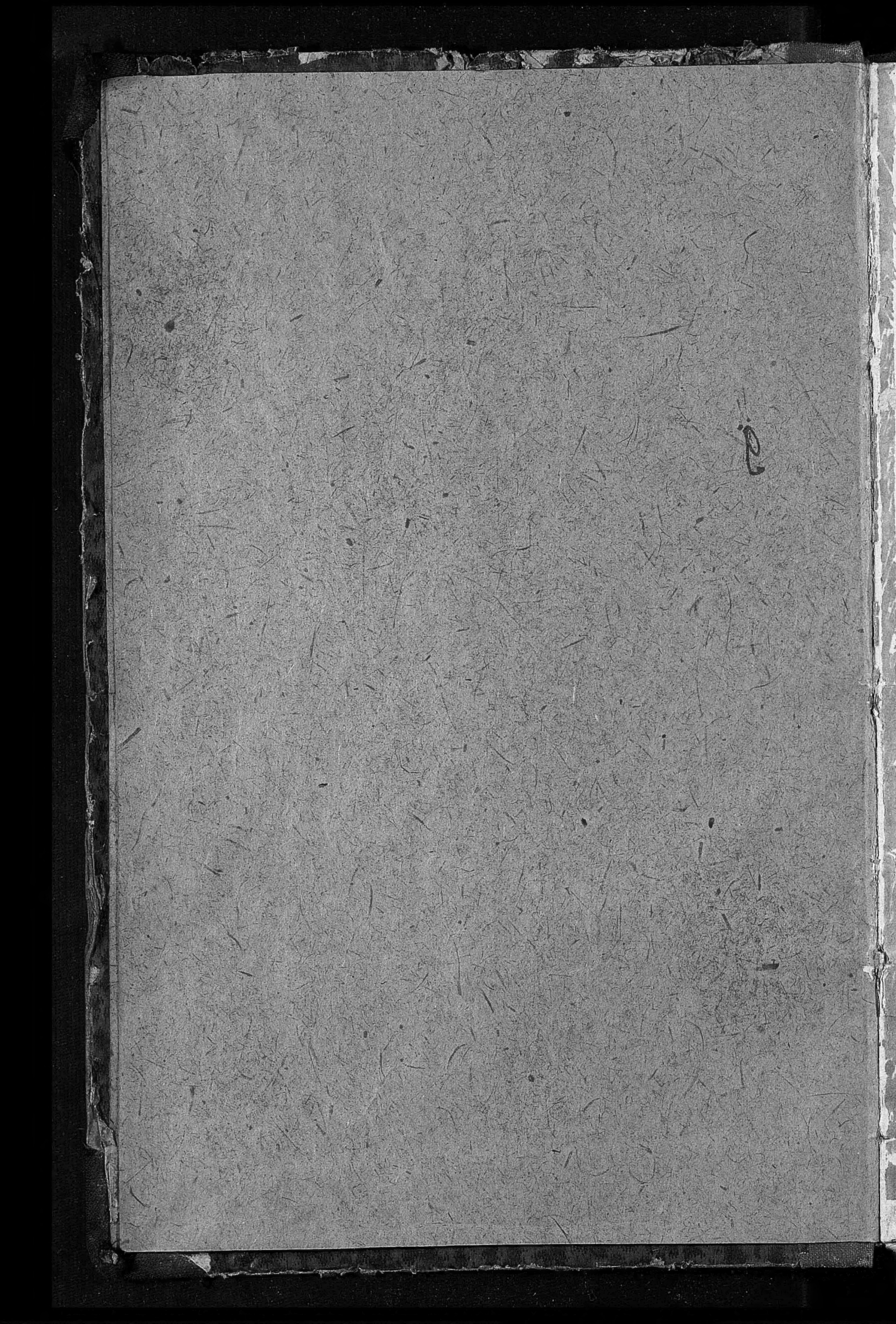




ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ LXVII. — ТОМЪ CCCXCVIII. — 1/14 НОЯБРЯ 1903

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1903

3284

ЗАМОКЪ СЧАСТЬЯ

РОМАНЪ.

XI *).

Ирина Львовна, возвратившись отъ тетки, утромъ на слѣдующій день, долго стояла у окна своего будуара и смотрѣла на улицу.

На улицѣ была полная распутица; казалось, промокъ весь городъ; съ крышъ капало, съ неба шла какая-то каша, не то дождь, не то снѣгъ, не то просто грязь; эта же грязь лежала и на улицахъ, по которымъ, проваливаясь въ ухабы и колеи, плелись извозчичьи пролетки, обдавая грязью рѣдкихъ прохожихъ.

Весь городъ былъ окутанъ густымъ желтымъ туманомъ, побороть который безсильны были огни фонарей, принявшіе таинственный, опаловый цвѣтъ; сквозь этотъ туманъ экипажи и пѣшеходы казались подземными тѣнями, уныло двигавшимися среди желтыхъ клубовъ, словно грѣшники въ одномъ изъ круговъ Дантовскаго ада, подвергнутые особаго рода казни.

Мрачно и уныло было на улицахъ этой большой и странной столицы, въ которой безконечная зима, съ ея безконечной тьмою, смѣняется такой удивительной ранней весной.

Была послѣдняя недѣля великаго поста.

Печально и глухо раздавался благовѣстъ церковныхъ колоколовъ, призывавшихъ столичный людъ къ покаянію и молитвѣ, и тяжкимъ камнемъ ложился каждый ударъ колокола на душу Ирины Львовны.

---

*) См. выше: октябрь, 565 стр.

Ей казалось, что этотъ погребальный звонъ провожаетъ въ могилу ея такъ быстро, такъ неожиданно разрушенную брачную жизнь.

И на душѣ ея было такъ же мрачно и уныло, какъ на этихъ темныхъ, сырыхъ и непривѣтливыхъ улицахъ.

Такъ странно проходитъ жизнь! Молодость, красота, силы, здоровье, блестящія надежды на будущее! Потомъ—бракъ по свободному выбору, по любви. Десять лѣтъ жизни въ этомъ бракѣ... а воспоминанія объ этихъ десяти годахъ жизни свидѣтельствуютъ о томъ, что въ этомъ бракѣ не было „ни истиннаго счастья, ни долговѣчной красоты". Такъ, какое-то ровное, спокойное прозябаніе, похожее на долгую петербургскую зиму, съ ея туманами и холодами, съ ея вѣтрами и наводненіями, съ ея безпросвѣтными днями и рѣдкимъ, блѣднымъ и холоднымъ солнцемъ. И она была склонна принимать этотъ жалкій суррогатъ счастья за подлинное счастье, какъ петербуржцы склонны принимать свое электрическое освѣщеніе за блескъ подлиннаго солнца!

Но вотъ даже и этого суррогата больше нѣтъ... Свѣтъ, жалкій искусственный свѣтъ—и тотъ погасъ. Осталась на душѣ копоть и тьма, сознаніе безцѣльно принесенныхъ жертвъ, несбывшихся мечтаній, осадокъ горькаго чувства. Ни любовь ея къ мужу, ни ея вѣрность ему, ни добросовѣстность жены и матери, ни даже, казалось бы, прочная, живая связь въ лицѣ ребенка—ничто не уберегло ее отъ крушенія.

Налетѣлъ откуда-то желтый туманъ, окуталъ своими противными густыми клубами блѣдные огни ея жизни; потомъ поднялась буря, и рѣзкій, леденящій вѣтеръ вырвалъ съ корнемъ то, что̀ она считала своимъ счастьемъ. Видно, ужъ такая болотистая почва это была, въ которой счастье не можетъ пустить глубокихъ корней... И смялъ, и испортилъ этотъ сѣверный вѣтеръ все, что̀ было на душѣ ея свѣтлаго и радостнаго, и оторвалъ онъ ладью ея жизни изъ тихой пристани, и выгналъ онъ ее теперь въ открытое море, и, кто знаетъ, по какимъ водамъ будетъ онъ носить ее и къ какимъ берегамъ пригонитъ?..

Итакъ, нѣтъ, значитъ, средствъ управлять жизненной ладьей? Не изобрѣтено, значитъ, такого руля, которымъ можно было бы направить жизнь по своему усмотрѣнію? Нѣтъ, жизнь человѣческая—жалкое суденышко „безъ руля и безъ вѣтрилъ", отданное на волю невѣдомымъ стихіямъ. Но стихіи жизни? Есть ли у нихъ цѣль и назначеніе?..

Въ передней раздался шорохъ.

Это—Владиміръ Викторовичъ снималъ съ вѣшалки пальто, собираясь уходить.

Онъ теперь всегда уходитъ такъ, не звоня Паши, какъ воръ, укравшій что-либо въ домѣ и старающійся скрыться незамѣтно.

Ирина Львовна отошла отъ окна.

Въ унылыхъ мечтахъ она забыла о цѣли, которую поставила себѣ съ утра и къ которой подготовляла себя въ теченіе цѣлаго дня.

Теперь она вспомнила объ этой цѣли.

Она не можетъ выпустить мужа, не переговоривъ съ нимъ.

Иначе рѣшительный разговоръ, къ которому она такъ долго готовилась, опять будетъ отложенъ на неопредѣленное время.

Нѣтъ, довольно! Тянуть дальше эту невыносимую лямку, тяжелую для обоихъ, нѣтъ смысла.

Разомъ, однимъ рѣшительнымъ словомъ, надо кончить это ужасное положеніе.

И вдругъ нежданныя-негаданныя слезы отуманили ея глаза. И сердце защемило больно-больно. И странная, дѣтская мысль мелькнула въ ея сознаніи:

„Осталось три дня до великаго праздника. У всѣхъ будетъ въ домѣ праздникъ. Всѣ будутъ цѣловаться другъ съ другомъ, вездѣ настанетъ „миръ и въ человѣкахъ благоволеніе". Вездѣ будетъ свѣтло и радостно въ этотъ свѣтлый праздникъ весны и воскресенья. Даже погода измѣнится, она въ этомъ почти увѣрена. Только у нея въ домѣ будетъ темно и уныло, печально и мрачно, какъ въ могилѣ. У нея, да еще у такихъ же обездоленныхъ женщинъ, какъ она. Вотъ опять эти звуки за стѣной, эти душу надрывающіе звуки Григовской элегіи съ ея прозрачной мелодіей, безсолнечной, угрюмой, сѣверной ночи"...

Она быстро отерла глаза. Консерваторка продолжала играть за стѣною, и звуки элегіи глухо и гулко врывались въ ея душу, и казалось ей опять, что это надгробный плачъ надъ ея счастьемъ, которое она сейчасъ сама затопчетъ и погаситъ своими ногами.

— Владиміръ, это ты?—крикнула она въ переднюю, и не узнала своего голоса, который ей показался чужимъ.

— Я.

— Ты уходишь?

— Да.

— Прошу тебя, останься. Я не задержу тебя долго.

— Не могу. Я спѣшу.

Она злобно улыбнулась.

— Куда ты можешь спѣшить? Сегодня—страстной четвергъ. Занятій нѣтъ, театровъ нѣтъ. Не въ церковь же ты идешь?

— Можетъ быть, и въ церковь,—раздался озлобленный голосъ Владиміра Викторовича.

Она почувствовала эту ноту озлобленія, и сама перешла изъ спокойнаго состоянія, въ которомъ дала себѣ слово пребывать при предстоящемъ объясненіи, въ раздраженно-нервное.

— Все равно, грѣховъ своихъ не замолишь,—насмѣшливо сказала она.—Однако, я *требую*, чтобы ты остался. Мнѣ нужно переговорить съ тобой по очень серьезному дѣлу.

Она заслышала досадливый вздохъ и шаги.

Владиміръ Викторовичъ показался въ дверяхъ будуара.

— Что тебѣ нужно? — сурово спросилъ онъ. — Ты хочешь знать, куда я иду? Зачѣмъ? Какое тебѣ дѣло до меня? Послѣ всего, что произошло между нами, мнѣ кажется, мы давно—чужіе другъ другу. Я же не спрашиваю тебя, куда ты уходишь изъ дому?

— О, еслибы ты поинтересовался, то могъ бы смѣло спросить. У меня нѣтъ ничего такого, что нужно было бы скрывать отъ кого бы то ни было.

— Поздравляю тебя, — неопредѣленно сказалъ онъ, иронически усмѣхнувшись. — Ну, а я ухожу, самъ не знаю—куда. Просто, ухожу изъ дому, потому что мнѣ тяжело въ немъ. Можетъ быть, я имѣю еще право безконтрольно выходить на улицу и дышать воздухомъ?

— Въ такую погоду? Дышать этимъ желтымъ туманомъ?

— Ты заботишься о моемъ здоровьѣ? — насмѣшливо спросилъ онъ.

Это ее взорвало.

— Мнѣ столько же дѣла до твоего здоровья, какъ до здоровья Таисы Николаевны Ищерской,—злобно сказала она, сверкнувъ глазами.

— А!—протяжно произнесъ онъ, мгновенно растерявшись.— Тогда я не понимаю, въ чемъ же дѣло?

— Ты пересталъ понимать самыя простыя вещи. Я тебѣ сказала, что хочу поговорить съ тобою.

— Ну, такъ и я скажу тебѣ, если ты не понимаешь съ полусловъ. Я ухожу изъ дому, чтобы не оставаться съ тобою, чтобы избѣжать сцены. Мнѣ эти сцены вотъ гдѣ сидятъ. Я усталъ, разбитъ, изнеможенъ. Я хочу отдыха и покоя.

— Вотъ именно объ этомъ я и хочу поговорить съ тобою.

— Да развѣ намъ есть о чемъ еще говорить?

— О, да!—горячо сказала она.—Есть. Увѣряю тебя, что есть. И это будетъ нашъ послѣдній разговоръ. По крайней мѣрѣ, я такъ надѣюсь.

Онъ вздохнулъ.

Онъ почувствовалъ въ ея словахъ какую-то необыкновенную, твердую и спокойную рѣшимость; предчувствіе конца овладѣло имъ.

Конечно, онъ не могъ не знать, что когда-нибудь и какънибудь вся эта исторія, свалившаяся на него неожиданно и безъ его желанія, какъ сваливается на прохожаго какой-нибудь, оторвавшійся отъ сырости, карнизъ дома, должна же кончиться.

Но когда онъ почувствовалъ, что насталъ рѣшительный моментъ, сердце его забилось тревожно. Въ послѣднее время съ нимъ происходило нѣчто особенное, странное. Прежде, не такъ еще давно, въ отсутствіи Таисы, онъ неустанно думалъ о ней и всѣ его мысли стремились къ ней. Въ его ушахъ стоялъ ея голосъ, въ его глазахъ мелькала ея улыбка, какой-нибудь ея жестъ. Запахъ ея духовъ вызывалъ въ его воображеніи ея декадентскій образъ. Въ ея присутствіи, напротивъ, онъ становился спокойнымъ, сдержаннымъ. Онъ смотрѣлъ на нее съ ровно бьющимся сердцемъ, а иногда критическая мысль посѣщала его и какъ бы спрашивала его сердце: ну, что же соблазнительнаго въ ея сухомъ, какъ бы надтреснутомъ голосѣ, что же особеннаго въ улыбкѣ ея тонкихъ, безкровныхъ губъ, въ угрюмомъ взглядѣ ея черныхъ калмыцкихъ глазъ, что прекраснаго въ ея фигурѣ, напоминавшей декадентскую статуэтку съ узкой грудью, покатыми плечами, безъ бюста, безъ таліи, безъ боковъ, ровную съ головы до ногъ? Но именно тогда это было настоящее увлеченіе.

А теперь, въ отсутствіи Таисы, онъ почти совершенно не думалъ о ней. И когда ея не было передъ его глазами, онъ ни разу не вспоминалъ о ней; а когда вспоминалъ, то на душѣ у него дѣлалось нескладно, неудобно, и онъ старался думать о чемъ-нибудь другомъ, болѣе интересномъ. Ему вспоминались первые дни его увлеченія Ириной, ея цвѣтущій видъ, ея волосы цвѣта матоваго золота, ея большіе, лучистые сѣрые глаза, ея веселый характеръ, жизнерадостное настроеніе духа, ея всегда умный, всегда интересный разговоръ. Ему становилось жаль этого прошлаго. И при мысли о томъ, что это, казавшееся ему такимъ близкимъ, прошлое уже теперь далеко, сердце его сжималось отъ боли.

И только когда онъ видѣлъ передъ собою Таису, входилъ въ непосредственное общеніе съ нею, онъ вновь загорался своей болѣзненной страстью, вновь пылалъ увлеченіемъ къ ней и думалъ лишь о томъ, какъ бы продолжить свиданіе.

И онъ понялъ тогда, что его романъ подходитъ къ концу, что его страсть проходитъ.

Анализируя то, что происходило въ его душѣ, въ его сознаніи, онъ терялся и не могъ объяснить себѣ этихъ странныхъ метаморфозъ, волновавшихъ его.

И однажды въ головѣ его мелькнула мысль, что настоящее увлеченіе есть то, что даетъ матеріалъ воображенію и духу въ отсутствіи объекта страсти; когда же страсть загорается лишь въ присутствіи ея объекта, а въ его отсутствіи воображеніе и сердце молчатъ,—тогда это свидѣтельствуетъ о началѣ конца, о томъ, что увлеченіе, достигнувъ кульминаціонной точки, начинаетъ спускаться по наклонной плоскости и что близокъ уже ея конецъ.

XII.

— Хорошо, будемъ говорить,—сказалъ Владиміръ Викторовичъ, садясь на небольшой диванчикъ и доставъ папиросу изъ портсигара, который онъ постарался открыть такъ, чтобы Ирина Львовна не увидѣла его верхней крышки, гдѣ, въ уголку, пріютился миніатюрный золотой вензель „Т. И.“.

Владиміръ Викторовичъ преувеличенно вздохнулъ и закурилъ папиросу.

— Отчего ты такъ вздыхаешь?—спросила его Ирина Львовна, уже вполнѣ овладѣвшая собою.

Она не садилась, а стояла противъ мужа, прислушиваясь къ звукамъ рояля, шедшимъ изъ-за стѣны; къ своему голосу, звучавшему теперь печально, но спокойно, и къ тому, что дѣлалось на ея душѣ, гдѣ все, повидимому, замерло въ ожиданіи грозы.

— Я боюсь сцены,—серьезно отвѣтилъ Владиміръ Викторовичъ.—И долженъ тебя предупредить, что при первомъ признакѣ ея я уйду, ты меня извини.

— Сцены на этотъ разъ не будетъ, — печально покачавъ головой, сказала Ирина Львовна.—Сцены бываютъ между людьми, у которыхъ не все еще кончено другъ съ другомъ.

Эти слова больно рѣзнули его по сердцу, но онъ холодно проговорилъ:

— Тѣмъ лучше, если это такъ. Я слушаю. Въ чемъ дѣло?

— Я обѣщала тебя не задерживать. Дѣло въ двухъ словахъ: я рѣшилась разойтись съ тобой, Владиміръ.

Владиміръ Викторовичъ безпокойно шевельнулся на своемъ диванчикѣ.

— Вотъ какъ! — сказалъ онъ. — И это рѣшеніе созрѣло, конечно, при благосклонномъ участіи обожающей меня Екатерины Васильевны Грушецкой? И, быть можетъ, не безъ участія друга дѣтства, Карелинова?

— Можетъ быть, — сухо отвѣтила она. — Не все ли равно, какъ и при чьемъ благосклонномъ участіи оно созрѣло? Оно созрѣло — все дѣло въ этомъ.

— Прекрасно. Но, мнѣ кажется, тетушка — тетушкой и другъ — другомъ. Но — „не худо бъ у меня спроситься, вѣдь я вамъ — нѣсколько сродни“, а не преподносить мнѣ это въ видѣ окончательной резолюціи, имѣющей обязательную форму...

— Владиміръ, будемъ говорить серьезно, — прервала она его, — и прошу тебя, если можно, — не въ этомъ тонѣ.

— Ахъ, развѣ дѣло въ тонѣ! — съ досадой отвѣтилъ онъ: — дѣло — въ дѣлѣ, а не въ тонѣ.

— Именно. А потому — давай говорить дѣловымъ тономъ.

Онъ пожалъ плечами.

— Говори, — сказалъ онъ.

— Да что же, собственно, говорить? Я все сказала. Намъ надо разойтись. Отъ этой невозможной совмѣстной жизни страдаю я, страдаешь ты, страдаетъ ребенокъ нашъ... Постой, дай мнѣ кончить. Ты самъ хотѣлъ, чтобы я говорила. Не будемъ считаться. Я ли испортила тебѣ жизнь своими, дѣйствительно, какъ ты говоришь, „мѣщанскими“ сценами, невѣроятными, невозможными... видишь, я согласна и отдаю себѣ должное; или ты твоей... твоимъ увлеченіемъ. Не стоитъ считаться, право. Найдутся, конечно, люди, которые займутся этимъ подсчетомъ, и одни обвинятъ тебя, другіе — меня. Истина виновности будетъ по срединѣ, какъ всегда. Вѣроятно, и моя доля вины найдется: я не съумѣла привязать тебя къ дому; тебѣ въ немъ показалось скучно, ты увлекся... Ахъ, я говорю все не то... Суть не въ томъ, кто виноватъ больше или меньше. Дѣло — въ фактахъ. А фактъ тотъ, что мы не любимъ уже другъ друга, что ты увлеченъ другой. Когда нѣтъ любви между людьми, зачѣмъ имъ жить вмѣстѣ и отравлять другъ другу жизнь? Имъ нужно разойтись. Я тебѣ это и предлагаю. Это — просто и ясно.

Владиміръ Викторовичъ нервно качалъ ногой. Онъ потушилъ папиросу и хотѣлъ, въ свою очередь, говорить.

За стѣной все еще раздавались глухіе звуки элегіи, которую консерваторка, очевидно, усиленно штудировала, и Иринѣ казалось, что ихъ разговоръ опять-таки—какая-то мелодекламація, печальная и душу надрывающая, какъ эта унылая мелодія.

— А Володя?—тихо сказалъ Владиміръ Викторовичъ и ничего больше не могъ придумать.

Ирина Львовна посмотрѣла на него съ недовѣрчивымъ недоумѣніемъ.

— Володя? Поздно же ты вспомнилъ о немъ! Къ чему это?—съ упрекомъ сказала она.—Ты—чужой нашему мальчику. Мать для ребенка—все; отецъ часто ничего. Ты никогда не питалъ къ нему нѣжныхъ чувствъ. Когда онъ былъ маленькимъ, ты относился къ нему брезгливо, какъ къ чему-то неопрятному; когда онъ подросъ, ты злился, что онъ всюду лазаетъ, капризничаетъ, шумитъ и мѣшаетъ тебѣ работать. Теперь, когда онъ сталъ почти разумнымъ существомъ, онъ тебя раздражаетъ... чѣмъ? Я думаю, тѣмъ, что онъ все понимаетъ, что происходитъ вокругъ него, и многое, многое чувствуетъ.... Нѣтъ, не лицемѣрь. Володя и я дадимъ тебѣ свободу. Живи, какъ знаешь; дѣлай, что хочешь; поступай, какъ желаешь. Наконецъ, я тебѣ предлагаю, если ужъ ты такъ заботишься о Володѣ, сдѣлать испытаніе: скажи ему завтра: — „Мама уѣзжаетъ надолго для поправленія своего здоровья; съ кѣмъ ты хочешь остаться? Съ нею ли ѣхать, или со мной“?

Владиміръ Викторовичъ отрицательно покачалъ головой.

— Я не задамъ ему этого вопроса.

— Почему?—живо спросила Ирина Львовна.

— Я знаю его отвѣтъ.

И словно невольно вырвавшаяся нотка грусти или оскорбленнаго самолюбія прозвучала въ его голосѣ.

— Вотъ видишь,—сказала Ирина Львовна.—Слѣдовательно, это препятствіе устраняется. Я обѣщаю тебѣ воспитывать сына въ уваженіи къ тебѣ. Любить тебя я не могу его заставить—надъ сердцемъ человѣка, даже ребенка, никто не властенъ. У сердца свои законы, которыхъ мы не знаемъ.

„Это правда“,—подумалъ Владиміръ Викторовичъ, примѣняя эти слова къ самому себѣ.

— Но какъ же ты?—тихо спросилъ онъ.

— Я? А что же? Я уѣду на родину, въ свой родной городъ. Я буду тамъ жить. У меня есть свой домъ и свои средства. У тебя—свои. Слава Богу, въ этомъ отношеніи мы не связаны другъ съ другомъ... Раны сердца заживутъ, время да-

леко прогонитъ воспоминанія... Я буду жить для Володи; можетъ быть, когда съ души исчезнетъ тяжесть—и для себя. Я не хочу давать никакихъ обязательствъ. Но когда настанетъ время —если оно настанетъ—я увѣрена, что ты не откажешь дать мнѣ разводъ. Вѣроятно, онъ и тебѣ скоро понадобится. И я тебѣ заранѣе обѣщаю не дѣлать препятствій.

Теперь она сѣла, какъ-то сразу опустившись на стулъ, и походила на срѣзанный цвѣтокъ, низко поникшій своей золотистой, махровой головкой.

Она никогда не думала, что объясненіе это, что эпилогъ ея брачной жизни будутъ такъ тяжелы для нея.

Владиміръ Викторовичъ всталъ и подошелъ къ ней.

Голосъ его чуть-чуть дрожалъ, когда онъ сказалъ ей, положивъ руку на ея плечо:

— Ирина...—тихо-тихо началъ онъ, — ты все сказала, ты долго говорила, и я тебя слушалъ молча, почти не перебивалъ. Теперь выслушай меня. Увѣрена ли ты, что все, что ты говорила—говорила отъ души, отъ сердца?

Она закрыла глаза рукою.

Этотъ нѣжный, робкій голосъ, это чувство, которое звучало въ немъ и котораго она давно-давно уже не слыхала у него, болѣзненно подѣйствовали на нее. Ахъ, зачѣмъ онъ говоритъ теперь съ нею *такъ*? Зачѣмъ онъ не говорилъ съ ней такъ раньше? Зачѣмъ теперь, когда въ душѣ ея—пустыня, когда всѣ добрыя чувства къ нему, жившія въ ея сердцѣ и взрощенныя долгими годами совмѣстной жизни, притихли, затихли и замерли, онъ хочетъ вызвать ихъ къ новой жизни? А долгіе мѣсяцы оскорбленій, униженій, осмѣяній? Нѣтъ, нѣтъ, возврата не существуетъ, не можетъ существовать, не должно существовать.

— Видишь, ты плачешь, Ира...

— Такъ что-жъ?—быстро отвѣтила она, какъ бы не давая себѣ времени распуститься.—Такъ что-жъ? У меня разстроены нервы. И потомъ, не смѣяться же мнѣ теперь? Увѣрена ли я, что я говорила отъ сердца? Да какъ же иначе? Я выстрадала то, что говорила. И не я это говорила, говорила душа моя...

— Ты будешь жить одна, совсѣмъ одна... ты такъ мало знаешь жизнь...

— Я научилась ей за это время, — горько сказала Ирина.

— Не упрекай меня,—продолжалъ онъ тѣмъ же трогательнымъ, искреннимъ тономъ.—И если ты думаешь, что я наверху блаженства и счастья—ты ошибаешься, Ирина.

— Я это предполагала,—сказала она неопредѣленнымъ тономъ.

— Вы, женщины, странныя... Вы временное принимаете за постоянное. И ради мелочной ошибки готовы рушить цѣлое зданіе. Вы жестоки и немилосердны, вы неспособны прощать ошибокъ. Мнѣ ни разу не пришла въ голову идея разстаться съ тобой. И когда ты уѣдешь, я почувствую себя одинокимъ, безпомощнымъ...

— Ты скоро привыкнешь и утѣшишься.

— Не знаю,—искренно сказалъ онъ.—Право, не знаю. Но я знаю одно, Ирина... Ну вотъ, ты засмѣешься, или не повѣришь, или сочтешь это за неумѣстную шутку... что я не переставалъ любить тебя.

Послѣднія слова онъ произнесъ шопотомъ, словно боялся, что ихъ кто-нибудь услышитъ, кромѣ нея.

Сердце ея дрогнуло. За стѣной рѣзко оборвалась элегія, точно исполнительница чего-то испугалась или ей надоѣла эта мелодія.

Ирина еще разъ сдѣлала надъ собой усиліе, еще разъ постаралась заглянуть въ самую сокровенную глубь своей души.

Но тамъ ничего не шевельнулось, и душа ея отвѣтила ей безмолвіемъ.

— Я не знаю, зачѣмъ ты мнѣ говоришь это,—сказала она, —и такъ странно, что ты говоришь мнѣ это въ такую минуту... Ты, можетъ быть, хочешь оставить во мнѣ пріятное впечатлѣніе?

Онъ печально и серьезно покачалъ головой.

— Я говорю то, что думаю и чувствую,—сказалъ онъ.

— Поздно, Владиміръ. Благодарю тебя, но это уже ничего не измѣнитъ.

— Почему?

— Потому что... я не люблю тебя больше.

XIII.

Черезъ недѣлю послѣ того какъ Ирина Львовна получила телеграмму отъ Карелинова, что все готово и домъ ея ждетъ пріѣзда хозяйки,—она собралась въ путь.

Сборы были быстрые, торопливые, скорѣе похожіе на бѣгство.

Походило на то, что Ирина Львовна боялась задерживаться, чтобы не остаться и тѣмъ не отрѣзать себѣ пути къ перемѣнѣ жизни, которую она задумала.

Несмотря на все перенесенное этой зимой, несмотря на надорванное всѣми этими событіями здоровье, ей тяжело было уѣзжать, покидать этотъ домъ, которому она посвятила десять лѣтъ жизни, десять лучшихъ молодыхъ лѣтъ.

Каждая мелочь въ квартирѣ продумана и любовно устроена ею; годъ за годомъ и день за днемъ она устроивала это гнѣздо, словно на вѣчность, она складывала этотъ очагъ, который долженъ былъ согрѣвать ее въ холодные годы старости.

И вотъ, гнѣздо разорено, очагъ разметанъ, и она теперь своими руками разрушаетъ то, что созидала.

Такова жизнь. Кто думаетъ о длительности и прочности ея явленій, бываетъ жестоко наказанъ. Жизнь похожа на капризную, злую и непостоянную красавицу, за которой чѣмъ больше ухаживаешь, тѣмъ хуже, тѣмъ меньшаго достигаешь. Жизнью надо играть, смѣяться надъ нею, отрѣшиться отъ мѣщанскихъ взглядовъ и добродѣтелей, и тогда она сама привяжется къ тебѣ и осыплетъ тебя неожиданными дарами...

Таково счастье. Счастье похоже на воздушный замокъ, въ одно мгновеніе ока возникающій въ воображеніи. Воображеніе— величайшій архитекторъ, умѣющій выводить тѣ „châteaux en Espagne“, которые блещутъ дивной красотой и годны для одного мгновенія, для кратковременной мечты.

Такъ думала Ирина Львовна, укладывая свои вещи.

И когда насталъ часъ разлуки со всѣмъ тѣмъ, къ чему она была привязана много лѣтъ крѣпкими, хотя и невидимыми нитями, она почувствовала, какъ душа ея разрывается на части, и безсильно, безпомощно опустилась въ передней на стулъ; оглядѣла затуманеннымъ слезами взоромъ перспективу комнатъ, то уютное гнѣздо, съ которымъ прощалась теперь навѣки.

Паша, со слезами на глазахъ, поцѣловала ей руку, и Ирина Львовна горячо обняла ее. Паша оставалась еще на недѣлю въ домѣ Загоровскихъ, а затѣмъ рѣшила уѣхать въ деревню.

Владиміръ Викторовичъ вспоминалъ послѣдній разговоръ съ женою. Больше они къ нему не возвращались.

Онъ былъ тоже очень разстроенъ и чувствовалъ себя одинокимъ, брошеннымъ, всѣми покинутымъ, какъ малый ребенокъ, грубою рукою вытолкнутый на улицу, въ толпу чужихъ людей.

Онъ зналъ, что съ сегодняшняго дня онъ будетъ на полной свободѣ, и это не только не радовало его, но глубоко огорчало. Долго ли будетъ онъ пользоваться свободой? Конечно нѣтъ; онъ скоро совершитъ глупость, величайшую глупость всей своей жизни, и будетъ потомъ каяться въ этой глупости всю жизнь.

Но онъ уже не властенъ ничего измѣнить. Жизнь не спрашиваетъ его желаній; она толкаетъ его на извѣстный путь, и такъ какъ толчки жизни сильнѣе человѣческой воли, то ему трудно бороться.

Есть что-то суровое и властное, жестокое и безсмысленное въ волѣ жизни, и есть что-то жалкое и безсильное—въ волѣ человѣка, какъ бы онъ ни кичился, ни хвастался, ни рисовался ею...

На вокзалъ пріѣхала Екатерина Васильевна, и грозно нахмурилась, увидя Владиміра Викторовича.

„Il a du toupet, — подумала она, — что осмѣлился пріѣхать провожать Irène“.—И она демонстративно отвернулась отъ него, не отвѣтивъ даже на его поклонъ.

„Скажите, пожалуйста,—думала она, съ удивленіемъ вглядываясь въ выраженіе лицъ супруговъ.—Онъ имѣетъ погребальную физіономію, лицемѣръ! Нѣтъ, душечка, снявши голову, по волосамъ не плачутъ... Она—точно ее ссылаютъ на каторгу или въ мѣста не столь отдаленныя. Ее я не понимаю: ее не ссылаютъ на каторгу, а освобождаютъ отъ нея. Но человѣкъ—всегда человѣкъ, и привыкаетъ къ мученіямъ такъ же, какъ и къ радостямъ. Одинъ Володя—настоящій человѣкъ. Ишь, какъ у него горятъ глазёнки и какъ онъ счастливъ, что уѣзжаетъ изъ этого поганаго Петербурга“!

Третій звонокъ.

Владиміръ Викторовичъ кинулся къ дверцамъ вагона, торопливо поцѣловалъ сына, который равнодушно принялъ этотъ поцѣлуй, потому что успѣлъ заинтересоваться въ вагонѣ какой-то пружиной для подъема сидѣнья и мечталъ, по отходѣ поѣзда, тотчасъ же начать изысканія. Владиміръ Викторовичъ успѣлъ поцѣловать руку женѣ.

Долгимъ поцѣлуемъ припалъ онъ къ этой блѣдной и холодной рукѣ, пока не тронулся поѣздъ.

— Прощай, Ира, — прошепталъ онъ, — помни, что я тебѣ говорилъ... Я...

Но поѣздъ ускорилъ ходъ. Владиміръ Викторовичъ еле успѣлъ отскочить. Пыхтя и громыхая колесами, поѣздъ выходилъ уже изъ-подъ навѣса, оставляя за собою клубы ѣдкаго бѣлаго дыма.

И сквозь эти облака дыма еще разъ мелькнуло блѣдное, больное и милое лицо Ирины, кивавшей головою и улыбавшейся сквозь слезы.

А затѣмъ дымъ окончательно заволокъ ее, и поѣздъ умчалъ ее въ невѣдомую даль жизни.

И на душѣ Владиміра Викторовича сдѣлалось такъ скверно, что ему захотѣлось умереть.

Онъ увидѣлъ передъ собою высокую и прямую, какъ стволъ молодого дерева, фигуру Екатерины Васильевны, удалявшейся съ вокзала.

Что-то толкнуло его впередъ, и онъ нагналъ ее и пошелъ рядомъ съ нею.

Она сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ его.

— Зачѣмъ вы сдѣлали это?—скорбно воскликнулъ онъ.

— Я васъ не знаю, государь мой,—рѣзко отвѣтила она,—или, по крайней мѣрѣ, знать не хочу. И прошу оставить меня въ покоѣ.

— Зачѣмъ, зачѣмъ вы сдѣлали это?—настойчиво повторялъ онъ, плохо сознавая, что̀ говоритъ.

Она заслышала въ его голосѣ такую скорбь, что на мгновеніе остановилась.

— Да что̀ съ вами? — сурово сказала она. — Къ чему это ломаніе комедіи?

— Я не ломаю комедіи; душа моя болитъ и страдаетъ.

— Скажите на милость! Что̀ же это? Что̀ имѣемъ—не хранимъ, потерявши—плачемъ? Такъ вы бы хранили и не теряли, коли вамъ была она дорога.

— Поймите,—сказалъ онъ страстно: — я любилъ ее. Любилъ столько лѣтъ...

— А Таису? — насмѣшливо и рѣзко спросила она и посмотрѣла на него въ упоръ.

Онъ опустилъ глаза подъ ея сверкавшимъ взоромъ.

Онъ не зналъ, что̀ отвѣтить.

— Не знаю,—смущенно проговорилъ онъ.—Ошибаться свойственно всякому.

— Какъ же, во всѣхъ прописяхъ это значится. Но вы, государь мой, не юнкеръ и не студентъ, чтобы дѣлать такія ошибки. Вы—сѣдой человѣкъ, а сѣдые люди такъ глупо не ошибаются. А ежели и ошибаются, то и платятъ за свои ошибки своими средствами, а не чужой жизнью.

— Всякій можетъ ошибаться... Только женщины не прощаютъ нашихъ ошибокъ. Онѣ суровы и прямолинейны, какъ этотъ желѣзнодорожный путь. Но Ирина бы простила, если бы не вы съ вашими наущеніями и не тотъ молодчикъ-врачъ.

— Оставьте меня въ покоѣ. Въ васъ говоритъ не скорбь, а уязвленное мужское самолюбіе. Это пройдетъ со временемъ. А причемъ тутъ я? Ирина сама не ребенокъ, и я терпѣть не

могу вмѣшиваться въ чужія дѣла. Взялъ, убилъ ея любовь къ себѣ, а теперь стонетъ: „ахъ, зачѣмъ я убилъ?!“ Да кто же вамъ велѣлъ, сударь мой? А за всѣмъ тѣмъ, вотъ мы на улицѣ, и мнѣ надо ѣхать домой. Будьте здоровы.

Она круто повернулась къ нему и сѣла въ карету.

Онъ остановился на подъѣздѣ вокзала.

Куда идти?

Домой? Его бралъ ужасъ при одной мысли вернуться въ это приразоренное гнѣздо, гдѣ онъ не будетъ больше чувствовать присутствія близкаго человѣка, гдѣ онъ не услышитъ больше голоса Володи, который вдругъ сталъ такъ близокъ его душѣ; гдѣ все теперь пусто и безмолвно, какъ будто изъ дому только-что вынесли покойника, и гдѣ такъ тихо, какъ, вѣроятно, бываетъ въ могилѣ.

Къ Таисѣ?—неожиданно, какъ молнія, мелькнуло въ его сознаніи; но эта мысль показалась ему до того грѣшной, до того подлой, до того невозможной, что тонкая струйка холода прошла у него по спинѣ.

Онъ понялъ, что это была одна изъ тѣхъ мыслей, которыя не могутъ жить въ душѣ, но которыя забираются иногда въ нее какъ гнусные воры, независимо отъ воли человѣка, и, притаившись въ ней, пользуясь ея минутнымъ безсиліемъ, пробираются невѣдомыми, темными путями въ сознаніе и дразнятъ человѣка своимъ уродствомъ и гнусными образами.

Онъ энергично тряхнулъ головой и пошелъ прямо впередъ, безъ сознанія, безъ цѣли, ступая въ лужи, расползшіяся по всему городу.

И эти безсознательные шаги привели его механически домой.

Въ ярко освѣщенномъ подъѣздѣ онъ увидѣлъ маленькую и тонкую фигуру, завернутую въ голубую ротонду.

Дрожь потрясла его съ головы до ногъ.

„Она здѣсь? Она?! Въ эту минуту“?..

И тотчасъ же слуха его коснулся надтреснутый, суховатый голосъ:

— А! вы вернулись?..

Онъ безпомощно оглянулся вокругъ себя. Бѣжать было некуда.

— Я хотѣла предложить вамъ: поѣдемте ужинать? Уже одиннадцать часовъ; пока доѣдемъ, пока закажемъ, будетъ двѣнадцать. И непремѣнно къ „Медвѣдю“—тамъ румыны...

— Таиса...

— Согласны? Отлично. У меня карета. Такъ ѣдемъ.

И онъ поѣхалъ. Куда же ему было дѣваться? Бѣжать? Смѣшно. Да и развѣ убѣжишь отъ нея? Пустить ее къ себѣ? Туда, откуда только-что уѣхала Ирина? Ни за что! Ну, что-жъ, пусть! Тѣмъ хуже! Чѣмъ больнѣе, чѣмъ мучительнѣе ему будетъ—тѣмъ лучше. Одна боль заглушитъ, притупитъ другую. Такъ, громко вырвавшійся крикъ облегчаетъ физическія страданія.

— Ѣдемъ!—громко крикнулъ онъ.

Таиса Николаевна зорко, вкось, взглянула на него, и ехидная, торжествующая улыбка зазмѣилась на ея тонкихъ губахъ.

XIV.

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ Ирина Львовна съ Володей живутъ въ маленькомъ губернскомъ городкѣ, въ большомъ и удобномъ каменномъ домѣ, заново отремонтированномъ, благодаря заботамъ Карелинова.

Южная весна—въ полномъ расцвѣтѣ.

Бѣгутъ ручьи, синѣетъ небо; сады и поля покрываются изумрудной зеленью; все ярче и ярче свѣтитъ солнце, и въ воздухѣ чувствуется ароматное дыханіе новой жизни.

Нервы Ирины, въ этомъ благодѣтельномъ климатѣ, при этой спокойной, уединенной жизни, окрѣпли. Она стала здоровѣе, хотя сердечные припадки еще повторяются, но рѣже и съ меньшею интенсивностью.

Карелиновъ, посѣщающій ее довольно часто, каждый разъ выслушиваетъ ее и все еще хмурится, все недоволенъ.

Довольнѣе всѣхъ Володя.

Онъ плаваетъ какъ рыба въ водѣ и купается въ этомъ воздухѣ какъ беззаботная птица.

Петербургская гимназія, съ ея сѣрыми, мрачными классами, съ ея длинными учебными днями съ искусственнымъ освѣщеніемъ, съ ея придирчивыми и нервными преподавателями, теперь уже далеко.

Ему не надо больше вставать въ семь часовъ утра и изъ теплой постели выходить на скованную морозомъ улицу, погруженную въ тьму, и спѣшить къ темнымъ стѣнамъ гимназическаго зданія.

Ему не надо полдня проводить подъ зеленымъ колпакомъ электрической лампы и учить о томъ, что сорокъ дней и сорокъ ночей лилъ дождь и отъ того образовался потопъ. И въ Петербургѣ сорокъ дней и сорокъ ночей сыплетъ съ неба какая-

то гадость, и реветъ безъ устали вѣтеръ, и оттого образуются наводненія и гремятъ пушки.

Теперь настала весна, а потомъ наступятъ лѣтнія каникулы. Онъ свободенъ. Осенью онъ будетъ переведенъ въ здѣшнюю гимназію, но здѣсь—дѣло другое. И не такъ темно будетъ, и не такъ холодно, хотя, по всей вѣроятности, все-таки придется учить все о томъ же потопѣ или о чемъ-нибудь столь же скучномъ.

Словомъ, Володя счастливъ.

Но нельзя сказать то же объ Иринѣ Львовнѣ.

Она чувствуетъ себя ужасно заброшенной, ужасно одинокой.

Провинція казалась ей тамъ, въ мрачномъ Петербургѣ, въ которомъ она испытала столько горя, обѣтованной землей, залитой солнцемъ.

Эту землю населяютъ добрые, простые, добродушные, сердечные люди; не тѣ хмурые, себѣ на умѣ, эгоистичные петербуржцы, у которыхъ все основано на разсчетѣ, и на выгодѣ, и на табели о рангахъ.

Такое представленіе о провинціи сложилось у нея съ дѣтства, съ того юнаго возраста, когда она ее покинула. Съ тѣхъ поръ это представленіе сжилось съ нею, и она всегда мечтала о провинціи, какъ объ уютномъ и тепломъ оазисѣ, гдѣ можно найти душевный покой и умиротвореніе.

Но она не нашла ни того, ни другого.

Провинція ли измѣнилась за это долгое время, или она сама уже стала не прежней? Почемъ знать? Можетъ быть и то, и другое.

— Ѳу, что̀? Какъ вамъ здѣсь нравится?—спрашивалъ иногда у нея Карелиновъ, убѣжденный и закоренѣлый провинціалъ.— Какой воздухъ! Не то что ваша питерская мозглятина. Да и люди не тѣ. Не петербургскіе нытики и хмурачи-неврастеники, всюду съ собой носящіе въ карманахъ микробы тоски и скуки— заразительнѣйшій изъ микробовъ! Здѣсь люди здоровые, ясные, простые...

Она этого не находила; а микробъ скуки явно носился въ этомъ тепломъ провинціальномъ воздухѣ.

— Какъ вамъ сказать? — отвѣчала она ему. — Привыкаю. Живу звѣремъ, одиноко, въ своей берлогѣ. Никого не знаю, да и меня, повидимому, никто знать не хочетъ...

Нотка обидной горечи зазвучала въ ея послѣднихъ словахъ.

— Вы сами въ этомъ немножко виноваты, милая Ирина Львовна.

— Я? чѣмъ же это?

— Наши провинціалы любятъ этикетъ; они ревниво блюдутъ ритуалъ визитовъ и, кромѣ того, недовѣрчиво относятся къ петербуржцамъ: они считаютъ ихъ заносчивыми и гордыми и ждутъ отъ нихъ перваго поклона.

— Хороша же простота и чистота нравовъ!

— Да, это ужъ ихъ маленькій недочетъ, родъ недуга.

— Но я сдѣлала, напримѣръ, визитъ—и по вашему же совѣту—Житецкимъ. Вы говорили, что это—прелестная семья.

Карелиновъ чуть-чуть сконфузился.

— Я говорилъ про самого Житецкаго. Я ничего не говорилъ про его жену... и дочь, которыя мнѣ не нравятся.

— Ну, и что же? Житецкая приняла меня до странности сухо; дочь даже не вышла, а мужъ ея все время смотрѣлъ на меня и не сказалъ ни слова. Двѣ недѣли спустя, Житецкіе сдѣлали мнѣ отвѣтный визитъ. Ольга Петровна — такъ, кажется, ее зовутъ?—еле цѣдила слова, а ея мужъ, Степанъ Власьевичъ, молчалъ и таращилъ глаза. Выходило такъ, будто они мнѣ оказываютъ чрезвычайную любезность, снисходятъ до меня. Merci, мнѣ этого не надо. И тѣмъ кончилось наше знакомство, чему я очень рада. Мнѣ эти надутые индюки не по душѣ.

— И опять вы сами виноваты,—смущенно проговорилъ Карелиновъ.

— Господи, чѣмъ еще?

— Можно сказать? Вы, конечно, не обидитесь, потому что это такъ глупо...

— Говорите. Въ чемъ же дѣло? Я рѣшительно не понимаю.

— Вамъ это трудно понять. Это—моя вина. Я забылъ васъ предупредить, что не слѣдовало тотчасъ же заявлять имъ о томъ, что вы разошлись съ мужемъ.

Ирина Львовна вспыхнула.

— Ахъ, это!..

— Да. У насъ еще нравы патріархальные. Еще не было случая развода въ городѣ. Всѣ живутъ съ своими женами и мужьями.

— Какая Аркадія!

— О, нѣтъ, далеко не Аркадія. Тѣ же грѣхи, тѣ же сплетни, тѣ же неурядицы, что и вездѣ. Но о нихъ не принято говорить. И только это, своего рода, обычное право... А васъ Житецкая спрашиваетъ: „Какъ здоровье вашего супруга. Отчего онъ не пріѣхалъ вмѣстѣ съ вами?"...

— Безтактные вопросы. Она могла это узнать и не отъ меня, чтобы избавить себя и меня отъ неловкаго положенія.

— Согласенъ, но это столичныя тонкости... А вы ей такъ-таки прямо и отвѣтили: „Право не знаю, я разошлась съ мужемъ“. Ну, послѣ этого запрещенъ былъ выходъ дочки, и вся картина перемѣнилась.

— Такъ вотъ что...— вся красная отъ волненія, сказала Ирина Львовна.

— Это глупо и смѣшно, но что же дѣлать!.. Это, къ тому же, мелочи, не мѣшающія людямъ, въ душѣ, быть весьма порядочными.

Ирина Львовна продолжала жить замкнуто и одиноко.

Въ домѣ ея стояла удручающая тишина, какъ и въ самомъ городѣ.

Улицы были пустынны и наполнялись только по вечерамъ, въ извѣстные часы, когда всѣ обыватели направлялись въ городской садъ, гдѣ игралъ хоръ полковой музыки.

Жалкіе, въ сравненіи съ петербургскими, магазины были пусты, какъ и улицы. А по воскресеньямъ городъ принималъ совершенно вымершій видъ.

Изъ увеселеній былъ одинъ только городской театръ, который бездѣйствовалъ по случаю весны, да прогулки въ городскомъ саду; все это было жалко обставлено; улицы плохо содержались, плохо освѣщались; велосипедисты ѣздили по тротуарамъ, гдѣ таковые были, потому что по мостовой, гдѣ таковая была, ѣздить не представлялось рѣшительно никакой возможности.

Домики стояли жалкіе, маленькіе, двухъ- и, самое большее, трехъ-этажные, какіе-то приниженные, словно пристыженные.

Городъ рано тушилъ свои огни, и обыватели рано ложились спать. Кто не шелъ въ садъ или клубъ, тому предоставлялось умирать отъ скуки или забываться до утра продолжительнымъ сномъ.

Всѣ были заняты чужими дѣлами, и казалось, интереснѣе этихъ дѣлъ ни для кого ничего не было.

А Иринѣ Львовнѣ, у которой не было даже и этого рессурса, потому что было мало знакомыхъ, приходилось очень жутко.

Скука провинціальнаго существованія охватила ее сразу своими цѣпкими когтями.

Теперь, послѣ объясненія Карелинова, она поняла, почему общество ее какъ-то чуждается, и почему, въ особенности дамы, ея избѣгаютъ.

И мысль бѣжать изъ Петербурга, чтобы найти здѣсь, въ тихомъ провинціальномъ уголкѣ, миръ и спокойствіе, показалась ей смѣшной и странной.

XV.

Карелиновъ часто посѣщалъ Ирину Львовну въ ея провинціальномъ уединеніи.

Она жила словно отрѣзанная отъ всего міра и отъ всѣхъ его интересовъ. Гдѣ-то, ужасно далеко, остался Петербургъ съ его промозглыми, темными днями, съ его безконечными бѣлыми ночами, похожими на выздоравливающихъ послѣ тяжкихъ болѣзней людей, со всѣмъ, что было въ немъ гнуснаго и сквернаго, и со всѣмъ, что было въ немъ хорошаго.

И то, что было въ немъ хорошаго, почему-то чаще приходило Иринѣ на умъ, чѣмъ то, что было въ немъ сквернаго.

Она жила воспоминаніями, и ничто не вноситъ въ возмущенную душу такого успокоенія, такого мира, какъ воспоминанія.

Воспоминанія—это мастерскія картины, написанныя кистью величайшаго художника—воображенія. Оно пишетъ по памяти, а не съ натуры; оно идеализируетъ то, что пишетъ. Мелочи исчезаютъ, недостатки сглаживаются, тѣни становятся прозрачнѣе и мягче, колоритъ свѣта интенсивнѣе и ярче. Все кажется милѣе изъ милаго далека...

Ирина Львовна чувствовала себя какъ Робинзонъ на пустынномъ островѣ; сначала это нравилось ей, потому что вносило какую-то странную тишину въ ея существованіе.

Все кончилось сразу, точно оборвалась какая-то нить, и недавнее прошлое казалось далекимъ сномъ, окруженнымъ голубоватой дымкой прошлаго, фіолетовымъ флёромъ воспоминаній.

Около нея одинъ только Карелиновъ, не коснувшійся отчужденія отъ нея провинціальнаго общества и продолжавшій свои отношенія къ ней, на зло всевозможнымъ пересудамъ и сплетнямъ.

Онъ относился къ ней ласково и нѣжно, какъ къ больному ребенку, требующему особенно заботливаго ухода.

Она чувствовала къ нему благодарность, потому что понимала, видѣла ту дозу самоотверженія, которую онъ вкладывалъ въ свои отношенія къ ней, рискуя своимъ положеніемъ практикующаго и популярнаго въ небольшомъ городкѣ врача.

Но она не понимала его, какъ ни присматривалась къ нему.

Онъ былъ человѣкъ несомнѣнно развитой, образованный; но изъ тѣхъ подробныхъ разсказовъ, которыми онъ развлекалъ ея одинокій досугъ, въ ея сознаніи невольно, но съ отчетливою ясностью складывался его нравственный обликъ; и въ одинъ прекрасный день она вдругъ, неожиданно для самой себя, вынесла совершенно точное опредѣленіе.

Карелиновъ — человѣкъ хорошій, мягкій, сердечный, но... чрезвычайно узкій. Съузила его провинціальная жизнь. И опять, какъ всегда и во всемъ, не онъ сталъ выше этой затхлой, провинціальной жизни, а жизнь эта принизила его, опустила его до себя.

И въ своей медицинской практикѣ онъ былъ рутинеромъ, приспособившимся ко взглядамъ и требованіямъ этой глухой жизни. Есть люди, которые не умѣютъ писать иначе какъ по транспаранту. Иначе они начнутъ въ одномъ углу бумаги, а кончатъ—въ другомъ. Карелиновъ не умѣлъ лечить иначе какъ по транспаранту. Онъ придерживался трафарета, традиціи, теоріи. Онъ не умѣлъ или боялся сообразить теорію съ жизнью, сдѣлать тѣ или другія уступки, измѣнить мелочи, догадаться о напрашивавшемся выходѣ изъ затруднительнаго положенія.

У него не было воображенія, находчивости, фантазіи. Не онъ управлялъ болѣзнью, а напротивъ, медленно, осторожно шелъ „по болѣзни“, рабски слѣдуя книжнымъ предписаніямъ и теоретическимъ премудростямъ. Никогда ни малѣйшаго отступленія отъ правилъ... Леченіе его было скучнымъ, надоѣдливымъ и для него, и для паціента.

Такимъ онъ былъ и внѣ своей медицинской практики, въ практикѣ жизни.

Онъ сталъ такимъ скучнымъ, такимъ рутиннымъ провинціаломъ; онъ уже не говорилъ больше поэтическихъ рѣчей о женскихъ слезахъ, и когда Ирина Львовна поняла его, онъ тотчасъ же пересталъ интересовать ее и наводилъ тоску на нее своими продолжительными посѣщеніями.

А посѣщенія его становились все чаще и продолжительнѣе. И въ тѣ долгіе часы, когда онъ разсказывалъ ей о неинтересныхъ для нея дѣлахъ невѣдомыхъ ей городскихъ обывателей, она переставала слушать его и уносилась мыслями къ Петербургу, къ своему когда-то дому, къ... мужу.

Никакихъ извѣстій не доходило до нея оттуда.

Какъ будто Петербургъ очутился вдругъ на другой планетѣ.

Что̀ дѣлаетъ теперь Владиміръ Викторовичъ? Какъ живетъ? Продолжается ли его романъ? Онъ ни разу не написалъ ей, да

и, конечно, теперь не напишетъ. Да и что онъ ей теперь? Не такой же ли чужой человѣкъ, какъ, напримѣръ, этотъ Степанъ Власьевичъ?

И что-то въ глубинѣ души ея болѣзненно отвѣчало:

— Нѣтъ, не такой.

Но Екатерина Васильевна?

Она тоже долго ничего не писала. Наконецъ, пришло письмо, что она заболѣла, что она прикована къ креслу, что она врядъ ли будетъ въ состояніи этимъ лѣтомъ двинуться въ путь.

У нея случился легкій ударъ лѣвой половины, и ее лечатъ электричествомъ и массажемъ; нога уже стала вновь дѣйствовать, но рука еще не поддается. Она не можетъ уѣхать, не кончивъ леченія, а леченіе будетъ весьма продолжительнымъ. И она не нашла бы того ухода за собой въ провинціи, который имѣетъ здѣсь „за деньги". Потомъ она писала еще нѣсколько разъ, подробно излагая ходъ своей болѣзни. Половина письма состояла, обыкновенно, изъ этихъ клиническихъ лекцій, къ которымъ пріобрѣтаютъ особенную склонность долго болѣющіе люди, а другая половина—изъ диѳирамбовъ Мишѣ Карелинову. И эти диѳирамбы были очень подозрительны Иринѣ Львовнѣ; какъ будто старуха, несмотря на свой обычный припѣвъ, что она не любитъ вмѣшиваться въ чужія дѣла, нарочито наталкивала ея помыслы на этого Мишу, который, изъ-за своей къ ней почтительности, сталъ въ ея глазахъ образцомъ добродѣтели и совершенства.

„Ахъ, — думала Ирина Львовна, — если добродѣтель и совершенства всегда олицетворяются такими скучными героями, какъ Миша, то пусть лучше царитъ на свѣтѣ порокъ и неустройство. Все-таки жизнь будетъ разнообразнѣе и веселѣе".

Но о Владимірѣ Викторовичѣ старуха ни разу не обмолвилась ни словомъ, ни намекомъ, какъ будто его никогда не существовало на этомъ свѣтѣ.

И Ирина Львовна не знала, что творится въ ея душѣ: простое женское любопытство или что-нибудь бо̀льшее?

Володя, напротивъ, очень привязался къ Карелинову и не иначе называлъ его, какъ „дядя Миша".

И Карелиновъ привязался къ мальчику. Это, все-таки, въ глазахъ Ирины Львовны, говорило въ его пользу. Любовь къ дѣтямъ, и притомъ не къ своимъ, а чужимъ, она считала очень рѣдкимъ явленіемъ среди мужчинъ, свидѣтельствовавшимъ о прекрасной душѣ такого человѣка.

Но что изъ этого? Тайны сердца еще не разгаданы ни ве-

личайшими психологами, ни величайшими поэтами. Карелиновъ былъ прекрасной души человѣкомъ, несомнѣнно любившимъ Володю и... ее; но она его рѣшительно не любила той любовью, которая дала бы ей возможность, хотя бы разъ, серьезно подумать о немъ, какъ о своемъ будущемъ мужѣ.

Карелиновъ много занимался съ Володей; носилъ ему игрушки, бралъ съ собой гулять, возился и игралъ съ нимъ, читалъ книжки и терпѣливо выслушивалъ безконечную болтовню мальчика, который былъ тамъ, въ Петербургѣ, такимъ тихонькимъ и даже чуть-чуть сумрачнымъ ребенкомъ.

Однажды Карелиновъ пришелъ къ Иринѣ Львовнѣ видимо разстроеннымъ; онъ, всегда такой ясный, увѣренный въ себѣ, казался теперь озабоченнымъ, встревоженнымъ.

И это какъ-то не шло къ его мужественной фигурѣ.

— Что съ вами, Михаилъ Ниловичъ?—спросила его Ирина.

— А что?—съ удивленіемъ отвѣтилъ онъ.—Развѣ что-нибудь замѣтно?

Она улыбнулась.

— Замѣтно, что вы не въ духѣ, и это съ вами не часто бываетъ. Вы, повидимому, такъ довольны жизнью и людьми...

Онъ внимательно посмотрѣлъ на нее.

Въ ея словахъ онъ угадывалъ скрытую насмѣшку.

— Жизнью—да, людьми—не всегда, а...

— А собою?

— А собою очень рѣдко. И я не не въ духѣ, а чуть-чуть разстроенъ.

— Чѣмъ? Это—не секретъ?

— Отъ васъ?—торжественно произнесъ онъ.—Отъ васъ у меня нѣтъ и не можетъ быть секретовъ.

— За первое—благодарю; а второго—не понимаю. Почему не можетъ быть секретовъ?

— Вы, дѣйствительно, не понимаете?—сказалъ онъ съ удареніемъ.

— Нѣтъ...—поспѣшила она отвѣтить.

— А пора бы,—неожиданно заявилъ онъ.—Да, я разстроенъ. Разстроенъ тѣмъ, что люди злы и часто вмѣшиваются въ дѣла, которыя ихъ нимало не касаются. Мнѣ обидно за людей. Всѣ могли бы быть такими хорошими, жить въ свое удовольствіе и не мѣшать жить другимъ. Положимъ, это походило бы на эгоизмъ, но, я думаю, лучше эгоизмъ, чѣмъ это ложное участіе къ судьбѣ ближняго, ложное и, конечно, лицемѣрное...

— Это—философія и, притомъ, не новая,—остановила его

Ирина Львовна;—но это не объясняетъ, что именно васъ привело въ такое философское настроеніе...

— Вы все подсмѣиваетесь, а между тѣмъ...

— Впрочемъ, не говорите. Я догадалась.

— Да что вы?—съ удивленіемъ спросилъ онъ, и, въ свою очередь, она удивилась его удивленію такой простой вещи.

— Да неужели же это непонятно! Ваши знакомые поставили вамъ на видъ, что вы очень часто у меня бываете. И, быть можетъ, еще, что вы подолгу у меня сидите. Такъ какъ у васъ есть извѣстное положеніе въ городѣ и такъ какъ... — она подчеркнула голосомъ дальнѣйшія слова,—вы весьма дорожите общественнымъ мнѣніемъ, то это васъ разстроило. И даже, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ вы хотите это показать.

Онъ даже всталъ со стула и нервно прошелся по комнатѣ.

— Вы удивительная женщина...—сказалъ онъ.

— Чѣмъ?

— Да какъ же, угадать съ полусловъ...

— Ну,—пренебрежительно сказала она,—тутъ не требуется ни мудрости, ни проницательности. Это ясно какъ день. Требуется лишь самая микроскопическая наблюдательность.

— Но позвольте нѣсколько поправокъ... Вы говорите: у меня есть извѣстное общественное положеніе и что я дорожу общественнымъ мнѣніемъ. Вы знаете, дорогая Ирина Львовна, я человѣкъ простой и прямой... Я думаю, что каждый долженъ дорожить общественнымъ мнѣніемъ, но не это меня разстроило. Что мнѣ? Я—мужчина. Если я разстроился, то изъ-за васъ. Я не хочу, чтобы кто-нибудь осмѣлился бросить въ васъ...

— Изъ-за меня?! — весело вскрикнула она, потому что ее приводило въ веселое настроеніе его смущеніе. — Вотъ ужъ не стоило труда, право. Представьте себѣ, что я совершенно не интересуюсь общественнымъ мнѣніемъ и... даже смѣюсь надъ нимъ.

Онъ сдѣлалъ серьезное лицо.

— Напрасно, — испуганнымъ голосомъ сказалъ онъ. — Съ нимъ приходится считаться, въ особенности въ такомъ глухомъ углу.

— Мнѣ нечего съ нимъ считаться, — твердо проговорила она. — Ни мнѣ, ни всякому другому. Я считаюсь съ своею совѣстью. Я не сдѣлала ничего предосудительнаго; я ничего не теряю, ничего не выигрываю отъ того, какъ будетъ на меня смотрѣть ваше общество. Наконецъ, я имъ совершенно не интересуюсь, повторяю вамъ. Но если оно интересуется мною—я не

могу ему въ этомъ помѣшать. Я не убила и не украла, я ничего не сдѣлала такого, чтобы оскорбить это милое общество. Я разошлась съ мужемъ—это мое дѣло, а не его. Я ни за кѣмъ не признаю права судить меня...

Она это сказала горячо, сильно, и въ концѣ ея рѣчи явно почувствовалось раздраженіе.

— Дорогая Ирина Львовна,—началъ торжественнымъ голосомъ Карелиновъ, печально и покорно выслушавъ ее,—вы знаете, какъ я дорожу вами и вашимъ спокойствіемъ. Мнѣ непріятны эти косые взгляды, эти полунамеки, эти усмѣшечки. Вѣдь можно же было бы все это прекратить и прекратить разомъ.

Она взглянула на него съ удивленіемъ.

— Какимъ образомъ?

— Мы съ вами не чужіе,—робко проговорилъ онъ. — Мы съ вами вмѣстѣ росли, вмѣстѣ играли. Мы знаемъ близко другъ друга. Я подолгу гостилъ въ вашей усадьбѣ; ваша тетушка всегда любила меня. Потомъ мы какъ-то странно разошлись другъ съ другомъ, словно потеряли одинъ другого изъ виду...

Ее раздражало это длинное предисловіе.

— Хорошо, хорошо,—нетерпѣливо сказала она,—я все это знаю, какъ и вы. Въ чемъ дѣло?

— Вы теперь свободны, — продолжалъ онъ, нѣсколько сбитый съ толку. — Вы разошлись съ мужемъ и, конечно, безповоротно. Вы достаточно натерпѣлись отъ мужа... Помните, дорогая Ирина... Львовна, вашу усадьбу, вашъ домъ, тихіе вечера, которые мы проводили вдвоемъ? Какъ я любилъ васъ тогда, такую ласковую, тихую, загадочную дѣвочку! И вы всегда такъ мило относились ко мнѣ... Помните березовый мостикъ и наше первое объясненіе въ любви?

— Да,—задумчиво сказала она, тронутая этими юношескими воспоминаніями.—Я все это помню. Хорошее время было! Спокойное, радостное... Впереди была вся жизнь, едва начинавшаяся... Вы были гимназистомъ седьмого или восьмого класса, не помню, уже настоящій юноша, я—подросткомъ. И между нами былъ романъ. Смѣшной романъ подъ бдительнымъ наблюденіемъ тети Кати. Она, кажется, серьезно думала выдать меня впослѣдствіи за васъ замужъ. Кажется, это и побудило ее перевезти меня въ Петербургъ и докончить тамъ мое образованіе, когда вы пошли въ академію...

— Но изъ этого ничего не вышло,—со вздохомъ прервалъ онъ ее.

— Увы!—улыбнулась она. — Дѣтскій романъ оборвался на

первой главѣ. Вы были такимъ славнымъ юношей, такимъ серьезнымъ студентомъ, съ такими ясными, какъ будто уже установившимися взглядами на жизнь; я же изъ загадочной дѣвочки, какъ вы меня только-что назвали, съ моими смутными и неопредѣленными стремленіями въ какую-то даль, превратилась въ легкомысленную барышню...

— И легкомысленно вышли замужъ за...

Она удивилась этой безтактности, этому отсутствію тонкости, которыя позволили ему коснуться ея сердечной раны. Она мелькомъ взглянула на него и вздохнула.

— Вы быстро мѣнялись. Время шло ужасными шагами. Вы уже были врачомъ и вы быстро перерождались. Судьба закинула васъ въ родную провинцію. Я видѣла васъ рѣдко, въ ваши наѣзды въ Петербургъ. Вы стали солиднымъ врачомъ. Ваши взгляды на жизнь перемѣнились. Вы теперь дорожите общественнымъ мнѣніемъ, а я, несмотря на все, что пережила, осталась все-таки легкомысленной и дерзкой въ вашихъ глазахъ женщиной, потому что смѣюсь надъ мнѣніемъ вашихъ губернскихъ дамъ. Я васъ очень люблю, Михаилъ Нилычъ, но мы съ вами далеко разошлись и стали очень чужими другъ другу...

Она замолчала.

Инстинктивно догадалась она своимъ женскимъ чутьемъ, къ чему онъ направлялъ этотъ разговоръ, и поспѣшила предупредить его.

Онъ растерялся на минуту..

— Чужими?—переспросилъ онъ.—Вы думаете?

— Да, я въ этомъ почти увѣрена.

Начавъ разговоръ, онъ хотѣлъ придти къ положительному, ясно формулированному предложенію.

Но теперь онъ остановился въ нерѣшительности. Однако, такъ какъ онъ давно уже выработалъ въ себѣ манеру твердо идти до конца въ разъ начатомъ дѣлѣ, онъ все-таки рѣшилъ подойти къ вопросу въ условной формѣ.

— Такъ что вы думаете,—сказалъ онъ, глядя ей въ глаза, —что не могли бы... ну, выйти за меня замужъ?

Она смѣшалась.

Онъ пересѣлъ къ ней ближе, взялъ ея руку въ свою. Выжидательно глядѣлъ на нее своимъ пристальнымъ взоромъ.

Ей сдѣлалось не по себѣ. Тщетно искала она въ себѣ какого-нибудь чувства къ нему, болѣе яркаго, болѣе сильнаго, чѣмъ обыкновенное чувство дружбы. Его покорный „разсудочный" видъ, напротивъ, раздражалъ ее, и она, стараясь подавить это

раздраженіе, искала какой-нибудь подходящей мягкой, не очень обидной для него, формы отказа.

— Я думаю, что нѣтъ, — сказала она тихо, высвобождая свою руку,—по крайней мѣрѣ теперь,—прибавила она.

Онъ опять обнаружилъ грубую безтактность:

— Потому что?..—спросилъ онъ ее и, не давъ ей времени отвѣтить, сказалъ:—потому что вы любите мужа?

Она опять удивилась этому отсутствію деликатности и разсердилась.

— Вы легко могли бы обойтись безъ этого вопроса,—отвѣтила она, еще больше отодвигаясь отъ него.—Но разъ вы его поставили, я вамъ отвѣчу: нѣтъ, не потому.

— Такъ почему же?—вскрикнулъ онъ.

— Потому,—твердо отвѣтила она,—что я смотрю на бракъ вовсе не съ точки зрѣнія средства для прекращенія неудобныхъ слуховъ. Они мнѣ не мѣшаютъ. Если они стѣсняютъ васъ, существуетъ менѣе героическое средство для ихъ прекращенія.

— Какое?

— Рѣже посѣщать меня или даже вовсе прекратить посѣщенія.

Онъ не ожидалъ этого.

— Вы мнѣ отказываете отъ дому? — спросилъ онъ упавшимъ голосомъ.

Ей не хотѣлось его такъ жестоко обидѣть, и она уже раскаялась въ своихъ рѣзкихъ словахъ.

— О, нѣтъ, простите меня...—проговорила она. — Я вовсе не хотѣла васъ обидѣть. Я вѣрю, что вы привязаны ко мнѣ, и вы такъ много для меня сдѣлали...

У Карелинова вырвался протестующій жестъ.

— Да, очень много, — подтвердила она. — Но если васъ, дѣйствительно, стѣсняютъ всякіе нелѣпые слухи и сплетни, если съ ними, дѣйствительно, приходится здѣсь считаться, если нельзя спокойно жить и работать, то я обязана принести эту жертву и освободить васъ отъ обязанностей стараго друга...

Онъ хотѣлъ ей возразить, но въ это время въ комнату шумно ворвался Володя.

— Дядя Миша,—закричалъ онъ, — какого я жука нашелъ! Рогатаго!

Карелиновъ быстро всталъ со стула.

— Здравствуй, милый! — сказалъ онъ и вздохнулъ такъ, словно освободился отъ страшной тяжести.—Гдѣ же твой рогатый жукъ, показывай!

— Онъ въ саду. Я накрылъ его шапкой. Я боюсь взять его руками. Пойдемъ со мной, дядя Миша!

— Сейчасъ, милый. Бѣги, смотри, чтобы онъ не удралъ. Мнѣ надо два слова сказать твоей мамашѣ. Я сейчасъ же приду за тобою.

Мальчикъ поспѣшно выбѣжалъ изъ комнаты, не обративъ никакого вниманія на мать.

Ирина Львовна почувствовала обиду въ своемъ материнскомъ сердцѣ и ревность. Карелиновъ сталъ ей вдругъ несимпатиченъ.

Но онъ опять подошелъ къ ней.

— Ирина Львовна,—сказалъ онъ,—подумайте о моихъ словахъ, не торопитесь отвѣчать мнѣ такъ, какъ вы сейчасъ отвѣтили. Мнѣ кажется, что элементы счастья въ этомъ бракѣ всѣ на лицо. Вы знаете, какъ я люблю васъ, какъ я привязанъ къ вамъ. Вы знаете, какъ я люблю вашего сына. И вы видите, какъ Володя привязанъ къ „дядѣ Мишѣ“.

Недоброе чувство шелохнулось въ душѣ Ирины Львовны.

„Это такъ на него похоже,—подумала она про Карелинова:—онъ забылъ одинъ элементъ, безъ котораго тѣ два ничего не стоятъ,—это то, что я не люблю его, какъ надо, чтобы выйти за него замужъ“.

И съ прежней жаждой жестокости, она отвѣтила ему:

— Да, онъ очень, повидимому любитъ „дядю Мишу“. Но увѣряю васъ, что я не для того рѣшилась лишить его *отца*, чтобы дать ему „*дядю*“.

Карелиновъ, ничего не возразивъ, вышелъ изъ комнаты, съ уязвленнымъ сердцемъ.

XVI.

Весна наступала быстро, дружно, съ какимъ-то боевымъ натискомъ, словно рѣшившись въ полной мѣрѣ воспользоваться имѣющимся въ ея распоряженіи короткимъ періодомъ, въ концѣ котораго она обязана будетъ уступить свое мѣсто лѣту.

И чѣмъ ярче становились дни, чѣмъ горячѣе свѣтило солнце, чѣмъ болѣе благоухали цвѣты въ саду Ирины Львовны, тѣмъ мрачнѣе, холоднѣе, унылѣе становилось на ея душѣ.

И въ который уже разъ, точно миражъ въ окружавшей ее пустынѣ, вдругъ возникала въ воображеніи ея петербургская квартира со всей ея обстановкой, со всѣми ея мелочными деталями, до рисунка цвѣтовъ на обояхъ.

Среди этой родной обстановки она видѣла Владиміра Вик-

торовича, блѣднымъ, разстроеннымъ, „декомпенсированнымъ", по любимому выраженію Карелинова о людяхъ, у которыхъ жизнь не сложилась какъ слѣдуетъ.

Думаетъ ли о ней Владиміръ? Скучаетъ ли о ней? Радуется ли онъ пріобрѣтенной, наконецъ, свободѣ? Онъ словно исчезъ съ лица земли, потому что ни разу не написалъ ей. И тетка все еще ничего не пишетъ. Что съ нимъ? Не уѣхалъ ли онъ? Что Екатерина Васильевна хранитъ о немъ глубокое молчаніе—это такъ на нее похоже; но что онъ не подаетъ признаковъ жизни—это не похоже на него.

Думаетъ ли онъ о ней и о сынѣ, хотя изрѣдка? Вотъ теперь, напримѣръ, что онъ можетъ дѣлать? Въ Петербургѣ—бѣлыя ночи, тѣ тревожныя ночи, которыя ее такъ разстроивали; не катается ли онъ на Островахъ съ этой Таисой?

И цѣлый рядъ такихъ вопросовъ приходилъ ей на умъ.

„Ахъ, да какое мнѣ до всего этого дѣло!—мысленно восклицала она.—Вѣдь все, все кончено, и кончено навсегда"...

Но мысли упорно возвращались къ ней, какъ она ихъ ни гнала отъ себя, и какая-то обида, горечь, жалоба, стономъ раздавались въ ея душѣ.

И однажды, вдругъ, ее посѣтила странная въ ея положеніи мысль:

И тетя Катя, и Карелиновъ, все спрашивали ее, любитъ ли она еще мужа? Ахъ, да почемъ же она знаетъ, наконецъ? Уѣзжая, она не любила его; живя здѣсь вотъ уже около мѣсяца, она не любитъ его. Но тогда зачѣмъ же эти воспоминанія, къ чему эти безконечныя думы о немъ?..

Въ послѣднемъ письмѣ Екатерины Васильевны она нашла-таки упоминаніе о Владимірѣ, но въ формѣ, такъ свойственной стилю тети: „о твоемъ бывшемъ подлецѣ не имѣю никакихъ свѣдѣній. Если пріѣду къ тебѣ, то не раньше осени".

Ирина Львовна пожала плечами и отложила письмо въ сторону.

Карелиновъ давно не былъ. Должно быть, обидѣлся. Не все ли ей равно? Она и теперь готова любить его, какъ друга дѣтства, какъ товарища ея юности, какъ хорошаго человѣка, потому что это званіе какъ-то дружно закрѣплено за нимъ всѣми.

Но, вправду, хорошій ли онъ человѣкъ—она не знаетъ. И какъ бы онъ ни былъ хорошъ, во всякомъ случаѣ она не выйдетъ за него замужъ, потому что не любитъ его такой любовью, ради которой выходятъ замужъ. Да вѣдь она и не разведена съ мужемъ, чтобы думать объ этомъ.

Но, наконецъ, пришелъ къ ней, послѣ долгаго отсутствія, Карелиновъ, и не одинъ, а съ Ермолинымъ.

Карелиновъ былъ сдержанъ, даже какъ будто холоденъ и въ глазахъ его стояло выраженіе грусти.

— Простите меня, Ирина Львовна, — сказалъ онъ,—что я взялъ на себя смѣлость представить вамъ Ефима Ивановича Ермолина, помѣщика нашей губерніи, жителя нашего города.

Ермолинъ поклонился и, по приглашенію смутившейся Ирины Львовны, сѣлъ.

Она никакъ не ожидала этого визита; у нея рѣшительно никто не бывалъ. Но Карелиновъ продолжалъ:

— Ефимъ Ивановичъ только-что былъ въ Петербургѣ и, оказывается, хорошо знакомъ съ вашей тетей. Онъ привезъ отъ нея вамъ поклонъ и извѣстіе, что она плохо поправляется, и врядъ ли пріѣдетъ сюда раньше осени.

— Я это знаю, — сказала Ирина: — я только-что получила отъ нея письмо.

— Простите, что я безъ вашего предварительнаго согласія явился въ вашъ домъ, Ирина Львовна, — просто сказалъ Ермолинъ.

— Я очень рада. Я почти не вижу людей.

— И я тоже.

— Какъ? Развѣ вы живете постоянно въ деревнѣ? Впрочемъ, и въ деревнѣ есть люди, есть сосѣди.

— Я живу въ городѣ; здѣсь же, гдѣ и вы, — развѣ здѣсь люди?

Карелиновъ усмѣхнулся.

— Ну,—сказалъ онъ,—теперь Ефимъ Ивановичъ сядетъ на своего конька.

— Конечно сяду,—проговорилъ Ермолинъ,—а вамъ, молодой человѣкъ, скажу тоже, что и всѣмъ. У насъ не люди, а манекены, къ которымъ, какъ въ музеѣ, приклеены ярлычки: чиновникъ, городской дѣятель, членъ банка, жена предсѣдателя какой-нибудь коммиссіи, дочь городского судьи и прочее. Это не люди, а фикціи. Въ нихъ нѣтъ жизни, это—истуканы. И вотъ мнѣ захотѣлось посмотрѣть на живого человѣка, и я явился къ вамъ.

Ирина Львовна засмѣялась.

— И неудачно выбрали. Я человѣкъ полумертвый, или, во всякомъ случаѣ, заживо погребенный.

— Не думаю,—серьезно отвѣтилъ Ермолинъ, взглянувъ на нее изъ-подъ очковъ.

Онъ говорилъ спокойно, убѣжденно, какъ будто не въ первый разъ видѣлъ ее, а зналъ много, много лѣтъ. И она чувствовала себя съ нимъ такъ же. Есть такіе люди, съ которыми сразу сходишься, невѣдомо почему.

— Не думаю,—повторилъ онъ.—Вы у насъ недавно. Вы не успѣли погрузиться въ тину этого существованія. И...—онъ нѣсколько замялся,—и вы перенесли грозную бурю жизни. Человѣкъ, испытавшій бурю жизни и выплывшій на поверхность,—не мертвый человѣкъ, никогда не можетъ быть мертвымъ, а только обезсиленнымъ временно. Счастливый вы человѣкъ!

Ирина Львовна не смутилась этимъ неожиданнымъ вторженіемъ чужого человѣка въ ея частную, интимную жизнь. Онъ такъ это сказалъ, что обидѣться на него не было никакой возможности. Столько искренности и простоты было въ словахъ этого человѣка.

Она только удивилась его заключенію.

— Почему—счастливая?—спросила она.

— Да потому, что счастливъ именно тотъ, кто думаетъ, что онъ несчастливъ. И счастливъ тотъ, кто перенесъ какую-нибудь житейскую бурю. У него, значитъ, былъ интересный моментъ въ жизни.

— А у васъ?

— У меня его не было. Я живу какъ растеніе, которое кто-то посадилъ въ землю и бережно ухаживалъ за нимъ.

— Ефимъ Ивановичъ—самый богатый помѣщикъ нашего уѣзда,—съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ гордости заявилъ Карелиновъ, совершенно некстати.

Ермолинъ искоса взглянулъ на него и довольно презрительно усмѣхнулся.

— Истинно вѣрно,—сказалъ онъ,—и вы, кажется, въ восторгѣ отъ этого, не знаю почему...

— Въ восторгѣ—нѣтъ. Не имѣю причинъ восторгаться; но удивляюсь, что такой человѣкъ можетъ жаловаться на судьбу.

— Я? Жаловаться на судьбу? Когда же вы это слышали, молодой врачъ? Я никогда, ни на кого и ни на что не жалуюсь. Я богатъ, независимъ и здоровъ. И все это я не самъ себѣ устроилъ, а получилъ по наслѣдству. Живу изо дня въ день, безъ всякаго дѣла, безъ всякихъ заботъ и умираю отъ скуки и безцѣльности существованія. Но не жалуюсь, а „констатирую фактъ", какъ говоритъ нашъ урядникъ.

— Отчего же вы ничего не дѣлаете?—спросила его Ирина Львовна.

— А что можно у насъ дѣлать? Пробовалъ и закаялся. У насъ вѣдь такъ всегда: если ты помѣщикъ, то тебѣ рекомендуется заниматься благоустройствомъ своего имѣнія. А это мнѣ претитъ. Да и управляющій у меня образцовый,—что-жъ мы будемъ вдвоемъ дѣлать одно дѣло? А то говорятъ: заводи школы и больницы. Завелъ. А дальше что? Кромѣ непріятностей самаго неинтереснаго, мелочного свойства — ничего. Да и что такое школа? Школа есть школа и учить въ ней такъ, какъ я бы, положимъ, хотѣлъ, нельзя. По утвержденнымъ образцамъ—можно. Ну, значитъ, мое дѣло платить учителю жалованье, а остальное предоставить отцу діакону, господину исправнику, вообще недолюбливающему ученіе, урядпику, земскому члену, ну и всѣмъ прочимъ властямъ, которыя я, обыкновенно, путаю. Ну и плачу, и предоставляю.

— Вы нашъ губернскій Шопенгауэръ,—сказалъ Карелиновъ, но для Ирины Львовны въ словахъ Ермолина чувствовалась горечь.

— Пессимистъ, вы хотите сказать? Пожалуй. Понимаете ли,— вдругъ оживился онъ и заговорилъ горячо.—У каждаго человѣка есть индивидуальность и каждый человѣкъ на Западѣ имѣетъ возможность и право приложить свою индивидуальность къ жизни и къ дѣлу. Вотъ, я чувствую въ себѣ силы организовывать партіи, вести избирательную кампанію, произносить рѣчи, а мнѣ говорятъ—занимайся хозяйствомъ!.. А тѣмъ, чѣмъ я хочу заниматься—нельзя. Ну, накапливается избытокъ силъ, котораго дѣвать некуда и который когда-нибудь сокрушитъ меня. Я все жду, когда надо мной стрясется горе, а его все нѣтъ и нѣтъ...

Въ это время вошла въ гостиную горничная.

— Михаилъ Ниловичъ,—сказала она Карелинову,—отъ васъ пришли съ запиской.

— Что такое?—встревожился Карелиновъ и нервно разорвалъ конвертъ.—Опять!—сказалъ онъ недовольнымъ голосомъ.— Хорошо, передайте дѣвушкѣ, что сейчасъ ѣду.

— Къ больному?—спросила Ирина Львовна.

— Э! къ какому тамъ больному!—мрачно отвѣтилъ онъ и, обращаясь къ Ермолину, прибавилъ: — опять что-то такое съ Вѣрой Степановной.

— Ну, это, дѣйствительно, malade imaginaire, эта дѣвица,— усмѣхнулся Ермолинъ.

Карелиновъ, очевидно, не желая давать ему распространяться, торопливо распрощался и вышелъ.

Ермолинъ засмѣялся и пояснилъ:

— Эта Вѣра Степановна—дочь Житецкихъ.

— Она больна?—безучастно спросила Ирина Львовна.

— Какое! Худосочная, малокровная барышня—и только. Ничего у нея не болитъ. Такъ, киснетъ. А только нашего милѣйшаго Карелинова ловятъ на удочку.

— Какъ?

— Да такъ вотъ и ловятъ. Женихъ вѣдь ныньче—что выродившаяся порода допотопнаго звѣря. Житецкая хочетъ его женить на дочкѣ.

— А!..—сказала Ирина Львовна, и тутъ только поняла то злобное отношеніе Житецкихъ къ ней, котораго она не могла объяснить себѣ.

— Извините,—началъ Ермолинъ,—что я такъ непрошенымъ ворвался къ вамъ и позволилъ себѣ коснуться вашей неудачной брачной жизни. Дѣло въ томъ, что я—старый пріятель Екатерины Васильевны, и она дала мнѣ дипломатическую миссію узнать тайкомъ и „умненько", каково ваше дѣйствительное состояніе духа...

Ирина Львовна улыбнулась.

— Все тотъ же дипломатъ тетушка,—сказала она.

— Да, но я не дипломатъ. И потомъ, она мнѣ васъ описала такой, какой я васъ и нашелъ: простой и искренней. Ну, я и бухнулъ сразу.

— Что же вамъ поручено узнать?

— Двѣ вещи собственно: первое, любите ли вы еще мужа? Второе: полюбили ли вы Карелинова? Потрудитесь отвѣчать, дабы я могъ составить актъ и донести ей.

И въ первый разъ, этому чужому человѣку, Ирина Львовна отвѣтила съ полной откровенностью, какъ старому, давнему другу:

— Люблю ли я мужа?—грустно улыбнувшись, сказала она.— Не знаю. Знаю одно, что, несмотря ни на что, я не чувствую къ нему ненависти.

Ермолинъ поправилъ очки и очень внимательно посмотрѣлъ на нее.

— Такъ...—протяжно сказалъ онъ, какъ бы вдумываясь въ ея отвѣтъ.—Ну, а на второй вопросъ можете не отвѣчать.

— Почему?

— Потому что... сказать, что вы любите мужа я не могу, но что вы его не забыли—это, кажется, вѣрно. Тѣмъ самымъ исключается чувство къ Карелинову. Но еслибы вы и забыли мужа, я никогда не могъ бы подумать, что вы въ состояніи полюбить Михаила Ниловича.

Она была благодарна ему за эти слова.

— Почему?—все-таки спросила она, желая себя провѣрить.

— Ахъ, Боже мой! Нельзя „въ одну телѣгу впречь коня и трепетную лань". Карелиновъ не можетъ быть героемъ вашего романа. Вы его знаете съ дѣтства. Онъ слишкомъ для васъ извѣстное. И онъ слишкомъ ясенъ. Ничего не остается для воображенія, для догадки. А жизнь безъ догадокъ, безъ неясностей, безъ нелѣпостей и неожиданностей—не жизнь, а простая или сложная, но, все-таки, ариѳметическая задача. Жить можно, когда въ жизненныхъ уравненіяхъ вмѣсто сухихъ и опредѣленныхъ цифръ—поэтичныя алгебраическія величины. Ой, да что это! Куда я унесся... И вотъ такъ всегда. Начнешь что-нибудь и занесешься Богъ знаетъ куда.

— А что такое Карелиновъ?—спросила она.

— Карелиновъ? Человѣкъ бодрый, жизнерадостный, сильный, если хотите. Обожатель шаблона и книжекъ по своей наукѣ. Жизнь для него не загадка, а потому и не поэзія. Это просто химическая формула, по которой, если взять указанные въ ней элементы и сдѣлать съ ними извѣстныя манипуляціи, то получится заранѣе опредѣленное химическое соединеніе. Карелиновъ черезчуръ ясенъ, черезчуръ буржуазно добродѣтеленъ, а потому и совершенно неинтересенъ. Онъ одинъ изъ тѣхъ девяностодевяти праведниковъ, которымъ Господь мало радуется, предпочитая всѣмъ имъ одного грѣшника.

— Раскаявшагося,—улыбнувшись, поправила Ирина Львовна.

— Ну да. Всякій грѣшникъ когда-нибудь да раскается.

— Вотъ вы уже являетесь подъ видомъ оптимиста,—засмѣявшись, сказала она, и сердце ея радостно и трепетно забилось отъ его многозначительныхъ для нея словъ.

— Я? Я просто человѣкъ со всѣми его противорѣчіями. Когда я въ духѣ—я оптимистъ, когда не въ духѣ—пессимистъ. Но я почти всегда не въ духѣ. И чтобы чувствовать себя въ духѣ, мнѣ надо... а впрочемъ, вамъ это совершенно неинтересно, что надо.

Ирина Львовна вдругъ замѣтила въ Ермолинѣ поразительную перемѣну. Его еще такъ недавно живые глаза сразу потускнѣли, рѣчь стала спутанной и вялой; лицо его было безжизненно блѣдно, и когда онъ бралъ свою шляпу со стула, руки его дрожали.

— Что съ вами?—вскрикнула она.—Вы нездоровы?

— Нисколько. Я... тороплюсь. До свиданья... Мнѣ нужно принять дозу оптимизма. Это очень легко, когда привыкнешь.

Она хотѣла его удержать, ничего не понявъ изъ его странныхъ словъ.

Но онъ, даже не простившись, какъ-то неувѣренно пошатываясь, вышелъ изъ комнаты.

XVII.

Карелиновъ не поѣхалъ къ Житецкимъ, а, воспользовавшись хорошей погодой, отправился пѣшкомъ.

Онъ зналъ, что никакой серьезной болѣзни въ ихъ домѣ не было, да и Ѳеня, горничная на посылкахъ у Житецкихъ, на его вопросъ, кто именно боленъ, какъ-то странно и двусмысленно фыркнула, прикрывъ изъ приличія ротъ рукою, и сказала:

— А извѣстно—барышня.

— Что же съ ней?—спросилъ Карелиновъ.

— А мы нѣшто лекаря?—отвѣтила Ѳеня.—Должно соскучившись, а може что и другое.

И быстро перебѣжала на другую сторону улицы.

Карелиновъ шелъ медленно.

Семью Житецкихъ онъ зналъ давно. Старикъ служилъ когда-то по земству, а раньше былъ мировымъ посредникомъ, въ ту эпоху великихъ реформъ, когда на Руси все кипѣло, жило и бодрствовало, и которой онъ, Карелиновъ, не зналъ.

Старикъ славился тогда въ своемъ уѣздѣ, проявлялъ необычайную энергію, говорилъ архилиберальныя рѣчи, дѣлалъ какія-то значительныя поблажки своимъ бывшимъ крѣпостнымъ, а потомъ какъ-то стушевался, чего-то испугался и сталъ самымъ обыкновеннымъ обывателемъ, отличавшимся абсентеизмомъ въ земскихъ собраніяхъ и равнодушіемъ къ земскимъ дѣламъ.

Онъ по привычкѣ продолжалъ стоять за правительство и сочувствовать его мѣропріятіямъ, не дѣлая различія между двумя эпохами, діаметрально противоположными по духу и направленію; потомъ онъ какъ-то окончательно скисъ, опустился, смолкъ и превратился въ мужа своей жены, при которой робко молчалъ и только таращилъ глаза. Словомъ, во мнѣніи Карелинова, это былъ абсолютный res nullius.

Жена Житецкаго играла роль великосвѣтской губернской дамы, считалась визитами съ губернаторскимъ домомъ, изрѣдка дѣлала пріемы, въ особенности въ послѣднее время, когда съ ними стала жить дочка, только-что окончившая курсъ въ инсти-

тутѣ. Житецкая была полная дама, вся увѣшанная цѣпями, брелоками и ювелирными бездѣлушками, говорившая томнымъ голосомъ или обиженно молчавшая, когда кто-нибудь имѣлъ дерзость съ ней не соглашаться или спорить.

Ея дочь была малокровной и худосочной институткой, безцвѣтной и неинтересной дѣвицей, смертельно проскучавшей юные годы въ институтѣ и еще смертельнѣе скучавшей въ лонѣ родительскаго дома. Она мечтала о какомъ бы то ни было женихѣ, лишь бы вырваться изъ-подъ надзора тонной маменьки и индифферентизма унылаго папеньки.

Всѣ три члена семьи устроили правильную осаду на Карелинова. Они знали его какъ врача съ хорошей практикой, но безъ самостоятельныхъ средствъ. Онъ былъ достаточно молодъ, недуренъ собою; еслибы ему дать практичную жену, связи и деньги, то онъ могъ бы жить въ Петербургѣ и сдѣлать себѣ видную карьеру.

Рѣшивъ безъ его вѣдома его судьбу, они задумали его осчастливить и стали приманивать къ дому. И онъ пошелъ на это. Сначала онъ вошелъ въ домъ какъ врачъ, потомъ какъ другъ, а въ послѣднее время какъ совершенно необходимый всѣмъ членамъ семьи человѣкъ.

Карелиновъ былъ практичный и осторожный господинъ; онъ позволялъ за собой ухаживать, а „пока что̀"—зорко присматривался ко всему происходившему въ домѣ и къ худосочной дѣвицѣ, раскидывая въ умѣ шансы за и противъ. Въ общемъ, перспектива породниться съ Житецкими, богатыми людьми въ городѣ, не казалась ему непривлекательной или неисполнимой; ему иногда поручали побывать въ банкѣ или у нотаріуса, и онъ изъ этихъ помѣщеній успѣлъ составить себѣ довольно ясное понятіе о средствахъ семьи.

Но все это было до его послѣдней поѣздки въ Петербургъ.

Вернувшись оттуда, онъ какъ-то сразу сократилъ свои визиты къ Житецкимъ и сталъ бывать только по особымъ приглашеніямъ, сначала оправдываясь инфлюэнціей, ходившей по городу, потомъ—оспой, косившей населеніе, а въ концѣ концовъ вовсе пересталъ оправдываться, а просто говорилъ о переутомленіи и неимѣніи времени.

Съ пріѣздомъ же Загоровской въ городъ, онъ совершенно точно забылъ о существованіи этого когда-то гостепріимнаго для него дома.

Житецкіе зачуяли опасность и удвоили бдительность.

Ольга Петровна встрѣтила его томнымъ взглядомъ.

— Bonjour, monsieur Карелиновъ,—сказала она, протягивая ему свою жирную руку съ короткими пальцами, унизанными драгоцѣнными кольцами.—Какъ здоровье? По лицу вижу, что хорошо. И не говорите мнѣ о переутомленіи, нѣтъ, нѣтъ, не говорите. Никакого переутомленія нѣтъ. Его выдумали лѣнивые ученики классическихъ гимназій, чиновники, не любящіе посѣщать присутствіе, и доктора, чтобы имѣть для леченія лишнюю болѣзнь. Развѣ я жалуюсь на переутомленіе? А у меня мужъ и дочь, не говоря о домѣ, хозяйствѣ и массѣ другихъ, болѣе значительныхъ дѣлъ...

„Ну, завела...“—подумалъ съ досадой Карелиновъ, и тотчасъ же удивился самъ себѣ; не такъ еще давно онъ ни за что бы не подумалъ столь дерзновенно объ Ольгѣ Петровнѣ, да и когда она ему протягивала руку, онъ всегда, до этого дня, почтительно и съ уваженіемъ прикладывался къ ней.

— Я ничего не говорю о переутомленіи, я совершенно здоровъ, какъ видите, потому что явился къ вамъ по первому зову,—съ легкимъ раздраженіемъ въ голосѣ сказалъ онъ.

Она изнеможенно взглянула на него и томно улыбнулась.

— C'est ça. Именно: по зову. А безъ зова?

— Безъ зова не являлся. Я очень занятъ и больныхъ много,— нетерпѣливымъ тономъ сказалъ онъ.

— Alors c'est de la prospérité pour vous autres médécins, когда въ городѣ какая-нибудь гадость?

— Да, да, конечно. Но въ чемъ именно дѣло? Я слышалъ отъ Ѳени, которую вы послали съ запиской, что Вѣра Степановна больна.

— Больна, c'est trop dire; une indisposition...

Онъ терпѣть не могъ, когда она говорила съ нимъ по-французски, и всегда упорно отвѣчалъ по-русски:

— Да, такъ что же именно съ нею?

— Вы опять торопитесь? Вы всегда торопитесь. Удивляюсь нынѣшнимъ людямъ: имъ не хватаетъ времени. Степанъ Власьевичъ, напротивъ, не знаетъ, куда его дѣвать. Vous vous surmenez, хотя я и не вѣрю въ surmenage. Но всякій можетъ себя утомить. Въ особенности у кого есть какое-нибудь увлеченіе и когда надо дѣлить время между обязанностью и привязанностью.

Карелиновъ нахмурилъ брови.

Ему не понравился этотъ „осторожный“ намекъ.

Но Ольга Петровна имѣла привычку говорить много, обильно, какъ есть нѣкоторые люди, которые имѣютъ привычку много ѣсть; и всегда она уклонялась въ своихъ разговорахъ отъ пря-

мого дѣла, какъ подвыпившій человѣкъ, идущій къ цѣли зигзагами, словно ее постоянно шатало въ сторону.

— Это очень остроумно,—хмуро замѣтилъ Карелиновъ,—но это нисколько не объясняетъ мнѣ дѣла.

— Вы знаете Вѣру Степановну. Это—нѣжный цвѣтокъ, вырванный изъ институтской темницы и искусственно посаженный въ нашей... въ нашу... enfin, не въ ту почву. Она не ѣстъ и не спитъ...

— Наоборотъ, насколько я замѣтилъ, у Вѣры Степановны вполнѣ нормальный аппетитъ и таковой же сонъ. Мнѣ приходилось заѣзжать къ вамъ около двѣнадцати, и она еще не вставала.

— Qu'en savez-vous? Если всю ночь не спишь, по неволѣ будешь спать до двѣнадцати. Что касается до аппетита, то она ѣстъ только когда кто-нибудь за столомъ изъ постороннихъ. Ça la ranime... И въ особенности при васъ,—многозначительно улыбнувшись, прибавила Житецкая.

Карелиновъ вспыхнулъ.

— Вотъ какъ! Но я ничего не имѣю общаго ни съ мышьякомъ, ни съ желѣзомъ. Почему же именно при мнѣ?

— Ахъ, она такъ вамъ вѣритъ! Она никому не вѣритъ, какъ вамъ.

— Прекрасно, но это мнѣ не объясняетъ...

— Poseur! Вы—докторъ. Одно присутствіе доктора возвращаетъ больному силы.

— Да, съ этой точки зрѣнія... Но ваша дочь вовсе не такъ больна и даже вовсе не больна. Она немного худосочна и малокровна, но это пройдетъ. Тутъ и врача не нужно. Воздухъ, питаніе, прогулки, сонъ—и все. И чѣмъ меньше латинской кухни, тѣмъ лучше.

— Во всякомъ случаѣ, я вамъ ее покажу.

Онъ хотѣлъ помѣшать этому, но не успѣлъ сказать слова, какъ въ комнату вошла Вѣра Степановна.

Это была худенькая дѣвушка, съ несвѣжимъ цвѣтомъ лица, съ томнымъ взглядомъ, придававшимъ ей значительное сходство съ матерью, несмотря на рѣзкое различіе ихъ чертъ.

Она была некрасива, но повидимому не сознавала этого.

„И какъ она мнѣ могла хоть капельку нравиться?"—спросилъ себя Карелиновъ.

— Здравствуйте, Вѣра Степановна, что съ вами? Вы нездоровы?—проговорилъ онъ.

Барышня вяло протянула ему руку, и когда онъ не поцѣло-

валъ ея руки, какъ имѣлъ обыкновеніе, то она, въ знакъ удивленія, приподняла брови.

— Все то же,—отвѣтила она.—Мнѣ скучно, мнѣ не по себѣ. Я хотѣла васъ видѣть. Мнѣ дѣлается легче, когда я вижу васъ...

„Спѣлась съ маменькой",—непочтительно подумалъ Карелиновъ.

— Благодарю васъ,—пробормоталъ онъ.—Но я теперь очень занятъ...

— Опять инфлюэнца или оспа?—насмѣшливо спросила она.

— И то и другое вмѣстѣ,—сухо сказалъ Карелиновъ.

Вошелъ Житецкій, молча поздоровался съ Карелиновымъ, вытаращилъ на него свои круглые глаза, сложилъ руки на животѣ и не произнесъ ни звука.

— Ѳеня васъ застала дома? — неожиданно спросила Вѣра Степановна.

— Нѣтъ,—коротко отвѣтилъ Карелиновъ.

Но Вѣра Степановна этимъ не удовлетворилась.

— У больныхъ?

— У здоровыхъ.

— А!...

Ему вдругъ захотѣлось „огорошить" ихъ.

— Я былъ съ моимъ знакомымъ у старой своей пріятельницы Ирины Львовны... То-есть, старой не по годамъ, а по числу лѣтъ дружбы.

При этомъ извѣстіи лица присутствовавшихъ приняли странное выраженіе. Житецкій покраснѣлъ и съ особымъ вниманіемъ сталъ разглядывать носки своихъ сапогъ; Житецкая поджала губы и отвела свой взоръ отъ Карелинова, поглядѣвъ въ окно, а Вѣра Степановна слабо, неврастенично улыбнулась.

Всѣ замолчали, какъ будто Карелиновъ сказалъ неприличную шутку.

Раздраженіе наростало въ немъ.

— Кто это Ирина Львовна? — надменно спросила Житецкая.

— Ну... будто вы не знаете?

— А почему я должна знать вашихъ пріятельницъ?

— Да хотя бы потому, что она у васъ и вы у нея были съ визитомъ.

— Это, душечка, вѣроятно, madame Загоровская, — желая искренно помочь ей, вдругъ разрѣшился отъ узъ молчанія Степанъ Власьевичъ.

„Какой дуракъ!"—подумала Житецкая, разсердившись, что мужъ испортилъ ей весь эффектъ сцены.

— Ахъ... эта... дама,—громко сказала она и тотчасъ прибавила:—Вѣруня, выйди, узнай, вернулась ли Ѳеня. Я посылала ее еще въ другое мѣсто.

Дочь, скромно потупивъ свои блѣдные взоры, послушно вышла.

Раздраженіе выросло уже въ душѣ Карелинова.

— Повидимому, моихъ услугъ въ данную минуту не требуется,—сухо сказалъ онъ,—разрѣшите мнѣ уйти.

— Ахъ, куда же вы такъ скоро? Я надѣялась, что вы пообѣдаете съ нами.

— Merci. Сегодня никакъ не могу, — и вдругъ, отдавшись раздражительному порыву, онъ началъ говорить: — я, простите меня, удивляюсь вашей непослѣдовательности, Ольга Петровна.

— Какой непослѣдовательности? Что̀ вы хотите этимъ сказать?

— Да какъ же? Я произнесъ имя Ирины Львовны, весьма уважаемой мною женщины, и вы приняли такой видъ, словно я произнесъ нѣчто̀ неприличное. Послѣ того, я думалъ, вы будете рады моему уходу, а вы приглашаете меня обѣдать.

Житецкая снисходительно улыбнулась.

— Вы знаете, Карелиновъ, я васъ очень люблю, mais vous faites des gaffes, и это простительно, потому что вы еще молоды.

— Какія gaffes?—озлобленно спросилъ онъ.

— Я разсердилась не на васъ, а на Степана. Вы сдѣлали гаффу, это—ничего, прошло бы незамѣтно, но ему нужно было поставить un point sur l'i. Это было безтактно, какъ, впрочемъ, все, что̀ дѣлаетъ Степанъ.

Степанъ Власьевичъ испуганно вскинулъ на жену взоромъ, какъ только заслышалъ свое имя.

— Voyons, Степанъ, отчего ты такой безтактный?

— Mais, chère amie...

— Il n'y a pas de chère amie... Это было безтактно, je te le répète.

Степанъ Власьевичъ поспѣшилъ сдѣлать видъ, что ему смертельно захотѣлось покурить; онъ досталъ портсигаръ, и такъ какъ всѣмъ было извѣстно въ домѣ, что курить въ гостиной не разрѣшается, вышелъ.

— Позвольте,—твердо сказалъ Карелиновъ, снова садясь въ кресло.—Если Степанъ Власьевичъ сдѣлалъ безтактность, про-

изнеся фамилію Ирины Львовны, то я сдѣлалъ таковую же, заговоривъ первый о ней и называя ея имя. И даже, можетъ быть, въ вашихъ глазахъ, бо̀льшую. Вы это хотите сказать?

— A peu près.

— Я желаю знать, — еще тверже заговорилъ онъ, — и думаю, что въ правѣ знать, въ чемъ же заключается безтактность?

Онъ молча и упорно посмотрѣлъ на Ольгу Петровну.

Но Ольгу Петровну трудно было смутить чѣмъ-нибудь.

Тономъ снисхожденія къ свѣтской неопытности Карелинова она сказала мягкимъ, „отеческимъ“ голосомъ:

— Мой милый! Вотъ вы сейчасъ опять назвали имя этой петербургской дамы, о которой я, дѣйствительно, забыла, и я не упрекаю васъ.

— Почему?

— Но... потому что мы говоримъ между глазъ.

— Съ глазу на глазъ? А отчего же нельзя говорить о ней при другихъ?

— Вы, въ самомъ дѣлѣ, не понимаете?

— Увѣряю васъ.

— C'est pourtant simple comme bonjour. При комъ угодно, только не при молодой и неопытной дѣвушкѣ. Вы видѣли, я должна была ее выслать.

Это его взорвало.

— Скажите, пожалуйста! Простите мое невѣжество въ этихъ дѣлахъ. Но я не вижу, почему нельзя говорить объ уважаемой дамѣ при дѣвушкѣ, хотя бы молодой и неопытной?

Горячность его тона удивила Ольгу Петровну.

Она опять поджала губы и уязвленнымъ тономъ отвѣтила:

— Потому что эта уважаемая—кѣмъ?—дама—разводка. Une divorcée.

— Уважаемая мною,—рѣзко сказалъ онъ, еле сдерживаясь.— И она—не разводка.

— Тѣмъ хуже, она не живетъ съ мужемъ.

— И потому?—вызывающимъ тономъ спросилъ онъ.

— И потому elle ne fait pas partie de la société.

— Вы убѣждены, что всѣ живущія съ мужьями—святыя, а неживущія—падшія?

— Я не говорю этого. Я говорю, что общество должно чуждаться женщинъ, у которыхъ нелегальная жизнь. И во всякомъ случаѣ, дѣвушка общества... должна быть оберегаема...

— Я не буду съ вами спорить о положеніи женщины въ

свѣтѣ. Потому что не понимаю этихъ словъ: свѣтъ, легальный, нелегальный и прочее. По моему, честная женщина, порядочная, хорошая, всегда остается такою, живетъ она съ мужемъ или нѣтъ. Это даже банально произносить такія элементарныя истины въ наше время. Но дѣвушку, которую воспитываютъ подъ такимъ стекляннымъ колпакомъ и въ такихъ понятіяхъ, мнѣ жалко.

— Почему же это?

— Потому что, чтобы жить, надо не закрывать глаза, а открывать ихъ на всѣ явленія жизни. Потому что только слабое, чахлое растеніе требуетъ стекляннаго колпака, предохраняющаго его отъ зноя и стужи. Здоровый организмъ не требуетъ такого ухода и легко справляется съ зноемъ и стужей. И мнѣ будетъ жаль мужа, который получитъ такую жену...

— Какую жену? — озлобленнымъ голосомъ спросила Житецкая.

— Такую жену, которая будетъ падать въ обморокъ при такомъ страшномъ словѣ, какъ „разводка".

Житецкая взглянула на него удивленнымъ и разсерженнымъ взоромъ.

Она не узнавала его. Онъ никогда не позволялъ себѣ говорить съ ней въ этомъ повышенномъ и дерзкомъ тонѣ.

— Ah ça!—сказала она: — qu'avez vous, mon cher? Ваши заботы о будущемъ мужѣ Вѣры очень трогательны. Но я полагаю, что эти заботы не входятъ въ функціи врача... если только вы не разсчитываете сами стать этимъ мужемъ.

— Я недостоинъ этой чести, Ольга Петровна... — смутившись, сказалъ онъ.

— Alors quoi?!

Это былъ разрывъ.

Формальный, окончательный разрывъ съ этимъ домомъ, гдѣ, одно время, его принимали, дѣйствительно, какъ будущаго жениха.

Онъ всталъ.

— До свиданья, Ольга Петровна,—сказалъ онъ, поклонившись и остановившись въ выжидательной позѣ.

Она кивнула ему головой, но не протянула руки.

— Прощайте,—сухо сказала она.

XVIII.

Въ этотъ день у Житецкихъ былъ jour de réception.

Собрались болѣе видные губернскіе чиновники, нѣкоторые—

прямо въ вицмундирахъ, со службы, ничѣмъ не занятыя губернскія дамы, находившіяся на лицо въ городѣ, офицеры-кавалеристы расположеннаго въ окрестностяхъ драгунскаго полка.

Раньше всѣхъ, къ „пятичасовому" чаю, прибыла Деканова, жена полкового командира, который, по особому разрѣшенію, жилъ не въ штабѣ полка, а въ городѣ.

Деканова была дама въ лѣтахъ, но, благодаря своему маленькому росту, худощавому сложенію и близорукости, казавшаяся еще довольно молодой, по сравненію съ мужемъ, старымъ полковникомъ, отзывавшимся о своей женѣ весьма странно: „маленькая собачка до вѣку щенокъ"; „моя Любовь Яковлевна — мужелюбка", и все въ этомъ родѣ. Онъ не любилъ съ ней показываться въ обществѣ и вообще не любилъ общества. Трудно было понять, любитъ ли онъ жену, или презираетъ, равнодушенъ онъ къ ней, или ревнуетъ.

Любовь Яковлевна плавала въ губернскомъ обществѣ, какъ рыба въ водѣ. Она всюду бывала, любила поѣздки за городъ въ обществѣ мужчинъ, со всѣми ладила и была чрезвычайно добродушна.

— Отчего васъ давно не было?—спросила ее Житецкая.— Вы насъ забыли, милая Любовь Яковлевна.

— Нисколько, милая Ольга Петровна. Я ѣздила съ мужемъ въ штабъ полка. Полкъ скоро выступаетъ въ лагерь, и офицеры устроивали кутежъ. Ахъ, вы не знаете, корнетъ Лиховскій, выпущенный въ прошломъ году, знаете? Онъ обнаружилъ талантъ— дивно, дивно играетъ на мандолинѣ. Я заслушиваюсь его.

— C'est très dangereux,—съ снисходительной улыбкой сказала Житецкая.

— Quoi donc?

— Да вотъ корнетъ съ мандолиной...

Деканова захохотала.

— Или мандолина съ корнетомъ. Et puis, ça ne se marie pas въ оркестрѣ, но въ жизни, когда корнетъ—не инструментъ, а офицеръ, ça va très bien ensemble.

И она залилась веселымъ смѣхомъ на свою остроту.

— Это мой новый flirt,—сказала она, наклонившись къ самому уху Житецкой и переставъ смѣяться.

— Да что вы? Et Valentin?

— Валентинъ Александровичъ—прошлое.

„Разсказывай!"—подумала Житецкая:—„знаемъ мы это прошлое". И дѣйствительно, всѣ въ городѣ знали, что „ротмистръ Валентинъ", какъ его называли, рослый, рыжебородый командиръ

эскадрона, состоялъ при Декановой, доходившей ему до локтя. Это былъ настоящій collage, безмолвно принятый обществомъ и даже какъ бы санкціонированный имъ въ пику этому дикарю Деканову, который чуждался этого общества, предпочитая ему полковыя и эскадронныя конюшни и коновязи.

— А Вѣра Степановна?—освѣдомилась Деканова.

Въ домѣ Житецкихъ всѣ освѣдомлялись о дочери и никто о мужѣ.

Мужъ иногда выходилъ къ five o'clock'у посидѣть и помолчать, но скоро, къ общему облегченію, удалялся къ себѣ, унося на лицѣ печать угнетающей скуки.

— Вѣра киснетъ,—отвѣтила Житецкая.

— А вашъ эскулапъ?

— Кто это?—прищурилась Ольга Петровна.

— Ну, этотъ... l'amoureux de Вѣра... Карелиновъ.

— Il n'est plus des nôtres.

— Вотъ какъ? Почему?

— Онъ, повидимому, дѣлаетъ вызовъ обществу. Il a des rapports très intimes съ этой дамой изъ Петербурга, la demi-divorcée...

— Съ Загоровской? Я ее видѣла недавно на улицѣ съ сыномъ. Un charmant couple que cette blonde avec son бэби,—добродушно сказала Деканова.

— Vous trouvez?—протянула въ носъ Житецкая.

— О, да, такое славное лицо! Мнѣ ее очень жаль. У насъ ее съѣдятъ за то, что она живетъ безъ мужа.

— И будутъ правы.

— Ой, нѣтъ! Пусть каждый живетъ какъ хочетъ.

— А не какъ Богъ велитъ?—засмѣялась Житецкая, и хотѣла еще что-то прибавить, когда вошла новая гостья.—Марья Демидовна, bonjour, chère amie!—воскликнула хозяйка дома.

Марья Демидовна, грузная женщина пятидесяти лѣтъ, съ двойнымъ подбородкомъ, тяжело отдувалась и пыхтѣла, какъ паровозъ, выпускавшій отработанный паръ.

— Здравствуйте, здравствуйте. Охъ... жара начинается. Я, какъ бѣлый медвѣдь, предпочитаю зиму. Да и зима-то у насъ кислая, мозглявая. Нѣтъ настоящей зимы... Уфъ!..

— Какъ здоровье?—спросила Деканова.

— Чего тамъ здоровье? Никакого здоровья нѣтъ, да и быть не можетъ. Докторишки наши губернскіе плохи. Одинъ торчитъ всю зиму за кулисами и перешептывается съ опереточными дивами, а по моему—просто дѣвами. Какое къ нему довѣріе? Другой—въ

стачкѣ съ аптекаремъ, и, нужно-не-нужно, прописываетъ лекарства, и все металлы: то желѣзо, то серебро, то литій. Я говорю, насмѣшливо такъ, знаете:—можетъ быть, еще золото пропишете? А онъ это принялъ въ серьёзъ: „я, говоритъ, подумаю, и даже давно хотѣлъ прописать, только вы все жалуетесь, что дорого, а золото-то дорого“. Ну, я его отчитала; говорю: брилліанты, другъ мой, еще дороже, такъ, можетъ быть, мнѣ брилліантовый порошокъ глотать? Должно быть, говорю, это очень полезно... для вашего аптекаря, конечно.

Дамы снисходительно засмѣялись.

— Осердился. „Ну, говоритъ, вы всегда что-нибудь этакое выдумаете“, и пересталъ ѣздить. Это— Степанъ Ивановичъ.

— Ахъ, онъ...

— Ну, да. И шутъ съ нимъ! Позвала нашу знаменитость— Карелинова.

Житецкая и Деканова переглянулись. Обѣ, какъ и всѣ въ городѣ, знали, что профессія Маріи Демидовны Казицыной—развозить, разносить и распространять всякія городскія сплетни и слухи.

Онѣ ожидали сенсаціонныхъ разоблаченій, потому что все, что̀ говорила Казицына, было сенсаціонно.

— Ну и что̀ же?—спросили обѣ въ одинъ голосъ.

— Карелиновъ-то? Да ничего. Надутый такой, мрачный. Съ отвращеніемъ пощупалъ мнѣ животъ. Какой же это врачъ, коли ему противно дотронуться до больного человѣка? „Ни почки, ни печени, ни селезенки, ничего, говоритъ, у васъ этого нѣтъ“.—Какъ, говорю, нѣтъ? Куда же онѣ дѣлись?—Натурально, испугалась смертельно. А онъ, дерзкимъ такимъ голосомъ, говоритъ: „Извините, говоритъ, мнѣ шутить некогда. Ежели, говоритъ, я такъ выразился, то хотѣлъ сказать, что все у васъ въ порядкѣ и вы здоровы“. Ну, тутъ ужъ я прямо взбѣсилась.—Благодарю васъ, желаю вамъ быть такимъ здоровымъ.— „Поменьше, говоритъ, объѣдайтесь и поменьше валяйтесь. Діэта и моціонъ, моціонъ и діэта“. Дуракъ онъ, вашъ Карелиновъ! Ну, потомъ-то я узнала, въ чемъ дѣло: влюбленъ какъ котъ въ эту петербургскую дамочку. Гдѣ же ему чужія печени ощупывать? Ну, а коли ты влюбленъ, такъ и не ѣзди, не хватай трехрублевокъ за такіе дурацкіе совѣты.

Она тяжело отдышалась, отсопѣлась, отфыркалась и прибавила одно слово, какъ бы боясь, чтобы оно куда не затерялось:

— Женится.

— Кто?—съ удивленіемъ спросила Деканова.

— Карелиновъ.

— На комъ?—полюбопытствовала Житецкая.

— Фу ты, Боже мой! Да чтò вы притворяетесь? Точно не знаете? Не на мнѣ же, конечно! На этой самой авантюристкѣ... на Загоровской.

— Да чтò вы! Она—замужемъ.

— Эка штука! А разводъ для чего?

— Это вѣрно?

— Я никогда не говорю на-вѣтеръ. Какое къ нему довѣріе послѣ этого? Ну, да я ему отомщу. Запомнитъ.

Деканова изумилась.

— Какъ же вы ему можете отомстить?

— Очень даже просто. Объѣзжу весь городъ и буду убѣждать не звать его. Практики-то лишится,—посмотримъ, на какой голосъ запоетъ.

— А за чтò?—продолжала удивляться Деканова.

— А за все. За дерзости, за небрежность.

Житецкая хотѣла прекратить этотъ непріятный для нея разговоръ.

— Чтò новенькаго въ городѣ?—спросила она, давъ время успокоиться Казицыной.

— Ничего. Видѣла Лиховскаго на извозчикѣ съ какой-то гимназисткой-еврейкой.

Казицына незамѣтно взглянула на Деканову, провѣряя произведенное ею впечатлѣніе. Самымъ большимъ удовольствіемъ для нея было сдѣлать кому-нибудь непріятность.

Деканова слегка измѣнилась въ лицѣ.

— Лиховскій, говорятъ, тоже женится. Она кончаетъ курсъ и принимаетъ христіанство.

— Если всѣ ваши свѣдѣнія такъ вѣрны...—начала Деканова.

— А почему, душечка, они не вѣрны? Развѣ вамъ это ближе извѣстно?—съ ядовитостью спросила она.

— Несомнѣнно.

— Ахъ, вотъ какъ! Почему же?

— Да потому, что Лиховскій служитъ въ полку моего мужа.

— Такъ чтò же изъ того?

— Онъ не можетъ жениться.

— Развѣ у него есть привязанность на сторонѣ?—невиннымъ тономъ освѣдомилась Казицына.

— Есть,—твердо отвѣтила Деканова.

Казицына зашевелилась на креслѣ.

„Каково нахальство!“—подумала она съ озлобленіемъ.

— И вы знаете—кто?

— Знаю.

— Ахъ, какъ это интересно!

— Не особенно. Онъ влюбленъ въ меня,—храбро сказала Деканова и подмигнула Житецкой.

Казицыну бросило въ жаръ. Весь ея жирный лобъ и отвисшія щеки покрылись каплями мелкаго пота.

— Ну...—протянула она.—Это не можетъ помѣшать ему жениться. Вы—командирша и замужняя. И увлеченія *юношей*,—она съ интонаціей произнесла это слово, чтобы подчеркнуть разницу въ лѣтахъ между Лиховскимъ и Декановой,—длятся недолго.

— Это зависитъ отъ женщины. Но, конечно, не потому онъ не можетъ жениться, а потому что ему нѣтъ двадцатитрехъ лѣтъ.

— Ему будетъ двадцать-три года черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и у него есть реверсъ.

— Vous êtes plus renseignée que moi, въ такомъ случаѣ,—сказала Деканова.

„Да ужъ французь, не французь, а это такъ!“—съ озлобленіемъ подумала Казицына и начала выкладывать весь свой запасъ свѣдѣній.

Помощникъ полиціймейстера проворовался, и его гонятъ; а полиціймейстеръ приказалъ городовому вытолкать въ шею какого-то господина съ пожара, а господинъ оказался сенаторомъ изъ Петербурга и весьма вліятельнымъ. И полиціймейстера, должно быть, прогонятъ. Въ казначействѣ—растрата. Въ клубѣ—новый экономъ и кормитъ отвратительно. Эту добрую дуру, Нину Егоровну Ольхову, опять облапошили. Дала двѣ тысячи рублей подъ какой-то „корявый“ вексель.

— Ахъ, да вотъ и Нина Егоровна!—вскрикнула Казицына, увидя въ дверяхъ сморщенную и худую старую дѣву съ васильковыми добрыми глазами.—Какъ это вы такъ опять дались въ обманъ, милая?

— Это вы насчетъ двухъ тысячъ? Это неправда; у меня просили, а я отказала,—съ торжествомъ сказала Ольхова, какъ бы сама себѣ удивляясь, что имѣла мужество отказать.

— Ахъ, ну я очень рада, очень рада, милая, хотя это на васъ и не похоже. Вы такая добрая, такая добрая, даже до... —она сдѣлала паузу,—до самоотверженія.

И продолжала выкладывать весь скарбъ новостей.

Князья Льговскіе выписали изъ Петербурга извѣстнаго адвоката для своего безконечнаго процесса съ купцомъ Горюновымъ, объегорившимъ ихъ при продажѣ ихъ имѣнья. Адвоката зовутъ Тереховымъ, и всѣ городскія психопатки бѣгаютъ на него смотрѣть, когда онъ гуляетъ по Продольной улицѣ, какъ будто онъ не вѣсть что... Отчего она не видитъ Степана Власьевича, который, бѣднята, на дняхъ проигралъ въ клубѣ около двухсотъ рублей...

— Какъ проигралъ?! — сдѣлавъ большіе глаза, спросила изумленная Житецкая, и голосъ ея задрожалъ отъ гнѣва.

— Да такъ...—дѣлая видъ, что смущается, отвѣтила Казицына.—Ахъ, милая Ольга Петровна, я вѣдь, кажется, сдѣлала неловкость. Вы не знали? Мужчины...

— Нѣтъ, я знала, — поспѣшила поправиться Житецкая, не желая дать поводъ милой дамѣ къ новымъ сплетнямъ. — Я думала, это вторично... Это вы говорите про макао?

— Нѣтъ, кажется, въ баккара̀. Впрочемъ вы навѣрное это знали, и я разсказываю старыя новости...

Ольхова и Деканова переглянулись.

— Да, да, конечно, — неопредѣленнымъ тономъ поспѣшила заявить Житецкая.

Ольхова съ Декановой начали немедленно вести оживленный разговоръ о предположенномъ губернаторшей пикникѣ, который долженъ состояться около середины мая, за городомъ.

Онѣ думали сдѣлать диверсію и отвлечь Казицыну отъ опасныхъ темъ, такъ излюбленныхъ ею.

Но когда Казицына садилась на своего конька, не такъ-то легко было ссадить ее съ него.

И потому, нетерпѣливо выслушавъ разговоръ о пикникѣ, она кисло замѣтила:

— Ну, ужъ эти губернаторшины пикники! Нашли чѣмъ восторгаться! Офицеры непремѣнно напьются, а чиновники будутъ смотрѣть въ глаза этой ломучкѣ Еленѣ Александровнѣ и, сломя голову, бѣгать по ея порученіямъ. На остальныхъ дамъ никакого вниманія... Весело, нечего сказать, остальнымъ дамамъ! Смотрѣть, какъ Елена Прекрасная кокетничаетъ, при своемъ почтенномъ возрастѣ, съ этимъ лысымъ Полозовымъ... отношенія ихъ доходятъ до неприличія. Скоро ли уберутъ отъ насъ этого губернатора, который не умѣетъ держать въ рукахъ жену, позволяетъ ей шокировать общество?.. Ежели онъ не умѣетъ управиться съ собственной женой, какъ же онъ управляется съ губерніей? Да

и что̀ такое губернаторъ? Здѣсь онъ все, а угонять его съ мѣста— и ходитъ онъ по Петербургу самымъ несчастнымъ чиновникомъ, которому городовой и тотъ почтенія не оказываетъ.

— Она не приглашена на пикникъ?—тихо спросила Деканова у Ольховой.

— Видно, что нѣтъ.

Казицына продолжала изливать свою желчь.

— А скажите,—обратилась она къ Житецкой,—что это не видать вашей очаровательной Вѣруши? Больна опять?

— Да, ей нездоровится.

— Въ наше время дѣвушки были здоровѣе. А впрочемъ, она сама виновата, да и вы тоже.

— Чѣмъ же?

— Нельзя, чтобы лечилъ ее Карелиновъ. Это не врачъ, а ухаживатель. Положимъ,—ядовито прибавила она,—Вѣруша вѣритъ въ него какъ въ Бога и, кажется, очень симпатизируетъ ему. Но я бы не допускала въ домъ такого опаснаго авантюриста...

— Ну, ужъ и авантюристъ!—вступилась Ольхова, съ обычной своей добротой.

Казицына съ плохо-скрытымъ презрѣніемъ оглядѣлась. Казалось, ея взглядъ говорилъ:—„скажите пожалуйста, и ты туда же, божья коровка“!

— Да, авантюристъ, моя милая Нина Егоровна.—Человѣкъ, который ухаживаетъ за благородными барышнями съ хорошимъ приданымъ, а потомъ увлекается петербургскими барынями сомнительнаго поведенія—авантюристъ. И я всѣмъ, всѣмъ друзьямъ и знакомымъ скажу, чтобы у него не лечились...

Такимъ образомъ, наговоривъ всѣмъ весьма пріятныхъ вещей и удовлетворивъ свою разъигравшуюся печень, она умолкла и стала, по обыкновенію, отдуваться и отирать потъ съ лица.

Подали чай, и Казицына выпила съ наслажденіемъ три чашки, съѣла массу печеній и огромный ломоть торта, причемъ заявила, что ничто такъ не успокоиваетъ жажды, какъ чай, и что на дняхъ тортомъ, изъ этой самой кондитерской Вижѐ, отравилось цѣлое семейство. И при этомъ оказалось, что Вижé вовсе не французы, а самые настоящіе „жиды“.

Разговоръ завязался болѣе мирнаго характера, такъ какъ было очевидно, что Казицына устала. Да ей и дѣлать было больше нечего. Все она сказала, все выложила, всѣмъ сдѣлала непріятность. Напившись и наѣвшись, она ушла, довольная тѣмъ, что „этому безмолвному истукану, Степану Власьевичу, попадетъ отъ

его надутой дуры-жены“ за проигрышъ, и что вообще въ этомъ домѣ, послѣ ея ухода, будетъ сцена.

Позже пришли мужчины со службы, и five o'clock продолжался.

Житецкая была не въ духѣ и не могла поддерживать разговора. Зачѣмъ она принимаетъ у себя эту сплетницу Казицыну? Но ее всѣ принимаютъ, потому что боятся. Одна губернаторша смѣется надъ ней. Но на то она и губернаторша. Остальнымъ игнорировать Казицыну опасно. Такого наплететъ, что и въ семь лѣтъ не распутаешь.

Послѣднею пришла Елена Алексѣевна Мышецкая, барышня, очень красивая, всюду бывавшая одна, не признававшая многихъ условностей и стѣсненій, enfant terrible этого губернскаго общества, которое ей много прощало за ея хорошее происхожденіе, богатство, независимость поведенія и мысли. Побаивались ея язычка и втайнѣ лицемѣрно жалѣли ее, потому что она была сиротой и жила съ бабушкой, древней старушкой, не имѣвшей, вслѣдствіе своихъ недуговъ, никакой возможности слѣдовать всюду за племянницей.

Такъ какъ мужчины, вступивъ въ общій разговоръ и вторя въ тонъ дамамъ, пренебрежительно говорили о вопросѣ, всѣхъ занимавшемъ, то-есть объ Иринѣ Львовнѣ, то Мышецкая смѣло заявила:

— Почему вы такъ кисло говорите о Загоровской? Потому что вамъ не удалось съ ней познакомиться?

Житецкая потрепала ее по щекѣ и укоризненно погрозила пальцемъ:

— Toujours la même... смѣла и всѣмъ на перекоръ.

Мышецкая скорчила гримаску и отстранилась слегка отъ ея ласки.

— Отъ чего мнѣ мѣняться? Я говорю всегда, что думаю. Знаете, на что похожъ нашъ городъ? На львиный ровъ.

Раздались смѣшки и восклицанія удивленія.

— Да,—продолжала она.—Новый человѣкъ чувствуетъ себя у насъ какъ Даніилъ. Всѣ готовы растерзать его...

— Мы не звѣри, не львы,—заявилъ чиновникъ губернскаго правленія,—и если...

Но она перебила его съ насмѣшкой въ голосѣ:

— О, вы-то, конечно, не левъ! Или самое большее—только губернскій левъ, порода весьма неопасная и даже безобидная. Не обижайтесь, милый Михаилъ Васильевичъ. Всѣ вы противъ

Загоровской, потому что она живетъ замкнуто. Отвори она двери своей квартиры, и вы всѣ будете у ея ногъ.

Послышались протесты.

— Ну, чего вы шипите?—продолжала она.—Въ чемъ дѣло? Что она не живетъ съ мужемъ?..

— Helène!—въ ужасѣ воскликнула Житецкая.—Soignez vos paroles! Вы барышня, а говорите...

— Что же я говорю? Я говорю правду. Она разошлась съ мужемъ. Это вѣдь часто дѣлается. У насъ дѣлается то же самое.

— Въ городѣ, за все время его существованія, неизвѣстенъ ни одинъ случай развода.

— Ахъ, какой добродѣтельный городъ! И какъ жаль, что нѣтъ Боккачіо, чтобы описать его! Лучше открыто разойтись съ мужемъ, чѣмъ заниматься тайно...

Мужчины начали фыркать; дамы испуганно ждали окончанія.

— Тайно—чѣмъ? — храбро спросилъ ее Михаилъ Васильевичъ.

— Сравненіемъ другихъ мужчинъ съ своимъ мужемъ. Теперь не говорятъ адюльтѐръ, измѣна, а просто: „такая-то проходитъ курсъ сравнительной любви". Это длиннѣе, но, кажется, вѣрнѣе и приличнѣе. Вы не находите?

Деканова весело и радостно закивала головой, Житецкая поджала губы, а Ольхова въ замѣшательствѣ стала наполнять свой ротъ печеньями. Мужчины смѣялись.

— Что касается меня, то я, при случаѣ, непремѣнно познакомлюсь съ Загоровской.

— Helène!—опять воскликнула Житецкая.

— Ну, да, что же тутъ особеннаго? Вы же съ ней знакомы.

— Къ сожалѣнію. Она имѣла смѣлость сдѣлать мнѣ визитъ, а я печальную необходимость—ей отвѣтить. C'est tout. Съ тѣхъ поръ мы не видались.

— И я хочу съ ней познакомиться!—сказала Деканова.

— Вы—дѣло другое, — строго заявила Житецкая.—Вы замужемъ. Helène—дѣвушка, и что скажетъ ея бабушка?

— Бабушка ничего не скажетъ...

— И это очень жаль. Ваша покойная maman никогда этого бы не допустила. Дѣвушкѣ, да еще одинокой, необходима осторожность, чтобы не потерять уваженія общества.

— Je m'en fiche de уваженіе общества.

— Merci pour nous...

— О, не обижайтесь! Я вообще не признаю этого слова: уваженіе, въ томъ смыслѣ, какъ это принято понимать. Я бы

возненавидѣла мужчину, который бы вздумалъ меня „уважать“. Уваженіе—конецъ любви, да и уважаютъ обыкновенно старухъ, какъ мою бабушку, а насъ должны не уважать, а любить.

— Съ такими взглядами трудно выйти замужъ, — печально сказала Житецкая.

— Да я вовсе и не собираюсь. Для чего мнѣ выходить замужъ? Чтобы заниматься сравнительными опытами и пользоваться за это „уваженіемъ“ общества?

— А что же вы думаете дѣлать?

— Пока—ничего. А когда бабушка умретъ, я поѣду въ Петербургъ и сдѣлаюсь пѣвицей цыганскихъ романсовъ, на смѣну Вяльцевой, которая къ тому времени устарѣетъ, потому что искренно желаю бабушкѣ прожить еще долго.

— Но вѣдь тогда и вы устарѣете,—сказалъ молодой человѣкъ въ изящномъ сюртукѣ.

— Не безпокойтесь,—отвѣтила она.—Я тогда начну карьеру съ Парижа. Тамъ пожилыя женщины, говорятъ, въ модѣ.

— Vous dites vraiment des énormités, — вяло проговорила Житецкая, которую сегодня особенно раздражала болтовня Мышецкой.

Мышецкая замолчала и принялась за чай.

XIX.

Ирина Львовна продолжала жить затворницей. Изрѣдка заходилъ къ ней Ермолинъ и проводилъ съ ней время въ разговорахъ.

Его разговоръ былъ всегда интересный, умный, оригинальный, и она очень любила его визиты. Но визиты эти были рѣдки и непродолжительны.

Иногда приходилъ онъ къ ней бодрый, оживленный, съ странными, горящими глазами, съ вдохновенной рѣчью на устахъ, точно возбужденный какимъ-нибудь волшебнымъ напиткомъ; она всматривалась въ него, стараясь проникнуть въ тайны его души; картинныя сравненія, цвѣтистые образы, оригинальныя словечки такъ и сыпались съ его языка; откуда что бралось! Но возбужденіе это быстро проходило, рѣчь становилась вялой, голосъ—невнятнымъ, слова какъ будто съ трудомъ зарождались въ его мозгу и еще съ большимъ трудомъ сходили съ языка. Тогда Ермолинъ спѣшилъ уходить той же невѣрной, шатающейся походкой, которой ушелъ отъ нея въ первое свое посѣщеніе.

Она никакъ не могла понять, въ чемъ заключалась тайна этого страннаго человѣка; она знала, что онъ былъ паціентомъ Карелинова; но Карелиновъ, въ послѣднее время, совершенно не посѣщалъ ее. Такъ что ей приходилось проводить время между Володей и роялемъ. Музыка сдѣлалась опять ея настоящей страстью и положительнымъ утѣшеніемъ въ ея горькомъ, подневольномъ одиночествѣ.

Она чувствовала, какъ между ней и городскимъ обществомъ выросла пропасть, съ каждымъ днемъ становившаяся все глубже и шире.

Она не могла понять, за что ее такъ чуждаются, такъ презираютъ, такъ ненавидятъ. Рѣшительно никому и ничего злого она не сдѣлала. Житецкую она еще понимала. Невольно, безъ всякаго желанія съ своей стороны, она отбила виднаго жениха отъ ея дочери. Понятно, что Житецкою овладѣла жажда мести и желаніе распускать позорящіе ее слухи. Но другія?

И она съ тоской ломала себѣ руки, съ горькой улыбкой вспоминая представленіе петербуржцевъ о тихой и спокойной провинціи, гдѣ жизнь такъ проста и свободна! Хороша простота и свобода!

Она знала по наслышкѣ и разговорамъ всѣхъ этихъ дамъ губернскаго общества. И простодушный Карелиновъ, и злоязычный Ермолинъ разсказывали ей о связи Декановой съ Лиховскимъ, о добродѣтельной глупости Ольховой, объ эксцентричностяхъ Мышецкой, о сплетняхъ Казицыной. Немногаго стоятъ эти дамы; она же живетъ одиноко, эксцентричностей не проявляетъ, сплетнями не занимается. За что же они такъ чуждаются ея и прячутъ отъ нея своихъ дочерей?

Вотъ они сочинили что-то про ея отношенія къ Карелинову, и этотъ другъ ея дѣтства, этотъ герой, пересталъ у нея бывать, очевидно, испугавшись сплетенъ. Богъ знаетъ, что выдумаютъ теперь про нее и Ермолина...

Ахъ, да какое же ей, наконецъ, до всего этого дѣло? Пусть думаютъ, что хотятъ... Однако, такъ можно прожить годъ, а потомъ? Вѣдь это—тюрьма, ссылка, одиночное заключеніе. И если она думаетъ прожить здѣсь цѣлую жизнь—а она наивно думала объ этомъ, когда переселялась сюда,—то это слѣдуетъ измѣнить.

Но какъ?

Послѣ долгаго промежутка зашелъ къ ней Карелиновъ.

Онъ былъ мрачно настроенъ, и она ему не сдѣлала упрека за то, что онъ забылъ ее.

Она только сказала ему:

— Михаилъ Ниловичъ, вы, видно, сильно утомлены...

— Почему это видно?—спросилъ онъ, какъ-то нервно вскинувъ голову.

— По вашему лицу. У васъ много дѣла? Много больныхъ?

Онъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе.

— Больныхъ? Больные мои какимъ-то чудомъ выздоравливаютъ,—нервно засмѣявшись, сказалъ онъ.—Число ихъ таетъ, какъ воскъ подъ солнцемъ. Меня не зовутъ больше въ тѣ дома даже, гдѣ я практиковалъ много лѣтъ подъ-рядъ.

И потомъ, вдругъ, повысивъ голосъ, отчего онъ у него сдѣлался пискливымъ и звенящимъ, онъ прибавилъ:

— Я чувствую, какъ я лишаюсь практики, какъ коллеги меня обгоняютъ, какъ вокругъ меня дѣлается пустыня!.. Если такъ дальше пойдетъ, мнѣ придется покинуть эти родныя мнѣ мѣста, къ которымъ я такъ привыкъ съ дѣтства.

Она подсѣла къ нему ближе. Въ ея голосѣ, въ ея глазахъ онъ прочелъ искреннее участіе къ себѣ. И онъ понялъ безъ ея словъ, что она догадалась женскимъ чутьемъ объ истинномъ значеніи всего этого. И слабая надежда затеплилась въ его сердцѣ.

— Ирина Львовна!—порывисто сказалъ онъ, но она опять-таки догадалась о его намѣреніи и поспѣшила перебить его.

— Милый Михаилъ Ниловичъ! вамъ слѣдуетъ окончательно и прямо отречься отъ меня,—и вамъ будетъ возвращено довѣріе общества. Прошу васъ, для себя, для меня, сдѣлать это. Скажите,—продолжала она,—скажите, какъ другу, старому другу дѣтства... вѣдь вы были женихомъ mademoiselle Житецкой?

— Именно *былъ*,—уныло отвѣтилъ онъ.—Теперь этотъ домъ для меня закрытъ.

Она незамѣтно улыбнулась этому скорбному тону.

— Ну, хотите, я уѣду отсюда на время, чтобы не мѣшать вашему счастью? Все скоро забудется, и вамъ будутъ открыты двери этого дома...

— Я вовсе не хочу этого, Ирина Львовна. Житецкая ведетъ противъ меня жестокую кампанію, и къ ней присоединилась эта толстая дура Казицына. Обѣ очень вліяютъ здѣсь: одна—своимъ богатствомъ и связями, другая—сплетнями. Я все готовъ вынести, и знаю, что онѣ добьются своего. Но вы тоже знаете, чего я хочу и о какомъ счастьи мечтаю...

Она печально покачала головой.

— Нѣтъ, милый, не мечтайте объ этомъ. Я не могу обѣщать того, чего не въ силахъ исполнить. Это—та дикая утка, о которой вѣчно говорятъ неудачные охотники. Удачные—о ней не говорятъ, потому что даже не замѣчаютъ ея въ своемъ ягдташѣ. Счастье, счастье... я сама когда-то думала, что завоевала его. А вотъ его нѣтъ, и я даже сомнѣваюсь, что оно существуетъ на свѣтѣ. Это слово—придуманное обездоленными людьми, потому что надо же было что-нибудь придумать и на что-нибудь надѣяться, чтобы имѣть право и желаніе жить...

Она грустно поникла головой и замолчала.

— Вы наслушались Ермолина,—чуть-чуть насмѣшливо сказалъ Карелиновъ.—Онъ выражается въ этомъ родѣ.

Ирина Львовна вспомнила о вопросѣ, который хотѣла сдѣлать Карелинову.

— Кстати, Михаилъ Ниловичъ, — оживленно сказала она, обрадовавшись, что разговоръ перешелъ на другую почву:—что̀ такое Ермолинъ?

— Во всякомъ случаѣ, не мудрецъ,—отвѣтилъ онъ.—Больной человѣкъ—и больше ничего.

— Что̀ у него такое?

Но Карелиновъ уклонился отъ отвѣта.

— Такъ... ничего особеннаго. Блажь. И говоритъ-то въ немъ не мудрость, а болѣзнь.

— Какая же у него болѣзнь?

— Я не имѣю права выдавать тайны своихъ паціентовъ,—сухо отвѣтилъ онъ.—Да это, право, и мало интересно для васъ. Или вы имъ очень интересуетесь?

— Очень.

— Такъ спросите у него сами.

Карелиновъ отправился въ садъ, къ своему любимцу Володѣ, и вскорѣ оттуда, въ открытыя окна, ворвался звонкій, металлическій смѣхъ мальчика. Врачъ и ребенокъ играли въ саду въ прятки, и Карелиновъ, видимо, увлекался игрой такъ же, какъ и Володя.

„Онъ могъ бы быть настоящимъ отцомъ Володѣ", — съ грустью подумала Ирина Львовна. — „Отчего сердце женщины не всегда можетъ полюбить то, что̀ дорого ея ребенку"?..

И ей сдѣлалось такъ больно, что захотѣлось плакать.

Она сѣла за рояль и заиграла элегію Грига, ту самую, которая ей такъ многое напоминала изъ ея недавняго прошлаго.

XX.

Въ одинъ изъ чудныхъ майскихъ дней, Ирина Львовна вернулась домой, къ обѣду, послѣ продолжительной прогулки въ городскомъ саду съ Володей.

Въ четыре часа дня, въ саду ежедневно игралъ полковой оркестръ музыки, и вокругъ павильона, стоявшаго на обширной площадкѣ, усыпанной крупнымъ желтымъ пескомъ, собирались массами ребятишки, бонны, няньки и маменьки.

Вечеромъ, когда игралъ городской оркестръ, собиралась болѣе избранная публика, потому что входъ былъ платный; но по вечерамъ Ирина Львовна не отваживалась ходить въ садъ, чтобы не чувствовать себя одинокой среди этой толпы, въ которой всѣ были знакомы другъ съ другомъ.

И днемъ-то она выбирала уединенныя, далекія аллеи, совершенно отвыкнувъ находиться среди людей. Она нарочно не держала гувернантки или бонны, чтобы чувствовать себя ближе къ Володѣ, чтобы бо̀льшую часть дня находиться съ нимъ; иначе она повѣсилась бы отъ скуки и одиночества.

— Къ вамъ заходилъ какой-то баринъ, — сказала горничная, и Ирина Львовна, твердо увѣренная, что это не могъ быть никто иной, какъ Ермолинъ или Карелиновъ, отложила поданную ей карточку въ сторону.

Только вечеромъ, когда она взяла со стола книжку, которую она читала, ей бросилась въ глаза карточка съ незнакомой ей фамиліей.

„Николай Алексѣевичъ Тереховъ, присяжный повѣренный“, — прочитала она.

Имя Терехова она теперь вспомнила.

Это былъ извѣстный петербургскій адвокатъ, служившій юрисконсультомъ въ томъ вѣдомствѣ, для котораго работалъ ея мужъ.

Что-то тревожное прошло по ея душѣ.

Не съ порученіемъ ли онъ отъ мужа?

Ирина Львовна позвонила. Горничная сказала, что гость обѣщалъ зайти вечеромъ и просилъ принять его, такъ какъ онъ пробудетъ въ городѣ недолго.

Ирина Львовна стала ждать, и тысячи мыслей волновали ея воображеніе, такъ недавно еще успѣвшее успокоиться послѣ пережитыхъ волненій.

Тереховъ не заставилъ себя долго ждать.

Это былъ пожилой человѣкъ съ спокойной наружностью, съ спокойными рѣчами, въ которыхъ слышалась увѣренность въ томъ, что̀ онъ говоритъ, и угадывалась твердость воли.

Онъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ взглянулъ на хозяйку дома, какъ будто не ожидалъ встрѣтить въ ней такую привлекательную наружность. Онъ раньше никогда не видалъ ея, потому что не бывалъ у нихъ въ домѣ.

Онъ назвалъ свою фамилію.

— Я слышала о васъ,—сказала Ирина Львовна, съ трудомъ овладѣвая своимъ волненіемъ,—но не имѣла удовольствія знать васъ лично. Садитесь, пожалуйста.

Онъ сѣлъ, и тотчасъ же заговорилъ своимъ ровнымъ, груднымъ, низкимъ голосомъ.

— Васъ, конечно, удивилъ мой визитъ,—началъ онъ:—поэтому позвольте сейчасъ же разсѣять ваше удивленіе, потому что я люблю сразу войти въ курсъ дѣла. Я пріѣхалъ сюда, вызванный княземъ Льговскимъ по дѣлу его съ купцомъ Горюновымъ. Узнавъ, что я ѣду сюда, вашъ мужъ, Владиміръ Викторовичъ, просилъ меня зайти къ вамъ и сдѣлать вамъ отъ его имени предложеніе...

У нея захватило духъ; сердце, давно уже не подававшее о себѣ тревожныхъ вѣстей, снова мучительно забилось. Она задыхалась.

Но еще разъ преодолѣвъ волненіе, еле слышнымъ голосомъ, она тихо спросила:

— Разводъ?

— Да,—отвѣтилъ онъ, стараясь сдѣлать видъ, что не замѣчаетъ этого волненія.

То, что̀ ей не разъ приходило на умъ, то, чего она всегда тайно ожидала—совершилось.

Когда она уѣзжала изъ Петербурга, разрывая съ прошлымъ, со всѣмъ, что ей когда-то было дорого и мило, ей казалось, что она дѣлаетъ рѣшительный шагъ въ жизни.

Но, все-таки, это былъ рѣшительный, а не окончательный шагъ. А теперь предстоитъ взять на себя безповоротно рѣшеніе.

Всегда тяжело безповоротно рѣшать что-нибудь; но натурамъ больнымъ и слабымъ это не только тяжело, но мучительно. Она почувствовала, какъ сердце ея упало и точно замерло, переставъ биться.

Тереховъ, тѣмъ же дѣловымъ тономъ, въ которомъ проскальзывала чуть замѣтная нотка сочувствія, продолжалъ:

— Да, онъ предлагаетъ разводъ. Я не думаю, чтобы это

могло удивить или опечалить васъ, почему и позволилъ себѣ заговорить объ этомъ безъ всякихъ прелиминарій. De facto— вы имъ уже пользуетесь, потому что не живете съ мужемъ. De jure—остается это оформить. Владиміръ Викторовичъ, само собой, беретъ вину на себя, оставляетъ сына у васъ. Въ случаѣ вашего согласія, онъ поручаетъ дѣло мнѣ. Я не веду этихъ дѣлъ, но у меня есть помощникъ, спеціализировавшійся на нихъ, и такъ какъ у меня очень большія связи въ подлежащихъ вѣдомствахъ и кромѣ того есть важныя личныя знакомства, то я буду дирижировать дѣломъ и зорко слѣдить за нимъ. Къ началу осени оно будетъ окончено, я вамъ отвѣчаю за это. Если вы согласны...

— Я согласна,—отвѣтила она твердо и громко, и это стоило ей громадныхъ нравственныхъ усилій; но она ни за что не хотѣла показать этому чужому человѣку, повѣренному ея мужа, то, что дѣлалось у нея на душѣ.

— Тогда будьте добры подписать это прошеніе; оно у меня готово. Дѣло должно начаться вами, если вы хотите, чтобы вину взялъ на себя мужъ.

— Я никогда не возьму вину на себя, потому что ни въ чемъ не виновата,—гордо проговорила она.—Я этого удовольствія ему не доставлю.

— Объ этомъ и рѣчи быть не можетъ,—успокоительно сказалъ онъ.—Кто бы ни былъ виноватъ, всегда дѣло мужчины взять на себя отвѣтственность, при наличности тѣхъ унизительныхъ и грязныхъ формъ процесса, которыя у насъ существуютъ. Да иначе и я бы не взялся за это дѣло. Вотъ жалоба, подпишите ее, и прикажите, пожалуйста, засвидѣтельствовать подпись въ полиціи. Я завтра пришлю за бумагой, потому что вечеромъ уѣзжаю обратно.

Она взяла бумагу и твердымъ почеркомъ подписала свою фамилію.

„Какая энергичная женщина!“—подумалъ Тереховъ, когда взглянулъ на подпись.—„И какой болванъ этотъ Загоровскій, что разводится съ такой прелестной женой“!

„Утѣшился!“—съ горечью подумала Ирина Львовна.—„Какъ скоро! И какъ радикально“...

Она усмѣхнулась, взглянула на свой росчеркъ и слегка дрожащей рукой отодвинула отъ себя бумагу.

— Завтра пошлю засвидѣтельствовать,—сказала она насмѣшливымъ тономъ.—Сколько радости будетъ для здѣшняго общества! Недѣли на двѣ хватитъ разговоровъ.

Тереховъ улыбнулся.

— О, да! Въ этой трущобѣ все узнается скоро, и все—событіе.

— Для чего ему понадобился разводъ?—спросила Ирина Львовна.

Тереховъ молчалъ, соображая, что̀ отвѣтить.

— Онъ женится?—опять спросила она.

Тереховъ рѣшилъ, что скрывать, во всякомъ случаѣ, нечего, разъ это, въ концѣ концовъ, станетъ оффиціально извѣстнымъ фактомъ.

— Да.

— Счастливецъ!

Тереховъ пожалъ плечами.

— Онъ не похожъ на счастливца...—проговорилъ онъ.

— Нѣтъ?!—внутренно обрадовавшись, воскликнула она.—Но вѣдь онъ женится на Таисѣ Ищерской?

— Да.

— Такъ, значитъ, счастливъ. Это его увлеченіе.

— Не думаю,—серьезно отвѣтилъ Тереховъ, сбросивъ съ себя адвокатскую дѣловитость, такъ какъ оффиціальное порученіе онъ уже кончилъ.—Не думаю. Онъ имѣетъ видъ—простите за вульгарное сравненіе—быка, котораго тянутъ на веревкѣ къ бойнѣ.

— Зачѣмъ же онъ женится тогда?

— Не всегда знаешь, зачѣмъ это дѣлаешь... Ловкая женщина умѣла заставить его повѣрить въ эту необходимость.

— Но какъ же онъ женится, если принимаетъ вину на себя?

Тереховъ удивился ея наивности.

— Это наше адвокатское дѣло. Мы разведемъ, мы и женимъ. Мы все дѣлаемъ за гонораръ,—пошутилъ онъ.—Этотъ нелѣпый циклъ законовъ о разводѣ—воскъ въ нашихъ рукахъ. Мы лѣпимъ изъ него разныя вещи по желанію заказчика. Ни заказчики, ни мы не уважаемъ этого закона, потому что нельзя уважать очевидной и несправедливой несообразности. Законъ, противорѣчащій жизни, всегда обходится и попирается, ибо жизнь есть жизнь, и она всюду вноситъ коррективъ; ея потребности не могутъ быть задержаны устарѣвшими законами, и вся мудрость законодательства заключается въ томъ, чтобы приспособливать законъ къ потребностямъ жизни, а не наоборотъ. Ни одинъ портной не станетъ пригонять кліента къ сюртуку, а напротивъ, шьетъ сюртукъ по мѣркѣ кліента, и кліентъ чувствуетъ себя въ элегантномъ и ловко сшитомъ сюртукѣ преудобно. Жизнь—кліентъ, а сюртукъ—законъ.

„Утѣшился, утѣшился, утѣшился!“—стонало что-то въ душѣ Ирины Львовны.—„Увлечься можно... кто не увлекается... даже такимъ чудовищемъ, какъ Таиса. Но рѣшиться связать съ ней жизнь—это безуміе... Не преступленіе ли я дѣлаю, что своимъ согласіемъ толкаю его на это“?

Тереховъ замѣтилъ, что она не слушаетъ его.

— Простите мою философію...—сказалъ онъ.—Я удивляюсь моему кліенту. По истинѣ, на свѣтѣ есть много, другъ Гораціо... Я совсѣмъ не то ожидалъ встрѣтить... но промѣнять васъ на эту госпожу... это ужъ какое-то затмѣніе.

Несмотря на жестокую душевную боль, которую она испытывала, ей сдѣлалось пріятно при этихъ словахъ, сказанныхъ такимъ простымъ, искреннимъ тономъ.

— Но... tu l'as voulu, Georges Dandin!—проговорилъ Тереховъ и всталъ, чтобы откланяться.

Ирина Львовна сѣла къ роялю, взяла нѣсколько аккордовъ. Руки ея дрожали, сердце билось, звуки изъ-подъ ея пальцевъ выходили похожими на рыданія.

И они извлекли изъ нѣдръ ея души дѣйствительныя рыданія. Давно, давно уже не было у нея такого приступа горя.

— Утѣшился!—шептала она.—Утѣшился!.. Бѣдный, бѣдный... Такъ ему и надо, такъ и надо!

Вбѣжалъ Володя.

— Мама, мамочка, что съ тобою?! Ты плачешь?

Она страстно, съ порывомъ безумной любви, обняла мальчика.

— Володя, у тебя нѣтъ больше папы!—крикомъ вырвалось у нея.

Мальчикъ съ удивленіемъ замигалъ глазами.

— Какъ нѣтъ? А куда-жъ онъ дѣлся?—равнодушнымъ тономъ спросилъ онъ.—Умеръ? Или уѣхалъ въ Америку?

— Уѣхалъ,—сквозь слезы проговорила она.—Уѣхалъ далеко, надолго, можетъ быть навсегда... И мы его никогда, никогда не увидимъ...

Мальчикъ помолчалъ, подумалъ.

— А дядя Миша придетъ завтра?—спросилъ онъ.

И глаза его оживленно заблистали.

Валер. Свѣтловъ.

Н. А. НЕКРАСОВЪ

I.—Нѣсколько воспоминаній.

...Въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ я познакомился съ редакціей „Современника“. Раньше я бывалъ на „четвергахъ“ Краевскаго, гдѣ собиралось много литературныхъ людей; но мнѣ очень любопытно было видѣть особенно литературный кругъ „Современника“, гдѣ собрались тогда самые крупные писатели того времени. Представлялась и небольшая литературная работа, для меня очень не лишняя. Впослѣдствіи я довольно сблизился съ редакціей „Современника“; мнѣ нерѣдко случалось бывать въ ближайшемъ кружкѣ Некрасова, который собирался за его обѣдами или ужинами.

„Отечественныя Записки“ и „Современникъ“ представляли тогда какъ бы два враждебныхъ лагеря. Историки, касавшіеся того времени, давали иногда не совсѣмъ вѣрное освѣщеніе этихъ отношеній и, напримѣръ, объясняли эту вражду только чисто „коммерческой“ конкурренціей двухъ изданій. Это не совсѣмъ вѣрно или даже совсѣмъ невѣрно, потому здѣсь не замѣчена одна существенная разница двухъ журналовъ. Нѣкогда „Современникъ“ основался съ тѣмъ, чтобы дать болѣе независимое положеніе Бѣлинскому. Правда, и здѣсь дѣло шло для Бѣлинскаго не совсѣмъ ладно; но и положеніе самого журнала, основаннаго на занятыя деньги, было довольно трудное. По смерти Бѣлинскаго, кружокъ, собравшійся въ „Современникѣ“, не распался, и хотя многіе изъ тогдашнихъ писателей принимали участіе и въ томъ и въ другомъ журналѣ одновременно, но характеръ изданій былъ довольно различенъ. Краевскій былъ только пред-

приниматель; это былъ опытный практикъ во внѣшней сторонѣ издательскаго дѣла, но самъ вовсе не писатель, и хотя велъ журналъ болѣе или менѣе серьезно, но самъ не имѣлъ какого-нибудь опредѣленнаго взгляда на вещи; у него не сохранилось никакихъ преданій Бѣлинскаго. Такъ въ пятидесятыхъ годахъ, хотя въ „Отечественныхъ Запискахъ" появлялись иногда труды С. М. Соловьева, но рядомъ проповѣдывалось нѣчто близкое къ славянофильству. Главнымъ помощникомъ его въ веденіи журнала былъ тогда С. С. Дудышкинъ. Человѣкъ умный, но лѣнивый и нѣсколько тяжеловѣсный... Предпріимчивость Краевскаго вскорѣ направилась на газету; онъ съумѣлъ овладѣть сложнымъ газетнымъ дѣломъ, дать разнообразную программу и аккуратно исполнять ее при помощи многочисленнаго кружка старыхъ и молодыхъ писателей, которыхъ зналъ уже раньше по „Отеч. Запискамъ"; между ними не было особенныхъ талантовъ, но были трудолюбивые люди, которыхъ онъ и пріучалъ къ газетной аккуратности... Такъ издавалъ онъ, при номинальномъ редакторствѣ Очкина, „С.-Петербургскія Вѣдомости" до тѣхъ поръ, когда эта газета перешла къ В. Ѳ. Коршу. „Отечественныя Записки" велись также аккуратно, также сухо и безцвѣтно; это былъ болѣе или менѣе случайный сборникъ, которому самъ редакторъ не могъ придать какого-либо одушевленія.

Совсѣмъ иного рода былъ кругъ редакціи „Современника". Редакторами были Некрасовъ и И. И. Панаевъ,—оба, уже имѣвшіе литературную извѣстность, сами не мало работавшіе въ журналѣ, оба, особливо Некрасовъ, имѣвшіе большой литературный вкусъ, и для писателей кружка они являлись какъ бы литературными товарищами. У Краевскаго этихъ качествъ не было; въ литературныхъ кружкахъ подшучивали надъ этимъ отсутствіемъ вкуса, искавшимъ обыкновенно чужой поддержки, и еще въ „Литературномъ Альманахѣ", который изданъ былъ Некрасовымъ въ 1848 или 1849 году, въ одной изъ каррикатуръ Степанова былъ очень остроумно изображенъ Краевскій въ бесѣдѣ съ молодымъ писателемъ, представлявшимъ ему свое произведеніе (этотъ молодой писатель былъ не кто иной, какъ Достоевскій). Наконецъ, въ кругу „Современника",—хотя, можетъ быть, и не совершенно ясно,—хранилась память Бѣлинскаго.

Между журналами происходили иногда полемическія стычки, но, опять, ихъ источникомъ не было одно коммерческое соперничество, какъ говорили это нѣкоторые литературные историки. Въ настоящую минуту не помню въ точности этихъ столкновеній; но, отыскавши старыя книжки журналовъ, не трудно бу-

детъ видѣть, что въ этихъ столкновеніяхъ присутствовала разница въ самомъ литературномъ складѣ двухъ изданій: одно было тяжеловѣсное, съ неяснымъ направленіемъ; другое, при всей трудности тогдашняго положенія вещей,—все-таки болѣе живое, болѣе чуткое къ стремленіямъ общественной жизни и болѣе остроумное.

Недавно только закончились „Некрасовскіе дни"—довольно многочисленныя воспоминанія, старыя и новыя, по поводу двадцатипятилѣтія со смерти Некрасова. Нельзя сказать однако, чтобы эти „дни" проходили удачно. Лишь въ немногихъ случаяхъ привелось читать или слышать сужденія и приговоры, подобающіе воспоминаніямъ въ такую минуту. Общественный интересъ къ Некрасову давно былъ весьма значительный (свидѣтельствомъ служатъ постоянно повторяющіяся, и крупныя, изданія), и онъ показывалъ уже, что желали бы встрѣтить историческую оцѣнку, которая объяснила бы основанія этого традиціоннаго интереса. Съ другой стороны, очень давне отрицательное, даже враждебное отношеніе къ Некрасову, какъ личному характеру, и къ его поэзіи, которая прямо отвергалась...

Человѣка давно нѣтъ; осталось одно дѣло писателя, одинъ умственный и поэтическій трудъ,—то и другое было во всякомъ случаѣ явленіемъ не совершенно обыкновеннымъ; если въ послѣднее время мы видѣли, что и до сихъ поръ уцѣлѣло то восторженное (хотя бы въ иномъ преувеличенное) отношеніе къ Некрасову, которое отвѣчало увлеченіямъ стараго времени,—то естественно было разъяснить именно эту сторону лица, біографіи и литературнаго наслѣдія. Мы видѣли напротивъ, что слишкомъ многіе изъ тѣхъ, кто писали и говорили въ эти „дни", останавливались съ особеннымъ какъ будто злораднымъ усердіемъ именно на темныхъ, отрицательныхъ сторонахъ лица и біографіи. Перескажу свои личныя воспоминанія—sine ira et studio.

Я видѣлъ въ первый разъ Некрасова въ 1854 году; въ началѣ шестидесятыхъ годовъ я принялъ близкое участіе въ „Современникѣ", когда онъ возобновился послѣ закрытія его въ 1861 году. Это участіе продолжалось до окончательнаго прекращенія журнала въ 1866 году. Послѣ того,—это было въ тѣ годы, когда Некрасовъ издавалъ „Отечественныя Записки" съ М. Е. Салтыковымъ и другими,—я видалъ его мало, и нерѣдко навѣщалъ его только во время его послѣдней продолжительной болѣзни. Въ первые годы знакомства и сложились мои представленія объ этомъ характерѣ: потомъ онѣ мало измѣнились. Многое въ этомъ характерѣ не давало нравственнаго удовлетворенія; но въ общемъ

счетѣ и по силѣ благопріятныхъ впечатлѣній, въ моихъ понятіяхъ объ этомъ характерѣ скорѣе преобладали и преобладаютъ симпатіи.

Для всякой исторической оцѣнки необходимымъ основаніемъ должно быть опредѣленіе условій времени и среды. Для болѣе молодыхъ поколѣній нашего времени эти условія обыкновенно совсѣмъ неизвѣстны: онѣ представляются только въ общихъ чертахъ, безъ тѣхъ реальныхъ подробностей, какія въ свое время дѣйствовали въ жизни каждый день и на каждомъ шагу. То время, когда складывался характеръ Некрасова, несомнѣнно наложило на него свой отпечатокъ. Прежде всего, это было время полнаго разгара крѣпостныхъ нравовъ и бюрократическаго самовластія. Въ такъ называемомъ обществѣ человѣкъ имѣлъ значеніе прежде всего или по числу принадлежавшихъ ему „душъ", или по служебному положенію. У Некрасова не было ни того, ни другого. Извѣстны разсказы о томъ, какъ онъ бѣдствовалъ, когда безпомощнымъ юношей пріѣхалъ въ Петербургъ. Домашнее обученіе было скудное; между тѣмъ онъ желалъ поступить въ университетъ... Онъ не стѣснялся своихъ бѣдственныхъ воспоминаній и разсказывалъ, напримѣръ, какъ онъ съ грѣхомъ пополамъ учился латыни, необходимой для экзамена, у какого-то учителя изъ семинаристовъ, который принималъ его въ халатѣ, подпоясанный полотенцемъ, и урокъ шелъ за штофомъ водки; этого учителя онъ, впрочемъ, хвалилъ, это былъ человѣкъ не глупый и училъ хорошо. Изъ этого ничего потомъ не вышло, потому что для дальнѣйшаго ученья вообще было слишкомъ много препятствій. „Петербургскіе углы", которые Некрасовъ описывалъ впослѣдствіи, были извѣстны ему по наглядному собственному опыту. Такимъ образомъ, эта тяжкая и элементарная сторона жизни была однимъ изъ первыхъ и довольно продолжительныхъ опытовъ, какіе пришлось ему извѣдать и которые, конечно, не могли не оставить своего трудно изгладимаго слѣда...

Но въ молодомъ человѣкѣ, такъ тяжело испытуемомъ судьбою, жило тѣмъ не менѣе рѣшеніе не покоряться этой судьбѣ, пріобрѣталось реальное знаніе жизни; закалялся сильный характеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и грубѣлъ...

Какъ я сказалъ, я почти въ одно время познакомился съ тѣмъ и другимъ журналомъ. У Краевскаго собиралось по четвергамъ довольно многолюдное литературное и артистическое общество, очень разнообразное—тутъ были всего больше писатели, но бывали также художники, актеры, важные чиновники; въ тѣ годы Краевскій былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ, какъ бы

„представителей печати". Здѣсь, напримѣръ, я видѣлъ въ первый разъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго (еще въ концѣ сороковыхъ годовъ онъ помѣстилъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" знаменитую статью „О колебаніи цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи"—это было замѣчательное, хотя по обстоятельствамъ времени очень прикрытое указаніе на ненормальность крѣпостного права); здѣсь бывалъ В. В. Самойловъ; здѣсь я въ первый разъ познакомился съ И. Ѳ. Горбуновымъ, котораго тогда вывезъ изъ Москвы Островскій, и который уже на первыхъ порахъ производилъ большой эффектъ и имѣлъ успѣхъ въ разныхъ слояхъ петербургскаго общества; здѣсь бывалъ Писемскій, Д. В. Григоровичъ и проч.; бывали наконецъ и мои знакомцы по изслѣдованіямъ въ старой литературѣ; гости обыкновенно разбивались на отдѣльные кружки... Понятно, что этотъ кругъ представлялъ очень много интереса для меня, вчерашняго студента, уже начавшаго „литературныя изученія"; бывало много неизвѣстныхъ мнѣ раньше любопытныхъ людей, сообщались литературныя и общественныя новости,—между прочимъ, въ это время готовился, а потомъ и совершился столѣтній юбилей Московскаго университета, еще небывалое до тѣхъ поръ научно-литературное торжество; происходилъ финалъ Крымской войны.

Совсѣмъ иного характера былъ кружокъ „Современника". Тамъ не было „журфикса", на который могла собираться многолюдная и случайно соединявшаяся толпа. Сходился только опредѣленный, ближайшій кружокъ, который обыкновенно и соединялся въ одномъ общемъ разговорѣ... Въ первый разъ, когда я видѣлъ Некрасова, онъ жилъ въ домѣ, еще недавно сохранившемся въ томъ же видѣ на углу Загороднаго проспекта и Звенигородской улицы. Здѣсь же я встрѣтилъ въ первый разъ И. С. Тургенева.

При этомъ первомъ знакомствѣ съ кружкомъ редакціи „Современника" я уже достаточно зналъ принадлежавшихъ къ нему лицъ по ихъ литературнымъ трудамъ и репутаціи;—уже впередъ этотъ кружокъ имѣлъ для меня самый живой интересъ. Дѣйствительно, здѣсь собрались самыя лучшія силы тогдашней литературы—притомъ не въ случайной встрѣчѣ по журнальнымъ дѣламъ (какъ это бывало въ редакціи „Отеч. Записокъ"), а въ сознательномъ единеніи, которое внушалось общими литературными интересами, сродствомъ художественнаго вкуса и взаимной оцѣнкой,—и это единеніе переходило въ дружескія отношенія; многихъ (какъ, напр., Тургенева, Григоровича, Анненкова, Боткина) связывало дружество еще со временъ Бѣлинскаго. Въ ли-

тературномъ отношеніи „Современникъ“ безъ сомнѣнія былъ лучшимъ журналомъ того времени. Здѣсь начались и продолжались „Записки Охотника“ Тургенева, оставшіяся самымъ замѣчательнымъ его произведеніемъ; помѣщались повѣсти Григоровича (другія, второстепенныя вещи его, какъ „Проселочныя дороги“ и т. п., помѣщались въ „Отечественныхъ Запискахъ“); здѣсь появлялись произведенія Гончарова, Дружинина, художественно-критическія статьи В. Боткина; въ дружескихъ отношеніяхъ съ редакціей былъ П. В. Анненковъ; далѣе, Ег. П. Ковалевскій, В. П. Гаевскій и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что писатель, котораго можно было справедливо назвать писателемъ-художникомъ, долженъ былъ гораздо больше тяготѣть къ редакціи „Современника“, чѣмъ къ „Отечественнымъ Запискамъ“. Въ послѣднихъ для такого писателя былъ только одинъ матеріальный вопросъ—вопросъ напечатанія повѣсти, романа и т. д. и гонораръ; здѣсь, напротивъ, онъ могъ быть увѣренъ въ интересѣ цѣлаго кружка къ самому произведенію, его художественному значенію и общественному смыслу; въ случаѣ успѣха, онъ могъ ожидать искренняго сочувствія, а также и критики, внушаемой опытнымъ вкусомъ,—того и другого всегда жаждетъ писатель-художникъ, серьезно относящійся къ своему труду. Эти отношенія чувствовались и впослѣдствіи, когда я ближе видалъ редакцію „Современника“ и убѣждался, что это было дѣйствительно такъ.

Кромѣ названныхъ лицъ, здѣсь встрѣчались и другіе извѣстные писатели того времени: бывалъ Писемскій, Я. П. Полонскій; ни тотъ, ни другой не были, сколько припоминаю, частыми посѣтителями; позднѣе, едва ли не послѣ извѣстныхъ статей Добролюбова, бывалъ А. Н. Островскій.

Характеры лицъ были довольно разнообразны; но въ цѣломъ это былъ безъ сомнѣнія лучшій литературный кругъ того времени. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ кругу было въ той или другой степени это чувство превосходства надъ обычною массой тогдашней литературы. И это не было лишено основанія: за ними стояло славное преданіе Бѣлинскаго и сороковыхъ годовъ; высокая степень дарованій и литературнаго вкуса и опыта. Къ этому чувству превосходства присоединялось вѣроятно и нѣкоторое, уже независѣвшее отъ литературы, барство. Кружокъ могъ напоминать слова г-жи Сталь, что въ Россіи нѣсколько „gentilshommes“ занимаются литературой [1]). Бо́льшею частью, это были люди

[1]) Дальше увидимъ, что Фетъ, отчасти примыкавшій къ этому кругу, съ нѣкоторой гордостью утверждалъ, что тогдашняя литература была „дворянская“—онъ

именно дворянскаго круга, съ еще привычными тогда его чертами;—послѣднія принимались и другими, у которыхъ дворянское барство замѣнялось барствомъ купеческимъ, какъ, напримѣръ, у В. П. Боткина.

Самымъ сильнымъ по таланту и самымъ крупнымъ по литературному значенію (до Л. Н. Толстого) въ этомъ кругу былъ несомнѣнно Тургеневъ; по уму и общественному пониманію едва ли не превосходилъ всѣхъ Некрасовъ. Нѣкоторыя особенности этихъ двухъ характеровъ бросились мнѣ въ глаза, когда я увидѣлъ ихъ обоихъ, придя въ первый разъ къ Некрасову. Некрасовъ заговорилъ просто, прямо о дѣлѣ; обо мнѣ онъ зналъ раньше. Съ Тургеневымъ у меня дѣлъ никакихъ не было; мое имя онъ зналъ и былъ любезенъ, но съ нѣкоторымъ, правда, едва замѣтнымъ тономъ покровительства, — быть можетъ, такой тонъ казался ему естественнымъ относительно молодого человѣка, но для меня онъ былъ совершенно не нуженъ, потому что ни въ какомъ его покровительствѣ я не нуждался. Эта черта извѣстнаго, хотя и прикрываемаго, высокомѣрія, для меня индифферентная, другихъ прямо раздражала. И въ самомъ дѣлѣ, она бывала иногда неумѣстна, и я не сомнѣваюсь, что она, наряду съ другими подобными чертами личнаго характера, была въ числѣ тѣхъ мотивовъ, которые уже вскорѣ стали создавать холодное отношеніе къ Тургеневу — отъ „Современника" половины пятидесятыхъ годовъ до „Отечественныхъ Записокъ" временъ Салтыкова. Тургеневъ въ кружкѣ Некрасова былъ интересный собесѣдникъ, между прочимъ, по обширному знанію европейской литературы. Здѣсь въ ровень съ нимъ стоялъ А. В. Дружининъ, который, впрочемъ, особенно увлекался тогда и послѣ „британской" литературой. Бывшій гвардейскій офицеръ, кажется, довольно богатый человѣкъ, Дружининъ держалъ себя англійскимъ джентльменомъ, строго корректнымъ во внѣшности и манерахъ; при всей этой немного искусственной и, по-англійски, холодной манерѣ, онъ былъ очень хорошій человѣкъ—не даромъ изъ „британской" словесности онъ вычиталъ идею литературнаго фонда и былъ первымъ иниціаторомъ нашего учрежденія этого имени. Боткинъ только по временамъ жилъ въ Петербургѣ и тогда бывалъ частымъ посѣтителемъ Некрасова. Когда мы видѣли его здѣсь, время дружбы съ Бѣлинскимъ уже прошло; характеръ, вѣроятно, не мало измѣнился въ сторону дѣловыхъ цѣлей и пріе-

---

скорбѣлъ, что потомъ въ эту литературу вошли „разночинцы", а изъ прежнихъ дѣятелей многіе измѣнили „дворянскимъ интересамъ" (во время освобожденія крестьянъ).

мовъ: онъ былъ тогда главнымъ руководителемъ богатой фирмы. Повидимому издавна принадлежала ему свойственная его практической дѣятельности сухость; онъ не былъ привѣтливъ; изъ молодого поколѣнія онъ, кажется, не сблизился ни съ кѣмъ; въ особенности онъ, кажется, считалъ себя судьей въ дѣлѣ художественной критики, и немалая опытность у него несомнѣнно была. Со старыми друзьями, какъ Некрасовъ, Тургеневъ, у него были короткія отношенія, и я припоминаю, какъ онъ дѣлалъ желчные выговоры Тургеневу за его эстетическія ошибки. Дѣло въ томъ, что Тургеневъ былъ очень податливъ на покровительство молодымъ талантамъ. Въ это время, около половины пятидесятыхъ годовъ, онъ отрекомендовалъ Краевскому одну повѣсть, о которой наговорилъ и своимъ друзьямъ въ „Современникѣ“; когда повѣсть была напечатана, Боткинъ прочиталъ ее и обрушился на Тургенева—какъ онъ могъ видѣть въ повѣсти какія-то достоинства, которыхъ въ ней вовсе не было, что нельзя судить такъ легкомысленно и т. д.; Тургеневъ не находилъ оправданій. Появлялся въ кружкѣ и П. В. Анненковъ, когда еще ожидался выходъ въ свѣтъ изданія Пушкина. Бывалъ Писемскій: это былъ уже авторитетный писатель; несомнѣнно талантливый, по своему умный, онъ не привлекалъ къ себѣ; его провинціально грубая манера, не весьма изящный костромской говоръ, который выдавался очень рѣзко, какъ будто предвѣщали, что здѣсь онъ не въ своемъ кругу. И дѣйствительно, когда впослѣдствіи онъ сталъ однимъ изъ руководителей „Библіотеки для Чтенія“ [1]), и тамъ его фельетоны, подъ грубымъ, даже нѣсколько безсмысленнымъ псевдонимомъ (трудно понять, почему выбраннымъ), проводили какую-то нелѣпо-консервативную тенденцію.

То было знаменательное время въ цѣлой новѣйшей русской исторіи, время кризиса въ жизни государства и великаго перелома въ умахъ общества и даже народа, — канунъ и вскорѣ начало Крымской войны. Литература переживала тяжелое время. Подъ гнетомъ цензуры трудно было сказать что-нибудь живое, стать въ какой-либо степени не то что органомъ, но хотя бы слабымъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія. Это было то время, когда по внушеніямъ „негласнаго комитета“, который былъ настоящимъ пугаломъ литературы и самой цензуры, распространилась особенная боязнь печатнаго слова и преслѣдованіе всякаго

[1]) Послѣ Дружинина.

намека на критическую мысль. Гроза была неотвратимая, и съ нею нужно было считаться, чтобы сохранить существованіе журнала. Одного спеціальнаго цензурнаго учрежденія казалось мало: каждое министерство или крупное вѣдомство имѣло особыхъ цензоровъ изъ своихъ чиновниковъ, которые должны были просматривать или цѣлыя статьи, или отдѣльныя мѣста, гдѣ рѣчь касалась ихъ компетенціи. Обыкновенный цензоръ отмѣчалъ въ посылаемыхъ ему корректурахъ, что статья или отчеркнутое мѣсто должны были быть направлены къ особому цензору, того или другого вѣдомства. Сколько помню, тогда насчитывали до семнадцати подобныхъ цензуръ. Понятно, что такое положеніе вещей не представляло для редактора журнала ни удобства, ни удовольствія: во всякомъ случаѣ это была непріятная проволочка, которой старались избѣгать... Къ счастью, спеціальнымъ цензоромъ „Современника“ былъ тогда В. Н. Бекетовъ, человѣкъ болѣе или менѣе простой, довольно благодушный и благожелательный. Конечно, самъ находясь подъ ферулой, онъ не могъ уступать и не уступалъ своихъ цензорскихъ обязанностей, но, по крайней мѣрѣ, онъ не былъ мелоченъ и не прибавлялъ къ обязанностямъ оффиціальнымъ личной придирчивости и каприза. Я много разъ встрѣчалъ его за обѣдами или ужинами Некрасова... Настроеніе литературнаго круга, который я видѣлъ здѣсь и въ нѣкоторыхъ иныхъ кружкахъ, было довольно странное: прежде всего это было, конечно, настроеніе подавленное; трудно было говорить въ литературѣ даже то, что говорилось еще недавно, въ концѣ сороковыхъ годовъ. По распоряженіямъ негласнаго комитета даже отбирались нѣкоторыя книги прежняго времени, напр. „Отечественныя Записки“ сороковыхъ годовъ; славянофиламъ просто запрещали писать, или представлять въ цензуру какія-нибудь свои статьи; оставались возможны только темные намеки или молчаніе. Въ кружкахъ друзей передавались текущія новости разнаго рода, цензурные анекдоты, иногда сверхъестественные, или шла незатѣйливая пріятельская болтовня, какая издавна господствовала въ холостой компаніи тогдашняго барскаго сословія,—а эта компанія была и холостая, и барская. Нерѣдко она попадала на темы совсѣмъ скользкія. Въ это время Дружининъ писалъ въ „Современникѣ“ цѣлые шутовскіе фельетоны подъ заглавіемъ: „Путешествіе Ивана Чернокнижникова по Петербургскимъ дачамъ“. Въ это время создавались творенія знаменитаго Кузьмы Пруткова, которыя также печатались въ „Современникѣ“, и въ редакціи журнала я въ первый разъ познакомился съ однимъ изъ главныхъ представителей этого сборнаго

символическаго псевдонима, Владиміромъ Жемчужниковымъ. Въ то же время, когда писались творенія Кузьмы Пруткова, пріятельская компанія, которую онъ собою представлялъ, отчасти аристократическая, продѣлывала въ Петербургѣ различныя практическія шутовства, о которыхъ, если не ошибаюсь, было говорено въ литературѣ по поводу Кузьмы Пруткова. Это не были только простыя шалости беззаботныхъ и балованныхъ молодыхъ людей; вмѣстѣ съ тѣмъ, бывало здѣсь частью инстинктивное, частью сознательное желаніе развлечься и посмѣяться въ удушливой атмосферѣ времени. Самыя творенія Кузьмы Пруткова какъ бы хотѣли быть образчикомъ серьезной, даже глубокомысленной, а также скромной и благонамѣренной литературы, которая ничѣмъ не нарушила бы строгихъ цензурныхъ требованій. Знаменитая пьеса „Фа́нтазія" должна была представлять просто скромную шутку, безъ признака какой-нибудь тенденціи; но и „Фантазія", и мудрые афоризмы Кузьмы Пруткова, историческіе анекдоты, басни и проч., все это было сплошное шутовство, гдѣ, однако, при нѣкоторомъ вниманіи мелькала какая-то неопредѣленная насмѣшка: въ литературу введенъ былъ писатель, который очевидно былъ каррикатурой,—тупоумный или одурѣлый чиновникъ, который, прежде всего, считалъ себя благонамѣреннымъ. По странной случайности, около этого времени заѣхалъ въ Петербургъ провинціальный чиновникъ, хлопотать о своихъ дѣлахъ. Это былъ нѣкто Аѳанасій Анаевскій, очень извѣстный тогда въ литературѣ, какъ во времена Пушкина извѣстенъ былъ Александръ Анѳимовичъ Орловъ,—авторъ цѣлаго ряда небольшихъ книжекъ, совсѣмъ серьезныхъ по намѣренію автора, но чудовищныхъ по своей нелѣпости; книжки носили, напримѣръ, такія названія: „Энхиридіонъ любознательный", „Жезлъ", „Экзалтаціонъ и 9 музъ", „Мальчикъ, взыгравшій въ садахъ Тригуляя", и т. п.

Такое тяжелое положеніе угнетало не только литературу, но и цѣлое мыслящее общество,—и отъ этого гнета нельзя было отдохнуть одною шуткою, прикрытою насмѣшкою надъ цензурой, и въ концѣ-концовъ протестъ противъ этого подавленія общественной мысли высказался въ особой, рукописной литературѣ, уже не считавшей нужнымъ искать дозволенія цензуры. Въ канунъ и въ теченіе Крымской войны эта рукописная литература обильно разрослась и распространилась въ спискахъ, ходившихъ по рукамъ и съ жадностью прочитываемыхъ. Въ большинствѣ случаевъ, это были весьма серьезныя „записки", трактовавшія о тѣхъ вопросахъ, какіе въ наступавшую тревожную пору волновали общество, и для которыхъ не было мѣста въ обыкно-

венной литературѣ... Записки говорили объ общемъ политическомъ положеніи вещей, о массѣ внутреннихъ неурядицъ—испорченности и подкупности администраціи и суда, о безсиліи правительственной власти искоренить злоупотребленія при господствѣ оффиціальной лжи („все обстоитъ благополучно") и при вынужденномъ молчаніи общественнаго мнѣнія, усиленно подавляемаго цензурой... Кромѣ записокъ по общему вопросу нашей внутренней жизни, были спеціальныя записки, напр. о состояніи суда, администраціи (были даже цѣлыя большія сочиненія), о невозможныхъ абсурдахъ цензуры и т. д. Наконецъ, ходили по рукамъ стихотворенія, вызванныя войной, или чисто патріотическія („Вотъ въ воинственномъ азартѣ—Воевода Пальмерстонъ"), или такія, гдѣ патріотизмъ выражался протестомъ противъ домашнихъ неустройствъ и испорченности (стихотворенія Хомякова: „Тебя призвалъ на брань святую", и противовѣсъ этому: „Раскаявшейся Россіи"; или извѣстное тогда стихотвореніе не названнаго автора: „Меня поставилъ Богъ надъ русскою землею")... Многое изъ этой рукописной литературы издано было потомъ за границей въ „Голосахъ изъ Россіи". Авторы, конечно, предпочитали умалчивать свои имена; но извѣстно было, что одна изъ самыхъ значительныхъ записокъ принадлежала Грановскому; многое написано было Погодинымъ; были работы Ив. Аксакова... Теперь многое изъ потаенной литературы стало болѣе или менѣе извѣстно; цѣлые трактаты посвящены изображенію цензуры Николаевскихъ временъ; издано многое изъ переписки того времени,—и вотъ, напримѣръ, подобранныя недавно г. Барсуковымъ изъ того времени, слова знаменитаго историка, писателя, отличительной чертой котораго было мудрое спокойствіе мысли. „Приходилось,—писалъ С. М. Соловьевъ въ эпоху Крымской войны,—расплатиться... за полную остановку именно того, что нужно было болѣе всего поощрять, чего, къ несчастію, такъ мало приготовила наша Исторія, именно самостоятельнаго и общаго дѣйствія, безъ котораго самодержецъ, самый геніальный и благонамѣренный, остается безпомощнымъ, встрѣчаетъ страшныя затрудненія въ осуществленіи своихъ добрыхъ намѣреній. Нѣкоторые утѣшали себя такъ:—тяжко! всѣмъ жертвуется для матеріальной силы; но по крайней мѣрѣ мы сильны. Россія занимаетъ важное мѣсто, насъ уважаютъ и боятся. И это утѣшеніе было отнято, въ доказательство, что духъ есть иже живитъ, плоть—ничто же пользуетъ, въ доказательство гибельности матеріализма, въ доказательство того, что сила и матерія—не одно и то же" [1]).

[1]) Барсуковъ, „Жизнь и труды Погодина", XIII, стр. 20. Въ этой же книгѣ

Мы сдѣлали это отступленіе, чтобы напомнить настроеніе общества въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, въ эпоху Крымской войны,—и дать понятіе, въ какія условія поставлена была дѣятельность журнала, еслибы онъ не хотѣлъ остаться чуждъ настроеніямъ и исканіямъ общества.

Въ тяжелыхъ условіяхъ времени, для журнала, который въ концѣ сороковыхъ годовъ начатъ былъ дѣятельностью Бѣлинскаго, невозможно было думать о непосредственномъ продолженіи начатаго Бѣлинскимъ. На ту минуту не было и людей, которые хоть сколько-нибудь были способны къ энтузіазму Бѣлинскаго,— мы увидимъ дальше, что сталось съ его ближайшимъ другомъ Боткинымъ (который, впрочемъ, и никогда не былъ близкимъ участникомъ журнальной работы). Но такъ или иначе завѣтъ Бѣлинскаго не изсякъ совсѣмъ. Высоко ставилось дѣло литературы; съ дѣломъ литературы само собою соединялось (у болѣе серьезныхъ людей) и предполагалось извѣстное нравственное достоинство и общественная обязанность. Въ журналѣ соединились лучшія литературныя силы; къ нему примыкали и нѣсколько замѣчательныхъ людей другой области, ученые и публицисты. Въ первое время журнала въ немъ работалъ Кавелинъ; присылали свои труды С. М. Соловьевъ, А. Н. Аѳанасьевъ; много работалъ Владиміръ Милютинъ; одно время усерднымъ сотрудникомъ былъ Ушинскій и т. д. Въ 1853 къ блестящей плеядѣ Тургенева, Гончарова, Григоровича присоединилось имя, или, на первое время, три буквы, которыя тотчасъ привлекли всеобщее вниманіе. Эти буквы были Л. Н. Т. „Дѣтство“, „Отрочество“, „Юность“ и вскорѣ затѣмъ „Севастопольскіе разсказы“ поставили гр. Л. Н. Толстого въ первомъ ряду русскихъ писателей. О немъ самомъ пока знали только по слухамъ и въ первый разъ въ литературныхъ кругахъ увидѣли его только въ 1856 году, когда, послѣ севастопольской осады, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ; его приняли съ распростертыми объятіями...

Въ этомъ характерѣ журнала, и въ этомъ составѣ редакціи вступилъ въ „Современникъ“ Н. Г. Ч. и, года черезъ два потомъ, Добролюбовъ. Положеніе вещей было таково. На первый разъ вступленіе Н. Г. Ч. въ редакцію не произвело на членовъ кружка особеннаго впечатлѣнія,—но уже вскорѣ, при всемъ согласіи основныхъ стремленій къ успѣхамъ литературы, сказалась весьма существенная разница въ пониманіи ея общественнаго

г. Барсукова сообщены любопытныя свѣдѣнія о политическихъ запискахъ Погодина, ходившихъ по рукамъ въ эпоху Крымской войны.

значенія. Различіе этихъ оттѣнковъ восходило къ различію понятій теоретическихъ и общественно-историческихъ. Дальше увидимъ, что это были двѣ различныя школы и два поколѣнія: младшее поколѣніе (въ данномъ случаѣ) было именно несравненно болѣе воспріимчиво къ тѣмъ тревожнымъ стремленіямъ общественнаго мнѣнія, какія выше мы указывали словами С. М. Соловьева. Имя Ч-го, впрочемъ, было извѣстно. Въ 1855 году произвела нѣкоторое впечатлѣніе его диссертація: „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности", и исторія, которая съ ней произошла. Дѣло въ томъ, что диссертація представлена была (на степень магистра) по каѳедрѣ А. В. Никитенка; диссертація была своего рода протестомъ противъ господствовавшей эстетической рутины и искала болѣе простой, реальной, жизненной постановки вопроса о „прекрасномъ" и объ искусствѣ. Никитенко, которому предстояло разсмотрѣть, потомъ принять или отвергнуть диссертацію его университетскаго слушателя,—гдѣ шла рѣчь именно о нѣмецкихъ теоріяхъ эстетики, — не былъ человѣкъ ученый, но онъ былъ человѣкъ умный. Надо думать, что самъ онъ (понимавшій эстетику по переводамъ и разсказамъ о теоріяхъ Гегеля) не совсѣмъ раздѣлялъ, или даже совсѣмъ не раздѣлялъ взглядовъ Ч-го; но онъ совершенно понималъ, что сложный и трудный теоретическій вопросъ можетъ допустить самыя различныя точки зрѣнія, что самая многосторонность и противорѣчивость сужденій можетъ только служить болѣе глубокому дальнѣйшему рѣшенію, и въ этомъ смыслѣ (единственно правильномъ) онъ не имѣлъ противъ диссертаціи никакихъ возраженій. Она была имъ принята (это было главное); затѣмъ, съ формальной стороны, состоялся диспутъ, прошедшій обычнымъ образомъ, причемъ авторъ не оказывался побѣжденнымъ, и дѣло казалось рѣшеннымъ, но затѣмъ оно должно было идти на утвержденіе министра. Здѣсь началась какая-то темная исторія. Тогда объясняли ее такъ, что о диссертаціи прослышалъ извѣстный И. И. Давыдовъ; прочитавши книжку, онъ вывелъ заключеніе, что это отступленіе отъ принятыхъ (гегеліанскихъ) эстетическихъ теорій есть вольнодумство: послѣднее въ то время усиленно преслѣдовалось, и Давыдовъ (нѣкогда профессоръ Московскаго университета), управлявшій тогда педагогическимъ институтомъ, нашелъ нужнымъ проявить и здѣсь свое усердіе. Говорили, что онъ отправился къ министру (это былъ тогда А. С. Норовъ) и втолковалъ ему объ опасномъ проявленіи вольнодумства. Въ концѣ концовъ рѣшеніе факультета не получило утвержденія министра. Конечно, это не было однимъ изъ почетныхъ

фактовъ въ исторіи русскаго просвѣщенія и его министерства. До вступленія въ редакцію „Современника", Ч-го могли знать и по нѣкоторымъ статьямъ его, какія раньше являлись въ „Отечественныхъ Запискахъ" и указывали, между прочимъ, на серьезную научную образованность автора. Это былъ молодой писатель, въ какомъ редакція могла нуждаться: человѣкъ съ большими свѣдѣніями, разнообразной начитанностью, отличавшійся большой энергіей и быстротою работы.

Первыя его работы были характерны, новы, и съ первыхъ шаговъ опредѣлили и его общее направленіе, и его отношеніе къ тому, что творилось въ тогдашней литературѣ и что волновалось въ общественной жизни. Одной изъ этихъ работъ были извѣстные „Очерки Гоголевскаго періода": они опредѣляли историческій моментъ, къ которому привело предшествовавшее развитіе нашей литературы и которымъ, по мнѣнію автора, долженъ былъ опредѣляться ея дальнѣйшій путь. Это былъ оригинально и живо написанный ретроспективный взглядъ на недавнее прошлое русской литературы, подкрѣпленный характерными подробностями ея исторіи, взглядъ, который указывалъ, какими путями складывалось общественное значеніе литературы, что было ею пріобрѣтено въ ея тяжелыхъ условіяхъ, особливо въ условіяхъ неразвитости большинства общества, и что было пріобрѣтено ею какъ великій результатъ, обязательный для дальнѣйшихъ дѣятелей русской литературы, которые съумѣли бы понять свой истинный долгъ, лично нравственный и общественный. Пересмотрѣвъ различныя направленія „Гоголевскаго періода", которыя были постепенными стадіями литературнаго сознанія, авторъ очерковъ приходилъ къ писателю, на которомъ сосредоточивались его сочувствія: это былъ „критикъ Гоголевскаго періода", котораго въ началѣ этой работы еще нельзя было назвать по имени: цензура еще не пропускала имени Бѣлинскаго. „Очерки" имѣли то великое достоинство, что они въ первый разъ ярко и опредѣленно возстановили какъ бы боязливо забытую и оставленную традицію Бѣлинскаго. „Очерки" въ первый разъ представили, насколько лишь было возможно, великое значеніе этого писателя. Изданія его еще не было—оно стало появляться лишь съ конца пятидесятыхъ годовъ. Чтобы войти въ эпоху, надо было перерывать груды старыхъ журналовъ, выдѣлять статьи Бѣлинскаго (всего чаще не подписанныя), перечитывать остальную массу тогдашней литературы, словомъ, производить ту сложную работу, которая потомъ была значительно облегчена изданіемъ его сочиненій. Самая личность Бѣлинскаго до извѣстной степени объ-

яснялась для автора живымъ преданіемъ въ средѣ людей „сороковыхъ годовъ". Если не ошибаюсь, не мало онъ почерпнулъ изъ разсказовъ П. В. Анненкова. Въ томъ кругѣ это былъ, вѣроятно, человѣкъ наиболѣе способный серьезно оцѣнивать цѣлое явленіе личности и дѣятельности Бѣлинскаго. Извѣстно, что впослѣдствіи, долго спустя, Анненковъ оставилъ очень цѣнныя воспоминанія объ эпохѣ Бѣлинскаго. На ту пору Анненковъ, повидимому, не рѣшался на подобное дѣло: онъ былъ для этого слишкомъ осторожень и опасливъ; но, видимо, его и тогда влекло къ реставраціи той эпохи, и въ 1858 вышла его извѣстная біографія Станкевича,—написанная въ нѣсколько туманномъ теоретическомъ стилѣ, который бывалъ тогда выбираемъ имъ намѣренно, съ одной стороны, чтобы отвязаться отъ цензуры, а съ другой—и для того, чтобы пріучать и читателя вникать въ серьезное изложеніе.

Въ то же время та же основная мысль объ общественномъ значеніи художественной литературы была высказана въ другой формѣ. Въ третьей книгѣ „Современника" 1855 г. былъ помѣщенъ разборъ книжки: „Новыя повѣсти. Разсказы для дѣтей". Книжка эта сама по себѣ не интересна, замѣчалъ критикъ, но она послужила поводомъ къ слѣдующему случаю. Книжку собрались читать дѣти, для которыхъ она была предназначена—пятеро племянниковъ и племянницъ одной почтенной тетушки, возрастомъ отъ тринадцати до восьми лѣтъ. Въ дѣтской книжкѣ, по обыкновенію, преподавались полезныя нравоученія и, между прочимъ, внушалось, какъ дурно быть неблагодарнымъ. Въ результатѣ юные читатели сообразили, что они должны быть благодарны старшимъ, которые сочинили для нихъ повѣсти, и въ благодарность они, маленькіе читатели, должны сочинить повѣсти для старшихъ. Рѣшеніе принято было въ особенности по убѣжденію Петруши, который „былъ одаренъ замѣчательною силою ума". У тетушки были гости, а дѣти принялись за писаніе повѣстей. Къ концу вечера повѣсти были готовы, и тетушкѣ надо было заявить гостямъ о предстоящемъ чтеніи. Нѣкоторымъ изъ гостей показалось нелѣпымъ слушать ребяческія повѣсти; другіе, напротивъ, заинтересовались ими. Въ концѣ концовъ прочитано пять повѣстей, и каждая потомъ подверглась критикѣ гостей. Началось съ повѣсти восьмилѣтней Полины: „Пять лѣтъ". Повѣсть вообще понравилась. „Какой прекрасный слогъ!—говорили критики изъ гостей,—какіе нѣжные, тонкіе штрихи! Какъ вѣрно понятъ, какъ художественно воспроизведенъ характеръ Надины! Послѣдняя сцена безукоризненно художественна!" Та-

ковъ былъ общій голосъ гостей. Нѣкоторые прибавляли, однако, что въ повѣсти мало непосредственности; что рефлексія вредитъ таланту, и что даровитая Полина должна болѣе заботиться о непосредственности и—если можно такъ выразиться—дѣвственной свѣжести образовъ; что иначе рефлексія сгубитъ ея талантъ. Одна дама даже находила въ повѣсти Полины тенденцію, затаенную мысль, и была этимъ очень недовольна", и т. д.

Разсказъ девятилѣтняго Ванички: „Старый воробей", былъ нѣсколько похожъ на повѣсть Полины и также очень понравился критикамъ: „всѣ нашли, что характеръ Свирцова нарисованъ мастерскою рукою; нѣкоторые даже прибавили: „вотъ истинный *герой нашего времени*, разоблаченный отъ фальшивой Лермонтовской драпировки". Нашлись даже господа, которые рѣшили, что по развитію мысли въ художественномъ отношеніи они не сравниваютъ, обращая вниманіе преимущественно на мысль, которая душа повѣсти—что по развитію мысли Ваничка стоитъ выше Лермонтова; они хотѣли-было прибавить, что это не доказываетъ еще превосходства Ваничкина таланта надъ талантомъ Лермонтова, а только то, что наше время далеко ушло впередъ отъ Лермонтовской эпохи; но этихъ словъ уже почти нельзя было разслушать: едва послышалось выраженіе „мысль есть душа произведенія", какъ двадцать голосовъ закричали: „а художественность? она главное. Вы забываете художественность; мысль безъ художественности ничего не значитъ"... Въ азартѣ даже не замѣтили защитники художественности, что та мысль, о которой дерзнули заикнуться ихъ противники, чрезвычайно пустовата, такъ что обращать вниманіе на ея присутствіе или ея отсутствіе рѣшительно не стоитъ" и т. д.

Одинъ изъ младшихъ братьевъ, Боренька, прочиталъ разсказъ „Черная долина" (La vallée noire) съ эпиграфомъ изъ Жоржъ-Занда: „Oh! que j'aime cette vie calme et douce". Повѣсть была изъ русской народной жизни [1]).

„По поводу этой повѣсти опять былъ довольно жаркій споръ" —о томъ, можетъ ли простонародный бытъ дать содержаніе для

---

[1]) Повѣсть начиналась такъ:

„У пастуха Ивана есть падчерица Марья. Однажды вечеромъ, стирая бѣлье на живописной рѣчкѣ (см. „Jeanne" Жоржъ-Занда) слышитъ подлѣ себя вздохъ—это Ѳедоръ, который служитъ батракомъ на сосѣднемъ пчельникѣ; Ѳедоръ подходитъ къ ней, и почесывая въ затылкѣ смотритъ на нее.

— Чаво не видалъ, глаза-те уставилъ?—не безъ наивнаго кокетства, спрашиваетъ Марья, слегка краснѣя.

— Эхъ, Машутка, больно тея полюбилъ-то"!.. и т. д.

художественнаго произведенія. „Нѣкоторые говорили: не можетъ; имъ возражали:—можетъ, и представляли, какъ неопровержимый примѣръ, только-что прочитанную повѣсть; но, прибавляли почти всѣ защитники, только высокая художественность, до которой возвышается Боренька, только она и маскируетъ внутреннюю убѣдность содержанія; иные, впрочемъ, не допускали „такихъ узкихъ понятій“ и предполагали, что для двухъ—трехъ повѣстей простонародная жизнь можетъ дать содержаніе, несмотря на свое однообразіе и даже пустоту. Одинъ голосъ, напротивъ того, утверждалъ, что только простонародный бытъ и можетъ дать истинное содержаніе для русскаго таланта, потому что только въ оренбургскомъ краѣ сохранились русскіе элементы въ неподдѣльномъ видѣ. Но всѣ были согласны въ высокомъ художественномъ достоинствѣ Боренькиной повѣсти и до чрезвычайности восхищались удивительно глубокому знакомству Бореньки съ простонародною жизнью и дивному его искусству владѣть народнымъ языкомъ“ и т. д.

Шутка была довольно безобидная,—и, можетъ быть, авторъ на этотъ разъ хотѣлъ избѣжать и цензурныхъ затрудненій; но мысль была совсѣмъ серьезная. Онъ хотѣлъ сказать, что художественной литературѣ пора выйти изъ тѣхъ узкихъ рамокъ, въ которыя она себя заключила, не считать своимъ единственнымъ сюжетомъ безразличныя романическія исторіи или анекдоты, и напротивъ обратиться къ серьезному изображенію общественной жизни и ея условій. Напомнимъ, что совершенно подобное высказывала тогда же славянофильская критика (въ „Московскомъ Сборникѣ“) именно относительно Тургенева—что онъ былъ очень мало интересенъ, когда разсказывалъ свои исторіи о „любвяхъ“, и что, напротивъ, сразу сталъ крупнымъ писателемъ, когда коснулся настоящей жизни—въ „Запискахъ Охотника“. Въ произведеніяхъ Григоровича (какъ „Рыбаки“) также указывался излишекъ слащавой манерности, перенятой изъ сельскихъ разсказовъ Жоржъ-Занда [1]... Словомъ, эта шутка говорила, или хотѣла напомнить правду; эту правду можно было понять и признать, вспомнивъ Бѣлинскаго, вникнувъ въ являвшіяся тогда „Записки Охотника“, или уже вскорѣ, встрѣтивъ произведенія Салтыкова,—но писатели (они же и друзья „Современника“), узнавшіе себя въ рецензіи дѣтской книжки, были повидимому очень раздражены. Не припомню подробностей, но изъ писемъ Тургенева можно

[1]) Незадолго передъ тѣмъ была написана Григоровичемъ „Смёдовская долина“—прототипъ „Черной долины“ (La vallée noire).

видѣть, что уже вскорѣ по вступленіи новыхъ лицъ въ редакцію „Современника“ у Тургенева и его друзей начинается и все больше ростетъ непріязненное, наконецъ крайне враждебное отношеніе къ Некрасову—его винили въ томъ, что онъ изъ-за разсчета допустилъ въ журналъ людей черствыхъ и лишенныхъ художественнаго вкуса и къ нимъ враждебныхъ. Въ это самое время авторъ „разсказовъ изъ народнаго быта“ излилъ свою досаду въ повѣсти (напечатанной въ „Отечественныхъ Запискахъ“), гдѣ въ шуткѣ, похожей на пасквиль, изобразилъ непріятнаго критика, сдѣлавши его, между прочимъ, пьяницей...

Это столкновеніе, вызванное шуткой, и которое, повидимому, могло бы ограничиться личной непріязнью, простиралось однако гораздо дальше, именно на самый складъ литературныхъ и общественныхъ взглядовъ. Та и другая сторона имѣли одну основу своихъ стремленій—идеи сороковыхъ годовъ, которыя для обѣихъ, безъ сомнѣнія, сторонъ совмѣщались въ преданіи Бѣлинскаго. Но одна, повидимому поглощенная художественными интересами, разъ намѣченными, относилась какъ будто равнодушно къ дальнѣйшему развитію завѣтовъ Бѣлинскаго. Другая, напротивъ, видѣла въ этомъ дальнѣйшемъ развитіи прямую задачу литературы. Это преданіе напоминали „Очерки Гоголевскаго періода“ и указывали, что̀ становилось задачей литературы послѣ дѣятельности Гоголя, какъ это объяснялъ уже и Бѣлинскій... Какъ дальше увидимъ, это различіе взглядовъ выразилось въ томъ, что писатели стараго кружка вознамѣрились именно поддерживать „Пушкинское“ направленіе *противъ* „Гоголевскаго“. Это было, конечно, весьма прискорбное недоразумѣніе... Некрасовъ понималъ эту новую точку зрѣнія и этотъ новый порывъ литературы; но то и другое остались мало понятны его друзьямъ, и нѣкоторымъ совсѣмъ непонятны. Новое литературное поколѣніе съ своей стороны платило Некрасову своими симпатіями (иногда, можетъ быть, нѣсколько преувеличенными),—потому что въ его поэзіи находило сродные ему мотивы общественнаго чувства; и именно въ эти годы являлись нѣкоторыя изъ самыхъ яркихъ его стихотвореній... Такимъ образомъ, здѣсь естественнымъ образомъ возникало взаимное пониманіе, когда у старыхъ друзей „Современника“ относительно новаго поколѣнія была только нетерпимость, нѣсколько высокомѣрная, потомъ крайне враждебная. Некрасовъ не воспротивился шутливой рецензіи дѣтской книжки: онъ не былъ такъ малодушенъ, чтобы возстать противъ нея (сущность ея, отдѣленную отъ шутки, онъ могъ вполнѣ понять,

и съ ней соглашаться),—за то въ кругу старыхъ друзей его начали считать измѣнникомъ [1])...

Но еще гораздо больше возбудилъ къ себѣ вражды Добролюбовъ. Это былъ въ особенности представитель молодого поколѣнія, и дѣйствительно самый молодой во всемъ кружкѣ; человѣкъ съ сильнымъ умомъ и затѣмъ остроумный, онъ при самомъ вступленіи на литературное поприще питалъ уже сильно возбужденные общественные интересы, которые именно въ это время поднялись въ обществѣ, какъ этого не бывало раньше. Съ этой точки зрѣнія онъ относился и къ тому, что видѣлъ въ ту минуту въ литературѣ и литературныхъ нравахъ. Къ представителямъ литературы онъ прилагалъ ту суровую требовательность, какая по его взгляду подобала жизненнымъ вопросамъ, стоявшимъ передъ русскимъ обществомъ въ кризисѣ данной исторической минуты. Его отталкивало легкомысліе, примѣровъ котораго онъ видѣлъ массу въ литературѣ и какое ему случалось видѣть даже въ кругу корифеевъ, и онъ не былъ нрава уступ-

---

[1]) Въ рецензіи вообще выражалась мысль о недостаткѣ серьезнаго содержанія въ тогдашней повѣствовательной литературѣ и критикѣ, когда уже Бѣлинскій указывалъ для повѣсти необходимость „дѣльности".

Относительно повѣстей „изъ народнаго быта" рецензія особенно требовала большей простоты и удаленія фальшивой идеализаціи, намекая на нѣкоторыя повѣсти Григоровича. Для провѣрки этого взгляда любопытно сличить съ нимъ выводы, къ которымъ приходитъ (черезъ пятьдесятъ лѣтъ) современная историко-литературная критика.

По поводу сочиненій В. А. Слѣпцова новѣйшій литературный историкъ замѣчаетъ:

„Идеализація мужика имѣетъ свою длинную исторію.

„Поэзія XVIII-го вѣка, выросшая на болотѣ крѣпостныхъ отношеній, любила изображать прикрашенныхъ пейзанъ, пляшущихъ и поющихъ во славу добраго барина и мирно процвѣтающихъ подъ эгидою его власти.

„Подсахаренные, а то и совсѣмъ засахаренные „мужички" Григоровича и его послѣдователей являются внуками этихъ пейзанъ.

„Даже въ „Запискахъ Охотника" чувствуется эта идеализація, хотя бы и сведенная до минимума благодаря художественному чутью ихъ автора. Въ подобной идеализаціи далеко не все и не всегда обстояло благополучно"...

И дальше критикъ передаетъ впечатлѣнія, какія между прочимъ и могли представляться автору рецензіи 1855 года.

..."За этой идеализаціей иногда прятались отъ слишкомъ тяжелыхъ впечатлѣній дѣйствительности; ею замѣняли живое, настоящее дѣло на пользу „меньшаго брата", выплачивали этою дешевою платою свой „долгъ" ему; въ ней часто не было настоящаго уваженія къ человѣческому достоинству идеализируемаго; создавая фантомъ и поклоняясь ему, кадили прежде всего себѣ, своей прозорливости и своей „гуманности"... („Русская Мысль", 1903, кн. IV, стр. 156).

Авторъ рецензіи, быть можетъ, неосторожно коснулся этой психологической струны, и Григоровичъ отвѣтилъ ругательствами.

чиваго... Самъ Тургеневъ пишетъ, что если старшій другъ Добролюбова былъ „змѣя“, то Добролюбовъ—„змѣя очковая“: говорилось это въ видѣ шутки, но шутка была, какъ видимъ, очень острой формы и въ существѣ была и не шуткой. Некрасовъ, какъ умный человѣкъ, не могъ не оцѣнить этого сильнаго дарованія и не думалъ уступать старымъ пріятелямъ, которые въ концѣ концовъ вооружались противъ Добролюбова [1]); ихъ нападенія казались ему вѣроятно мелочными, а иногда онѣ были и просто несправедливы... Не обошлось и безъ прямыхъ маленькихъ столкновеній, которыя, кажется, переполнили чашу [2]). Въ первой половинѣ 1858 минуло десять лѣтъ со смерти Бѣлинскаго. Старые друзья и ученики хотѣли почтить его память, и кружокъ собрался на поминальный обѣдъ въ ресторанѣ; сочли нужнымъ пригласить и молодого человѣка. Послѣдній могъ ожидать на поминкахъ услышать отъ очевидцевъ и друзей какія-нибудь воспоминанія о замѣчательномъ человѣкѣ, но вмѣсто того услышалъ обычную пріятельскую застольную болтовню,—на его свѣжее чувство она подѣйствовала раздражающимъ образомъ. На другое утро собесѣдники получили стихотвореніе, посвященное вчерашней бесѣдѣ: Добролюбовъ, ничего не говоря, пришелъ утромъ къ Некрасову, также получившему стихотвореніе. Некрасовъ, конечно, узналъ автора и—понялъ его; но другіе пришли въ раздраженіе...

Никакого личнаго столкновенія или пререканія тутъ не было, но столкновеніе нравственное было въ упоръ, и оно было весьма характерно. Приводимъ поэтому упомянутый разсказъ М. А. Антоновича.

„Покойный Н. А. Некрасовъ разсказывалъ намъ, что друзья, ученики и почитатели Бѣлинскаго, люди сороковыхъ годовъ, ежегодно устроивали обѣды въ память Бѣлинскаго. На одномъ изъ этихъ обѣдовъ, въ пятидесятыхъ годахъ, присутствовалъ и Добролюбовъ. Вѣроятно, это и былъ „пышный обѣдъ“, на которомъ, кромѣ „мудрыхъ бесѣдъ“, лилось еще что-нибудь и участники котораго горячились изъ-за бѣднаго брата, разгоряченные или воспоминаніемъ о Бѣлинскомъ, или чѣмъ-нибудь другимъ. Словомъ, этотъ обѣдъ и его участники произвели на Добролюбова такое впечатлѣніе, что онъ въ негодованіи прибѣжалъ домой, излилъ свое негодованіе въ горячихъ стихахъ и немед-

[1]) Ср. разсказы Панаевой-Головачевой, въ ея воспоминаніяхъ.

[2]) Я не былъ свидѣтелемъ того, что говорится далѣе,—потому что жилъ тогда за границей, но слышалъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, а теперь объ этомъ есть обстоятельное свидѣтельство М. А. Антоновича, о чемъ далѣе.

ленно разослалъ анонимно эти стихи наиболѣе выдающимся участникамъ обѣда. Въ числѣ другихъ это стихотвореніе получилъ и Н. А. и, по его словамъ, сразу же догадался, кто авторъ его; да притомъ Добролюбовъ не скрывался передъ нимъ и самъ признался ему во всемъ. Н. А., конечно, и не подумалъ обидѣться на присланное ему стихотвореніе; но другіе извѣстные литераторы сильно обидѣлись и, узнавъ, что авторъ стихотворенія Добролюбовъ, ужасно разсердились на него и говорили, что „этотъ мальчишка самъ не понимаетъ Бѣлинскаго". И съ этого времени вообще началось охлажденіе между литераторами сороковыхъ годовъ и Добролюбовымъ"...

У г. Антоновича сохранилось стихотвореніе Добролюбова, писанное его рукой и повидимому относящееся къ тому случаю, о которомъ разсказывалъ Некрасовъ. Утверждать это положительно г. Антоновичъ не рѣшается, но весьма вѣроятно, что стихотвореніе относится именно сюда. Стихотвореніе озаглавлено: „На тостъ въ память Бѣлинскаго, 6-го іюля 1858 г.": 6-е іюля было, вѣроятно, днемъ именинъ Бѣлинскаго, такъ какъ въ этотъ день бываетъ св. Виссаріона. Въ воспоминаніяхъ г. Антоновича приведена „часть" этого стихотворенія. Отрывокъ начинается такъ:

„И мертвый живъ онъ между нами
И плачетъ горькими слезами
О поколѣньи молодомъ,
Святую вѣру потерявшемъ,
Холодномъ, черствомъ и нѣмомъ,
Передъ борьбой позорно павшемъ"...

И въ концѣ отрывка читаемъ:

„Не разъ я въ честь его бокалъ
На пьяномъ пирѣ поднималъ
И думалъ: „только! только этимъ
Мы можемъ помянуть его!
Лишь пошлымъ тостомъ мы отвѣтимъ
На мысли свѣтлыя его!.." и т. д. [1]).

Понятно, что при такомъ настроеніи всякое разнорѣчіе во взглядахъ принимало у раздраженной стороны прямо враждебный характеръ. Историки, пытавшіеся изображать эти отношенія, грубо ошибались, когда принимали буквально показанія одной раздраженной стороны (какъ это было недавно); они

[1]) „Р. Мысль" 1898, декабрь; второй отдѣлъ, „Воспоминанія по поводу чествованія памяти В. Г. Бѣлинскаго", стр. 9—11.

хотѣли отвергать и заявленіе, сдѣланное въ самомъ „Современникѣ“, о разницѣ литературныхъ взглядовъ новой редакціи журнала съ Тургеневымъ;—чтобы увидѣть, какъ несостоятельны эти отрицанія, довольно взглянуть собраніе писемъ Тургенева, другое собраніе писемъ друзей стараго кружка въ воспоминаніяхъ Фета: обильная (даже слишкомъ) коллекція бранныхъ выраженій противъ новаго направленія журнала не говорила о согласіи мнѣній...

Какое же въ дѣйствительности было положеніе Некрасова въ этомъ раздорѣ? Если принять буквально всѣ отзывы Тургенева, Фета и пр., его роль была относительно ихъ какая-то предательская; онъ удерживалъ въ редакціи лицъ, непріятныхъ старымъ друзьямъ, а послѣднихъ увѣрялъ, что ужасно ихъ любитъ... Нѣкоторые историки и рѣшали вопросъ категорически противъ Некрасова—на основаніи отзывовъ Тургенева, Фета и пр., но въ сущности наобумъ...

Вражда между прежними друзьями бываетъ обыкновенно самая раздражительная и ядовитая. Такъ было и здѣсь—со стороны враговъ Некрасова, потому что съ его стороны не видимъ такого озлобленія. Прежде всего, отзывы Тургенева и его друзей выражали, конечно, ихъ личное мнѣніе, и въ этомъ смыслѣ историкъ и можетъ приводить его; но было бы слишкомъ поспѣшно заключать, что это мнѣніе было совсѣмъ правильное. Напротивъ, это мнѣніе очень часто было предвзятое, внушенное раздражительной нетерпимостью, иногда мелочной, которая была, къ сожалѣнію, въ характерѣ Тургенева, по свидѣтельству самихъ его ближайшихъ друзей. Напримѣръ, Тургеневъ [1]) не однажды говоритъ о „штукахъ“ Некрасова, состоявшихъ въ томъ, что, не принимая чью-нибудь статью въ журналъ, онъ ссылался на „сотрудниковъ“, которые, по его словамъ, этого не желали. Эта ссылка была, по утвержденію Тургенева, только „штукой“; въ дѣйствительности, эта ссылка могла быть совершенно справедлива, потому что, разъ предоставивши сотрудникамъ участіе въ веденіи журнала, Некрасовъ не могъ не слышать ихъ мнѣній; взгляды во многихъ отношеніяхъ бывали иные, чѣмъ прежде, и люди были иногда вовсе не уступчивые,—какъ прежде, напримѣръ, Добролюбовъ, впослѣдствіи Елисеевъ или Салтыковъ... Скажемъ даже больше: Некрасовъ—въ томъ, что Тургеневъ называлъ его „штуками“ („я ихъ знаю“),—вовсе не прятался за „сотрудниковъ“; въ дѣйствительности ему просто приходилось

[1]) Въ письмахъ къ Фету.

иногда уступать имъ. Дѣло въ томъ, что въ общемъ Некрасовъ соглашался съ основнымъ характеромъ ихъ понятій, но во многихъ частностяхъ, вѣроятно, съ иными не соглашался; инымъ, быть можетъ, даже нѣсколько тяготился, но предпочиталъ уступать, чѣмъ начинать раздоръ. Прибавимъ еще, что въ послѣднiе годы онъ вообще былъ какъ будто утомленъ и меньше работалъ для журнала, чѣмъ въ первые годы, когда на немъ лежала почти вся тяжесть дѣла. Источникомъ заблужденія Тургенева было именно то, что Тургеневъ зналъ эту прежнюю журнальную работу Некрасова, но онъ не зналъ послѣдующаго хода дѣла; въ прежнее время Некрасовъ былъ главный хозяинъ и главный работникъ въ журналѣ; потомъ болѣзнь и пребываніе за границей прервали его постоянную работу по журналу, а потомъ, вернувшись, значительную долю этой работы прямо передалъ сотрудникамъ. Ч—ій и Добролюбовъ оба много работали, и Некрасовъ очень цѣнилъ ихъ труды по самому существу.

Здѣсь, а не въ какихъ-нибудь журнальныхъ мелочахъ, и заключалась основная причина раздора. Въ „Очеркахъ Гоголевскаго періода“ подробно изученъ былъ ходъ развитія новѣйшей русской литературы и указано было то ея великое пріобрѣтеніе, что она становилась художественнымъ выраженіемъ живой общественной дѣйствительности. Высшимъ выразителемъ этого момента художественнаго развитія представлялся Гоголь; одушевленнымъ критическимъ истолкователемъ его былъ Бѣлинскій. Было совершенно естественно, и вмѣстѣ чрезвычайно любопытно и поучительно, понять сознательно этотъ историческій моментъ, въ которомъ заключалось и указаніе о дальнѣйшемъ трудѣ, предстоявшемъ для дѣятелей русскаго художества и критики. Естественно также, что критика не ограничивалась только чисто-эстетическими соображеніями, но все болѣе обращалась на эту общественную сторону, и когда стало нѣсколько возможно, вопросы общественные стали господствующимъ интересомъ. Извѣстно, что Бѣлинскій въ послѣдніе годы его дѣятельности именно искалъ для литературы этого реальнаго общественнаго содержанія, и то направленіе молодыхъ литературныхъ поколѣній, которое казалось новымъ, въ сущности было развитіемъ мыслей и стремленій Бѣлинскаго.

Друзья стараго кружка редакціи этого не понимали. Изъ дальнѣйшихъ сопоставленій мы увидимъ, что новая критика была имъ непріятна; „политика“, т.-е. вопросы общественные, была неинтересна; „разные экономическіе вопросы“ (а рѣчь шла объ освобожденіи крестьянъ) просто невразумительны. Словомъ, инте-

ресы молодыхъ поколѣній,—тѣ самые, которые подняты были въ тревожную пору Крымской войны и волновали лучшую часть общества,—были какъ будто чужды старымъ друзьямъ, когда, напротивъ, для молодыхъ поколѣній это были интересы живо-трепещущіе.

Но то, что было чуждо или нелюбопытно старымъ друзьямъ, Некрасову было вполнѣ понятно,—и не трудно было человѣку, нѣсколько воспріимчивому къ общественнымъ вопросамъ, понять, въ годы кризиса Крымской войны, общественное возбужденіе; понять, что оно должно было быть тѣмъ сильнѣе въ поколѣніяхъ молодыхъ, всегда наклонныхъ къ идеализму и еще не успѣвшихъ зачерствѣть въ рутинѣ себялюбія и самодовольствѣ. Некрасовъ съумѣлъ понять идеалистическое настроеніе, представителями котораго были два новые сотрудника журнала. Съ другой стороны основою дружескихъ отношеній съ ними была собственная дѣятельность Некрасова: въ эти самые годы его поэзія получила тотъ характеръ, который и самъ Тургеневъ, не признававшій его поэзіи, призналъ въ своемъ отзывѣ (въ декабрѣ 1856) о первомъ его сборникѣ: „а Некрасова стихотворенія, собранныя въ одинъ фокусъ,—жгутся". Такъ и принимало ихъ въ особенности молодое поколѣніе, искавшее наконецъ въ литературѣ какого-либо отвѣта на свои общественно-идеалистическія мечты и порывы. Здѣсь была прочная почва для взаимнаго пониманія. Некрасовъ видѣлъ интересъ первыхъ работъ своихъ новыхъ сотрудниковъ и естественно могъ имъ сочувствовать. Онъ видѣлъ, что въ общественномъ настроеніи начинается переломъ,—котораго давно надо было ожидать,—и что литература, чтобы сохранить свой давній историческій смыслъ, должна удовлетворить нравственнымъ требованіямъ общества. Взаимное пониманіе выразилось въ томъ, что въ „Современникѣ" основанъ былъ тогда новый отдѣлъ—„Замѣтки о журналахъ", который доставлялъ поводъ касаться различныхъ вопросовъ, затронутыхъ литературой, и становился публицистикой. Замѣтки ведены были Ч—мъ, но (вначалѣ, сколько помню) иногда съ близкимъ участіемъ Некрасова: есть страницы, начатыя однимъ и продолженныя другимъ [1]). Некрасовъ такимъ образомъ непосредственно зналъ новое направленіе, и во многомъ сполна раздѣлялъ его: безъ сомнѣнія онъ понималъ значеніе и своевременность „Очерковъ Гоголевскаго періода", понималъ упомяну-

[1]) В. П. Горленко, въ статьѣ о литературной дѣятельности Некрасова (въ „Отеч. Запискахъ" 1878, декабрь) приписалъ „Замѣтки о журналахъ" сполна Некрасову; но это совсѣмъ невѣрно.

тый шуточный разборъ дѣтской книжки, понималъ колкое стихотвореніе Добролюбова послѣ поминальнаго обѣда и т. п., видѣлъ, что тутъ есть правда, и не приходилъ въ озлобленіе... Онъ видѣлъ, что болѣе вѣрными хранителями преданія Бѣлинскаго были не собесѣдники поминальнаго обѣда, а люди новаго поколѣнія.

Очевидно, что Некрасову было не трудно придти къ этимъ впечатлѣніямъ и заключеніямъ; но этого не могло понять, и помириться съ этимъ, большинство старыхъ друзей. Имъ представилось, что это только разсчетъ и потомъ измѣна старымъ друзьямъ; когда при этомъ Некрасовъ продолжалъ высказывать имъ дружескія чувства, это считали лицемѣріемъ и обманомъ. Взглянувъ на дѣло проще, не трудно видѣть, что для человѣка спокойнаго разница взглядовъ, собственно теоретическихъ, нисколько не вызывала надобности забыть дружескія отношенія, существовавшія многіе годы. Несомнѣнно опять, что Некрасовъ въ этомъ случаѣ вовсе не лицемѣрилъ, и когда онъ старался сглаживать возникавшія столкновенія, онъ оберегалъ старыхъ друзей, въ душѣ считая ихъ раздражительность неумѣстною и мотивы—мелочными. Всего больше онъ былъ привязанъ къ Тургеневу, и объ этой привязанности онъ говорилъ мнѣ въ послѣдніе дни своей жизни, когда я навѣщалъ его и когда, въ минуты облегченія своихъ страданій, онъ обращался къ воспоминаніямъ о старыхъ временахъ.

Самъ Тургеневъ, не безъ значительнаго вліянія нѣкоторыхъ своихъ друзей прежняго кружка, съ этими новыми участниками журнала не сблизился. Предубѣжденіе, съ которымъ встрѣтили ихъ старые друзья редакціи, впослѣдствіи только увеличивало недовѣрчивость и подозрительность. Дальше увидимъ, что въ глазахъ прямолинейнаго Фета новые участники редакціи были прямо люди не ихъ круга (по его мнѣнію, у насъ „вся художественно-литературная сила сосредоточивалась въ дворянскихъ рукахъ“); это были „разночинцы“... Дѣйствительно, у этихъ лицъ не бывало деревень, они не „покупали поваровъ“ по тысячѣ рублей, не имѣли понятія о дворянскихъ потѣхахъ, игрѣ, охотѣ и т. д.; съ ними отпадала значительная доля занимательной пріятельской бесѣды и препровожденія времени. Старые друзья не видѣли только (напр. Боткинъ, Фетъ), что эти „разночинцы“ были широко образованные люди, иногда образованнѣе ихъ самихъ, и между прочимъ горячо преданные серьезнымъ интересамъ литературы; старые друзья, напр. Боткинъ, прямо говорили даже, что совсѣмъ не понимаютъ вопросовъ политико-эко-

номическихъ и подобныхъ, которые становились, однако, серьезными общественными вопросами... Тургеневъ, въ этомъ отношеніи, былъ гораздо болѣе просвѣщенный человѣкъ, чѣмъ его друзья; но въ этой первой встрѣчѣ съ новымъ литературнымъ поколѣніемъ и онъ недостаточно отдавалъ себѣ отчета въ складѣ мысли и настроеніи людей этого поколѣнія. Ему видѣлись сухость и желчь, но, поддавшись своей нервной нетерпѣливости (если не сказать: нетерпимости), онъ не хотѣлъ вникнуть въ настоящую подкладку настроенія... Едва-ли сомнительно, что изображая, впослѣдствіи, Базарова, Тургеневъ (хотя бы и имѣлъ въ виду другой живой оригиналъ, какъ говорятъ) вложилъ въ это изображеніе нѣкоторыя черты Добролюбова: Базаровъ, въ собственномъ представленіи Тургенева, былъ натура почти героическая, суровая, честная и непреклонная... Подобнымъ образомъ Тургеневъ относился на первый разъ къ молодому женскому поколѣнію: онъ съ пренебреженіемъ говоритъ о будущихъ женщинахъ-медикахъ [1],—но потомъ онъ умѣлъ съ глубокой симпатіей изображать женщинъ молодого поколѣнія въ „Нови" и въ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ". Странно сказать, что Тургеневъ пренебрежительно говорилъ даже о первыхъ произведеніяхъ Салтыкова [2]), которыми впослѣдствіи неизмѣнно восхищался. Мы увидимъ дальше, что Тургеневъ, въ концѣ концовъ, вступилъ въ то литературно-общественное движеніе, начало котораго, на переломѣ отъ сороковыхъ годовъ, онъ встрѣтилъ такъ непріязненно. Его друзья изъ стараго кружка уже вскорѣ перешли прямо въ лагерь обскурантовъ.

II. — Историко-литературныя справки.

Итакъ, со времени вступленія въ „Современникъ" новыхъ сотрудниковъ, старый пріятельскій кружокъ отнесся крайне враждебно не только къ этимъ сотрудникамъ, но и къ самому Некрасову. На него посыпались безконечныя укоризны—въ журнальной аферѣ, ради которой онъ будто бы бросилъ и прежнихъ друзей, промѣнявъ ихъ на новыхъ сотрудниковъ, которые, по его разсчету, были выгоднѣе...

---

[1]) Фетъ, Воспом., II, 15.

[2]) Письма,—отъ марта 1857, стр. 50. Примѣчаніе къ этому письму сопоставляетъ этотъ первый неблагосклонный отзывъ Тургенева о Салтыковѣ съ позднѣйшими статьями Писарева. Но, по мотивамъ, между этими отзывами общаго мало, или совсѣмъ нѣтъ.

Въ дѣйствительности, это сближеніе Некрасова съ новыми сотрудниками происходило гораздо проще, естественнѣе и—достойнѣе.

Остановимся на этомъ кружкѣ, который еще не былъ разсмотрѣнъ въ его цѣломъ, но заслуживаетъ этого, какъ замѣчательный въ разныхъ отношеніяхъ эпизодъ нашей новѣйшей литературной исторіи. Это былъ именно любопытный эпизодъ—смѣны сороковыхъ годовъ пятидесятыми, смѣны ихъ настроеній. Мнѣ самому привелось отчасти видѣть и нѣсколько знать факты и людей, но такъ какъ цѣльное изображеніе этой эпохи еще слишкомъ сложно, и частію затруднительно, ограничусь нѣсколькими подробностями, заимствуя ихъ притомъ по возможности изъ собственныхъ показаній этихъ лицъ, въ ихъ воспоминаніяхъ и письмахъ,—чтобы устранить какое-либо произвольное освѣщеніе... Этихъ собственныхъ показаній не такъ много, но въ нихъ находятся характерныя черты, рисующія время и настроенія. Таковы, напр., воспоминанія, и особливо письма Тургенева, собранныя послѣ его смерти [1]. Таковы воспоминанія Д. В. Григоровича [2]; воспоминанія Фета [3]; о болѣе раннемъ времени—воспоминанія Ив. Ив. Панаева [4]; отъ ранняго и болѣе поздняго времени—воспоминанія А. Я. Панаевой-Головачевой [5]; воспоминанія и письма П. В. Анненкова [6], и др.

Въ такихъ отношеніяхъ, какія мы встрѣчаемъ въ этомъ эпизодѣ литературныхъ столкновеній и вражды, благоразуміе повелѣваетъ принимать показанія враждующихъ сторонъ съ извѣстной осторожностью и не ставить всякое лыко въ строку; въ пріятельскихъ письмахъ, сплошь и рядомъ, мысль, отзывы о людяхъ говорятся съ дружеской откровенностью, въ сильныхъ выраженіяхъ,—которыя тотъ же человѣкъ не рѣшился бы употребить передъ большой аудиторіей въ печати, гдѣ сильнѣе отвѣтственность за свои слова,—а письма, какъ дружескій разговоръ, пи-

---

[1]) Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева. 1840—1883 г. Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Спб. 1885.

[2]) Полное собраніе сочиненій Д. В. Григоровича. Приложеніе къ журналу „Нива“. Спб. 1896, т. XII: „Литературныя воспоминанія“.

[3]) Мои воспоминанія. 1848—1889. А. Фета. Двѣ части. М. 1890. Книга чрезвычайно любопытна, какъ по собственнымъ разсказамъ Фета, такъ и по множеству приведенныхъ въ ней писемъ, особенно Тургенева, В. П. Боткина, гр. Л. Н. Толстого.

[4]) Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ. Спб. 1876.

[5]) Русскіе писатели и артисты. 1824—1870. Спб. 1890.

[6]) Анненковъ и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—1885 годовъ. Спб. 1892.

шутся безъ всякой мысли о томъ, что они сдѣлаются когда-нибудь достояніемъ печати. Поэтому можно впередъ принять извѣстную оговорку относительно подобныхъ свидѣтельствъ,—она и дѣйствительно оказывается необходима, потому что тѣмъ же лицамъ и о томъ же приходилось иногда говорить впослѣдствіи иначе, т.-е. брать свои слова назадъ;—но при всемъ томъ эти откровенныя рѣчи въ дружескихъ письмахъ имѣютъ свою серьезную важность, какъ отголосокъ настроенія данной минуты, какъ отраженіе перваго впечатлѣнія новыхъ явленій общественныхъ и литературныхъ.

Дѣйствительно, какъ увидимъ, старый дружескій кружокъ съ перваго раза отнесся враждебно къ этимъ новымъ явленіямъ,—хотя временами чувствовалъ инстинктивно ихъ естественность и законность. Но господствующимъ отношеніемъ осталась въ этомъ старомъ кружкѣ странная непріязнь...

Старый кружокъ „Современника“ образовался по непосредственному преданію сороковыхъ годовъ. Для всѣхъ почти безъ исключенія (кромѣ, кажется, Фета) былъ еще недавно высокимъ личнымъ авторитетомъ—Бѣлинскій. Еще въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ сочувственно встрѣтилъ первые труды Некрасова [1]), и (факты увидимъ далѣе) онъ вѣрнѣе всѣхъ остальныхъ друзей кружка успѣлъ понять и сохранить преданіе Бѣлинскаго—несмотря даже на то, что въ кружкѣ вліятельнымъ лицомъ былъ самый давній и близкій другъ Бѣлинскаго, В. П. Боткинъ, мало дѣятельный писатель, но человѣкъ съ значительнымъ образованіемъ, большимъ литературнымъ опытомъ. Отношенія Тургенева къ Бѣлинскому извѣстны. Бѣлинскій привѣтствовалъ и первые труды Д. В. Григоровича, А. В. Дружинина, Панаева. Извѣстны также отношенія къ Бѣлинскому П. В. Анненкова. Близокъ къ Бѣлинскому былъ даже нелитературный пріятель кружка, добродушный и остроумный М. А. Языковъ.

Въ этомъ кружкѣ, вообще тѣсномъ, особенная дружба соединяла Тургенева и Фета, потомъ—Фета и Боткина, когда послѣдніе еще породнились женитьбой Фета на М. П. Боткиной. Основой дружбы были общіе эстетическіе интересы, а потомъ и общая Тургеневу, Фету и Боткину вражда къ новому направленію „Современника“. Въ письмахъ Тургенева и воспоминаніяхъ Фета (сохранившаго въ нихъ и большое число писемъ) чрезвычайно любопытно слѣдить ихъ взгляды на возникавшее новое

[1]) Въ запискахъ Панаевой-Головачевой, стр. 101—102; подтвержденіе этому—въ письмѣ Бѣлинскаго къ Кавелину, приведенномъ въ статьѣ Д. А. Корсакова, „Р. Мысль“, 1892, кн. 1: „Изъ литературной переписки Кавелина“, стр. 121.

направленіе литературныхъ интересовъ, въ которыхъ все больше сказывалось увлеченіе общественными вопросами.

Для послѣдующаго вспомнимъ, что эти годы были именно кануномъ, а потомъ самой той эпохой, за которой утверждается теперь имя „эпохи великихъ реформъ". Очевидно было, что новыя стремленія молодыхъ литературныхъ поколѣній были именно въ тѣсной нравственной связи съ ожидаемой эпохой реформъ; и, къ удивленію, мы видимъ, что старый кружокъ не видѣлъ этого, и мало того, относился къ новому настроенію литературы прямо недоброжелательно...

Приводимъ нѣсколько фактовъ изъ воспоминаній и писемъ этого дружескаго круга. Особенно обстоятеленъ въ своихъ личныхъ воспоминаніяхъ Фетъ; и въ данномъ случаѣ онъ также даетъ немало характерныхъ сообщеній. Когда Фетъ вошелъ въ этотъ кружокъ (въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ), онъ встрѣтилъ здѣсь, кромѣ Некрасова и Панаева, В. П. Боткина, Тургенева, Дружинина, Григоровича, Лонгинова, Анненкова, Языкова, Ег. П. Ковалевскаго. Это была дружеская компанія съ очень живыми литературными интересами [1]). Самъ Фетъ нашелъ здѣсь самое дружеское гостепріимство: имъ была уже издана, въ 1850, книжка стихотвореній, которыя очень цѣнились. Естественно, что Некрасовъ желалъ имѣть его стихотворенія и для журнала и предложилъ ему сразу очень хорошія условія. Онъ желалъ вообще въ стихотворномъ отдѣлѣ журнала давать только дѣйствительно хорошія вещи, на что вкусъ у него несомнѣнно былъ, какъ и вообще въ дружескомъ кружкѣ; здѣсь съ большимъ сочувствіемъ приняты были стихотворенія Ѳ. И. Тютчева, и Тургеневъ гордился, что онѣ получены были „Современникомъ" при его посредствѣ [2]). Въ это время Некрасовъ былъ заинтересованъ также стихотвореніями Ивана Аксакова и предлагалъ сдѣлать ихъ изданіе [3]).

Фетъ приводитъ образчикъ литературныхъ интересовъ кружка. Когда онъ вернулся изъ Петербурга въ свой полкъ (стоявшій въ Балтійскомъ краѣ), онъ получилъ въ письмѣ Тургенева кол-

---

[1]) Фетъ, Воспом. I, стр. 32—40, 126, 128.

[2]) Фетъ I, 134, 135.

[3]) Фетъ говоритъ (I, 37) о „бурѣ негодованія" со стороны Некрасова, когда стихотворенія Фета, по ободренію Тургенева, въ это же время явились и въ „Отечественныхъ Запискахъ". Но буря объясняется просто: самъ Фетъ здѣсь же разсказываетъ, что только-что передъ тѣмъ онъ уговорился съ Некрасовымъ отдавать стихотворенія въ его журналъ, и Некрасовъ, цѣнившій его стихи, естественно могъ быть недоволенъ, какъ редакторъ, когда уговоръ былъ тутъ же нарушенъ.

лективное предложеніе: „Некрасовъ, Панаевъ, Дружининъ, Анненковъ, Гончаровъ—словомъ, весь нашъ дружескій кружокъ вамъ усердно кланяется. А такъ какъ вы пишете о значительномъ улучшеніи вашихъ финансовъ, чему я сердечно радуюсь, то мы предлагаемъ поручить намъ новое изданіе вашихъ стихотвореній, которыя заслуживаютъ самой ревностной очистки и красиваго изданія, для того чтобы имъ лежать на столикѣ всякой прелестной женщины. Что вы мнѣ пишете о Гейне? Вы выше Гейне, потому что шире и свободнѣе его“.—„Конечно,—говоритъ Фетъ,—я усердно благодарилъ кружокъ, и дѣло въ рукахъ его подъ предсѣдательствомъ Тургенева закипѣло“ [1]).

Некрасовъ названъ на первомъ планѣ не случайно: онъ былъ не только главный редакторъ журнала и человѣкъ со вкусомъ, но и самый предпріимчивый изъ пріятелей кружка (своего разсчета здѣсь не могло быть, потому что изданіе должно было быть дѣломъ самого Фета). Издательство давно привлекало Некрасова: въ первое время онъ издавалъ книги для легкаго чтенія („Петербургскій Сборникъ“, „Физіологія Петербурга“ и др.), затѣмъ онъ предпринялъ съ Гербелемъ изданіе русскаго Шекспира, нашелъ возможнымъ издать при „Современникѣ“ „Исторію восемнадцатаго вѣка“, Шлоссера. Выше упомянуто, что ему хотѣлось быть издателемъ стиховъ Ивана Аксакова; онъ хотѣлъ побудить къ изданію и Фета.

Итакъ, „дружескій ареопагъ“ принялся пересматривать стихотворенія Фета. „Почти каждую недѣлю,—пишетъ Фетъ,—стали приходить ко мнѣ письма съ подчеркнутыми стихами и требованіями ихъ исправленій. Тамъ, гдѣ я несогласенъ былъ съ желаемыми исправленіями, я ревностно отстаивалъ свой текстъ, но по пословицѣ: „одинъ въ полѣ не воинъ“, — вынужденъ былъ соглашаться съ большинствомъ, и изданіе изъ-подъ редакціи Тургенева вышло на столько же очищеннымъ, насколько и изувѣченнымъ. Досаднѣе и смѣшнѣе всего была долгая переписка по поводу отмѣны стиха:

„На суку извилистомъ и чудномъ“.

„Очень понятно, что высланные мною скрѣпя сердце три—четыре варіанта оказались непригодными, и наконецъ Тургеневъ писалъ: „не мучьтесь болѣе надъ стихомъ: „на суку извилистомъ и чудномъ“. Дружининъ растолковалъ намъ, что фантастическая жаръ-птица и на плафонѣ и въ стихахъ можетъ си-

---

[1]) Тамъ же I, 104; выше, стр. 40.

дѣть только на извилистомъ и чудномъ суку рококо. И мы согласились, что этого стиха трогать не надо" [1]).

Эта забота о стилѣ и художественности дружескихъ твореній была, конечно, трогательна и характеристична. Въ другомъ мѣстѣ Фетъ разсказываетъ:

„Тургеневъ радовался окончанію одъ Горація [2]) и самъ вызвался провѣрить мой переводъ вмѣстѣ со мною изъ строки въ строку. Споровъ и смѣху по этому поводу у насъ возникало не мало. Между прочимъ, въ XXI одѣ книги первой онъ возсталъ противъ стиха:

„На Крагѣ-ль, по веснѣ".

„Такъ какъ Гораціева Крага изгнать было невозможно, то Тургеневъ привязался къ слову—*по веснѣ*, и спрашивалъ, что̀ это такое?

„Напрасно я ссылался на обычное въ устахъ каждаго русскаго выраженіе: *по веснѣ, по зимѣ*—въ смыслѣ: въ весеннюю или зимнюю пору; напрасно приводилъ я ему стихъ Крылова:

„Онъ въ море корабли отправилъ по веснѣ".

„Тургеневъ увѣрялъ, что ему хорошо извѣстно, что краснокожіе съ перьями на головѣ и съ поднятыми томагауками бѣгаютъ по лѣсамъ Америки, восклицая: „на Крагѣ-ль по веснѣ" [3])...

Это было, конечно, забавно. Фетъ обыкновенно отстаивалъ свой текстъ, и если очень трудно рѣшить, можно ли или никакъ нельзя употребить выраженіе „по веснѣ" и ссылаться на Крылова, переводя римскаго поэта, то, вообще говоря, Тургеневъ былъ совершенно правъ, когда думалъ, что требуется большая осторожность въ употребленіи спеціально народныхъ выраженій при передачѣ литературныхъ произведеній, идущихъ отъ чужихъ далекихъ вѣковъ и далекой культуры [4]).—Тургеневъ придавалъ великую важность поэтическому стилю, и въ его письмахъ къ Фету не мало разсѣяно шутливыхъ, или насмѣшливыхъ, но обыкновенно правильныхъ замѣчаній, гдѣ онъ предостерегаетъ своего друга отъ фатальнаго приближенія къ Петрову (извѣстный виршеплетъ XVIII вѣка) или даже къ „Торжественнымъ вратамъ въ память взятія Азова" [5])...

---

[1]) Тамъ же I, 104—105.

[2]) Оды переводилъ тогда Фетъ.

[3]) Тамъ же, I, 36. См. также I, 230, 275, 283.

[4]) Въ тѣ годы примѣръ подобной нескладицы данъ былъ Ордынскимъ.

[5]) Въ своихъ воспоминаніяхъ Тургеневъ разсказываетъ, что въ дѣтствѣ читалъ

Фетъ жалуется потомъ, что изданіе, сдѣланное „подъ предсѣдательствомъ Тургенева", было изданіе „искалѣченное"; но между ними оказались и другія, болѣе существенныя разнорѣчія. Не разъ между ними шли споры объ искусствѣ. Фетъ видимо держался старыхъ романтическихъ представленій о полной, абсолютной независимости поэтическаго творчества... „Впрочемъ,—писалъ однажды Тургеневъ (въ февралѣ 1862),—это между нами нескончаемый споръ: я говорю, что художество такое великое дѣло, что цѣлаго человѣка едва на него хватаетъ со всѣми его способностями, между прочимъ и съ умомъ; вы поражаете умъ остракизмомъ и видите въ произведеніяхъ художества только безсознательный лепетъ спящаго. Это воззрѣніе я долженъ назвать славянофильскимъ, ибо оно носитъ на себѣ характеръ этой школы: „здѣсь все черно, а тамъ все бѣло"; „правда вся сидитъ на одной сторонѣ". А мы, грѣшные люди, полагаемъ, что этакимъ маханьемъ съ плечъ топоромъ только себя тѣшишь. Впрочемъ, оно, конечно, легче, а то, признавъ, что правда и тамъ, и здѣсь, что никакимъ рѣзкимъ опредѣленіемъ ничего не опредѣлишь, приходится хлопотать, взвѣшивать обѣ стороны и т. д. А это скучно. То ли дѣло брякнуть такъ, по-военному: „Смирно! умъ, пошелъ на право! маршъ! стой! равняйсь! Художество! налѣво маршъ! стой! равняйсь"!—И чудесно! стоитъ только подписать рапортъ, что все, молъ, обстоитъ благополучно. Но тутъ приходится сказать (съ умнымъ или глупымъ, какъ по вашему?) Гёте:

„Ja! Wenn es wir nur nicht besser wüssten!" [1])

Въ письмѣ отъ октября 1863 Тургеневъ извѣщалъ Фета: „Считаю долгомъ увѣдомить васъ, что я, несмотря на свое бездѣйствіе, угобзился однако сочинить и отправить къ Анненкову вещь, которая, вѣроятно, вамъ понравится, ибо *не имѣетъ никакого человѣческаго смысла* [2]), даже эпиграфъ взятъ у васъ. Вы увидите, если не въ печати, то въ рукописи, это замѣчательное произведеніе очепушившейся фантазіи" [3])... Къ этому спору Тургеневъ возвратился еще въ іюнѣ 1866: ...„Моя претензія на васъ состоитъ въ томъ, что вы все еще съ прежнимъ, уже носящимъ всѣ признаки собачьей старости, упорствомъ нападаете на то, что̀ вы величаете „разсудительствомъ, но что̀ въ сущности

книги этой отдаленной старины, какъ напр. „Символы и Емблемата".—Письма Тургенева, 1885, стр. 130, 131, 261. Фетъ I, 394.

[1]) Тамъ же I, 392.

[2]) Подчеркнуто Тургеневымъ.

[3]) Фетъ I, 439.

не что иное, какъ человѣческая мысль и человѣческое знаніе... Вы видите, что нашъ „старый споръ" еще не взвѣшенъ судьбою и вѣроятно не скоро прекратится. Въ отвѣтъ на всѣ эти нападки на разсудокъ, на эти рекомендаціи инстинкта и непосредственности, мы здѣсь на западѣ отвѣчаемъ спокойно: Wir wissen's besser; das ist ein alter Dudelsack,—и извините, отсылаемъ васъ въ школу" [1])...

Эта переписка и разсказы самихъ друзей кружка нерѣдко очень любопытнымъ образомъ вводятъ насъ въ ихъ идеи литературныя, ихъ понятія общественныя,—и здѣсь нерѣдко удивляютъ ихъ колебанія и неясности, странныя въ людяхъ, повидимому унаслѣдовавшихъ преданія Бѣлинскаго.

Когда съ половины пятидесятыхъ годовъ въ литературѣ стали сказываться новыя критическія стремленія и въ составѣ самого „Современника" явились новыя силы,—встрѣченныя, какъ выше сказано, довольно непривѣтливо, а затѣмъ прямо враждебно, старымъ кружкомъ, въ этомъ послѣднемъ различнымъ образомъ опредѣлялись особенности этого направленія и личные характеры.

Фетъ, человѣкъ въ сущности стараго вѣка, романтикъ, но и практическій дѣлецъ, по словамъ самого Тургенева крѣпостникъ, понималъ эти отношенія просто. Когда стала оказываться разница въ пониманіи вещей, Фетъ объяснялъ это съ сословной точки зрѣнія.

„Хотя въ то время..., — писалъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—вся художественно-литературная сила сосредоточивалась въ дворянскихъ рукахъ, но умственный и матеріальный трудъ издательства давно поступилъ въ руки разночинцевъ, даже и тамъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, у Некрасова и Дружинина, журналомъ заправлялъ самъ издатель... При тяготѣніи нашей интеллигенціи къ идеямъ, вызвавшимъ освобожденіе крестьянъ, сама дворянская литература дошла въ своемъ увлеченіи [2]) до оппозиціи кореннымъ дворянскимъ интересамъ, противъ чего свѣжій *неизломанный* инстинктъ Льва Толстого такъ возмущался. Что же сказать о той средѣ, въ которой возникли „Искра" и всемогущій (?) „Свистокъ" „Современника", предъ которымъ долженъ былъ замолчать (?) самъ Некрасовъ. Понятно, что туда, гдѣ люди этой среды, чувствуя свою силу, появлялись какъ домой (?),

[1]) Тамъ же, II, 94—95.

[2]) Это были, напримѣръ, увлеченія Н. Милютина, Кавелина, Юрія Самарина, и т. д., и т. д.,—по мнѣнію Фета, они заслуживали осужденія за свою неосновательность?!

они вносили и свои пріемы общежитія. Я говорю здѣсь не о родословныхъ, а о той благовоспитанности, на которую указываетъ французское выраженіе „enfant de bonne maison“, рядомъ съ его противоположностью“ [1]).

Противопоставленіе относилось, между прочимъ, очевидно къ тѣмъ новымъ сотрудникамъ, которые вступили тогда въ журналъ и вступили именно съ новыми взглядами и на общественныя дѣла, и на долгъ литературы, какъ голоса общественнаго мнѣнія (насколько то было возможно). Этой существенной разницы или противоположности Фетъ не хотѣлъ или не умѣлъ увидѣть. Въ тѣхъ ожиданіяхъ великой реформы, какими исполнены были лучшіе люди русскаго общества, онъ видѣлъ прискорбное увлеченіе, доходившее до „оппозиціи кореннымъ дворянскимъ интересамъ“, а эту оппозицію, по его мнѣнію, должны были только осуждать люди съ „неизломаннымъ“ инстинктомъ.— Фету не было понятно также и то, что если у этихъ новыхъ сотрудниковъ журнала, передъ которыми „долженъ былъ замолчать“ самъ Некрасовъ, бывала извѣстная рѣзкость мнѣній и ихъ выраженія, ее опять слѣдовало отнести (и это было бы справедливо) къ тому общему настроенію, которое стало охватывать умы послѣ испытаній Крымской войны и въ канунъ великой реформы. Со второй половины пятидесятыхъ годовъ была уже очевидна противоположность крѣпостническаго и освободительнаго направленія въ цѣломъ обществѣ. Впослѣдствіи, въ самомъ пріятельскомъ дворянскомъ кругѣ называли Фета по дружбѣ „закоренѣлымъ крѣпостникомъ“, что было и на дѣлѣ.

Кругъ, о которомъ говорилъ Фетъ, былъ дѣйствительно дворянскій,—хотя не совсѣмъ въ томъ смыслѣ, какъ это представлялось Фету. Здѣсь бывали настоящіе баричи, не всегда для этого положенія достаточно богатые, но дѣйствительно привыкшіе ко взглядамъ и обычаямъ привилегированнаго сословія. Барское удовольствіе, охота, чрезвычайно занимаетъ, напр., Тургенева, который безпрестанно говоритъ о ней въ своихъ письмахъ и изъ Спасскаго, и изъ Буживаля. Фетъ съ видимымъ одобреніемъ упоминаетъ о томъ, что у Тургенева (конечно, до освобожденія крестьянъ) „былъ прекрасный крѣпостной поваръ, *купленный* имъ за тысячу рублей“ [2]). Онъ считаетъ нужнымъ занести въ

[1]) Тамъ же, I, 132.

[2]) Тамъ же, I, 36—37. Должно, однако, объяснить, что Тургеневъ не просто „купилъ“ человѣка (людей покупали тогда, какъ лошадей или охотничьихъ собакъ); этотъ поваръ Степанъ, по собственной просьбѣ его, былъ „выкупленъ“ Тургеневымъ отъ его прежняго барина, съ которымъ, по словамъ Степана, онъ долженъ былъ

свои воспоминанія „уху" въ англійскомъ или купеческомъ клубѣ [1]). Въ дружеской компаніи бесѣда окрашивалась довольно крупной „аттической солью" [2]), тою самой, которая въ тѣ времена особенно потреблялась въ холостыхъ барскихъ компаніяхъ, гражданскихъ и военныхъ. Въ разныхъ случайныхъ отзывахъ Фета вполнѣ отражается манера барина старыхъ временъ, о которыхъ онъ внутренно сожалѣетъ, что они прошли [3]). Была, наконецъ, у иныхъ и „наслѣдственная помѣщичья безалаберность" въ обращеніи съ деньгами [4]). Самъ Фетъ былъ внимательный и бережливый хозяинъ, зналъ крестьянскіе нравы, какъ мировой судья, умѣлъ повидимому совершать нѣчто въ родѣ Соломоновыхъ судовъ—на мудреной почвѣ народнаго пониманія (или непониманія), и, изображая испорченность мужиковъ, негодовалъ на журналы, которые не одобряли его статей „Изъ деревни", въ „Русскомъ Вѣстникѣ" [5]). Дѣло только въ томъ, что Фетъ, бывая правымъ въ частностяхъ, ставилъ вопросъ слишкомъ тѣсно, забывая, что сдѣлало мужиковъ столь грубыми, и какими условіями обставлено все дѣло.

Въ своихъ враждебныхъ отзывахъ о „разночинцахъ", портившихъ дворянскую литературу, Фетъ оставался вѣренъ себѣ; но эти отзывы могли бы вызвать серьезныя возраженія. Ему не пришла мысль, что въ интересахъ литературы надо было бы радоваться, что кругъ ея дѣятелей расширяется на болѣе обширный кругъ общества, чѣмъ было прежде (когда наибольшее число образованныхъ людей пріобрѣталось только въ привилегированномъ сословіи), что литература перестаетъ оправдывать слова г-жи Сталь (что „въ Россіи нѣсколько дворянъ занимается литературой"); что тѣ разночинцы, которыхъ онъ подразумѣвалъ, превышали дворянскихъ представителей кружка своимъ блестящимъ по тому времени университетскимъ образованіемъ и также объемомъ своихъ общественныхъ интересовъ,—послѣдняго, впрочемъ, не понималъ ни Фетъ, ни нѣкоторые иные его друзья стараго кружка. Неосмотрительно было также, рядомъ съ обвиненіемъ

„кончить плохо". Тургеневъ, выкупивъ Степана за 800 рублей, далъ ему вольную; Степанъ просилъ его сохранить его вольную у себя, и остался у него служить по доброй волѣ. См. Письма Тургенева, стр. 53, примѣчаніе Колбасина.

[1]) Воспом. I, 389; II, 63.

[2]) Тамъ же I, 39.

[3]) Тамъ же I, 34, 160—161 и др.

[4]) Панаева-Головачева, стр. 361.

[5]) Это были статьи, на которыя позднѣе обрушивался въ „Современникѣ" Салтыковъ. Воспом. I, 344.

въ грубости нравовъ „разночинцевъ", разсказывать порядочно рѣзкія вещи о собственномъ дворянско-литературномъ кругѣ: здѣсь совершались сплошь и рядомъ непріятныя столкновенія, не лишенныя порядочной грубости [1]).

Тургеневъ писалъ, однажды, Фету: „Мих. Ал. Языковъ [2]), помнится, такъ, однажды, отозвался о нашихъ давно прошедшихъ литературныхъ петербургскихъ вечерахъ: „соберутся, разлягутся [3]), да вдругъ одинъ встанетъ и, ни слова не говоря, другому черепъ долой". Наша переписка (въ 1866 году) приняла этотъ анатомическій характеръ" [4]). Анатомія была, конечно, словесная,—но однажды дѣло доходило и до настоящей, потому что являлся вопросъ о дуэли. Эти личныя столкновенія характеровъ и самолюбій намъ мало интересны; но любопытно слѣдить, въ воспоминаніяхъ и перепискѣ, тѣ взгляды литературные и общественные, которые складывались въ кружкѣ въ критическую пору половины пятидесятыхъ годовъ: наступало новое царствованіе; кончалась Крымская война; чувствовался канунъ „великихъ реформъ".

Извѣстно, что „люди сороковыхъ годовъ", пережившіе испытанія и возбужденіе Крымской войны, привѣтствовали эту эпоху реформъ, и многіе изъ нихъ были убѣжденными и ревностными дѣятелями открывшихся преобразованій. Конецъ сороковыхъ годовъ въ болѣе образованномъ кругу общества представлялъ уже значительное возбужденіе общественныхъ интересовъ: освобожденіе крестьянъ понималось уже какъ государственная необходимость и какъ потребность нравственнаго чувства общества; сознавалась необходимость и другихъ общественныхъ преобразованій. Характернымъ выраженіемъ этого настроенія было извѣстное письмо Бѣлинскаго къ Гоголю... Этимъ настроеніемъ конца

[1]) Напр., тамъ же, I, 106—107, 370—375, 378, 381, 384; стр. 132 (о Писемскомъ) и пр. Довольно забавно, что въ концѣ концовъ Фетъ долженъ былъ придти въ этомъ отношеніи къ весьма фатальнымъ заключеніямъ о самомъ Тургеневѣ... „Несмотря на мою тогдашнюю наивность,—говоритъ онъ,—мнѣ не разъ приходилось изумляться отношеніямъ Тургенева къ нѣкоторымъ людямъ". „Одинъ изъ разительныхъ тому примѣровъ" онъ указываетъ въ знакомствѣ Тургенева—съ Салтыковымъ... Такимъ же образомъ онъ „удивлялся связи" Тургенева съ Шевченкомъ. „Я нимало въ настоящее время не скрываю своей тогдашней наивности въ политическомъ смыслѣ(?). Съ тѣхъ поръ жизнь на многое насильно раскрыла мнѣ глаза, и мнѣ нерѣдко въ сравнительно недавнее время приходилось слышать, что Тургеневъ n'était pas un enfant de bonne maison"... (Воспом. I, 367).

[2]) Упомянутый не-литературный другъ кружка.

[3]) Зала у Некрасова уставлена была большими, мягкими турецкими диванами.

[4]) Тамъ же II, 94.

сороковыхъ годовъ, особенно живымъ въ молодыхъ поколѣніяхъ, естественно объясняется то одушевленіе, съ которымъ приняты были преобразованія новаго царствованія.

Во взглядахъ Бѣлинскаго, какъ извѣстно, въ концѣ его дѣятельности все сильнѣе высказывался интересъ къ общественному значенію литературы, именно въ направленіи прогрессивномъ. Теперь, въ кружкѣ его прежнихъ друзей, этотъ интересъ падалъ, или даже совсѣмъ извращался. Бѣлинскій уже замѣчалъ въ Боткинѣ наклонность къ чисто эстетическому смакованію и равнодушіе къ общественной сторонѣ литературы. Теперь эта наклонность развилась окончательно и превратилась въ прямо враждебное отношеніе къ тѣмъ новымъ стремленіямъ литературы, гдѣ именно общественный интересъ становился преобладающимъ.

Въ февралѣ 1866 г., Боткинъ писалъ Фету: „Я теперь испытываю на себѣ, какъ въ извѣстные періоды жизни поэтическое чувство оставляетъ человѣка или по крайней мѣрѣ отдаляется отъ него. Тѣмъ болѣе въ извѣстныя эпохи, переживаемыя обществомъ. Для поэтическаго чувства необходимы тишина и сосредоточеніе. Но какъ найти душевную тишину и сосредоточеніе въ такое время, какое переживаемъ мы? Увы! *безсмертная эпоха русской поэзіи* прошла и Богъ знаетъ, вернется ли когда-нибудь. Даже и тѣ, которые могутъ повторять:

„Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ!“

— стали едва замѣтной кучкой, а скоро и эта кучка исчезнетъ. Поэтическая струя исчезла и изъ европейскихъ литературъ, замутила ее проклятая политика; признаюсь откровенно, всѣ эти вопросы политико-экономическіе, финансовые, политическіе — внутренно нисколько меня не интересуютъ. А здѣсь всѣ только ими и заняты. А я между тѣмъ понимаю ясно, что они составляютъ настоятельную необходимость, — да я чужой въ нихъ. Люди, вполнѣ умные въ одной сферѣ, несутъ такую дичь, когда касаются другой и особенно эстетической, что не знаешь, что сказать“... [1]).

Трудно было бы вообразить, чтобы другъ Бѣлинскаго, хотя и увлекающійся эстетъ (таковымъ надо признать Боткина), остался чуждъ тому глубокому впечатлѣнію, какое производила перспектива преобразованій. Дѣйствительно, въ февралѣ 1858, Боткинъ писалъ (изъ Рима): „Духъ захватываетъ, когда думаешь о томъ,

---

[1]) Фетъ, Воспом. II, 83.

какое великое дѣло дѣлается теперь въ Россіи. Съ тѣхъ поръ, какъ я прочелъ въ Nord рескриптъ и распоряженіе о комитетахъ,—въ занятіяхъ моихъ произошелъ рѣшительный переломъ,—уже ни о чемъ другомъ не думается и не читается, и постоянно переносишься мыслію въ Россію. Да, и даже вѣчная красота Рима не устояла въ душѣ, когда заговорило въ ней чувство своей родины. Да неужели вы съ Толстымъ не шутя затѣваете журналъ? Я не совѣтую,—во-первыхъ, въ настоящее время русской публикѣ не до изящной литературы, а во-вторыхъ, журналъ есть великая обуза"... [1]).

Но духъ захватило не на долго и не глубоко. Самое преданіе Бѣлинскаго осталось только отвлеченно-эстетическимъ.

Въ мартѣ 1860, Боткинъ вспоминаетъ свое идеалистическое прошлое:

„...Я успѣлъ пробѣжать статью Дружинина о Бѣлинскомъ и „Воспоминанія" о немъ Панаева въ „Современникѣ". Статья Дружинина вообще очень слаба; что касается до „Воспоминаній" Панаева, состоящихъ бóльшею частію изъ писемъ Бѣлинскаго, то они произвели на меня такое впечатлѣніе, что я цѣлый вечеръ проходилъ точно во снѣ, забылъ идти на одинъ званый вечеръ и до перваго часа ночи бродилъ по Парижу, совершенно погруженный въ прошлое. Ты меня какъ-то упрекалъ за то, что я не скучаю, но я часто вспоминаю это „прошлое" и моя ли въ томъ вина, что въ этомъ „прошломъ" заключено все мое лучшее? Моя ли въ этомъ вина, что смерть отрываетъ отъ сердца лучшихъ людей и лучшія чувства? Нѣтъ, я не скучаю, но одинокая жизнь иногда страшно тяготитъ меня. Сдѣлаться эгоистическимъ, эпикурейскимъ старцемъ,—увы!—я не могу. Къ сожалѣнію, въ этомъ снаружи высохшемъ сердцѣ сохранились всѣ прежнія юношескія стремленія, съ тою только разницей, что подъ старость человѣкъ менѣе способенъ жить въ „общемъ", въ отвлеченномъ. Но всему этому теперь ужъ не поможешь"... [2]).

Въ январѣ 1862 Боткинъ такъ изображалъ свое нравственное настроеніе:

„...На организмѣ остались глубокіе слѣды болѣзни, напримѣръ, на глазахъ моихъ: однимъ глазомъ я вижу очень мало, а другимъ слабо; въ организмѣ нѣтъ силъ, почти постоянно чувствую себя усталымъ, а иногда и говорить трудно отъ слабости. Съ такими условіями жизнь для меня уже не прежній цвѣтущій

---

[1]) Тамъ же I, 232.
[2]) Тамъ же I, 319.

лугъ. Но не думайте, что я упалъ духомъ или впалъ въ апатію; напротивъ, все живое прежнее словно окрѣпло во мнѣ; мнѣ кажется, что я ближе сталъ къ своей молодости и яснѣе понимаю тѣ immer grünen Gefühle, о которыхъ говоритъ Жанъ Поль. Всѣ прежніе боги сохранили ко мнѣ свою благосклонность, исключая одной Венеры; ну да съ ней я уже давно былъ въ холодныхъ отношеніяхъ. Но за то Аполлонъ, кажется, удвоилъ свою благосклонность ко мнѣ. Въ самомъ дѣлѣ способность чувствовать прекрасное не только не угасла во мнѣ, но, кажется, удвоилась. Нѣтъ, тысячу разъ неправда, что жизнь обманываетъ насъ, и что напрасно намъ даны наши лучшія стремленія. Въ пятьдесятъ лѣтъ я имѣю право говорить о нихъ уже съ увѣренностью опыта. Съ этой далекой станціи яснѣе видишь пройденный путь, яснѣе видишь своихъ истинныхъ и ложныхъ друзей. И что же! Къ чему стремилась душа въ юности, то оказывается неизмѣннымъ; въ предчувствіи чего она находила счастіе, то и теперь даетъ ей счастіе. Неизслѣдимы тайны человѣческаго духа, и не можетъ бѣдный умъ мой проникнуть въ ихъ глубины, да я отказался уже отъ этихъ тщетныхъ усилій, отъ всѣхъ опредѣленій. Одно знаю я, что существуетъ что-то, называемое людьми мыслію, что-то, называемое поэзіей, искусствомъ, которое даетъ мнѣ величайшее счастіе, и съ меня этого довольно. Знаю я, что потеря этихъ ощущеній равняется для меня смерти, и пока живы органы, которыми я могу ощущать это, я властитель безконечнаго пространства. Что мнѣ за дѣло, что человѣкъ есть въ сущности безсильный червь, который каждую минуту гибнетъ и сливается съ этою безконечною жизнію вселенной,—но пока этотъ червь существуетъ, онъ имѣетъ *способность* испытывать неизреченныя наслажденія. Что мнѣ за дѣло, что я не знаю *абсолютной* истины, но я знаю то, что мнѣ кажется истиной. Боже меня сохрани выдавать мое воззрѣніе за единственно истинное, но оно *хорошо* для меня, а вѣдь въ сущности всякій долженъ *дѣлать* свое счастье. Жизненная мудрость состоитъ въ томъ, чтобы обѣдать кускомъ чернаго хлѣба и ѣсть его съ наслажденіемъ, или, какъ говорятъ музыканты, производить великіе эффекты малыми средствами“ [1]).

Очень оригинальная смѣсь скептицизма и романтики. Еще разъ, любопытные проблески романтическаго настроенія сороковыхъ годовъ находимъ въ письмѣ Боткина, отъ августа 1862 изъ Берлина:

---

¹) Тамъ же I, 386—387.

„Ясная, теплая погода и силы, возстановленныя послѣ двухъдневнаго отдыха, наконецъ чувство искренняго довольства, которое всегда посѣщаетъ меня, когда я касаюсь нѣмецкой почвы,—все это наполняетъ мою душу совершеннымъ счастіемъ, которое хочется раздѣлить съ вами, милые друзья. Въ Берлинѣ я чувствую себя дома, хотя я очень мало знакомъ съ нимъ“... Вечера проводилъ онъ въ театрѣ, слушая „Фауста“, „Оберона“, „Гёца Берлихингена“... „Переѣзжая изъ мутной Польши въ нѣмецкую землю, словно вступаешь въ какой-то свѣтлый край. Бѣдное славянское племя! Мы винили Гегеля за то, что онъ давалъ славянскому племени низшее значеніе противъ германскаго,—увы! всякій убѣдится въ этомъ наглядно. Цивилизація вырабатывается не идеями, а нравами (?).

„Да, здѣсь es wird mir behaglich zu Muthe; это главное отъ того, что все мое духовное развитіе связано съ Германіей. Не говоря уже о философіи, поэзіи, даже нѣмецкій комизмъ мнѣ по сердцу. Увы! наше русское такъ называемое образованіе больше клонитъ насъ къ французскимъ нравамъ, и этого жаль! Да и нравится намъ во французскомъ образованіи то, что составляетъ дурныя его стороны, именно распущенность его, халатность,—это больше всего усваиваетъ себѣ русскій человѣкъ. Нѣмецкій духъ, который весь состоитъ изъ дисциплины, не по натурѣ нашей. Какъ жаль, что русскіе туристы только проѣзжаютъ Берлинъ, не вникая въ него. Только хорошія школы могутъ спасти отъ этого верхоглядства.

„Станкевичъ, Грановскій, вся моя юность клонитъ меня къ Германіи; всѣ мои лучшіе идеалы выросли здѣсь, всѣ первые восторги музыкой, поэзіей, философіей шли отсюда. И въ этомъ не моя вина или вина моего воспитанія. Воспитывался я или, точнѣе сказать, воспитанія у меня никакого не было; вышедши изъ пансіона (весьма плохого) я ровно ни о чемъ не имѣлъ понятія. Все кругомъ меня было смутно, какъ въ туманѣ. Изъ этого періода я помню только одно: я прочелъ *Фіеско* и *Разбойниковъ* Шиллера, да еще переводы Жуковскаго изъ него же. Вотъ что впервые и навсегда сроднило меня съ Германіей. Съ чѣмъ-то сроднилось наше молодое поколѣніе? Виноватъ ли я въ томъ, что мнѣ баллады Шиллера въ тысячу разъ больше волновали сердце, нежели русскія сказки и старинныя сказанія о князѣ Владимірѣ? И вотъ на склонѣ лѣтъ своихъ я снова привѣтствую эту страну, которая впервые пробудила въ душѣ моей все, что ей до сихъ поръ дорого. Въ сущности, какъ мало мѣняется че-

ловѣкъ! Говорятъ, что старость есть возвращеніе къ дѣтству; нѣтъ, не къ дѣтству, а къ юности:

„Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ чистыхъ дней".

Чѣмъ больше вдумываюсь въ себя, тѣмъ болѣе нахожу въ себѣ то, чѣмъ былъ я въ юности; странно, и идеалы даже не измѣнились, прибавилось только resignation и терпѣнія: двѣ вещи, которыхъ не можетъ понять юность" [1]).

Боткинъ зарекался, что не можетъ стать эгоистическимъ, эпикурейскимъ старцемъ,—но въ послѣдніе годы онъ имъ сдѣлался; произошло и нѣчто болѣе прискорбное: изъ романтическаго прогрессиста въ сороковыхъ годахъ, пробужденнаго къ духовной жизни „Фіеско" и „Разбойниками" Шиллера, въ половинѣ пятидесятыхъ онъ превратился въ обскуранта,—какъ и нѣкоторые изъ его друзей стараго кружка...

Самымъ крупнымъ лицомъ этого кружка былъ Тургеневъ. (Гр. Л. Н. Толстой зналъ въ пятидесятыхъ годахъ этотъ кружокъ, гдѣ встрѣтили его съ величайшимъ сочувствіемъ, какъ автора „Дѣтства" и пр., и „Севастопольскихъ разсказовъ"; но былъ въ этомъ кружкѣ недолго и отнесся къ нему съ антипатіей). Онъ былъ едва ли не первый и не главный, кто возъимѣлъ тогда вражду къ Некрасову и новымъ сотрудникамъ журнала. Его прежнія отношенія къ Некрасову были самыя дружескія, и хотя неудовольствія относительно новаго направленія журнала начались еще около 1855—1856 года [2]), но прежнее дружество продолжается приблизительно до 1861 года [3]). А затѣмъ идетъ въ его письмахъ, и воспоминаніяхъ его друзей, рядъ самыхъ непріязненныхъ отзывовъ и о лицѣ, и объ его твореніяхъ [4]).

---

[1]) Тамъ же I, 402—403.

[2]) Въ декабрѣ 1856 г. Тургеневъ пишетъ изъ Парижа: „Что „Современникъ" въ плохихъ рукахъ, это несомнѣнно". Письма Тургенева, стр. 33.

[3]) Тамъ же стр. 28, 31, 45, 51, 52, 69, 88.

[4]) Тамъ же стр. 130, 131, 170, 171, 284 о стихотвореніяхъ Некрасова; о характерѣ, стр. 133, 134, 215, 222, 229, 231, 259—съ 1868 до 1875 г.; о смерти Некрасова, стр. 326, 327.

Въ „Воспоминаніяхъ", Фетъ вторитъ Тургеневу,—I, 307, 308 (о редакторской „безцеремонности" Некрасова), 397; II, 5—6, 82, 95, 191.

Въ декабрѣ 1877, Н. В. Гербель писалъ Фету о смерти Некрасова, которою былъ „глубоко огорченъ", вспоминая, что былъ съ нимъ „постоянно въ дружескихъ отношеніяхъ въ теченіе цѣлыхъ 26 лѣтъ"; Фетъ замѣчаетъ на это, что „никогда не

Въ этихъ литературныхъ отношеніяхъ Тургенева была немалая доля каприза и нетерпимости. Въ сравнительно болѣе спокойномъ, и безпристрастномъ, настроеніи самъ Тургеневъ находилъ въ стихотвореніяхъ Некрасова извѣстную силу, которая и была въ нихъ дѣйствительно: „Некрасова стихотворенія, собранныя въ одинъ фокусъ,—жгутся", писалъ онъ въ декабрѣ 1856 нейтральному лицу, по поводу изданія стихотвореній Некрасова [1]). За то впослѣдствіи онъ находилъ въ нихъ только одну фальшивую искусственность [2]).

Ближайшіе друзья находили въ характерѣ Тургенева этотъ капризъ и неустойчивость, соединенные съ упрямствомъ. Боткинъ,—одинъ изъ такихъ ближайшихъ друзей,—писалъ въ мартѣ 1867 Фету по поводу хозяйственныхъ столкновеній Тургенева съ дядей (Боткинъ оправдывалъ здѣсь Тургенева, когда другіе обвиняли): „Въ денежныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ Иванъ Сергѣевичъ положительно ничего не смыслитъ, и что еще хуже, они въ его понятіяхъ отражаются совершенно фантастически; вообще на его сужденія *фантазія* имѣетъ преобладающее вліяніе. Это существенный порокъ относительно практической жизни и дѣловыхъ отношеній, но съ другой стороны этотъ порокъ есть главное условіе его таланта. Вообще надо принимать человѣка такимъ, какой онъ есть, и разсматривать его въ его собственномъ соусѣ, который можетъ быть и не по нашему вкусу, но вѣдь въ этомъ виноваты мы, а онъ не въ силахъ передѣлать его" [3]). Въ письмѣ отъ апрѣля 1867, Боткинъ опять на сторонѣ Тургенева, хотя тутъ же замѣчаетъ: „ты знаешь, что я не охотникъ до характера Ивана Сергѣевича; но въ этомъ дѣлѣ онъ тысячу разъ правъ" [4]).

Дѣло приняло, однако, весьма крутой поворотъ. Тургеневъ, чтобы кончить дѣло съ дядей (котораго раньше онъ просилъ управлять своимъ имѣніемъ, а потомъ устранилъ и этимъ разобидѣлъ и раздражилъ), выдавъ ему значительный вексель для по-

---

могъ опредѣлить личнаго характера" Гербеля (котораго никогда близко не зналъ), и полагалъ, что и „самъ Гербель не очень былъ способенъ различать основные образы мыслей отдѣльныхъ людей". II, 339, 340.

Выше упомянуто, что Фетъ замѣчаетъ подобное о Тургеневѣ: „несмотря на мою тогдашнюю наивность, мнѣ не разъ приходилось изумляться отношеніямъ Тургенева къ *нѣкоторымъ* людямъ"; это—по поводу того, что однажды при немъ пришелъ къ Тургеневу М. Е. Салтыковъ. I, 367.

[1]) Письма, стр. 37.

[2]) Цитаты приведены выше.

[3]) Фетъ, Воспом. II, 113.

[4]) Тамъ же II, 119.

лученія послѣ его смерти, но дядя (Ник. Ник. Тургеневъ) подалъ векселя ко взысканію,—пишетъ Боткинъ въ августѣ 1867,—и, „какъ человѣкъ практическій, предпочелъ вѣрное сомнительному, и, по моему мнѣнію, онъ поступилъ практически. Мнѣ сказалъ объ этомъ Ив. Серг., который этого никакъ не ожидалъ. Легкомыслие и необдуманность такъ свойственны Ив. Серг., ставили его уже не разъ въ самыя затруднительныя положенія и, не смотря на свои сѣдины, онъ и теперь еще легкомысленный мальчикъ, который не знаетъ вѣса своихъ поступковъ“ [1]).

Не будемъ приводить другихъ цитатъ, гдѣ Фетомъ сохранены еще болѣе жестокіе отзывы о характерѣ Тургенева, высказанные близкими ему прежде людьми. Очевидно, это былъ характеръ живой, впечатлительный, но нерѣдко неустойчивый и несдержанный, и въ своихъ увлеченіяхъ упрямый,—что было для него не однажды причиной весьма непріятныхъ столкновеній,—хотя послѣднія бывали также и вызываемы. Думаемъ, что эта несдержанность, нетерпимость и самолюбивая поспѣшность въ заключеніяхъ составляли немалую долю и въ его разрывѣ съ Некрасовымъ и „Современникомъ“... Должно сказать, однако, что едва ли не больше враждебности питали и высказывали В. Боткинъ и Фетъ, первый по его обычной раздражительности, а второй, вѣроятно, по дружбѣ, потому что, послѣ первой встрѣчи съ кружкомъ „Современника“ въ его прежнемъ составѣ (начала пятидесятыхъ годовъ), онъ съ журналомъ близокъ не былъ и едва ли зналъ его дѣятелей второй половины пятидесятыхъ годовъ [2]). Тургеневъ въ первое время все-таки гораздо спокойнѣе и благоразумнѣе, чѣмъ его сотоварищи, умѣлъ отнестись къ литературнымъ явленіямъ, возбуждавшимъ ихъ ненависть, — хотя, къ сожалѣнію, и у него недостало спокойнаго безпристрастія.

Разрывъ Тургенева съ Некрасовымъ [3]) не ограничивался

---

[1]) Тамъ же II, 165.

[2]) У Тургенева онъ встрѣтился только,—какъ выше упомянуто,—съ М. Е. Салтыковымъ, и встрѣтился недружелюбно; послѣдній, около этого времени, подшучивалъ надъ его статьями „Изъ деревни“. Долго времени спустя, въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, Фетъ защищаетъ свои давнія статьи: „шила въ мѣшкѣ не утаишь, неурядицы“ (порубки, потравы и т. п.) „привлекаютъ все большее вниманіе правительства, принимающаго противъ нихъ законныя мѣры“ (I, 344). Эти неурядицы, разстройство помѣщичьихъ имѣній, безпомощную распущенность крестьянъ и наступавшее хозяйничанье кулаковъ, изобразилъ еще сильнѣе и шире Салтыковъ („Благонамѣренныя рѣчи“ и пр.).

[3]) Подробности объ этомъ читатель можетъ найти въ воспоминаніяхъ г-жи Панаевой-Головачевой. Ея разсказамъ придана, такъ сказать, беллетристическая форма (напр., въ длинныхъ разговорахъ, которые не могли быть удержаны памятью,

только личной непріязнью, но сопровождался, конечно, и различіемъ взглядовъ. У новыхъ сотрудниковъ „Современника“ осуждали ихъ сухость, рѣзкость и т. п., но осуждали и литературное направленіе. Въ это самое время въ „Современникѣ“ печатались „Очерки Гоголевскаго періода русской литературы“, гдѣ, какъ выше сказано, была въ первый разъ обстоятельно изложена судьба литературныхъ идей за время дѣятельности Гоголя, и затѣмъ, въ первый разъ объяснено значеніе критики Бѣлинскаго, въ ея содержаніи литературномъ и общественномъ. Авторъ „Очерковъ“ придавалъ великое значеніе дѣятельности Гоголя и дѣятельности его критика. По взгляду автора, художественное творчество Гоголя было историческимъ преемствомъ отъ предшествующей эпохи: дѣятельность Пушкина впервые установила у насъ и ввела въ сознаніе общества значеніе и право поэзіи, какъ свободнаго искусства; дѣятельность Гоголя, въ первый разъ истолкованная и высоко поставленная Бѣлинскимъ, прилагала это искусство съ одной стороны къ психологіи, съ другой—къ изображенію русской жизни;—отсюда выростало ея широкое общественное значеніе и вліяніе, потому что это изображеніе само собою влекло къ возбужденію общественнаго чувства...

Тургеневъ и его друзья,—друзья или великіе почитатели Бѣлинскаго,—повидимому отнеслись къ „Очеркамъ“ не совсѣмъ сочувственно, хотя предметъ долженъ бы весьма ихъ заинтересовать. Вслѣдъ за „Очерками“ они также обратились къ воспоминаніямъ о Бѣлинскомъ и къ его объясненію. Началъ Дружининъ. Онъ покинулъ тогда „Современникъ“, потому что ему предложена была редакція „Библіотеки для Чтенія“, за которую онъ и взялся. Дальше приведемъ нѣкоторыя подробности; теперь замѣтимъ только, что въ мысляхъ самого Дружинина и въ желаніяхъ его друзей (какъ Тургеневъ, Боткинъ, Анненковъ и другіе) было, чтобы его журналъ сталъ противовѣсомъ „Современнику“, т.-е. борьбой противъ новаго направленія. Изъ писемъ Тургенева видно, что Дружининъ, вообще желавшій казаться спокойно-холоднымъ и безпристрастнымъ, обнаруживалъ гораздо болѣе вражды къ этому новому направленію, чѣмъ Тургеневъ, который, хотя также не сочувствовалъ „Гоголевскому“ направленію, но до извѣстной степени понималъ его пользу и законность. Между Тургеневымъ и Дружининымъ и безъ того

а записаны въ то самое время едва ли были), но въ томъ, довольно многомъ, о чемъ я слышалъ также изъ другихъ источниковъ или самъ зналъ, въ этихъ воспоминаніяхъ, можетъ быть при нѣкоторыхъ личныхъ пристрастіяхъ, много совсѣмъ справедливаго.

бывала разница взглядовъ. Въ письмѣ къ нему изъ Парижа, въ октябрѣ 1856, Тургеневъ пишетъ: „Я очень радъ, что мой разсказъ: Фаустъ,—вамъ понравился; это для меня ручательство: я вѣрю въ вашъ вкусъ. Вы говорите, что я не могъ остановиться на Ж.-Зандѣ; разумѣется, я не могъ остановиться на ней—такъ же какъ, напр., на Шиллерѣ; но вотъ какая разница между нами: для васъ это направленіе—заблужденіе, которое слѣдуетъ искоренить; для меня оно—не полная истина, которая всегда найдетъ (и должна найти) послѣдователей въ томъ возрастѣ человѣческой жизни, когда полная истина еще недоступна.—Вы думаете, что пора уже возводить стѣны зданія; я полагаю, что еще предстоитъ рыть фундаментъ [1]). То же самое могу я сказать о статьѣ Чернышевскаго.—Я досадую на него за его сухость и черствый вкусъ—а также и за его нецеремонное обращеніе съ живыми людьми (какъ напр. въ сентябрской книжкѣ С—а); но „мертвечины“ я въ немъ не нахожу—напротивъ; я чувствую въ немъ струю живую, хотя и не ту, которую вы желали бы встрѣтить въ критикѣ.—Онъ плохо понимаетъ поэзію; знаете ли, это еще не великая бѣда; критикъ не дѣлаетъ поэтовъ и не убиваетъ ихъ; но онъ понимаетъ—какъ это выразить?—потребности дѣйствительной современной жизни—и въ немъ это не есть проявленіе разстройства печени, какъ говорилъ нѣкогда милѣйшій Григоровичъ,—а самый корень всего его существованія. Впрочемъ, довольно объ этомъ; я почитаю Ч—го полезнымъ; время покажетъ, былъ ли я правъ.—Притомъ въ „противовѣсіе“ ему будете вы и вашъ журналъ; отъ того-то я ему заранѣе радуюсь; вы помните, что я, поклонникъ и малѣйшій послѣдователь Гоголя, толковалъ вамъ когда-то о необходимости возвращенія Пушкинскаго элемента, въ противовѣсіе Гоголевскому.—Стремленіе къ безпристрастію и къ истинѣ всецѣлой есть одно изъ немногихъ добрыхъ качествъ, за которыя я благодаренъ природѣ, давшей мнѣ ихъ“ [2]).

Тургеневъ могъ написать эти слова, потому что въ спокой-

[1]) За неимѣніемъ письма Дружинина (вообще, письма къ Тургеневу еще неизвѣстны, за немногими исключеніями) неясно, о чемъ идетъ рѣчь,—вѣроятно, о построеніи какого-либо общественно-нравственнаго или эстетическаго міровоззрѣнія.

[2]) Письма, стр. 25—26; ср. тамъ же, стр. 28—29. Относительно Ж.-Зандъ, между прочимъ лично съ ней познакомившись, Тургеневъ писалъ о ней въ восторженныхъ выраженіяхъ, въ іюнѣ 1876, послѣ ея смерти: „...на мою долю выпало счастье личнаго знакомства съ Жоржъ-Зандъ...“ Надъ ея личностью былъ „какой-то безсознательный ореолъ, что-то высокое, свободное, героическое... Повѣрьте мнѣ: Жоржъ-Зандъ—одна изъ нашихъ святыхъ;—вы, конечно, поймете, что я хочу сказать этимъ словомъ“ (письмо къ А. С. Суворину, тамъ же, стр. 292—294).

номъ размышленіи онъ дѣйствительно имѣлъ это достойное качество; но, къ сожалѣнію, это спокойствіе не однажды ему измѣняло... Журналъ Дружинина, въ минуту раздора съ Некрасовымъ и „Современникомъ", онъ встрѣчалъ съ наилучшими ожиданіями: „я убѣжденъ, что подъ вашимъ руководствомъ,—писалъ онъ Дружинину въ іюлѣ 1856,—изъ „Библ. для Чт." выйдетъ журналъ хорошій и дѣльный, хотя въ иномъ мы и не будемъ соглашаться.—Но это—ничего: въ главномъ и существенномъ и намѣренія наши, и вкусы совпадаютъ". Въ октябрѣ того же года: „Предвижу, что не во всемъ буду соглашаться съ вами, но что за бѣда! у истины, слава Богу, не одна сторона; она тоже не клиномъ сошлась—за то знаю, что многое, самое задушевное и дорогое для меня, вы выскажете такъ, что мнѣ останется только кланяться и благодарить, подобно тому, какъ я вамъ кланяюсь за статью о Пушкинѣ". Въ декабрѣ того же года: „со всѣхъ сторонъ доходятъ до меня слухи о великолѣпномъ перерожденіи „Б. для Чт."—и я рукоплещу и радуюсь". Въ этомъ же письмѣ онъ проситъ поддержать Писемскаго, какъ „сотрудника драгоцѣннаго" [1])... Позднѣе, драгоцѣнный сотрудникъ сталъ послѣ Дружинина редакторомъ этого журнала,—и не къ его пользѣ...

Но рукоплесканія продержались недолго. Въ томъ же декабрѣ 1856, получивъ новую книжку журнала, Тургеневъ пишетъ одному довѣренному лицу: „XI № „Б. для Чт." хорошо составленъ; но я больше (даже въ Дружининскомъ смыслѣ) ожидалъ отъ статьи о Бѣлинскомъ,—отъ нея вѣетъ холодомъ и тусклымъ безпристрастьемъ. Этими искусно спеченными пирогами съ „нѣтомъ"—никого не накормишь" [2]).

Статья Дружинина не удовлетворяла и другого пріятеля. „Статья Дружинина вообще очень слаба", писалъ Боткинъ Фету, и напротивъ, на него сильное впечатлѣніе произвели „Воспоминанія" Панаева [3]). Впослѣдствіи, уже въ шестидесятыхъ годахъ, Боткинъ не одобрялъ писаній Дружинина въ газетѣ „Вѣкъ": „Участіе его въ „Вѣкѣ" безцвѣтно, и чернокнижникъ [4]), очевидно, опоздалъ десятью годами" [5])... Не знаемъ, какъ впослѣдствіи понравилось Тургеневу управленіе „драгоцѣннаго сотруд-

---

[1]) Тамъ же, стр. 23—25, 30.

[2]) Тамъ же, стр. 37.

[3]) Фетъ, Воспом. I, 319.

[4]) Извѣстный псевдонимъ Дружинина „Иванъ Чернокнижниковъ" въ прежнихъ фельетонахъ „Современника".

[5]) Тамъ же I, 377.

ника" въ „Библіотекѣ для Чтенія" или его „Взбаламученное море"; но онъ удивлялся участію Писемскаго въ „Гражданинѣ" [1]).

Тургеневъ перенесъ свою писательскую дѣятельность въ „Русскій Вѣстникъ". Этотъ журналъ, при своемъ основаніи, встрѣченъ былъ большими сочувствіями въ лучшихъ литературныхъ кругахъ Москвы и Петербурга и привлекъ много хорошихъ литературныхъ силъ; подшучивали надъ либеральной англоманіей журнала, но сочувствовали его направленію въ общемъ прогрессивномъ смыслѣ того времени. Однимъ изъ яркихъ выраженій его характера были тогда „Губернскіе очерки" Салтыкова. Впослѣдствіи характеръ журнала совершенно измѣнился: онъ сталъ въ разрѣзъ даже съ прежнимъ своимъ направленіемъ, и въ противорѣчіе съ прежними стремленіями принялъ тонъ какого-то вызывающаго консерватизма. В. Боткинъ, за нимъ—Фетъ стали ревностными поклонниками „Р. Вѣстника"; къ нимъ присоединился и Тургеневъ. Передъ тѣмъ у него было нѣкоторое недоразумѣніе съ журналомъ, и онъ могъ жаловаться на „безцеремонность" „Р. Вѣстника", какъ жаловался на „безцеремонность" Некрасова [2]). Въ концѣ концовъ, въ журналѣ Каткова явились „Отцы и Дѣти".

Какъ увидимъ, у Тургенева, хотя и не на столько, какъ можно было бы желать, сохранилось спокойное безпристрастіе, которому онъ радовался, какъ своему доброму качеству; но его друзья, Боткинъ на первомъ планѣ, а за нимъ Фетъ, рвали и метали противъ новаго литературнаго направленія. Если не говорить о Фетѣ, надо удивляться, что просвѣщенные люди сороковыхъ годовъ, которые должны были теоретически и по историческимъ объясненіямъ знать о развитіи общества и литературы, не могли понять этого на живомъ явленіи. Боткинъ съ настоящимъ озлобленіемъ говорилъ о „семинаристахъ": „Слава Богу, — писалъ онъ въ октябрѣ 1862, — что журналистика наша вступила, наконецъ, на почву здраваго смысла [3]). Во всякой другой странѣ всѣ эти (?) завиральныя ученія охватываютъ только слабыя головы и политическаго значенія въ обществѣ не имѣютъ. Но у насъ, по невѣжеству, вообразили, что идти наперекоръ всему, значитъ быть самымъ передовымъ! Се-

---

[1]) Письма, стр. 207.

[2]) Письма, стр. 40—41, въ январѣ 1857.

[3]) Т.-е. когда были запрещены „Современникъ" и „Р. Слово", и сталъ окончательно господствовать Катковъ.

минаристы пустили это въ ходъ" [1]). Ни Боткинъ, ни его историкъ не замѣчали, что онъ впадаетъ въ тонъ дѣйствующихъ лицъ „Горя отъ ума", не говоря о томъ, что ссылка на „всякія другія страны" не имѣетъ историческаго смысла; наконецъ, что „идти наперекоръ всему" — былъ, между прочимъ, упрекъ, который они еще тогда дѣлали одному изъ своихъ ближайшихъ друзей [2]).—Что было бы послѣ!?

Дѣло пошло и дальше.

Нѣкогда Бѣлинскій, въ декабрѣ 1847, въ письмѣ къ Кавелину съ негодованіемъ говорилъ о томъ, какъ одинъ благопріятель, славянофилъ, подсказывалъ цензору—смягчить въ статьѣ Кавелина его возраженія Самарину. Теперь взялись подсказывать бывшіе друзья Бѣлинскаго въ ихъ новѣйшемъ направленіи.

Въ 1866 году Боткинъ радовался двумъ предостереженіямъ, даннымъ „Современнику",—но и здѣсь онъ нашелъ, что у Некрасова это было „дѣломъ разсчета, спекуляціи, скандала" (?); рядомъ съ этимъ онъ уже пророчитъ зловредное направленіе „Вѣстника Европы": „Со вчерашняго дня появился новый журналъ „Вѣстникъ Европы"; — издается Стасюлевичемъ и Костомаровымъ; четыре книжки въ годъ. Онъ преимущественно посвящается историческимъ статьямъ. Костомаровъ талантливый, но умственно шаткій человѣкъ и украинофилъ. Можно полагать (!), что журналъ этотъ будетъ центромъ разныхъ разлагающихъ (?) доктринъ подъ маскою либерализма. Увы! мы дошли до такого времени,—продолжаетъ соболѣзновать Боткинъ,—когда рѣшительно некуда дѣться отъ политики; подъ тѣмъ или другимъ видомъ она преслѣдуетъ всюду; для объективнаго взгляда (?!) не осталось ни одного мѣста" [3]).

Боткинъ видимо постоянно внушалъ Фету свои идеи [4]). Фетъ,

---

[1]) Фетъ, Воспом. I, 407. См. еще тамъ же о дружбѣ съ Катковымъ Боткина и Фета, I, 429, 430, 436; II, 14,—и также II, 7, 65, 81, 82, 92.

[2]) Фетъ, „съ первой минуты", замѣтилъ въ гр. Л. Н. Толстомъ „невольную оппозицію всему общепринятому въ области сужденій", Воспом. I, 106. Боткинъ, въ 1861, говоритъ о „хаосѣ представленій", о томъ, какъ гр. Толстой „падокъ на крайности", что онъ „не имѣетъ подъ ногами какой-нибудь твердой почвы"; тамъ же, I, 378; см. также II, 237.

[3]) Фетъ, Воспом. II, 86—87. Въ томъ же мартѣ 1866, писалъ Фету Тургеневъ изъ Баденъ-Бадена: въ русской литературѣ „отраднаго мало. Самое пріятное — возобновленіе Вѣстника Европы". Тамъ же, II, 88.

[4]) Передъ тѣмъ, въ письмѣ отъ декабря 1865 года, онъ увѣщевалъ Фета: „Да угадь ты съ Катковымъ, надо извинять недостатки въ такихъ людяхъ... Люди порядка и здравомыслія не должны ссориться, въ виду стаи собакъ, окружающей ихъ". Тамъ же II, 80.

дѣйствительно, усвоилъ ихъ весьма прочно: нѣсколько лѣтъ спустя, мы читаемъ въ его Воспоминаніяхъ письмо Тургенева: „Рекомендація ваша М. Н. Лонгинову, при его отъѣздѣ изъ Орла [1]), возымѣла свое дѣйствіе: „Вѣстникъ Европы" получилъ второе предостереженіе. То-то вы порадуетесь, когда этотъ честный, умѣренный, монархическій органъ будетъ прекращенъ за революціонерство и радикализмъ. — Извините эту немного желчную выходку, но досада хоть кого возьметъ!" [2]).

Тургеневъ, конечно, не могъ дойти до того прямо полицейскаго обскурантизма. Переписка съ „любезнѣйшимъ" Фетомъ продолжается; но въ любезной формѣ Тургеневъ высказываетъ Фету свои противорѣчія все болѣе настойчиво и существенно. Споры были давніе, но раньше спорили объ искусствѣ; теперь рѣзкое разногласіе переходитъ на реальные предметы.

Въ августѣ 1862, Тургеневъ находилъ уже, что его „carissimus", хотя поэтъ и, стало быть, служитель идеала, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, „закоренѣлый и остервенѣлый крѣпостникъ, консерваторъ и поручикъ стариннаго закала" [3]).

Тургеневъ говорилъ уже о „собачьей старости" Фета по поводу его взглядовъ на искусство [4]); потомъ онъ негодуетъ на враждебное отношеніе Фета къ только-что основавшемуся тогда литературному фонду, которое считаетъ „возмутительнымъ" [5]). Еще позднѣе, негодуя на одну статью въ „Р. Вѣстникѣ" (противъ писаній Анненкова о Пушкинѣ!), которую считалъ клеветнической и инсинуаціонной кляузой Булгарина-redivivus, и которой какъ будто сочувствовалъ Фетъ, Тургеневъ изумляется, что его другъ утратилъ свое поэтическое и гуманное чутье, и Тургеневъ увѣренъ, что этого бы не было, еслибы Фетъ не былъ „закрѣпо-

---

[1]) Ясно, какая была рекомендація: Лонгиновъ уѣзжалъ въ Петербургъ, чтобы стать начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати.

[2]) Тамъ же II, 279. О Лонгиновѣ еще въ письмахъ Тургенева, стр. 250.

Прибавимъ еще одну цитату. В. Боткинъ сообщилъ Тургеневу свои идеи, почерпнутыя или усовершенствованныя въ редакціи „Р. Вѣстника". Тургеневъ отвѣчаетъ въ письмѣ отъ іюля 1863: „Твое письмо, любезный Василій Петровичъ, дышетъ патріотизмомъ" (вѣроятно, шла рѣчь о польскомъ возстаніи и статьяхъ Каткова); „видно, что ты въ Москвѣ плавалъ въ его волнахъ. Я это вполнѣ понимаю и завидую тебѣ, но все-таки я не могу, подобно тебѣ, не пожалѣть о запрещеніи „Времени"—журнала во всякомъ случаѣ *умѣреннаго*. Да и мнѣ, какъ старому щелкоперу, всегда жутко, когда запрещаютъ журналъ"... Фетъ, Воспом. I, 432, 433.

[3]) Фетъ, Воспом. I, 404.

[4]) Фетъ, Воспом. II, 94.

[5]) Тамъ же, II, 212, 246. Вражда Фета къ литер. фонду была вообще отголоскомъ того, что онъ слышалъ: въ Москвѣ считали фондъ либеральной затѣей. Ср. къ этому замѣчаніе Боткина, тамъ же I, 319: Боткинъ не раздѣлялъ этой вражды.

щеннымъ г-ну Каткову человѣкомъ“; а по поводу автора этихъ нападеній на Анненкова вспоминаетъ слова Ривароля, qu'il fait tache sur la boue“ [1]. Потомъ дошло до формальной ссоры [2].

Отношенія съ самимъ „Р. Вѣстникомъ“, съ которымъ Тургеневъ связалъ себя „Отцами и Дѣтьми“ и гдѣ появлялся знаменитый романъ гр. Толстого, въ концѣ концовъ завершились полнымъ разрывомъ и враждой. Въ августѣ 1871, Тургеневъ говоритъ по поводу классицизма (предлагавшагося тогда Катковымъ въ видѣ исправительной мѣры для нашихъ гимназій и университетовъ) и потомъ сводитъ рѣчь на вдохновителя *нашей* классической системы: „...Я выросъ на классикахъ, и жилъ и умру въ ихъ лагерѣ; но я не вѣрю ни въ какую Alleinseligmacherei даже классицизма, и потому нахожу, что новые законы у насъ положительно несправедливы, подавляя одно направленіе въ пользу другого. „Fair play“—говорятъ англичане;—равенство и свобода, говорю я. Классическое, какъ и реальное образованіе должно быть одинаково доступно, свободно и пользоваться *одинаковыми* правами. Г. Катковъ говоритъ противное; но я въ жизни ненавидѣлъ только одно лицо (не его, то уже умерло, слава Богу), а презиралъ только трехъ людей: Жирардена, Булгарина и издателя Моск. Вѣдомостей“ [3].

Тургеневъ подтвердилъ это на дѣлѣ, демонстративно, во время московскихъ Пушкинскихъ торжествъ 1880 года [4].

Когда появились „Отцы и Дѣти“, они, какъ извѣстно, произвели очень шумное и разнородное дѣйствіе. Тургеневъ увидѣлъ, что многое могло быть понято въ романѣ различно, и самъ нѣсколько разъ объяснялъ смыслъ романа и характеры дѣйствующихъ лицъ [5]. Онъ былъ очень доволенъ отзывами о романѣ Ап. Майкова и Достоевскаго, и высказывалъ имъ свое удовольствіе и дружескія чувства [6]...

Въ отвѣтъ на замѣчанія Салтыкова (онѣ остаются еще неизвѣстны) Тургеневъ отрекается отъ тенденціи: „Знаю одно: никакой предвзятой мысли, никакой тенденціи во мнѣ тогда не было; я писалъ наивно, словно самъ дивясь тому, что у меня

---

[1]) Тамъ же II, 290; ср. II, 300.

[2]) Тамъ же II, 300—306, 399.

[3]) Тамъ же II, 237 и 281 (въ 1873).

[4]) Передъ тѣмъ, въ концѣ 1879, были какія-то угрозы Каткова по адресу Тургенева. См. Письма, стр. 352.

[5]) Письма, стр. 100—102, 104—107, 238, 242, 278; Фетъ, Воспоминанія I, стр. 395—396.

[6]) Письма къ Достоевскому, тамъ же, стр. 96, 107—108.

выходило... но я готовъ сознаться (и уже печатно сознался въ своихъ Воспоминаніяхъ), что я не имѣю права давать нашей реакціонной сволочи возможность ухватиться за кличку, за имя; писатель во мнѣ долженъ былъ принести эту жертву гражданину—и потому я признаю справедливыми и отчужденіе отъ меня молодежи, и всяческія нареканія" [1]).

Одно изъ любопытнѣйшихъ Selbstbekenntnisse Тургенева относительно „Отцовъ и Дѣтей" заключается въ письмѣ К. К. Случевскому, отъ апрѣля 1862: „Вся моя повѣсть,—говоритъ Тургеневъ и подчеркиваетъ эти слова,—направлена противъ дворянства, какъ передового класса". Далѣе: „Всѣ истинные *отрицатели*, которыхъ я зналъ—безъ исключенія—(Бѣлинскій, Бакунинъ, Герценъ, Добролюбовъ, Спѣшневъ и т. д.) происходили отъ сравнительно добрыхъ и честныхъ родителей, и въ этомъ заключается великій смыслъ: это отнимаетъ у *дѣятелей*, у отрицателей всякую тѣнь *личнаго* негодованія, личной раздражительности. Они идутъ по своей дорогѣ потому только, что болѣе чутки къ требованіямъ народной жизни"... [2]).

Это вѣрное замѣчаніе, опять подтверждающее слова Тургенева о его стремленіи къ правдѣ и безпристрастію, привело бы въ крайнее негодованіе его друзей. Къ сожалѣнію, и самъ онъ, по своей чрезмѣрной впечатлительности, забывалъ объ этомъ безпристрастіи, которое, пожалуй, могло бы устранить немало его тяготившей (и отчасти имъ самимъ созданной) вражды.

Сношенія съ Достоевскимъ опять кончились печальнымъ разочарованіемъ. Онъ самъ говоритъ однажды: Достоевскій „возненавидѣлъ меня уже тогда, когда мы были молоды и начинали свою литературную карьеру, хотя я ничѣмъ не заслужилъ этой ненависти. Но безпричинныя страсти, говорятъ, самыя сильныя и продолжительныя"... Разрывъ съ Некрасовымъ побудилъ Тургенева сблизиться съ „Р. Вѣстникомъ" и съ журналомъ Достоевскаго „Время". Чѣмъ кончилось съ „Р. Вѣстникомъ", мы видѣли. Относительно второго, Тургеневъ уже въ апрѣлѣ 1871 пишетъ Полонскому: „Мнѣ сказывали, что Достоевскій „вывелъ" меня... Что жъ! пускай забавляются. Онъ пришелъ ко мнѣ лѣтъ 5 тому назадъ въ Баденъ не съ тѣмъ, чтобы выплатить мнѣ деньги, которыя у меня занялъ, а обругать меня на чемъ свѣтъ стоитъ—за „Дымъ", который, по его понятію, подлежалъ со-

---

[1]) Тамъ же, стр. 278; письмо отъ января 1876.

[2]) Письма, стр. 105. Ср. подобныя мысли, стр. 260 (о „дворянщинѣ"), 510 (о „нигилизмѣ"), и въ томъ же упомянутомъ письмѣ къ Салтыкову, 278.

жженію отъ руки палача. Я слушалъ, молча, всю эту филиппику, и что же узнаю?—Что будто я ему выразилъ всякія преступныя мнѣнія, которыя онъ поспѣшилъ сообщить Бартеневу (Б. дѣйствительно мнѣ написалъ объ этомъ). Это была бы просто на просто клевета—еслибы Достоевскій не былъ сумасшедшимъ—въ чемъ я нисколько не сомнѣваюсь. Быть можетъ, ему это все померещилось. Но, Боже мой, какія мелкія дрязги!" Въ другомъ письмѣ, отъ декабря 1872, Тургеневъ писалъ: „Достоевскій позволилъ себѣ нѣчто худшее, чѣмъ пародію; онъ представилъ меня, подъ именемъ К., тайно сочувствующимъ Нечаевской партіи. Странно только, что онъ выбралъ для пародіи единственную повѣсть, помѣщенную мною въ издаваемомъ нѣкогда имъ журналѣ, повѣсть, за которую онъ осыпалъ меня благодарственными и похвальными письмами.—Эти письма сохраняются у меня. Вотъ было бы забавно напечатать ихъ! Но онъ знаетъ, что я этого не сдѣлаю"... [1]).

Въ одинъ изъ послѣднихъ пріѣздовъ Тургенева въ Петербургъ, данъ былъ ему большой литературный обѣдъ, на который явился и Достоевскій. Было сказано не мало привѣтствій (между прочимъ, отъ генерала Николаевскихъ временъ Дитятина, въ лицѣ И. Ѳ. Горбунова); началъ-было рѣчь и Достоевскій. Это была странная рѣчь, въ родѣ инсинуаціи и допроса—относительно общественныхъ идей Тургенева; какъ будто вызывался диспутъ или производился допросъ въ духѣ „слова и дѣла"... Диспутъ не состоялся. Тургенева просили не отвѣчать на эту рѣчь.

Это была еще одна горькая чаша...

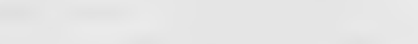
За послѣднія лѣтъ двадцать литературной біографіи Тургенева, отмѣченныхъ и въ его перепискѣ, идутъ отношенія совсѣмъ иного рода, полныя ровной, неизмѣнной симпатіи. Съ 1870 и до 1882 идутъ многочисленныя письма Тургенева къ Салтыкову [2]): онѣ обыкновенно упоминаютъ и о новыхъ произведеніяхъ послѣдняго и всегда исполнены самаго теплаго сочувствія и высокой оцѣнки его таланта. Здѣсь не было мѣста ни спорамъ, ни „дрязгамъ": очевидно, у обоихъ писателей была

[1]) Письма 194, 208. Тургеневъ признавалъ несомнѣнный талантъ Достоевскаго, но объ его „Подросткѣ" выражался (въ 1875) такъ: „...Боже, что за кислятина, и больничная вонь, и никому ненужное бормотанье и психологическое ковыряніе!!" Тамъ же, стр. 272.

[2]) Письма, № 148, 173, 209, 210, 212, 213, 216, 217, 219, 220, 221, 225, 226, 239, 337, 342, 348, 370, 413, 432, 442.

одна общая почва; уваженіе къ таланту,—дѣйствительно замѣчательному и въ своемъ родѣ единственному въ нашей литературѣ,—соединялось съ искреннимъ сочувствіемъ къ его общественной идеѣ. Тургеневъ возвращался къ лучшимъ преданіямъ своей ранней литературной дѣятельности; въ Салтыковѣ былъ несомнѣнно послѣдній могиканъ „Современника“.

А. Пыпинъ.



РЕЛИГІОЗНО-ПСИХИЧЕСКІЯ ЭПИДЕМІИ

Изъ психіатрической экспертизы.

Окончаніе.

II *).

Оставимъ на время Супонево—и обратимся къ другой психической эпидеміи религіознаго характера, но гораздо болѣе ужасной, поразившей весь цивилизованный міръ свирѣпостью самоистязанія,—мы говоримъ о тираспольскихъ самопогребеніяхъ. Статья проф. Сикорскаго [1]) поставила внѣ сомнѣнія психопатическое значеніе этого ужасающаго дѣла, и еслибы мѣстные тюремные врачи были хоть нѣсколько знакомы съ психіатріей, то этихъ самопогребеній, вѣроятно, не произошло бы. Но попытаемся сдѣлать шагъ дальше въ анализѣ. Авторъ идеи тираспольскихъ самопогребеній—душевно-больной; его проповѣдь потому и подѣйствовала, что она попала на болѣзненную, подготовленную для психопатіи почву. Но какъ убѣдить хотя бы и психопата, и тѣмъ болѣе столь многихъ, не только рѣшиться на самоубійство вообще, но еще на такую ужасную его форму, противъ которой возмущается интимное органическое чувство, форму—по-

*) См. выше: окт., 732 стр.

[1]) „Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійства въ Терновскихъ хуторахъ“. Кіевъ, 1897 г.

гребеніе заживо—считавшуюся всегда наиболѣе страшною? Очевидно, въ душѣ этихъ людей было что-то, что дѣлало имъ это схожденіе живыми въ могилу, эту смерть Эдипа въ Колоннахъ, весталокъ въ Римѣ—не тѣмъ ужасомъ, какой видимъ мы, какой видѣли въ этомъ ассирійцы и греки, римляне и средневѣковые монахи, всѣ практиковавшіе такую казнь.

Рядъ работъ [1]) поставилъ внѣ сомнѣнія первенствующее значеніе расы въ вопросѣ о психическихъ заболѣваніяхъ. Сектанты юго-западной окраины были переселены туда во второй половинѣ XVIII вѣка, при Екатеринѣ II, изъ центральныхъ и восточныхъ губерній, преимущественно изъ сѣверно-уральскихъ, слѣдовательно и изъ обрусѣвшаго чудскаго населенія, такъ какъ никто же не представитъ себѣ, чтобы вся Чудь безслѣдно пропала куда-то, а на ея мѣсто появился новый народъ финскаго племени, который ходитъ на чудскія могилы поминать „чудаковъ“, „чудского дѣдушку, чудскую бабушку“. Въ этомъ сѣверно-уральскомъ краѣ мы констатируемъ вообще большую склонность къ массовымъ коллективнымъ самоубійствамъ; изслѣдованіе Сапожникова [2]) насчитываетъ 117 [3]) случаевъ такихъ коллективныхъ самоубійствъ, и именно черезъ самосожженіе; число добровольныхъ (частью и *недобровольныхъ* однако) жертвъ было: отъ 1667 г. до 1700 г. —8.834 человѣка; въ 1700—1760 г.—1.332; въ 1760—1800 г.—401 человѣкъ [4]). Но насъ интересуетъ географическое распредѣленіе этихъ добровольныхъ коллективныхъ смертей; вотъ оно: число дошедшихъ до нашего свѣдѣнія коллективныхъ самосожженій было: въ тобольской губерніи 32; въ олонецкой — 25; въ пермской—19; въ архангельской—11; въ вологодской—10; въ новгородской—8; въ томской—5; въ ярославской — 4; въ нижегородской, пензенской, енисейской — по 1. „Избраннымъ мѣстомъ для самосожженій были тобольская, пермская и олонецкая губерніи“,—заключаетъ г. Сапожниковъ. Такимъ образомъ, мѣстомъ этихъ коллективныхъ самоубійствъ былъ край, населенный восточною вѣтвью финскаго племени, и „избраннымъ мѣстомъ“ былъ именно крайній сѣверо-востокъ, чудская область.

---

[1]) Въ частности должно напомнить изслѣдованія надъ сравнительною заболѣваемостью различныхъ расъ: въ Россіи (проф. Сикорскаго), въ голландской Остъ-Индіи (Brero); надъ неграми въ Сѣверной Америкѣ; надъ алжирскими арабами и кабилами, надъ финнами и русскими и т. д.

[2]) Самосожженіе въ русскомъ расколѣ (со второй половины XVII вѣка до конца XVIII. Москва. 1891.

[3]) Стр. 158.

[4]) Стр. 160, сноска.

Самоубійства эти, и именно путемъ самосожженія, стали настолько часты и уносили столько жертвъ, что старообрядцы возстали противъ нихъ, и даже съ догматической точки зрѣнія [1]).

Но всѣ легенды, всѣ воспоминанія, всѣ историческіе разсказы, всѣ антропологическія и этнографическія данныя, дошедшія до насъ,—и это на огромномъ протяженіи отъ Архангельска почти до Иркутска,—говорятъ намъ, что: „*Чудь жила въ землѣ*“ (въ землянкахъ, полъ которыхъ значительно ниже поверхности земли, и въ пещерахъ) [2]); что „*она и теперь живетъ подъ землею*, въ богатствѣ и роскоши („много серебра“, какъ воспоминаніе о чудскомъ или камскомъ серебрѣ); имѣетъ вмѣсто рогатаго скота мамонтовъ, которые только и могутъ жить подъ землею и умираютъ отъ сухого воздуха“; что своего рода *Елисейскія-поля*, блаженное мѣстопребываніе людей, не принадлежащихъ болѣе къ надземному міру, *находятся подъ землею*; наконецъ, что *Чудь*, тѣснимая монголами, а потомъ русскими, *не хотѣла подчиниться*, „*не хотѣла мѣнять вѣры и ушла въ землю*“, „*закопалась въ землю*“, *зарывалась въ коллективныя могилы*; а авторъ XVII в., Новицкій даже подробно описываетъ, какъ это происходило:—тогда, очевидно, воспоминаніе объ этихъ коллективныхъ самопогребеніяхъ было еще свѣжо въ народной памяти. Разсказы объ этихъ самопогребеніяхъ очень распространены и весьма отчетливы: Чудь строила въ большой ямѣ, на столбахъ, родъ крытаго сарая, на крышу котораго нагружались огромныя массы земли; затѣмъ цѣлыя группы уходили подъ этотъ навѣсъ и подрубали столбы, такъ что *крыша погребала ихъ*.

Такимъ образомъ, и въ тираспольскихъ самопогребеніяхъ мы видимъ психическую болѣзнь значительнаго числа людей, зараженныхъ несомнѣнно кѣмъ-нибудь душевно-больнымъ, и эта пси-

---

[1]) *Лопаревъ*. Отразительное писаніе о новоизобрѣтенномъ пути самоубійственныхъ смертей. Вновь найденный старообрядческій трактатъ противъ самосожженія, 1691 года. Изд. 1895 г.

[2]) На это имѣется множество указаній,—относительно отдаленной эпохи въ норвежскихъ сагахъ и въ татарскихъ героическихъ поэмахъ, собранныхъ Радловымъ; въ нихъ говорится о волшебникахъ и волшебницахъ, „свинцово-глазыхъ, бѣловолосыхъ, съ ногами какъ у мухи“ (т.-е. тонкими, что̀, дѣйствительно, составляетъ финскую особенность, по крайней мѣрѣ восточной вѣтви; въ казанской и вятской губерніяхъ русскіе называютъ вотяковъ жидконогими, тонконогими), живущихъ въ землѣ. Относительно болѣе близкаго времени мы имѣемъ разсказы мѣстныхъ жителей, среди которыхъ еще очень живы воспоминанія о чуди, „Чудскія ямы“—Tschudengraben, Кастрена, и т. д. Нѣтъ, можно сказать, ни одного писателя, антрополога или простого путешественника, который, упоминая о чуди, не отмѣтилъ бы этого преданія о ней.

хическая эпидемія привела ихъ къ ужасному акту самопогребенія, схожденія заживо въ могилу. *Но актъ этотъ совершался нѣкогда ихъ предками не какъ проявленіе душевной болѣзни, а какъ особое, специфическое проявленіе народной психики.*

Въ психіатріи различаютъ три формы наслѣдственности: прямую, боковую и атавистическую; эта послѣдняя представляетъ передачу психопатическаго элемента отъ его болѣе или менѣе отдаленнаго предка. Но дарвинизмъ показалъ намъ, что эта наслѣдственная передача можетъ идти отъ предка, отдѣленнаго отъ потомка безчисленнымъ множествомъ поколѣній, и даже инстинктъ мы теперь объясняемъ какъ „воспоминаніе предъидущихъ поколѣній".

А потому, у насъ нѣтъ никакой причины ограничивать наслѣдственную передачу, физическую или психическую, какимъ-нибудь максимальнымъ числомъ поколѣній. Мы знаемъ, что дѣти часто представляютъ очень отдаленныя антропологическія или психическія формы, исчезающія съ возрастомъ, но констатируемыя опять въ слѣдующихъ поколѣніяхъ. Карлъ Фогтъ въ своей извѣстной работѣ о кретинахъ доказываетъ, что они представляютъ атавистическую форму, возвращеніе къ анатомическимъ и физическимъ нормамъ далекихъ поколѣній. Эбби, оспаривая Фогта, говоритъ, что кретинизмъ есть явленіе не атавистическое, а патологическое. Трудно объяснить себѣ такую аргументацію. Что кретинизмъ есть явленіе болѣзненное—въ этомъ, конечно, сомнѣваться довольно трудно,—но почему *болѣзненность* исключаетъ *атавизмъ*? Казалось бы, скорѣе обратное вѣрно. Дегенерація (вырожденіе) есть несомнѣнно явленіе болѣзненное, но именно у дегенерантовъ-то мы и видимъ атавистическіе „стигматы",—напр., Дарвиновъ бугорокъ на ушахъ, подвижность ушей и кожи на головѣ, прогнотизмъ, выдающіяся надбровныя дуги, и т. п. Есть народное убѣжденіе, не лишенное нѣкотораго основанія, что опьянѣніе, уничтожая самообладаніе, даетъ волю побужденіямъ, таящимся глубоко въ человѣкѣ, такъ что человѣкъ высказываетъ въ это время свои интимнѣйшія стороны. Это, конечно, далеко не всегда справедливо, но едва ли можно сомнѣваться, что нерѣдко въ состояніи опьянѣнія пробуждаются такіе инстинкты, которые не только крѣпко сдерживались сознательно, но которые дѣйствительно были скрыты отъ самого человѣка, таились подъ порогомъ сознанія и выдвинулись изъ сферы несознательнаго. То же въ гораздо большей степени можно сказать о психической болѣзни. Совершенно понятно, что позднѣйшія культурныя—слѣдовательно менѣе прочно установившіяся—

психическія свойства будутъ скорѣе и легче разрушены психическою болѣзнью, нежели основныя свойства расы, унаслѣдованныя безконечнымъ рядомъ поколѣній изъ глубокой древности; такъ, въ старости пропадаетъ память ближайшихъ событій, и тѣмъ сильнѣе выдвигаются воспоминанія давно прошедшаго. Вслѣдствіе довольно исключительныхъ условій жизни, намъ самимъ пришлось учиться—жить *мѣстной жизнью* и заниматься псиxіатріей въ значительномъ числѣ европейскихъ странъ; не сжившись съ ними съ дѣтства, можетъ быть, легче было замѣчать нѣкоторыя особенности, и именно устойчивость психическихъ переживаній (survivances) изъ глубокаго прошедшаго,—греческаго въ южной Италіи, галло-римскаго въ сѣверной и въ Провансѣ, славянскаго въ Голштиніи, Шлезвигѣ и въ Мекленбургѣ и т. д. Но наше особенное вниманіе было привлечено такого рода фактами переживаній въ психіатріи, и насъ поражало, до чего folklore и древнѣйшая легендарная исторія племени даетъ ключъ къ пониманію психологіи и хода мышленія нѣкоторыхъ душевнобольныхъ. По этому предмету у насъ собрано значительное количество матеріаловъ, которыхъ за текущею работою мы не имѣли еще времени обработать. Вынужденные требованіемъ дѣла обратиться къ этому вопросу, мы просмотрѣли старую уже, мало замѣченную, но очень важную, несмотря на свою односторонность и общность, статью Tanzi и Riva [1]).

Болѣе новая работа проф. Tanzi [2]), скорѣе психологическая, нежели психіатрическая, подтверждаетъ, расширяетъ и обобщаетъ еще его прежнія идеи. Какъ онъ намъ сообщаетъ, въ серединѣ 1903 г. долженъ былъ выйдти его курсъ психическихъ болѣзней, въ которомъ онъ дастъ полное развитіе идеѣ атавистическаго характера собственно паранойи: „Le manifestazioni del misticismo paranoico sono qualitativamente identiche a quelle del misticisimo primitivo: unica differenza è appunto l'ambiente storico... I primitivi sono figli del loro tempo; i paranoici sono anacronismi viventi. Il misticismo dei primitivi è la manifestazione modesta, tranquilla e collettiva di un pensiero che si sviluppa; il misticismo dei paranoici è l'esplosione audace, violenta e individuale di un pensiero in regresso e anticivile... i paranoici hanno quasi l'aria di conoscere

---

[1]) *Tanzi* e *Riva*. La paranoia. Contributo alla teoria delle degenerazioni psichiche. Reggio-Emilia. 1886.—Также: *Tanzi*, Il folk-lore nella patologia mentale. *Rivista* di filosofia scientifica. Vol. IX, luglio, 1890.

[2]) Il Misticismo nelle religioni, nell' arte e nella pazzia. *Rivista Moderna*. Ann. II, 1899. Fascic. 2.

a menadito la psichologia dei prtmitivi, e parebbe che si proponessero deliberatamente di contraffarli" [1]).

Т.-е.: „Проявленія параноическаго мистицизма качественно идентичны съ проявленіями примитивнаго мистицизма: единственное различіе составляетъ историческая среда... Примитивные [2]) суть дѣти своего времени; параноики—живые анахронизмы. Мистицизмъ примитивныхъ есть проявленіе скромное, спокойное и коллективное развивающагося мышленія; мистицизмъ параноиковъ есть рѣзкій, насильственный, индивидуальный взрывъ мышленія регрессирующаго, противообщественнаго... Параноики точно будто знаютъ психологію примитивныхъ, и можетъ казаться, что они сознательно подделываются подъ нее".

Напомнимъ, что въ другой, французской работѣ по систематизированному умопомѣшательству, авторы [3]) высказываютъ въ общемъ убѣжденіе, что этого рода психическія болѣзни находятся въ непосредственной зависимости отъ условій среды антропологической, исторической и соціологической: „Le facteur sociologique, souvent négligé en pathologie mentale, nous semble avoir une importance non moindre en ce qui concerne l'aliéné qu'en ce qui concerne le criminel. Les progrès de l'anthropologie ont démontré son importance majeure. Cette influence des milieux sur les psychôses nous paraît nettement démontrée en particulier par les psychôses mystiques; les caractères différentiels que le délire emprunte aux temps, aux lieux et aux croyances ambiantes, loins d'être superficiels et de pure forme, apparaissent d'autant plus profonds qu'on les étudie de plus près".

Противъ теоріи Tanzi („паранойя есть психическій атавизмъ") выступилъ [4]) Nina-Rodriguez, профессоръ судебной медицины въ Bahia (Бразилія); но онъ разбираетъ вопросъ не въ общей постановкѣ, а въ деталяхъ, что въ данномъ случаѣ тѣмъ менѣе оправдывается, что онъ совершенно упустилъ изъ виду выдѣленіе паранойи въ узкомъ смыслѣ (Kräpelin, и въ значительной степени—Magnan). Но тутъ вышло нѣчто странное. Въ Бразиліи случилась грандіозная психическая эпидемія, охватившая многія тысячи человѣкъ, и которой правительство положило конецъ пуш-

---

[1]) Ibid. стр. 14—15.

[2]) Такъ принято въ антропологіи обозначать людей низшихъ племенъ и общественныхъ формъ

[3]) *Marie* et *Vallon.* Des psychôses à évolution progressive et systématisation dite primitive. *Arch. de Neurol.* 1896, стр. 479.

[4]) Atavisme psychique et paranoja. *Archi d'Anthropol. criminelle.* 15 juin 1902.

ками. По этому дѣлу проф. Nina-Rodriguez былъ экспертомъ, и по нашей просьбѣ далъ намъ нужныя свѣдѣнія по этому дѣлу, по которому сверхъ того имѣются и его печатныя работы, представляющія очень подробный и глубокій анализъ, психіатрическій, психо-антропологическій и этнологическій этой эпидеміи [1]. Изъ всѣхъ отзывовъ проф. Nina-Rodriguez'а несомнѣнно выясняется и еще болѣе подтверждается его же работою о психическомъ и психіатрическомъ состояніи негровъ и мулатовъ, что психическія разстройства эти представляютъ чистѣйшій психико-атавистическій возвратъ—глубоко-католическаго между тѣмъ—низшаго класса въ Бразиліи къ первоначальнымъ формамъ, у негровъ и мулатовъ къ примитивному африканскому фетишизму и анимизму. И именно на этотъ возвратномъ характерѣ явленія особенно настаиваетъ авторъ.

„Инциденты положенія, *общественный и этническій* слой, на которомъ умопомѣшательство Антонія Масіеля основало и воздвигло почти непреодолимую матеріальную и нравственную власть,—говоритъ авторъ съ первой страницы своего отчета,—въ настоящее время вполнѣ доступны научному изслѣдованію. Не *анахроническая* личность Антонія должна занимать первый планъ картины. Его умопомѣшательство теперь извѣстно во всѣхъ подробностяхъ и можетъ быть діагностицировано... Въ *соціальной фазѣ*, въ которой находится въ настоящее время населеніе внутреннихъ провинцій, въ соціальномъ и религіозномъ кризисѣ, который они проходятъ, должно искать тайну (ихъ психіатрическаго состоянія)... *Бредъ Антонія отражаетъ въ себѣ соціальныя условія среды*". Сынъ торговца, Антоній Масіель получилъ по наслѣдству дѣло отца, и оно не замедлило упасть въ его рукахъ; онъ женился, и скоро жена и теща стали имъ помыкать, и даже бить его. Поступивъ приказчикомъ въ лавку, онъ скоро промѣнялъ это мѣсто на мѣсто письмоводителя мирового судьи, затѣмъ лишился и этого заработка, и поселился въ деревнѣ, гдѣ жена его вступила въ связь съ полицейскимъ служителемъ. Онъ сталъ странствовать, и принятый въ домъ сестры, въ приступѣ буйнаго умопомѣшательства, нанесъ рану ея мужу. Въ своемъ бродяжничествѣ онъ проповѣдывалъ, говоря, что онъ посланъ Богомъ; затѣмъ сталъ говорить, что онъ „Христосъ-Совѣтникъ", и принялъ, вмѣсто своей фамиліи Maciel, прозвище Conselheiro. Одѣтый въ синюю рясу, онъ проповѣдывалъ сло-

---

[1]) *Nina-Rodriguez.* Epidémie de folie religeiuse au Brésil. *Ann. méd.-psych.* Mai-Juin, 1898.—*Его же.* La folie des foules. *Ibid.* Janv.—Août 1901.—*Его же.* L'animisme fétichiste des nègres de Bahia. Bahia (Brésil) 1900.

вомъ и дѣломъ уничтоженіе всѣхъ предметовъ, всего, безъ чего можетъ обходиться аскетическая жизнь [1]). Принятый съ энтузіазмомъ одними священниками, въ борьбѣ съ другими, онъ привлекъ толпы приверженцевъ и учениковъ; когда власти его арестовали по обвиненію въ преступленіи, ученики хотѣли отбить его, но онъ остановилъ ихъ, объявивъ имъ, что власти не могутъ ничего ему сдѣлать, и что онъ будетъ отпущенъ въ назначенный имъ день, что̀ и случилось дѣйствительно [2]). Провозглашеніе республики вызвало сильное противодѣйствіе католическаго духовенства, для котораго Антоній Масіель—теперь *Консельеро*—былъ драгоцѣннымъ орудіемъ, и вокругъ него стали собираться тысячи приверженцевъ. Это продолжалось *года*; наконецъ, духовныя власти послали миссіонеровъ въ провинцію, чтобы противодѣйствовать Антонію, и это, конечно, еще усилило движеніе и сдѣлало его болѣе рѣзкимъ [3]). Противъ „секты" были высланы полицейскіе, и хотя они и были отбиты и прогнаны, но секта бросила выстроенную ею деревню „Добраго Христа" и ушла въ пустынную мѣстность Canudos, давшую имя эпидеміи. Здѣсь очень скоро была выстроена сильно укрѣпленная деревня. Правительство выслало военный отрядъ (сто солдатъ), который былъ разбитъ на голову; такая же участь постигла высланный противъ сектантовъ баталіонъ (500 солдатъ); новый отрядъ, полкъ въ 1.500 человѣкъ, былъ тоже разбитъ и полковой командиръ убитъ. Пришлось выслать почти армію, съ пушками, и послѣ *трехъ мѣсяцевъ* осады деревня была взята и разрушена, сектанты перебиты, и самъ Антоній убитъ. Конечно, дѣло въ Павловкахъ не можетъ, по своимъ размѣрамъ и по своему значенію, сравниваться съ дѣломъ въ Canudos.

Такой же характеръ имѣла и эпидемія 1879 г. въ Arcidosso (въ Тосканѣ), вызванная проповѣдью крестьянина Давида Лаццаретти. Грубое вмѣшательство полиціи вызвало взрывъ негодованія въ странѣ, и было одною изъ главнѣйшихъ причинъ паденія министерства Цанарделли. Этими двумя эпидеміями исчерпывается [4]) (помимо ничтожныхъ семейныхъ зараженій, конечно)

---

[1]) Ср. проповѣдь и власть Савонароли, психическая болѣзнь котораго очень хорошо выяснена и изучена по документамъ докторомъ *G. Portigliotti.* Un grande monomane: Fra Girolamo Savonarola. *Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale.* 1902.

[2]) Идентичный фактъ былъ началомъ эпидеміи въ Павловкахъ.

[3]) Идентичный фактъ въ супоневской эпидеміи.

[4]) Эпидемія въ Morzine (Савойя) была раньше.

вся психіатрическая эпидеміологія земного шара—за исключеніемъ Россіи—за послѣднія сорокъ лѣтъ.

Совершенно другую картину въ этомъ отношеніи представляетъ наше отечество. Мы уже сказали выше, что въ орловской губерніи, и именно въ ея шести центральныхъ уѣздахъ, въ 1893 г. было насчитано *болѣе тысячи кликушъ*. Но этотъ годъ не представляетъ ничего исключительнаго, ничего особеннаго; это не была *эпидемія*, это была и есть—*эндемія*. Обстоятельство это никого, повидимому, не интересуетъ, и несмотря на наши старанія и попытки, намъ не удалось привлечь на него чьего-либо вниманія. Если мы возьмемъ затѣмъ не сорокъ лѣтъ, какъ для всего остального земного шара, а только пятую часть этого періода, то можно привести для одной средней полосы Россіи значительно болѣе десятка такихъ религіозныхъ вспышекъ, подавшихъ поводъ къ уголовному преслѣдованію и имѣющихъ хлыстовскій характеръ.

Намъ нѣтъ надобности, конечно, приводить здѣсь подробно проявленія хлыстовства,—они, къ сожалѣнію, слишкомъ часты, чтобы не быть извѣстными. Но насъ интересуетъ основная психологія этой секты, и *психологическій* методъ изученія несомнѣнно долженъ быть главнымъ, существеннымъ методомъ, какъ справедливо было замѣчено на третьемъ миссіонерскомъ съѣздѣ въ Казани [1]). Психологически, хлыстовство сводится на слѣдующія явленія или психическіе факты, составляющіе суть и характеристику секты; все остальное есть только совершенно несущественная, съ психологической точки зрѣнія, случайная его внѣшность.

1) Низведеніе („сманиваніе“) на землю, на—и въ человѣка, съ неба Святого Духа путемъ пѣнія, шума и сильныхъ мышечныхъ движеній, по большей части ритмированныхъ, доводящихъ человѣка до особаго психофизическаго состоянія, спеціально пригоднаго для вселенія Духа.

2) Ненависть и чувство гадливости къ браку, къ парному и постоянному сожительству мужчины и женщины, и свобода половыхъ сношеній до „свальнаго грѣха“ включительно.

3) Братство сектантовъ и посвященныхъ.

Къ этимъ тремъ основнымъ психическимъ фактамъ хлыстов-

---

[1]) Дѣянія 3-го Всероссійскаго Миссіонерскаго Съѣзда. Кіевъ, 1898 г., стр. 92—рѣчь Терлецкаго.

ства должно прибавить еще два слѣдующіе. Изъ нихъ первый, уже констатированный многими, недостаточно, однако, оттѣненъ и не введенъ въ характеристику хлыстовства; второй, сколько намъ извѣстно, еще не былъ указанъ.

4) Отвращеніе отъ дѣторожденія, брезганіе дѣтьми, какъ результатами сожительства мужчины и женщины вообще, и брака въ особенности, и враждебное, во всякомъ случаѣ нелюбовное отношеніе къ нимъ.

5) Отсутствіе семейной связи въ кровномъ родствѣ: родители и дѣти, братья и сестры совершенно чужды другъ другу, и естественная, сильная кровная семейная связь стирается передъ расплывчатымъ братствомъ и Wahlverwandschaft.

Какая же психологическая основа этихъ особыхъ психическихъ явленій въ хлыстовствѣ? Остановимся на этомъ вопросѣ.

Духовные писатели, занимавшіеся вопросомъ хлыстовства, приходятъ къ безусловно вѣрному заключенію, что оно вовсе не есть еретическая секта, что оно есть полное отклоненіе отъ христіанства. Несмотря на существованіе въ доктринѣ и въ культѣ имени Христа, хлысты, несомнѣнно, не-христіане [1]). Для нихъ *Христосъ* [2]) есть нарицательное имя [3]), заимствованное, какъ нѣкоторое переживаніе, изъ привычнаго христіанскаго onomasticon. Оно для нихъ обозначаетъ всякаго, въ кого сошелъ („накатилъ"), вселился Духъ; „христосикъ"—ребенокъ, происшедшій отъ внѣ-брачнаго, случайнаго общенія, преимущественно отъ культуэльной проституціи свальнаго грѣха. Но *Духъ*, хотя и называется ими „Святымъ Духомъ", кромѣ имени не имѣетъ ничего общаго съ христіанскимъ Св. Духомъ,—даже абстрагируя его теологическое пониманіе, какъ третьей Vпостаси Св. Троицы.

---

[1]) „Хлыстовскія секты, будучи проникнуты пантеистическими и мистическими началами *языческихъ* восточныхъ религій... въ дѣйствительности *содержатъ не-христіанскія, а языческія вѣрованія*" (Постановл 3-го Мисс. Съѣзда. *Дѣянія*... стр. 342—3).

[2]) „Хлыстовство не вѣруетъ въ Божество Господа нашего Іисуса Христа" (*ibid.*, 343). „І. Христосъ не есть Богъ... Онъ не есть Сынъ Божій въ собственномъ смыслѣ; сыновство его Богу Отцу нравственное, такое, какого можетъ достигнуть и каждый другой человѣкъ."... (*Кутеповъ*. „Секты хлыстовъ и скопцовъ". Казань, 1882, стр. 283). „Христіанскаго въ ихъ ученіи нѣтъ ничего, кромѣ пустого звука: *Христосъ* (*ibid.*, 287) и др.

[3]) Не въ буквальномъ смыслѣ *помазанника*,—значеніе уже болѣе или менѣе утратившееся для массы христіанъ, для которыхъ слово *Христосъ* неразрывно связано съ именемъ: *Іисусъ*, и составило какъ бы двойное собственное имя.

Онъ одинъ населяетъ хлыстовское небо—мы сказали бы: хлыстовскій Олимпъ; „христосъ“ для нихъ есть титулъ человѣка, въ котораго вселился Духъ, а такихъ людей можетъ быть безконечное множество, и перевоплощеніе дѣлается постоянно повторяющимся, хроническимъ явленіемъ, даже не періодическимъ, какъ въ буддизмѣ, а непрерывнымъ. Богъ-Отецъ стирается какъ лицо христіанской Св. Троицы, и слово *Отецъ* является опять-таки титуломъ, наравнѣ съ словомъ *батюшка*, и примѣняется ко всѣмъ „христамъ“, которые генетически съ Саваоѳомъ не связаны. Понятіе о Богѣ совершенно затемнилось представленіемъ Духа, который стоитъ гораздо ближе къ человѣку, и потому антропоморфизація у хлыстовъ доведена гораздо дальше и повторяетъ католическій текстъ ст. 8 гл. III Книги Бытія. Богъ Саваоѳъ хотя и поминается—очень рѣдко—въ роспѣвцахъ, но какъ случайное обозначеніе, и съ нимъ не связано представленіе о Божествѣ; самое же божество является туманною, безжизненною и бездѣятельною тѣнью, какъ уступка позднѣйшему историческому и сдѣлавшемуся традиціоннымъ тэизму. Въ этомъ отношеніи нельзя не видѣть поразительнаго сходства съ религіознымъ представленіемъ Калевалы, самоѣдовъ, остяковъ, и т. д. Въ Калевалѣ—Укко, у самоѣдовъ и остяковъ—Нумъ, играютъ такую же роль, а активную роль играютъ и въ непосредственное соприкосновеніе съ человѣкомъ входятъ духи или духъ, который у хлыстовъ обозначается предикатомъ *святой*, по привычкѣ; но духъ этотъ является не зиждителемъ и одухотвореніемъ міра, а существомъ весьма близкимъ къ человѣку. Человѣкъ можетъ его призвать, „сманить“ къ себѣ, и для этого существуютъ прочно установившіеся методы: a) пѣніе, хлопаніе въ ладоши, пристукиваніе ногами, т.-е. ритмированный шумъ; b) неистовыя движенія, круженіе, бѣганіе, пляска, доводящія до изнеможенія и въ то же время до экстаза, до безпамятства, до обморока, до бреда, пророчествъ и т. д.; c) присутствіе и участіе женщинъ, особенно многочисленныхъ на хлыстовскихъ сборищахъ (радѣніяхъ); женщины большею частью полураздѣты и часто распускаютъ волосы, что тоже имѣетъ культуэльное значеніе, какъ мы то видѣли. Низведенный такимъ образомъ духъ или кратковременно „накатываетъ“ человѣка, или продолжительно вселяется въ него. Тогда человѣкъ теряетъ свою духовную индивидуальность, — это автоматъ, „водимый духомъ“; съ него снимается всякая нравственная отвѣтственность, такъ какъ его воля замѣнена другимъ, внѣшнимъ вліяніемъ, и всѣ акты его, даже самые безнравственные, не могутъ быть вмѣнены ему въ вину,—да и кто можетъ судить

дѣйствія духа? Они могутъ казаться нелѣпыми или отвратительными съ человѣческой, „мірской“ точки зрѣнія, и быть нравственными или нужными съ *высшей, духовной*. „Духъ вселяется настолько, что совершенно поглощаетъ личность человѣка. Что̀ бы человѣкъ ни дѣлалъ, дѣлаетъ уже не онъ, а духъ, „и во всѣхъ вещахъ человѣкъ уже своей воли не имѣетъ“. „Мы и сами знаемъ,—говоритъ хлыстовскій пророкъ, — что не сходны иные наши поступки съ закономъ. Что̀ же намъ дѣлать? Своей воли не имѣемъ“ [1]). Послѣ своего обращенія, Радаевъ „всталъ, но своей воли во мнѣ уже не было... съ тѣхъ поръ своей воли не имѣю, во всемъ во мнѣ дѣйствуетъ Св. Духъ“ [2]). „Духъ, входя въ человѣка, управляетъ его дѣйствіями... *это не самъ онъ дѣлаетъ,—это въ него вошелъ Св. Духъ* (говорятъ малеванцы) [3]). Все, что̀ ни дѣлаетъ человѣкъ, не онъ дѣлаетъ, а живущій въ немъ Духъ Божій; слѣдовательно и развратъ каждаго пророка не его дѣло, а дѣло Духа Божія... Ученіе о невмѣняемости пророку всевозможныхъ преступленій не находитъ себѣ родственнаго ни въ одной изъ существующихъ доселѣ религій“,—замѣчаетъ цитируемый нами авторъ [4]). Это утвержденіе невѣрно, конечно, но нѣтъ сомнѣнія, что отсутствіе личнаго божества мы не встрѣчаемъ ни въ одной изъ извѣстныхъ организованныхъ религій [5]), и только финскія племена представляютъ намъ такое явленіе.

Но если духъ имѣетъ такую власть надъ человѣкомъ, то и обратное очень сильно. Духъ не „вѣетъ, гдѣ хочетъ“, онъ не „motu proprio“ вселяется въ человѣка,—онъ призывается, „сманивается“, *принуждается* къ этому. Здѣсь мы имѣемъ дѣло уже съ чистымъ магизмомъ, и именно финскимъ. Радѣніями „каждый можетъ непосредственно получить въ себя Духа Святого... Божество въ концѣ концовъ не отличается отъ человѣка; *оно становится достояніемъ послѣдняго и обращается въ полное его*

[1]) *Ивановскій*. Секта хлыстовъ въ ея исторіи и современномъ состояніи. Кіевъ, 1898, стр. 11.

[2]) „Русскій Вѣстникъ“, 1869, № 3, стр. 348—9. *Кутеповъ*. Секты хлыстовъ и скопцовъ. 1882, стр. 318—9.

[3]) Проф. *Сикорскій*. Психопатическая эпидемія 1892 г. въ Кіевской губ. 1893, стр. 18 и 14.—*Добротворскій*. „Люди Божіи“, стр. 83.

[4]) *Кутеповъ*, l. c., стр. 321 и 322.

[5]) Буддизмъ, представляющій то же явленіе, съ этой точки зрѣнія считается очень многими авторами не религіей въ тѣсномъ смыслѣ, а религіозною формою нравственныхъ принциповъ.

распоряженіе" [1]). Хлыстъ радѣніемъ „*завладѣваетъ*" духомъ или Богомъ:

„Поди, братецъ, порадѣй,
Живымъ Богомъ завладѣй!" [2])

„Еретики (хлысты) доходятъ до гордаго самообожанія, думаютъ *обладать* [3]) самимъ Богомъ и распоряжаться его властью по произволу" [4]). „Сынъ гостинный" задаетъ дѣвицѣ загадку; она отвѣчаетъ: „когда *Богомъ завладѣю*, всѣ твои загадки отгадаю" [5]); „пошелъ братецъ, порадѣлъ, живымъ Богомъ завладѣлъ", и т. д. Но не должно упускать изъ виду, что здѣсь вездѣ подъ словомъ *Богъ* подразумѣвается духъ, входящій въ человѣка по его призыву. Распоряженіе таинственными силами, и власть посредствомъ таинственныхъ силъ, есть сущность магіи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сущность психической болѣзни, называемой паранойей, и которую Tanzi считаетъ атавистическимъ возвращеніемъ къ давно-прошедшему человѣчества.

Это „завладаніе" Богомъ, Духомъ, совершается у хлыстовъ при помощи пѣнья, хлопанья въ ладоши и бѣганіемъ, скаканіемъ, верченіемъ, и т. д. Уже во Второзаконіи магія связывается съ пѣніемъ; магическое значеніе пѣнія цитируется у очень многихъ классическихъ авторовъ [6]), и въ латинскомъ языкѣ самое понятіе о чародѣйствѣ связано съ пѣніемъ—„incantatio", „carmen". Но нигдѣ это значеніе пѣнія не проведено такъ послѣдовательно какъ у финновъ. Въ Калевалѣ пѣніе является главнымъ, чуть ли не единственнымъ дѣломъ Wäinämöinen'а, высшимъ выраженіемъ знанія, мудрости, единственнымъ орудіемъ силы [7]); это же въ еще большей степени надо сказать о шаманахъ, о самоѣдскихъ „tadibe" [8]), и т. д. Но между западно- и восточно-финскими пріемами

---

[1]) *Кутеповъ*, l. c., 298 и 287.
[2]) *Добротворскій*, l. c., 36 и 165—6.
[3]) Курсивъ въ текстѣ.
[4]) *Добротворскій*, 36.
[5]) *Ibid.*, „Роспѣвецъ", № 72, стр. 191.
[6]) XVIII, 11.
[7]) См. *Castren.* Einige Worte über die Kalevala. *Kleinere Schr.*, изд. Акад. Наукъ, 1862, и Ueber die Zauberkunst der Finnen, тамъ же, стр. 9—18; *его же*: Vorlesungen über die finische Mythologie, 1853. Очень хорошій историческій очеркъ финской магіи у *Beauvois*, La Magie chez les Finnois. *Revue de l'Histoire des Religions (Annales du Musée Guimet)*. T. III, № 3 (mai-juin 1881); т. V, № 1 (janv.-févr.) и т. VI, № 6 (nov.-déc.) 1882.
[8]) *Castren.* Reiseerrinerungen aus den Jahren 1838—1844, изд. Акад. Наукъ 1853, стр. 192—8, 201, 223, и т. д.

воздѣйствія на духа или духовъ есть весьма рѣзкая разница. Въ заклинаніяхъ Калевалы [1]) и другихъ, приведенныхъ у Кастрена, у Ленрота, проводится извѣстный раціонализмъ: заклинатель уговариваетъ духа исполнить его желаніе; онъ представляетъ ему рядъ соображеній, въ силу которыхъ духу выгодно поступить извѣстнымъ образомъ. Затѣмъ, потерпѣвъ неудачу, онъ старается пристыдить его, оскорбить, вообще *убѣдить* и *побудить* совершить должное. Ничего подобнаго нѣтъ въ заклинаніяхъ шамана, тадиба; эти вѣрятъ въ силу слова, пѣсни, въ символизмъ и въ таинственную власть символическихъ словъ и дѣйствій, безъ отношенія къ ихъ значенію, и которымъ повинуются духи. Это самое мы видимъ у хлыстовъ.

Различіе это имѣетъ непосредственное вліяніе на механизмъ и процессъ магическаго заклинанія. Раціоналистъ, западный финнъ, обращаясь къ разуму духа, не можетъ прибѣгать къ неистовымъ крикамъ, пляскамъ, круженію шамана; онъ спокойно поетъ, аккомпанируя себѣ на инструментѣ въ родѣ арфы—kantele,—и пренебрегаетъ шаманскимъ бубномъ. Но финнъ не всегда былъ такимъ раціоналистомъ; его заклинанія и призывъ духа сопровождались плясками, шумомъ, прыганіемъ, послѣ чего онъ падалъ безъ памяти [2]), какъ разсказываютъ норвежскія саги. Въ Калевалѣ ничего подобнаго уже нѣтъ, что наводитъ на мысль, что поэма эта не особенно древняго происхожденія. Шаманы остяковъ, тадибы самоѣдовъ и теперь точно также призываютъ духовъ пѣніемъ, крикомъ, ритмическимъ шумомъ, прыганіемъ, круженіемъ, неистовыми движеніями, которыя приводятъ самого шамана въ неистовство, въ особое психическое состояніе крайняго возбужденія, кончающагося обморокомъ, безпамятствомъ, часто судорогами, эпилептоидными припадками, бредомъ [3]). Но вотъ „*радѣнія*“ хлыстовъ. „Радѣнія начинались пѣніемъ, затѣмъ пророкъ или пророчица, выскочивъ на середину избы, начинали кружиться такъ быстро, что почти невозможно было разглядѣть лица; причемъ всѣ махали руками. Иногда бѣгали крестикомъ, иногда прыгали“ [4])... „Во время пѣнія наставникъ весь въ движеніи, машетъ руками, стучитъ, и пр. Его окружаютъ, и начинается общее прыганье. Каждый старается изъ всѣхъ силъ, издавая при этомъ какіе-то нечленораздѣльные звуки, похожіе

---

[1]) Нѣмецкій переводъ знаменитаго финнолога A. Schiefner'а (*Kalevala*, das National-Epos der Finnen. Nach der zw. Aufg. ins Deutsche übers.). Helsingfors, 1852.

[2]) *Beauvois*, l. c., I, стр. 299, 301—2, 307 и *passim*.

[3]) *Castren*, l. c.

[4]) *Ивановскій*, l. c., стр. 29.

на крикъ курицы, на лай собаки; кто реветъ, кто воетъ. Стучатъ сектанты до изнеможенія, нѣкоторые изъ нихъ падаютъ" [1])... „Нѣсколько мужчинъ вскакиваютъ и начинаютъ прыгать и пѣть скорымъ голосомъ... когда ускорится пѣніе, бѣгаютъ одинъ за другимъ... начинаютъ вертѣться. Круговое радѣніе продолжается до тѣхъ поръ, пока рубашки совершенно не взмокнутъ отъ пота" [2])... Этихъ описаній имѣется очень много въ спеціальной литературѣ. Въ екатеринославской эпидеміи: „среди комнаты на полу неподвижно и безъ сознанія лежалъ Сергѣевъ; вокругъ него въ возбужденномъ и до поту усталомъ видѣ распростерлись трое мужчинъ въ нижнемъ бѣльѣ и четверо женщинъ *съ распущенными волосами* и въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ—всѣ они бились объ полъ головой, а женщины неистово выли" [3])... Въ оренбургской эпидеміи: „все тѣло дрожитъ,... во время пѣнія рыдаютъ, подпрыгиваютъ, кружатся на одной ногѣ, иные рвутъ на себѣ волосы, бьются объ полъ, корчатся какъ бы въ судорогахъ... (въ другомъ радѣніи:) „въ избѣ поднялся такой шумъ, что прохватывалъ ужасъ; всѣ что-то пѣли, подпрыгивали и бѣсновались" [4])... Въ кіевской эпидеміи 1892 года, „среди общаго шума, крика и безпорядка... кричатъ, плачутъ, прыгаютъ, хлопаютъ въ ладоши, бьютъ себя по лицу, дергаютъ себя за волосы, топаютъ ногами, издаютъ всевозможные звуки. Случается, что среди прыганія и судорогъ женщины *распускаютъ себѣ волосы*" [5])... Въ супоневской эпидеміи пѣніе сопровождалось топотомъ, хлопаніемъ въ ладоши, вскрикиваніемъ, приплясываніемъ, а иногда и общимъ прыганіемъ; женщины, *распустивъ себѣ волосы*, кричали, плакали, *надувались* и падали въ истерическомъ припадкѣ. Сравнивая эти сцены, всегда одинаковыя во всѣхъ хлыстовскихъ эпидеміяхъ, со сценой шаманства у остяковъ, какъ его описываетъ Кастренъ, и гдѣ въ пляскѣ и крикахъ принимали участіе всѣ присутствовавшіе, нельзя отмѣтить ни одной черты, которая не была бы общею шаманству и хлыстовству; тѣ же черты намъ извѣстны въ орфическихъ оргіяхъ.

Существеннымъ психологическимъ различіемъ между заклинателями другихъ временъ и странъ, съ одной стороны, и шаманствомъ и хлыстовствомъ—съ другой, является слѣдующее обстоятельство: для заклинателей орудіе ихъ силы и могущества есть

---

[1]) 3-й Мисс. Съѣздъ, стр. 108—9.

[2]) *Добротворскій*, l. c., стр. 46—7.

[3]) „Екатер. Епарх. Вѣд.", 1902, № 33, стр. 804.

[4]) „Миссіон. Обозр.", 1897, іюль, стр. 583, 587.

[5]) *Сикорскій*, l. c., стр. 13.

слово и его власть надъ таинственными силами; для шамана, для хлыста, орудіемъ силы является онъ самъ, какъ вмѣстилище духа, которымъ онъ „завладѣлъ“, но который затѣмъ его „водитъ“, какъ автомата. Эта концепція обоюднаго воздѣйствія, обоюдной власти человѣка и духа, общая шаманизму и хлыстовству, ставитъ ихъ совершенно одинокими въ мистицизмѣ народовъ и племенъ, проявляясь однако изрѣдка и у другихъ въ нѣкоторыхъ эпидеміяхъ, въ особенности въ христіанской Византіи (взаимное отношеніе человѣка и Параклета). Состояніе соединенія человѣка съ духомъ, приводящее къ экстазу, безпамятству, бреду, судорогамъ, и т. д., имѣетъ у хлыстовъ особое обозначеніе—„*духъ накатилъ*“—и составляетъ исходную точку концепціи *таинственной смерти*, доктрина которой вовсе не принадлежитъ хлыстовству, а есть всецѣло дѣло ихъ противниковъ, стремящихся систематизировать въ стройное ученіе болѣзненный бредъ [1]). Идентичное состояніе у финновъ имѣетъ свое специфическое названіе; „der gewöhnliche Zauberer (финскій), um seinen Zweck zu erreichen sich in einen Zustand versetzen musste, der finnisch „olla haltioissa“ (bei den Geistern sein) heisst“,—говоритъ Кастренъ [2]), и прибавляетъ въ сноскѣ, что это состояніе несовмѣстимо съ высшимъ волхвованіемъ, которое требуетъ гармоническаго настроенія, между тѣмъ какъ тутъ шаманъ ведетъ себя какъ бѣшеный („sich wie ein Rasender benimmt“); „у него изо рта идетъ пѣна, зубы стиснуты, волосы становятся дыбомъ, глаза скошены“, и т. д.; при этомъ Кастренъ ссылается еще и на Lönnroth'a [3]).

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Въ Калевалѣ у остяковъ, у самоѣдовъ, у вогуловъ, у вотяковъ, у пермяковъ и др., личный богъ если не совершенно отсутствуетъ, то теряетъ всякую инди-

---

[1]) Мы видѣли во очію образчикъ и процессъ этой систематизаціи на супоневскомъ дѣлѣ. Судебный слѣдователь очень старательно заносилъ въ протоколъ показанія обвиняемыхъ и свидѣтелей, облекая ихъ только, какъ ему казалось, въ болѣе корректную литературно форму. Приступая къ дѣлу, онъ сверхъ того, очевидно, подготовился научно, проштудировавъ Добротворскаго, Кутепова и др., и сквозь свою транскрипцію, систематизированную при помощи авторовъ по хлыстовству, онъ не увидѣлъ глубокаго безумія допрашиваемыхъ, безсвязности и крайней бѣдности ихъ рѣчи и совершенной несостоятельности ихъ интеллекта. При ново-назначенномъ слѣдствіи г. прокуроръ орловскаго суда П. С. Пороховщиковъ и я, присутствуя при допросахъ, просили слѣдователя записывать по возможности буквально показанія, не схематизируя ихъ, и психическое разстройство допрашиваемыхъ сказалось тотчасъ же въ очень рѣзкой формѣ.

[2]) Ueber die Zauberkunst der Finnen, l. c., стр. 14.

[3]) Ueber die magische Medicin der Finnen.

видуальность и уходитъ въ туманную даль, являясь безформенной, безцвѣтной и безжизненной тѣнью, не имѣя часто даже собственнаго имени. Человѣкъ имѣетъ дѣло не съ нимъ, а съ духомъ, т.-е. совершенно безличнымъ таинственнымъ существомъ. Это отсутствіе личнаго бога очень поражаетъ людей другого образа вѣрованій и заставляетъ ихъ особенно отмѣчать эту черту,—хлыстовства, шаманства, финскаго эпоса. Норвежцы были хорошо знакомы съ сѣверными финнами и высоко цѣнили ихъ мудрость, т.-е. умѣніе волхвовать; норвежскіе конунги посылали къ нимъ своихъ сыновей, учиться этой мудрости и искать себѣ невѣстъ въ семьяхъ богатыхъ и сильныхъ знаніемъ финскихъ властителей области Бѣлаго моря, извѣстнаго у норвежцевъ подъ именемъ „Gandvik". „Vik"—значитъ заливъ, что и есть въ дѣйствительности Бѣлое море; а „Gand", по словамъ анонимнаго автора латинской исторіи Норвегіи, составленной на Оркадахъ около 1200 г., есть тотъ *злой духъ*, при помощи котораго финны дѣлаютъ свои волхвованія [1]. Это отношеніе финновъ къ духу (а не къ личному богу) [2] казалось норвежцамъ настолько страннымъ, настолько характернымъ для этого народа, что самое этническое имя страны опредѣлилось этою особенностью.

Ненависть, чувство гадливости, брезгливости къ браку составляетъ постоянную и крайне характерную черту хлыстовства, особенно отмѣчаемую всѣми авторами. Для духовныхъ писателей хлысты—„бракоборцы", и этотъ эпитетъ является наиболѣе опредѣляющимъ ихъ. Уже основатель (?) хлыстовства, Данила Филипповъ, въ 1645 г., какъ полагаютъ, далъ двѣнадцать заповѣдей, изъ которыхъ шестая говоритъ: „*Не женитесь, а кто женатъ, живи съ женой какъ съ сестрой. Неженатые не женитесь, а женатые разженитесь*". Эта заповѣдь, болѣе всѣхъ остальныхъ, свято исполняется хлыстами. Восьмая заповѣдь: „*На свадьбы и*

[1]) *Beauvois*, l. c., стр. 299.

[2]) Непониманіе этого отношенія къ Богу и различія Бога и Духа повело духовныхъ писателей къ обвиненію хлыстовъ въ ужасающемъ кощунствѣ. Богъ для нихъ есть чуждое, навязанное извнѣ понятіе, привитое культовою привычкою, но противное самой психологіи хлыстовства, и потому они относятся къ нему довольно индифферентно—и враждебно, когда понятіе это приходитъ въ противорѣчіе съ ихъ благоговѣніемъ къ *духу*. „Вотъ, нельзя, чтобы и Бога не назвать дуракомъ"... говоритъ хлыстовскій учитель (*Выписка изъ дѣла объ арзамасск. серет. Добротворскій*, l. c., 36, сноска). Обвинять хлыстовъ въ кощунствѣ по отношенію къ христіанскому Богу, пожалуй, все равно что обвинять первыхъ христіанъ въ кощунствѣ по отношенію къ языческимъ богамъ.

крестины не ходите, на хмельныхъ бесѣдахъ не бывайте“ —имѣла съ самаго начала, или пріобрѣла впослѣдствіи, значеніе—не избѣгать „хмельныхъ бесѣдъ“, согласно второй ея половинѣ, и не участвовать въ празднованіи такихъ богомерзкихъ дѣлъ, какъ бракъ и дѣторожденіе. „Ничто столько не разрушаетъ зданіе хлыстовства, ничто столько не противно его основной идеѣ, какъ законное супружество“, говоритъ знатокъ хлыстовства, духовный экспертъ проф. Ивановскій [1]). И дѣйствительно, по ихъ убѣжденію, „брачная жизнь —передъ людьми мерзость, передъ Богомъ—дерзость“. Петербургская коммиссія 1733 года, изслѣдовавшая по Высочайшему повелѣнію ученіе и дѣйствія еретиковъ (хлыстовъ), пришла къ заключеніямъ: „.....5) Хулили законный бракъ, вмѣняя брачное ложе въ скверну и въ великій грѣхъ; а потому совращающимся въ ихъ секту повелѣвали: неженатымъ никогда не жениться, а женатымъ разводиться съ женами“ [2]). Безбрачіе есть едва ли не единственный принципъ, общій *всѣмъ* хлыстовскимъ общинамъ („кораблямъ“) безъ исключенія. Въ дѣлѣ чистопольскихъ хлыстовъ отмѣчается, что хлыстъ-пономарь православной церкви „никогда не бывалъ при написаніи обысковъ и не дѣлалъ подписи при учиненіи оныхъ передъ браками“ [3]).

Представленіе объ адѣ у хлыстовъ очень неопредѣленно, и оно отсутствуетъ, такъ что многіе хлысты думаютъ, что адъ представляетъ только состояніе грѣшника, мучимаго угрызеніями совѣсти, и загробная жизнь у нихъ какъ бы существуетъ только для праведниковъ,—концепція, очень напоминающая древне-греческую. Единственнымъ исключеніемъ, единственнымъ образнымъ представленіемъ адскихъ мученій является у нихъ загробная кара, ожидающая супруговъ, жившихъ брачною жизнью, и спеціально женщинъ. Одна дѣвушка увидала разъ „свинью, всю ободранную, безъ шерсти, огонь и смрадъ изъ себя испущающую... слышитъ (отъ свиньи) гласъ человѣчь: стой, стой, душа моя (дѣвушка хотѣла убѣжать), азъ преокаянная мати твоя, проклятая отъ Бога; гнусный грѣхъ творила я съ отцемъ твоимъ“ [4]). Другой образъ адскихъ мукъ: замужняя женщина сидитъ на „страшномъ и лютомъ звѣрѣ; два великихъ ужа разъѣдаютъ ея голову, два сосутъ ея груди, нетопыри грызутъ ея очи, изъ устъ ея исходитъ жупельный огонь, двѣ собаки грызутъ руки, адскій змій увлекаетъ ее въ адскія

---

[1]) Секта хлыстовъ, стр. 34.

[2]) Полн. Собр. Зак. Росс. Имп. съ 1649 г., т. IX. № 6613. Цитир. *Добротворскій*, l. с., стр. 17.

[3]) *Добротворскій*, l. с., стр. 41.

[4]) „Православное Обозрѣніе“ 1873, кн. 1, январь, стр. 326.

мѣста". Или еще: „женщина стремглавъ бѣжитъ въ адское жерло, она тащитъ за собой своего мужа, ихъ встрѣчаетъ ликующій бѣсъ" [1]). Въ хлыстовскихъ бесѣдахъ замужнія женщины, живущія съ мужьями, и особенно имѣющія дѣтей, подвергаются насмѣшкамъ и третируются какъ что-то нечистое, возмутительное по безнравственности. Въ дѣлѣ оренбургскихъ хлыстовъ, Семенъ Утицкій, по показанію свидѣтельницы, училъ „съ мужемъ не жить, а жить по духовному" [2]). Въ дѣлѣ тарусскихъ хлыстовъ 1895 г.: „Свидѣтелю Г. Р., мать его, хлыстовка, не разъ совѣтовала бросить жену, потому что жить съ женой—беззаконіе... хлысты говорили: „отъ жены отлѣпись, а къ чужой прилѣпись; женившійся—разженись" [3]). По показанію свидѣтелей Т., Б. и др., сожительство съ законными женами у хлыстовъ считается большимъ грѣхомъ. Одна *„учительница"* (пророчица) доказывала, что православные, состоящіе въ брачномъ союзѣ, живутъ *по-скотски*. *„Просвѣтитель"* (пророкъ) въ бесѣдахъ съ священникомъ С. называлъ бракъ *„блудомъ"*, и т. д. Въ Супоневѣ пророкъ и духъ святой Потапкинъ проповѣдовалъ, что жить женѣ съ мужемъ—это блудить съ дьяволомъ. У тульскихъ хлыстовъ „мужья съ женами не живутъ" [4]).

Но никакъ не должно заключать отсюда, что хлысты утрируютъ цѣломудріе и, какъ разсказывается въ легендахъ, живутъ въ бракѣ какъ бы въ безбрачіи. Напротивъ того, брачныя отношенія воспрещаются и считаются грѣхомъ съ той точки зрѣнія, что нравственны и угодны Богу только исключительно отношенія внѣбрачныя, и не въ смыслѣ отверженія брачной санкціи, а въ смыслѣ необходимости безпорядочныхъ и случайныхъ половыхъ отношеній. Связанные духовнымъ братствомъ (принадлежностью къ хлыстовству), мужчины и женщины, „братья и сестры", имѣютъ *право*, а по мнѣнію многихъ хлыстовскихъ учителей и *обязанность*—имѣть между собою половыя отношенія. Въ Супоневѣ этотъ актъ разсматривался какъ „причащеніе плотью и кровью", какъ санкція поступленія въ хлыстовство, и потому былъ обязателенъ для неофитовъ; женщины секты не имѣли права отказывать мужчинамъ. Жена Потапкина объясняла, что „братъ съ

[1]) Ibid., стр. 327.

[2]) Оренбургскіе хлысты. Изъ залы судебнаго засѣданія. „Мисс. Обозр." 1897, стр. 586.

[3]) Обвинительный актъ, л. 9 (мы имѣемъ въ рукахъ все дѣло тарусскихъ хлыстовъ).

[4]) *Бриллiантовъ*. Изъ исторіи тайнаго сектантства въ тульской губерніи, стр. 6.

сестрой могутъ имѣть *едино тѣло и едино дѣло*, потому *по мірскому это блудъ*, а *по духовному это любовь*; а съ міряниномъ ни одна хлыстовка въ связь не вступитъ, хотя ей полную комнату золота дай (эндогамія). Это же повторили всѣ участницы, признавшіяся въ томъ, что „приняли плоть и кровь". Но особенно угоднымъ Богу является половой актъ коллективный, совершаемый даже въ присутствіи свидѣтелей (напоминаетъ кенигсбергскую сцену [1]) и торжественное богослуженіе, 14 мая 1769 г. на Отаити, разсказанное Кукомъ) [2]), и о которомъ намъ подробно разсказывали двѣ свидѣтельницы въ Супоневѣ. Въ Таруссѣ „слѣдствіемъ установленъ цѣлый рядъ данныхъ, указывающихъ на то, что тарусскіе хлысты съ особымъ стараніемъ, съ особою энергіею проповѣдуютъ о грѣховности брачнаго союза и о необходимости немедленнаго его расторженія. *Въ то же время внѣ-брачныя и вообще неупорядоченныя половыя отношенія пользуются со стороны хлыстовъ не только терпимостью, но прямо и открыто поощряются и проповѣдуются вожаками секты какъ словомъ, такъ и дѣломъ...* (на совѣтъ отцу, выдать дочь замужъ, чтобы она не „потеряла себя") отецъ отвѣчалъ свидѣтелю: „это молодость; побалуется и отстанетъ"... хлыстовка (у которой „дочь отъ распутной жизни родила") сказала, что *у нихъ* (хлыстовъ) *въ этомъ грѣха не полагается*. Если дѣвушка родитъ, то о. Василій („учитель") дастъ послѣ родовъ молитву: раздѣнутъ дѣвку до-гола, она станетъ голая передъ о. Василіемъ, а онъ окачиваетъ ее водой и велитъ цѣловать ему грудь... по показанію (многихъ) свидѣтелей „*путаться съ чужими женами считается добрымъ дѣломъ*; это называется *имѣть любовь*" [3])... „особенно когда духъ *накатываетъ*; то *тайна*. Подъ покровомъ (этого принципа) развратъ получилъ не только полный просторъ, но и освященіе; явился всѣмъ извѣстный, такъ называемый *свальный грѣхъ*... (у чистопольскихъ хлыстовъ найдена) красками написанная картина, изображающая людей на бѣлыхъ коняхъ, а внизу изображеніе радѣній и въ лицахъ—свальный грѣхъ" [4])... Безполезно приводить дальнѣйшія доказательства,—эти безпорядочныя половыя отношенія, *свальный грѣхъ*, и вмѣстѣ съ тѣмъ ненависть и чувство гадливости, брезгливости къ браку, безспорно установлены какъ постоянныя и крайне характерныя черты хлыстовства. Они возбуждаютъ удивленіе и

---

[1]) *W. Hepworth Dixon*. Spiritual Wifes, I, XVIII.

[2]) Цит. *Voltaire*, Les Oreilles du Comte de Chesterfield, VI.

[3]) Обвинит. актъ, l. c., стр. 9, recto, verso.

[4]) *Ивановскій*, l. c., стр. 38, 41.

негодованіе не однихъ духовныхъ писателей, не однихъ моралистовъ, но это — явленія, хорошо знакомыя антропологу, и они имѣютъ весьма опредѣленное мѣсто и значеніе въ исторіи культуры человѣчества. Когда племя переходитъ отъ низшей культурной стадіи коммунальнаго брака и общности женщинъ къ индивидуальному браку, этотъ послѣдній возбуждаетъ негодованіе и гадливость, какъ выраженіе грубѣйшаго эгоизма, какъ отверженіе братства, связывающаго всѣхъ членовъ gens, которая считается происходящею отъ одного родоначальника и составляющею единокровную (или единоутробную) семью. Соединиться индивидуальнымъ бракомъ — значитъ изъять женщину изъ общаго пользованія, и слѣдовательно нанести ущербъ обществу для удовлетворенія своего личнаго эгоизма, нарушить братство и равенство, лишить своихъ братьевъ по племени дани полового наслажденія, отказаться отъ половой, а затѣмъ и отъ имущественной общности. Очевидно, это допустимо только въ двухъ условіяхъ: 1) или мужчина беретъ себѣ женщину въ собственность изъ своего племени, клана, gens (эндогамія); тогда онъ долженъ возмѣстить наносимый имъ ущербъ, выкупить женщину изъ общаго пользованія для своего одиночнаго потребленія; 2) или онъ беретъ ее (покупкой или похищеніемъ) изъ чужого племени (экзогамія); тогда братья его племени не имѣютъ на его жену правъ, и онъ сводитъ свои счеты съ племенемъ жены. Постепенно индивидуальный бракъ устанавливается, входитъ въ нравы, становится нормою, но сужденіе о немъ какъ объ институціи безнравственной, эгоистической, противной божескимъ законамъ и человѣческой общественности, держится очень долго, проявляясь во множествѣ фактовъ, обычаевъ и чувствъ, въ странныхъ на первый взглядъ институціяхъ, въ религіозно-бытовыхъ празднествахъ, въ трагическіе моменты государственной жизни — въ противонравственныхъ жертвахъ и искупленіяхъ. Отъ Геродота [1]) мы знаемъ, что въ Вавилонѣ каждая женщина была обязана одинъ разъ отдаться желающему, исполнить такимъ образомъ свой половой долгъ обществу, и однимъ разомъ искупить свой единичный бракъ, составляющій нарушеніе общественности и грѣхъ передъ Милиттой. Иногда это искупленіе грѣха и преступленія единичнаго брака возлагалось на нѣкоторыхъ женщинъ, и эти гетэры — искупительныя жертвы — являлись священнослужительницами, а ихъ проституція получала характеръ и значеніе религіознаго культа; этимъ объясняется, что въ тяжелыя

---

[1]) I, стр. 199.

минуты государственной жизни Коринѳъ прибѣгалъ къ молитвамъ своихъ знаменитыхъ гетэръ, какъ наиболѣе угоднымъ божеству; что могила Аліатта была сдѣлана на иждивеніе гетэръ, и т. д.

Извѣстно, что священная проституція была широко распространена въ древнемъ мірѣ [1]). Римскіе праздники: Nonae Caprotinae и Floralia, точно также какъ и азіатскія сакеи, имѣли несомнѣнный характеръ возвращенія къ первоначальному состоянію коммунальнаго брака и равенства всѣхъ членовъ общества. Въ критическую минуту войны съ Леофрономъ и Регіумомъ эпизефирійскіе Локры, чтобы умилостивить боговъ, прибѣгли къ проституціи женщинъ знатныхъ фамилій, какъ угодное богамъ возвращеніе къ первоначальному состоянію коммунальнаго брака. Nonae Caprotinae были точно также проституціей (по рѣшенію сената и для умилостивленія боговъ, въ тяжелый моментъ галльской войны) римскихъ матронъ, можетъ быть и замѣненныхъ дѣйствительно рабынями, и разсказъ позднѣйшихъ историковъ есть только историзированіе и извращеніе древняго преданія. Есть даже нѣкоторое основаніе предполагать, что „ver sacrum, былъ между прочимъ и годовымъ актомъ коммунальнаго брака, нѣсколько въ родѣ того, который совершается весной сенегальскими неграми и извѣстенъ во французскомъ колоніальномъ мірѣ подъ названіемъ rut sacré [2]). Такимъ образомъ, взглядъ на единичный („семейный“) бракъ, на парное сожительство, какъ на нарушеніе божескихъ законовъ и человѣческаго братства, сохранился отъ древнѣйшихъ временъ даже въ обществахъ, въ которыхъ воспоминаніе о коммунальномъ бракѣ уже совершенно

---

[1]) Вавилонъ, Лидія, Сирія, Кипръ, Цитера, Коринѳъ, Абидосъ, Самосъ, Арменія, Каппадокія, Финикія, особенно Библосъ и др.

[2]) Коммунальный бракъ и его слѣды въ древнемъ мірѣ и въ настоящее время имѣютъ уже огромную литературу. Основная работа по этому вопросу, почти исчерпывающая его, есть знаменитая книга *Bachofen*'а Mutterrecht, и его же Sage von Tanaquil (онъ разбираетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и гетэризмъ, и гинекократію). Болѣе краткое изложеніе организаціи примитивнаго семейства съ его соціальными и юридическими послѣдствіями можно найти у *Giraud-Teulou*, Les origines de la Famille, и въ болѣе поздней книгѣ *Letourneau*, La Famille. Важны тоже работы *Mac-Lennan*, Studies in ancient History Patriarchal Theory (другой взглядъ въ частномъ). Большой антропологическій и этнографическій матеріалъ, обработанный съ соціальной и юридической точки зрѣнія у *Herman Post*, Studien zur Entwickelungsgeschichte des Familienrechts, и *Starcke*, Die primitive Familie in ihrer Entstehung und Entwickelung (въ Брокгаузовской Internationale wissenschaftliche Bibliothek). Общее понятіе объ этомъ вопросѣ можно найти въ каждомъ почти руководствѣ антропологіи; важныя для насъ въ данномъ случаѣ указанія относительно восточно-финскаго населенія нашего сѣверо-востока имѣются въ очеркахъ проф. *Смирнова*: „Вотяки, пермяки“ и др. (въ Арх. казанск. общ. антроп., этнографіи, и т. д.).

утратилось, и святость брачнаго союза цѣнится очень высоко. Эта двойственность нравственнаго отношенія къ институціямъ и фактамъ, унаслѣдованнымъ изъ древнихъ временъ, есть явленіе весьма обычное въ обществахъ, жившихъ историческою жизнью, и гдѣ старыя, установившіяся этическія идеи, результатъ бывшаго и ушедшаго въ прошлое общественнаго строя во многомъ не соотвѣтствуютъ болѣе новому строю.

Въ племенахъ и народахъ, уже давно перешедшихъ отъ коммунальнаго брака къ индивидуальному, сохраняются очень ясные и характерные слѣды прежняго въ символическихъ обычаяхъ, въ играхъ, а часто и въ психикѣ, въ чувствахъ, въ семейной и общественной жизни. Въ очень многихъ странахъ, напр., дѣвушки до замужства могли вести самую невоздержную половую жизнь, заниматься даже проституціей, не навлекая на себя порицанія, и сохраненіе цѣломудрія требуется только отъ замужнихъ женщинъ. Извѣстенъ также такъ-называемый гостепріимный гетэризмъ, гдѣ хозяинъ дома предоставляетъ гостю на ночь свою жену или дочь. Весеннія игры („игрища" нашихъ лѣтописей) очень часто сопровождаются безпорядочными половыми сношеніями, также какъ и деревенскія „посидѣлки" и „бесѣды". Все это въ Россіи, и именно въ сѣверовосточной и центральной, еще было въ полномъ цвѣтѣ въ XVIII вѣкѣ, и цѣлый рядъ антропологическихъ сообщеній показываетъ, что многое изъ этого практикуется и въ настоящее время; для насъ, въ данномъ случаѣ, особенно драгоцѣнны указанія проф. Смирнова [1]). Нужно ли напоминать оргіи орфизма, отъ древней Ѳракіи до христіанской Византіи, сохранившіяся и до сего времени въ смягченномъ видѣ, частью какъ праздники, частью—какъ культовыя институціи, у очень многихъ народовъ, отъ средне-африканскихъ негровъ до нашихъ сѣверо-восточныхъ инородцевъ. Очень поучительны въ этомъ отношеніи слѣды коммунальнаго брака и половыхъ оргій въ Римѣ, гдѣ они такъ рѣзко противорѣчили крѣпкому строю римской семьи и patria potestas. Выше уже были упомянуты Nonae Caprotinae и Floralia. Праздникъ Bonae Deae былъ нѣкогда орфической оргіей; подъ вліяніемъ римскаго семейнаго склада, онъ обратился въ исключительно женскій праздникъ въ домѣ высшаго сановника, откуда въ это время даже выселяли самцовъ-животныхъ и закрывали изображенія мужчинъ. Но самый характеръ Bonae Deae, весеннее и ночное его празднованіе съ винными эксцессами и другія особенности (фаличе-

---

[1]) Тамъ же.

ское животное—змѣя, отношеніе къ фавну и т. д.) указываютъ на первоначальное значеніе; женщины, съ ихъ психологическимъ и соціальнымъ консерватизмомъ, несмотря на все, сохранили празднику его половой характеръ, замѣнивъ прежнее смѣшеніе половъ сафизмомъ [1]. [Сопоставимъ слѣдующій фактъ: „Въ тульской губерніи, бѣлевскомъ уѣздѣ ...хлыстовки ведутъ развратную жизнь, и за отсутствіемъ мужчинъ (на радѣньяхъ) предаются содомскому грѣху между собою [2]]. Позже, когда, подъ вліяніемъ исторической эволюціи, стали выдвигаться, какъ это часто бываетъ, старые инстинкты, на праздникахъ Доброй Богини сафизмъ дебюта праздника приводилъ къ крику: „admitte viros", и участницы—„ululant Priapi" [3].

Коммунальный бракъ ведетъ за собою, какъ логическія его послѣдствія, цѣлый рядъ институцій и обычаевъ, цѣлый общественный строй особаго характера. Такъ какъ происхожденіе по отцовской линіи здѣсь не можетъ быть установлено,—а гдѣ оно есть, то является только фикціей,—то генеалогія ведется по материнской линіи, и даже имя можетъ передаваться не отъ отца, какъ намъ теперь кажется естественнымъ, а отъ матери; уже Геродотъ указываетъ на это какъ на странность, свойственную многимъ народамъ. Позже, уже по установленіи индивидуальнаго брака, дядя по матери считается болѣе близкимъ родственникомъ ребенка, нежели отецъ; дѣти сестры считаются болѣе близкими, нежели собственныя, и римская матрона молила боговъ въ храмѣ не за своихъ дѣтей, а за дѣтей сестры; вообще, ближайшимъ, если не единственнымъ, родствомъ считается единоутробное и материнская линія. Иногда даже родоначальниками клана считаются не мужчины, а женщины (древніе арабы, наши вотяки и др.); въ материнскомъ строѣ tempus editionis опредѣляетъ право наслѣдованія, въ отцовскомъ—tempus conceptionis, и т. д. Остатки коммунальнаго брака и вытекающія изъ него институціи сказываются очень сильно и въ культурные уже періоды. Когда экономическій прогрессъ создаетъ накопленіе богатствъ, личную собственность, капиталъ, наслѣдство слѣдуетъ въ женской линіи. Это обстоятельство, затѣмъ священная проституція, половая власть женщины, создаютъ или положительную, регулированную закономъ или обычнымъ правомъ гинекократію (Bachofen), или, по крайней мѣрѣ, гинекократическій складъ общества. Въ первомъ случаѣ государственная власть принадле-

---

[1]) См. случай Клодія въ домѣ цезаря.

[2]) Дѣянія 3-го Миссіонерскаго Съѣзда, изд. второе, стр. 104.

[3]) Ювеналъ, Сат. VI; стихи 307, 339.

житъ женщинѣ, или возлагается ею на мужчину; во второмъ — въ женскихъ рукахъ сконцентрируется наибольшая часть капитала (денежнаго или земельнаго) страны, что даетъ женщинѣ свободу и экономическое, а потому и общественное, преобладающее значеніе, въ особенности въ эпоху государственнаго или соціальнаго упадка. Бахофенъ первый показалъ, что коммунальный бракъ и гетэризмъ порождаютъ преобладаніе женщины въ семействѣ, а затѣмъ—и въ государствѣ, и въ религіи. Факты, доказывающіе это, или иллюстрирующіе этотъ ходъ человѣчества, были, конечно, извѣстны и до него, но онъ собралъ ихъ, сопоставилъ и освѣтилъ одной цѣльной теоріей, сдѣлавъ для этого вопроса то, что сдѣлалъ Fustel de Coulange [1]) для культа предковъ и вытекающаго изъ него государственнаго устройства. Римское право пріучило насъ къ мысли о власти отца семейства, о строгости римскаго семейства, и эту идею мы въ значительной степени перенесли и на Спарту. Это вѣрно только для одной эпохи. Въ обѣихъ этихъ странахъ общность женщинъ [2]) и гетэризмъ были исходными, первоначальными институціями; въ обѣихъ женщины возвратились къ крайней невоздержности и были очень властны. Плутархъ жалуется [3]) на властолюбіе и наглость спартанокъ, а идеалъ римской женщины у Ювенала является синонимомъ „uxor imperiosa". Эта гинекократія, связанная съ коммунальнымъ бракомъ и гетэризмомъ въ первоначальныхъ общественныхъ и даже государственныхъ союзахъ, исчезаетъ при дальнѣйшей эволюціи общества и преобладанія патріархата, патриціанства, агнатизма. Но общество идетъ дальше, и подъ вліяніемъ его инволюціи снова появляется гетэризмъ, освященный, легализированный, такъ сказать, нравами, обычаемъ или даже высшими принципами равноправности женщины, феминизма и т. д. [4]). Такимъ образомъ, инво-

---

[1]) La Cité Antique.

[2]) *Плутархъ*. Сравненіе Нумы и Ликурга, V и VI.

[3]) Ibid., VI.

[4]) Въ высшей степени поучительны эти атавистическія возвращенія къ давно прошедшему, какъ явленія инволюціи; въ старыхъ, крѣпко сложившихся обществахъ самыя передовыя идеи приводятъ къ несознательному повторенію древнихъ формъ. На феминистическомъ конгрессѣ 1900 г. въ Парижѣ дѣлались и принимались, какъ особенно прогрессистскія, пожеланія, бывшія реальностью въ глубокой древности, и являющіяся логическими послѣдствіями свободы отъ семейныхъ узъ, какъ протестъ противъ власти отца семейства: передача дѣтямъ не отцовскаго, а материнскаго имени (какъ у этрусковъ, у карійцевъ, и т. д.,—что такъ удивляло Геродота—и у нашихъ хлыстовъ, Кутеповъ, l. c., 561); гетэризмъ, поліандрія и полигамія, нежеланіе дѣторожденія, борьба противъ патріархата, и т. д. См. тенденціозную, конечно,

люція въ своей послѣдней стадіи приводитъ къ общественнымъ явленіямъ, характеризовавшимъ исходную точку эволюціи. Гинекократія—въ той или другой формѣ—является какъ бы необходимымъ послѣдствіемъ—или сопровожденіемъ—гетэризма, и анализъ историческихъ фактовъ безусловно подтверждаетъ выводы Бахофена. Но если хлыстовство есть возвращеніе къ коммунальному браку и къ древнему гетэризму, мы должны найти и у него гинекократію; такъ ли это?

Священникъ А. Садовскій, въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Женщина-хлыстовка“ [1]), отмѣчаетъ то господствующее положеніе, какое занимаетъ въ хлыстовствѣ женщина. „Женщина стоитъ во главѣ хлыстовскаго корабля (общины), она же ведетъ дѣятельную, хотя и осторожную пропаганду... Въ хлыстовствѣ мужчина, характерно прозванный *тихоня-хлыстъ*, отмежевалъ себѣ область тихаго созерцанія, предоставивъ активную роль женщинѣ“... „Женщины играютъ первенствующую роль и руководятъ дѣйствіями собранія“... — говоритъ изслѣдователь кіевской эпидеміи 1892 г., проф. Сикорскій [2]). Мамадышскій хлыстовскій пророкъ говорилъ, что еслибы удалось склонить двухъ женщинъ, М. и Д., все селеніе пошло бы за ними [3]); это вполнѣ оправдалось на супоневской эпидеміи, гдѣ главнымъ факторомъ, какъ указано выше, была сестра Потапкина, истеричка Евдокія Г.; братъ же ея, умалишенный Осипъ, только привезъ хлыстовство въ Супонево изъ сѣвернаго Кавказа. Въ исторіи секты женщины играютъ тоже выдающуюся роль, тогда какъ въ раціоналистическихъ сектахъ ихъ роль исключительно пассивная. Такъ, Иванъ Тимоѳеевъ Сусловъ, считающійся основателемъ хлыстовства, имѣлъ около себя *богородицу*, которую признавалъ выше себя и звалъ матерью [4]),—*это была проститутка*. Точно также была признана богородицею и имѣла главенство и жена Лупкина, преемника Суслова. Изъ первой половины XVII вѣка исторія хлыстовства даетъ намъ главнымъ образомъ женскія имена: старицы Анастасія (казнена), Марья Трофимова (казнена), Анна Иванова

но вѣрную относительно фактическаго матеріала книгу аббата *Bolo*, La Femme et le Clergé. Paris Haton 1902, стр. 45—60.

[1]) „Странникъ“, 1897, май; „Мисс. Об.“ 1897, іюль, 624—5.

[2]) Тамъ же 11, 15.

[3]) *Ивановскій*, l. c. 35.

[4]) „Водитъ съ собою дѣвицу красноличну *и зоветъ ю матерью себѣ*, а вѣрующіе въ него зовутъ ю богородицею. А дѣвица (а паче рещи . . . . . *здѣсь святитель употребляетъ слово, означающее проститутку, но неупотребительное въ печати*), та . . . . . изъ нижегородскаго уѣзда“... *Святит. Дмитрій*, Розыскъ... *Добротворскій*, l. c., сноска.

(сослана), наказанныя кнутомъ и сосланныя: Катерина Ларіонова, Авдотья Михайлова, Аксинья Яковлева, Акулина Иванова, сдѣлавшаяся легендарнымъ лицомъ, какъ самая властная представительница хлыстовства [1]), и много другихъ. Во всякомъ „кораблѣ" есть *кормщица* („пророчица", „богородица"), равная по власти съ мужскимъ вождемъ, а часто превосходящая его властью, или даже единственная глава. Въ тарусскомъ дѣлѣ фигурируютъ „учительницы" [2]); *пророчица* играетъ первенствующую роль и въ управленіи [3]), и въ культѣ [4]), который осложняется обыкновенно еще порноическими дѣйствіями [5]).

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о той страстности, съ которой хлысты—и главнымъ образомъ хлыстовки—стремятся на радѣнія, какую непреодолимую притягательную силу имѣютъ эти сборища. Это констатируется всѣми авторами почти безъ исключенія. Выше были приведены показанія относительно этого въ Супоневѣ; въ Тарусѣ „вели одну православную дѣвушку къ вѣнцу мимо дома, гдѣ было наше радѣніе; она зашла, посмотрѣла, и замужъ болѣе не захотѣла идти" [6]); этотъ иносказательный разсказъ очень образно представляетъ страстную привлекательность радѣній для женщинъ. Въ оренбургскомъ дѣлѣ Утицкихъ одна свидѣтельница „вскорѣ послѣ его бесѣды начала тосковать, дожидалась бесѣды какъ манны небесной" [7]). Въ арзамасскомъ хлыстовствѣ женщины „впадали въ состояніе страшной тоски, если удерживались кѣмъ-нибудь" [8]). Хлысты и хлыстовки—послѣднія въ особенности—ѣдутъ на радѣнія за много десятковъ верстъ, въ непогоду, что возбуждаетъ удивленіе авторовъ по хлыстовству. Эта притягательная сила радѣній объясняется обыкновенно половыми желаніями, такъ какъ сами радѣнія имѣютъ половой и даже порноическій характеръ, но это объясненіе безусловно невѣрно,—невѣрно фактически, невѣрно психологически.

---

[1]) *Добротворскій*, l. c., 111.

[2]) Обвин. актъ.

[3]) *Кутеповъ*, l. c. 461 и сл., и passim.

[4]) *Добротворскій*, *Кутеповъ* и др. passim.; Мисс. Съѣздъ, 103, и судебныя дѣла о хлыстахъ.

[5]) Напр., пророчицѣ цѣлуютъ голое колѣно (*Рождественскій*, l. c., 215; *Добротворскій*, l. c., 60 и др.). У костромскихъ хлыстовъ „богородица ложится на полу въ широкой рубахѣ, вверхъ лицомъ, и присоединяющійся (поступающій въ хлыстовство) долженъ проползти подъ ея рубахою съ головы до ногъ,—что и называется перерожденіемъ" (Мисс. Съѣздъ, 103; *Ивановскій*, 22).

[6]) Обвин. актъ, л. 9 verso.

[7]) Оренбургскіе хлысты, l. c., 584.

[8]) *Рождественскій*, 46—7.

На хлыстовскихъ радѣніяхъ женщины вообще многочисленнѣе мужчинъ, и въ новыхъ, возникающихъ только гнѣздахъ хлыстовства на одного мужчину приходятся десятки и больше женщинъ; такимъ образомъ, женщины нашли бы неизмѣримо больше удовлетворенія въ обычныхъ бытовыхъ условіяхъ и въ своей семьѣ, нежели на радѣніяхъ, притомъ сравнительно рѣдкихъ. Большинство женщинъ уходитъ съ радѣній неудовлетворенными, казалось бы,—и тѣмъ не менѣе онѣ исполнены неизъяснимой радости, и эта радость, чувство восхищенія и психическаго удовлетворенія составляетъ самую постоянную и самую рѣзкую черту хлыстовской психологіи. Совершенно иначе представляется вопросъ, если мы станемъ на точку зрѣнія антропологическую. Крайній психологическій консерватизмъ женщины не только заставляетъ ее враждебно относиться къ измѣненіямъ, но влечетъ ее къ возвращенію къ давно прошедшему, уже забытому племенемъ, но живущему какъ неясное ощущеніе и стремленіе въ душѣ женщинъ. Древній гетэризмъ, какъ соціальное и религіозное явленіе, еще настолько силенъ, настолько живучъ, что онъ выступаетъ при сильныхъ возбужденіяхъ,—физическихъ (освѣщеніе, музыка, оживленная праздничная толпа) и нравственныхъ (религіозное, политическое). Возвращаясь къ нему въ той или другой смягченной нравами формѣ, многія женщины чувствуютъ какъ бы возвращеніе въ свою духовную родину, и возбужденіе мужскихъ желаній ихъ совершенно удовлетворяетъ. Это есть чисто духовный, религіозный порывъ, дающій намъ ключъ къ пониманію подобнаго гетэризма.

У хлыстовъ всѣ члены общины—братья и сестры; это братство не есть пустая формула; оно дѣйствительно связываетъ сектантовъ братскимъ чувствомъ. Хлысты очень помогаютъ другъ другу, но это встрѣчается во всѣхъ преслѣдуемыхъ коллективностяхъ, и потому не составляетъ характеристической черты; зато крайне характеристичнымъ должно признать мягкое, нѣжное, ласкательное обращеніе хлыстовъ между собою. „Братецъ“, „сестрица“, „голубчикъ“, „Иванушка“, „Гаврюша“, Андрюша“,—таковы звательныя формы, всегда употребляемыя хлыстами между собою. Эта ласкательность, эта нѣжная любовь болѣе или менѣе обращается, конечно, въ формулу въ старыхъ „корабляхъ“, но въ нововозникающихъ, въ зарождающихся гнѣздахъ она доходитъ до странной на видъ слащавости. Очень характерно описаніе проф. Сикорскаго: утрированная учтивость, преувеличенное, часто доходящее до смѣшного желаніе услужить, предложить мелкія услуги

(напр., поправить платье или прическу у сосѣда и т. п.), объятія и изліянія благодарности по самымъ пустымъ поводамъ... Нѣжность, услужливость, экзальтированная, сентиментальная привязанность, которую обнаруживаютъ малеванцы, и которая также наблюдается у хлыстовъ и духоборцевъ [1]). Конечно, это уже очень сильная степень, встрѣчавшаяся въ столь тяжелой эпидеміи, какъ кіевская 1892 г.; но и въ обычныхъ условіяхъ хлысты „между собою замѣчательно дружны... нѣтъ ни брани, ни сквернословія, столь обычныхъ въ народѣ“ [2]). Чѣмъ объясняется это братство?

Gens, кланъ, съ ихъ общинною собственностью и идеей общаго происхожденія отъ одного родоначальника, и слѣдовательно кровной связи всѣхъ членовъ, не исключаетъ, конечно, ихъ личнаго неравенства, но дѣлаетъ невозможнымъ политическое или экономическое наслѣдственное неравенство, неравенство классовое, и создаетъ логически братство членовъ клана. Только индивидуальный бракъ, затѣмъ агнатизмъ и индивидуальная собственность могутъ дифференцировать въ племени политическія сословія и экономическіе классы, дать возможность появленію „*аристократовъ*“, „*оптиматовъ*“, „*лучшихъ людей*“,—идентичная идея и идентичное выраженіе въ Греціи, Римѣ и древней Руси. Это—*лучшіе*, у которыхъ установился индивидуальный бракъ, создалась отцовская власть, генеалогія въ мужской линіи, личная собственность выдѣлилась изъ безформенной коллективности, и они съ презрѣніемъ смотрятъ на массу, сохранившую безпорядочное половое сношеніе и не имѣющую агнатической семьи. Въ Аттикѣ *эупатриды*, въ Римѣ *патриціи*, имѣютъ *отцовъ*, имѣютъ семейный культъ, имѣютъ ауспиціи, и съ презрѣніемъ смотрятъ на остальное населеніе; это—люди, „не знающіе своихъ отцовъ“ (плебеи), „овчинники“, „пыльноногіе“ (въ Аттикѣ),—люди безъ рода. Братство нарушилось, когда явился классъ людей, „знающихъ своихъ отцовъ“. Но идея общаго братства логически приводитъ къ концепціи „*общей матери*“, „*родительницы*“; это—Кибелла, Реа, Геа, Дэметра, Мать-Сыра-Земля, Добрая Богиня (Бона Деа), Добрая Мать, которая производитъ насъ на свѣтъ, питаетъ насъ въ теченіе нашей жизни, принимаетъ насъ въ свое лоно и даетъ намъ тихое пристанище и отдыхъ послѣ нашей смерти. Эта Добрая Мать Земля постоянно и нескончаемо порождаетъ все живущее, и такъ какъ

[1]) Тамъ же, 6, 19.

[2]) *Ивановскій*, l. c., 32.

рожденіе предполагаетъ сексуальное соединеніе, то она постоянно и нескончаемо предается физической любви; это—Астарта, Фригійская Мать, и послѣ Афродита Порнэ, Venus Vulvivaga; она требуетъ братства всѣхъ своихъ дѣтей, требуетъ любви и наслажденія, и потому предписываетъ коммунальный бракъ, освященную проституцію; индивидуальный бракъ и нарушеніе братства возбуждаютъ ея гнѣвъ.

Эта постановка создаетъ совершенно особую, чуждую нашей психикѣ теперь, но существовавшую когда-то въ нашей расѣ, существующую и теперь еще въ другихъ расахъ, концепцію жизни человѣчества. Этрусская и частью древне-римская концепція, по счастью дошедшая до насъ [1]), бросаетъ яркій свѣтъ на рядъ явленій, идей и пониманій въ прошедшемъ и настоящемъ. Великая Матерь всего живущаго, всего живого, производитъ на свѣтъ человѣческія поколѣнія, какъ и годовую растительность. Годовой циклъ кончается тогда, когда опадаетъ послѣдній листъ дерева, когда умираетъ послѣдняя былинка травы, вызванные къ жизни весною; точно также вѣкъ (seculum) кончается тогда, когда умираетъ послѣдній человѣкъ поколѣнія, а потому продолжительность вѣковъ различна,—она варіировала отъ 105 до 123 лѣтъ [2]). Смерть уничтожаетъ человѣческія поколѣнія, какъ зима—годовую растительность; она „жатву жизни коситъ“. Каждый человѣкъ есть листъ дерева, колосъ въ полѣ; поколѣніе есть снопъ, сумма колосьевъ, срѣзанныхъ косою; смерть —косарь,—„seculum a secando“. Умеръ послѣдній человѣкъ поколѣнія, срѣзанъ послѣдній колосъ посѣва, тогда кончается годъ, вѣкъ (seculum). За этимъ начинается новый циклъ жизни, восходитъ весной новая растительность, съ новымъ вѣкомъ новое поколѣніе; они оба—порожденіе Земли, и потому слѣдуютъ jus terrae, не jus seminis. Итакъ, поколѣнія *не выходятъ одинъ изъ другого*, какъ это представляется намъ, а *слѣдуютъ одинъ за другимъ*; всѣ листья дерева, всѣ цвѣты луга, всѣ колосья нивы, всѣ люди поколѣнія—равноправные братья, и связаны тѣсными братскими узами; но поколѣніе послѣдующее связано съ предъидущимъ происхожденіемъ не отъ него, а отъ общей матери, и потому связь семейная, родовая, генетическая—очень слаба.

---

[1]) Цензоринъ, De die nat.; Макробій, частью Лукрецій (II, 77; IV, 1223) и разсѣянныя указанія у друг. авторовъ. Полное изложеніе этого ученія у Бахофена, l. c., и *K. Otfried Muller*, Die Etrusker. Neu bearbeitet v. *W. Deecke*. Stuttgart, 1877, томъ II, стр. 309 и 315.

[2]) *Muller-Deecke*, l. c., II, стр. 310.

Это приравниваніе года къ вѣку, поколѣнія людского къ годовой растительности, человѣчества къ саду и лугу, смерти къ косарю, времени года къ возрастамъ, далеко пережило свою исходную идею и сдѣлалось ходячимъ мѣстомъ въ нашей обычной рѣчи; оно особенно бросается въ глаза, настойчиво и рѣзко приводится во всѣхъ культовыхъ гимнахъ („распѣвцахъ“) хлыстовъ. Римская классическая древность даетъ намъ и въ этомъ отношеніи очень краснорѣчивое увѣреніе. Первоначальныя легенды [1]) Италіи, разсказываютъ, что въ Лаціумѣ нѣкогда жилъ дикій, грубый народъ, безъ законовъ и нравственности—„звѣринымъ обычаемъ“, по выраженію нашего лѣтописца о населеніи средней Россіи—и имѣвшій царемъ Януса. Къ этому народу прибылъ Сатурнъ и ввелъ общее равенство, братство и свободу. Не было рабовъ и господъ, не было классовъ и сословій; „никто другому не служилъ, и не было частной собственности, но все было общее и принадлежало всѣмъ нераздѣльно“ [2]). Сатурнъ исчезъ, но народъ сохранилъ о немъ благодарное воспоминаніе, и его время было названо Aetas aurea, золотая эпоха. Въ его честь былъ установленъ праздникъ Saturnalia, въ теченіе котораго рабы становились равными своимъ господамъ, и населеніе предавалось разгулу и разврату; праздновались Saturnalia въ декабрѣ,—„libertas decembris“, въ концѣ года, и Сатурнъ изображался съ косой, которая срѣзывала и колосья нивы, и листья дерева, и поколѣнія людей, оканчивая такимъ образомъ жизненный циклъ, годъ и вѣкъ. Въ этой легендѣ мы видимъ наглядно связь между фактомъ и представленіемъ братства и равенства, съ одной стороны, и идеею о происхожденіи поколѣній *не одно отъ другого*, а отъ одной общей Матери. Когда въ Римѣ настала рѣзкая реакція противъ прежняго гетэризма, и матріархатъ былъ побѣжденъ агнатизмомъ, Сатурнъ, косящій все живое, обратился въ Время, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ изобрѣтателя земледѣлія, въ итальянскаго Триптолема. Онъ же и его царственный коллега Янусъ построили первые города [3]).

„У хлыстовъ, по ихъ правиламъ, не должно быть семьи и дѣторожденія, подъ угрозою изгнанія изъ корабля. Вслѣдствіе такого жестокаго ученія, нерѣдко бываютъ случаи вытравленія

[1]) *Макробій &.* Saturn. I, стр. 236, изд. Zeune.—*Виргилій*, Aen. VIII, ст. 314—325, и *Servius*, кн. VIII, ст. 319 и III, 165; затѣмъ, *Овидій*, Фасты; *Плутархъ*, Quest. Roman.; *Діонисій Галикарн.*, I и др.

[2]) ...neque servierit sub illo quisquam, nec quicquam privatae rei habuerit; sed omnia communia et indivisa omnibus fuerint. *Justin.* XL, III, I.

[3]) Энеида, VIII, ст. 357.

плода и убіенія новорожденныхъ младенцевъ [1]). Оставшіяся же въ живыхъ дѣти, прижитыя до перехода въ сектантство, не пользуются должною любовью своихъ родителей, которые считаютъ дѣтей карою Божьею и называютъ ихъ *грѣшками, щенками, бѣсенятами*, а потому хлысты упорно уклоняются отъ посѣщенія свадебъ, называя ихъ гнусными словами, и крестинъ" [2]). Можетъ быть, это заключеніе московскаго миссіонерскаго (2-го) съѣзда слишкомъ утвердительно и рѣзко, но несомнѣнно, что хлысты не желаютъ имѣть дѣтей и относятся къ дѣторожденію съ презрѣніемъ и гадливостью. Проф. Ивановскій говоритъ: „Дѣтей у хлыстовъ нѣтъ, или чрезвычайно рѣдко родятся. Въ случаѣ замѣченной беременности они принимаютъ имъ однимъ извѣстныя мѣры къ вытравленію. Послѣдствіемъ этого является даже *вырожденіе населенія* (sic!), что и было донесено на судѣ неоспоримыми цифровыми данными" [3]). Данныя эти почерпнуты изъ тарусскаго процесса, но ихъ никакъ нельзя назвать *неоспоримыми*, а напротивъ, должно признать въ высшей степени сомнительными. Притомъ статистическія свѣдѣнія—вѣрнѣе: *утвержденія*, приведенныя на тарусскомъ процессѣ, говорятъ о *маломъ приростѣ*, а никакъ не о *вырожденіи*; да и трудно себѣ объяснить, какъ *убійство дѣтей* можетъ привести къ *вырожденію* населенія; вѣроятно, это должно объяснить просто невѣрнымъ примѣненіемъ термина *вырожденіе*. Дѣтей въ хлыстовскихъ общинахъ мало, но должно отмѣтить, что и *рождаемость* у нихъ значительно ниже. Повидимому, въ этомъ играетъ дѣйствительно извѣстную роль вытравленіе плода, на что настойчиво указываютъ авторы; но мы должны указать еще на два обстоятельства: 1) воздержаніе отъ дѣторожденія, и 2) безплодіе браковъ. Наше личное изслѣдованіе показало намъ, однако, что браки хлыстовъ были безплодны вообще, и до перехода супруговъ въ хлыстовство; — въ супоневской хлыстовской общинѣ это вполнѣ несомнѣнно; я долженъ даже прибавить, что было нѣсколько примѣровъ, гдѣ женщины, бывшія безплодными прежде въ теченіе многихъ лѣтъ, перейдя въ хлыстовство, забеременѣли и родили дѣтей. Но медико-антропологи-

---

[1]) Можетъ быть, это послѣднее утвержденіе, не подтверждаемое никакими намъ извѣстными фактами, должно отнести къ легендарнымъ обвиненіямъ, точно также какъ и знаменитое *причащеніе грудью дѣвицы* и кровью младенцевъ, несомнѣнно признанное въ настоящее время безусловно ложнымъ. См. *Ивановскій*, l. c., 23 и 44.

[2]) Совѣщанія 2-го Миссіонерскаго Съѣзда въ Москвѣ... *3-й Мисс. Съѣздъ, 343.*

[3]) Секта хлыстовъ, 41. Авторъ ссылается на „Новое Время" и „Казанскій Телеграфъ" 1895 г.

ческое и невропатологическое изслѣдованіе лицъ, прикосновенныхъ къ хлыстовству въ Супоневѣ,—сторонниковъ и враговъ—поставило внѣ всякаго сомнѣнія глубокую дегенеративность этихъ лицъ, а мы знаемъ, что слѣдствіемъ и исходомъ дегенераціи является безплодіе и прекращеніе расы или семейства. *Люди дѣлаются хлыстами, потому что они—тяжелые дегенеранты, и, какъ таковые, они, въ большемъ или меньшемъ числѣ, безплодны.*

Супоневская эпидемія показала намъ еще одну особенность хлыстовъ, это—равнодушіе къ своимъ кровнымъ роднымъ и отчужденность отъ нихъ. Это, сколько извѣстно, не было отмѣчено авторами, но подтверждено знающими лицами и относительно другихъ хлыстовскихъ общинъ. Члены одной и той же семьи, живущіе въ Супоневѣ (село вытянуто въ одну линію, и потому растянулось на три версты), но въ разныхъ концахъ, не знаютъ ничего другъ о другѣ, не знаютъ, сколько у кого дѣтей, были ли смерти въ семействѣ. Проф. Смирновъ, въ своемъ антропологическомъ очеркѣ: „Вотяки“, отмѣчаетъ у нихъ еще въ настоящее время существованіе коммунальнаго брака и гетэризма, одновременно отмѣчаетъ у нихъ братство, малый приростъ населенія и очень слабую связь между лицами одного семейства [1]), но разныхъ поколѣній, т.-е. всѣ характерныя черты хлыстовства.

Въ примитивныхъ общественныхъ союзахъ вообще констатируется крайнее равнодушіе и къ предъидущему, и къ послѣдующему поколѣнію, къ родителямъ и къ дѣтямъ, и широкое развитіе дѣтоубійства, какъ практическаго пріема не создавать себѣ impedimenta. Это явленіе объясняется обыкновенно неблагопріятными экономическими условіями, вслѣдствіе которыхъ населеніе просто не имѣетъ достаточнаго количества пищи. Конечно, недостатокъ пищи *поддерживаетъ* дѣтоубійство, но не онъ создалъ равнодушіе и даже враждебное чувство къ дѣтямъ. Мы видимъ дѣтоубійство весьма распространеннымъ у очень многихъ полигамныхъ животныхъ, не живущихъ, слѣдовательно, парно—у млекопитающихъ, у птицъ—и у которыхъ половые инстинкты самцовъ обыкновенно очень интенсивны, и это одно уже указываетъ, что равнодушіе или даже активная нелюбовь къ дѣтямъ связаны съ отсутствіемъ брачной парности, и слѣдовательно имѣетъ глубокое физіолого-психологическое, а не эконо-

---

[1]) *Смирновъ*. Вотяки. Историко-этнографическій очеркъ, Казань 1890, стр. 122, 132—163 и т. д.

мическое основаніе. Tardieu признавалъ существованіе особаго психическаго разстройства (ненависть къ своимъ дѣтямъ), которое онъ назвалъ мизопедіей; но она отмѣчается почти исключительно у родителей, вступившихъ во второй бракъ, и это по отношенію къ дѣтямъ отъ перваго брака, слѣдовательно въ случаяхъ уничтоженія парнаго брака. Столь извѣстная и такъ часто цитируемая сцена дѣтоубійства на Огненной землѣ, бросаніе дѣтей у негритосовъ, въ Полинезіи, и т. д., объясняются никакъ не экономическими условіями жизни примитивовъ, а статистика современной жизни констатируетъ существованіе этого психологическаго факта и въ высоко-развитыхъ общественныхъ формахъ. Смертность незаконнорожденныхъ дѣтей вездѣ неизмѣримо выше смертности законныхъ, и мертворожденность между первыми неизмѣримо чаще; къ сожалѣнію, никто не можетъ дѣлать себѣ иллюзій относительно ужаснаго значенія этой смертности. Различіе отношенія къ дѣтямъ, рожденнымъ въ бракѣ и внѣ брака, настолько велико, что даже въ законѣ понятіе о дѣтоубійствѣ слилось съ понятіемъ о внѣбрачномъ рожденіи жертвы, и всѣ, судьи и общество, снисходительнѣе смотрятъ на убійство незаконнаго ребенка. Конечно, мы объясняемъ это тѣмъ, что „мать волнуема стыдомъ и страхомъ“ (ст. 1460 улож. о наказ.); но что это не больше какъ придуманное объясненіе основного психологическаго факта—доказывается различіемъ отношенія мужчинъ матеріально обезпеченныхъ, точно также какъ и нуждающихся, къ ихъ незаконнымъ и къ законнымъ дѣтямъ, и еще болѣе доказывается общественною оцѣнкою этого различія отношенія. Мы и теперь весьма различно судимъ человѣка, забывшаго мимолетную связь и случайно прижитого ребенка, и человѣка, бросившаго безъ средствъ къ жизни семью, жену и дѣтей. *Психологическая* причина этого различія отношеній у мужчинъ объясняется тѣмъ, что мужчина и въ культурныхъ обществахъ еще въ значительной степени полигаменъ, а женщина моногамна. Тамъ, гдѣ существуетъ, какъ принципъ или какъ обычай, поліандрія, женщина неизмѣримо равнодушнѣе къ дѣтямъ, и материнство у нея развито крайне слабо. У нашихъ восточно-финскихъ инородцевъ дѣвушки крайне невоздержны и ведутъ очень распущенную половую жизнь, что имъ совсѣмъ не ставится въ упрекъ; дѣвушка, уже родившая нѣсколько разъ, получаетъ даже высокую матримоніальную цѣнность, какъ доказавшая свое плодородіе, и потому „стыдъ и страхъ“ не могутъ ее „волновать“; между тѣмъ мертворожденность и смертность незаконныхъ дѣтей у пермяковъ, у вотяковъ,

тоже крайне велика. Въ поліандрическихъ союзахъ въ Тибетѣ, въ Индіи, замѣчено, что мужчины заботливѣе о дѣтяхъ, нежели женщины. Если поколѣнія не происходятъ *одно изъ другого*, а слѣдуютъ только *одно за другимъ*, какъ дѣти одной Великой Матери, то братство и любовь должны связывать членовъ одного и того же поколѣнія, а не поколѣнія между собою: листъ нынѣшняго года не связанъ братствомъ съ листомъ прошлаго на томъ же деревѣ,—онъ связанъ съ нимъ лишь слабою связью общаго происхожденія. Точно также и люди, связанные братствомъ, слабо связаны съ своими родителями и дѣтьми. Идя дальше въ антропологическомъ изслѣдованіи семейныхъ узъ, всѣ авторы отмѣтили, какъ логическое, необходимое слѣдствіе материнскаго принципа (матріархата), слабость родовой привязанности или даже ея полное отсутствіе къ единокровнымъ роднымъ; это явленіе отмѣчено много разъ историками и социологами въ эпохи, когда всякое воспоминаніе о коммунальномъ бракѣ, исходномъ пунктѣ его, давно угасло въ памяти людей. Эта связь и генетическая послѣдовательность—общаго происхожденія отъ одной матери, братства, равенства, отсутствія частной собственности, съ одной стороны, и мизопедія или хотя бы индифферентизмъ къ дѣтямъ, отсутствіе сердечной привязанности между поколѣніями, малая сердечная привязанность къ единокровнымъ, съ другой,—сказывается и въ италійской легендѣ. Представитель золотого вѣка, равенства, братства, коммунальной собственности, идентифицированія жизненнаго цикла человѣческихъ поколѣній съ годовымъ цикломъ растительности, Сатурнъ, изувѣчилъ своего отца и былъ изувѣченъ своимъ сыномъ. Онъ уничтожалъ своихъ дѣтей; ему приписывали безплодіе браковъ—„sterilitatem liberorum Saturno tribuunt—и его идентифицировали съ финикійскимъ и кароагенскимъ Молохомъ, которому приносились въ жертву дѣти.

Сопоставленіе психики хлыстовства съ антропологическими данными приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

I. Религія и культъ хлыстовъ есть восточно-финскій шаманизмъ почти въ чистомъ видѣ.

II. Враждебное отношеніе хлыстовъ къ браку, „бракоборное ученіе“ ихъ, безпорядочныя половыя отношенія, свальный грѣхъ,—все это есть возвращеніе къ первоначальнымъ общественнымъ формамъ коммунальнаго брака и гетэризма.

III. Братство хлыстовъ, ихъ враждебное отношеніе къ дѣто-

рожденію, малая семейная связь, гинекократія, и т. д., составляютъ логическія послѣдствія возвращенія къ коммунальному браку.

IV. Въ общемъ хлыстовство есть общественное явленіе реверсивнаго характера, возвращеніе къ древней первоначальной культурной стадіи—человѣчества вообще (коммунальный бракъ и гетэризмъ) и финской расы въ частности (шаманизмъ).

Но если религія и культъ хлыстовъ есть возвращеніе къ шаманизму именно финскому, то должно предположить, что хлыстовство должно возникать и держаться въ населеніи именно этого племени. Историко-географическія данныя вполнѣ подтверждаютъ такое заключеніе. Хлыстовство зародилось и распространялось въ области Оки и затѣмъ вообще въ бассейнѣ верхней и средней Волги. Нельзя, конечно, серьезно допускать, чтобы возможно было опредѣлить въ точности годъ и мѣсто его возникновенія, но первое извѣстное исторически—допуская, что это не легенда,—появленіе хлыстовства произошло въ 1645 г. въ *муромскомъ уѣздѣ владимірской* губ., а основатель хлыстовства, Данило Филиппычъ, былъ родомъ изъ-подъ *Костромы*; распространяться новое ученіе стало сначала въ *костромской* губерніи. Преемникъ основателя Сусловъ былъ родомъ опять-таки изъ *муромскаго* уѣзда, и распространялъ онъ свое ученіе по Окѣ и Волгѣ, въ *нижегородской* губерніи, откуда оно перешло въ *московскую*. Реутскій [1]) говоритъ, что въ серединѣ XVIII вѣка хлыстовство держалось въ большемъ или меньшемъ числѣ уѣздовъ слѣдующихъ губерній (кромѣ поименованныхъ): въ *рязанской*, *тверской*, *симбирской*, *пензенской*, *вологодской*; въ семидесятыхъ годахъ того же столѣтія оно появилось и свило себѣ прочное гнѣздо въ *орловской*, *тульской*, *тамбовской*, *калужской*, въ концѣ столѣтія—въ *пермской*, *вятской*; въ XIX вѣкѣ—въ *воронежской*; однимъ словомъ, мы встрѣчаемъ множество хлыстовскихъ гнѣздъ во всей сѣверной половинѣ Россіи, специфически-финскомъ краѣ. Линія, почти прямая, отдѣляющая этотъ край отъ южной Россіи, составляетъ одновременно и границу финскаго населенія, и границу хлыстовства; южная Россія имѣетъ исключительно раціоналистическія секты, и хлыстовство встрѣчается только въ мѣстностяхъ, получившихъ переселенцевъ съ сѣвера во время жестокихъ религіозныхъ гоненій времени Елизаветы Петровны, Анны Іоанновны и особенно Екатерины II. Можно было бы думать, что *сумскій* уѣздъ, харьковской губерніи, гдѣ разыгралась павловская трагедія, составляетъ какъ бы исключеніе, выходя

[1]) *Люди Божіи и скопцы.* Москва 1872. Прилож. 181—2.

далеко на югъ изъ-за этой черты. Но Сумы—это Suomi, финны, и Кастренъ нашелъ финское населеніе въ другихъ Сумахъ [1]). Въ орловской, калужской и тульской губерніяхъ, гдѣ хлыстовство установилось особенно крѣпко и откуда оно разносится по Россіи, оно занимаетъ уѣзды болховской, карачевскій, дмитровскій, орловскій, кромскій и мценскій, и сосѣдніе уѣзды калужской (юго-восточную ея часть) и тульской, такъ что область хлыстовства совершенно точно соотвѣтствуетъ области древнихъ вятичей [2]). Супоневская волость въ настоящее время административно принадлежитъ къ брянскому уѣзду, но этнографически она входитъ въ составъ Вятичской земли, узкая полоса которой тянется по берегу Десны до Вщижа, крайняго западнаго города вятичей и ихъ оплота отъ западныхъ сосѣдей [3]).

Мы имѣли случай прослѣдить шагъ за шагомъ возникновеніе супоневскаго хлыстовства во всѣхъ его подробностяхъ и изслѣдовать не только всѣхъ „сектантовъ", но и нѣкоторыхъ „ревнителей православія". Всѣ шесть центральныхъ орловскихъ уѣздовъ, входящихъ въ составъ земли древнихъ вятичей, съ XVII вѣка составляютъ гнѣздо хлыстовства, а наше изслѣдованіе орловской губерніи въ психіатрическомъ отношеніи дало намъ для этихъ именно уѣздовъ неслыханную цифру кликушъ. Въ брянскомъ уѣздѣ очень большое число кликушъ имѣетъ только именно супоневская волость. Кликушество, какъ *форма*, сконцентрировано, по обыкновенію, въ мѣстностяхъ вдали отъ путей сообщенія, здѣсь, въ дикомъ и пустынномъ бассейнѣ рѣкъ Болвы (чисто финское имя), именно въ селеніяхъ Журничи и Полпино, но Су-

---

[1]) Ueber die Ursitze des finnischen Volkes. Kleinere Schriften, 120. Мы имѣемъ рядъ мѣстностей этого имени въ несомнѣнно финскихъ областяхъ: острогъ *Suma* въ Соловецкой волости (Auszug aus der Solow. Klosterchronik, ibid. 67, 81); „*Sumi*, See und Fluss innerhalb des Stromgebietes des Jenissei" (его же Ethnolog. Vorlesungen 98); *Суманцы* въ Ключевской вол. котельнич. у. вятск. г.; *Суманскій* погостъ въ воронинск. вол. глазовскаго у.; *Сумычевское* общество въ чердынскомъ у. пермск г.; *Сумичъ* рѣка, правый притокъ Камы въ томъ же уѣздѣ, и т. д.

[2]) Вятичскими городами лѣтопись называетъ Брянскъ, Карачевъ, Мценскъ, Таруссу и др. Филологически сюда же принадлежатъ: Веневъ, Одоевъ, Жиздра, Медынь и т. д.

[3]) Послѣ завоеванія Вятичской земли Вщижъ былъ отдѣльнымъ удѣльнымъ княжествомъ. Его военное значеніе, какъ защиты Деснинской равнины и входа въ Вятичскую землю, объясняется его топографическимъ положеніемъ, и значеніе это мѣстность Вщижа имѣла и въ доисторическую эпоху (*Чуевъ*, Результатъ раскопокъ, произведенныхъ въ брянскомъ уѣздѣ въ 1901 г.).

понево, не имѣя *кликушества* вслѣдствіе своего подгороднаго положенія, представляетъ крайне печальную картину психопатической денегераціи, и я долженъ сказать, что мнѣ только въ Salpêtrière случилось видѣть такую богатую коллекцію истерическихъ дегенерантовъ съ тяжелыми анатомическими и физіологическими стигматами, которыя я могъ демонстрировать и г. товарищу прокурора, и послѣ, частью, и г. прокурору. Сверхъ того, населеніе страдаетъ эндемическимъ зобомъ, что, какъ извѣстно, тяжело отражается на центральной нервной системѣ. Это несчастное, болѣзненное, дикое, безграмотное, споенное водкой населеніе поставлено, какъ было уже сказано выше, въ очень тяжелыя экономическія условія. Нѣтъ надобности говорить, составляютъ ли нищета, пьянство и невѣжество благопріятныя условія духовнаго здоровья. Подъ вліяніемъ новыхъ жизненныхъ требованій, въ русской деревнѣ вообще чувствуется умственное и нравственное движеніе; это сказалось и въ Супоневѣ. Населеніе стало искать выхода изъ своего положенія, но, не встрѣчая никакой нравственной помощи, никакого руководства, оно пошло сначала за дегенерантомъ-истерикомъ съ религіозно-этической экзальтаціей. Казалось бы, несчастное село имѣло счастье въ своемъ несчастіи, такъ какъ этотъ руководитель оказался дегенерантомъ высшаго порядка, если не въ интеллектуальномъ, то въ нравственномъ отношеніи. Но рокъ, тяготѣющій надъ Супоневомъ, отнялъ у него и этотъ послѣдній шансъ спасенія. Государство дало болѣзненному селу только административную репрессію, публичный отказъ въ причастіи (понятый населеніемъ какъ отлученіе отъ церкви) и судебное слѣдствіе. Эти новые факторы довели населеніе до высшей степени экзальтаціи, и тогда былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму Василій Д., единственный человѣкъ, могшій остановить движеніе въ направленіи сектантства. Оставленные безъ нравственнаго руководства и жаждущіе чего-то высшаго, особенно женщины, стали слушать Осипа Потапкина, слабоумнаго параноика-эротика, который могъ предложить имъ только безсвязныя религіозныя формулы и уже совершенно болѣзненную форму полового и религіознаго возбужденія. Эпидемія охватила болѣе или менѣе все почти населеніе. У однихъ, наиболѣе тяжело пораженныхъ психопатическимъ и дегенеративнымъ элементомъ, въ высшей степени неустойчивыхъ, легко поддающихся внушенію, она дала индуцированную форму психическаго разстройства, разбудила въ нихъ старые финскіе инстинкты шаманизма, вернула ихъ, подъ видомъ братскаго общенія, къ историко-антропологическому періоду гетэризма и коммунальнаго брака,

который процвѣталъ у вятичей еще въ XII вѣкѣ, существовалъ у восточно-финскаго племени въ Россіи въ XVIII вѣкѣ и сохраняется у пермяковъ и вотяковъ и въ настоящее время подъ видомъ игрищъ. Дикій, малоумный Тихонъ Б., „ревнитель православія" и „самый злой гонитель" сектантовъ,—это именно тотъ живой анахронизмъ, о которомъ говоритъ профессоръ Tanzi; это вятичъ XII вѣка, подданный князя Ходоты до обращенія въ христіанство св. Кукшей. Такіе атавистическіе инстинкты существуютъ у всѣхъ племенъ, у всѣхъ народовъ; они заглушены и подавлены въ народахъ, жившихъ историческою жизнью, и нужны совершенно исключительныя условія, чтобы инстинкты эти пробились—у небольшого числа индивидуумовъ—изъ-подъ наслоившихся на нихъ культурныхъ жизненныхъ пріобрѣтеній. Здѣсь эти инстинкты лежатъ поверхностно, à fleur de peau, такъ какъ вся культурная жизнь человѣчества прошла мимо, не тронувъ этихъ вятичей; потому-то мы здѣсь имѣемъ психіатрическія формы, исчезнувшія въ Европѣ съ среднихъ вѣковъ. Никто не зналъ, да и никто не знаетъ, что кликушество у насъ эндемично, и я не буду особенно удивленъ, если завтра придется констатировать существованіе ликантропіи.

Исторія оренбургскаго дѣла не менѣе поучительна.

Въ 60-хъ годахъ XIX в. „руководителями хлыстовъ и преподавателями были два казака, Косаревъ и Дурмановъ. *Первый былъ сосланъ въ Сибирь за убійство своего (родного) брата въ пылу фанатизма.* Затѣмъ мы переходимъ прямо къ 1895-му году, когда началось *судебное дѣло, продолжавшееся цѣлыхъ два года, изложенное въ трехъ томахъ*... Иванъ Утицкій велъ прежде безпутную жизнь, *но послѣ паденія въ колодезь нравственно переродился* („пріубожился"), *и за свою дѣвственную жизнь получилъ отъ своихъ единоплеменниковъ названіе Іоанна Богослова* [1])... По просьбѣ священника о. Головкина, онъ пѣлъ у него стихи, во время пѣнія въ тактъ *притопывалъ ногами, потрясалъ и похлопывалъ* руками, *плакалъ, всхлипывалъ... вся фигура выражала изступленіе.* Однажды послѣ пѣнія Утицкій,

---

[1]) Циркуляръ министра юстиціи отъ 28 октября за № 26199.—„При освидѣтельствованіи состоянія умственныхъ способностей обвиняемыхъ врачи-эксперты нерѣдко встрѣчаютъ затрудненія въ недостаточности собраннаго слѣдствіемъ фактическаго матеріала... Вслѣдствіе сего министерствомъ юстиціи, по соглашенію съ медицинскимъ совѣтомъ, выработанъ перечень вопросовъ... 4) *Не падало ли* (обвиняемое лицо) *съ высокихъ мѣстъ,* не получало ли ушибовъ въ голову, не было ли оно ранено и контужено?... 10) Не замѣчались ли *рѣзкія перемѣны въ характерѣ и образѣ жизни обвиняемаго, привычкахъ, наклонностяхъ*"...

придя въ экстазъ... (Показаніе Головкина)... На бесѣдкахъ братья и сестры *набираются духу, напояются имъ... фыркаютъ, дуютъ изъ себя, все тѣло дрожитъ: духъ потрясаетъ тѣло* (показаніе двухъ свидѣтельницъ)... *рыдаютъ, подпрыгиваютъ, кружатся на одной ногѣ, иныя рвутъ на себѣ волосы, бьются объ полъ, корчатся какъ бы въ судорогахъ* (показаніе двухъ свидѣтельницъ)... Собравшіеся *плакали, молили пустить ихъ въ избу*... (въ которой) *шумъ, столпотвореніе; пѣли, подпрыгивали, бѣсновались, рвали на себѣ волосы*"... Одинъ изъ сектантовъ пишетъ: „Любезный отче! Чувствую себя въ настоящее время такъ, какъ бывшій въ банѣ и *угорѣлъ*". Свидѣтельница С. показываетъ, что Утицкій „*опаивалъ женщинъ какимъ-то духомъ*". Другая свидѣтельница: „*дѣлается словно пьяная*, лицо горитъ жаромъ, въ рукахъ и въ сердцѣ, чувствуется, горитъ огонь"; третья свидѣтельница:—„*словно магнита какая есть въ этихъ хлыстахъ*". Еще одна: „цѣлыхъ три года промучилась я, не зная себѣ покоя и *какъ бы околдованная* Утицкимъ". Однажды одна изъ сектантокъ, въ присутствіи другихъ „бросилась къ Семену на шею съ крикомъ: *я духовнаго вина не напилась, давай духовнаго вина*, и стиснула его въ своихъ объятіяхъ"...

„Алексѣй Кожевниковъ на радѣніи сталъ *нестерпимо визжать и волноваться*... (Онъ же) потребовалъ отъ Ларіона, чтобы онъ *уступилъ ему свою жену*, красивую бабу... Ларіону и жаль было уступить жену, и обидѣть (Кожевникова) было нельзя, *и онъ согласился*". „По виду она (одна изъ совращенныхъ)—*женщина необычайно нервная, подпавшая*, по выраженію прокурора въ обвинительной рѣчи, *гипнотическому вліянію* со стороны Утицкаго. И мы (прибавляетъ отъ себя г. духовный экспертъ проф. Ивановскій), когда еще читали предварительное слѣдствіе, *не могли не придти къ тому же предположенію, что и высказали въ своей экспертизѣ. Много въ поступкахъ означенныхъ женщинъ чего-то чрезвычайно загадочнаго; точно управляла ими какая-то недобрая сила*" [1]).

„Означенныя лица преданы были суду по 203 и 196-й ст. Улож. о нак., и *судъ всѣмъ имъ вынесъ обвинительный вердиктъ*" [2]).

Въ Павловкахъ (сумскаго уѣзда, харьковской губерніи) сектанты „штундисты" уже раньше были въ крайне напряженномъ состояніи, отчасти по дѣлу пріобрѣтенія земли и послѣдовавшихъ за

[1]) Проф. *Ивановскій*. Оренбургскіе хлысты. „Мисс. Об.", іюнь 1897, стр. 580—587.

[2]) Ibid., 588.

этимъ административныхъ воздѣйствій, отчасти вслѣдствіе донельзя стѣснительныхъ мѣръ, возложенныхъ на нихъ совершенно некомпетентною властью [1]). Къ нимъ явился Моисей Тодосіенко, фигурировавшій уже въ кіевской эпидеміи 1892 г. [2]). Это дегенерантъ съ интолеранціей къ алкоголю; онъ страдалъ *головными болями, безсонницей*, и прибѣгалъ къ врачебной помощи отъ нихъ; затѣмъ у него появились *галлюцинаціи* и наконецъ *параноическій бредъ*. Онъ уже Моисей пророкъ, и потому требуетъ себѣ повиновенія. Звуки, буквы азбуки, имѣютъ таинственное значеніе: „В—означаетъ, что Господь насъ *ведетъ*; шумъ и звукъ *ш* означаетъ, что надо дѣлать *шагъ* впередъ; Д—означаетъ, что малеванцы дѣлаютъ *добро*, и т. д. Показывая на членовъ коммиссіи, на группу крестьянъ и на себя, онъ произнесъ: *мы, всѣ, я*, значитъ—*Ме-ссі-я*, то-есть, что онъ, Тодосіенко, есть *Мессія*", и т. д. *Онъ былъ помѣщенъ въ психіатрическую больницу*, гдѣ началось постепенное улучшеніе; онъ вышелъ будто бы *выздоровѣвшій*, но это ошибка,—отъ паранойи не выздоравливаютъ, и доказательствомъ—весьма печальнымъ—его *невыздоровленія* служитъ дѣло въ Павловкахъ. Онъ явился туда въ качествѣ пророка Моисея, и сразу подчинилъ себѣ „сектантовъ", безусловно и безпрекословно увѣрившихъ въ его власть и божеское призваніе. Онъ возлагаетъ свое призваніе на другого, очень хорошо извѣстнаго имъ, совершенно ничтожнаго односельчанина, который и долженъ сѣсть на престолъ славы своей,—и „сектанты", проведя всю ночь въ пѣніи духовныхъ пѣсенъ и въ прогулкахъ по селу, идутъ сажать его *на престолъ церкви*,—совершенно параноическое смѣшеніе символа съ реальностью. Крестьянка показываетъ имъ ребенка, кричитъ: „*увѣруйте въ него!*", и они тотчасъ увѣровали, и пошли къ церкви съ крикомъ: „*правда идетъ!*" (кенигсбергскіе сектанты кричали: „Christus kommt!"; византійскіе изувѣры свальнаго грѣха кричали: „*Параклетъ идетъ!*"), разбили обстановку церкви, но зачѣмъ это они сдѣлали, что каждый дѣлалъ—этого они сказать не могли, такъ какъ все событіе представлялось имъ очень смутно [3]).

---

[1]) Я имѣю въ рукахъ протоколъ судоговоренія и приговоръ за то, что, бывъ одинъ у другого для работы, стали по окончаніи дѣла пить чай, между тѣмъ какъ урядникъ запретилъ имъ посѣщать другъ друга.

[2]) *Сикорскій*, l. c. 30—31.

[3]) Павловцы—штундисты и по школьной терминологіи принадлежатъ къ раціоналистической сектѣ. Это дѣленіе сектъ на раціоналистическія и мистическія оправдывается съ дидактической точки зрѣнія, оправдывается и по отношенію къ доктринѣ, но оно совершенно несостоятельно по отношенію къ психологіи сектъ, и мо-

Въ „Вѣстникѣ Права“ А. Бобрищевъ-Пушкинъ говорилъ,—правда, мелькомъ,—о павловскомъ дѣлѣ, какъ о несомнѣнно болѣзненной, психіатрической вспышкѣ. Имѣлъ ли онъ какія точныя данныя, или судилъ въ общемъ,—я не знаю; но я имѣлъ случай изучить очень внимательно какъ слѣдственное дѣло, такъ и протоколы засѣданій суда, и на основаніи этихъ данныхъ я рѣшаюсь утверждать, что А. Бобрищевъ-Пушкинъ совершенно правъ въ своей оцѣнкѣ.

Павловская эпидемія была несомнѣнно психіатрическимъ, болѣзненнымъ взрывомъ; за него душевно-больныхъ постигла тяжелая кара,—но здѣсь уже былъ поставленъ оффиціально передъ судомъ вопросъ о психической ненормальности, и хотя судъ отказалъ въ его разсмотрѣніи,—все-же это большой прогрессъ. Ничто не дается даромъ; всякій шагъ на пути къ истинѣ долженъ быть оплаченъ; будемъ надѣяться, что если еще нѣсколько сотъ душевно-больныхъ пойдутъ на каторгу, то они этимъ откроютъ въ нашемъ судѣ дорогу психіатрической экспертизѣ въ дѣлахъ религіозныхъ преступленій.

Исповѣдь раскаявшагося оренбургскаго хлыста [1]) (анонимная, и потому мы можемъ свободно судить ее) есть самое типичное фантастическое лганье некультурнаго истерика, и въ этомъ отношеніи имѣетъ свою діагностическую цѣнность,—но только въ этомъ.

Кіевская эпидемія 1892 г. подробно разработана проф. Сикорскимъ, который показалъ ея патологическій и именно психопатическій характеръ; особая коммиссія, разсматривавшая дѣло, пришла къ тому же заключенію. Сводя воедино главнѣйшія явленія психопатическаго броженія, названнаго малеванщиной, проф. Сикорскій констатируетъ въ немъ, какъ существенные факторы: *параноическое помѣшательство* вожаковъ, *истерію* массы и *общее разстройство питанія*, какъ подготовительное условіе. „На долю

жетъ повести къ ужасающей ошибкѣ въ судебной психіатріи. Раціонализмъ въ данномъ случаѣ есть примѣненіе къ религіознымъ вопросамъ принципа свободнаго изслѣдованія (libre examen),—это есть, слѣдовательно, *умственный методъ*; мистицизмъ есть выраженіе *внутренняго чувства*, склада всей души, и потому противопоставленіе ихъ есть психологическая ошибка. Въ дѣйствительности можно быть мистикомъ въ раціонализмѣ, какъ можно быть фанатикомъ свободнаго изслѣдованія, и, несомнѣнно, въ раціоналистическихъ сектахъ фанатики-мистики вовсе не составляютъ рѣдкости. D'Haussonville разсказалъ въ „Revue des deux Mondes“ свое посѣщеніе въ Лондонѣ собранія раціоналистовъ (англійскій *cant* не любитъ рѣзкаго слова *атеистъ*), на которомъ пѣлись гимны, воздавался культъ—чему?

[1]) „Вразумленіе заблудшимъ и исповѣдь обратившагося отъ заблужденія“. Москва. 1898.

истеріи приходится между малеванцами наибольшее число субъектовъ,—говоритъ авторъ,—и уже одно это обстоятельство объясняетъ причину чрезвычайной наклонности населенія къ подражанію, и легкость, съ которою начавшееся броженіе воспринималось, усвоивалось и развивалось. При такихъ условіяхъ вліяніе небольшого числа помѣшанныхъ могло оказывать неотразимое воздѣйствіе. Эти же условія дѣлаютъ понятнымъ тотъ съ перваго взгляда непонятный фактъ, что родоначальникомъ малеванщины и ея распространителями явились помѣшанные". Дѣйствительно, генезисъ всѣхъ религіозно-психіатрическихъ эпидемій въ Россіи былъ неизмѣнно таковъ: среди населенія неустойчиваго психически, истеричнаго, пораженнаго психо- и невропатическимъ вырожденіемъ, ослабленнаго умственно алкоголемъ и невѣжественностью, физически—нищетой и лишеніями,—появляется параноикъ. Своею проповѣдью, своею параноическою авторитетностью, онъ влагаетъ беззащитному умственно населенію свои бредовыя идеи и производитъ у окружающихъ индуцированное помѣшательство. Начинается преслѣдованіе—самимъ населеніемъ, полиціею, властями; нравственное положеніе обостряется, эпидемія идетъ вширь и вглубь, захватывая все большее и большее число людей и проникая все глубже въ ихъ психику, свиваетъ себѣ прочное гнѣздо, и привлекаетъ неустойчивые элементы населенія. Таковъ былъ ходъ и супоневской эпидеміи; проповѣдь слабоумнаго параноика увлекаетъ истеричное населеніе; неудачныя мѣры властей вызываютъ крайнее возбужденіе, дѣлаются погромы... Но тутъ дѣло переходитъ въ руки психіатрической экспертизы, главный совратитель оказывается душевно-больнымъ, какъ таковой освобождается отъ всякой отвѣтственности и, *согласно закону*, возвращается семьѣ. Возвращеніе его имѣло магическое, отрезвляющее дѣйствіе на сектантовъ и примиряющее—на ихъ враговъ; все успокоилось и вошло въ норму.

Мы говорили, что кликушество, находящееся въ ближайшей связи съ религіозными эпидеміями, сосредоточивается въ мѣстностяхъ, лежащихъ вдали отъ большихъ путей сообщенія. Это очень наглядно иллюстрируется картою распредѣленія кликушества въ орловской губерніи, гдѣ гнѣзда кликушества лежатъ въ углахъ, образуемыхъ линіями шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, въ наибольшемъ разстояніи отъ обѣихъ. Замѣчательно, что двѣ послѣднія европейскія эпидеміи, въ Morzine и въ Arcidosso, произошли именно въ такихъ же условіяхъ. Особенно извѣстна первая, происшедшая въ большой горной савойской деревнѣ Morzine, куда можно было попадать только горными тропинками,

пѣшкомъ или верхомъ на мулѣ. Здѣсь разыгралась—совершенно средневѣковая, сказали бы мы, еслибы не имѣли идентичныхъ въ XX вѣкѣ въ центрѣ Россіи—религіозно-психіатрическая эпидемія кликушества. Тридцать-пять лѣтъ позже, эпидемія такого же характера появилась въ деревнѣ Ащенковѣ, гжатскаго уѣзда, смоленской губерніи [1]), но неизмѣримо слабѣйшая какъ по интенсивности, такъ и по числу пораженныхъ лицъ (въ Морзинѣ 110, въ Ащенковѣ и Иваникахъ—15). Обѣ вызвали правительственную заботу и посылку на мѣсто врачей. Въ Морзинѣ д-ръ Constant потребовалъ удаленія священника (онъ впослѣдствіи оказался душевно-больнымъ), устройства еженедѣльнаго рынка, постановки въ деревнѣ отряда кавалеріи, музыка котораго играла на площади нѣсколько разъ въ недѣлю, скупки мѣстныхъ продуктовъ, чтобы увеличить сразу денежныя средства населенія, постройки большой школы, мэріи, а главное—проведенія шоссе. Эпидемія прекратилась и не возобновлялась болѣе. Въ Ащенковѣ *врачъ пріѣхалъ съ исправникомъ*, остановился *въ избѣ старосты*, и *для него собрали всѣхъ больныхъ*; относительно принятыхъ мѣръ мы передаемъ слово самому врачу: „Молва о пріѣздѣ *начальства* мгновенно разнеслась по всей деревнѣ,—разсказываетъ врачъ.—Вдругъ послышался громкій женскій плачъ: одна изъ бабъ, плача, громко кричала: „*Опять пріѣхали тревожить насъ*! (разъ уже пріѣзжало *начальство*, уѣздный врачъ и др.). Ничѣмъ вы намъ не поможете, *только хуже растревожите*!" [2])... Гипнозъ оказался безсильнымъ прекратить эпидемію... Полагая, что чисто медицинскими мѣрами прекратить ее не удастся, я считалъ правильнымъ и необходимымъ примѣнить къ прекращенію данной эпидеміи кликушества административныя *медико-полицейскія мѣры* [3])... Согласно съ ст. 2906 т. V и ст. 7450 т. X, П. св. з., я полагалъ бы правильнымъ не допускать во время богослуженія въ церквахъ и монастыряхъ кликушества... и въ случаѣ притворства и обвиненія кого-либо въ порчѣ, привлекать ихъ къ законной отвѣтственности по 937 ст., а также за на-

---

[1]) Совершенно непостижимо, почему эпидемія дер. Ащенкова обратила на себя вниманіе медицинскаго департамента и вызвала посылку на мѣсто врача. Весь гжатскій уѣздъ полонъ кликушъ, — кликушество тамъ эндемично; еще въ большей степени оно интенсивно въ калужской и орловской губерніяхъ. Директоръ смоленской психіатрической больницы д-ръ Бяшковъ, бывшій ординаторъ въ Бурашевѣ (Тверь) при д-рѣ Литвиновѣ, тоже съ изумленіемъ—и безъ малѣйшей симпатіи, должно прибавить—разсказывалъ мнѣ и о посылкѣ врача, и о вмѣшательствѣ властей, и о принятыхъ въ Ащенковѣ мѣрахъ.

[2]) *Краинскій*. Порча, кликуши и бѣсноватые, стр. 114.

[3]) *Ibid.*, 116.

рушеніе тишины и спокойствія во время богослуженія [1]... Что же касается до возвращенія въ деревню Сиклитиньи (ее обвиняли въ порчѣ), то я полагалъ правильнымъ *разрѣшить ей возвращеніе на родину* (sic!), по принятіи вышеизложенныхъ мѣръ, и установить въ Ащенковѣ медико-полицейскій надзоръ, принимая соотвѣтственныя административныя мѣры по отношенію къ зачинщикамъ при первыхъ проявленіяхъ народнаго волненія. 29-го и 30-го *въ Ащенковѣ былъ отслуженъ молебенъ передъ весьма чтимой мѣстнымъ населеніемъ чудотворной иконой Божьей Матери изъ Колоцкаго монастыря...* Послѣ этого молебна *обѣ упомянутыя кликуши были отправлены*, по распоряженію г. губернатора [2], для леченія, *въ спеціальную больницу*" [3].

Авторъ этого очень интереснаго отчета объ ащенковской эпидеміи приводитъ статьи законовъ для обоснованія принятыхъ мѣръ, въ томъ числѣ и для привлеченія *къ законной отвѣтственности больныхъ по обвиненію въ порчѣ*. Но онъ не указываетъ статей, относящихся къ *угрозѣ больнымъ послать ихъ въ больницу*, *къ отправкѣ двухъ кликушъ административнымъ распоряженіемъ въ „спеціальную больницу“*. Мы пополнимъ этотъ пробѣлъ.

Въ томѣ II Свода законовъ (отдѣленіе второе) говорится:

„Ст. 337. Въ отношеніи къ назначенію опекъ надъ слабоумными и умалишенными, губернаторъ, получивъ о томъ просьбу отъ семейства, въ коемъ находится слабоумный или сумасшедшій, или же инымъ образомъ достовѣрное свѣдѣніе, *что сіи лица опасны въ общежитіи*, или по крайней мѣрѣ не могутъ управлять имѣніемъ, *созываетъ для освидѣтельствованія ихъ установленное закономъ присутствіе*“.

По ст. 366 (т. X) „сумасшедшими почитаются тѣ, коихъ безуміе происходитъ отъ случайныхъ причинъ, и составляя *болѣзнь, доводящую иногда до бѣшенства*, можетъ наносить обоюдный *вредъ обществу и имъ самимъ*, и потому *требуетъ особеннаго за ними надзора*.

„Ст. 367. *Каждому семейству*, въ коемъ находится безумный или сумасшедшій, предоставляется предъявить о томъ мѣстному начальству.

„Ст. 368. *По предъявленію отъ семейства* о безумныхъ и сумасшедшихъ лицахъ, они подвергаются освидѣтельствованію, которое совершается...

[1]) *Ibid.*, 170.

[2]) Онъ очень скоро послѣ этого оказался самъ страдающимъ душевною болѣзнью, отъ которой и умеръ.

[3]) L. c., 170—171.

„Ст. 375. *Признанные отъ правительствующаго сената безумными или сумасшедшими поручаются въ смотрѣніе ближайшимъ ихъ родственникамъ*, и буде послѣдніе *отъ того откажутся*, отдаются въ устроенные для умалишенныхъ дома“.

Этими статьями исчерпываются права и обязанности губернаторовъ относительно душевно-больныхъ, хотя бы и „опасныхъ въ общежитіи“. *Нашъ законъ не признаетъ и не допускаетъ административныхъ помѣщеній въ психіатрическую больницу*, и всякое распоряженіе губернатора, выходящее за предѣлы *огражденія имущественныхъ интересовъ душевно-больного*, т.-е. „созванія установленнаго закономъ присутствія“ для назначенія опеки, есть незаконный актъ насилія. Какой именно? На это намъ отвѣтятъ слѣдующія статьи закона.

„Ст. 260. При учрежденіи заведенія для призрѣнія умалишенныхъ избирается отдѣльный домъ, довольно пространный и кругомъ крѣпкій, *дабы никто изъ содержимыхъ не могъ убѣжать*“ (т. XIII. Уст. объ обществ. призрѣніи).

Такимъ образомъ, помѣщеніе душевно-больного въ „спеціальную больницу“, изъ которой онъ не можетъ убѣжать, не родственниками, а какою либо властью, есть *лишеніе свободы*, преступленіе, предусмотрѣнное ст. 1540 — 42 уложенія о наказаніяхъ.

„Ст. 1540. Кто, *по какой бы то ни было причинѣ и съ какимъ бы то ни было намѣреніемъ*, кромѣ лишь случаевъ, въ коихъ *задержаніе* и самое предварительное заключеніе, по уликамъ или подозрѣніямъ, или же въ видѣ наказанія, *дозволено или предписано закономъ, самовольно* и насильственно *лишитъ кого свободы*, тотъ приговаривается: къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Сибирь или къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія“... (и т. д.).

Въ кіевской эпидеміи власти приняли такія же и даже еще болѣе оригинальныя мѣры [1]): „Прежде всего, на основаніи закона объ усиленной охранѣ, были воспрещены собранія малеванцевъ, а впослѣдствіи его сіятельствомъ графомъ Игнатьевымъ были одобрены слѣдующія мѣры:

„1) Помѣщеніе въ *лечебницы* для душевнобольныхъ тѣхъ изъ числа малеванцевъ, которые страдаютъ помѣшательствомъ и *своими болѣзненными идеями и дѣйствіями поддерживаютъ религіозное броженіе массы.*

---

[1]) *Сикорскій.* Кіевская эпидемія, 45—46.

„2) Помѣщеніе въ лечебницы и *монастыри* (sic!) тѣхъ *сектантовъ*, которые *страдаютъ нервными и особенно судорожными болѣзнями*, и которые своими припадками и своимъ патологическимъ характеромъ *вредно дѣйствуютъ на окружающихъ*.

„Число лицъ первой и второй категоріи *не превышаетъ двухъ десятковъ* (sic!).

„3) Арестъ и административная высылка (съ разрѣшенія мин. вн. дѣлъ) тѣхъ сектантовъ, которые въ своей дѣятельности обнаружили *преступный фанатизмъ*" (sic!).

Первое распоряженіе, не согласное, какъ мы видѣли, съ закономъ, сдѣлало *помѣщеніе больныхъ въ лечебницу* полицейскою мѣрою въ интересахъ общественнаго порядка. Относительно третьяго мы напомнимъ, что сорокъ лѣтъ тому назадъ въ томъ же Кіевѣ гимназистовъ за фанатизмъ сѣкли [1]), а въ 1892 г. арестовали взрослыхъ душевно-больныхъ. Но совершенно необычнымъ, и едва ли согласнымъ и съ закономъ объ усиленной охранѣ, является второе распоряженіе, въ силу котораго *сектанты, страдающіе нервными болѣзнями*, были помѣщены въ *монастыри*. Авторъ работы объ этой эпидеміи высказываетъ одобреніе этимъ мѣрамъ [2]), но съ нашей стороны не будетъ слишкомъ большою смѣлостью предположить, что это вслѣдствіе „обстоятельствъ, отъ него независящихъ", такъ какъ *семь строчекъ* ниже онъ довольно коварно приводитъ слова величайшаго психіатра, создателя врачебной психіатріи, Эскироля, который въ такихъ случаяхъ рекомендуетъ „la suppression [3]) de tout ce qui se rattache à la religion".

Но губернская администрація имѣла, помимо совѣта французскаго психіатра, прямое распоряженіе нашей верховной власти. Таковъ именной указъ императора Петра Великаго, отъ 5 сентября 1723 г. [4]): „Его Императорское Величество указалъ: сумазбродныхъ и подъ видомъ изумленія бываемыхъ, таковые напередъ сего аки-бы для изцѣленія посылаемыхъ въ монастыри: *таковыхъ отнынѣ въ монастыри не посылать*".

Въ проектѣ учрежденія „дома для безумныхъ", представленномъ императрицѣ Екатеринѣ II и одобренномъ ею, имѣется слѣдующій параграфъ, по психіатрическому преданію [5]) вписан-

---

[1]) *Добролюбовъ*. Всероссійская иллюзія, разрушаемая розгами.

[2]) „Принятіе указанныхъ мѣръ не замедлило оказать благотворное вліяніе... Цѣлесообразность принятыхъ мѣръ... (l. c., стр. 46).

[3]) Курсивъ въ текстѣ проф. Сикорскаго (стр. 46).

[4]) Полное собр. зак. Росс. Имп. Т. VII, 4296.

[5]) Сообщеніе проф. Фреле, слышавшаго это отъ Рюля.

ный ею, и дѣйствительно имѣющій печать ея ума и ея образа выраженія:

„Докторъ употребляетъ всякія средства къ ихъ (умалишенныхъ) излеченію, а *прежде, нежели придутъ въ разумъ, священникамъ у нихъ дѣла нѣтъ, кромѣ того что за нихъ Бога молятъ*" [1]).

Что мѣры эти были неудачны по результатамъ—на это, къ сожалѣнію, мы имѣемъ весьма точное фактическое доказательство. „Броженіе массы" продолжалось въ кіевской губерніи, но только скрытно, въ виду административныхъ „сажаній въ сумасшедшій домъ", что дало „посаженнымъ" ореолъ мученичества [2]); движеніе распространилось на другія губерніи и дало въ селѣ Павловкахъ (харьковской губ.), подъ вліяніемъ кіевскаго малеванца Моисея Тодосьенко, вспышку, погромъ церкви...

Проф. Lacassange, начиная свой курсъ судебной медицины, посвятилъ первую лекцію „*Медицинѣ былого времени и врачу XX вѣка*" [3]), изъ которой мы приведемъ слѣдующую выписку:

„Мы пришли теперь къ мрачному средневѣковому періоду отъ XIII до XV вѣка, въ теченіе котораго католико-феодальный міръ прошелъ черезъ ужасный кризисъ. Перечтите V-й томъ „Исторіи Франціи" Мишлэ, книгу Кальмеля, объ эпидемическихъ проявленіяхъ умопомѣшательства, и недавнюю работу, третій томъ „Исторіи Франціи" Lavisse'а, обнимающій царствованія Людовика Святого, Филиппа Красиваго и т. д., отъ 1226 до 1328, разработанныя Langlois. Эти книги даютъ идею о психическомъ состояніи страны въ эти эпохи. Помѣшательство становится эндемичнымъ на всемъ Западѣ. Оно проявляется въ процессіяхъ бичевальщиковъ (flagellants), въ конвульсивныхъ болѣзняхъ, какъ хореоманія, пляска св. Витта, тарантелла, макабрской танецъ. Въ первые годы XV вѣка, нищета народа ужасающая, голодные годы слѣдуютъ одинъ за другимъ, народъ голодаетъ, мозгъ людей возбужденъ, самъ король французскій Карлъ VI — умалишенный. При этомъ общемъ возбужденіи общественная опасность ростетъ.

---

[1]) *Константиновскій*. Русское законодательство объ умалишенныхъ, 1887 г. стр. 114.

[2]) Напомнимъ страшное распространеніе скопчества, именно послѣ того, когда Селивановъ былъ помѣщенъ въ домъ умалишенныхъ, и какъ прославляется онъ, какъ мученикъ.

[3]) La Médecine d'autrefois et le Médecin au XX siècle. *Arch. d'Anthropologie Criminelle*. 15 Février 1902, стр. 69—70.

Дьяволъ вмѣшивается въ дѣло, и будетъ мучить человѣчество въ теченіе трехъ вѣковъ. Онъ сначала принимается за низшіе слои общества, самые бѣдные и наиболѣе поддающіеся... Психическая болѣзнь царитъ во всей Европѣ. Сотни тысячъ демономаніаковъ гибнутъ на кострахъ. Въ одномъ трирскомъ курфюрствѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, было предано смерти 6.500 колдуновъ... Эпидемія заходитъ и въ монастыри"...

Общая картина нашихъ психическихъ эпидемій далеко не такъ мрачна, но она, можетъ быть, болѣе грозна для будущаго. Хлыстовство, — говорятъ всѣ авторы, изучавшіе его, всѣ имѣющіе съ нимъ дѣло практически, священники, миссіонеры, — необыкновенно живуче; оно крѣпко держится въ народѣ, не исчезаетъ, разъ зародившись, проникаетъ вглубь и въ то же время распространяется вширь, создавая все новыя гнѣзда. Исторія его есть безконечный мартирологъ, — отъ Суслова, котораго пыталъ патріархъ Никонъ, около 1658 г., и до павловцевъ, сосланныхъ на каторгу въ 1902 г.; между тѣмъ, зло охватило половину Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что его внутренній смыслъ, его психологія, а не формула, соотвѣтствуютъ психикѣ народа. Но оно есть отступленіе, возвратъ народа къ первобытнымъ формамъ мышленія и чувства, которыя лежатъ еще такъ поверхностно въ населеніи русскаго центра и сѣверо-востока, такъ свѣжи и близки въ воспоминаніи, что легко выступаютъ наружу и овладѣваютъ народной психикой, какъ только его психическое или тѣлесное здоровье пошатнется или ослабѣетъ. Намъ говорили лица, знающія близко дѣло, что на югѣ штунда прогрессируетъ и захватываетъ все бо́льшую и бо́льшую область. Если это вѣрно, — а намъ нѣтъ причины сомнѣваться, — то нельзя не отмѣтить, что богатый, не только земледѣльческій но и промышленный югъ идетъ къ протестантизму, къ частной поземельной собственности. И въ это же время нищій, разоренный, голодающій центръ отступаетъ отъ христіанства и возвращается къ шаманизму, отступаетъ отъ индивидуальнаго брака, отъ семейства, и возвращается къ общности женщинъ и къ гетэризму. Несомнѣнно, это — симптомы очень грозные.

Такое явленіе указываетъ, какъ мы уже говорили, что шаманизмъ, коммунальный бракъ, гетэризмъ, существующіе болѣе или менѣе въ душѣ каждаго племени, у культурныхъ народовъ закрыты, погребены, задушены подъ наслоеніями исторической жизни. Этихъ наслоеній вовсе нѣтъ въ душѣ населенія центра и сѣверо-востока. Исторія шла мимо, не задѣвая его. Оно было пассивнымъ объектомъ московскихъ государственныхъ мѣропріятій,

но оно не жило исторической жизнью, оно не работало исторической работы, не участвовало въ созданіи общественнаго организма. Московскіе государи были *собиратели земли русской*, а орловскіе, тульскіе и всякіе другіе жители были собираемые. Жила одна Москва, и она дѣйствительно росла, но ея подвластные не жили, ихъ ростъ былъ искусственно остановленъ. Между тѣмъ, работа есть необходимое условіе здоровья не только для индивидуума, но и для расы; *историческая* жизнь есть также необходимая санитарная потребность народовъ, и лишеніе ея влечетъ за собою психическія болѣзни, вырожденіе, одичаніе. Не средневѣковые костры, не пытки и тому подобное, лечатъ болѣзни народной психики и психическія эпидеміи...

Д-ръ П. Якобій.

г. Орелъ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЕ ВОПРОСЫ

Постоянно повторявшіяся волненія среди учащейся молодежи и все возроставшіе размѣры этихъ волненій настолько нарушали, въ особенности въ послѣдніе годы, нормальное теченіе жизни нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, что невольно заставляли задумываться надъ будущностью нашего высшаго образованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предполагаемое нашимъ правительствомъ въ недалекомъ будущемъ преобразованіе нашихъ университетовъ такъ живо затрогиваетъ самые жизненные интересы просвѣщенія, что естественно выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о коренныхъ принципахъ, на которыхъ возможна и желательна реорганизація всѣхъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. При этомъ, само собою разумѣется, особо важное значеніе имѣетъ вопросъ именно объ университетахъ, какъ объ учебныхъ заведеніяхъ, первенствующихъ и по своему научному значенію, и по роли, которую они играютъ у насъ въ области просвѣщенія государства, а равнымъ образомъ и по численности своихъ слушателей, во много разъ превышающей число учащихся во всѣхъ прочихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, вмѣстѣ взятыхъ, и среди которыхъ университеты безспорно и давно уже заняли—не случайно, а въ силу исторически сложившейся необходимости—господствующее, центральное положеніе.

Образовывая массу людей, занимающихъ затѣмъ самыя разнообразныя положенія въ государствѣ и готовя вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли не большую часть наставниковъ юношества, даже въ спеціальныхъ заведеніяхъ,—университеты всегда оказывали и ока-

зываютъ могущественное вліяніе на міровоззрѣніе всего нашего общества и на ту умственно-нравственную атмосферу, въ которой протекаетъ вся общественная и даже—въ значительной степени—государственная жизнь нашего отечества. Потому все то, что̀ въ нихъ происходитъ, и все, что̀ такъ или иначе ихъ касается, вліяетъ прямо или косвенно на все, что̀ имѣетъ значеніе для высшаго образованія вообще—и неизбѣжно отражается въ особенности на всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, хотя бы они и не находились въ непосредственной связи съ университетами. Въ виду такого положенія, занимаемаго университетами, очевидно, что если желать исцѣленія тѣхъ недуговъ, которыми въ настоящее время столь очевидно страдаетъ наше высшее образованіе, и если имѣть въ виду серьезное упорядоченіе жизни нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, то необходимо прежде всего установить прочный, разумный и цѣлесообразный порядокъ въ университетахъ; а это въ свою очередь возможно только подъ условіемъ внимательнаго изученія ихъ положенія и всесторонняго изысканія дѣйствительныхъ причинъ, обусловливающихъ то печальное положеніе, въ которомъ они находятся,—положеніе, которое можетъ привести ихъ въ состояніе разложенія.

Приступая къ разсмотрѣнію университетскаго вопроса съ такой точки зрѣнія, нельзя не начать хотя бы съ бѣглаго обзора мнѣній и взглядовъ, нынѣ господствующихъ не только въ обществѣ, но и въ правящихъ сферахъ, на причины университетскихъ волненій, и нельзя не сказать нѣсколько словъ, хотя бы объ общемъ характерѣ тѣхъ мѣръ, къ которымъ до сего времени прибѣгали для борьбы съ ними.

I.

Причины университетскихъ волненій и въ особенности тѣхъ размѣровъ, которые они принимали, а равно трудности борьбы съ ними, многіе видятъ, главнымъ образомъ, въ многолюдствѣ нашихъ университетовъ и считаютъ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ для упорядоченія ихъ жизни — или принятіе мѣръ къ сокращенію числа студентовъ, или расчлененіе университетовъ на рядъ отдѣльныхъ, независимыхъ другъ отъ друга спеціальныхъ школъ, соотвѣтствующихъ нынѣшнимъ факультетамъ. Такія предложенія, которыя на первый взглядъ могутъ показаться поверхностному наблюдателю едва ли не вѣрнѣйшимъ и простѣйшимъ выходомъ изъ затрудненій,—оказываются однако,

при болѣе внимательномъ ознакомленіи съ дѣломъ, лишенными всякаго серьезнаго основанія и не соотвѣтствующими дѣйствительности, ибо, во-первыхъ, опытъ неопровержимо доказалъ, что возникновеніе и интенсивность студенческихъ волненій не имѣютъ непосредственной связи съ численностью студентовъ того или другого заведенія, такъ какъ нерѣдко безпорядки возникали и достигали серьезнаго развитія не въ однихъ многолюдныхъ университетахъ, но также и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, число слушателей которыхъ не равняется составу не только университетскаго факультета, но даже отдѣльнаго его курса. Такъ напримѣръ, еще недавно волненія, принявшія весьма острый характеръ, происходили въ ярославскомъ юридическомъ лицеѣ, число слушателей котораго едва достигаетъ двухсотъ; точно также за послѣдніе годы безпорядки, принимавшіе самый рѣзкій характеръ такъ-называемыхъ „забастовокъ" и „обструкцій", возникали почти во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ совершенно безотносительно къ наличному числу ихъ слушателей. Что же касается до предложенія объ обращеніи университетскихъ факультетовъ въ отдѣльныя школы, то оно настолько же не соотвѣтствуетъ всему историческому развитію нашего высшаго образованія, насколько оно противорѣчитъ всему, къ чему непрерывно стремилось наше правительство, всегда понимавшее существенное различіе между высшими школами прикладныхъ знаній и *университетскимъ* образованіемъ, которое даже въ томъ случаѣ, когда къ нему стремятся изъ-за практическихъ, житейскихъ цѣлей, тѣмъ не менѣе сохраняетъ болѣе широкій, научный, а не только непосредственно прикладной характеръ. Въ виду того правительство, поощряя возникновеніе и умноженіе высшихъ школъ, курсъ коихъ направленъ на изученіе собственно прикладныхъ наукъ, всегда, тѣмъ не менѣе, отводило первенствующее мѣсто университетамъ, какъ учрежденіямъ, которыя, несмотря на спеціальный характеръ отдѣльныхъ своихъ факультетовъ, удовлетворяютъ самымъ широкимъ жизненнымъ потребностямъ государства и общества, далеко выходящимъ за предѣлы однихъ прикладныхъ знаній, и при томъ сохраняютъ поддерживаемое тысячами нитей—незамѣтныхъ только поверхностному наблюдателю—единство, возвышающее значеніе какъ отдѣльныхъ наукъ, такъ и общей ихъ совокупности; а это и создаетъ ту высшую идеально-научную атмосферу, которая питаетъ не одни только университеты, но и всѣ, хотя бы самыя спеціальныя, высшія учебныя заведенія. Но независимо отъ выполненія этой высшей научной задачи, объединеніе факультетовъ въ одномъ учрежденіи имѣетъ еще то громадное образователь-

ное значеніе, что оно, облегчая общеніе людей, посвящающихъ себя самымъ разнообразнымъ спеціальностямъ, не даетъ юношеству слишкомъ рано замкнуться въ односторонней, личной своей работѣ и, не препятствуя специализаціи, необходимой въ высшемъ образованіи, поддерживаетъ въ массѣ общность научныхъ интересовъ, болѣе же даровитымъ и серьезнымъ студентамъ даетъ возможность пополнять свое общее образованіе внѣ своей спеціальности; возможность и польза того въ принципѣ признаются даже уставомъ 1884 года, столь узкимъ и одностороннимъ во многихъ отношеніяхъ, но тѣмъ не менѣе допускающимъ, хотя въ ограниченныхъ предѣлахъ, нѣкоторую свободу слушанія лекцій. Затѣмъ, мысль о необходимости соединенія въ одномъ учрежденіи различныхъ спеціальностей, даже въ области прикладныхъ знаній (вмѣсто распредѣленія ихъ по отдѣльнымъ независимымъ школамъ) пріобрѣла въ настоящее время право гражданства повсюду и съ успѣхомъ получаетъ осуществленіе у насъ въ видѣ учрежденія „политехникумовъ", которые въ сущности представляются не чѣмъ инымъ, какъ университетами пракладныхъ знаній, въ которыхъ спеціальности, прежде составлявшія исключительный предметъ вѣдомства отдѣльныхъ школъ, теперь распредѣлены по факультетамъ политехникума. Даже во Франціи, не безъ основанія гордящейся своими высшими школами, и гдѣ разъединеніе факультетовъ возводилось въ принципъ въ теченіе всего почти XIX-го столѣтія, въ настоящее время сознана польза и даже необходимость возсоединенія факультетовъ,—не касаясь высшихъ спеціальныхъ школъ, которыя продолжаютъ процвѣтать,—и образованія изъ нихъ соединенныхъ заведеній въ видѣ университетовъ въ германскомъ и нашемъ смыслѣ.

Расчлененіе въ настоящее время нашихъ университетовъ на спеціальныя школы, т.-е. упраздненіе самыхъ университетовъ, противорѣча такимъ образомъ не только общему развитію просвѣщенія, но и всему, къ чему всегда стремилось наше правительство, нанесло бы тяжкій, непоправимый ударъ русскому просвѣщенію.

Другіе видятъ главную причину студенческихъ волненій въ томъ, что студенты университетовъ, будто бы, недостаточно работаютъ, и что занятія ихъ недостаточно подчинены контролю, и такимъ образомъ объясняютъ университетскіе безпорядки, главнымъ образомъ, „праздностью студентовъ", и въ связи съ тѣмъ указываютъ, какъ на средство борьбы съ безпорядками, на примѣненіе къ университетамъ учебныхъ порядковъ, практикуемыхъ въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ заведеніяхъ и близко под-

ходящихъ къ школьнымъ, т.-е. порядковъ, основанныхъ „на урочной работѣ студентовъ“, постоянно контролируемой репетиціями, повѣрочными задачами и т. п.

Нисколько не отрицая того, что учебный строй нашихъ университетовъ требуетъ серьезныхъ поправокъ, мы глубоко убѣждены, что вышеуказанное мнѣніе и основанныя на немъ предположенія не только грѣшатъ значительнымъ преувеличеніемъ, но и принципіально ошибочны и нецѣлесообразны. Прежде всего нельзя не указать на то, что упрекъ, такъ часто дѣлаемый нашимъ студентамъ въ томъ, что они слишкомъ мало работаютъ въ теченіе года, справедливъ главнымъ образомъ только по отношенію къ юристамъ, которые въ большинствѣ ограничиваются однимъ приготовленіемъ къ экзаменамъ, но лишенъ основанія если не по отношенію всѣхъ, то большинства медиковъ, естественниковъ, математиковъ, студентовъ историко-филологическаго и восточнаго факультетовъ. Но если бы даже этотъ упрекъ и былъ болѣе основателенъ, чѣмъ то оказывается въ дѣйствительности, то и тогда, и несмотря на желательность большаго контроля надъ работой студентовъ,—введеніе въ университетскія занятія школьныхъ порядковъ принесетъ только вредъ, въ особенности если порядки эти будутъ установлены не самими университетами, а будутъ регламентированы общими распоряженіями, исходящими изъ центральнаго управленія министерства. Университетскія занятія настолько многочисленны и разнообразны, даже въ предѣлахъ однихъ и тѣхъ же предметовъ, что ихъ невозможно подвести подъ общія нормы, обязательныя для отдѣльныхъ преподавателей и студентовъ,—и еще менѣе для цѣлыхъ курсовъ и факультетовъ; только сами университеты могутъ цѣлесообразно организовать свой учебный строй,—всякія же попытки регламентировать его общими распоряженіями поведутъ, какъ давно уже доказалъ опытъ, къ ослабленію научныхъ занятій и къ ихъ упадку. Что же касается до надежды пресѣчь университетскія волненія и сдѣлать невозможнымъ самое возникновеніе безпорядковъ путемъ распространенія на университеты учебнаго строя, близко подходящаго къ школьному, въ силу коего студенты заняты возможно большее время работами, подчиненными непрерывной повѣркѣ,—то и эта надежда лишена всякаго основанія и прямо противорѣчитъ уже имѣющемуся опыту, который доказываетъ, съ одной стороны, что безпорядки—и притомъ нерѣдко въ весьма острой формѣ,—находятъ себѣ благопріятную почву и въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ студенты не только очень заняты, но даже обременены обяза-

тельными работами, что не дѣлаетъ ихъ, однако, менѣе воспріимчивыми къ волненіямъ, а съ другой стороны,—въ заведеніяхъ, наиболѣе сходныхъ по своему учебному строю съ университетами, какъ, напримѣръ, въ военно-медицинской академіи, студенты менѣе склонны волноваться, чѣмъ гдѣ-либо, и не потому, чтобы они были подчинены какому-либо особому режиму, а потому, что въ академіи нашли возможнымъ примѣнить къ нимъ организацію, болѣе соотвѣтствующую ихъ собственнымъ истиннымъ нуждамъ и потребностямъ.

Все это ясно доказываетъ, насколько безцѣльно смѣшивать вопросы чисто учебные съ вопросами объ охранѣ внѣшняго порядка, и на дѣлѣ оказывается, что интересы внѣшняго порядка вовсе не обезпечиваются такимъ подчиненіемъ, а напротивъ, достигаются съ успѣхомъ совершенно иными путями.

Нѣкоторые, признавая только-что высказанное нами соображеніе, видятъ средство борьбы съ волненіями въ устройствѣ общежитій, обезпечивающихъ матеріальное существованіе извѣстнаго числа студентовъ и образующихъ сплоченное, будто бы, ядро студенчества, могущее, если оно должнымъ образомъ дисциплинировано, служить оплотомъ противъ волненій. Но и эта мѣра, сама по себѣ полезная и желательная, въ дѣйствительности вовсе не разрѣшаетъ университетскихъ вопросовъ и лишь въ очень ничтожной мѣрѣ оказываетъ вліяніе на общій порядокъ въ университетѣ, что объясняется тѣмъ, что студенты, поступающіе въ общежитія, въ виду личной нужды и исключительно изъ матеріальныхъ соображеній, далеко не всегда заключаютъ въ себѣ элементы, склонные къ сближенію другъ съ другомъ и способные соединиться во имя общихъ интересовъ; поэтому общежитія, представляя собою лишь случайное соединеніе студентовъ, хотя бы внѣшнимъ образомъ и дисциплинированныхъ, но стоящихъ почти всегда какъ бы въ сторонѣ отъ массы студенчества,—могутъ мало вліять на эту массу и на общій порядокъ въ университетахъ.

Иные указываютъ на слишкомъ снисходительное, будто бы, отношеніе власти къ студентамъ и видятъ единственное средство борьбы съ волненіями въ усиленіи репрессіи. Что касается до этого взгляда, то вся его нецѣлесообразность уже давно доказана опытомъ, ибо въ сущности никакихъ другихъ способовъ борьбы или предупрежденія безпорядковъ, кромѣ усиленія полицейскаго режима, строгости и угрозъ, у насъ не примѣнялось. Въ послѣднее же время репрессія, все усиливаясь, достигла своего кульминаціоннаго пункта во временныхъ правилахъ объ отбываніи

воинской повинности. Между тѣмъ, въ эти именно годы волненія не только не прекратились, но напротивъ, приняли наиболѣе острую и вредную форму въ видѣ „забастовокъ“ и „обструкцій“. Такимъ образомъ, усиленіе изъ года въ годъ репрессіи привело лишь къ результатамъ совершенно обратнымъ тѣмъ, къ которымъ стремились; конечно, все это не доказываетъ еще, чтобы *во время* безпорядковъ репрессивныя мѣры были ненужны, но подтверждаетъ въ тысячный разъ ту несомнѣнную истину, что никакимъ учебнымъ заведеніемъ, а тѣмъ болѣе высшимъ, невозможно управлять однѣми мѣрами строгости, угрозами и внѣшнею регламентаціею, и что какія бы то ни было мѣры, не опирающіяся *на внутренній авторитетъ* самого заведенія и не вытекающія изъ собственныхъ его условій жизни, не въ состояніи упорядочить жизнь учебнаго заведенія, не только высшаго, но и вообще всякаго. Даже самая репрессія дѣйствительна и достигаетъ цѣли только тогда, когда и она опирается не на одну внѣшнюю силу, но также и на тотъ внутренній авторитетъ, на который мы только-что указали.

Наконецъ, многіе склонны приписывать непорядки, господствующіе въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, неудовлетворительности подготовки, даваемой нашей среднею школою. Мы, съ своей стороны, придавая правильной постановкѣ средняго образованія первостепенную важность, полагаемъ, однако, что наивно было бы ожидать, чтобы переработка программъ въ смыслѣ упраздненія преподаванія однихъ предметовъ и замѣны ихъ другими, а равно замѣщеніе нынѣшнихъ главныхъ типовъ средней школы, т.-е. гимназій и реальныхъ училищъ, такъ-называемою (далеко не вѣрно) „единою школою“ [1]), могла оказать какое-либо воздѣйствіе на упорядоченіе жизни нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, такъ какъ если что-либо въ организаціи средней школы и можетъ повліять на эту жизнь, то, очевидно, не программы этихъ школъ, не типы ихъ (безразлично, будутъ ли признаны господствующими, или „единственными“, общіе типы „правительственной школы“), а тѣ внутренніе порядки, тѣсно связанные съ понятіемъ, которое въ педагогикѣ принято назы-

---

[1]) Такое мнѣніе не только недавно преобладало въ печати, но и составляло часть правительственной программы по преобразованію средней школы. Къ счастью для нашего просвѣщенія, какъ кажется, эти предположенія нынѣ оставлены, и во всякомъ случаѣ можно думать, что мысль о единой школѣ похоронена (будемъ надѣяться—навсегда). Въ то же время—нынѣшнее управленіе министерства народнаго просвѣщенія, повидимому, уже не возлагаетъ, какъ то дѣлалось прежде, на среднюю школу отвѣтственность за все, что дѣлается въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

вать „школьною политикою“, въ прямой зависимости отъ коей находятся взаимныя отношенія власти, общества, семьи и школы, а равно взаимныя отношенія всѣхъ частей школы (учащихъ, учащихся и управленія) другъ къ другу, чѣмъ и опредѣляется весь воспитательный строй, т.-е. духъ и направленіе школы.

Эти же важные факторы школьной жизни могутъ быть одинаково разумны и плодотворны, или наоборотъ, вредны и нецѣлесообразны во всякой школѣ независимо отъ того, будетъ ли допущено разнообразіе типовъ школъ, вызываемое современными требованіями просвѣщенія, или же будетъ навязана странѣ—хотя бы съ самыми добрыми намѣреніями и подъ самыми громкими и популярными наименованіями—одна единая школа.

Что упраздненіе одной системы образованія и замѣна ея другою—въ смыслѣ поощренія классицизма или реализма, или въ смыслѣ поощренія единства или разнообразія типовъ—остается безъ вліянія на упорядоченіе жизни высшихъ учебныхъ заведеній, доказывается не только опытомъ всего міра, но и исторіей нашей собственной школы. Какъ извѣстно, въ концѣ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, классицизмъ былъ изгнанъ изъ нашихъ гимназій, точно также, какъ онъ изгоняется въ настоящую минуту, а равнымъ образомъ была пріостановлена организація отдѣльныхъ отъ гимназіи реальныхъ училищъ, возникновеніе коихъ правительство до того поощряло; при этомъ была создана школа, претендовавшая стать общею и господствующею, съ которой представляетъ нѣкоторое сходство нынѣ организуемая средняя школа единаго общаго правительственнаго типа; но это тогда вовсе не подняло нашего средняго образованія, а напротивъ, понизило его, и на упорядоченіе жизни высшихъ учебныхъ заведеній и въ особенности университетовъ не оказало вліянія; напротивъ, именно въ періодъ существованія этой школы возникли первыя студенческія волненія, не уступавшія затѣмъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, по своимъ размѣрамъ безпорядкамъ послѣднихъ лѣтъ. Что же касается до сложившейся въ послѣдніе годы легенды объ удивительныхъ, будто бы, достоинствахъ этой школы начала пятидесятыхъ годовъ, то она сложилась только подъ вліяніемъ смутныхъ воспоминаній и одностороннихъ тенденцій, совершенно не соотвѣтствующихъ дѣйствительности. Точно также безъ вліянія на настроенія высшихъ заведеній оказались преобразованія средней школы при А. В. Головнинѣ, въ 1864 году, и при графѣ Д. А. Толстомъ, въ 1871—72 годахъ, хотя реформы эти произошли въ совершенно противоположномъ направленіи. Здѣсь, само собою разумѣется, не мѣсто входить въ разсмотрѣніе существа этихъ пре-

образованій и оцѣнивать причины слабаго вліянія, оказаннаго ими на университетское образованіе, но не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что и нынѣ предпринятая реформа (которая по своему существу и пріемамъ скорѣе походитъ на переворотъ), уже по одному тому, что она не касается ни одной изъ сторонъ организаціи средней школы, связывающихъ ее съ университетами и способныхъ оказать вліяніе на послѣдніе,—быть можетъ, еще менѣе всѣхъ предшествующихъ реформъ способна оказать вліяніе на упорядоченіе нашего высшаго образованія. Во всякомъ случаѣ, какова бы ни была подготовка, даваемая среднею школой, университеты и вообще высшія учебныя заведенія не выйдутъ изъ того ненормальнаго положенія, въ которомъ они находятся, если въ нихъ самихъ не разовьется сила переработать и ассимилировать тѣ элементы, которые въ нихъ поступаютъ. Причемъ, какъ мы уже указали выше, эта цѣль не можетъ быть достигнута ни силою, ни тѣми внѣшними, общими или частными мѣрами, которыя мы перечислили. Благопріятные же результаты могутъ получиться только путемъ внутренняго преобразованія самихъ университетовъ и коренного измѣненія отношеній къ нимъ администраціи и общества, ибо причины той неурядицы, которая, подобно пѣнѣ, хронически всплываетъ на поверхность, коренятся не внѣ университетовъ, а глубоко въ самой ихъ организаціи, и въ значительной мѣрѣ передаются ими другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ,—а потому только въ ясномъ уразумѣніи и изслѣдованіи этихъ причинъ можно найти и средства для исцѣленія недуговъ, которыми страдаетъ наше высшее образованіе.

Настоящая работа наша и поставляетъ себѣ цѣлью сдѣлать хотя бы слабую попытку раскрыть эти причины.

Очевидно, что одинъ пересмотръ университетскаго устава и уставовъ другихъ заведеній еще далеко не исчерпываетъ этотъ широкій и сложный вопросъ, въ которомъ первенствующее значеніе должны имѣть: постановка научно-учебной части, отношеніе къ наукѣ самихъ университетовъ, а равно общества и правительства, вопросъ о положеніи, которое должно быть дано университету въ государствѣ, и т. п. Но тѣмъ не менѣе нельзя отрицать также и чрезвычайную важность вопроса о той или другой организаціи университетовъ, такъ какъ отъ нея зависятъ условія ихъ дѣятельности,—условія, оказывающія могущественное вліяніе на ихъ развитіе и направленіе. Въ виду чего, всестороннее выясненіе университетскаго вопроса и въ этихъ ограниченныхъ предѣлахъ, т.-е. въ предѣлахъ пересмотра устава, пріобрѣтаетъ высокій интересъ и значеніе, особенно въ такую минуту, какъ

настоящая, когда пересмотръ этотъ поставленъ на очередь правительствомъ. Широкое участіе, предоставленное университетамъ въ обсужденіи вопроса, несомнѣнно можетъ обезпечить правильность его рѣшенія. Но важность предмета, затрогивающаго самые разнообразные интересы общества и государства, побуждаетъ тѣмъ не менѣе и лицъ, къ университетамъ не принадлежащихъ, но принимающихъ близко къ сердцу судьбы нашего просвѣщенія, высказаться по этому вопросу. Въ виду чего и мы, желая внести свою скромную лепту въ дѣло его разработки, посвящаемъ ему настоящія наши статьи.

Правильное рѣшеніе всякаго вопроса зависитъ, главнымъ образомъ, отъ двухъ условій: отъ избранія вѣрной точки отправленія и отъ сосредоточенія сужденій на самомъ существѣ предмета,—съ исключеніемъ, по возможности, постороннихъ соображеній и побужденій, изъ вопроса не вытекающихъ и непосредственно съ нимъ не связанныхъ. Очевидно, что наличность этихъ двухъ условій необходима и для правильнаго рѣшенія вопроса о реорганизаціи нашихъ университетовъ.

Изъ вопросовъ, поставленныхъ министерствомъ на рѣшеніе университетовъ, можно заключить, что первое условіе, т.-е. правильная точка отправленія, въ настоящее время имѣется на лицо, и что вопросъ будетъ разсмотрѣнъ всесторонне и исчерпывающимъ образомъ. Остается желать, чтобы было соблюдено и второе условіе, т.-е. чтобы вопросъ объ организаціи университетовъ былъ рѣшенъ сообразно нуждамъ собственно просвѣщенія, а не подъ вліяніемъ чуждыхъ ему соображеній, какъ то уже не разъ бывало при слишкомъ, къ несчастію, частыхъ измѣненіяхъ университетской организаціи (въ теченіе менѣе ста лѣтъ она измѣнялась уже пять разъ),—измѣненіяхъ, происходившихъ то подъ живымъ впечатлѣніемъ внѣшнихъ или внутреннихъ событій, имѣющихъ весьма мало отношенія къ просвѣщенію; то въ видахъ полицейской репрессіи и водворенія чисто внѣшняго благочинія; то подъ вліяніемъ доктринъ и теорій совершенно противоположнаго направленія, и притомъ съ вопросами просвѣщенія мало связанными. Точно также будемъ надѣяться, что вопросъ о реорганизаціи университетовъ не будетъ поставленъ на почву злополучнаго спора нашихъ такъ называемыхъ „охранителей“ и „либераловъ“, въ томъ своеобразномъ пониманіи этихъ терминовъ, которое нынѣ установилось у насъ, и благодаря которому „охранители“ подъ-часъ являются революціонерами гораздо болѣе самыхъ завзятыхъ „либераловъ“, а „либералы“ проповѣдуютъ,

часто того не замѣчая, худшую реакцію, чѣмъ самые отчаянные „охранители“.

Впрочемъ, изъ всего, что до сихъ поръ намъ приходилось читать и слышать по университетскому вопросу, видно, что нынѣ всѣ безъ исключенія въ одномъ согласны, а именно въ томъ, что оставить наши университеты въ нынѣшнемъ ихъ положеніи невозможно. Затѣмъ всѣ, за исключеніемъ немногихъ органовъ печати, всегда относившихся враждебно къ университетамъ,—всѣ сходятся въ убѣжденіи, что учебный, дисциплинарный и всякій иной порядокъ возможно установить въ университетахъ, только опираясь на авторитетъ самихъ же университетовъ, въ виду чего и управлять университетами возможно лишь черезъ университеты же. Съ этими общими положеніями согласится, мы думаемъ, всякій, кто безъ предвзятой мысли и безъ предубѣжденія вдумается въ сущность университета, какъ научно-образовательнаго учрежденія, и кто пойдетъ въ своемъ представленіи о порядкѣ и благоустройствѣ учебнаго заведенія вообще сколько-нибудь далѣе понятія объ одномъ лишь внѣшнемъ, такъ сказать, „полицейскомъ порядкѣ“, основанномъ исключительно на соблюденіи внѣшняго благочинія. Отвергать эти положенія тѣмъ болѣе трудно въ настоящее время, когда долговременный опытъ, повидимому, убѣдилъ всѣхъ въ томъ, что самое послѣдовательное и суровое воздѣйствіе власти, вооруженной всѣми способами внѣшней репрессіи, оказывается безрезультатнымъ, если оно не имѣетъ опоры во внутреннемъ авторитетѣ самого университета.

II.

Необходимость положить въ основу университетскаго управленія авторитетъ университетской коллегіи настолько уже выяснена всѣмъ тѣмъ, что писалось и говорилось по этому предмету, что представляется намъ въ настоящее время труизмомъ, едва-ли требующимъ доказательствъ. А потому мы находимъ достаточнымъ сказать только съ своей стороны, что въ этомъ нашемъ всегдашнемъ убѣжденіи насъ укрѣпилъ многолѣтній личный опытъ и наблюденія надъ дѣйствіемъ различныхъ уставовъ въ крупнѣйшемъ изъ нашихъ университетовъ.

Но, сходясь въ общихъ положеніяхъ относительно университетскаго вопроса, взгляды у насъ значительно расходятся во многомъ, касающемся предметовъ и способовъ осуществленія этихъ общихъ положеній, причемъ на первый планъ выступаютъ вопросы: о

порядкѣ образованія университетской коллегіи и ея составѣ; о порядкѣ назначенія ректора и декановъ и о предѣлахъ ихъ вѣдомства; о функціяхъ отдѣльныхъ органовъ университетскаго управленія (совѣта, факультетовъ, правленія, инспекціи), и объ отношеніяхъ высшей учебной администраціи къ университетамъ. По всѣмъ этимъ вопросамъ въ печати высказывались болѣе или менѣе разнообразныя мнѣнія, а потому мы рѣшаемся посвятить ихъ выясненію настоящія строки.

Наименьшее разномысліе возбуждаетъ первый вопросъ, т.-е. вопросъ о способѣ пополненія профессорской коллегіи. Въ этомъ отношеніи всѣ почти признаютъ желательнымъ замѣщеніе каѳедръ путемъ избранія профессоровъ самими университетами. На эту точку зрѣнія стало и министерство народнаго просвѣщенія, которое уже нѣсколько лѣтъ перестало пользоваться правомъ назначенія профессоровъ и предоставило ихъ выборъ совѣтамъ университетовъ. Мы, съ своей стороны, безусловно сочувствуемъ такому взгляду и глубоко увѣрены, что другимъ способомъ едва-ли возможно правильно организовать пополненіе профессорскихъ коллегій и обезпечить желательное развитіе нашихъ университетовъ.

Нельзя забывать, что университеты суть не только учебныя заведенія, но и научныя учрежденія, а потому преслѣдуютъ двоякую цѣль, а именно: *научнаго образованія* (а не только обученія въ тѣсномъ смыслѣ) юношества, и въ то же время развитія и разработки самой науки, причемъ успѣшное выполненіе первой задачи находится въ прямой и необходимой зависимости отъ достиженія второй цѣли. Университетъ можетъ научно образовывать своихъ слушателей ровно настолько, насколько онъ самъ проникнутъ научными стремленіями и насколько онъ является дѣйствительнымъ центромъ развитія и разработки науки. Въ этой коренной основѣ университета заключается главное отличіе его отъ всякой другой школы и отличіе профессора отъ учителя. При настоящемъ же положеніи науки, для того, чтобы университеты могли достичь этого своего высшаго назначенія, имъ болѣе, чѣмъ когда-либо, необходима работа не однихъ только выдающихся—и всегда рѣдкихъ—свѣтилъ науки, вносящихъ въ нее свое высшее творчество, но и работа ихъ послѣдователей, а равно вообще людей, преданныхъ наукѣ и группирующихся соотвѣтственно избраннымъ ими научнымъ теченіямъ и направленіямъ. Другими словами, необходима возможность образованія въ университетѣ „научной школы“ или „научныхъ школъ“ (въ смыслѣ научныхъ направленій), соединяющихъ людей во имя

общихъ научныхъ взглядовъ и стремленій, направленныхъ, съ одной стороны, на выработку и преемственное наслоеніе научныхъ тенденцій, а съ другой стороны—на непрерывное изысканіе путей научнаго изслѣдованія.

Такая группировка научныхъ силъ даетъ, правда, каждому отдѣльному научному центру—какими являются университеты и ихъ факультеты—свой особый индивидуальный обликъ, въ смыслѣ опредѣленнаго научнаго направленія, и опасаться, чтобы это послужило ко вреду полноты всесторонней разработки науки, нѣтъ никакого основанія. Напротивъ, совокупность работы всѣхъ университетовъ при все возростающей научной конкурренціи, знаменующей наше время, всегда обезпечитъ эту полноту и всесторонность, и нельзя сомнѣваться въ томъ, что самыя разнообразныя научныя теченія найдутъ себѣ въ университетахъ необходимый просторъ.

Если же признать необходимость, или хотя бы пользу группировки научныхъ силъ въ указываемомъ нами смыслѣ, то естественнымъ послѣдствіемъ должно явиться признаніе за университетами права самодѣятельной оцѣнки ими лицъ, желающихъ вступить въ нихъ, и право пополнять свой составъ путемъ избранія.

Противники такого порядка замѣщенія каѳедръ ссылаются обыкновенно на то, будто выборная система, примѣненная къ университетамъ, вызываетъ въ нихъ нежелательныя явленія, какъто: партійность, непотизмъ, пристрастіе и т. п., а потому ведетъ къ произвольному и часто несправедливому замѣщенію каѳедръ въ ущербъ научнымъ интересамъ университета. Противъ такого утвержденія мы позволимъ себѣ возразить, во-первыхъ, что всякой системѣ замѣщенія должностей, какъ въ дѣлѣ, затрогивающемъ массу личныхъ и разнообразныхъ интересовъ, отношеній и т. п., всегда возможны недоразумѣнія и другія нежелательныя явленія. Совершенной системы замѣщенія должностей вообще нѣтъ, а потому приходится выбирать ту, которая болѣе соотвѣтствуетъ существу того учрежденія, къ которому она примѣняется, и которая влечетъ за собою наименѣе невыгодныя послѣдствія; и кромѣ того,—съ этой точки зрѣнія система замѣщенія каѳедръ путемъ выборовъ, соотвѣтствуя—какъ мы только-что выяснили—болѣе всякой другой цѣлямъ и задачамъ университета—несмотря на нѣкоторые свои недостатки, болѣе обезпечиваетъ замѣщеніе каѳедръ отъ случайнаго и произвольнаго ихъ замѣщенія, чѣмъ система чисто-административнаго назначенія профессоровъ. Если говорить объ этой послѣдней си-

стемѣ, то никто, мы думаемъ, не станетъ отвергать, что министръ и его подчиненные, какъ бы образованы они ни были, сами едва-ли могутъ признать себя компетентными самолично оцѣнивать научныя достоинства кандидатовъ на каѳедры по всѣмъ разнообразнымъ спеціальностямъ университетскаго преподаванія. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ имъ придется обращаться къ содѣйствію спеціалистовъ и руководствоваться ихъ отзывами, причемъ возможенъ двоякій способъ дѣйствія власти, рѣшающей вопросъ о назначеніи профессора. Или спеціалисты, отъ которыхъ будутъ требоваться отзывы, не будутъ заранѣе намѣчены и способъ и порядокъ обращенія къ нимъ *не будетъ облеченъ въ форму опредѣленной организаціи*, и будетъ каждый разъ зависѣть отъ усмотрѣнія министерства—въ такомъ случаѣ и выборъ спеціалистовъ, къ которымъ будутъ обращены запросы, и самые отзывы ихъ—будутъ чисто случайные и не представятъ никакой гарантіи правильнаго и цѣлесообразнаго замѣщенія каѳедры; *или же обращеніе къ спеціалистамъ* можетъ получить форму постоянной организаціи, путемъ учрежденія при министерствѣ постоянной коммиссіи или совѣта, призваннаго обсуждать вопросъ о замѣщеніи каѳедръ и оцѣнивать научныя достоинства кандидатовъ, ищущихъ ихъ. Но такая коллегія спеціалистовъ будетъ отличаться отъ университетской развѣ тѣмъ, что она будетъ менѣе освѣдомлена относительно потребностей даннаго университета. Что же касается до партійности, непотизма и научнаго пристрастія, то господство ихъ едва-ли кто-либо рѣшится признать необходимымъ аттрибутомъ какой бы то ни было коллегіи,—*возможно же* оно въ коллегіи спеціалистовъ при министерствѣ, точно также какъ и въ университетѣ. Ссылка же, которую иногда дѣлаютъ на то, что первая изъ этихъ коллегій, не будучи непосредственно заинтересована въ замѣщеніи каѳедры тѣмъ или другимъ лицомъ, представляетъ бо́льшую гарантію безпристрастной и справедливой оцѣнки кандидатовъ, а потому выгоднѣе для самихъ университетовъ, представляется намъ совершеннымъ софизмомъ. Если говорить о заинтересованности въ замѣщеніи каѳедры, какъ о вопросѣ, затрогивающемъ научные и общіе интересы университета, то странно видѣть выгоду въ томъ, что въ рѣшеніи этого вопроса будутъ участвовать лица или учрежденія, стоящія совершенно внѣ этихъ интересовъ и могущія относиться къ нимъ безразлично или равнодушно. Если же подразумѣвать личный интересъ отдѣльныхъ членовъ коллегіи въ назначеніи того или другого лица, то, во-первыхъ, и въ университетѣ трудно себѣ

представить, чтобы не только всѣ, но даже большинство могло имѣть подобный интересъ, а во-вторыхъ, личныя соображенія и разсчеты могутъ имѣть мѣсто и въ центральномъ учрежденіи, какъ и во всякомъ другомъ [1]).

Такимъ образомъ, нельзя не признать, что система назначенія профессоровъ помимо избранія ихъ университетами, не соотвѣтствуя, съ одной стороны, самому существу сихъ послѣднихъ, съ другой стороны—не только не представляетъ какихъ-либо особыхъ гарантій правильности и цѣлесообразности замѣщенія каѳедръ, но напротивъ, способствуетъ въ иныхъ случаяхъ усиленію искательства и угодничества, а въ другихъ—излишней щепетильности и склонности видѣть посягательство на свою самостоятельность и достоинство тамъ, гдѣ этого нѣтъ, и въ концѣ концовъ деморализируетъ университеты. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ вида то соображеніе, что при выборной системѣ замѣщенія каѳедръ, по крайней мѣрѣ въ случаѣ явныхъ нарушеній и неправильностей, возможенъ коррективъ въ видѣ права высшей учебной администраціи утверждать или не утверждать избранныхъ кандидатовъ; при административномъ же назначеніи не можетъ быть никакого корректива, даже при нарушеніи условій, опредѣленныхъ закономъ [2]).

Во всякомъ случаѣ, примѣненіе на дѣлѣ системы назначенія—на лицо, такъ какъ она практиковалась у насъ болѣе десяти лѣтъ, но не оправдала возлагаемыхъ на нее надеждъ. Мы лично, стоя долгое время близко къ высшей учебной администраціи, были свидѣтелями искренняго стремленія министерства обезпечить университетамъ возможно лучшій учебный персоналъ и желанія соблюдать при этомъ возможную справедливость, но не можемъ признать, чтобы эта цѣль была достигнута и чтобы это повело къ повышенію общаго уровня нашихъ университетскихъ коллегій; думаемъ, напротивъ,—уровень этотъ замѣтно понизился.

Будемъ же надѣяться, что эта крупная ошибка нынѣ дѣйствующаго устава будетъ исправлена, и что принципъ самопополненія университетской коллегіи ляжетъ въ основу новой уни-

---

[1]) Насколько внѣ-университетскія коллегіи спеціалистовъ, призванныя оцѣнивать научныя достоинства кандидатовъ на занятіе каѳедръ, не обезпечиваютъ безпристрастнаго и справедливаго замѣщенія таковыхъ, можно видѣть изъ примѣра Италіи, гдѣ подобныя коллегіи существуютъ, но гдѣ жалобы на ихъ дѣятельность раздаются съ каждымъ днемъ все громче и громче въ научной и общей печати, и проникаютъ въ правительственныя сферы.

[2]) Случаи замѣщенія каѳедры лицами, не обладающими требуемымъ закономъ образовательнымъ цензомъ, бывали.

верситетской организаціи. Но какую бы важность мы ни придавали праву университетовъ пополнять свой составъ по собственному выбору, мы не можемъ не признать еще болѣе существенное значеніе за вопросомъ о корпоративныхъ правахъ университетской коллегіи и вопросомъ о томъ, насколько и въ какомъ порядкѣ на нее будетъ возложено управленіе университетскими дѣлами, контроль и отвѣтственность за нихъ.

Отъ правильнаго разрѣшенія этого вопроса въ значительной степени зависитъ будущность нашихъ университетовъ, а потому мы и остановимся на немъ.

III.

Прежде чѣмъ, однако, приступить къ этой работѣ, мы не можемъ не указать на то, что, помимо вопросовъ собственно объ организаціи университетовъ, существуетъ не мало другихъ условій, способствующихъ развитію той неурядицы, которая нынѣ господствуетъ и разъѣдаетъ наши высшія учебныя заведенія, причемъ условія эти такъ сложны и разнообразны, что для сколько-нибудь правильнаго ихъ уразумѣнія необходимо разбить ихъ хотя бы на главнѣйшія категоріи, сообразно причинамъ ихъ обусловливающимъ и сообразно историческому ихъ происхожденію: одни находятся въ тѣсной связи съ тѣмъ положеніемъ, въ которое въ университетахъ поставлена учащаяся молодежь, другія зависятъ отъ отношенія къ университетамъ и къ студентамъ властей, стоящихъ внѣ университетовъ, а въ связи съ этимъ—и общества.

Среди первой группы явленій, особенно ярко характеризующихъ ненормальное положеніе университетовъ, занимаетъ безспорно первое мѣсто постепенный *упадокъ всякаго авторитета* между студентами, дошедшій до крайнихъ предѣловъ, въ особенности за послѣднія десять—пятнадцать лѣтъ. Этотъ упадокъ, доводящій университеты до состоянія, близкаго къ разложенію, имѣетъ прежде всего своимъ послѣдствіемъ полное почти безсиліе всей университетской администраціи (т.-е. инспекціи, ректора, правленія и попечителя) подчинить студентовъ своему вліянію (какъ въ учебномъ, такъ и въ дисциплинарномъ отношеніи) и въ особенности—возстановить въ ихъ средѣ порядокъ, при обстоятельствахъ, сколько-нибудь выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ. Полное недовѣріе, а подчасъ и пренебрежительное отношеніе студентовъ къ заявленіямъ и распоряженіямъ университетскихъ властей, составляетъ въ наши дни самое обычное явленіе, несмотря на

внѣшнюю силу, которою эти власти располагаютъ. Если же тѣнь авторитета еще сохранилась за кѣмъ-нибудь, то за профессорами, никакою внѣшнею силою вовсе не располагающими, хотя, впрочемъ, и это становится, къ сожалѣнію, все болѣе и болѣе рѣдкимъ явленіемъ, такъ какъ студенты чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе склонны относиться подозрительно и къ профессорамъ, видя въ нихъ людей подчиненныхъ, дѣйствующихъ по приказу, а не по убѣжденію.

Между тѣмъ, какъ ни странно это можетъ показаться на первый взглядъ, но среди студентовъ въ дѣйствительности и въ настоящее время глубоко коренится сознаніе (быть можетъ, не всегда ясное), что подчиненіе какому-либо авторитету все-таки есть необходимое условіе существованія самаго университета, а слѣдовательно и студентовъ, въ виду чего потребность въ подчиненіи авторитету чрезвычайно сильна между ними, но только направленіе, въ которомъ развивается эта потребность, совершенно извращено тѣми ненормальными условіями, въ которыя поставлена вся наша университетская жизнь. Встрѣчаясь съ авторитетомъ только въ формѣ внѣшней силы и не находя въ университетѣ той высшей нравственной силы, которая зиждется на самомъ его существѣ, какъ высшаго учебнаго заведенія,—потребность юношества въ авторитетѣ приняла ложное направленіе, благодаря которому среди студентовъ зародилась мысль о возможности не только замѣнить исчезающій академическій авторитетъ другимъ, своимъ собственнымъ, студенческимъ авторитетомъ, но и подчинить ему все въ университетѣ. На этой почвѣ стало слагаться убѣжденіе, не чуждое въ настоящее время даже многимъ, въ сущности, серьезнымъ студентамъ, о правѣ студенчества контролировать распоряженія университета, и чуть-ли не о нравственной его обязанности всѣми дозволенными и недозволенными способами противодѣйствовать приведенію въ исполненіе всякаго распоряженія или рѣшенія, неугоднаго студентамъ или непопулярнаго въ ихъ средѣ. Бывали случаи, что студенты заходили даже дальше и, увлекаясь стремленіемъ подчинить себѣ всѣхъ и вся въ университетѣ, присвоивали себѣ право суда надъ профессорами, и при томъ не только по поводу ихъ отношеній къ студентамъ, но и по поводу убѣжденій, высказываемыхъ ими какъ въ университетѣ, такъ даже и внѣ его. Причемъ студенты не только объявляли профессорамъ свои рѣшенія въ видѣ замѣчаній и т. п., но прибѣгали къ разнымъ выходкамъ съ цѣлью вынудить профессора покинуть университетъ. Подобные случаи, къ счастью, бывали до сихъ поръ еще

только единичные, а потому было бы ошибочно обобщать ихъ, но тѣмъ не менѣе они весьма характерны, какъ показатели той путаницы и того извращенія понятій, которыя господствуютъ среди юношества, подчиненнаго одной только внѣшней регламентаціи и лишеннаго того нравственнаго руководительства и тѣхъ основъ, которыя можетъ дать имъ только высшій внутренній авторитетъ самаго университета, при условіи правильнаго теченія его жизни и правильной его организаціи. Само собою разумѣется, что прискорбный упадокъ всякаго авторитета надъ студентами и стремленіе послѣднихъ подчинить себѣ даже самый университетъ обнаруживаются особенно рѣзко во время волненій, когда среди студентовъ всегда находится достаточно горячихъ головъ, готовыхъ поддержать велѣнія „центральныхъ комитетовъ“, „союзныхъ совѣтовъ“ и т. п. (о которыхъ мы будемъ говорить ниже) путемъ „забастовокъ“, „обструкцій“ и даже насилій, иной разъ близко граничащихъ съ преступленіемъ.

Стремленіе студентовъ путемъ такъ-называемой общей своей организаціи подчинить рѣшеніямъ большинства на сходкахъ не только всѣхъ студентовъ, хотя бы въ сходкахъ не участвовавшихъ или участвовавшихъ, но не согласныхъ съ ея рѣшеніемъ,—проявлялось всегда во всѣхъ случаяхъ, когда студенты организовали сходки по собственному почину или,—какъ было въ послѣдніе годы, — въ силу дозволеній или распоряженій властей.

Но этимъ стремленіе общеуниверситетскихъ организацій не ограничивалось. Въ нихъ обыкновенно проявлялась тенденція подчинить себѣ не только все студенчество, но и весь университетъ, т.-е. всѣ органы его управленія. Такая тенденція постоянно высказывалась болѣе или менѣе опредѣленно въ подпольныхъ листкахъ, прокламаціяхъ и т. п., а равно въ заявленіяхъ или въ общемъ modus agendi разныхъ союзныхъ совѣтовъ, землячествъ, исполнительныхъ и иныхъ комитетовъ и другихъ учрежденій, служащихъ выразителями общеуниверситетской организаціи студентовъ.

Наконецъ, подобный взглядъ о желательности и возможности допустить студенчество къ участію и даже къ преобладанію въ университетскомъ управленіи во всѣхъ отрасляхъ его жизни нашелъ себѣ выраженіе въ печати: года два-три тому назадъ, въ одномъ изъ періодическихъ изданій появилась статья, за подписью: „Студентъ“, въ которой прямо была выражена мысль, что студенты должны домогаться участія въ управленіи университетомъ и должны получить это право. Въ этихъ видахъ они должны

требовать, чтобы постановленія сходокъ были обязательны не только для студентовъ, но и для всѣхъ лицъ и учрежденій, входящихъ въ составъ университета, и чтобы притомъ эти постановленія были столько же обязательны, какъ нынѣ обязательны постановленія университетскихъ властей или правительства. Для достиженія же такой обязательности постановленій студенческой организаціи ей, т. е. сходкамъ, должна быть предоставлена власть, доходящая до устраненія изъ университета всякаго студента, а равно и служащаго въ университетѣ, въ случаѣ его несогласія съ рѣшеніемъ сходки и нежеланіемъ содѣйствовать приведенію въ исполненіе такого рѣшенія.

Несмотря на всю нелѣпость подобнаго притязанія, вышеуказанная статья была напечатана въ одной серьезной газетѣ безъ всякихъ оговорокъ и, насколько намъ извѣстно, прошла незамѣченною и не подверглась ничьей критикѣ или опроверженію, несмотря на то, что въ то время, въ той же газетѣ, по университетскому вопросу печаталась масса статей, изъ которыхъ многія писались профессорами и другими компетентными лицами. Такое равнодушіе къ укорененію и распространенію въ средѣ молодежи подобныхъ взглядовъ весьма знаменательно въ особенности въ виду того, что мысль объ управленіи университета студентами, или хотя бы объ участіи ихъ въ этомъ управленіи, по самому существу своему есть мысль вполнѣ анти-академическая, подрывающая въ самомъ корнѣ существованіе университета, не говоря уже о томъ, что студенты въ отдѣльности, а пожалуй еще въ большей мѣрѣ ихъ масса, собравшаяся на сходку толпою, совершенно не подготовлены и не способны рѣшать всю массу сложныхъ административныхъ и иныхъ вопросовъ и дѣлъ, возникающихъ въ университетѣ. Наконецъ, даже еслибы допустить, что подобная толпа способна правильно рѣшать и вести собственно студенческія дѣла, въ чемъ позволено сомнѣваться, то едва ли кто-нибудь рѣшится отрицать, что подъ управленіемъ студентовъ неизбѣжно должна погибнуть та сторона университетской жизни, которая дѣлаетъ университетъ разсадникомъ, двигателемъ науки и умственнымъ и культурнымъ центромъ страны и государства. Между тѣмъ, это значеніе университета не менѣе важно, чѣмъ его значеніе какъ учебнаго заведенія. Въ этой же области студенчество, само собою разумѣется, и не компетентно, и безсильно, ибо оно еще не въ состояніи разработывать науку, не можетъ стать ея представительницей и ни въ чьихъ глазахъ авторитета имѣть не можетъ.

Въ виду сего, участіе студенчества въ распоряженіи и управ-

леніи университетомъ можетъ только погубить эту существенную сторону университетской жизни и погубить культурное значеніе университета.

Подобные взгляды доказываютъ лишь некультурность среды, въ которой они возникаютъ, и непониманіе самаго существа университета, а потому нельзя не сожалѣть о томъ, что подобныя стремленія, которыя несомнѣнно существуютъ въ средѣ учащейся молодежи, могли въ ней возникнуть и укорениться; а еще болѣе приходится жалѣть о томъ, что подобныя нелѣпыя тенденціи не встрѣчаютъ достаточнаго отпора въ самихъ университетахъ и въ печати при обсужденіи университетскаго вопроса.

Между тѣмъ, указанная нами тенденція очень сильна въ средѣ нашей молодежи и являлась однимъ изъ самыхъ зловредныхъ паразитовъ, разъѣдавшихъ наши высшія учебныя заведенія и уничтожавшихъ самую возможность существованія въ нихъ какихъ-либо авторитетовъ и того благоговѣйнаго и уважительнаго отношенія учащихся къ учебному заведенію, которое должно составлять основу и сущность ихъ взаимныхъ отношеній. Уничтожается самая возможность существованія, какъ выразился бы нѣмецъ, тѣхъ Pietätsverhältnisse, т.-е. благоговѣйныхъ отношеній, безъ которыхъ не можетъ существовать учебное заведеніе.

Мы, съ своей стороны, потому и возстаемъ противъ подобныхъ тенденцій, и считаемъ, что борьба съ ними составляетъ долгъ всякаго, кому дороги интересы университетовъ въ частности и нашего просвѣщенія вообще.

Но вмѣшательство въ студенческія дѣла внѣ-университетскихъ властей на лучшій конецъ достигаетъ только возстановленія временнаго, въ сущности эфемернаго порядка, который затѣмъ вскорѣ вновь смѣняется худшими и болѣе серьезными волненіями. Такое положеніе университетовъ, а равно безуспѣшность всѣхъ мѣръ строгости, въ которыхъ, какъ намъ всѣмъ извѣстно, недостатка не было и которыя достигали предѣловъ, далѣе коихъ едва ли возможно идти, невольно наводятъ на вопросъ о томъ: гдѣ же кроются причины явленій, разлагающихъ университетскую жизнь, и безсилія университетовъ бороться съ этими явленіями? Какъ и когда могло сложиться подобное совершенно уродливое положеніе дѣла? Что можно и что слѣдуетъ предпринять для того, чтобы выйти изъ этого положенія? Отвѣтъ на всѣ эти вопросы можетъ дать только внимательное изученіе исторіи университетовъ и современнаго ихъ положенія, какъ результата этой исторіи.

IV.

Со времени учрежденія университетовъ и вплоть до конца сороковыхъ годовъ менѣе сложныя условія государственной и общественной жизни устанавливали и большую простоту университетскаго строя, близко подходившаго къ школьному. Отношенія внутри университета и отношенія къ нему властей были почти патріархальныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вліяніе отдѣльныхъ выдающихся личностей легче накладывало свой отпечатокъ на характеры и направленіе того или другого университета. При такихъ условіяхъ, несмотря на далеко не высокій общій уровень профессорскаго персонала, достаточно было двухъ—трехъ талантливыхъ и выдающихся людей, чтобы поднять уровень и престижъ университета; достаточно было энергичнаго, просвѣщеннаго попечителя, чтобы дать могущественный толчокъ прогрессу цѣлаго университета.

Въ то же время, благодаря такимъ условіямъ, власть попечителя легко и мирно уживалась, за очень развѣ рѣдкими исключеніями, съ довольно широко развитымъ самоуправленіемъ, предоставлявшимъ совѣту выборъ всѣхъ должностныхъ лицъ, въ томъ числѣ и ректора, за исключеніемъ инспектора студентовъ, избиравшагося попечителемъ и подчиненнаго ему (§§ 58 и 78 устава 1835 г.). Такое положеніе университетовъ стало измѣняться только въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда правительство, не въ силу потребностей просвѣщенія, а подъ впечатлѣніемъ политическихъ волненій въ Европѣ и проблесковъ подобнаго у насъ (напримѣръ, дѣло Петрашевскаго), сочло нужнымъ принять противъ университетовъ ограничительныя и репрессивныя мѣры, выразившіяся въ замѣнѣ выбора ректора назначеніемъ его отъ правительства и въ предоставленіи министру права смѣнять декановъ, хотя они и продолжали избираться университетомъ (законъ 11 октября 1849 года), а вмѣстѣ съ тѣмъ въ установленіи комплекта студентовъ на всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго (распоряженія 30 апрѣля и 11 мая 1849 года). Послѣдняя изъ этихъ мѣръ, какъ хорошо извѣстно, не принесла нашему просвѣщенію ничего кромѣ вреда, и при этомъ постоянно обходилась, такъ какъ масса студентовъ, впослѣдствіи вовсе не посвящавшихъ себя медицинѣ, стала поступать на медицинскій факультетъ. Что же касается до ограниченія университетскаго самоуправленія и отмѣны выбора ректора, то мѣра эта, какъ обнаружилось очень скоро, повела лишь къ ослабленію власти,

которое стало особенно замѣтно при появленіи перваго броженія въ университетахъ, въ особенности въ Харьковѣ и Москвѣ (въ концѣ пятидесятыхъ годовъ).

Уже вскорѣ послѣ крымской войны, параллельно съ новыми потребностями государственной и общественной жизни, вызванными этою войною и обусловившими необходимость коренныхъ преобразованій, стала усложняться и университетская жизнь. Прежній патріархально-школьный строй безвозвратно отжилъ свой вѣкъ, и никакая сила не въ состояніи была бы возстановить его. Все возростающій спросъ на высшее образованіе и измѣненіе взглядовъ на него правительства и общества создали университетамъ совершенно новое положеніе, при которомъ управленіе ими посредствомъ однихъ единоличныхъ распоряженій и приказаній стало невозможнымъ. Со всякимъ днемъ все болѣе чувствовалась необходимость опереть университетскій строй на высшій внутренній авторитетъ всей совокупности его личнаго состава и привлечь къ участію въ управленіи университетами всю совокупность профессоровъ,—какъ дѣятелей, составляющихъ самую сущность университета и наиболѣе компетентныхъ въ вопросахъ, его касающихся,—и какъ лицъ, которыя, находясь въ непрерывномъ соприкосновеніи со студентами, могли болѣе кого-либо другого оказывать на нихъ вліяніе. Не только потребность, но необходимость опереть весь строй университетовъ на авторитетъ университетской коллегіи, обнаружились вполнѣ во время крупныхъ волненій, впервые охватившихъ въ 1861 году нѣсколько университетовъ. Въ эту именно эпоху стало особенно ясно, насколько важно даже для высшей университетской власти (попечителя) имѣть возможность опереться не только на внѣшнюю матеріальную силу, но и на авторитетъ самаго университета. Ходъ событій доказалъ, что именно въ тѣхъ университетахъ, въ которыхъ такое единеніе, хотя еще и не предписанное закономъ, фактически произошло, спокойствіе было возстановлено скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Такъ было, напримѣръ, въ Москвѣ, гдѣ профессора, сплотившись вокругъ попечителя, вывели его и университетъ изъ критическаго положенія, усложненнаго притомъ крайне неудачнымъ вмѣшательствомъ генералъ-губернатора,—и упрочили порядокъ на долгій рядъ лѣтъ.

Вскорѣ послѣ сего былъ изданъ уставъ 1863 года, который имѣлъ то громадное достоинство, что онъ угадалъ потребность времени и основалъ весь строй университетовъ на привлеченіи прежде всего къ управленію ими единственное учрежденіе, компетентное въ этомъ дѣлѣ,—профессорскую коллегію.

Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы университеты продолжали развиваться на этотъ пути спокойно и нормально и если бы уставъ 1863 года, постепенно совершенствуясь, очистился отъ недостатковъ, которыми онъ несомнѣнно страдалъ [1]), то универси-

[1]) Нельзя отрицать, что уставъ 1863 года страдалъ весьма крупными недостатками:

Во-первыхъ, составители устава, вполнѣ правильно признавъ совѣтъ важнѣйшимъ органомъ университетскаго управленія, чрезмѣрно увлеклись, однако, стремленіемъ расширить кругъ его дѣятельности и включили, благодаря тому, въ компетенцію совѣта массу дѣлъ, и притомъ часто маловажныхъ, которыя по самому существу своему не должны были бы и не могли подлежать вѣдѣнію столь многолюднаго собранія, какимъ неизбѣжно является совѣтъ. Вслѣдствіе сего, вмѣсто того, чтобы стать высшимъ учрежденіемъ, призваннымъ рѣшать важнѣйшіе и принципіальные вопросы, касающіеся всего университета, контролировать дѣятельность прочихъ органовъ управленія и руководить ихъ дѣятельностью путемъ инструкцій и принципіальныхъ указаній, совѣтъ сталъ непосредственнымъ распорядителемъ и администраторомъ по всѣмъ предметамъ вѣдомства университета и даже судьею въ дѣлахъ дисциплинарныхъ. Остальные же органы университетскаго управленія (т.-е. ректоръ, правленіе, факультеты и инспекція) обратились почти-что въ механическихъ исполнителей велѣній совѣта. Между тѣмъ, совѣтъ, какъ по многолюдству своего состава (отъ 80 до 120 членовъ), такъ и по разнообразію своего состава, не могъ быть ни администраторомъ, ни непосредственнымъ распорядителемъ, а тѣмъ менѣе судьею или завѣдывающимъ хозяйствомъ. Прочіе же органы университетскаго правленія, поставленные въ зависимость отъ совѣта во всѣхъ, даже мелкихъ своихъ распоряженіяхъ, утратили всякую самодѣятельность и иниціативу, а равно и чувство отвѣтственности за ходъ университетскихъ дѣлъ, въ результатѣ чего получилась полная безхозяйственность и безпорядокъ въ управленіи. *Такимъ образомъ, неправильное распредѣленіе функцій между различными органами университетскаго управленія* являлось однимъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ устава 1863 года и породило множество затрудненій и серьезныхъ непорядковъ.

Во-вторыхъ, уставъ 1863 года создалъ совершенно ненормальное положеніе попечителя въ университетѣ. Уставъ не ограничился передачею инспекціи въ вѣдѣніе университета, что было вполнѣ правильно, такъ какъ инспекція не можетъ быть подчинена кому-либо внѣ учрежденія, въ которомъ она призвана дѣйствовать. Уставъ пошелъ гораздо дальше и отмѣнилъ всякое непосредственное участіе попечителя въ дѣлахъ университета, и именно лишилъ его права принимать участіе въ засѣданіяхъ совѣта и правленія, а равно получать свѣдѣнія по всѣмъ дѣламъ, на что онъ имѣлъ право по § 52, 58 устава 1835 года, а равно отмѣнилъ эти параграфы устава, дававшіе попечителю возможность слѣдить за ходомъ всѣхъ университетскихъ дѣлъ. Благодаря сему, попечитель, по уставу 1863 года, сталъ вполнѣ *внѣ-университетскою* властью и занялъ положеніе исключительно начальства, но такого, которое не имѣетъ собственно способовъ и средствъ влiять на подчиненное, будто бы, ему учрежденіе, и вынужденное поэтому или бездѣйствовать, или стать въ положеніе фискала, занимающагося доносами на университетъ и дѣйствующаго въ немъ только черезъ высшее начальство, т.-е. министерство.

Такое положеніе попечителей повело къ извращенію, въ большей части случаевъ, отношеній къ нимъ университетовъ и столько же уронило авторитетъ попечителей, какъ и самихъ университетовъ.

теты наши никогда не дошли бы до того болѣе чѣмъ печальнаго положенія, въ которомъ они нынѣ находятся.

Къ сожалѣнію, времени и практикѣ не было предоставлено переработать дефекты устава, а напротивъ, на дѣлѣ все было сдѣлано для того, чтобы подчеркнуть ихъ и развить ихъ до крайнихъ предѣловъ.

Первоначально, введеніе устава 1863 года имѣло своимъ послѣдствіемъ водвореніе во всѣхъ университетахъ порядка, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько лѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и внутренній ихъ строй постепенно улучшался, причемъ хотя нѣкоторые недостатки и неясности изрѣдка и порождали недоразумѣнія университетовъ съ попечителями и министерствомъ, но они улаживались безъ особыхъ затрудненій, не оставляя по себѣ слѣдовъ. Всѣ тѣ, которые близко знали въ то время положеніе дѣлъ, могли бы это засвидѣтельствовать и имѣли полное основаніе надѣяться, что время и опытъ, при помощи необходимыхъ частичныхъ исправленій устава, дадутъ университетамъ возможность войти въ нормальную колею и приведутъ къ установленію въ нихъ прочнаго порядка учебнаго, административнаго и дисциплинарнаго и общаго благоустройства. Къ несчастью, этимъ ожиданіямъ не было суждено оправдаться. Съ самаго вступленія въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, графъ Д. А. Толстой, новый министръ, враждебнымъ своимъ отношеніемъ къ университетамъ разрушилъ эти надежды. Повидимому все, что не укладывалось въ бюрократическія рамки, что стремилось къ сколько-нибудь самостоятельному развитію и выходило изъ предѣловъ строго регламентированнаго сверху до низу порядка, противорѣчило всѣмъ его инстинктамъ и міровоззрѣнію. Эта черта его натуры съ первой же минуты его управленія тяжело отозвалась на университетахъ и чѣмъ дальше, тѣмъ больше способствовала паденію послѣднихъ. Во все время своего долгаго управленія графъ Толстой систематически избѣгалъ пользоваться тѣми правами, которыя законъ давалъ министру по отношенію къ университетамъ. Такъ, напримѣръ, ни разу министерство не воспользовалось своимъ важнымъ правомъ требовать отъ университетовъ выработки и представленія программъ преподаванія и

Наконецъ, въ-третьихъ, уставъ 1863 г., исходя изъ ложнаго взгляда на студентовъ, какъ на граждапъ, находящихся на общемъ положеніи и только посѣщающихъ университетъ, впервые установилъ ложный принципъ, будто на студентовъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на *отдѣльныхъ посѣтителей* университета, не имѣющихъ между собою ничего общаго,—принципъ, причинившій много бѣдъ университетамъ, что мы подробно разберемъ ниже.

контроля надъ ними. А въ то же время министръ очень охотно вмѣшивался во внутреннюю жизнь университетовъ и въ особенности въ дѣла личныя, и тѣмъ возбуждалъ неудовольствія, раздраженія и подчасъ вызывалъ столкновенія. Примѣромъ могло служить дѣло, возникшее вскорѣ послѣ вступленія въ должность графа Толстого, касавшееся выбора одного изъ профессоровъ московскаго университета: этотъ выборъ, несмотря на явную незаконность, былъ утвержденъ благодаря тому, что за него стоялъ ректоръ и редакція „Московскихъ Вѣдомостей"; послѣдствіемъ же того было то, что три выдающихся профессора оставили университетъ. Такая политика пренебреженія правами, предоставленными закономъ, и вмѣшательства въ дѣла университетовъ вопреки закона, продолжалась въ теченіе всего долгаго управленія графа Толстого, благодаря чему тамъ, гдѣ университеты должны были быть руководимы министерствомъ, они руководства не получали, и министерство смотрѣло даже какъ бы сквозь пальцы на многіе непорядки, а рядомъ съ этимъ министерство нерѣдко вмѣшивалось и затрудняло или вовсе препятствовало дѣятельности университетовъ въ дѣлахъ, въ которыхъ законъ предоставлялъ имъ самостоятельность. Послѣдствіемъ же того явился постоянный явный или глухой антагонизмъ между университетами и министерствомъ, а равно—попечителями, какъ его представителями. Всѣ отношенія перепутались и извратились, силы тратились на безплодныя пререканія, законный порядокъ былъ поколебленъ, что̀ постепенно и привело къ дезорганизаціи университетовъ и все бо̀льшему и бо̀льшему упадку въ нихъ всякаго авторитета. Все это ясно обнаружилось уже въ семидесятыхъ годахъ, во время студенческихъ волненій, постоянно учащавшихся и принимавшихъ все болѣе и болѣе крупные размѣры, и наконецъ, уже по оставленіи графомъ Толстымъ должности, въ восьмидесятыхъ годахъ, охватившихъ одновременно почти всѣ университеты. Результаты политики графа Толстого по отношенію къ университетамъ были таковы, что если бы не знать графа Толстого и не быть увѣреннымъ, что онъ хотя и шелъ по ложному пути, но дѣйствовалъ тѣмъ не менѣе bona fide,— то можно было бы подумать, что имъ руководилъ пагубный принципъ: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше", и что, допуская упадокъ университетовъ, онъ хотѣлъ доказать необходимость передѣлать весь ихъ строй на свой ладъ, т.-е. на началахъ бюрократіи, взамѣнъ принципа самоуправленія, положеннаго въ основу устава 1863 г. Какъ бы то ни было, но съ управленіемъ графа Толстого совпадаетъ то начало дезорганизаціи университетовъ и того упадка

въ нихъ всякаго авторитета и власти, который такъ ярко обнаруживается въ настоящее время.

Уставъ 1884 года только ухудшилъ положеніе дѣла, уничтоживъ, можно сказать, уже на законномъ основаніи, безъ того низко упавшій нравственный, высшій авторитетъ, который во всякомъ учебномъ заведеніи зависитъ отъ положенія, въ какое поставленъ его учебный персоналъ, естественно составляющій самую суть заведенія.

Уставъ 1884 года, упразднивъ всякое выборное начало (существовавшее и по уставу 1835 года), порвалъ связь между профессорскою коллегіею и органами университетскаго управленія, которые обратились въ чиновническія учрежденія, подчиненныя и руководимыя исключительно высшею учебною администраціею на принципахъ бюрократической организаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ уставъ усугубилъ, но только въ обратную сторону, ненормальное положеніе, въ какомъ уже раньше находился совѣтъ и, вмѣсто того, чтобы правильно опредѣлить его функціи, довелъ его дѣятельность до совершеннаго нуля. Инспекцію уставъ поставилъ въ ложное положеніе, создавъ одновременное, двойственное ея подчиненіе попечителю и ректору, забывая, что двойственность подчиненія всегда служитъ только тормазомъ и препятствуетъ правильной дѣятельности какъ подчиненныхъ, такъ и начальниковъ. Столь же неправильно уставъ опредѣлилъ положеніе попечителя, снабдивъ его, по буквѣ закона, очень широкими полномочіями, но упразднивъ всякое значеніе въ университетской профессорской коллегіи. Уставъ въ дѣйствительности обезсилилъ попечителя, точно также какъ и ректора и другіе органы управленія, лишивъ ихъ точки опоры внутри самаго университета. Вмѣсто того, чтобы дать попечителю возможность вліять на университетскую коллегію путемъ участія въ ней, какъ то было по закону 1835 года,—уставъ 1884 года въ сущности вовсе упразднилъ эту коллегію и уничтожилъ почву, на которой только и возможно было основать силу университетской власти. Наконецъ, въ наихудшее положеніе уставъ поставилъ профессоровъ, которыхъ онъ призналъ такими же посторонними посѣтителями университета, какими студенты являлись въ глазахъ составителей устава 1863 года. Уставъ 1884 года смотритъ на профессоровъ какъ на людей, обязанныхъ исключительно читать лекціи и вести занятія со студентами, но затѣмъ онъ тщательно устраняетъ ихъ какъ членовъ коллегіи,—насколько они не входятъ въ число чиновниковъ университетскихъ учрежденій, — отъ всякаго участія въ университетскомъ управленіи и отнимаетъ у

нихъ всѣ способы вліять на университетскую жизнь. Весь уставъ 1884 года, а равно его примѣненіе на дѣлѣ съ первой же минуты его изданія, былъ проникнутъ недовѣріемъ къ профессорамъ и къ профессорской коллегіи,—недовѣріемъ, которое, будучи сознано какъ профессорами, такъ и студентами, не могло не дѣйствовать самымъ деморализирующимъ образомъ на тѣхъ и другихъ и не могло не повліять на извращеніе ихъ отношеній другъ къ другу, а равно ко всему университетскому управленію на всѣхъ его ступеняхъ. Профессора, по самому закону, лишенные всякаго вліянія на дѣла университета, стали сторониться отъ всякаго участія въ нихъ, даже когда ихъ къ тому приглашали; а студенты, видя недовѣріе, съ которымъ правительство относилось къ профессорамъ, и сознавая, что эти послѣдніе утратили всякое значеніе въ общей организаціи университета, стали привыкать смотрѣть на нихъ съ пренебреженіемъ во всемъ, что не касается непосредственно преподаванія. Такимъ образомъ, уставъ 1884 года, имѣвшій прежде всего въ виду усиленіе власти въ университетѣ, лишилъ ее въ сущности прочной опоры и повелъ въ концѣ-концовъ къ полной дезорганизаціи университетовъ.

Само правительство очень скоро сознало, однако, невозможность обойтись безъ профессоровъ, или, какъ можно было бы выразиться, обойтись въ университетѣ безъ университета, и стало само не только обращаться къ профессорамъ, требуя ихъ содѣйствія для упорядоченія университетовъ, но и ставя имъ въ вину слабость ихъ вліянія на студентовъ, забывая, что слабость эта имъ же самимъ создана. Ибо какого же вліянія или сколько-нибудь производительнаго содѣйствія органамъ власти можно ожидать отъ людей, которые лишены возможности подготовить свое вліяніе въ нормальное, спокойное время, и которые устранены отъ всякаго легальнаго участія въ управленіи учрежденіемъ, сущность котораго они составляютъ и которому они призваны служить. Профессора, приглашаемые къ участію въ университетскихъ дѣлахъ лишь временно и случайно и притомъ лишь настолько, насколько начальство сочтетъ нужнымъ предложить тотъ или другой вопросъ ихъ обсужденію, не могутъ ни быть достаточно въ курсѣ этихъ дѣлъ, ни во время обсудить ихъ, ни своевременно опредѣлить свой общій образъ дѣйствій, а потому вліяніе ихъ всегда будетъ только случайное,—причемъ, можно сказать, спорадическое ихъ участіе въ отдѣльныхъ дѣлахъ мало можетъ вліять на общее упорядоченіе университетской жизни.

На дѣлѣ уставъ 1884 года, разсчитанный, какъ мы уже

сказали, главнымъ образомъ, на усиленіе власти, не только не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ, но напротивъ, *довершилъ на почвѣ закона* ту дезорганизацію, которая *фактически* началась уже раньше, благодаря ненормальнымъ условіямъ, въ которыхъ наши университеты находились уже съ болѣе давняго времени, и способствовалъ развитію тѣхъ именно условій, которыя въ настоящее время привели наши университеты въ печальное положеніе.

V.

Обсуждая причины, обусловливающія ненормальное положеніе нашихъ университетовъ, мы не можемъ, однако, ограничиться указаніемъ на одни только недостатки организаціи ихъ управленія, и не можемъ умолчать о томъ, что важное мѣсто среди ненормальныхъ условій нашей университетской жизни безспорно занимало отсутствіе всякой легальной организаціи студенчества.

До пятидесятыхъ годовъ, при большей простотѣ, какъ университетской, такъ и внѣ-университетской жизни, потребность въ организаціи студенчества вообще или въ образованіи отдѣльныхъ студенческихъ обществъ со сколько нибудь опредѣленнымъ устройствомъ почти не возникала.

Но позднѣе, въ связи съ увеличивавшимся спросомъ на высшее образованіе, привлекавшимъ въ университеты самые разнообразные элементы со всѣхъ концовъ имперіи, и въ зависимости отъ все возростающей трудности для молодежи, стекавшейся въ университетскіе города, устроить свою жизнь въ чужомъ мѣстѣ и при совершенно новой обстановкѣ,—естественно усилилось въ средѣ студентовъ стремленіе къ товарищескому сближенію и къ группировкѣ во имя удовлетворенія самыхъ разнообразныхъ матеріальныхъ и духовныхъ нуждъ. И вотъ, уже въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ болѣе крупныхъ университетахъ стали возникать студенческія сообщества, принявшія по большей части наименованіе „землячествъ", въ виду того, что они состояли преимущественно изъ „земляковъ", т.-е. молодыхъ людей, связанныхъ происхожденіемъ или воспитаніемъ въ одной мѣстности, которымъ поэтому естественно было искать сближенія другъ съ другомъ на чужбинѣ. Землячества эти имѣли цѣлью какъ матеріальную помощь другъ другу въ случаѣ нужды, такъ и взаимопомощь при занятіяхъ; въ то же время они служили какъ бы клубами, въ которыхъ юноши, оторванные отъ родной среды, находили общество сколько-ни-

будь родное и привычное. Землячества эти возникали сами собой, въ силу естественной потребности студентовъ въ сближеніи, никѣмъ не разрѣшались, но и не запрещались и не преслѣдовались, причемъ не навлекали на себя ни неудовольствій, ни нареканій властей, и не играли никакой роли въ студенческихъ волненіяхъ, не разъ возникавшихъ въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Число землячествъ первоначально было ничтожно, но вскорѣ стало быстро возростать и въ крупныхъ университетахъ достигло нѣсколькихъ десятковъ, причемъ въ нихъ принимало участіе весьма значительное число студентовъ.

Въ одно время и рядомъ съ землячествомъ въ университетахъ стала зарождаться мысль о другого рода студенческой организаціи, а именно, объ организаціи обще-университетской, которая существенно отличалась отъ земляческой или кружковой тѣмъ, что она имѣла въ виду соединить во едино всѣхъ студентовъ, независимо отъ личныхъ отношеній другъ къ другу, независимо отъ личной симпатіи или даже знакомства, а также независимо отъ принадлежности къ общей средѣ или отъ товарищества въ тѣсномъ смыслѣ, а во имя идеи болѣе отвлеченнаго товарищества, основаннаго единственно на принадлежности къ одному учрежденію, т. е. университету, въ силу чего принадлежности всякій студентъ, eo ipso, признавался участникомъ организаціи.

Было время, когда такого рода организація студенчества пользовалась симпатіею и даже покровительствомъ властей. Въ разныхъ университетахъ стали возникать, и при томъ на основаніи оффиціальныхъ разрѣшеній, обще-университетскія кассы, такія же чисто-студенческія библіотеки и тому подобныя учрежденія; а въ связи съ этимъ вошли въ обычай какъ курсовыя, такъ и факультетскія и обще-университетскія сходки, завѣдывавшія, въ смыслѣ общаго руководства, этими учрежденіями.

Такъ напримѣръ, въ Москвѣ, еще въ пятидесятыхъ годахъ, была организована, по иниціативѣ проф. М. Н. Капустина, общая студенческая касса, управлявшаяся кассирами, выбранными курсами.

На тѣхъ же основаніяхъ, въ шестидесятыхъ годахъ, была дозволена студенческая библіотека и т. п. Мы лично принимали участіе въ дѣятельности учрежденій, какъ обще-студенческихъ, такъ и кружковыхъ, а потому считаемъ себя въ правѣ изложить здѣсь наши наблюденія, какъ надъ тѣми, такъ и надъ другими.

Поступивъ въ университетъ въ 1860 году, я вскорѣ былъ

избранъ кассиромъ уже существовавшей кассы, и скоро убѣдился, насколько была невѣрна мысль, положенная въ основу кассы, будто потребность въ студенческихъ ассоціаціяхъ проистекаетъ изъ двухъ источниковъ: *съ одной стороны*, изъ желанія недостаточныхъ студентовъ найти помощь у товарищей, а съ *другой стороны*—изъ желанія болѣе достаточныхъ оказать эту помощь, —а именно эта мысль легла въ основаніе предложенія объ учрежденіи обще-университетской кассы взаимопомощи. Названіе „кассы взаимопомощи" притомъ не вполнѣ вѣрно въ данномъ случаѣ, ибо, при учрежденіи обще-студенческой кассы, студенты неизбѣжно дѣлятся на студентовъ, получающихъ помощь, и на оказывающихъ помощь, т.-е. на благотворителей и на получающихъ благотвореніе. Пользоваться благотвореніемъ — въ этомъ уже заключается фальшь, въ которую всегда впадаетъ подобная касса, ибо это нарушаетъ: во-первыхъ, какъ я уже сказалъ выше, равенство товарищей и влечетъ за собою отсутствіе взаимности, которая представляетъ необходимѣйшее условіе всякаго истиннаго товарищества, ибо съ одной стороны является „касса" со вкладчиками, какъ благотворительное учрежденіе, а съ другой—какъ бы въ противоположность имъ — „получающіе пособіе", связанные съ кассою чувствомъ благодарности. Такія отношенія, нарушающія равенство, никогда не уживутся съ товариществомъ, а напротивъ, внесутъ въ самое товарищество элементъ разложенія. *Помощь*, оказываемая товарищемъ товарищу, никогда не должна носить характеръ *благотворенія*,—она должна быть взаимною, т.-е. необходимо, чтобы получающій помощь имѣлъ сознаніе возможности сдѣлать въ свою очередь что-либо для товарища или товарищей, которые ему помогли, хотя бы въ совершенно иной формѣ. Въ обще-студенческой *кассѣ* естественно этотъ элементъ совершенно отсутствуетъ, и въ сущности она будетъ просто благотворительнымъ обществомъ, которое никогда не устанавливаетъ между членами общества и тѣми, кому оно помогаетъ, тѣхъ отношеній, которыя составляютъ самую суть товарищества.

Кромѣ того, понятіе о „кассѣ" связывается естественно съ понятіемъ объ одномъ только видѣ помощи, а именно—денежной, между тѣмъ какъ истинно товарищеская помощь можетъ и должна быть безконечно разнообразна. Наконецъ, университетская касса, какъ бы усердны ни были вкладчики, въ сущности никогда не будетъ имѣть серьезнаго значенія въ смыслѣ денежной помощи нуждающимся студентамъ, и всегда явится каплей въ морѣ, сравнительно съ тѣми громадными суммами, ко-

торыя университетъ, и общество, и правительство, постоянно затрачиваютъ на недостаточныхъ студентовъ; а потому касса, не принося, такимъ образомъ, недостаточнымъ студентамъ существенной пользы, вовлечетъ только множество студентовъ на ложный (въ смыслѣ товарищества) путь „благотворенія“ товарищамъ, но, въ сущности, товарищамъ только по имени, такъ какъ „дѣятели кассы“ или „студенты-благотворители“ въ дѣйствительности вовсе не будутъ стоять въ близкихъ товарищескихъ отношеніяхъ съ тѣми, которые *черезъ* нихъ будутъ получать пособія. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что всякая *обще-студенческая касса* весьма скоро выродится въ самое обыкновенное благотворительное общество со всѣми тѣми неуклюжими и формальными условіями, которыя свойственны почти всякому благотворительному учрежденію. По всѣмъ этимъ соображеніямъ я убѣжденъ, что организація обще-студенческой кассы никакой дѣйствительной пользы не принесетъ, а напротивъ, скорѣе извратитъ товарищескія отношенія студентовъ и создастъ ложное положеніе разныхъ группъ студентовъ, а это принесетъ имъ положительный нравственный вредъ.

Говоря такъ, я основываюсь не только на теоретическихъ соображеніяхъ, но и на личномъ опытѣ, причемъ примѣръ кассы, существовавшей въ московскомъ университетѣ съ 1853 года, болѣе всего укрѣпляетъ меня въ моихъ выводахъ. Поступивъ въ университетъ въ 1860 году, я, будучи избранъ однимъ изъ кассировъ перваго курса юридическаго факультета (ихъ полагалось два на курсъ), попалъ въ составъ правленія кассы. Мы, кассиры первыхъ курсовъ, принялись за дѣло очень ретиво и предались ему всей душой, руководимые самыми идеальными стремленіями—помочь ближнимъ и товарищамъ. Но на первыхъ же порахъ насъ поразило апатичное, чтобы не сказать равнодушное отношеніе нашихъ старшихъ и болѣе опытныхъ членовъ правленія. Мнѣ, да и не мнѣ одному (многіе изъ старшихъ это давно сознавали, но не всегда признавались въ этомъ, чѣмъ и объяснялась ихъ апатія), почуялась какая-то фальшь во всей организаціи кассы. Правленіе, несмотря на свою многочисленность (тридцать-четыре члена, два товарища предсѣдателя и предсѣдатель), въ дѣйствительности совершенно не знало, да и не могло знать тѣхъ, кому оказывалась помощь. Мы вовсе не знали ни ихъ условій жизни, ни средствъ, ни потребностей. Основаніемъ для оказанія пособій могли служить только изслѣдованія, въ сущности ничѣмъ не отличавшіяся отъ тѣхъ, которыя производитъ всякое благотворительное общество или случайное удостовѣреніе

двухъ-трехъ студентовъ, столь же мало извѣстныхъ правленію, какъ и тѣ, кто просилъ о пособіи. Нѣкоторые рьяные члены правленія, задавшіеся цѣлью „разыскивать“ нуждающихся, натыкались на упреки, что они вторгаются въ частную жизнь, и т. п. Въ сущности, мы всѣ, члены правленія, не могли не сознавать, что пособія мы раздаемъ случайно и наугадъ и ходимъ около да возлѣ студенческой нужды, пожалуй, больше, чѣмъ внѣ-университетскіе благотворители. Никакого товарищества „касса“ не развивала, а скорѣе, напротивъ, создавала нерѣдко вовсе не товарищескія отношенія. Большинство нуждающихся студентовъ смотрѣло на кассу преимущественно съ точки зрѣнія, „что̀ съ нея можно взять?“. Студенты-вкладчики фактически не принимали и не могли принимать серьезнаго участія въ дѣлахъ кассы (общія собранія были почти исключительно упражненіями въ ораторскомъ искусствѣ), а члены правленія въ сущности (въ тайникахъ сердца, я увѣренъ,—всѣ) сознавали малополезность своей дѣятельности и ея несоотвѣтствіе идеѣ не только оказанія помощи, но и нравственнаго сближенія и товарищества, которое должно было лечь въ основу кассы при ея учрежденіи. Такимъ образомъ, для всѣхъ, кто не хотѣлъ закрывать глаза на дѣйствительность, уже тогда было очевидно, что „общая касса“ есть мертворожденное учрежденіе. Въ 1861 году (осенью) я уѣхалъ за границу, и, потерявъ изъ вида кассу, не знаю обстоятельствъ, при которыхъ она прекратила свое существованіе, и при какихъ условіяхъ она замѣнилась обществомъ для пособія нуждающимся студентамъ, но могу положительно удостовѣрить, что уже въ 1861 году касса доказала свою нежизнеспособность.

Мы лично были знакомы еще съ другимъ обще-студенческимъ предпріятіемъ, которое покончило свое существованіе еще быстрѣе, чѣмъ „касса“. То была студенческая „библіотека“, возникшая въ 1861 году. Библіотека была чисто студенческая, т.-е. была собрана и организована студентами и находилась въ полномъ завѣдываніи студентовъ, избранныхъ курсами. Подъ библіотеку университетъ отвелъ одну изъ залъ въ старомъ зданіи; идея эта встрѣтила сочувствіе въ обществѣ, и, благодаря многочисленнымъ пожертвованіямъ деньгами и книгами, въ самое короткое время образовалась очень разнообразная и порядочная литературно-ученая библіотека. Но завѣдываніе ея обще-студенческими представителями оказалось совершенно несостоятельнымъ. Составляя принадлежность всѣхъ, библіотека въ дѣйствительности не имѣла хозяина. Разношерстная толпа, составляющая студенчество вообще, въ сущности не имѣющая ре-

альной связи, не могла управлять библіотекой; къ ней стали предъявлять требованія, которыхъ удовлетворить было невозможно, средства стали расходоваться зря (насколько мнѣ извѣстно, злоупотребленій не было, но была безхозяйственность), и библіотека, просуществовавъ, кажется, годъ, сама собою погибла. И тутъ опять-таки ни сближенія, ни укрѣпленія товарищества не оказалось.

Совершенно иныя воспоминанія я вынесъ изъ товарищества иного порядка, къ которому я тоже примкнулъ при поступленіи въ университетъ, а именно изъ полтавскаго землячества, въ которое я поступилъ. Землячествъ, по числу, въ то время было еще мало; они начали возникать за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ (когда именно—не знаю), по мѣрѣ увеличенія числа студентовъ и все возростающаго наплыва изъ болѣе отдаленныхъ отъ Москвы мѣстностей; но во время моего вступленія въ землячество оно представляло уже вполнѣ опредѣленный типъ студенческаго общества, которое можно прямо противопоставить вышеуказаннымъ мною попыткамъ обще-студенческихъ организацій. Бо̀льшая часть землячества принадлежала къ числу если не бѣдствующихъ (но были и такіе), то нуждающихся студентовъ. Всѣхъ насъ, сколько припомню, было человѣкъ около тридцати, въ томъ числѣ вполнѣ обезпеченныхъ студентовъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и я, было человѣкъ пять; мы вступили въ землячество, благодаря личному знакомству до университета—хотя даже не общему воспитанію—со студентами, уже находившимися въ землячествѣ; такъ, напримѣръ, я попалъ въ землячество, благодаря дружбѣ съ сыномъ ближайшаго сосѣда по деревнѣ, поступившаго въ университетъ годомъ ранѣе меня, и по случаю знакомства съ племянникомъ полтавскаго кондитера, съ которымъ насъ связывали воспоминанія только ранняго дѣтства, и съ нѣмцемъ изъ полтавской колоніи, отецъ котораго, столяръ, когда-то давалъ мнѣ уроки столярнаго искусства (въ видѣ физическаго занятія), причемъ я игралъ съ его сыномъ. Въ землячествѣ я нашелъ настоящее товарищество. Всѣ мы знали другъ друга и были другъ другу близки. Помощь оказывалась деньгами очень рѣдко, ибо масса землячества была небогата, а получать пособіе деньгами или занимать у болѣе состоятельныхъ товарищей бѣднѣйшіе члены землячества не любили. Но, тѣмъ не менѣе, помощь, и притомъ именно взаимопомощь, оказывалась огромная, и всегда впопадъ, т.-е. во̀-время и тѣмъ, что̀ нужно. Выражалась она прежде всего въ подыскиваніи занятій, затѣмъ — въ ручательствѣ передъ университетомъ въ томъ, что просящій пособіе или сти-

пендію дѣйствительно нуждается, а затѣмъ—въ безконечномъ оказаніи другъ другу самыхъ разнообразныхъ услугъ, напримѣръ, давали во-время записанную лекцію, книгу и т. д., ухаживали во время болѣзни, одолжали лучшее платье, необходимое, чтобы пойти условиться о занятіяхъ, и т. д.

Большинство членовъ, находясь постоянно въ нуждѣ, постоянно оказывали другъ другу подобныя услуги; даже и по отношенію къ намъ, состоятельнымъ членамъ, находилась возможность примѣнять взаимность. Такъ напримѣръ, когда я, во второе полугодіе, заболѣлъ корью и болѣе полутора мѣсяца не выходилъ,—мнѣ было запрещено читать,—два земляка аккуратно записывали всѣ лекціи собственно для меня (одинъ изъ нихъ, принадлежавшій къ числу самыхъ бѣдныхъ, прежде, обыкновенно, этого не дѣлалъ; я помню его фамилію—Тхоржевскій, онъ умеръ въ царствѣ польскомъ, будучи коммиссаромъ) и ежедневно приходили ко мнѣ и прочитывали записанныя лекціи, что дало мнѣ возможность приготовиться къ экзамену, на который оставалось очень мало времени. Эта форма товарищества и взаимопомощи оставила во мнѣ самыя отрадныя воспоминанія, хотя съ большинствомъ земляковъ судьба насъ развела, и мы, послѣ университета, даже не встрѣчались. Затѣмъ, позднѣе, на разныхъ поприщахъ мнѣ нерѣдко приходилось сталкиваться (въ землячествахъ и внѣ ихъ) съ примѣрами товарищества и взаимопомощи, которые поднимали духъ и воспитывали,—но не фиктивно и формально, какъ то дѣлала обще-студенческая касса, а реально и сердечно. Немало случаевъ я знаю, когда, при истинно товарищескихъ отношеніяхъ, бѣднякъ спасалъ бѣдняка, выручалъ изъ бѣды и спасалъ не только матеріально, но нерѣдко нравственно и духовно.

Вотъ это товарищество, а не отвлеченное товарищество одного лишь синяго воротника, заслуживаетъ особеннаго поощренія и вниманія. Дать ему возможность осуществиться явно и не боясь преслѣдованія, и помочь ему матеріально—вотъ задача университета при разрѣшеніи вопроса о студенческихъ организаціяхъ.

Итакъ, нельзя сказать, чтобы опыты обще-студенческой организаціи были удачны, по крайней мѣрѣ, въ ту эпоху, о которой мы говоримъ. Обще-студенческія кассы, библіотеки и т. д., весьма мало способствуя дѣйствительно товарищескому сближенію студентовъ, существовали не долго и прекратили свое существованіе, благодаря полной безхозяйственности, проистекавшей отъ постоянной перемѣны распорядителей и отъ неустойчивости пра-

вилъ и указаній, издававшихся для ихъ руководства, въ зависимости отъ рѣшеній, исходившихъ отъ всей огромной массы студентовъ университета; эта масса состояла изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, связанныхъ между собою не дѣйствительными реальными узами, а однимъ только „званіемъ" студента. Что касается до сходокъ, являвшихся почти неизбѣжнымъ послѣдствіемъ обще-студенческой организаціи, то (на основаніи, по крайней мѣрѣ, имѣющагося опыта) ихъ едва-ли возможно признать полезнымъ учрежденіемъ. Сходки, хотя иногда на нихъ и удавалось сохранить нѣкоторую тѣнь порядка, въ концѣ-концовъ обыкновенно обращались въ сборище толпы, склонной дѣйствовать подъ впечатлѣніемъ минуты и легко попадавшей подъ вліяніе болѣе ловкихъ вожаковъ, умѣвшихъ склонить на свою сторону *наличное большинство* участниковъ сходки, а оно могло еще вовсе не являться выразителемъ взглядовъ и желаній *дѣйствительнаго большинства студентовъ университета*, которое обыкновенно требовало, однако, признанія своихъ постановленій обязательными для всего университета; для достиженія этой цѣли оно нерѣдко прибѣгало къ терроризаціи прочихъ студентовъ всякими способами, не исключая даже и насилія, и въ концѣ-концовъ являлось элементомъ тираніи одной части студентовъ надъ другою и элементомъ разложенія всякаго академическаго порядка. Изъ всѣхъ обще-студенческихъ учрежденій только одно, а именно учрежденіе на нѣкоторыхъ факультетахъ выборныхъ отъ студентовъ курсовыхъ старость, оказалось полезнымъ и жизнеспособнымъ. Старосты эти являлись какъ бы низшими учебными органами, долженствовавшими служить посредниками между профессорами и массою студентовъ по вопросамъ о распредѣленіи практическихъ занятій, пользованія учебными пособіями и т. п. Такіе старосты были допущены на медицинскихъ факультетахъ нѣкоторыхъ университетовъ еще въ тридцатыхъ годахъ, причемъ имъ было поручено распредѣленіе (на основаніяхъ, указанныхъ профессорами) между студентами больныхъ въ клиникахъ, пособій и матеріаловъ—въ кабинетахъ, лабораторіяхъ и институтахъ, а равно на нихъ возлагалось возможно удобное для студентовъ распредѣленіе экзаменовъ, подъ условіемъ, разумѣется, согласія профессоровъ. Вообще старосты должны были служить посредниками для сношеній профессоровъ съ курсомъ во всѣхъ случаяхъ, когда объясненія или переговоры со всею массою студентовъ были бы неудобны. По поводу выборовъ этихъ старостъ, происходившихъ обыкновенно въ перерывахъ между лекціями и не требовавшихъ созыва какихъ-либо сходокъ, а равно по по-

воду дѣятельности старостъ, никакихъ затрудненій не возникало. Съ теченіемъ времени выборъ такихъ же старостъ сталъ допускаться и на другихъ факультетахъ, причемъ и тутъ дѣятельность ихъ оказывалась по большей части полезною.

Такимъ образомъ, еще къ началу шестидесятыхъ годовъ въ большей части университетовъ возникли два вида студенческой организаціи: *земляческая* или *кружковая*, въ которую студенты вступали по свободному желанію, ища товарищескаго сближенія, основаннаго на общности личныхъ интересовъ и вкусовъ, или на связи, уже ранѣе существовавшей, съ членами землячества,— и *обще-студенческая*, въ которую,—въ принципѣ, по крайней мѣрѣ,—поступалъ всякій студентъ, въ силу одной его принадлежности къ университету.

Уставъ 1884 года отнесся отрицательно къ обоимъ видамъ организаціи; при этомъ, правила, изданныя въ развитіе устава, признавъ принципіально недопустимость какой бы то ни было корпоративности студентовъ, исходили изъ общаго принципа, что студенты суть граждане, состоящіе на общемъ положеніи, и смотрѣли на студентовъ какъ на отдѣльныхъ посѣтителей, связанныхъ съ университетомъ исключительно своими учебными занятіями и, въ качествѣ студентовъ, не стоящихъ другъ къ другу ни въ какихъ особыхъ отношеніяхъ. Послѣдствіемъ этого принципа явилось безусловное воспрещеніе какъ всякихъ студенческихъ собраній или сходокъ, такъ и какихъ бы то ни было студенческихъ обществъ, кружковъ и т. п., а вмѣстѣ съ тѣмъ и объявленіе всякой студенческой организаціи незаконною [1]. Съ этого времени всякаго рода студенческія общества и кружки—въ томъ числѣ и землячества—de jure поступили въ разрядъ недозволенныхъ тайныхъ сообществъ, а сходки обратились въ характерный симптомъ возникновенія въ университетѣ безпорядковъ.

Запрещеніе какихъ бы то ни было студенческихъ обществъ, господствующимъ типомъ которыхъ уже давно стали землячества, не было, однако, въ силахъ уничтожить ихъ. Потребность въ сколько-нибудь организованномъ товарищескомъ общеніи оказалась сильнѣе всякихъ запрещеній. Возникнувъ и развившись на почвѣ жизненныхъ потребностей университетской молодежи, землячества продолжали существовать, существуютъ и умножаются

[1]) Исключенія изъ этого общаго правила, и то въ рѣдкихъ случаяхъ, дѣлались только по отношенію къ обществамъ, хотя бы студенческимъ, но имѣющимъ научное значеніе. Лишь въ самое послѣднее время послѣдовало общее разрѣшеніе подобныхъ научныхъ обществъ. Но, очевидно, такія общества не исчерпываютъ потребности юношества въ сколько-нибудь организованномъ товарищескомъ общеніи.

и въ настоящее время по той простой причинѣ, что громадная масса студентовъ не можетъ безъ нихъ обойтись и не можетъ помимо ихъ удовлетворить многія свои матеріальныя и духовныя потребности, причемъ ни благотворительность, ни устройство хотя бы самыхъ благоустроенныхъ общежитій, въ которыя въ концѣ-концовъ студенты все-таки поступаютъ не по свободному влеченію, а по нуждѣ, не могутъ, во многихъ отношеніяхъ, дать имъ то, что даетъ товарищеское общеніе.

Но не разрушивъ землячествъ, объявленіе ихъ, такъ сказать, внѣ закона, имѣло самыя печальныя и нежелательныя послѣдствія для дальнѣйшей ихъ судьбы и характера ихъ, наложивъ на нихъ отпечатокъ нелегальности и усиливъ среди молодежи стремленіе прибѣгать къ пріемамъ, свойственнымъ всякому тайному сообществу.

Хотя собственно за самую принадлежность къ землячествамъ студенты обыкновенно и не преслѣдовались, но все возростающая строгость полицейскихъ мѣръ, воспрещавшихъ студентамъ собираться даже въ небольшомъ числѣ, хотя бы на частныхъ квартирахъ,—для нихъ имѣла то же дѣйствіе и значеніе, которыя могло бы имѣть непосредственное и прямое преслѣдованіе землячествъ, существованіе коихъ иначе, какъ подъ условіемъ тайны и всевозможныхъ ухищреній, стало немыслимо. Такимъ положеніемъ дѣла, совершенно естественно и прежде всего, воспользовалась другого рода пропаганда, которая видѣла въ томъ нелегальномъ положеніи, въ какое были поставлены землячества, удобный случай вовлечь ихъ и склонить замѣнить тѣ чисто студенческія товарищескія задачи, выполнять которыя они были предназначены, другими, болѣе широкими цѣлями, имѣющими уже политическій характеръ, вовсе не соотвѣтствующій цѣлямъ и интересамъ университета. Результатомъ того явилась мысль, нашедшая себѣ, впрочемъ, почву первоначально только въ очень небольшомъ числѣ землячествъ,—мысль объ учрежденіи организаціи, хотя и создаваемой во имя нужды студенчества, но въ дѣйствительности направленной на систематическое противодѣйствіе всякимъ мѣропріятіямъ, отъ кого бы они ни происходили, несогласныхъ съ взглядами и желаніями организаціи, поставлявшей себѣ конечною цѣлью подчиненіе своимъ велѣніямъ всѣхъ студентовъ, а по возможности и всего университета. Подобнаго рода организаціи возникли въ разныхъ университетахъ подъ наименованіемъ то „союзнаго совѣта землячествъ“, то „исполнительныхъ“ или „центральныхъ комитетовъ“ и т. п. Они должны были состоять изъ делегатовъ землячествъ, изъ которыхъ каждый былъ извѣстенъ

только своимъ избирателямъ, оставаясь неизвѣстнымъ прочимъ землячествамъ; они-то и должны были взять въ свои руки объединеніе интересовъ землячествъ и, путемъ соединенныхъ усилій руководимыхъ ими студентовъ, съ цѣлью—всѣми дозволенными и недозволенными способами—защищать эти интересы, а равно „интересы университета", какъ понимали ихъ эти „совѣты" и „комитеты", т. е., главнымъ образомъ, въ смыслѣ упроченія и расширенія своего собственнаго вліянія на всю университетскую жизнь. Такимъ образомъ, вновь задуманная общеуниверситетская организація отличалась отъ первоначальной земляческой, во-первыхъ, тѣмъ, что лица, ее составлявшія и долженствовавшія руководить ею, не были уже людьми, близкими другъ къ другу по своимъ товарищескимъ отношеніямъ, по близкому знакомству или въ силу давнишнихъ связей, а соединялись единственно въ силу избранія для участія въ управленіи организаціею,—во всѣхъ же остальныхъ отношеніяхъ могли оставаться, и въ дѣйствительности почти всегда оставались другъ другу чуждыми, — а также и тѣмъ, что въ этой новой организаціи болѣе жизненныя для студентовъ цѣли взаимопомощи, товарищескаго дружескаго сближенія и т. п., отступили на второй планъ, уступая мѣсто болѣе широкимъ замысламъ, нерѣдко даже неизвѣстнымъ и несознаннымъ большинствомъ студентовъ.

Первоначально большинство землячествъ отнеслось отрицательно къ организаціи такихъ общихъ „союзныхъ совѣтовъ" и „комитетовъ", предвидя, что подобная организація поглотитъ ихъ, обезличитъ и помѣшаетъ выполнять ближайшія ихъ задачи, которыми они дорожили, *и опасаясь*,—и это особенно знаменательно,—*что присоединеніе къ союзу вовлечетъ ихъ въ дѣла, съ университетомъ ничего общаго не имѣющія.* Этотъ фактъ вполнѣ установленъ, какъ многочисленными дознаніями, которыя намъ лично приводилось изучать въ качествѣ прокурора палаты, а затѣмъ отчасти и попечителя учебнаго округа, такъ и запрётною литературою, изъ которой видно, что особаго рода кружки постоянно и продолжительное время упрекали землячества за равнодушіе къ „высшимъ политическимъ стремленіямъ" и за отказъ соединиться въ союзъ для достиженія „высшихъ цѣлей". И дѣйствительно, въ теченіе долгаго ряда лѣтъ послѣ возникновенія мысли объ объединеніи землячествъ въ одномъ центральномъ тайномъ обществѣ, попытки образовать такое общество не удавались, и хотя „союзные совѣты", комитеты, и т. п., неоднократно возникали, но они успѣвали привлечь къ себѣ не болѣе трехъ-четырехъ землячествъ даже въ мно-

голюдныхъ университетахъ, гдѣ землячествъ бывало нѣсколько десятковъ, — несмотря на то, что программы этихъ союзовъ и комитетовъ сулили землячествамъ защиту противъ притѣсненій въ видѣ поддержки,—умноженіе матеріальныхъ средствъ и т. п., а въ худшемъ случаѣ,—столь заманчивый для пылкаго юношества, блестящій вѣнецъ пострадавшихъ. Только по мѣрѣ усиленія репрессіи противъ университетовъ, часто неразборчивой, бьющей не по коню, а по оглоблямъ, и поражающей при этомъ какъ праваго, такъ и виновнаго, и по мѣрѣ все большихъ затрудненій, которыя встрѣчали землячества,—они стали уступать настояніямъ сторонниковъ тайной общей организаціи и постепенно стали превращаться изъ негласныхъ кружковъ, преслѣдовавшихъ, тѣмъ не менѣе, вполнѣ дозволенныя цѣли, въ настоящія тайныя сообщества, съ болѣе широкими, но въ то же время нерѣдко прямо противозаконными цѣлями. Движеніе это особенно усилилось въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ началѣ же девятидесятыхъ охватило большую часть землячествъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и очень значительное число студентовъ. Успѣху этого движенія несомнѣнно содѣйствовала и та дезорганизація университетскаго управленія и власти, которая уже давно зародилась подъ вліяніемъ ложной политики администраціи по отношенію къ университетамъ, и которая завершилась уже на почвѣ закона, благодаря уставу 1884 года.

Тайная организація, представителями которой являлись разные „совѣты“ и „комитеты“, никогда не охватывала, однако, и нынѣ не охватываетъ большинства студентовъ, но, тѣмъ не менѣе, она сильна именно своею организаціею и представляетъ собою сплоченное ядро, имѣющее свое опредѣленное строеніе, свои органы и своихъ агентовъ, а равно и опредѣленный способъ дѣйствій, между тѣмъ какъ большинство студенчества представляетъ собою нестройную, ничѣмъ не связанную и даже разрозненную толпу, которая если и не желала бы вступать въ тайную и противозаконную организацію, то въ то же время была лишена возможности организоваться явно, на законномъ основаніи. Вслѣдствіе того, сплоченное и тайно не крѣпко организованное меньшинство почти всегда беретъ верхъ надъ неорганизованнымъ большинствомъ, причемъ ему подчиняются одни вслѣдствіе сознанія своего безсилія, другіе—изъ страха, третьи—по увлеченію, подъ впечатлѣніемъ данной минуты.

Такимъ образомъ, отрицаніе всякой корпоративности между студентами—отрицаніе, которое никогда не могло быть проведено до конца съ полною послѣдовательностью, такъ какъ сами

власти всегда говорятъ о студенчествѣ, какъ о чемъ-то *цѣльномъ*, и принимаютъ соотвѣтственно именно сему тѣ или другія мѣры,—а затѣмъ запрещеніе студентамъ группироваться въ явныя общества, хотя бы и съ вполнѣ дозволенными цѣлями, а наконецъ, все усиливающаяся неразборчивая репрессія противъ университетовъ—способствовали, болѣе чѣмъ что-либо другое, обращенію землячествъ изъ негласныхъ, но спокойныхъ и полезныхъ кружковъ—въ тайныя сообщества, вовлеченныя въ общую организацію иной разъ противогосударственнаго и во всякомъ случаѣ анти-университетскаго направленія. Въ настоящее время для всякаго сколько-нибудь знакомаго съ университетами стало ясно, что нельзя надѣяться на упорядоченіе университетской жизни, не исправивъ роковой ошибки, на которую мы только-что указали. Уничтожить естественную потребность юношества въ товарищескомъ сближеніи, а равно искоренить стремленіе дать этому сближенію опредѣленную форму и организацію—очевидно, невозможно. Упорствовать въ этомъ отношеніи значило бы только усиливать зло, принявшее уже безъ того серьезные размѣры, и противодѣйствовать которому возможно только давъ спокойному и лучшему большинству студентовъ средства явно и на законномъ основаніи удовлетворять свои нужды и потребности и противопоставить свою легальную организацію тайной организаціи, возникшей среди учащейся молодежи главнымъ образомъ благодаря ложному и ненормальному положенію, въ которое оно было поставляемо въ теченіе долгихъ лѣтъ.

Признавая такимъ образомъ безусловно необходимымъ приступить безотлагательно къ разрѣшенію давно назрѣвшаго вопроса объ организаціи студенчества, мы не закрываемъ глазъ на трудности, съ которыми связано это рѣшеніе. Лѣтъ пятнадцать—двадцать тому назадъ, этотъ вопросъ могъ быть разрѣшенъ сравнительно легко, простою легализаціею, съ незначительными поправками, давно существовавшихъ землячествъ и подчиненіемъ ихъ контролю университета. Но время упущено, съ тѣхъ поръ многое измѣнилось въ землячествахъ и возникло не мало трудностей, которыя прежде не существовали. Тѣмъ не менѣе, останавливаться передъ этими трудностями нельзя, и разрѣшить вопросъ о студенческой организаціи безусловно необходимо, такъ какъ отъ этого во многомъ зависитъ будущность университетовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и будущность всего нашего высшаго образованія.

Намъ кажется при этомъ, что слѣдуетъ дать рѣшительное предпочтеніе кружковой организаціи передъ обще-студенческой,

если понимать ее въ смыслѣ обязательнаго, въ принципѣ по крайней мѣрѣ, участія въ ней всякаго студента, помимо прямого его желанія и намѣренія, въ силу одной принадлежности къ университету. Потребность въ такой организаціи, на которую часто ссылаются, представляется намъ фиктивною и обусловливается тѣмъ, что другая, дѣйствительная и жгучая потребность юношества въ товарищескомъ (организованномъ) общеніи, а равно въ свободной группировкѣ студентовъ, сообразно съ ихъ вкусами, наклонностями и симпатіями, никогда не имѣла до сихъ поръ возможности получить въ нашихъ университетахъ достаточное удовлетвореніе.

Мы увѣрены, что наиболѣе правильный путь къ разрѣшенію вопроса о студенческой организаціи заключается въ разрѣшеніи студентамъ устроивать общества (будь то землячества или другого рода кружки, члены которыхъ не связаны общимъ происхожденіемъ или воспитаніемъ—безразлично), но отнюдь не по какому-либо заранѣе опредѣленному шаблону,—напримѣръ, по „нормальному уставу“ и т. п.,—а сообразно съ разнообразными потребностями и стремленіями самихъ студентовъ, лишь бы цѣль и способъ дѣйствій этихъ обществъ были въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ признаны не противозаконными и не противоуниверситетскими. Каждое такое общество должно было бы имѣть свой особый уставъ, утвержденный подлежащею (учебною) властью, но всѣ эти общества должны находиться подъ контролемъ и подъ отвѣтственностью университета. Только такія общества, соотвѣтствующія всему разнообразію потребностей студентовъ и на столько связанныя съ университетомъ, чтобы въ нихъ могло развиться твердое сознаніе необходимости авторитета университета для самаго его существованія,—могли бы послужить могущественнымъ факторомъ для разумнаго и цѣлесообразнаго упорядоченія университетской жизни.

Но, желая организаціи отдѣльныхъ, самостоятельныхъ и разнообразныхъ студенческихъ обществъ, мы самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаемъ противонравственный и, въ данномъ случаѣ, практически вредный принципъ: divide et impera!—примѣненіе коего къ студенческимъ организаціямъ сразу погубило бы ихъ. Мы, напротивъ, желали бы, чтобы студенческія общества, несмотря на свое разнообразіе и независимость другъ отъ друга, сливались въ общей университетской жизни, причемъ связью между ними должно, съ одной стороны, служить общее для всѣхъ регулирующее вліяніе университета, а съ другой стороны, и главнымъ образомъ, тѣ тысячи точекъ соприкосновенія, которыя

не могутъ не найтись между обществами одного и того же университета, въ которомъ студенты постоянно встрѣчаются и объединяются общими интересами. Въ виду сего, необходимо допустить и даже поощрять общеніе обществъ между собою, предоставивъ имъ, подъ контролемъ университета, найти формы, въ которыхъ это общеніе можетъ выразиться, причемъ существеннымъ и необходимымъ условіемъ этого общенія должны быть тѣ же гласность и легальность, которыя требуются для самыхъ обществъ.

Это, мы глубоко убѣждены, единственная почва, на которой возможно разумное удовлетвореніе какъ разнообразныхъ потребностей отдѣльныхъ группъ студентовъ, такъ и общихъ нуждъ университета, причемъ только на этой почвѣ могутъ выработаться соотвѣтствующія его интересамъ традиціи и студенческіе нравы, и только такое устройство студенчества можетъ сдѣлать ненужною всякую тайную организацію и тѣмъ самымъ ослабить ее; въ случаѣ же, если бы она возникла вопреки интересамъ университета,—явная и законная организація всегда будетъ служить вѣрнѣйшимъ оплотомъ противъ нея. Только этимъ путемъ, мы увѣрены, можно создать ядро студенчества, которое, опираясь на авторитетъ университета и дорожа своимъ легальнымъ существованіемъ, будетъ само заинтересовано, болѣе чѣмъ кто либо, въ охранѣ порядка и спокойствія въ университетѣ; при этомъ нѣтъ сомнѣнія, что въ тревожныя времена *къ этой явной* и сильной организаціи, коренящейся въ жизненныхъ потребностяхъ юношества, примкнетъ и все, что есть лучшаго и здороваго въ университетѣ, хотя бы оно стояло и внѣ самой организаціи.

VI.

На ряду съ правильностью организаціи университетскаго управленія и правильною организаціею студенчества, о которой мы только-что говорили, для благоустройства университетовъ имѣетъ и всегда имѣло огромное значеніе *отношеніе къ нимъ внѣуниверситетскихъ властей и общества*, а потому этого вопроса нельзя обойти молчаніемъ при обсужденіи реформы нашего высшаго образованія. Между тѣмъ, это отношеніе издавна было у насъ далеко не правильно, и потому почти всегда вліяло на университетскую жизнь, въ смыслѣ развитія волненій, въ самомъ нежелательномъ направленіи; въ этомъ отношеніи особо вредное вліяніе оказывала всегдашняя склонность отождествлять всякій университетскій безпорядокъ съ политическими волне-

ніями и противоправительственными стремленіями, въ то время какъ безпорядки въ университетахъ, если и далеко не всегда, то, смѣло можно утверждать, по большей части, первоначально возникали не на политической почвѣ, и только въ острые моменты своего дальнѣйшаго развитія получали окраску политическаго движенія подъ вліяніемъ тайной пропаганды, съ которою первоначально возникновеніе волненія имѣло мало общаго. При этомъ пропаганда пользовалась возбужденнымъ состояніемъ умовъ, чтобы раздуть безпорядки и воспользоваться смутою, чтобы увеличить число недовольныхъ, и этимъ косвеннымъ путемъ, хотя бы только отчасти, достичь своихъ нелегальныхъ и нерѣдко преступныхъ цѣлей. Такимъ образомъ, едва ли не въ большей части случаевъ, масса молодежи, волнующейся по причинамъ вовсе не политическимъ и въ дѣйствительности чуждымъ собственно противоправительственнымъ стремленіямъ, становилась жертвою постороннихъ вліяній и происковъ, причемъ обыкновенно серьезные и болѣе вредные агитаторы умѣли всегда во-время скрыться и избѣгнуть отвѣтственности, направивъ въ то же время волненіе такъ, чтобы тѣмъ вызвать возможно суровую и часто недостаточно разборчивую репрессію—и тѣмъ самымъ усилить общее неудовольствіе не только среди молодежи, но и во всемъ обществѣ.

Можно смѣло сказать, что легкость, съ которою власти, безъ достаточныхъ основаній, часто бывали склонны придавать всякому университетскому безпорядку значеніе революціоннаго движенія, оказывалась на руку прежде всего тѣмъ именно худшимъ противогосударственнымъ элементамъ, съ которыми власти желали бороться. А затѣмъ усиленная репрессія, обрушивающаяся безъ достаточнаго разбора на праваго и виноватаго, сама бросала, такъ сказать, болѣе чѣмъ что-либо другое, часть молодежи въ объятія пропаганды и, не подозрѣвая того, пополняла тѣмъ самымъ ряды худшихъ враговъ порядка. Но, независимо отъ такого самого по себѣ крупнаго зла, неправильное отношеніе властей къ волненіямъ молодежи влекло за собою и другія серьезныя послѣдствія, способствующія дезорганизаціи университетовъ и упадку въ нихъ всякой власти и авторитета.

Прежде всего, склонность властей признавать университетскія волненія событіями чуть ли не общегосударственной важности, требующими вмѣшательства высшаго правительства, общихъ мѣропріятій, измѣненія законовъ и т. п. (что въ теченіе десятилѣтій дѣйствительно и бывало почти послѣ всякаго сколько-нибудь крупнаго университетскаго безпорядка), — имѣла самое растлѣ-

вающее вліяніе на настроеніе молодежи; молодежь, видя впечатлѣніе, производимое всякимъ движеніемъ въ ея средѣ, стала привыкать смотрѣть на себя *какъ на силу*, съ которой администраціи приходится считаться, и всякое проявленіе которой способно произвести чуть ли не государственное потрясеніе, общій переполохъ и привести въ движеніе, въ извѣстномъ направленіи, весь сложный механизмъ государственныхъ учрежденій.

Такой ложный взглядъ молодежи на свое значеніе, оправдываемый, притомъ, въ ея глазахъ, послѣдующимъ стеченіемъ обстоятельствъ, могъ, очевидно, только развить среди учащагося юношества легкомысленную самоувѣренность, къ которой оно и безъ того всегда склонно, а равно духъ своеволія и пренебреженія къ власти. Подобное настроеніе молодежи, въ сущности вызванное и взращенное если не всецѣло, то преимущественно отношеніемъ къ ней властей (разумѣется, вопреки собственному ихъ желанію), во многомъ объясняетъ ту легкость, съ которою возникаютъ и распространяются волненія въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Между тѣмъ, чувствуя, какъ мы уже вскользь упомянули, потребность въ порядкѣ и сознавая необходимость авторитета, но, не находя ни того, ни другого, ни въ одной изъ отраслей университетской жизни, студенты пришли къ мысли о замѣнѣ авторитета университета собственнымъ своимъ авторитетомъ и о созданіи, можно сказать, *своихъ* порядковъ—путемъ безпорядка.

Наконецъ, громадное значеніе для созданія почвы, благопріятной для безпорядковъ, имѣли: modus agendi общей администраціи и характеръ ея отношеній къ университету и университетской молодежи. Тайно-полицейскій образъ дѣйствій администраціи, въ принципѣ совершенно тождественный съ пресловутымъ „словомъ и дѣломъ", только съ болѣе мягкими и современными формами,—какъ нельзя болѣе способствовалъ развитію всякихъ неудовольствій и проистекающихъ изъ такого источника волненій. Полицейское преслѣдованіе, основанное на доносахъ и тайномъ соглядатайствѣ, ничѣмъ не контролируемомъ, такъ какъ результаты тайныхъ розысковъ оставались по большей части неизвѣстными не только для заподозрѣнныхъ и обвиняемыхъ лицъ, но и для самихъ органовъ правительства (не исключая генералъ-губернаторовъ, попечителей и т. п.), т.-е. всѣхъ, кромѣ департамента полиціи,—отозвалось самымъ пагубнымъ образомъ на всемъ строѣ университета [1]).

---

[1]) Мы могли бы указать массу случаевъ, когда лица, разъ признанныя неблаго-

Неувѣренность въ личной безопасности, сознаніе, что ежеминутно—неизвѣстно по какому поводу и неизвѣстно откуда—можетъ разразиться гроза, способствовали развитію нервности и крайней сенситивности студентовъ, усложнившихъ до послѣдней степени сношенія какой бы то ни было власти съ ними. Хотя подобное преслѣдованіе въ дѣйствительности обрушивалось обыкновенно только на меньшинство студентовъ, но оно всегда грозило всѣмъ и каждому, и поселяло въ массѣ то чувство безпокойства и опасенія, которое дѣлало ее наиболѣе воспріимчивою ко всякому волненію и развивало склонность видѣть притѣсненіе и произволъ даже тамъ, гдѣ его въ дѣйствительности не было.

Нельзя при этомъ не признать, что общая администрація чѣмъ дальше, тѣмъ больше становилась на ложный путь. Департаментъ полиціи, охранныя отдѣленія и городская полиція, совершенно утратили сознаніе необходимости различать простое, хотя бы и серьезное нарушеніе общественнаго порядка отъ нарушенія, грозящаго безопасности государства. Самая цѣль „закона объ охранѣ“ все болѣе и болѣе извращалась. Законъ этотъ, предназначенный первоначально для охраны именно государственной безопасности и имѣвшій главною своею цѣлью предупрежденіе и преслѣдованіе заговоровъ, бунтовъ, покушеній и т. п., сталъ все болѣе и болѣе примѣняться ко всякимъ нарушеніямъ, совершенно независимо отъ того, чего и кого касались эти нарушенія [1]). Такимъ образомъ, тайный розыскъ со всѣми его послѣдствіями, т.-е. принятіе мѣръ на основаніи доносовъ или агентурныхъ свѣдѣній, неизвѣстность (даже для правительственныхъ лицъ) мотивовъ, по которымъ та или другая мѣра принималась; разрѣшеніе дѣлъ и судьбы привлеченныхъ лицъ, тайно отъ учрежденій, къ которымъ они принадлежатъ; наложеніе взысканій невѣдомо на какихъ основаніяхъ—все это стало примѣняться все въ болѣе и болѣе широкихъ размѣрахъ ко всякому студенческому волненію, причемъ органы администраціи стали нерѣдко пользоваться этими волненіями, какъ поводомъ или предлогомъ для захвата и удаленія лицъ, гораздо раньше намѣченныхъ, совершенно независимо отъ участія ихъ

надежными и подвергшіяся административной карѣ, всю жизнь претерпѣвали стѣсненія и неудобства, даже послѣ того, какъ основанія, подавшія поводъ къ наложенію кары, давно были опровергнуты.

[1]) Часто даже чисто полицейскіе проступки стали преслѣдоваться въ порядкѣ закона объ охранѣ, о чемъ дѣла не разъ восходили до сената и вызвали рядъ его разъясненій.

въ безпорядкахъ, а равно и даже въ такихъ случаяхъ, когда данное лицо въ дѣйствительности не участвовало и даже не могло участвовать въ безпорядкахъ (напримѣръ, при доказанномъ alibi, что встрѣчалось не разъ въ моей попечительской практикѣ). Между тѣмъ, такія именно мѣры, въ сущности ничего общаго съ безпорядками не имѣвшія и преслѣдовавшія въ дѣйствительности иныя цѣли, но искусственно поставленныя въ связь съ безпорядками, болѣе всего раздражали молодежь, которая, не вѣря, чтобы въ этихъ мѣрахъ не участвовало начальство, обвиняла его въ произволѣ и несправедливости и теряла всякое уваженіе къ нему.

Все это, вмѣстѣ взятое, во-первыхъ, создало не только въ средѣ молодежи, но и въ обществѣ вообще настроеніе *враждебное* учебной власти, отъ которой не ждали не только защиты, но хотя бы простой справедливости; во-вторыхъ, обусловило нервность и раздражительность, дѣлающія массу студентовъ склонною примкнуть къ безпорядку по малѣйшему поводу. Въ-третьихъ, окончательно расшатало и дискредитировало и безъ того разслабленный даже самимъ закономъ авторитетъ университетскихъ властей и привело этотъ авторитетъ къ послѣдней степени паденія. Это же обстоятельство есть главный источникъ непорядковъ въ нашихъ университетахъ. Въ-четвертыхъ, оно сбило съ толку даже спокойную часть общества и студенчества и развило въ нихъ сочувствіе даже къ безобразнымъ проявленіямъ во время студенческихъ волненій и тѣмъ самымъ внесло новые элементы смуты въ стѣны университета, а равно усилило ихъ въ обществѣ.

Вотъ рядъ сложныхъ явленій, которыя можно оцѣнивать какъ угодно, но существованіе коихъ несомнѣнно и о которыхъ нельзя умолчать, говоря о причинахъ университетскихъ волненій и о мѣрахъ къ упорядоченію университетской жизни.

Огульное признаніе всякаго университетскаго волненія проявленіемъ противогосударственныхъ стремленій повлекло за собою распространеніе на эти волненія тѣхъ способовъ разслѣдованія и преслѣдованія, которые по мысли законодателя должны были имѣть примѣненіе вовсе не къ дѣламъ о юношескихъ волненіяхъ и даже вообще не къ дѣламъ о нарушеніи обыкновеннаго порядка (т.-е. благоустройства и благочинія), какъ бы крупно это нарушеніе ни было, а къ *случаямъ дѣйствительной государственной опасности*, какъ, напримѣръ, къ случаямъ заговора, бунта, возстанія, или приготовленія къ тому, и т. п. Другими словами, отожествленіе студенческихъ вол-

неній съ государственными преступленіями имѣло своимъ логическимъ послѣдствіемъ примѣненіе къ первымъ наравнѣ съ послѣдними закона о государственной охранѣ со всѣми многочисленными его аттрибутами, быть можетъ необходимыми въ случаяхъ, когда государству грозитъ опасность, но неумѣстными и вредными, когда рѣчь идетъ объ охраненіи или возстановленіи порядка въ учебномъ заведеніи, какъ бы нарушеніе этого порядка ни было серьезно. Болѣе чѣмъ двадцатилѣтній опытъ распространенія на университетскія дѣла дѣйствія закона о государственной охранѣ доказалъ несомнѣнно всю непригодность и нецѣлесообразность подобнаго пріема, ибо всѣ многочисленныя разслѣдованія по поводу какъ общихъ университетскихъ волненій, такъ и разнообразныхъ отдѣльныхъ случаевъ, а равно массовые аресты и высылки, не повели къ обнаруженію какихъ-либо признаковъ государственныхъ преступленій, а нанесли между тѣмъ нашимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, обществу и косвеннымъ образомъ самому правительству не легко изгладимый вредъ.

Вредъ этотъ прежде всего выразился въ томъ, что примѣненіе къ дѣламъ объ университетскихъ волненіяхъ мѣръ, разсчитанныхъ на борьбу съ государственною опасностью, совершенно извратило отношеніе администраціи къ этимъ дѣламъ. Причемъ примѣненіе къ университетскимъ дѣламъ безусловной тайны розыска, основаннаго главнымъ образомъ на агентурныхъ свѣдѣніяхъ, не подлежащихъ сколько-нибудь гласной повѣркѣ, даже со стороны наиболѣе заинтересованныхъ учрежденій,—имѣло самыя прискорбныя послѣдствія [1]).

Система тайнаго розыска, господствовавшая по всѣмъ дѣламъ, касавшимся студенческой среды, не дала, какъ мы уже сказали, никакихъ результатовъ въ смыслѣ раскрытія замысловъ, угрожающихъ государственной безопасности, но повела только къ развращенію этой среды и усиленію въ ней того именно нежелательнаго настроенія, которое создаетъ самую благопріятную почву для всякаго рода волненій и безпорядковъ; вся масса учащейся молодежи, не исключая и самыхъ благонадежныхъ ея элементовъ, стала утрачивать чувство обезпеченности и увѣренности въ завтрашнемъ днѣ и въ силу сего постепенно пришла въ то ненормально возбужденное состояніе, которое наиболѣе

---

[1]) Въ послѣднее время, измѣненіе пріемовъ разслѣдованія дѣлъ о волненіяхъ въ учебныхъ заведеніяхъ и все чаще и чаще встрѣчающаяся замѣна тайнаго розыска формальными дознаніями (представляющими бо́льшую гарантію закономѣрности, правильности и достовѣрности) даетъ намъ основаніе думать, что и въ правящія сферы проникло сознаніе нецѣлесообразности прежнихъ пріемовъ.

способствуетъ развитію подозрительности и раздраженія, лишающихъ даже самыхъ сдержанныхъ людей необходимаго спокойствія и разсудительности.

Ко всему вышеизложенному само собою присоединились другія невыгоды тайнаго розыска, не провѣряемаго никѣмъ изъ непосредственно заинтересованныхъ лицъ и учрежденій, причемъ однимъ изъ наиболѣе невыгодныхъ такихъ послѣдствій собственно для учебнаго вѣдомства являлось то, что административные органы, производящіе розыскъ, будучи заинтересованы въ сущности только обнаруженіемъ политическихъ замысловъ (которыхъ они обыкновенно не находили), оставались совершенно равнодушными къ интересамъ университета. Благодаря этому, они, съ одной стороны долго продолжали слѣдовать своему обыкновенію скрывать отъ кого бы то ни было не только свои дѣйствія по розыску,—что было бы еще понятно,—но и добытые результаты, а съ другой стороны, органы эти считали нужнымъ выступать явно и активно только тогда, когда по ихъ мнѣнію обнаруженныя обстоятельства являлись уже настолько серьезными, что вмѣшательство собственно университетскихъ властей оказывалось недостаточнымъ, и когда самостоятельныя мѣропріятія администраціи становились уже необходимыми и неизбѣжными. Въ связи же съ этимъ администрація нерѣдко держалась по отношенію къ университетскимъ дѣламъ такъ-называемой системы *назрѣванія дѣлъ*, т.-е. системы скрыванія даже отъ наиболѣе заинтересованнаго начальства всѣхъ, хотя бы давно извѣстныхъ органамъ администраціи, обстоятельствъ, до тѣхъ поръ, пока дѣло не приметъ серьезный оборотъ (т.-е. пока дѣло, какъ говорится, „не назрѣетъ“), и когда наступитъ необходимость уже не домашнихъ или предупредительныхъ мѣръ начальства, а вмѣшательства общихъ административныхъ властей и строгой кары уже собственно съ ихъ стороны.

Такой образъ дѣйствій не разъ обнаруживался по отношенію къ московскому университету во время моего пятнадцатилѣтняго попечительства, особенно же ярко обнаружился по дѣлу о московскомъ „союзномъ совѣтѣ“ землячествъ.

Несмотря на явно вредный характеръ этого сообщества, какъ съ точки зрѣнія общеправительственной, такъ и особенно еще болѣе съ точки зрѣнія академической,—ни я, ни университетъ не получили никакихъ сообщеній относительно существованія и организаціи этой вредной для университета ассоціаціи.

Между тѣмъ, впослѣдствіи я имѣлъ случай убѣдиться самымъ положительнымъ образомъ, что, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ,

администраціи и охранѣ было извѣстно не только существованіе союза и его организація, но и весь личный составъ его управленія, и притомъ несомнѣнно, что всѣ члены этого управленія дважды подвергались задержанію, но затѣмъ были освобождаемы безъ всякихъ послѣдствій и продолжали свою дѣятельность. Объ этомъ университетъ и я узнали только тогда, когда союзъ, дойдя до крайнихъ предѣловъ смѣлости и дерзости, самъ себя обнаружилъ, главнымъ образомъ, подпольными своими изданіями, которыя смѣло и почти явно распространялись въ университетѣ и обществѣ.

Такой способъ веденія дѣлъ, касающихся университета, и способъ принятія мѣръ, обусловленныхъ этимъ розыскомъ, не принося пользы общимъ интересамъ въ смыслѣ государственной охраны, наносилъ университетамъ и учебному вѣдомству вообще тяжкій вредъ: съ одной стороны, лишая ихъ всякой возможности принимать своевременно должныя мѣры и пресѣкать *зарождающееся зло*, а съ другой стороны—окончательно дискредитируя ихъ въ глазахъ не только молодежи, но и всего общества.

Не меньшій вредъ принесъ другой пріемъ, съ которымъ мнѣ тоже часто приходилось встрѣчаться во время моего попечительства, а именно пріемъ, заключающійся въ томъ, что администрація, пользуясь временемъ безпорядковъ для такъ-называемой „очистки общества отъ вредныхъ элементовъ", намѣчала заранѣе неблагонадежныхъ лицъ, но, не желая навлечь на себя вниманіе общества принятіемъ рѣшительныхъ мѣръ, оставляла ихъ въ покоѣ, а затѣмъ пользовалась временемъ волненія молодежи, чтобы включить этихъ лицъ въ общее число арестуемыхъ и высылаемыхъ на основаніи закона объ охранѣ, совершенно безотносительно къ тому, причастны ли они въ дѣйствительности къ безпорядкамъ, или нѣтъ. Между тѣмъ, въ глазахъ общества всѣ эти аресты и высылки естественно становились въ непосредственную связь съ безпорядками; а такъ какъ всегда обнаруживалось, что нѣкоторыя изъ лицъ, подвергнутыхъ административной карѣ, во время волненій, въ дѣйствительности никакого отношенія къ волненію молодежи не имѣли и не могли имѣть, то получалось впечатлѣніе произвола и несправедливости, которыя возмущали общественную совѣсть и подрывали довѣріе къ правительственнымъ распоряженіямъ. Значительная доля отвѣтственности за нихъ естественно возлагалась на учебное вѣдомство, хотя оно по большей части къ этимъ распоряженіямъ было непричастно, тѣмъ болѣе, что подобныя мѣры нерѣдко принимались даже вопреки его протестамъ и заявленію, что пользованіе временемъ

волненій для принятія тѣхъ или другихъ мѣръ, въ сущности не оправдываемыхъ самими безпорядками, а только прикрываемыхъ ими, какъ предлогомъ, способствуетъ только усиленію и обостренію волненія.

Такіе пріемы администраціи, тѣсно связанные съ неумѣстнымъ примѣненіемъ къ университетскимъ волненіямъ законовъ о государственной охранѣ, всегда оказывали самое пагубное вліяніе на жизнь нашихъ университетовъ и были тѣмъ болѣе вредны, что они вмѣстѣ съ тѣмъ колебали въ обществѣ и въ средѣ молодежи довѣріе и уваженіе не только къ университетскимъ властямъ, но и къ самому правительству.

Наконецъ, распространительное толкованіе и примѣненіе закона объ охранѣ къ студенческимъ волненіямъ, не соотвѣтствуя въ дѣйствительности тѣмъ условіямъ, для которыхъ законъ этотъ созданъ, имѣли еще особо пагубное и развращающее вліяніе на весь строй жизни нашихъ учебныхъ заведеній, благодаря тому, что среда, въ которой приходится дѣйствовать во время волненій, по своей воспріимчивости и горячности, представляетъ слишкомъ удобную и заманчивую почву для сторонниковъ смуты и агитаціи, стремящихся усилить неудовольствіе не только среди молодежи, но и во всемъ обществѣ.

Такимъ образомъ, примѣненіе къ университетскимъ дѣламъ порядка объ охранѣ, съ неизбѣжнымъ его спутникомъ, тайнымъ розыскомъ и т. п., не подчиненнымъ достаточному контролю, особенно вредно въ средѣ учащейся молодежи, толкая ее, такъ сказать, на нелегальную дѣятельность и, затѣмъ, губя множество людей не только безъ всякой пользы для кого бы то ни было (развѣ для агентовъ розыска), но съ явнымъ вредомъ для правительства, вѣру въ силу и достоинство коего оно подрываетъ въ глазахъ всего общества.

Вотъ мотивы, въ виду коихъ мы признаемъ распространеніе закона объ охранѣ и всѣхъ неизбѣжныхъ при семъ пріемовъ на университетскія дѣла совершенно несоотвѣтствующими самому назначенію этого закона и приносящими исключительно тяжкій вредъ, обусловливая ненормальныя отношенія властей къ университетамъ и развращая юношество.

Въ виду сего нельзя не признать необходимость коренного измѣненія всего порядка разслѣдованія и рѣшенія дѣлъ о волненіяхъ и безпорядкахъ въ учебныхъ заведеніяхъ, причемъ по такого рода дѣламъ примѣненіе законовъ о государственной охранѣ вовсе не должно имѣть мѣста. Дѣла эти, какъ бы серьезны они ни были, должны входить въ кругъ вѣдомства самихъ учеб-

ныхъ заведеній и вообще учебнаго вѣдомства. Администрація же, само собою разумѣется, должна въ потребныхъ случаяхъ оказывать этому вѣдомству содѣйствіе, точно также какъ она обязана оказывать содѣйствіе и защиту не только всякаго рода учрежденіямъ, но и частнымъ лицамъ, которымъ грозитъ опасность или права которыхъ нарушаются.

Но самое разслѣдованіе и рѣшеніе дѣлъ, касающихся учебныхъ заведеній, хотя бы при содѣйствіи администраціи, должны оставаться подъ высшимъ надзоромъ и руководительствомъ учебнаго начальства. Оно должно получать всѣ свѣдѣнія по дѣламъ, касающимся, такъ или иначе, учебныхъ заведеній; но сверхъ того необходимо:

1) Чтобы при какомъ бы то ни было волненіи въ университетѣ, или по поводу университета, никакія фактическія данныя, извѣстныя администраціи и полиціи (всѣхъ наименованій), не были тайною для начальства университета.

2) Чтобы по всякому дѣлу, касающемуся собственно порядка въ университетѣ, и къ которому причастны студенты, подлежащія власти, сообщивъ университетскому начальству всѣ безъ изъятія фактическія свѣдѣнія, какія у нихъ имѣются, не предпринимали ничего по отношенію къ учащимся безъ согласія или требованія университетскихъ властей.

3) Чтобы всѣ дѣлопроизводства по всѣмъ дѣламъ о студенческихъ волненіяхъ были по возможности открыты лицамъ, уполномоченнымъ университетомъ, или чтобы, по крайней мѣрѣ, фактическія данныя, по мѣрѣ ихъ обнаруженія, были сообщаемы учебному начальству.

4) Право, указанное выше, т.-е. требованіе подробныхъ свѣдѣній, открытія дѣлопроизводства для ознакомленія, утрачивается начальствомъ студентовъ только въ томъ случаѣ, если власть, возбудившая преслѣдованіе противъ студентовъ, увѣдомляя о семъ университетъ (что обязательно и теперь), положительно, *письменно и мотивированно* удостовѣрила, *что студентъ привлеченъ за общее преступленіе по дѣлу, которое къ университету и собственно къ академическимъ интересамъ прямого отношенія не имѣетъ*, ибо въ этомъ случаѣ студентъ подлежитъ общему порядку преслѣдованія, который университета уже не касается.

5) Всѣ дѣла, носящія характеръ студенческихъ волненій, какъ сказано выше, должны подлежать университетскому суду. Но если университетскій судъ усмотритъ обстоятельства, не подлежащія его вѣдѣнію, онъ обращаетъ дѣло къ соотвѣтствующему

по свойству дѣла порядку судопроизводства или къ администраціи по принадлежности. Въ виду сего и высылка по дѣламъ о безпорядкахъ изъ университетскаго города должна являться лишь *послѣдствіемъ* исключенія изъ университета, но никакъ не особою административною карою, не связанною (по времени своего дѣйствія и по способу осуществленія) съ приговоромъ суда, т.-е. не только удаленіе изъ города, но и высылка въ опредѣленное мѣсто должны составлять часть приговора университетскаго суда.

6) Мѣры по поводу университетскихъ волненій администрація должна принимать съ вѣдома и согласія университетскаго начальства.

Подводя итогъ всему сказанному нами, мы можемъ резюмировать нашу мысль въ томъ смыслѣ, что прочное упорядоченіе жизни нашихъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній требуетъ не только реорганизаціи ихъ управленія и предоставленія учащейся молодежи въ свою очередь возможности правильно организоваться, но требуетъ еще въ той же и даже большей мѣрѣ коренного измѣненія политики администраціи и вообще измѣненія отношенія всѣхъ властей къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ и къ ихъ слушателямъ, безъ чего никакое измѣненіе уставовъ или иныя преобразованія практическихъ результатовъ достигнуть не могутъ.

Засимъ, намъ остается обратиться еще къ двумъ весьма важнымъ вопросамъ: *въ чемъ*, по нашему мнѣнію, должна *заключаться реорганизація университетскаго управленія*, и *каковы должны быть главныя начала, на коихъ, какъ мы полагаемъ, должна сложиться организація студенчества.*

Графъ Павелъ Капнистъ.

ПАРИЗИНА

ПОЭМА

БАЙРОНА

I.

То часъ, когда въ тиши лѣсной
Льетъ звонко трель пѣвецъ ночной;
То часъ, когда отъ словъ любви
Огонь живой горитъ въ крови;
Когда сребристый плескъ ручьевъ
Похожъ на музыку безъ словъ;
Когда росой блестятъ цвѣты,
Смѣются звѣзды съ высоты,
Волна становится синѣй,
А на деревьяхъ листъ темнѣй;
Когда на небѣ и землѣ
Все спитъ въ прозрачной полумглѣ,
И споритъ свѣтъ съ ночною тьмой
Между закатомъ и луной.

II.

Но Паризина вышла въ садъ
Не слушать звонкій водопадъ;
Не тихій свѣтъ ночныхъ огней
Ее зоветъ во мракъ аллей;

Ее въ бесѣдку межъ кустовъ
Не ароматъ привлекъ цвѣтовъ,
И, къ соловьинымъ трелямъ глухъ,
Иныхъ мелодій жаждетъ слухъ.
Чу!... вѣтка хрустнула слегка,—
О, какъ дрожитъ ея рука!..
Чу!... шопотъ ласковый въ кустахъ...
Румянецъ счастья на щекахъ
У ней горитъ... Одинъ лишь мигъ —
И онъ къ ногамъ ея приникъ.

III.

Подъ властью сладостной мечты
Что̀ имъ до мелкой суеты?
Весь міръ ничто теперь для нихъ,
Они не дѣлятъ чувствъ своихъ
Ни съ кѣмъ на свѣтѣ. Точно вдругъ
Для нихъ все умерло вокругъ.
Вздохнетъ ли кто изъ нихъ порой,
Всю силу страсти роковой
Тѣмъ вздохомъ выдастъ. До конца
Ее не вынесли-бъ сердца.
Имъ дорогъ ихъ мятежный сонъ,
Хоть грѣшенъ, хоть опасенъ онъ.
Мы всѣ любили. Кто изъ насъ
Бояться могъ въ подобный часъ,
Иль разсуждать, что счастья ликъ
Мы видимъ только краткій мигъ?
Мы, лишь проснувшись, узнаемъ,
Что грёзъ волшебныхъ не вернемъ.

IV.

Но какъ сердца ихъ ни нѣжны,
Покинуть все-жъ они должны
Мятежной радости пріютъ.
Они другъ друга долго жмутъ
Въ объятьяхъ пламенныхъ своихъ.
Но что̀ же такъ тревожитъ ихъ?

Иль гаснетъ ихъ любви звѣзда?
Иль ждетъ ихъ черная бѣда?
Еще слились они въ одномъ
Лобзаньѣ страстномъ и нѣмомъ,
А ужъ преступная жена
Какимъ-то ужасомъ полна.
Далекихъ звѣздъ недвижный взоръ
Сулитъ ей строгій приговоръ.
И снова вздохъ, и нѣжный взглядъ,
Они разстаться не хотятъ.
Всему приходитъ свой черёдъ,
И мигъ разлуки настаетъ.
Они разсталися въ тиши,
Не сбросивъ тайный гнетъ съ души,
Съ боязнью смутной близкихъ бѣдъ,—
Вины недавней тяжкій слѣдъ.

V.

На одинокую кровать
Идетъ онъ лечь, чтобы мечтать
О ней. А грѣшная жена
Съ безпечнымъ мужемъ лечь должна.
Но какъ она тревожно спитъ!
Вся, какъ въ огнѣ, она горитъ;
То шепчетъ въ сладкомъ снѣ своемъ,
О чемъ не смѣетъ думать днемъ;
То страстно мужа обовьетъ,
То, вся дрожа, къ нему прильнетъ...
И наконецъ проснулся онъ,
Объятьемъ пылкимъ пробужденъ.
Онъ нѣжно смотритъ на нее:
Вѣдь ласки сонныя ея
Ему порукой, что она
И въ самомъ снѣ ему вѣрна.
И, не понявъ мятежныхъ грёзъ,
Супругъ сдержать не можетъ слёзъ.

VI.

Азо къ груди ее прижалъ
И жадно вслушиваться сталъ

Въ обрывки словъ. Но почему-жъ
Вскочилъ съ постели бѣдный мужъ,
Какъ будто ангела трубу
Услышалъ онъ? Такъ что-жъ, въ гробу
Не громче будетъ страшный гласъ
Его будить въ послѣдній часъ.
Предательствомъ невольнымъ сна
Вся жизнь его осуждена.
Въ неясномъ шопотѣ открытъ
Ея измѣны тяжкій стыдъ.
Но чье-жъ онъ имя услыхалъ,
Вдругъ прогремѣвшее, какъ валъ,
Когда изъ глубины морской
О скалы бѣшеный прибой
Бросаетъ доску, и пловецъ
Находитъ гибельный конецъ?
Чье имя слышалъ онъ? Гуго!
Какъ могъ онъ думать про него?
Гуго! Преступный сынъ родной,
Плодъ горькій шалости былой
Съ Біанкой... Кроткое дитя
Онъ обманулъ тогда шутя,
Сперва жениться обѣщалъ,
Но слова послѣ не сдержалъ...

VII.

На половину обнажилъ
Онъ свой кинжалъ, и вновь вложилъ
Въ ножны. Сверкающій клинокъ
Онъ занести надъ ней не могъ,—
Такимъ сіяньемъ красоты
Блистали нѣжныя черты.
Ее будить онъ не хотѣлъ
И молча на нее смотрѣлъ.
Но этотъ взоръ ужасенъ былъ.
Когда-бъ ее онъ разбудилъ,
То кровь бы въ ней заледенилъ.
Бросалъ ночникъ невѣрный свѣтъ
На слезъ горячихъ влажный слѣдъ,
И, сторожа глубокій сонъ
Жены, о мщеньѣ думалъ онъ.

VIII.

Вотъ наконецъ зажглась заря.
Онъ, нетерпѣніемъ горя
Всю ихъ вину скорѣй узнать,
Улики всюду сталъ сбирать,
Онъ ихъ нашелъ. Весь женскій штатъ
Свою вину загладить радъ.
Придворныхъ сплетницъ дружный хоръ
Предъ нимъ не скрылъ его позоръ.
И разомъ сорванъ съ тайнъ покровъ
Для подтвержденья смѣлыхъ словъ.
И скоро тайнымъ для него
Не оставалось ничего.

IX.

Онъ сердцемъ былъ суровъ и смѣлъ
И долго медлить не умѣлъ.
Вотъ, въ залѣ мраморной дворца,
Владѣтель славнаго вѣнца
Свершаетъ судъ. Вокругъ сидитъ
Блестящихъ рыцарей синклитъ.
Предъ нимъ преступная чета.
Одна—прекрасна, какъ мечта;
Другой—съ нахмуреннымъ челомъ,
Въ цѣпяхъ стоитъ передъ отцомъ.
За преступленія свои
Рѣшенья грознаго судьи
Онъ ждетъ. Но гордой головой
Онъ не склонился предъ судьбой.

X.

И молчалива, и блѣдна,
Ждетъ горькой участи она.
Прелестный взглядъ глубокихъ глазъ
Передъ напоромъ бѣдъ угасъ.

Давно-ль мужей блестящихъ кругъ
Толпою былъ послушныхъ слугъ?
Давно-ль красавицъ пышныхъ рой
Спѣшилъ во слѣдъ за госпожой
Ея походку перенять,
Ея улыбкѣ подражать?
И если-бы надъ ней тогда
Нависла тяжкая бѣда,
Сверкнули-бъ тысячи очей,
Блеснули-бъ тысячи мечей.—
Теперь она для нихъ ничто,
И для нея теперь никто,
Живымъ участьемъ зараженъ,
Меча не вынетъ изъ ноженъ.
Всѣ молча, головы склоня,
Сидятъ, безстрастіе храня.
Гдѣ-жъ тотъ, чье вѣрное копье
Служило прихотямъ ея,
Кто за нее, не будь оковъ,
Со всѣми въ бой вступить готовъ?
Стоитъ въ цѣпяхъ онъ, рядомъ съ ней,
Не видитъ онъ ея очей,
Не видитъ слезъ... Его любя,
Она груститъ не за себя.
Давно-ль вѣкъ нѣжныхъ бѣлизна
Была слегка оттѣнена
Тончайшей сѣткой синихъ жилъ?
Давно-ль лобзанія манилъ
Ихъ видъ? Теперь покровъ сухой
Глазамъ защитой былъ плохой...
Такъ, молчалива и блѣдна,
Льетъ слезы горькія она.

XI.

И онъ едва не зарыдалъ
Надъ ней, но свой порывъ сдержалъ,
И предъ холодною толпой
Стоялъ спокойный и нѣмой.
Предъ ними онъ собой владѣлъ,
Но ей въ глаза взглянуть не смѣлъ,

А между тѣмъ въ душѣ больной
Тѣснились быстрой чередой
Воспоминанья прежнихъ дней...
Въ грядущемъ—ненависть людей,
И гнѣвъ небесъ, и злая месть
Отца... Ахъ, все готовъ онъ снесть,
Но ей каковъ грозитъ удѣлъ?
И на нее онъ не хотѣлъ,
Не могъ взглянуть, и тяжело
И ясно чувствовалъ все зло,
Что онъ принесъ себѣ и ей
Любовью грѣшною своей.

XII.

Азо сказалъ: „Вчера лишь я
Мечталъ, что дружная семья
Есть у меня... О, лживый сонъ!
Не повторится больше онъ.
Одинъ я долженъ дни влачить...
Но развѣ могъ я поступить
Иначе? Нѣтъ, ступай, Гуго!
Я приговора своего
Не измѣню... И настаетъ
Твой часъ. Тебя священникъ ждетъ.
Спѣши съ горячею мольбой:
Умрешь ты съ первою звѣздой.
Прощенье неба, можетъ быть,
Еще ты въ силахъ заслужить;
Но здѣсь намъ мѣста не сыскать,
Гдѣ-бъ мы могли вдвоемъ дышать.
Я не пойду на казнь... Жена,
Ты замѣнить меня должна!
Тебѣ пріятно посмотрѣть,
Какъ онъ съумѣетъ умереть!
На казнь пойдешь ты... Да, иди—
Дыханья нѣтъ въ моей груди...
О, скрой нечистыя черты!
Его убійцей будешь ты...
Ступай. Позорной казни видъ
Тебя, быть можетъ, оживитъ.

Тогда, примѣрная жена,
Ты жить по прежнему вольна"!

XIII.

Азо закрылъ глаза рукой.
Къ челу горячею волной
Вся кровь прихлынула его.
И, чтобъ волненья своего
Передъ толпой не обнажить,
Лицо свое спѣшитъ онъ скрыть...
Гуго, оковами звеня,
Промолвилъ: „Выслушай меня"!
И молча внемлетъ властелинъ,
Что въ оправданье скажетъ сынъ.
„Ты въ битвахъ видывалъ меня.
Мой конь отъ твоего коня
Не отставалъ. Мой вѣрный мечъ
Не мало видѣлъ грозныхъ сѣчъ.
Обильнѣй лилъ онъ кровь враговъ,
Чѣмъ твой палачъ пролить готовъ.
Повѣрь, я смерти не боюсь,
Легко я съ жизнью разстаюсь;
Но бѣдной матери обидъ
И моего рожденья стыдъ
Я не забылъ, отецъ, о, нѣтъ:
Въ душѣ остался страшный слѣдъ.
Теперь мы съ матерью моей
Разскажемъ сонмищу тѣней,
Какъ ты умѣлъ цѣнить любовь,
Какъ ты берегъ родную кровь.
Передъ тобой моя вина
Тобой самимъ порождена.
Ты знаешь самъ: жена твоя—
Невѣста бывшая моя.
Плѣнившись ей, ты сталъ искать,
Какъ у меня ее отнять.
Легко ты въ замыслѣ успѣлъ!
Ты ставить мнѣ въ упрекъ посмѣлъ
Мое рожденье—твой позоръ.
Коротокъ былъ неравный споръ...

Надежный мечъ и эта грудь
Себѣ пробили-бъ къ славѣ путь!
И предковъ Эсте длинный рядъ
Гордиться мною былъ-бы радъ.
Ужель на доблести даетъ
Намъ право только знатный родъ?
Когда летѣлъ въ толпѣ бойцовъ
Я съ крикомъ: „Эсте“! на враговъ,
Изъ гордыхъ принцевъ и князей
Кто былъ, скажи, меня смѣлѣй?
Я о винѣ своей молчу;
Отсрочки краткой не хочу.
Коль умереть мнѣ суждено,
Сейчасъ, потомъ, не все-ль равно?..
Къ чему мнѣ жить? Моя тоска,
Повѣрь мнѣ, слишкомъ глубока.
Пускай меня лишилъ твой грѣхъ
Рожденья знатнаго утѣхъ,
Но все-жъ въ иныхъ чертахъ лица
Напоминаю я отца.
И въ сердце гордое мое
Вложилъ, отецъ, ты все свое.
Ты далъ мнѣ свой мятежный нравъ,—
Но что съ тобой? Иль я не правъ?—
И мощь руки, и сердца жаръ—
Все это твой невольный даръ.
Смотри, отецъ: природа-мать
Тебя рѣшила наказать
И, возмущенная грѣхомъ,
Отмстила сыномъ-двойникомъ.
А что до жизни, то едва-ль
Ее теперь мнѣ больше жаль,
Чѣмъ было жаль свою тебѣ,
Когда, довѣрившись судьбѣ,
Мы вмѣстѣ мчались по тѣламъ
Во слѣдъ испуганнымъ врагамъ.
Вѣдь все, что манитъ впереди,
Сномъ скучнымъ станетъ позади...
Зачѣмъ не умеръ раньше я?
Моя невѣста, мать моя—
Одна, одна во слѣдъ другой,
У сына отняты тобой...

И все-жъ къ тебѣ какъ ко врагу
Я относиться не могу!
И хоть теперь твой судъ жестокъ,
Но развѣ быть инымъ онъ могъ?
Таковъ ужъ неба приговоръ:
Въ рожденьѣ—стыдъ, въ концѣ—позоръ.
Вѣдь ты во мнѣ казнишь заразъ
За общій грѣхъ обоихъ насъ.
Здѣсь судъ людской ко мнѣ такъ строгъ...
Такъ пусть же насъ разсудитъ Богъ!“

XIV.

Онъ замолчалъ. До всѣхъ ушей
Донесся тихій звонъ цѣпей,
И ранилъ онъ, какъ острый ножъ,
Сердца суровыя вельможъ.
Но все вниманье ихъ влечетъ
Лишь Паризина. Какъ снесетъ
Она судьбы тяжелый гнетъ?
Блѣдна, какъ смерть, стоитъ она,
Его несчастія вина.
Куда-то вдаль передъ собой
Вперила взоръ недвижный свой.
И точно вышли изъ орбитъ
Ея глаза. Былъ страшенъ видъ
Ея безжизненныхъ очей,—
Казалось, кровь застыла въ ней.
Порою мертвые глаза
Живила чистая слеза,
И, вѣрно, крупныхъ слезъ такихъ
Никто не видывалъ изъ нихъ.
Ея уста раскрылись. Вдругъ
Послышался неясный звукъ,
Какъ сердца раненаго стонъ,
Ея страданье выдалъ онъ...
И вновь она заговорить
Пыталась; но едва раскрыть
Могла уста, какъ въ тотъ же мигъ
Раздался безнадежный крикъ,
И, какъ стрѣлой поражена,

На землю грянулась она.
Лежитъ она у ногъ его,
Какъ съ пьедестала своего
Статуя сбитая грозой.
Кто-бъ въ этой женщинѣ нѣмой
И блѣдной, кто узналъ-бы ту,
Что такъ лелѣяла мечту
О счастьѣ, и могла такъ пасть,
Когда душой владѣла страсть?
Но все-жъ еще она была
Жива, и въ чувство вновь пришла.
А бѣдный разумъ изнемогъ
Подъ гнетомъ горя и тревогъ.
Несчастьемъ пораженный умъ
Рождаетъ хаосъ дикихъ думъ.
Такъ, отъ дождя намокшій лукъ
Ужъ не по прежнему упругъ,
И ослабѣвшей тетивой
Бросаетъ стрѣлы стороной.
Ей было прошлое блѣдно,
И все грядущее темно...
Въ немъ только проблески одни,
Какъ молній быстрые огни
Въ часъ бури злой, во тьмѣ ночей,
Путь освѣщали передъ ней.
Смертельный страхъ у ней въ груди,
Бѣда глухая позади,
Позоръ и стыдъ со всѣхъ сторонъ.
Что̀ это,—смерть, иль тяжкій сонъ?
Сейчасъ должны казнить... кого?
Она не помнитъ ничего.
Но все знакомо ей вокругъ...
И этихъ лицъ знакомъ ей кругъ...
Иль то враги? Зачѣмъ ихъ взоръ
Ей шлетъ презрѣнье и укоръ?
Въ груди тоска, въ глазахъ туманъ,
Несвязныхъ мыслей ураганъ....
То ужасъ сердце ей сожметъ,
То вдругъ надежда промелькнетъ,
И плача, и смѣясь, она
Оковы тягостнаго сна

Стремится сбросить поскорѣй...
Не удается это ей.

XV.

Чу!... звонъ протяжный и густой
Несется съ башни угловой.
И, какъ разлуки тяжкій стонъ,
Колоколовъ печальный звонъ
Улыбку гонитъ прочь съ лица,
Ложится гнетомъ на сердца.
Несется гимнъ колоколовъ
Для мирныхъ жителей гробовъ
И для того, кто изъ живыхъ
Сегодня ляжетъ среди нихъ.
Прощальный звонъ гудитъ волной,
Какъ плачъ о жизни молодой.
Ужъ часъ послѣдній наступилъ.
Гуго колѣна преклонилъ
Передъ своимъ духовникомъ.
Стоитъ съ блестящимъ топоромъ
Палачъ у плахи, а кругомъ
Надежной стражи виденъ рядъ.
Палачъ то кинетъ быстрый взглядъ
На свой топоръ, то имъ взмахнетъ,—
Руки подвижность узнаетъ.
Вокругъ густѣла между тѣмъ
Толпа. Хотѣлось видѣть всѣмъ,
Какъ сынъ умретъ подъ топоромъ,
На плаху преданный отцомъ.

XVI.

Былъ лѣтній вечеръ. Въ этотъ часъ
Еще блескъ солнца не погасъ.
Улыбкой вѣчною своей
Надъ горемъ мелочнымъ людей
Оно смѣялось. Лучъ его
Упалъ на голову Гуго
Въ тотъ мигъ, когда духовнику

Онъ повѣрялъ свою тоску
И съ нею грѣхъ послѣдній свой;
Затѣмъ, склонившись головой,
Внималъ онъ тѣмъ святымъ словамъ,
Что шлютъ забвеніе грѣхамъ.
Пока молитву онъ шепталъ,
Лучъ солнца весело игралъ
На шелковистыхъ волосахъ,
Волною темной на плечахъ
Лежавшихъ. Быстрая игра
Лучей на стали топора
Еще казалась веселѣй.
Ужасный часъ! Никто изъ всей
Толпы, какъ ни былъ онъ жестокъ,
Сдержать дрожь ужаса не могъ.
Великъ былъ грѣхъ. Законъ былъ строгъ.

XVII.

Слова напутственной мольбы
Надъ тѣмъ, кто волею судьбы
Былъ злымъ соперникомъ отца,
Ужъ отзвучали до конца.
Грѣховъ и четокъ длинный счетъ
Оконченъ. Онъ сейчасъ умретъ.
Ужъ сброшенъ плащъ, и со своей
Волной каштановыхъ кудрей
Разстаться долженъ онъ сейчасъ,
И это кончено. Заразъ
Онъ долженъ платье снять свое
И шарфъ, безцѣнный даръ ея.
И завязать глаза платкомъ
Они хотятъ ему потомъ.
Но нѣтъ! Подобнаго стыда
Онъ не допуститъ никогда.
Все, что̀ въ груди давно таилъ,
Въ порывѣ гнѣва онъ излилъ,
Платокъ у палача въ рукахъ
Увидѣвъ. Какъ? Иль низкій страхъ
Дорогу зналъ къ душѣ его?
„Ужель вамъ мало моего

Дыханья, крови, смертныхъ мукъ,
Закованныхъ въ желѣзо рукъ?
Повязку трусовъ бросьте прочь!
Мнѣ не страшна могилы ночь;
Руби!"—И смѣло положилъ
На плаху голову. То былъ
Его послѣдній звукъ земной.
Топоръ блеснулъ надъ головой.
Глухой ударъ—и вмигъ она
Отъ сильныхъ плечъ отдѣлена,
И крови пурпурный потокъ
Изъ раны хлынулъ на песокъ!
Движенье губъ... дрожанье вѣкъ...
И все затихло въ немъ на вѣкъ.
Такъ умеръ онъ. Передъ концомъ
Онъ примиреніе съ Творцомъ
Мольбой горячей заслужилъ,
Когда предъ старцемъ онъ склонилъ
Колѣно, въ жизни для него
Не оставалось ничего.
Отецъ, любовь его... Далекъ
Онъ былъ отъ нихъ. И злой упрекъ
Былъ чуждъ молящимся устамъ.
Въ немъ все стремилось къ небесамъ.
Онъ измѣнилъ себѣ лишь разъ,
Когда просилъ повязкой глазъ
Передъ концомъ не закрывать,
Послѣднимъ взоромъ чтобъ послать
Всему прощальный свой привѣтъ
Предъ тѣмъ, какъ кинуть этотъ свѣтъ.

XVIII.

Въ толпѣ царила тишина.
И грудь у каждаго полна
Была смятеньемъ и тоской.
Когда раздался звукъ глухой,
Всѣ содрогнулись, словно токъ
Чрезъ нихъ прошелъ. Никто не могъ
Свой вздохъ глубокій удержать;
И продолжали всѣ молчать.

Вотъ въ тишинѣ раздался вдругъ
Ужасный крикъ. Гдѣ этотъ звукъ
Родился? Такъ могла лишь мать
Надъ трупомъ сына закричать.
Иль это стонъ души больной?
А звукъ неровною волной
Межъ тѣмъ сквозь темный переплетъ
Дворцовыхъ оконъ вверхъ плыветъ.
Всѣ оглянулись. Но окно
Уже безмолвно и темно.
То былъ крикъ женщины. Едва-ль
Рождала жгучая печаль
Когда-нибудь подобный крикъ.
Невольно всякій въ этотъ мигъ
Больному сердцу пожелалъ,
Чтобъ жизнь тотъ крикъ ему прервалъ.

XIX.

А гдѣ-жъ она? Ея лица
Въ бесѣдкахъ, въ комнатахъ дворца
Никто ужъ больше не встрѣчалъ,
Никто отнынѣ не назвалъ
Ее по имени. Оно
Забвенью также предано.
Самъ князь отнынѣ никогда
Не называлъ ихъ... Шли года,
Исчезла память, словно дымъ.
Холма могильнаго надъ нимъ
Никто насыпать не хотѣлъ.
Ея-жъ невѣдомый удѣлъ
Навѣки былъ окутанъ тьмой,
Какъ прахъ подъ крышкой гробовой.
Иль въ монастырь она ушла
И тамъ спасенье обрѣла
Цѣной нерадостныхъ годовъ
Поста, раскаянья, трудовъ?
Иль тайный ядъ, или кинжалъ
Ея измѣну покаралъ?
Иль разомъ, вмѣсто долгихъ мукъ,
Ее сразилъ короткій звукъ,

Когда топоръ, блеснувъ, упалъ?
Быть можетъ, Богъ тогда послалъ
Ей смерть по благости своей...
Не зналъ никто, что было съ ней.
Одно лишь ясно: умерла
Она въ страданьѣ, какъ жила...

XX.

Вокругъ Азо опять семья:
Жена, красавцы сыновья...
Но ихъ не могъ онъ полюбить.
Онъ сына перваго забыть
Ужъ никогда не въ силахъ былъ.
Съ печальнымъ вздохомъ онъ слѣдилъ
За ростомъ юныхъ сыновей.
Своихъ нахмуренныхъ бровей
Онъ никогда не раздвигалъ;
Никто изъ близкихъ не видалъ
Его улыбки или слезъ.
Морщины, слѣдъ житейскихъ грозъ,
Съ собой мучительной борьбы,
Рѣзцомъ безжалостной судьбы
На лбу прорѣзаны его.
Все миновало для него,
Все, кромѣ ряда скучныхъ дней
И злой безсонницы ночей;
Равно чужда ему была
Людская брань иль похвала.
Смотрѣть въ себя онъ избѣгалъ,
А самъ въ борьбѣ изнемогалъ:
Онъ ихъ досель не могъ забыть,
И имъ досель не могъ простить!
И подъ нахмуреннымъ челомъ
Порой кипѣла жизнь ключомъ.
Зимой студеной такъ вода
Бѣжитъ подъ толстымъ слоемъ льда,
Иль чувства, вложенныя въ грудь
Природой, могутъ такъ заснуть?
Коль непослушная слеза
На наши просится глаза

И мы усильемъ превозмочь
Ее хотимъ и гонимъ прочь,—
Она течетъ къ себѣ, назадъ,
Въ родникъ души. Тамъ чудный кладъ
Незримыхъ слезъ. И не даетъ
Замерзнуть имъ наружный ледъ.
Но, если прежнихъ чувствъ подъемъ
Не умиралъ съ годами въ немъ,
То имъ заполнить пустоту
Не могъ онъ. Сладкую-жъ мечту
Загробной встрѣчи не питалъ.
И хоть онъ ясно сознавалъ,
Что судъ его былъ справедливъ,
Что, грѣхъ ужасный совершивъ,
Они одни судьбы своей—
Вина, но все-жъ остатокъ дней
Влачилъ онъ съ тайною тоской....
Такъ, если бережной рукой
Древесный стволъ освободить
Отъ старыхъ сучьевъ,—будетъ жить
Онъ съ этихъ поръ еще полнѣй;
Но коль шатеръ живыхъ вѣтвей
Огонь небесный опалитъ,
Ничто ужъ стволъ не оживитъ,
И, въ холодъ смерти погруженъ,
Не дастъ зеленыхъ листьевъ онъ.

Перев. С. Ильинъ.

ВОСПОМИНАНІЯ
СТАРАГО ЗЕМЦА

Окончаніе.

X [1]).

Прошло нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ у меня составилось опредѣленное мнѣніе относительно значенія въ деревенской жизни народной школы. Какъ предводитель дворянства, я былъ предсѣдателемъ уѣзднаго училищнаго совѣта, завѣдывавшаго персоналомъ учителей и всей учебной частью; по должности предсѣдателя земской управы, подъ моимъ непосредственнымъ наблюденіемъ находились всѣ ассигнуемыя на народное образованіе средства. Судьба народной школы въ N—скомъ уѣздѣ такимъ образомъ находилась, до извѣстной, довольно значительной степени, въ моихъ рукахъ. И до службы, и въ ея началѣ, я придавалъ народной школѣ не только громадное, но первенствующее значеніе,—видѣлъ въ ней чуть ли не панацею отъ всѣхъ деревенскихъ золъ и напастей. Главнымъ врагомъ я считалъ мужицкое невѣжество;—главнымъ орудіемъ, слѣдовательно, должно было быть образованіе. Успѣшная народная школа была въ моихъ глазахъ залогомъ успѣшной борьбы съ невѣжествомъ. Это, впрочемъ, была доминирующая идея того времени. Къ сожалѣнію, не имѣя абсолютно никакихъ познаній ни въ педагогіи вообще, ни въ спеціальностяхъ народно-школьнаго дѣла въ осо-

---

[1]) См. выше: октябрь, стр. 619.

бенности, я не могъ считать себя хоть сколько-нибудь компетентнымъ какъ въ опредѣленіи степени полезности учителей, такъ и въ цѣлесообразности ихъ учебныхъ пріемовъ и методовъ. А это, конечно, было однимъ изъ главныхъ пунктовъ, и въ этомъ отношеніи мнѣ пришлось всецѣло опереться на опытъ и знанія другихъ членовъ училищнаго совѣта. Членами въ немъ отъ земства были вначалѣ Л. и, кажется, Николай Иванычъ; затѣмъ Л. и П.; Л. былъ слишкомъ тяжелъ на подъемъ, и принималъ участіе только въ засѣданіяхъ совѣта, разъ въ два мѣсяца, когда пріѣзжалъ на съѣздъ судей; послѣ того, какъ онъ вышелъ въ отставку, онъ ни разу не присутствовалъ и на нихъ. Школъ на мѣстахъ, насколько мнѣ извѣстно, онъ никогда не посѣщалъ. П. былъ выбранъ той же осенью въ члены губернской земской управы, жилъ въ Z., за 300 слишкомъ верстъ, пріѣзжалъ въ имѣніе только лѣтомъ, и потому тоже не могъ принимать какого-либо активнаго участія въ дѣлѣ. Такимъ образомъ, земство имѣло только номинальное представительство въ совѣтѣ. Члены, священникъ и смотритель уѣзднаго училища, о дѣятельности которыхъ я уже говорилъ въ одной изъ предъидущихъ главъ, ворочали всѣмъ учебнымъ дѣломъ;—по ихъ же представленіямъ опредѣлялось учительское жалованье и издерживались деньги на книги, учебныя пособія, и т. д. Насколько я могъ судить, дѣло велось по возможности удовлетворительно, пока они были въ немъ почти самостоятельными. Съ учрежденіемъ института директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ этотъ порядокъ сразу круто измѣнился. Смотритель уѣзднаго училища былъ очень скромный, уже пожилой человѣкъ, которому сравнительно недолго оставалось до пенсіи; съ пріѣздомъ инспектора, который дѣлался его прямымъ и непосредственнымъ начальникомъ, онъ сразу утратилъ всякій интересъ къ народной школѣ, и сталъ относиться къ ней только строго формально;—онъ шепнулъ мнѣ втихомолку, что „пуганая ворона куста боится“, и очевидно не желалъ ни дѣлать какихъ-либо распоряженій, ни аттестовать учителей, боясь какъ-нибудь, въ чемъ-нибудь, хотя бы невольно, поперечить начальству. Училищный совѣтъ совершенно потерялъ его очень цѣнную дотолѣ помощь. Такіе-то факты,—а ихъ мнѣ пришлось пережить не мало за время моей службы,—и привели меня къ тѣмъ заключеніямъ о значеніи самостоятельности въ какой-либо работѣ, которыя я высказалъ въ предъидущей главѣ. Смотритель былъ очень друженъ съ священникомъ,—который, кстати, до новаго положенія, и былъ выборнымъ предсѣдателемъ совѣта;—народная школа до нашествія инспектора была ихъ конькомъ и

гордостью;—я думаю, что и полное довѣріе земства, и тѣ горячія благодарности, которыя высказывались имъ каждымъ собраніемъ, играли нѣкоторую роль. Когда смотритель отстранился такъ рѣзко,—и священникъ уже не могъ чувствовать прежней охоты и рвенія; прежде у него былъ симпатичный ему соработникъ, съ которымъ онъ сжился и столковался, — а его мѣсто занялъ новый пріѣзжій чинъ, державшій себя совсѣмъ на другой ногѣ, чѣмъ смиренный смотритель;—это было уже начальство, хотя и постороннее священнику, но все-таки начальство. Личность инспектора совсѣмъ не сохранилась въ моей памяти;—я не сомнѣваюсь, что это былъ болѣе или менѣе безцвѣтный человѣкъ, такъ какъ я отлично помню всѣхъ, даже хоть чѣмъ-нибудь отличавшихся канцелярскихъ писцовъ; но хотя онъ и былъ безцвѣтенъ и незначителенъ, какъ общественный дѣятель, несомнѣнно то, что засѣданія училищнаго совѣта совершенно измѣнили свой характеръ.

Здѣсь будетъ у мѣста описать работу и дѣятельность всѣхъ подобныхъ уѣздныхъ коллегіальныхъ учрежденій. Большинство ихъ состава было одно и то же,—мѣнялись только нѣкоторые члены, смотря по присутствію. Читатель уже знакомъ съ ихъ персоналомъ въ N—скомъ уѣздѣ. Я, какъ предсѣдатель, исправникъ и Николай Иванычъ, какъ членъ отъ земской управы, засѣдали во всѣхъ; затѣмъ въ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ засѣдалъ непремѣнный членъ, вышеописанный И.; въ воинскомъ—представитель отъ военнаго вѣдомства, и, во время призыва, отъ мѣстныхъ жителей призывнаго участка и врачи. Составъ училищнаго совѣта подробно описанъ выше. По воинскому присутствію у насъ никогда не было никакихъ пререканій или личныхъ недоразумѣній. Оно съ самаго начала предоставило какъ толкованіе различныхъ, не вполнѣ ясныхъ статей устава, такъ и все дѣлопроизводство относительно приведенія его въ исполненіе—въ мое распоряженіе; ни споровъ, ни препирательствъ никогда не было и дѣло шло чрезвычайно гладко; — всѣ члены относились къ нему только формально, присутствовали въ засѣданіяхъ въ смыслѣ отбыванія одной изъ повинностей ихъ служебнаго положенія. Въ крестьянскомъ присутствіи споры были постоянные и хроническіе, хотя и никогда не выходили за его предѣлы, — мы улаживали ихъ между собою. Я, непремѣнный членъ и Николай Иванычъ неизмѣнно были на одной сторонѣ противъ исправника по двумъ вопросамъ—относительно продажи крестьянскаго имущества за недоимки и взысканій съ волостного и сельскаго начальства властью исправника единолично, какъ уѣзд-

наго полицейскаго начальника. Право этихъ взысканій за какія бы то ни было упущенія по должности—наказаній арестомъ при полицейскомъ управленіи,—что̀ означало пріѣздъ наказаннаго въ городъ,—или при волостномъ правленіи и штрафованія деньгами—принадлежало уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, какъ коллегіи; но исправникъ, кромѣ того, имѣлъ то же право и въ тѣхъ же размѣрахъ, и въ отдѣльности, но только за нерадѣніе и упущенія этого деревенскаго начальства по взысканію повинностей; на практикѣ это ограниченіе, конечно, не соблюдалось, и, въ сущности, все выборное крестьянское начальство было подвержено произволу исправника. Взысканіе повинностей лежало цѣликомъ на обязанностяхъ полицейскаго управленія;—крестьянское присутствіе только разсматривало описи крестьянскаго имущества, назначеннаго въ продажу за недоимки, и составлявшіяся полиціей, и разрѣшало, согласно особому закону, вопросъ о томъ, что̀ можетъ быть продано безъ ущерба для мужицкаго хозяйства. Этотъ-то порядокъ и вызывалъ столкновенія съ исправникомъ. На волости недоимка—исправника понуждаютъ сверху и грозятъ выгнать со службы, если эта недоимка не будетъ пополнена къ извѣстному числу; у мужиковъ денегъ нѣтъ—становой приставъ опишетъ имущество цѣлой деревни или сельскаго общества, а крестьянское присутствіе не разрѣшитъ продать ничего кромѣ куръ,—исправникъ озлится и засадитъ все выборное начальство волости въ кутузку. Онъ былъ незлой и неглупый человѣкъ, но своя рубашка ближе къ тѣлу. И чтобъ отсидѣть три дня, старшинѣ, писарю, сельскимъ старостамъ, сборщикамъ,—иногда человѣкамъ двадцати—приходится тащиться въ городъ, за 100, даже за 150 верстъ;—недоимочныя волости были въ то же время и самыя отдаленныя отъ города. При моихъ разъѣздахъ по уѣзду, мнѣ не разъ приходилось пріѣхать въ волостное правленіе и не найти во всей волости ни одного выборнаго крестьянскаго чина:—они „отсиживали за недоимку“ всѣмъ кагаломъ. Другими методами, употреблявшимися полиціей для взысканія недоимокъ, которымъ крестьянское присутствіе тоже противодѣйствовало по возможности, были порка недоимщиковъ по приговорамъ волостныхъ судовъ и примѣненіе круговой поруки. Становой, выбивая недоимку, сзывалъ волостной судъ—конечно, формально, этимъ якобы вполнѣ завѣдывало волостное правленіе,—и тотъ   дралъ безъ всякаго милосердія праваго и виноватаго, кого указывалъ становой. Примѣненіе круговой поруки въ имѣніяхъ отдѣльныхъ помѣщиковъ, а затѣмъ въ сельскихъ обществахъ, было коренным образомъ

извращено административными разъясненіями и циркулярами сравнительно съ тѣмъ, какъ порука эта устанавливалась Положеніемъ 19 февраля 1861 года, и за все время моей службы я боролся всячески противъ этого беззаконнаго, какъ мнѣ казалось, примѣненія. Тѣмъ не менѣе, становой успѣвалъ, бывало, преблагополучно перепороть цѣлую треть волости и удачно воспользоваться страхомъ, нагоняемымъ на мужиковъ даже упоминаніемъ о круговой порукѣ, прежде чѣмъ вѣсти объ его энергіи доходили до кого-либо изъ насъ, и въ результатѣ получалось только длинное препирательство съ исправникомъ на слѣдующемъ засѣданіи крестьянскаго присутствія. Да и, оставаясь безпристрастнымъ, нельзя было въ сущности и жаловаться на такой образъ дѣйствій полиціи. Развѣ мировые посредники, стоявшіе по службѣ совсѣмъ въ другомъ положеніи, чѣмъ становые пристава, не дѣлали совершенно то же самое, передъ тѣмъ, какъ взысканіе повинностей было возложено на полицію? Развѣ исправникъ не зналъ и этого, и того, что все это было хорошо мнѣ извѣстно? Онъ былъ далеко не дуракъ, и, при подобныхъ условіяхъ, могъ аргументировать въ свою пользу не безъ успѣха.

Когда „негодяйство“ развилось въ большихъ размѣрахъ и грозило въ концѣ концовъ деморализировать все дѣло крестьянскаго управленія, мы вступили съ исправникомъ въ систематическую борьбу по поводу его права налагать взысканія. Я особенно хорошо помню одинъ случай. И мое имѣніе, и имѣніе непремѣннаго члена, находились въ предѣлахъ одной и той же волости, довольно большой и по территоріи, и по населенію,—она тянулась верстъ на 40 съ востока на западъ и верстъ на 30 съ юга на сѣверъ, и въ ней было съ чѣмъ-то 3.500 м. душъ, т.-е. около 7.000 жителей обоего пола. И волостное, и сельское начальство состояло долгое время изъ типичныхъ „негодяевъ“; дѣла и волостного правленія, и волостного суда были въ самомъ плачевномъ положеніи. Намъ обоимъ было просто совѣстно за такое состояніе волости, въ которой мы сами проживали, и мы долго работали надъ тѣмъ, чтобы привести ее въ порядокъ, — нашли порядочнаго писаря, и, когда подошли выборы, уговорили съ большимъ трудомъ идти въ старшины одного хорошо намъ извѣстнаго еще молодого мужика, грамотнаго и дѣльнаго; онъ согласился только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы мы гарантировали ему свободу отъ „высидокъ“. Это былъ мужикъ съ необычнымъ въ мужикѣ чувствомъ собственнаго достоинства, бывалый въ столицахъ и понимавшій, что именно намъ отъ него было нужно. Вмѣстѣ съ нимъ было выбрано нѣсколько дѣльныхъ мужиковъ и въ сельскіе

старосты. Онъ взялся за дѣло очень энергично, изгналъ водку изъ волостного правленія, привелъ въ порядокъ дѣлопроизводство, часто ѣздилъ при этомъ къ которому-нибудь изъ насъ, кто былъ дома, чтобы посовѣтоваться обо всемъ, что было ему неясно,—дѣло, по всѣмъ видимостямъ, должно было пойти на ладъ. Еще передъ выборами я сообщилъ исправнику о нашемъ условіи съ этимъ новымъ старшиной, и онъ согласился на него,—и ему эта волость давно надоѣла своими безпорядками и безначаліемъ. Исправникъ крѣпился съ полгода; но годъ былъ плохой, волость была очень недоимочная, и въ одинъ прекрасный день онъ не вытерпѣлъ и засадилъ-таки нашего протеже въ кутузку. Я былъ въ отлучкѣ изъ уѣзда,—но непремѣнный членъ нарочно поѣхалъ въ городъ и имѣлъ съ исправникомъ самое бурное объясненіе, которое, однако, ничему не помогло, такъ какъ исправникъ сослался на спеціальное предписаніе изъ „губерніи" именно по поводу этой волости, и изобразилъ изъ себя козла отпущенія;—правда это была или нѣтъ, мы, конечно, не знали, и проектированный реформаторъ-старшина отсидѣлъ-таки свою порцію—и немедленно затѣмъ представилъ медицинское свидѣтельство о болѣзни и вышелъ въ отставку; его смѣнилъ кандидатъ „негодяй", и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ, и волость такъ и продолжала оставаться хаосомъ. Мы съ непремѣннымъ членомъ искренно погоревали, такъ какъ это было все, что намъ оставалось въ утѣшеніе. Онъ разсказалъ мнѣ, что старшина горько плакалъ, когда сообщалъ ему о приказѣ исправника, и упрекалъ насъ обоихъ въ томъ, что мы его обманули. А что мы могли подѣлать? Жаловаться губернатору на исправника за то, что онъ исполнилъ его предписаніе, причемъ воспользовался предоставленной ему закономъ дискреціонной властью? Не была ли бы такая жалоба очевиднымъ донъ-кихотствомъ?

Хотя недоимки и ихъ взысканіе и касались меня въ моей служебной дѣятельности непосредственно только очень, повидимому, отдаленно, только по одностороннему, сравнительно, вопросу о разсмотрѣніи описей крестьянскаго имущества и разрѣшенія продажъ, тѣмъ не менѣе онѣ имѣли во всей нашей уѣздной жизни самое существенное значеніе. Благодаря градобитіямъ, частнымъ неурожаямъ отъ червей и морозовъ, падежамъ скота и лошадей, и растратамъ, онѣ, съ теченіемъ времени, все накоплялись. Несмотря на такія исключенія, какъ казенныя волости и нѣкоторыя отдѣльныя, мелкія, особенно счастливо расположенныя мѣстности, въ общемъ уѣздъ былъ очень бѣдный, и безусловно, и относительно. Какъ ни усердствовала полиція—

усердіе это часто пахло медвѣжьими услугами дѣлу, — какъ ни надсѣдалось волостное и сельское начальство, поощряемое высидками и штрафами,—накопленіе недоимокъ къ концу моей службы дошло до того что потребовались спеціальныя мѣры. Платежныя силы населенія не соотвѣтствовали предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ, и это несоотвѣтствіе не могло быть устранено никакими строгостями. Я всегда думалъ, что поземельная собственность уѣзда, какъ цѣлое, не приносила ренты. За отсталостью всѣхъ методовъ производства, доходившей, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, до абсолютно негодной, отжившей свое время устарѣлости, производительность земли была слишкомъ низка и не оплачивала положеннаго на нее труда. Много-много если она кормила и содержала населеніе,—наличныя же деньги на повинности были такимъ налогомъ, который долженъ былъ добываться откуда-нибудь извнѣ. Разъ на извѣстной деревнѣ, сельскомъ обществѣ, волости, образовалась недоимка,—она, по самой силѣ вещей, должна была рости, такъ какъ къ нехваткѣ, къ дефициту одного года присоединялась нехватка слѣдующаго. Въ N-скомъ уѣздѣ недоимки завелись послѣ перваго же года по освобожденіи крестьянъ, и росли съ тѣхъ поръ то медленнѣе, то быстрѣе, смотря по количеству и качеству обуревавшихъ уѣздъ время отъ времени естественныхъ невзгодъ. Уже черезъ пятнадцать лѣтъ по введеніи Положенія, уѣздъ былъ въ неоплатномъ долгу и потребовались спеціальныя мѣры. Ихъ неизбѣжность была ясна для меня еще задолго до того, какъ въ „губерніи“ заговорили о разсрочкѣ накопившихся недоимокъ въ годы. Мѣстныя изслѣдованія по кадастру и, въ особенности, внимательное изученіе описей полиціей крестьянскаго имущества, повторявшихся каждый годъ и съ каждымъ годомъ охватывавшихъ все бо̀льшіе и бо̀льшіе районы, убѣждали меня, что такія разсрочки были бы только безполезной тратой времени и работы—и я не сомнѣвался, что если текущіе оклады останутся въ тѣхъ же размѣрахъ,—не только не могло быть никакой надежды на сборъ разсроченныхъ суммъ, но и неизбѣжно было бы наростаніе новыхъ недоимокъ въ прежнихъ же размѣрахъ;— другими словами, черезъ другія пятнадцать лѣтъ, не только разсроченная недоимка оказалась бы неприкосновенной, но и накопилась бы свѣжая, приблизительно въ той же суммѣ. Вся энергія, всѣ способности уѣздной полиціи были посвящены и направлены на взысканіе недоимокъ; всѣ предоставленные въ ея распоряженіе мѣры и способы были ею постоянно натягиваемы до прямого пересаливанія, до безспорныхъ превышеній власти; уси-

лить строгость въ этомъ отношеніи было *нельзя*, и я не сомнѣвался, что уѣздъ платилъ каждый годъ рѣшительно все, что изъ него можно было „выколотить" всяческими правдами и неправдами. Если уѣздная полиція и не была, конечно, совершенствомъ въ отправленіи всѣхъ своихъ обязанностей, если она и относилась больше чѣмъ безразлично ко многимъ изъ нихъ и отлично пользовалась умѣньемъ класть дѣло подъ сукно, когда это можно было сдѣлать безнаказанно,—въ дѣлѣ взысканія недоимокъ она несомнѣнно дѣлала все, что была въ силахъ, и даже немножко больше. Значитъ, недоимки были зломъ органическимъ, такимъ, которое не зависѣло отъ мѣстныхъ служащихъ, и прекращеніе ихъ не могло быть дѣломъ нашихъ рукъ. Мы были безсильны.

Однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ, обезкураживающихъ эпизодовъ въ теченіе всей моей службы было словесное столкновеніе съ губернаторомъ по поводу этихъ недоимокъ. Когда вопросъ о ихъ разсрочкѣ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ высшими сферами, онъ вызвалъ меня, непремѣннаго члена и исправника въ губернскій городъ для присутствованія въ спеціальномъ засѣданіи губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, имѣвшемъ цѣлью формальное опредѣленіе новыхъ сроковъ взысканія для разныхъ мѣстностей нашего уѣзда. Я былъ глубоко, непоколебимо убѣжденъ въ совершенной безполезности подобныхъ палліативовъ, и произнесъ горячую рѣчь на эту тэму, подтвердивъ ее всѣми имѣвшимися въ моемъ распоряженіи свѣдѣніями. Память у меня вообще превосходная, и я привелъ цѣликомъ массу фактовъ, основанныхъ на описяхъ и мѣстныхъ изслѣдованіяхъ. Губернаторъ слушалъ меня очень вѣжливо, но съ несомнѣнно усталымъ выраженіемъ. Все это было такъ безполезно, такъ ненужно, такой пустой и безцѣльной тратой времени! Мы были вызваны совсѣмъ не затѣмъ, чтобы разсуждать, а затѣмъ, чтобы формально выполнить незначительныя детали извѣстной программы и скрѣпить ее нашимъ подписомъ. Когда я кончилъ, онъ нѣсколькими фразами выяснилъ это, и круто перешелъ къ бумажной части, къ вѣдомостямъ и спискамъ, привезеннымъ исправникомъ, и въ полчаса засѣданіе было окончено и закрыто. Оставалось только раскланяться, благодарить за одолженіе и ѣхать по домамъ. Но еще прежде, чѣмъ я оставилъ залу засѣданія, я рѣшилъ безповоротно выйти въ отставку при первой возможности.

Да проститъ меня читатель за это, повидимому, слишкомъ вольное отступленіе отъ нити моего разсказа. Оно было необ-

ходимо, дабы имѣть возможность ниже уяснить основу моего взгляда на народную школу.

Помимо этихъ столкновеній изъ-за недоимокъ и взысканій, исправникъ всегда держалъ себя во всѣхъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ очень корректно. Онъ былъ человѣкъ необразованный, но не безъ такта,—сидѣлъ и молчалъ, или втихомолку бесѣдовалъ съ Николаемъ Иванычемъ. Этотъ послѣдній очень гордился своимъ членствомъ во всѣхъ этихъ присутствіяхъ и совѣтахъ, и неизмѣнно на нихъ присутствовалъ, но тоже обыкновенно молчалъ и голосовалъ всегда со мной. Со вступленіемъ въ училищный совѣтъ инспектора, его засѣданія приняли строго оффиціальный, формальный характеръ. То было особенное время, когда правительство настойчиво и громко говорило о крамолѣ,—и инспекторъ народныхъ училищъ былъ принятъ обществомъ прежде всего въ качествѣ новаго „ока“ для наблюденія за порядкомъ;—мѣстные остряки говорили, что училищный совѣтъ, конечно, учрежденіе опасное, если для него было недостаточно вездѣприсущаго монокля—исправника, а понадобились цѣлые очки. Всѣ мы, конечно, отлично знали, что ни совѣтъ, ни N—скіе народные учителя, не нуждались въ какомъ-либо наблюденіи въ этомъ родѣ,—за все время существованія земскихъ школъ, съ ними никогда не только не случалось никакого скандала, но и никогда и никѣмъ не высказывалось даже никакихъ подозрѣній,—все несомнѣнно обстояло вполнѣ благополучно,—и появленіе въ нашей средѣ инспектора подѣйствовало только какъ нѣчто въ родѣ неожиданнаго и незаслуженнаго холоднаго душа. Существовавшія въ совѣтѣ внутренняя связь и единство дѣйствія были разорваны и нарушены — также поспѣшно и внезапно, какъ прекращается интимный разговоръ при появленіи чужого человѣка, да еще принимаемаго присутствующими, правильно или нѣтъ, за любопытствующее „око“. Мнѣ было достовѣрно извѣстно, что даже исправникъ былъ нѣсколько обиженъ профессіонально;—онъ былъ временами самолюбивъ, и, когда бывалъ навеселѣ, любилъ хвастаться „благонадежностью ввѣреннаго мнѣ уѣзда“.

Предполагалось, что за благоденствіемъ и процвѣтаніемъ народныхъ школъ, кромѣ училищнаго совѣта и земской управы, наблюдаютъ еще и попечители изъ мѣстныхъ жителей, избиравшіеся ежегодно земскимъ собраніемъ. Въ дѣйствительности же, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, это было самой пустой формальностью. Многіе изъ нихъ ни разу не посѣщали ввѣренныхъ ихъ попеченію школъ; другіе ограничивались присылкой какихъ-нибудь книжекъ или пособій. Сколько-нибудь живой связи

между ними и школами не было. Выбирались они обыкновенно изъ мѣстныхъ помѣщиковъ или ихъ женъ—иногда изъ приходскаго духовенства, иногда, впрочемъ рѣдко, изъ богатыхъ мужиковъ волости. Школъ на весь уѣздъ было около сорока; расположены онѣ были обыкновенно въ самыхъ большихъ селеніяхъ, и пользовались ими почти исключительно ребята этихъ селеній. Весь остальной уѣздъ обходился совсѣмъ безъ школъ. Составъ учителей и, въ особенности, учительницъ, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить выше, былъ очень порядочный, гораздо выше того, что я ожидалъ встрѣтить, когда началъ свою земскую службу, и несравненно лучше, напримѣръ, фельдшерскаго или средняго канцелярскаго персонала. По моимъ наблюденіямъ, всего лучше соотвѣтствовали требованіямъ дѣла семинаристы и дочери мѣстнаго духовенства, получившія образованіе въ губернской земской женской учительской школѣ. Они, во-первыхъ, знали деревенскія жизненныя условія и удовлетворялись ими; во-вторыхъ, гораздо дольше всѣхъ остальныхъ удерживались на мѣстахъ. Учителя изъ городскихъ классовъ населенія, не знакомые на опытѣ съ деревней, если, можетъ быть, и обладали высшимъ умственнымъ развитіемъ, рѣдко выносили эту жизнь,—обыкновенно они убѣгали очень скоро. Жизнь эта была всегда неприглядна и часто невыносима. Только очень немногіе получали по 300 и 240 рублей въ годъ жалованья,—большинство должно было довольствоваться 200, 180, 150 и даже 120 рублями. Въ среднемъ учительское жалованье было ниже двухъ-сотъ рублей въ годъ,—и все-таки оно было высшимъ въ губерніи. Квартира почти всегда холодная и угарная; столъ самый примитивный, съ мясомъ только по великимъ праздникамъ; общества—почти или вовсе никакого. Учитель, если онъ желалъ продолжать жить и умственно, долженъ былъ разчитывать почти исключительно на свои собственные, личные рессурсы,—окружавшая его среда не располагала ими. Доставать книги было очень трудно; только немногіе могли выписывать журналъ или газету. А на мой взглядъ, учительская дѣятельность особенно трудна и требовательна; учителю необходимѣе обновленіе и воспріятіе извнѣ новыхъ силъ, больше, чѣмъ кому-либо, такъ какъ ему все время приходится дѣлиться своими рессурсами съ своими учениками, особенно въ деревнѣ, такъ бѣдной впечатлѣніями вообще. Несмотря на всѣ эти серьезнѣйшія препятствія, мнѣ казалось, что школьное дѣло уѣзда находилось въ удовлетворительномъ состояніи;—бѣда была въ томъ, что оно было такъ мало, такъ незначительно сравнительно съ тѣмъ, что было дѣйствительно необходимо; это была

капля въ морѣ, расплывавшаяся въ океанѣ невѣжества и не производившая на него никакого впечатлѣнія. Бюджетъ N—скаго уѣзда на народное образованіе былъ больше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ сосѣднемъ уѣздѣ, насколько помню, больше, чѣмъ въ какомъ-либо уѣздѣ губерніи; уѣздъ былъ бѣдный, недоимочный, и увеличить этотъ бюджетъ хоть сколько-нибудь замѣтно было невозможно,—а мы, очевидно, не имѣли и двадцатой доли того, что̀ могло бы оказать существенное вліяніе хотя бы въ будущемъ. Полный курсъ народной школы былъ очень узокъ, и не могъ удовлетворять даже самымъ скромнымъ требованіямъ; это былъ, такъ сказать, мужицкій курсъ, такъ же строго обособленный и ограниченный, какъ и самъ мужикъ,—но и его кончали только десятки въ цѣломъ уѣздѣ;—громадное большинство отставало, походивъ въ школу годъ, два, и ограничивалось простыми азами, которые вскорѣ потомъ совершенно забывались и не оставляли по себѣ никакого слѣда. Даже льготы, данныя новымъ уставомъ о воинской повинности кончившимъ курсъ въ народныхъ школахъ, оказали только самое незначительное вліяніе на ихъ число. Благодаря этому, земская школьная статистика, какъ ни незначительны были ея цифры—на 250.000 жителей обоего пола числилось съ чѣмъ-то 2.000 учащихся—неизбѣжно вводила собою изслѣдователя въ серьезнѣйшія заблужденія. Дѣйствительное значеніе этихъ цифръ было извѣстно, помимо учителей, только очень немногимъ лицамъ, и оптимистическія разсужденія о значеніи народной школы были всегда построены на этомъ и подобныхъ ему недоразумѣніяхъ. Кончившаго курсъ въ народной школѣ ученика можно было назвать только грамотнымъ—и то далеко не всегда,—а и онъ обходился нашему нищему земству, по моимъ вычисленіямъ, слишкомъ въ сто рублей, то-есть, значительно больше, чѣмъ весь годовой бюджетъ цѣлой средней крестьянской семьи. Съ теченіемъ времени я отлично понялъ, что̀ значила такая сумма въ деревенской жизни, и, имѣя въ виду, что весь уѣздъ каждый годъ заканчивалъ дефицитомъ и уже былъ въ состояніи неоплатнаго должника, я не могъ не придти къ тому заключенію, что разсчитывать хоть сколько-нибудь серьезно на народное образованіе при такихъ условіяхъ было бы не чѣмъ инымъ, какъ пустой мечтой. Я провелъ не мало ночей за подобными вычисленіями—и убѣжденъ, что не былъ далекъ отъ истины, когда пришелъ къ тому выводу, что всей той суммы, которая ежегодно уходила изъ уѣзда на государственныя потребности, и которая составляла въ моихъ глазахъ возможный maximum того, что̀ этотъ уѣздъ могъ дать,

было бы недостаточно, чтобы сдѣлать половину его населенія *только грамотнымъ.* Земскій же бюджетъ на народное образованіе и его результаты были меньше, чѣмъ игрушкой. Народное образованіе въ такихъ размѣрахъ, чтобы оно могло успѣшно бороться съ царившимъ въ уѣздѣ невѣжествомъ, было недоступно при существовавшей низкой производительности земли и мужицкой работы. И та, и другая, должны были значительно подняться, прежде чѣмъ населеніе могло бы справиться съ окладами на государственныя повинности;—все указывало на то, что народное образованіе могло бы выступить на очередь только послѣ этого. А и та, и другая, не только не поднимались, но и не было рѣшительно никакихъ основаній къ надеждамъ на то, чтобы онѣ начали подниматься въ ближайшемъ будущемъ, даже никакихъ признаковъ этого. Это былъ какой-то заколдованный кругъ, изъ котораго не представлялось выхода.

Изъ тѣхъ народныхъ школъ, которыя я засталъ при моемъ вступленіи на службу, въ ея теченіе закрылось всего три-четыре, но зато и новыхъ открылось едва ли больше. Меня всегда чрезвычайно интересовало отношеніе къ школѣ самого мужика;—я неизмѣнно пользовался всякимъ случаемъ освѣтить это отношеніе и добиться до правильнаго его пониманія. Я уже говорилъ, какъ это было трудно, благодаря общему мужицкому взгляду на „господъ" всякаго рода, и школьное дѣло, конечно, не составляло исключенія. Я думаю, что и на школу мужикъ прежде всего смотрѣлъ какъ на повинность, какъ на нѣчто, что его заставляютъ дѣлать безъ спроса. Имѣвшіяся въ уѣздѣ школы существовали не потому, что мужики тѣхъ селеній, въ которыхъ онѣ находились, сознавали бы ихъ необходимость и пользу больше, чѣмъ въ другихъ селеніяхъ уѣзда, а по традиціи,—онѣ были когда-то основаны или благодѣтельными помѣщиками, или казеннымъ вѣдомствомъ, или благодаря какому-нибудь экстренному случаю,—и продолжали существовать на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ существовали волостныя правленія, приходы, перевозы и другія подобныя учрежденія. Дѣло заведено когда-то, сборъ на квартиру и отопленіе установленъ, къ нимъ съ теченіемъ времени привыкли,—вотъ и все. Что положеніе въ этомъ отношеніи не измѣнялось—я зналъ изъ мѣстныхъ изслѣдованій по поводу открытія новыхъ школъ. Земство требовало прежде всего приговора сельскаго общества относительно квартиры подъ школу и обезпеченія ея отопленіемъ и освѣщеніемъ;—оно же давало съ своей стороны учителя, книги и учебныя пособія. Такіе приговоры и обстоятельства, при которыхъ они составля-

лись, всегда меня интересовали, и, насколько я помню, я лично изслѣдовалъ на мѣстѣ происхожденіе всякаго такого приговора за все время моей службы. Иниціатива почти всегда принадлежала члену училищнаго совѣта, священнику, который, при своихъ объѣздахъ школъ, искалъ благопріятныхъ условій, и затѣмъ дѣйствовалъ обыкновенно черезъ Николая Иваныча. Этотъ послѣдній, служа членомъ управы съ самаго введенія въ уѣздѣ земскихъ учрежденій, отлично зналъ всѣхъ безъ исключенія волостныхъ дѣльцовъ и богатыхъ мужиковъ въ уѣздѣ. Священникъ вліялъ на мѣстнаго приходскаго священника, Николай Иванычъ—на какого-нибудь деревенскаго воротилу; иногда присоединялся къ получавшемуся такимъ образомъ давленію мѣстный помѣщикъ, особенно если находился новопріѣзжій,—и въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ усилій, получался нужный приговоръ. При изслѣдованіи неизмѣнно оказывалось, что мужицкая масса ничего рѣшительно не знала объ его составленіи,—все дѣло обдѣлывалось тремя-четырьмя мѣстными воротилами, изъ личныхъ побужденій и соображеній, имѣвшихъ только очень немного общаго съ прямыми интересами народнаго образованія. Мужикъ же не только оставался индифферентнымъ, но и мнѣ нерѣдко приходилось замѣчать прямое предубѣжденіе съ его стороны противъ грамоты вообще,—предубѣжденіе тупое и неясное, необоснованное, но все-таки предубѣжденіе. Потребности въ школѣ онъ не ощущалъ—она навязывалась ему искусственно, извнѣ, какъ навязывались ему пожарные навѣсы, починка дорогъ и постановка по нимъ вѣхъ зимой. Еслибы становой и урядникъ не висѣли надъ его душой, онъ, конечно, не чинилъ бы дорогъ и не ставилъ бы вѣхъ; еслибы мѣстные дѣльцы не открыли школы, онъ самъ бы о ней никогда не подумалъ. Обособленная мужицкая жизнь не требовала школы, не вызывала въ немъ потребности грамоты и образованія; относясь къ нимъ въ лучшемъ случаѣ безучастно и часто враждебно, онъ видѣлъ въ ихъ навязываніи ему ту же силу, которая выбивала подати и гоняла его на волостной судъ за недоимку. Исключенія въ этомъ пониманіи всего того, что шло отъ „господъ", въ томъ числѣ и школы, были очень рѣдки, и нужно было быть большимъ оптимистомъ, чтобы видѣть въ такихъ приговорахъ что-либо дѣйствительно утѣшительное. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ народная школа была такимъ же искусственнымъ наростомъ въ деревенской жизни, какъ и родильные пріюты или дезинфекція и другія медицинскія предохранительныя мѣры во время какой-либо эпидеміи. Не только не было въ мужицкой средѣ сознанія нужды въ нихъ, но и

проявлялось рѣшительное къ нимъ несочувствіе. Особенно знаменательно было для меня въ этомъ направленіи то, что я не могъ замѣтить никакой разницы въ отношеніи къ школѣ между богатыми и бѣдными волостями. Мужицкое міровоззрѣніе оставалось то же, несмотря на разницу въ уровнѣ благосостоянія. Вышеописанная богатая казенная волость имѣла въ своихъ предѣлахъ только одну школу,—и она рѣшительно ничѣмъ не отличалась отъ школъ бѣднѣйшихъ волостей.

Извѣстная, небольшая, сравнительно, часть бюджета на народное образованіе уходила на содержаніе стипендіатовъ въ различныхъ среднихъ и даже высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Число этихъ стипендій постоянно увеличивалось; сначала было, насколько помню, только четыре—въ губернской женской учительской школѣ; затѣмъ были открыты другія, въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, даже въ медицинской академіи въ С.-Петербургѣ. Въ то время была мода чтить почему-либо выдававшихся лицъ учрежденіемъ стипендій ихъ имени, и N—ское уѣздное земство не избѣжало вліяній этой моды; такъ, Л., когда вышелъ въ отставку, былъ почтенъ учрежденіемъ двухъ стипендій въ его честь. Руководясь тѣмъ опытомъ, который я вынесъ изъ земской службы, я думаю, что уѣздныя стипендіи въ учительскихъ школахъ и семинаріяхъ были чрезвычайно полезны, прямо—необходимы, если имѣлось въ виду расширеніе школьнаго дѣла въ уѣздѣ. Спеціально подготовленныхъ народныхъ учителей, видѣвшихъ въ такомъ учительствѣ дѣло своей жизни, было въ то время очень мало—въ нашемъ уѣздѣ не больше 20%. Остальные занимались этимъ дѣломъ случайно, большею частью временно, въ ожиданіи чего-нибудь лучшаго въ будущемъ, и обладали только общимъ образованіемъ, удовлетворявшимъ требованіямъ закона въ этомъ отношеніи. Семинаристы, обыкновенно, дожидались въ учительскомъ званіи священства и прихода. Благодаря этому, составъ учителей мѣнялся постоянно, и земство наше было всегда въ поискахъ за ними. Я лично придавалъ огромное значеніе постоянству учителя на одномъ мѣстѣ. Мужикъ всегда относится къ новому человѣку очень подозрительно; нужно было нѣсколько лѣтъ, чтобы онъ освоился съ нимъ сколько-нибудь и пересталъ бы его опасаться. Если онъ начиналъ одобрять учителя, какъ человѣка, онъ ослаблялъ и свое предубѣжденіе противъ школы вообще; земство не могло разсчитывать ни на что, если учитель не достигалъ этого, и та польза, которая получалась отъ школы, находилась въ прямой зависимости отъ отношенія мужика къ учителю. Школа, какъ школа только, не трогала мужика, но хоро-

шій человѣкъ-учитель могъ успѣть измѣнить его отношеніе и къ ней, благодаря своему личному вліянію. Земскія школы закрывались почти всегда вслѣдствіе перехода или ухода со службы умѣвшаго заслужить популярность учителя. Факты подобнаго рода, постоянно встрѣчавшіеся на практикѣ, и привели меня къ тому заключенію, что школа сама по себѣ, какъ учрежденіе, не имѣла корней въ уѣздѣ и не успѣла обратиться въ потребность; дѣло зависѣло отъ личныхъ свойствъ учителя прежде всего и больше всего. Само собой разумѣется, что это чрезвычайно затрудняло и осложняло дѣло народнаго образованія вообще, и выборъ учителей получалъ особенное значеніе. Только они и могли сломить предубѣжденіе, зародить охоту къ образованію, вызвать въ мужикѣ самодѣятельность въ пользу грамоты. Если задатки всего этого и были вызваны въ извѣстномъ селеніи успѣшной дѣятельностью извѣстнаго учителя, держались они—только пока онъ работалъ; разъ онъ уходилъ, задатки эти опять быстро пропадали, и новому человѣку, кто бы онъ ни былъ, приходилось, въ сущности, начинать всю работу съизнова. Въ деревенской жизни не было ничего, что̀ могло бы поддерживать эти задачи безъ постояннаго упорнаго воздѣйствія извнѣ, заключавшагося въ данномъ случаѣ исключительно въ личности учителя. Всякая перемѣна отражалась на ходѣ дѣла несравненно больше, чѣмъ въ чемъ-либо другомъ:—при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, когда новый учитель былъ даже лучше или не хуже стараго, все-таки происходилъ долгій перерывъ въ успѣшности этого воздѣйствія; при неблагопріятныхъ—она исчезала совершенно. А въ моихъ глазахъ это воздѣйствіе на мужицкія массы было главной цѣлью земскаго народнаго образованія, его основой; число грамотныхъ, которое оно давало деревнѣ, было и слишкомъ незначительно, и, ограничивая ихъ только курсомъ народной школы, не было достаточно для того, чтобы они могли въ свою очередь служить впослѣдствіи дѣйствительными проводниками просвѣщенія въ деревенской жизни. И эта-то главная цѣль, эта-то основа, благодаря всему вышеизложенному, достигалась въ извѣстной степени только при условіяхъ постоянства учителя на своемъ мѣстѣ и его пригодности къ дѣлу. Для меня лично ничто лучше не доказывало шаткости и искусственности народной школы въ мужицкой средѣ, какъ именно эта ея зависимость отъ личностей; извѣстно, что чѣмъ больше сознается въ населеніи потребность въ чемъ-либо, тѣмъ меньше успѣхъ зависитъ отъ лицъ, и тѣмъ легче и успѣшнѣе оно идетъ само собой, по самой силѣ вещей. Въ дѣлѣ земскаго народнаго образованія я не замѣчалъ ничего подобнаго,—

его приходилось навязывать, и только послѣ долгихъ, упорныхъ усилій вполнѣ пригодной личности оно успѣвало пускать очень легкіе, поверхностные ростки, которые засыхали при всякой перемѣнѣ. Его положеніе зависѣло почти цѣликомъ отъ личности учителя и было шатко и ненадежно соотвѣтственно.

Наиболѣе постоянными и лучшими учителями оказывались учительницы изъ губернской женской учительской школы, и я постоянно стремился къ увеличенію числа земскихъ стипендій въ ней. На мой взглядъ, это былъ самый производительный расходъ земскихъ денегъ, какой только мы могли сдѣлать. Опытъ показалъ, что стипендіатки эти, по окончаніи курса, только очень рѣдко выходили замужъ,—онѣ отдавали всю свою жизнь своей школѣ, и, давая, благодаря своей спеціальной подготовкѣ, наиболѣе возможное число грамотныхъ, были въ то же время наиболѣе надежными по своему постоянству на одномъ мѣстѣ рычагами воздѣйствія на мужицкую среду. Еслибъ было возможно посадить по такой піонеркѣ въ каждую деревню, дѣло народнаго образованія могло бы, вѣроятно, начать впослѣдствіи играть принадлежащую ему по справедливости роль. Въ томъ же положеніи, въ какомъ оно было въ то время въ N—скомъ уѣздѣ, и тѣ капли пользы, которыя оно приносило въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ были расположены школы, поглощались безрезультатно постоянно тяготѣвшими надъ ними вліяніями окружавшихъ ихъ со всѣхъ сторонъ десятками и даже сотнями деревень вовсе безъ школъ.

Къ стипендіямъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ я и съ самаго начала своей службы относился скептически, а къ концу ея считалъ ихъ прямо вредными для земскаго дѣла вообще, какъ бы благодѣтельны онѣ ни были для получавшихъ ихъ отдѣльныхъ личностей. Образованіе, которое онѣ давали этимъ личностямъ, рѣшительно ничѣмъ не вознаграждало мужицкую среду, такъ какъ онѣ неизмѣнно совсѣмъ уходили изъ нея. Я уже подробно говорилъ объ этомъ выше,—теперь прибавлю только, что я не видѣлъ, что выигрывалъ мужикъ, если родившійся въ его деревнѣ особенно даровитый мальчикъ дѣлался докторомъ или какимъ-нибудь дѣльцомъ въ другомъ концѣ Россіи. Получивъ такое образованіе, такой мальчикъ дѣлался варягомъ въ другомъ краю, и съ его уходомъ родная его деревня теряла одного изъ способнѣйшихъ своихъ членовъ. Кандидатъ университета или докторъ медицины не могъ ужиться съ деревней иначе какъ въ качествѣ начальства, то-есть, будучи отъ нея безусловно отрѣзаннымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ Z—скомъ губернскомъ земскомъ собраніи постоянно ходили толки о введеніи обязательности народнаго образованія въ губерніи. Конечно, лично я ничего не зналъ о состояніи дѣла въ другихъ уѣздахъ, но изъ разговоровъ съ ихъ губернскими гласными и, главное, изъ протоколовъ ихъ уѣздныхъ собраній я смѣть могъ заключить, что, въ среднемъ, N—скій уѣздъ не былъ позади другихъ; если были въ южной части губерніи два—три уѣзда съ болѣе густымъ населеніемъ, болѣе крупными поселеніями и нѣкоторымъ развитіемъ промышленности, то въ ея сѣверной части были два—три уѣзда съ гораздо даже худшими условіями, чѣмъ нашъ. Недоимки были вездѣ, нищета и невѣжество—тоже. Я, конечно, не былъ далекъ отъ истины, если думалъ, что N—скій уѣздъ былъ приблизительно среднимъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Говорить при этихъ условіяхъ объ обязательности народнаго образованія въ губерніи было, поэтому, больше чѣмъ легкомысленно. Насколько я помню, я не стѣснялся высказывать это мнѣніе и тогда, и публично. Во-первыхъ, я не видѣлъ, откуда земство могло бы взять хотя бы десятую часть необходимыхъ для этого средствъ, такъ какъ общій губернскій и всѣхъ уѣздовъ бюджетъ пришлось бы увеличить въ тридцать, въ сорокъ разъ; во-вторыхъ, понадобился бы цѣлый полкъ наблюдателей въ каждомъ уѣздѣ для того, чтобъ наблюсти за исполненіемъ такого постановленія на мѣстѣ. Пришлось бы обратить народное образованіе въ своего рода рекрутскую повинность, такъ какъ громадное большинство деревенскаго населенія въ школьномъ возрастѣ пришлось бы тащить въ школу силкомъ. Обязательность народнаго образованія казалась мнѣ возможной только при условіяхъ, во-первыхъ, наличности значительнаго большинства населенія въ его пользу, а во-вторыхъ, рѣшимости и способности этого большинства наблюсти за приведеніемъ такого постановленія въ исполненіе. А у насъ не только не существовало ни того, ни другого, а напротивъ, въ пользу обязательности могли быть только единицы изъ десятковъ тысячъ, да и тѣ безъ какихъ бы то ни было практическихъ путей къ ея исполненію. Въ глазахъ серьезныхъ людей, непричастныхъ земству и знавшихъ дѣйствительное положеніе дѣлъ въ губерніи, такіе толки не могли не возбуждать сомнѣній въ основательности земскихъ сужденій по такимъ вопросамъ; я же объяснялъ себѣ эту стремительность горькимъ сознаніемъ, что дѣло народнаго просвѣщенія подвигалось впередъ слишкомъ медленно, и страстнымъ желаніемъ сдѣлать въ его пользу что-нибудь ра-

дикальное, желаніемъ, совершенно затемнявшимъ правильность сужденія.

XI.

У меня были имѣнія въ двухъ уѣздахъ смежной нашему губерніи. Въ одномъ изъ нихъ, Y—скаго уѣзда, смежнаго съ N—скимъ, и расположенномъ ближе къ городу N., чѣмъ мое N—ское имѣніе, моя семья жила года два въ теченіе моей службы, и я конечно хорошо зналъ и городъ Y., и его уѣздъ. Городъ Y. былъ гораздо больше и богаче города N., хотя уѣздъ былъ въ общемъ много бѣднѣе почвою, и гораздо менѣе густо населенъ. Это былъ песчаный, лѣсной уѣздъ, съ громадными ненаселенными лѣсными пространствами и болотами. Нѣкоторыя его мѣстности были еще глуше, еще дичѣе, чѣмъ самыя дикія мѣста въ N—скомъ уѣздѣ; только небольшая, сравнительно, южная часть была заселена нѣсколько гуще и обладала болѣе плодородной почвой. И въ Y—скомъ уѣздѣ было много мелкопомѣстнаго, быстро бѣднѣвшаго дворянства,—но продать имѣніе, или пустошь, или отрѣзную, за малонаселенностью, въ немъ было гораздо труднѣе, если въ нихъ не было строевого лѣса и близкой сплавной рѣки; —и потому, вѣроятно, въ немъ удержалось больше помѣщиковъ. Да и городъ былъ больше, лучше и оживленнѣе N.; въ немъ даже были двѣ прогимназіи, мужская и женская, и потому въ немъ жило, для воспитанія дѣтей, сравнительно много помѣщичьихъ семействъ. Было въ немъ и значительное, сравнительно, купечество, нажившее и наживавшее большія деньги преимущественно на лѣсномъ дѣлѣ. Оно скупало лѣсныя дачи у прогорѣвшихъ помѣщиковъ, больше на срубъ, и наживалось быстро и вѣрно, пока владѣльцы земли проѣдали полученныя съ нихъ за лѣсъ крохи. Лѣса вырубались безпощадно, самымъ хищническимъ образомъ,—барыши купцовъ были огромные, мужикъ-рабочій эксплоатировался артистически, у барина оставались одни пеньки да ничего абсолютно не стоившая и не приносившая земля, не могшая оплачивать даже земскихъ и дворянскихъ налоговъ. Я зналъ только двухъ или трехъ помѣщиковъ, которые сами, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, рубили и сплавляли свои лѣса; громадное большинство раздѣлалось съ ними за безцѣнокъ при посредствѣ этихъ купцовъ. Я самъ умудрился спустить въ десять лѣтъ больше трехъ тысячъ десятинъ отличнаго строевого лѣса, стоившаго по крайней мѣрѣ въ десять разъ больше того, что я за него получилъ. Предложеніе было огромное, всѣ спѣшили

продавать, рынокъ былъ запруженъ, — и чрезвычайно цѣнныя, огромныя лѣсныя пространства были истреблены въ неимовѣрно короткое время, принеся владѣльцамъ только жалкія частицы того, что̀ они дѣйствительно стоили. Это было дикое, безумное, прямо преступное расхищеніе и разматываніе на вѣтеръ огромныхъ богатствъ. И рѣшительно никто изъ мѣстныхъ людей не замѣчалъ и не понималъ этого. Помѣщикъ бѣгалъ за купцомъ, просилъ, клянчилъ иногда позорнѣйшимъ образомъ, чтобы купецъ согласился наконецъ обобрать его. Въ N—скомъ уѣздѣ это были имѣнія и отрѣзныя земли, въ Y—скомъ—лѣсныя дачи. Господи, до чего беззащитенъ, недальновиденъ, недогадливъ, инертенъ и въ концѣ концовъ жалокъ былъ русскій помѣщикъ того времени! До какого мягкотѣлаго, безпомощнаго состоянія довели его крѣпостное право, даровые хлѣба и заботливый, ни на минуту не оставлявшій его патернализмъ!

Въ средѣ Y—скаго купечества, несмотря на его многочисленность и богатство, тоже совсѣмъ не было хоть сколько-нибудь образованныхъ людей. Много-много что купчикъ, наслѣдникъ сотенъ тысячъ и даже милліоновъ, кончалъ курсъ уѣзднаго училища или—еще рѣже—прогимназіи. Помѣщичій элементъ, хотя численностью и былъ вѣроятно сильнѣе N—скаго, состоялъ преимущественно изъ обломковъ стараго крѣпостного времени; молодыхъ людей было сравнительно мало, да и всѣ они, или почти всѣ, были какіе-то неудачники. Одинъ не пошелъ дальше третьяго класса гимназіи, другой пилъ, третій спалъ безъ просыпу. Сосѣдей, жившихъ постоянно въ деревнѣ и довольно близкихъ, по моему Y—скому имѣнію у меня было гораздо больше, чѣмъ по N—скому. Несмотря на все это, недостатокъ въ способныхъ и работящихъ людяхъ чувствовался въ Y — скомъ уѣздѣ еще сильнѣе, чѣмъ въ N—скомъ, и земскія его дѣла шли пожалуй не только не лучше, но и хуже N—скихъ. Передъ тѣмъ, какъ сосѣди и нѣкоторые городскіе Y—скіе мои пріятели изъ интеллигентовъ-варяговъ уговорили меня пріѣхать на съѣздъ крупныхъ землевладѣльцевъ для выбора въ земскіе гласные и принять личное участіе въ земскомъ дѣлѣ уѣзда, служебный въ немъ персоналъ былъ удивительно разношёрстный. Въ Y—скомъ уѣздѣ уже много лѣтъ не было вожака, и никогда не существовало принципіальныхъ партій, а были только мелкіе кружки, сплоченные родственными или личными связями, кумовствомъ, случайными общими экономическими интересами. Въ немъ не было ничего подобнаго крупной личности Л., не было такого всеподавляющаго личнаго самодурства, зато и не было никакой обще-

ственной жизни, и вся ея исторія состояла изъ болѣе или менѣе мелкихъ личныхъ нападокъ и столкновеній, мелкихъ же интригъ и интрижекъ и грошовыхъ препирательствъ мелкихъ соперниковъ-кулаковъ. Купцы, объединенные лѣсными интересами и дѣлишками, составляли довольно многочисленную, сомкнутую группу, всегда бывшую себѣ на умѣ и не поддававшуюся на удочку помѣщикамъ-дипломатамъ. Какъ бы они ни соперничали и ни ссорились между собою, въ общественномъ дѣлѣ они умѣли поддержать свое единство, направляя его, конечно, не въ пользу какихъ-либо идей или программъ, а въ виду личныхъ отношеній. Эта купеческая группа въ то время только-что потеряла своего божка, одного изъ самыхъ оригинальныхъ людей всего этого района. Это былъ старикъ помѣщикъ, не получившій никакого образованія, но обладавшій большой силой характера, человѣкъ безспорно умный, энергичный и дѣятельный; онъ служилъ много лѣтъ исправникомъ въ Y—скомъ уѣздѣ, сначала по выборамъ, потомъ по назначенію, уже выслужилъ пенсію и чинъ статскаго совѣтника, и незадолго передъ тѣмъ вышелъ въ отставку, намѣреваясь заняться коммерческими дѣлами. Онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ купечества и мѣщанства, отлично зналъ и понималъ и ихъ, и всю ихъ жизнь и ея особенности, и они сразу сдѣлали его своимъ городскимъ головой и разсчитывали увидѣть и во главѣ дворянскихъ и земскихъ дѣлъ уѣзда при первой возможности, тѣмъ болѣе, что у него было не мало поклонниковъ и друзей и въ помѣщичьей средѣ. Но онъ умеръ совершенно неожиданно незадолго передъ выборами, и начинавшая стягиваться вокругъ него партія осталась безъ какого бы то ни было руководства. Предводителемъ дворянства былъ нестарый и неглупый человѣкъ, изъ старинной родовитой фамиліи, имѣвшій придворное званіе, изнѣженный до чрезвычайности и излѣнившійся въ конецъ. Онъ совсѣмъ не умѣлъ работать, открывалъ засѣданія всѣхъ тѣхъ учрежденій, въ которыхъ предсѣдательствовалъ, очень поздно, не раньше одиннадцати часовъ и даже полудня, и тянулъ ихъ почти безконечно;—чтобы принять двадцать пять новобранцевъ въ участкѣ во время призыва, ему нужна была цѣлая недѣля, такъ что даже провербіальное мужицкое терпѣніе иногда не выдерживало. Мнѣ никогда не приходилось встрѣчать въ общественной жизни человѣка съ такой способностью тянуть, мямлить, жевать одно и то же по цѣлымъ часамъ. Личныя финансовыя его дѣла были въ большомъ безпорядкѣ, привычки были ультра-барскія и требовали большихъ расходовъ, но у него была красавица и умница

жена, очень роскошная и полная рессурсовъ женщина, и скандальная хроника уѣзда была полна повѣствованіями о ея денежныхъ и любовныхъ приключеніяхъ, которыми она открыто бравировала. Благодаря всему этому, предводитель не имѣлъ никакого вліянія—онъ служилъ по инерціи, вѣроятно думая про себя, что „noblesse oblige“, и вялый, незначительный его характеръ не мало способствовалъ обезцвѣченію всѣхъ общественныхъ дѣлъ—такіе мямли всегда снотворно дѣйствуютъ на все, съ чѣмъ они приходятъ въ соприкосновеніе.

Предсѣдателемъ земской управы былъ тоже нестарый и неглупый человѣкъ, въ молодости подававшій серьезныя надежды, но удивительно опустившійся, благодаря картамъ и водкѣ; — съ каждымъ годомъ онъ работалъ меньше и меньше, утрачивалъ интересъ къ жизни, молчалъ по цѣлымъ часамъ и только отчасти просыпался за карточнымъ столомъ и послѣ безчисленныхъ возліяній. Я зналъ его еще во времена моего дѣтства, встрѣчаясь съ нимъ нерѣдко, когда пріѣзжалъ лѣтомъ въ деревню на вакаціи, и въ моемъ представленіи онъ всегда служилъ рѣзкимъ примѣромъ того, какъ вліяетъ уѣздная жизнь даже на одаренныя выше средняго, но слабыя и безхарактерныя личности. Она просто усыпляетъ ихъ, хлороформируетъ ихъ умственныя способности,—отъ человѣка остается одно тѣло, болѣе или менѣе сохранившееся, но только тѣло съ его физическими потребностями. Геніально очерченная фигура Обломова, и не въ однихъ отдѣльныхъ частныхъ проявленіяхъ, а во весь ростъ, повторяется гораздо чаще въ средѣ мягкотѣлой русской интеллигенціи, чѣмъ это обыкновенно принято думать. Процессъ усыпленія идетъ то быстро, то медленно, но неизбѣжно приводитъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ.

Мировые судьи были еще люди молодые, но только одинъ изъ нихъ обладалъ способностью работать, и то значительно ограниченною несчастными семейными компликаціями. Городской мировой судья былъ феноменъ въ своемъ родѣ. Про него разсказывали, что онъ долго учился въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, но нигдѣ не могъ кончить курса, и, имѣя хорошія наслѣдственныя средства, купилъ себѣ подъ конецъ гимназическій дипломъ въ одномъ изъ западныхъ городовъ, и, попавъ въ судьи, спился необыкновенно быстро. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-восьми, очень стройный и красивый, изящно одѣвавшійся, умѣвшій себя держать въ обществѣ, — но упорно молчавшій вездѣ и всюду, и неизмѣнно „выпившій“ съ ранняго утра и совершенно пьяный къ двумъ часамъ дня. Я не помню, чтобъ

я когда-либо встрѣтилъ его совершенно трезвымъ. Онъ спился быстро, безповоротно и безнадежно. Тотъ процессъ усыпленія, на который у предсѣдателя управы ушло слишкомъ двадцать лѣтъ, справился съ этимъ мировымъ судьей въ пять — шесть. Къ тридцати годамъ онъ уже положительно никуда не годился— не только въ судьи, но и чтобы завѣдывать хоть сколько-нибудь осмысленно своими собственными дѣлами. Онъ ожирѣлъ, лицо заплыло и было всегда краснѣе кумача, руки тряслись,—получилась абсолютная руина.

Въ городѣ Y., благодаря прогимназіямъ, дистанціи судоходной системы и нѣкоторымъ другимъ случайностямъ, въ родѣ того, что онъ служилъ мѣстопребываніемъ нѣсколькимъ „административно-высланнымъ", былъ значительный, сравнительно, кружокъ пришлыхъ интеллигентовъ, конечно расширявшій собою чисто мѣстные, помѣщичьи, купеческіе и казенно-служебные элементы. Существовалъ въ городѣ и общественный клубъ, въ которомъ иногда танцовали, и ежедневно играли въ карты до утра и пили водку. Эти два рода времяпрепровожденія положительно преобладали надъ всѣми другими, вмѣстѣ взятыми. Дамы ѣздили съ визитами другъ къ другу, сплетничали и ссорились, нерѣдко вовлекая въ эти Иліады и своихъ благовѣрныхъ. Хотя въ городѣ числилось восемь, кажется, тысячъ жителей, и довольно многочисленное интеллигентное общество, что читатель можетъ видѣть изъ всего вышеизложеннаго, открывшаяся-было библіотека съ книжнымъ магазиномъ должны были очень скоро закрыться, такъ какъ, за недостаткомъ потребности въ нихъ, не могли существовать. Этому значительному скопленію людей не хватало чего-то, чтобы сдѣлать ихъ жизнь болѣе сносною, болѣе разнообразною; не было въ немъ никакихъ одухотворяющихъ, украшающихъ человѣческое существованіе началъ. Если домашнія семейныя условія были почему-либо неблагопріятны,—а они были таковыми въ большинствѣ случаевъ,—человѣкъ искалъ выхода въ картахъ или винѣ, или въ обоихъ вмѣстѣ, и, достигая своей цѣли—убить ни на что ненужное время,—въ то же время быстро и незамѣтно спускался все ниже и ниже, пока въ одинъ прекрасный день не оказывался совершенной развалиной. И отдѣльныя личности, и составляемое ими общество только прозябали, и не только не совершенствовались и не шли впередъ, а несомнѣнно подвигались назадъ; только постоянно прибывавшіе извнѣ новые элементы успѣвали его поддерживать отъ совершеннаго запустѣнія. Еслибы городъ Y., при господствовавшихъ въ немъ въ то время жизненныхъ условіяхъ, былъ предоставленъ, хотя бы въ те-

ченіе жизни одного поколѣнія, исключительно собственнымъ своимъ рессурсамъ, его населеніе потеряло бы вѣроятно всякій образъ и подобіе Божіе. Оно бы или задохлось умственно и нравственно, или посходило бы съ ума, или допилось бы до чертиковъ почти поголовно.

Необходимо занести еще одну изъ отличительныхъ чертъ уѣздной жизни того времени. Только очень немногіе, самое незначительное меньшинство, почему-либо окончательно и безнадежно пришибленное, не стремилось вонъ изъ уѣзда и деревни. Большинство и во снѣ и на яву только и видѣло, какъ бы выбраться куда-нибудь. До уничтоженія крѣпостного права помѣщикъ родился, жилъ и умиралъ въ своей родовой усадьбѣ, прослуживъ только нѣкоторое, обыкновенно очень короткое время, для полученія чина и права голоса. Онъ былъ кореннымъ, осѣдлымъ обывателемъ, и только какія-нибудь необыкновенныя обстоятельства могли вырвать его изъ родныхъ палестинъ. Онѣ были его земнымъ раемъ—ни о чемъ иномъ или лучшемъ онъ и не мечталъ; сытая, довольная и веселая усадебная жизнь были maximum'омъ его pia desideria. Отмѣна крѣпостного права во многихъ случаяхъ уничтожила и всегда, и вездѣ самымъ существеннымъ образомъ сократила его средства къ существованію. Взрощенный и воспитанный, съ одной стороны, на бездѣльи и даровыхъ хлѣбахъ, съ другой — въ вѣчной опекѣ, не допускавшей какого бы то ни было развитія самодѣятельности, онъ не устоялъ передъ внезапнымъ кризисомъ, не нашелся, не изыскалъ новыхъ средствъ къ существованію, и, безпомощно проѣвъ очень скоро то, что у него осталось отъ катастрофы, не доходы, а капиталъ, онъ побѣжалъ изъ деревни, куда глаза глядятъ. Онъ, съ одной стороны, не могъ сжиться съ мыслью, что ему приходится работать тамъ же, гдѣ онъ привыкъ только повелѣвать,—съ другой, не могъ не видѣть быстро надвигавшейся абсолютной нищеты, если онъ не станетъ работать. Его гордость не позволяла ему быть помощникомъ исправника или даже становымъ, или нотаріусомъ тамъ же, гдѣ его отецъ или онъ самъ служили когда-то предводителемъ дворянства. И помѣщикъ побѣжалъ вонъ; а тѣ, которые не могли почему-либо сдѣлать этого же сразу, только и мечтали о томъ, какъ бы добиться того, чтобы убѣжать куда-нибудь. Это постоянное, нерѣдко безотчетное, но, тѣмъ не менѣе, всегда очень сильное стремленіе къ уходу висѣло въ воздухѣ, составляло одинъ изъ постоянныхъ и главныхъ предметовъ разговора и налагало своеобразную печать на всю уѣздную жизнь. Я зналъ многихъ, которые собирались

уѣхать цѣлые десятки лѣтъ, и жили все это время какъ бы на бивакахъ. Вотъ продамъ то-то, вотъ получу выкупную ссуду или неожиданное наслѣдство, и тогда—поминай меня какъ звали. Наиболѣе рѣшительные и энергичные обыкновенно въ концѣ концовъ успѣвали въ этомъ и улетучивались безслѣдно изъ уѣзда; другіе изнывали въ постоянномъ ожиданіи, и оно нерѣдко удерживало ихъ отъ какой бы то ни было предпріимчивости у себя дома, если они и обладали ея зачатками. Просто сидѣли и ждали у моря погоды, ничего не дѣлая и не предпринимая. Конечно, только манна небесная могла бы помочь имъ и спасти ихъ. Необходимо, однако, замѣтить, что у семейныхъ людей и помимо этого стихійнаго, такъ сказать, повальнаго въ то время стремленія къ бѣгству изъ деревни была одна дѣйствительно основательная причина къ тому же. Причина эта была—подростающія дѣти. Помѣщики очень скоро по уничтоженіи крѣпостного права не могли не понять, что единственнымъ средствомъ къ тому, чтобы ихъ дѣти остались въ классѣ „господъ" и послѣ того, какъ всѣ наслѣдственныя маетности окажутся проѣденными, былъ образовательный дипломъ. Они видѣли, что не имѣвшій такого диплома дворянинъ служилъ урядникомъ или, въ лучшихъ случаяхъ, становымъ приставомъ или пароходнымъ помощникомъ капитана, тогда какъ поповичъ съ университетскимъ дипломомъ дѣлался судебнымъ слѣдователемъ, докторомъ, членомъ окружного суда, мировымъ судьей, вообще обгонялъ дворянина на житейскомъ поприщѣ и поднимался до „господскаго" положенія, тогда какъ недоросль спускался въ „разночинцы". Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ усадьба перестала содержать помѣщика, упало и значеніе потомственнаго дворянства и шестой родословной книги, въ прежнія времена нерѣдко кормившее его само по себѣ. Образовательный дипломъ, вмѣсто всего этого, вдругъ не только сдѣлался обезпечивающимъ тѣ средства къ существованію, которыя были ему необходимы, но и оставлялъ его дворяниномъ въ кастовомъ смыслѣ. Что бы тамъ ни было, а дѣтямъ необходимо было дать возможность получить такой всемогущій дипломъ. Насколько я могъ замѣтить, въ умахъ стараго дворянства идея необходимости образованія, какъ образованія самого по себѣ только, играла въ то время самую послѣднюю роль; преобладающимъ стимуломъ были чисто-житейскія соображенія, и покупка дипломовъ была очень нерѣдкимъ явленіемъ,—это было самое выгодное помѣщеніе небольшого капитала, котораго было недостаточно на то, чтобы прожить доходомъ съ него, тогда какъ жалованье, сопряженное съ извѣстнымъ мѣстомъ, обезпечивало въ настоящемъ

и могло рости и въ будущемъ. А дать дѣтямъ образованіе въ деревнѣ было невозможно. Гимназическія требованія все возростали; въ то время, какъ извѣстно, на ряду съ общественными реформами, круто вводилась въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ все болѣе и болѣе строгая классическая система, и прежде отвѣчавшіе всѣмъ потребностямъ гувернёры и гувернантки не могли уже достигать цѣли. Дѣтей, разъ они достигали извѣстнаго возраста, приходилось отдавать въ казенныя учебныя заведенія; а для этого необходимо было или переѣзжать въ городъ, или разлучаться съ ними на цѣлый годъ и платить большія деньги за ихъ содержаніе. Если ихъ одновременно было въ семьѣ двое или трое въ школьномъ возрастѣ, нужны были цѣлыя тысячи. Я лично зналъ многія дворянскія семьи, которыхъ этотъ вопросъ и сбилъ совсѣмъ съ колеи, и разорилъ въ придачу, хотя дѣти такъ и остались безъ дипломовъ. Тогда какъ привыкшій съ дѣтства къ лишеніямъ семинаристъ умудрялся перебиваться и какимъ-то чудомъ переходилъ съ курса на курсъ и добивался-таки диплома,—дворянское дѣтище, и понятія не имѣвшее о требованіяхъ борьбы за существованіе, изводило деньги на пустяки и переходило въ концѣ концовъ въ разрядъ жизненныхъ неудачниковъ. Передъ моими мысленными глазами проходятъ ихъ знакомыя фигуры цѣлыми десятками—молодежь обоего пола, сдѣлавшаяся жертвою этого крутого, неподготовленнаго хотя бы поверхностно переворота. Само собою разумѣется, что такія жертвы неизбѣжны при всякомъ соціальномъ переустройствѣ такого же калибра, и что нелогично и невозможно—да и безполезно, конечно, для нихъ самихъ—было бы останавливаться изъ-за нихъ; тѣмъ не менѣе, нельзя и не призадуматься, и не пожалѣть о нихъ.

Въ первые годы моей жизни въ деревнѣ и службы, когда я былъ юношески требователенъ ко всему окружающему, и когда „долгъ" и „обязанности" интеллигента относительно мужика заслоняли собой въ моемъ міровоззрѣніи все остальное, я былъ очень строгъ къ этому абсентеизму, и говорилъ и дѣйствовалъ противъ него при всякомъ удобномъ случаѣ. Съ теченіемъ времени это отношеніе постепенно измѣнялось; жизнь и служебный опытъ въ качествѣ предводителя дворянства постоянно наталкивали меня на такіе факты, которыхъ только сухое доктринерство не признало бы смягчающими вину обстоятельствами. А когда и варяги N—скаго уѣзда, въ стойкость и добросовѣстность которыхъ я вѣрилъ какъ въ непоколебимую гранитную скалу, побѣжали отъ меня одинъ за другимъ, неудержимо, я усомнился

и самъ, и сталъ предвидѣть, что въ концѣ концовъ то же самое предстоитъ и мнѣ. Когда это предвидѣніе сдѣлалось близкимъ къ осуществленію, я перемѣнилъ фронтъ окончательно. Я, наконецъ, уразумѣлъ, что жили мы въ деревнѣ наперекоръ всѣмъ нашимъ личнымъ стремленіямъ и желаніямъ, не потому, чтобы такая жизнь соотвѣтствовала нашимъ дѣйствительнымъ потребностямъ, а потому что мы считали ее нашимъ долгомъ, настроивали себя соотвѣтственно, насильничали надъ самими собой. Это была фальшь съ начала до конца, приподнятость, искусственность, напыщенность; обыкновенные люди не могли долго выдерживать такого искуса, а настоящіе герои болѣе чѣмъ рѣдки, и на нихъ однихъ никакое дѣло далеко не уйдетъ. Коллапсъ воздушныхъ зàмковъ и бѣгство были неизбѣжны—для однихъ, послабѣе духомъ, раньше,—для другихъ, посильнѣе, позже.

Никогда я не забуду разговора, происшедшаго на эту тему какъ разъ въ это время между мной и покойнымъ Константиномъ Дмитріевичемъ Кавелинымъ. Лѣтомъ предшествовавшаго моему выходу въ отставку года мнѣ пришлось быть по какимъ-то земскимъ дѣламъ въ Петербургѣ, помнится, въ поискахъ за новыми врачами. Я встрѣтился съ К. Д. у одного общаго знакомаго,—онъ былъ на пути въ деревню на лѣто, мы разговорились, по обыкновенію, заспорили, я поѣхалъ провожать его на вокзалъ николаевской дороги, сѣлъ съ нимъ въ вагонъ, и опомнился только въ Любани, а вернулся въ Петербургъ только изъ Бологого. Гуманнѣйшій, добрѣйшій К. Д., съ совсѣмъ несвойственнымъ, чуждымъ ему подобіемъ озлобленія, нападалъ на абсентеизмъ; я же не защищалъ его, нѣтъ, но съ пѣной у рта приводилъ именно смягчающія вину обстоятельства и факты, факты, факты... Кавелинъ былъ очень крупной личностью и для того сравнительно богатаго ими времени въ русской исторіи; наша критика не разъ пыталась опредѣлить и оформить его умственный обликъ на разные лады, но я всегда считалъ его однимъ изъ сильнѣйшихъ идеалистовъ, жившихъ почти исключительно абстрактомъ. Логика фактовъ для него такъ-таки и не существовала.

— Бѣжать?—говорилъ онъ, глядя въ пространство своими чистыми, необыкновенно мягкими для его крупнаго, большого лица глазами:—бѣжать, когда вашъ долгъ стоять на своемъ посту, когда непріятель у васъ постоянно передъ глазами, когда ваше бѣгство очиститъ ему дорогу къ только вами и защищаемой, безсильной, безпомощной жертвѣ? Это позоръ, измѣна, преданіе всего, что человѣку можетъ и должно быть дорого...

— Да позвольте,—возражалъ я:—вопросъ совсѣмъ не въ

абстрактномъ обсужденіи того, бѣжать или не бѣжать, быть или не быть, а въ томъ, что люди бѣгутъ и бѣгутъ, что ничѣмъ ихъ не удержишь. А что бѣгутъ они не зря—порукой вся ихъ предшествовавшая жизнь. Это не юнцы, смущающіеся при первой неудачѣ, а люди испытанные, законченные. Разговорами ихъ не остановишь—у нихъ у каждаго либо драма, либо цѣлая трагедія разыгралась въ душѣ, прежде чѣмъ они побѣжали.

— Это все русская невыдержанность, русская неустойчивость, русская халатность въ отношеніи къ себѣ и къ своимъ обязанностямъ. Земскіе люди теперь для Россіи—все, они—ея надежда, въ нихъ основа ея будущаго обновленія. Работать надо, бороться, а не бѣжать. И куда они бѣгутъ? Въ городъ? Въ Петербургъ? Пропадать въ этомъ Вавилонѣ?

— Однако, вы вотъ въ этомъ Вавилонѣ весь свой вѣкъ живете, а не только не пропали, а и поучаете насъ, грѣшныхъ. Вавилонъ Вавилономъ, а вотъ поживите-ка безвыѣздно нѣсколько лѣтъ въ нашей N—ской дырѣ, такъ она и васъ пройметъ. Вѣдь они живые, молодые люди, замурованные въ чуждую, непонятную имъ могилу; вѣдь имъ разъ въ мѣсяцъ всего удается на цивилизованномъ языкѣ поговорить; вѣдь у нихъ нѣтъ абсолютно никакого развлеченія,—одна работа, работа, работа, съ утра до ночи, и при самыхъ невыгодныхъ, при самыхъ некрасивыхъ условіяхъ...

— Ну, пусть освѣжаются, отпуски имъ давайте, пусть въ столицу пріѣдутъ, старыя связи возобновятъ, оперъ послушаютъ, хорошихъ картинъ посмотрятъ, провѣтрятся, а тамъ опять за работу, туда, туда, въ деревню...

— Да вѣдь по Питерамъ-то и мнѣ ѣздить не по карману. Ѣдешь потому, что зарѣзъ пришелъ, а на сезонъ-то туда нагрянуть, такъ и въ долговое отдѣленіе попадешь;—и я разъ въ годъ или рѣже ѣзжу,—и времени, и денегъ на это нѣтъ; а имъ-то, съ ста рублями въ мѣсяцъ, при семьѣ, да и на всемъ купленномъ, и думать объ этомъ нельзя. Да и пріѣдешь сюда, поваландаешься тутъ недѣлю-другую, только аппетитъ раздразнишь—никогда этого добра досыта не наслушаешься и не насмотришься, и своя дыра послѣ такой поѣздки только горше кажется... Да и все это тутъ ни причемъ. Повторяю вамъ, что они бѣгутъ, бѣгутъ и бѣгутъ—и что сроки пребыванія у насъ новыхъ людей дѣлаются все короче и короче. Условія, очевидно, не улучшаются, а ухудшаются, и запаса добрыхъ намѣреній, который они привозятъ съ собой, у нихъ хватаетъ все на меньшее и меньшее время. Научите меня, дайте мнѣ практическій рецептъ, что съ

этимъ дѣлать. Абстрактную-то аргументацію я всю цѣликомъ, отъ доски до доски, и самъ давнымъ давно знаю, наизусть пришлось выучить за восемь-то лѣтъ.

Но К. Д. не только не могъ дать мнѣ такого рецепта, но и не видѣлъ въ немъ надобности. Въ его глазахъ абстрактная аргументація и была всѣмъ, что было нужно. И противъ конкретныхъ фактовъ у него не было другого оружія. Это была все та же, давно знакомая, старая исторія, и я, съ практической точки зрѣнія, проѣхался въ Бологое совершенно напрасно. Наши завѣтные учителя умѣли лечить, но не вылечивать. Лекарство было у нихъ всегда готово—первоклассное лекарство по всѣмъ правиламъ логики, а если оно не вылечивало, вина была наша, а не логики или ихъ. Мы, вѣроятно, перепутывали часы и пріемы; имъ некогда было заниматься отдѣльными случаями и специфическими особенностями. Сомнѣваться въ ихъ знаніи и талантахъ было бы кощунствомъ, и намъ оставалось только утѣшаться той аксіомой, что нѣтъ правила безъ исключеній, и что на нашу долю выпало несчастіе быть именно однимъ изъ нихъ.

Абсентеизмъ былъ и единственнымъ, конечно, болѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ, палліативомъ и противъ пьянства. Такія фигуры, какъ Иванъ Ильичъ и молодой городской врачъ въ N., предсѣдатель управы и мировой судья въ Y., были, къ сожалѣнію, далеко не исключеніями. Пили больше или меньше очень многіе, молодые и старые, и перемѣна обстановки часто являлась единственнымъ доступнымъ спасеніемъ. Пьяницъ и спившихся съ кругу людей было, конечно, гораздо больше, относительно, въ интеллигентномъ классѣ людей, чѣмъ въ мужицкой средѣ. Мужика привыкли упрекать въ пьянствѣ. Я лично положительно не согласенъ съ этимъ обвиненіемъ; думаю, что оно безусловно невѣрно. Напротивъ, коренной деревенскій мужикъ-земледѣлецъ только въ очень рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ дѣлается пьяницей. Въ то время деревня еще обладала довольно значительнымъ процентомъ бывшихъ крѣпостныхъ дворовыхъ людей, обыкновенно мастеровыхъ, бывшихъ кучеровъ, поваровъ, садовниковъ и т. д., не умѣвшихъ хлѣбопашествовать и очутившихся на крестьянскомъ надѣлѣ и безъ хлѣба, и безъ возможности пропитывать свои семьи иначе, какъ работой по своей профессіи,—а такой работы не всегда было достаточно, и оплачивалась она плохо. Помѣщикъ платилъ повару пять рублей въ мѣсяцъ, кучеру или садовнику—еще меньше; если у него была семья, уплачивать подати и содержать ее на такой заработокъ не было никакой возможности. Этотъ-то людъ и пьянствовалъ,

но онъ имѣлъ только очень мало общаго съ мужикомъ-пахаремъ, который пилъ только по праздникамъ, обыкновенно осенью и зимой. Увидать пьянаго мужика въ деревнѣ въ будни было совершенно невозможно, и встрѣтить его въ числѣ кабацкихъ завсегдатаевъ можно было только очень рѣдко. Въ деревенскіе же праздники мужики напивались поголовно, напивались многія бабы, дѣвки, даже дѣти, но напивались преимущественно самодѣльнымъ пивомъ, къ которому примѣшивали только немного водки. Праздники эти всегда казались мнѣ остатками отъ первобытныхъ, еще языческихъ временъ, хотя христіанскій календарь и служилъ, повидимому, ихъ основаніемъ. Всякая деревня имѣла два, три, иногда даже четыре и пять такихъ „престольныхъ“ праздниковъ въ году; они были единственнымъ доступнымъ мужику развлеченіемъ, продолжались по два, по три дня, и въ ихъ теченіе онъ дѣйствительно обыкновенно доходилъ до безобразнѣйшаго, часто прямо скотскаго состоянія. Круглый годъ онъ работалъ какъ волъ, голодалъ, холодалъ, отказывалъ себѣ во всемъ и жилъ ожиданіемъ этихъ праздниковъ и воспоминаніями о нихъ. „Успленье“, „Казанская“, „батюшка Покровъ“, „Никола Угодникъ“ не имѣли въ его представленіи ничего общаго съ тѣмъ, что связываетъ съ этими днями православная церковь. Напримѣръ, въ сосѣдней съ моимъ имѣніемъ довольно большой деревнѣ праздновали „Покрову“. Изъ любопытства, я бесѣдовалъ по этому поводу со всѣми взрослыми мужиками этой деревни. Положительно, ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ даже приблизительнаго понятія о томъ, что подразумѣваетъ подъ этимъ словомъ церковь. Это былъ „батюшка Покровъ“, нѣчто совершенно неопредѣленное и болѣе чѣмъ туманное, по всѣмъ мужицкимъ видимостямъ имя собственное, какой-то святой, мужчина, конечно, а затѣмъ что, какъ и почему—мужику было совершенно безразлично. Нашими объясненіями по этому предмету онъ не интересовался, и если и выслушивалъ ихъ, то немедленно забывалъ, и къ будущему году это былъ опять „батюшка Покровъ“, олицетворявшійся для него именно только въ формѣ „праздника“ и пива. Не только поддержаніе старыхъ подобныхъ праздниковъ, но и установленіе новыхъ всячески поощрялось приходскимъ сельскимъ духовенствомъ, такъ какъ они составляли одну изъ главнѣйшихъ статей его дохода; праздники сопровождались обходомъ всей деревни съ образами и молебнами, и, конечно, посильной платой и приношеніями. Для окрестныхъ помѣщиковъ праздники эти были сущимъ наказаніемъ божіимъ:—усадебный штатъ не было никакой возможности удержать, онъ цѣликомъ скрывался, скотъ оста-

вался некормленнымъ и непоеннымъ, и эти-то праздники и лежали въ основѣ упрековъ мужика въ пьянствѣ. Въ дѣйствительности же, помимо этихъ праздниковъ, пьяный мужикъ былъ въ деревнѣ большой рѣдкостью.

Помимо дворовыхъ и мастеровыхъ, полученныхъ деревней какъ пьяное наслѣдство отъ крѣпостныхъ временъ, спивалось въ мужицкой средѣ съ кругу только волостное и сельское начальство. Если волостной писарь былъ пьяница,—а онъ былъ имъ въ большинствѣ случаевъ, — въ волостномъ правленіи потреблялось вѣроятно, въ среднемъ, больше водки, чѣмъ во всей остальной волости, вмѣстѣ взятой. Самъ мужикъ былъ тутъ ни причемъ,—его пріучали къ водкѣ тѣ обособленныя условія, въ которыя онъ былъ поставленъ. Волостное правленіе было его альфой и омегой, а волостной писарь—полубожкомъ, и если этотъ полубожокъ пилъ, водка быстро дѣлалась однимъ изъ руководящихъ началъ этой мужицкой альфы и омеги, искоренить которое было невозможно. И этими-то двумя факторами—праздниками и господствовавшей нравственной атмосферой волостного правленія, и обусловливалось дѣйствительное мужицкое пьянство.

Y—ское уѣздное земское собраніе, благодаря малонаселенности уѣзда, состояло всего изъ 27 гласныхъ, тогда какъ N—ское —почти изъ 50, хотя крупныхъ землевладѣльцевъ въ первомъ было вѣроятно больше и по числу, и на лицо, чѣмъ во второмъ. Поэтому съѣздъ крупныхъ землевладѣльцевъ для выбора гласныхъ имѣлъ гораздо больше кандидатовъ для выбора:—въ N были выбраны почти всѣ присутствовавшіе, тогда какъ въ Y изъ присутствовавшихъ около 80 голосовъ нужно было выбрать всего 18 человѣкъ. Эти 80 голосовъ распались на три, почти равныя по численности, группы—купеческую, старыхъ служащихъ, предводимую предводителемъ дворянства и предсѣдателемъ управы, насколько они были на это способны по своей лѣни и безучастности ко всему житейскому вообще, и оппозицію, члены которой были разбросаны по всему уѣзду, и къ которой примкнулъ и я. Къ этому времени я уже имѣлъ изрядный опытъ въ дѣлѣ земскихъ выборовъ вообще, и могъ довольно вѣрно предсказать результаты уже послѣ перваго же голосованія. Купеческая группа, хотя и не имѣла съ оппозиціей прямого соглашенія, тѣмъ не менѣе сочувствовала ей до извѣстной степени, во-первыхъ, потому, что въ ней находились всѣ бывшіе сторонники ея умершаго вожака, а во-вторыхъ, потому, что старыя власти успѣли надоѣсть ей весьма серьезно своей бездѣятельностью, въ особенности предводитель; — въ присутствіяхъ, гдѣ онъ предсѣдатель-

ствовалъ, нельзя было ничего добиться по цѣлымъ мѣсяцамъ, и хотя купцы и не знали, какое будущее сулитъ имъ оппозиція, тѣмъ не менѣе всякая перемѣна была имъ желательна. Баллотировали по алфавиту, и случилось такъ, что впереди другихъ стояли нѣсколько кандидатовъ оппозиціи въ гласные, въ томъ числѣ и я;—мы и были выбраны соединенными голосами ея и купцовъ противъ стариковъ;—эти послѣдніе клали налѣво всѣмъ не принадлежавшимъ къ ихъ группѣ, за то ни одинъ изъ нихъ самихъ и не попалъ въ гласные; — двое-трое было сунулись, но были жестоко забаллотированы. Попали въ гласные и два или три купца, изъ наиболѣе порядочныхъ—оппозиція положила имъ направо, изъ благодарности, и чтобы не пропустить стариковъ; — но когда, поощренные этимъ, рискнули баллотироваться и завѣдомые купеческіе мастодонты, и старики и оппозиція единогласно положили имъ налѣво, и они были забаллотированы;—это обозлило купцовъ, и подъ конецъ выборовъ они уже клали налѣво всѣмъ остававшимся кандидатамъ оппозиціи. Пробившись до вечера, съѣздъ выбралъ всего 12 гласныхъ, вмѣсто 18-ти, и не попали въ ихъ число два-три человѣка, особенно нужныхъ оппозиціи;—пришлось тѣмъ не менѣе удовольствоваться и такой частичной побѣдой, такъ какъ все-таки на 9 человѣкъ оппозиціи было всего три купца, и, полагаясь на гласныхъ отъ крестьянъ, оппозиція могла разсчитывать на солидное большинство въ земскомъ собраніи, хотя оно и было бы далеко не полнымъ по составу. Изъ стариковъ не попалъ въ гласные ни одинъ,—былъ выметенъ начисто весь старый служебный персоналъ цѣликомъ. Выбранный составъ, хотя и заключалъ въ своей средѣ нѣсколькихъ серьезныхъ людей, былъ однако очень неудовлетворителенъ въ томъ смыслѣ, что не давалъ хорошаго персонала для земской управы;—въ немъ былъ хорошій, или, во всякомъ случаѣ, лучшій, чѣмъ старый, кандидатъ въ предводители, но не было никого, кто могъ бы обѣщать и дѣльнаго предсѣдателя управы, что было особенно нужно. Пришлось остановиться на одномъ больше чѣмъ недалекомъ человѣкѣ, но онъ былъ аккуратенъ, добросовѣстенъ, работящъ, и оппозиція надѣялась, что, при помощи дѣльнаго секретаря, онъ, можетъ быть, и справится удовлетворительно съ рутиной дѣла,—а чтобъ онъ не особенно робѣлъ и имѣлъ бы поддержку въ предполагавшихся начинаніяхъ и улучшеніяхъ, кромѣ двухъ членовъ управы съ жалованьемъ, собраніе выбрало и меня въ члены безъ содержанія. Въ губернскіе члены выбрали меня, предполагаемаго кандидата въ предводители, и еще одного молодого человѣка;—всѣ трое были людьми совершенно новыми на

общественной аренѣ Y—скаго уѣзда. Однако новая управа не вступала въ должность очень долго—только мѣсяца черезъ четыре послѣ земскаго собранія, такъ какъ старики опротестовали по начальству и все производство съѣзда крупныхъ землевладѣльцевъ, и все, что было сдѣлано новымъ собраніемъ.

Въ Y. эти протесты были хроническимъ дѣломъ,—ни одного съѣзда, ни одного собранія не обходилось безъ нихъ. Право недовольныхъ протестовать было, конечно, неотъемлемо предоставлено имъ закономъ,—но въ Z—ской губерніи въ дѣлѣ земскаго самоуправленія имъ пользовались только очень осторожно, и то только въ двухъ, трехъ совершенно безнадежныхъ и безлюдныхъ уѣздахъ, не придававшихъ большого значенія своей губернской репутаціи. Въ NN—ской же губерніи это чувство—чувство брезгливости къ жалобамъ администраціи на самихъ себя—совсѣмъ не существовало;—губернаторъ былъ круглый годъ заваленъ земскими протестами всякаго рода, сорта и наименованія. Было два-три уѣзда, въ которыхъ земское сутяжничество такъ укоренилось и шло съ такой настойчивостью и такъ непрерывно, что въ теченіе нѣсколькихъ трехлѣтій весь служебный выборный персоналъ былъ больше чѣмъ сомнителенъ въ смыслѣ законности своего избранія, и одинъ составъ смѣнялъ другой только затѣмъ, чтобы въ свою очередь быть опротестованнымъ и служить подъ тѣмъ же сомнѣніемъ, что и предъидущій. Меня лично всегда особенно сердило въ этомъ отношеніи то, что протестовали обыкновенно именно тѣ люди, которые всего легче и безъ малѣйшихъ угрызеній совѣсти сами-то и обходили всѣ законы, писанные и неписанные. Протесты эти основывались обыкновенно на неполномъ или несовершенномъ исполненіи всяческихъ формальностей: или довѣренности на второй голосъ, съ которыми они же и являлись на съѣзды, не были засвидѣтельствованы вполнѣ правильно, что на съѣздѣ они обыкновенно отрицали; или какая-нибудь статья положенія не была своевременно прочтена предсѣдателемъ; или была упущена какая-нибудь еще бо́льшая тривіальность, не имѣвшая и не могшая имѣть какого-либо вліянія на исходъ выборовъ или сущность дѣла. Въ дѣйствительности это были просто каверзы, а не протесты; въ моихъ глазахъ имѣлъ право протестовать только тотъ, кто самъ безпристрастно слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ требованій закона, а не тотъ, кто предъявляетъ завѣдомо не по формѣ засвидѣтельствованную довѣренность, настаиваетъ при помощи друзей на томъ, чтобъ она была признана за правильную, и затѣмъ, будучи побитъ, основываетъ свой протестъ именно на этой

довѣренности. Въ то время чувство законности въ деревенской жизни только-что начинало пробуждаться — изрѣдка и очень робко. Какъ мужикъ подавалъ прошенія архіерею и предсѣдателю казенной палаты по поводу призыва его сына къ воинской повинности, надѣясь на то, что его освободятъ отъ занесенія въ призывные списки не въ примѣръ прочимъ, такъ и интеллигентные классы не могли отдѣлаться отъ того всосаннаго ими съ молокомъ матери убѣжденія, что законъ писанъ не про всѣхъ, и что все зависитъ отъ случая и протекціи. Безправность и беззаконіе, самодурство и жалобы начальству были все еще отличительными, преобладающими чертами уѣздной жизни, и пробивались онѣ вездѣ и всюду. Протестъ, конечно, дѣло очень полезное и необходимое вездѣ, гдѣ почему-либо и какъ-либо попираются или узурпируются чьи-либо права,—но въ данномъ случаѣ они были основаны не на этомъ почтенномъ побужденіи, а просто на привычкѣ жаловаться начальству при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Не чувство законности руководило этими протестантами, а надежды, что противникамъ „влетитъ“, и что ихъ обиженное забаллотированіемъ самолюбіе получитъ должное удовлетвореніе. Къ счастію, правительствующій сенатъ, который, какъ послѣдняя инстанція, разбиралъ большинство такихъ земскихъ протестовъ, понималъ вѣроятно, что ими руководило, принималъ въ соображеніе всю трудность справляться со всѣми формальностями при царившихъ въ то время деревенскихъ жизненныхъ условіяхъ, и оставлялъ почти всѣ подобные протесты безъ послѣдствій. То же случилось и съ протестомъ Y—скихъ стариковъ; — работа и съѣзда и собранія была таки въ концѣ концовъ утверждена, и новая управа вступила въ должность—помнится, въ январѣ слѣдующаго года. Поданъ былъ протестъ и въ губернское земское собраніе по поводу выбора губернскихъ гласныхъ,—но и оно оставило его безъ послѣдствій, и мы были допущены къ участію въ его засѣданіяхъ.

Въ новой Y—ской земской управѣ всѣхъ типичнѣе былъ секретарь, выписанный мною варягъ, человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти. Онъ былъ послѣдней отраслью старинной, родовитой дворянской фамиліи, еще очень недавно богатой и вліятельной, но быстро поддавшейся новымъ условіямъ и въ конецъ разорившейся. Въ ранней молодости онъ былъ офицеромъ, воспитаннымъ въ холѣ и довольствѣ, и обзавелся на весь вѣкъ барскими привычками и полнѣйшей неспособностью заботиться о своемъ собственномъ благосостояніи. Онъ обладалъ довольно недюжинными способностями, писалъ хорошо, рисовалъ еще лучше, умѣлъ держать себя

и одѣваться, и если кто-нибудь стоялъ надъ его душой—могъ и усидчиво, и довольно быстро работать. Но ни какой-либо иниціативы, ни силы воли у него совсѣмъ не было;—разсуждая въ разговорахъ не только вполнѣ благоразумно, но часто и остроумно и не безъ дальновидности, онъ въ то же время на дѣлѣ былъ хуже всякаго ребенка, и его личныя дѣла находились все время въ самомъ плачевномъ положеніи. Безъ няньки онъ не могъ жить,—и такой нянькой могъ сдѣлаться всякій, кому бы заблагоразсудилось занять это положеніе. Женившись рано на очень милой и красивой дѣвушкѣ, онъ имѣлъ отъ нея нѣсколькихъ дѣтей;—затѣмъ сошелся съ другой, тоже очень милой и красивой дѣвушкой, и имѣлъ семейство и отъ нея; наконецъ, встрѣтившись въ желѣзнодорожномъ вагонѣ съ молоденькой, ѣхавшей на свое первое мѣсто институткой-гувернанткой, быстро овладѣлъ и ея привязанностью и очутился съ тремя семьями въ одномъ и томъ же маленькомъ уѣздномъ городѣ. Всего оригинальнѣе было то, что со всѣми этими тремя послѣдовавшими одна за другой супругами онъ съумѣлъ состоять въ превосходныхъ отношеніяхъ;—всѣ онѣ были знакомы между собой, помогали другъ другу и продолжали, повидимому, любить любвеобильнаго общаго супруга, хотя, само собою разумѣется, и бѣдствовали на его маленькомъ жалованьи. А онъ нылъ, расплывался, проклиналъ свою судьбу, но оставался тѣмъ же мягкотѣлымъ, безсильнымъ, безхарактернымъ человѣкомъ, совершенно неспособнымъ пособить не только имъ, но и самому себѣ;—это было ходячее олицетвореніе русской безпомощности, распущенности и умственной и нравственной халатности, не останавливавшейся даже передъ исковерканной жизнью трехъ женщинъ. Третьей изъ нихъ я лично не зналъ, но первыя двѣ имѣли въ себѣ всѣ задатки, чтобы составить счастье гораздо болѣе цѣннаго субъекта, чѣмъ былъ этотъ секретарь. И всего удивительнѣе было то, что городское общество, симпатизировавшее этимъ женщинамъ и стремившееся сдѣлать ихъ жалкую жизнь по возможности сносною, въ то же время симпатизировало и ему;—смотрите, молъ, люди добрые, какъ человѣкъ надрывается и убивается, содержитъ три семьи и любезенъ со всѣми тремя! Секретарь управы, несмотря на свои семейныя компликаціи, былъ несомнѣнно популяренъ въ городѣ; еслибъ ему пятьсотъ душъ и крѣпостное право, онъ, конечно, содержалъ бы крѣпостной гаремъ и былъ бы душой городского общества. Къ сожалѣнію, я не знаю, какъ онъ кончилъ свою жизненную карьеру, и что приключилось съ этими женщинами и всѣмъ его несчастнымъ, го-

лоднымъ потомствомъ. Я не могъ не упомянуть о немъ, такъ какъ такія именно личности всего лучше характеризовали это странное, переходное время.

NN—ская губернія была по пространству еще больше Z—ской, и тянулась безъ малаго на тысячу верстъ, но ея населеніе было гораздо рѣже, и губернскій городъ NN. значительно меньше нашего Z., хотя въ древней и средней русской исторіи онъ и занималъ гораздо болѣе замѣтное мѣсто. Губернское земское собраніе по составу было почти вдвое меньше Z—скаго, и отличалось отъ него весьма существенно во многихъ отношеніяхъ. Оно не было раздѣлено на партіи въ томъ смыслѣ, какъ было раздѣлено Z—ское; губернскіе гласные были менѣе связаны своими аффиліаціями, и никакъ нельзя было предвидѣть, какъ будетъ разрѣшенъ извѣстный вопросъ. Засѣданіе велось гораздо оффиціальнѣе, гораздо, такъ сказать, суше, и хотя предсѣдатель собранія, губернскій предводитель дворянства, былъ несравненно ниже Z—скаго князя, и по своему умственному уровню, и по своему умѣнью вести собраніе, оно все-таки шло съ большимъ наружнымъ декорумомъ, съ меньшимъ числомъ вспышекъ и горячихъ схватокъ. Я приписывалъ это тому, что въ его составѣ было гораздо меньше молодыхъ людей;—громадное большинство состояло изъ стариковъ, представителей родовитаго дворянства, обладавшихъ большой важностью и чувствомъ собственнаго достоинства. Z—ское собраніе, помимо князя и полудюжины стариковъ того же сорта, состояло изъ земцевъ, которые отдѣляли себя отъ дворянства и были прежде всего земцы; въ NN. сословное дворянское чувство было гораздо сильнѣе, очень и часто давало себя знать и въ преніяхъ. Въ Z—скомъ собраніи было нѣсколько купцовъ и крестьянъ; въ NN—скомъ, насколько помню, были исключительно дворяне. Мнѣ понадобилось нѣсколько дней, чтобы вполнѣ оріентироваться въ этой новой для меня въ земствѣ атмосферѣ и примѣниться къ ней. Предсѣдателемъ губернской управы былъ очень дѣловитый человѣкъ, гораздо лучше и живѣе нашего Z—скаго князя, и едва ли сочувствовавшій царившей въ собраніи важности и медлительности;—но и онъ поддавался ихъ вліянію, и пускалъ въ ходъ свои дипломатическія способности вѣроятно гораздо больше, чѣмъ это ему нравилось. Съ волками жить, поволчьи выть,—вѣроятно разсуждалъ и онъ. Я думаю, что нѣкоторое вліяніе на большую осторожность въ преніяхъ имѣло и присутствіе на всѣхъ засѣданіяхъ оффиціальнаго стенографа;—въ Z. записывалъ пренія и составлялъ протоколы секретарь, въ NN. же этотъ послѣдній

только заносилъ резолюціи и результатъ голосованій,—а затѣмъ каждое произнесенное въ засѣданіяхъ слово появлялось въ особомъ стенографическомъ отчетѣ. Это нововведеніе, въ то время еще очень рѣдко встрѣчавшееся, несомнѣнно связывало до извѣстной степени губернскихъ гласныхъ, въ особенности новичковъ; мысль о томъ, что каждое слово будетъ занесено и всякое лыко поставлено въ строку, пугала ихъ;—извѣстно, какъ страшится святая Русь увидѣть свое имя въ печати. Пренія сводились къ тому, что по всякому вопросу, кстати и некстати, говорили все одни и тѣ же опытные говоруны,—далеко не всегда самые дѣльные, самые серьезные люди въ собраніи; въ преніяхъ не было той непринужденности, той свободы выраженія своихъ мыслей, которыя господствовали въ Z. Да и NN-ское земство вообще далеко еще не успѣло избавиться въ той же степени, какъ Z—ское, отъ страха, что „влетитъ"; и въ N., и въ NN., страхъ этотъ въ земскихъ сферахъ былъ гораздо ощутительнѣе, чѣмъ въ Y. и Z. Я думаю, что причиной этой большей неподвижности былъ NN—скій губернаторъ, старый чиновникъ до мозга костей, весь свой вѣкъ проведшій въ разныхъ канцеляріяхъ и департаментахъ, сидѣвшій губернаторомъ въ NN. лѣтъ двадцать, и только по принужденію, а не по собственной охотѣ дѣлавшій различіе между земскими и другими, болѣе непосредственно ему подвѣдомственными учрежденіями губерніи. Въ Z—ской губерніи тѣ земскіе дѣятели, которые, подобно мнѣ самому, высоко цѣнили относительную самостоятельность земскихъ учрежденій, дарованную имъ основнымъ о нихъ положеніемъ, и не боялись пользоваться ею, насколько это было возможно, были до извѣстной степени самостоятельны;—въ NN—ской же я не могъ замѣтить никакихъ попытокъ къ этому, да и не думаю, чтобъ онѣ могли бы быть осуществлены;—и общественное мнѣніе въ уѣздахъ и, въ особенности, въ губернскомъ городѣ, отнеслось бы къ нимъ, вѣроятно, иначе, и губернаторъ не счелъ бы ихъ допустимыми и совмѣстимыми съ его общей губернской политикой. Извѣстно было, напримѣръ, что въ сосѣднемъ съ Y. уѣздѣ онъ довольно агрессивно отнесся къ образовавшейся-было въ немъ молодой независимой партіи, и, благодаря нѣсколькимъ сдѣланнымъ ею промахамъ въ формальностяхъ, возстановилъ-таки вліяніе стариковъ; что, во время бывшаго незадолго передъ тѣмъ въ губерніи голода, онъ почти совсѣмъ взялъ изъ рукъ губернскаго земства борьбу съ нимъ и самъ завѣдывалъ всѣми продовольственными мѣрами. Конечно, то, что я сказалъ выше о губернаторѣ и его общей политикѣ, основано только на моихъ

предположеніяхъ, въ виду того, что я зналъ и видѣлъ;—не знаю, что именно вышло бы на практикѣ; тѣмъ не менѣе, общій земскій тонъ и въ Y., и въ особенности въ NN., приводилъ меня къ этому заключенію;—когда было закрыто NN—ское губернское земское собраніе, я былъ убѣжденъ, что мой, въ то время уже пятилѣтній, земскій опытъ въ Z—ской губерніи былъ цѣненъ только какъ нѣчто мѣстное, и что были и такія губерніи, какъ NN—ская, гдѣ земство было еще далеко позади и не только не пользовалось всѣми предоставленными ему закономъ правами, но и не искало ихъ. Обсуждая впослѣдствіи эту разницу съ нѣкоторыми Z—скими земцами, мы пришли къ тому заключенію, что проистекала она изъ высшей общественной подготовки сначала Z—скаго дворянства, а затѣмъ и земства,—подготовки, полученной отъ долгой принципіальной партійной борьбы лѣвой и правой, о которой я подробно говорилъ выше. Эта борьба, какъ образовательный элементъ въ общественномъ дѣлѣ вообще, повліяла очевидно гораздо существеннѣе на общій уровень губерніи, чѣмъ это было замѣтно для ея собственныхъ земскихъ дѣятелей, и вліяніе это обнаруживалось во всей своей силѣ только для тѣхъ изъ нихъ, кто, подобно мнѣ, могъ принять активное участіе и въ земскихъ дѣлахъ другихъ губерній; а что ихъ было очень мало—ясно было изъ того, что, напримѣръ, въ NN—ской губерніи, хотя она и облегала Z—скую на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ, изъ Z—скихъ земцевъ за все время моей службы случилось быть губернскимъ гласнымъ только мнѣ одному,—да и то присутствовать въ NN—скомъ губернскомъ земскомъ собраніи мнѣ удалось только однажды, потому что случайно, за неразрѣшеніемъ во-время разныхъ протестовъ, оно было созвано позднѣе обыкновеннаго и не совпадало съ нашимъ;—въ остальные же годы они и открывались, и закрывались одновременно, и потому одно лицо, конечно, не могло участвовать въ обоихъ, хотя бы и состояло въ нихъ гласнымъ. Мнѣ посчастливилось—хотя я и не могу сказать, что эта удача была мнѣ пріятна:—она серьезно меня разочаровала въ положеніи земскаго дѣла вообще, подбавила не одну горькую каплю въ чашу уже и безъ того одолѣвавшаго меня пессимизма, и, вѣроятно, ускорила мой выходъ въ отставку. Сопоставляя и сравнивая все мною видѣнное и слышанное въ NN—ской губерніи, я не могъ не видѣть, что какъ ни пугала меня незначительность задатковъ къ установленію законности и искорененію безправія въ Z—ской губерніи, она все-таки была значительно выше въ этомъ отношеніи, чѣмъ ея ближайшіе сосѣди;—тѣ еще и не помышляли объ этомъ,—

по крайней мѣрѣ ничѣмъ не выражали этого въ своей земской жизни.

XII.

Чѣмъ больше и шире дѣлалось мое знакомство съ деревенской жизнью, тѣмъ рельефнѣе и яснѣе обрисовывалась безнадежность той хаотичности, которою она была насквозь проникнута. Я не могъ не замѣчать этой хаотичности и съ самаго начала этого знакомства;—но хаосы бываютъ разные, и первые годы моей земской службы я надѣялся, что нашъ N—скій хаосъ былъ чисто мѣстнаго характера, результатъ различныхъ особенно неблагопріятныхъ условій, нѣчто поправимое при энергіи и долгой, усидчивой работѣ. Но съ теченіемъ времени эта надежда оставляла меня все болѣе и болѣе, а подъ-конецъ и совсѣмъ исчезла. Вся уѣздная общественная организація мало-по-малу приняла въ моихъ глазахъ видъ какой-то сплошной прорѣхи:—по мѣрѣ того, какъ накладывались заплаты на одну сторону, расползалась во всѣхъ концахъ другая, и прежде чѣмъ можно было ее заштопать такъ или иначе, первая заплата уже оказывалась въ лохмотьяхъ. Не было въ этой прорѣхѣ ничего такого, на что бы можно было опереться,—все шаталось и трещало, и одна недохватка погоняла другую, такъ что дѣло валилось изъ рукъ. Не я одинъ, а вообще русскіе люди слишкомъ нетерпѣливы и слишкомъ невыдержанны, слишкомъ интенсивны и требовательны,—въ данномъ же случаѣ несла значительную долю отвѣтственности и моя молодость. Я выбился изъ силъ и ушелъ, еще не достигнувъ двадцати-восьми лѣтъ отъ роду,—то-есть, въ такомъ возрастѣ, когда человѣкъ только-что начинаетъ пріобрѣтать ту долю жизненнаго опыта, которая необходима, чтобы хоть сколько-нибудь успѣшно и безъ излишней нетерпимости занимать такія отвѣтственныя мѣста. Думаю, что, вступая въ должность, я былъ искренно преданъ земскому дѣлу и глубоко вѣрилъ въ его важность; думаю также, что работалъ, на сколько у меня хватало силъ и умѣнья; работать я умѣю, и лѣнью и недостаткомъ силы воли никогда не страдалъ. Но опыта и выдержки у меня совсѣмъ не было,—не было и приходящаго только съ годами умѣнья ладить съ людьми. Я былъ слишкомъ независимъ, слишкомъ много полагался на свои собственныя силы, и слишкомъ мало цѣнилъ своихъ сотрудниковъ; кромѣ того, былъ одностороненъ и совсѣмъ не обладалъ способностью становиться на какую-либо другую точку зрѣнія, кромѣ своей собственной.

Теперь, тридцать лѣтъ спустя, потолкавшись по бѣлу свѣту, я полагаю, что степень этой способности есть одно изъ главныхъ мѣрилъ культурности человѣка. Тѣ нетерпимость и увѣренность въ собственной непогрѣшимости, которыми были пропитаны до мозга костей лучшіе земскіе люди того времени, и благодаря присутствію которыхъ мы считали себя единственными передовыми бойцами за истину, кажутся мнѣ теперь только результатами низкаго уровня культурности и непониманія наиболѣе успѣшныхъ и наиболѣе разумныхъ путей къ правильному устройству взаимныхъ человѣческихъ отношеній. Опредѣли свое міровоззрѣніе, создай и оформь свои идеалы, и затѣмъ дѣйствуй, хотя бы эти дѣйствія и заключались въ колоченіи лбомъ въ каменную стѣну. Всякій компромиссъ будетъ преступленіемъ—иди прямо, не оглядываясь ни направо, ни налѣво. А вѣдь въ сущности это не что иное, какъ самый безобразный деспотизмъ, даже автократія:—какъ будто ваши противники не такіе же люди, какъ и вы, какъ будто они не имѣютъ никакого права думать и дѣйствовать иначе, чѣмъ вы! Какъ будто истина можетъ быть чьимъ-либо личнымъ достояніемъ, чьей-либо собственностью, а не есть достояніе всего человѣчества! Разъ вы присвоиваете себѣ какія-либо права, тѣмъ самымъ вы, конечно, должны предоставить тѣ же права—не больше, но и не меньше—и всякому другому человѣку. А съ этой-то безспорной, казалось бы, аксіомой мы въ то время были совершенно незнакомы на практикѣ. „Съ нами Богъ—и Богъ съ вами"—вотъ то правило, которымъ мы въ дѣйствительности жили и исключительно руководствовались. А я, будучи молодъ и задоренъ, вѣроятно руководствовался имъ даже больше другихъ, и стремился прежде всего къ тому, чтобы *заставлять* другихъ думать и чувствовать, какъ думалъ и чувствовалъ я самъ, не принимая въ соображеніе того, что они не могли сдѣлать этого, и думали и чувствовали по своему, и имѣли полное право на это. Единственнымъ возможнымъ результатомъ и былъ пессимизмъ,—моя нетерпимость, моя увѣренность въ томъ, что свѣтъ былъ только въ моемъ окнѣ, и не могли привести меня къ чему-либо другому. Я попробую теперь очертить положеніе, какъ оно мнѣ представлялось въ то время.

Не только главнымъ, но и единственнымъ объектомъ моей работы былъ мужикъ. Благодаря этой односторонности, свѣтъ безсознательно дѣлился на двѣ части—на мужика и на все остальное. Это остальное имѣло интересъ только въ смыслѣ своего отношенія къ первому;—и такъ какъ громадное его большинство было и казалось такъ или иначе враждебнымъ этому

первому, то и я относился къ нему совершенно такъ же, то-есть враждебно и съ предубѣжденіемъ. Человѣкъ въ этомъ дѣленіи исчезалъ: мужикъ, обособленный всѣмъ своимъ антуражемъ, обособлялся и мной, и являлся и для меня объектомъ для патернализма, то-есть, въ дѣйствительности, жертвой той же опеки, которая и привела его въ то состояніе, въ которомъ онъ находился. Желая вывести его изъ этого состоянія, я употреблялъ тѣ же методы, которые привели его къ нему. Пытаясь помочь ему, защитить его, я не обращался къ его самодѣятельности, къ тѣмъ путямъ, которые могли бы сдѣлать его самостоятельнымъ, а навязывалъ ему то, что въ моемъ представленіи было ему нужно. И когда эти спеціально для *мужика* приготовленныя средства не дѣйствовали, когда оказалось, что вся произвольно построенная въ моемъ воображеніи система по ея осуществленіи не оказывала никакого вліянія, а напротивъ, постоянно трещала во всѣхъ направленіяхъ и лопалась по всѣмъ швамъ, безнадежность моего воздушнаго замка не могла не подѣйствовать въ концѣ концовъ такъ удручающе, чтобы не заставить меня бросить все дѣло. Стоя на этой абсолютно неправильной, хотя и общепринятой точкѣ зрѣнія, въ то же время я, какъ уже было упомянуто выше, слишкомъ мало цѣнилъ своихъ сотрудниковъ и всѣ тѣ силы и элементы, которые давала уѣздная жизнь и которые можно и должно было утилизировать гораздо больше того, чѣмъ я это дѣлалъ. Очень ужъ мы были импульсивны, требовательны, односторонни,—слишкомъ много копались въ чужой душѣ и слишкомъ критически относились ко всему окружавшему. Вмѣсто того, чтобы пользоваться человѣкомъ, какимъ онъ былъ, и въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ онъ могъ быть полезенъ, мы браковали его безъ всякаго милосердія потому, что онъ почему-либо не соотвѣтствовалъ всѣмъ нашимъ требованіямъ. Подходящаго матеріала было, конечно, не особенно много,—но мы, благодаря своей нетерпимости и односторонности, не умѣли пользоваться и тѣмъ, что было. Мнѣ кажется, что это, доходившее часто до болѣзненности, копанье въ собственной и чужихъ душахъ, эти скептицизмъ и излишній анализъ были также однѣми изъ самыхъ характерныхъ особенностей жизненныхъ отправленій интеллигенціи того времени. Человѣкъ, „заѣденный рефлексомъ", былъ тогда очень обычнымъ явленіемъ. Мы не умѣли относиться просто и прямо ни къ людямъ, ни къ вещамъ, ни къ общественнымъ явленіямъ,—прилагали ко всему самоизмышленные, произвольные критеріи и мѣрки, какъ будто имѣли на это спеціальное право, какъ будто мы были всевѣду-

щими судьями. Теперь я приписываю это искусственному настроенію, — мы какъ будто священнодѣйствовали, а не просто работали, не просто дѣлали обычное, ежедневное дѣло. Земская работа казалась намъ какимъ-то необыкновеннымъ подвигомъ; наши умственные вожаки ожидали отъ нея слишкомъ многаго, поставили ее на непринадлежавшую ей при тогдашнихъ жизненныхъ условіяхъ высоту; какъ народники слишкомъ идеализировали мужика и требовали невозможнаго отъ своихъ адептовъ-работниковъ на мѣстѣ, такъ и лучшіе люди того времени слишкомъ идеализировали провинцію вообще, придавали земской работѣ не принадлежавшее и не могшее ей принадлежать значеніе — и въ обоихъ случаяхъ, вмѣсто того, чтобы признать выясненныя опытомъ ихъ собственныя невѣрныя представленія и ошибки, перешли быстро къ разочарованію и пессимизму. Слишкомъ ужъ грандіозны были ихъ фантазіи, слишкомъ ужъ быстро и великолѣпно были выстроены ихъ воздушные замки. Масштабъ былъ произволенъ и невѣренъ, — деревенская дѣйствительность совсѣмъ ему не соотвѣтствовала. Это былъ обычный всѣмъ русскимъ умственнымъ движеніямъ слишкомъ быстрый, скороспѣлый полетъ мысли, не справлявшейся съ дѣйствительнымъ положеніемъ ея жизненнаго приложенія, и отрѣшившійся отъ него до того, что между ними оказывалась непроходимая пропасть. Къ этой приподнятой, произвольной оцѣнкѣ основъ всего положенія примѣшивались односторонность и узкость печатныхъ свѣдѣній о дѣйствительности и всей литературы предмета. Редакторы многихъ изданій положительно отказывались печатать всю правду; — корреспонденціи изъ деревни урѣзывались, подкрашивались, исправлялись до неузнаваемости, — все освѣщалось въ томъ духѣ, въ томъ тонѣ, который казался нужнымъ въ данную минуту; о недостаткахъ, ошибкахъ, прорѣхахъ умышленно молчали, а всякій мало-мальски благопріятный симптомъ раздували въ десять разъ. Деспотизмъ мысли, который я пытался очертить выше, какъ руководящее начало земскихъ дѣятелей въ родѣ меня, былъ и руководящимъ началомъ печати того времени. Шедшіе въ деревню люди не узнавали ея, — они встрѣчали совсѣмъ не то, что ожидали и что были въ правѣ ожидать по описаніямъ. Это былъ обманъ — продиктованный неправильно понимаемымъ чувствомъ долга и возвышенными теоретическими стремленіями, но все-таки обманъ. Я пописывалъ въ то время небольшіе очерки изъ деревенскаго быта, занося въ нихъ все, что видѣлъ и переживалъ. По поводу одного изъ такихъ очерковъ меня, въ особой статьѣ, разнесъ въ конецъ критикъ одного изъ самыхъ „передовыхъ“ изданій, и,

вскорѣ спустя, мнѣ пришлось встрѣтиться въ Петербургѣ съ редакторомъ этого изданія, который и оказался авторомъ разнесшей меня статьи. Онъ долго и упорно поучалъ меня, о чемъ слѣдуетъ и о чемъ не слѣдуетъ писать, что политично, и что вредно. Я думалъ—и продолжаю думать и до сихъ поръ,—что прежде всего слѣдуетъ писать одну правду—и всю правду, и что ничто не можетъ быть вреднѣе для какого бы то ни было дѣла, какъ партійное, завѣдомо одностороннее или невѣрное къ нему отношеніе. Но мой редакторъ готовъ былъ съѣсть меня за такую наивность,—и, къ сожалѣнію, онъ, вѣроятно, имѣлъ за собою и общественное мнѣніе того времени, а благодаря этому, правда такъ и продолжала оставаться въ загонѣ даже въ несомнѣнно честныхъ и искренно желавшихъ добра своей родинѣ изданіяхъ. Хвалить было можно сколько угодно, а порицать было нельзя;—это считалось чуть ли не „измѣной“ дѣлу, служеніемъ въ руку противникамъ;—какъ будто можно замолчать жизнь, заговорить краснымъ словцомъ дѣйствительность! Ненормальна и одностороння была вся жизнь того времени...

Вліяніе всѣхъ этихъ факторовъ на земскую жизнь на практикѣ выяснялось мнѣ больше и больше, по мѣрѣ того, какъ проходило время и сказывались результаты моей работы. Въ одной изъ предъидущихъ главъ я описалъ, какъ трудно было и какое долгое время понадобилось на то, чтобы организовать удовлетворительно медицинскую часть уѣзда. Когда исправлявшій должность земскаго врача городского участка правительственный докторъ умеръ, па его мѣсто былъ присланъ еврей—и очень типичный представитель своей расы. Русскій мужикъ—да и вообще всякій провинціалъ—очень не любитъ евреевъ. Это такое предубѣжденіе, бороться съ которымъ совершенно невозможно,—да и прежде всего некогда, такъ какъ всякихъ предубѣжденій и безъ этого такъ непомѣрно много. Даже отличный врачъ-еврей въ деревнѣ едва-ли можетъ быть полезенъ,—во всякомъ случаѣ не иначе какъ спустя очень долгое время по пріѣздѣ—предубѣжденіе будетъ убивать его работу; а въ данномъ случаѣ новый уѣздный докторъ и самъ по себѣ не былъ чѣмъ-либо особенно желательнымъ. Мужикъ вообще охотнѣе идетъ лечиться къ фельдшеру, чѣмъ къ доктору; послѣднему нужно съумѣть сдѣлаться вообще популярнымъ, чтобы мужикъ предпочелъ его находящемуся при немъ же пьяному и невѣжественному фельдшеру, и если онъ—еврей, то ему и не добиться этого. М., съ теченіемъ времени, успѣлъ до извѣстной степени пересилить своихъ фельдшеровъ, но онъ былъ во многихъ отношеніяхъ ис-

ключительная личность. Въ такомъ видѣ медицинская часть продержалась въ N—скомъ уѣздѣ года два съ половиной, и когда она только-что наладилась и появились кое-какіе результаты, М. уже выбился изъ силъ и усталъ. И онъ, и всѣ остальные земскіе врачи N—скаго уѣзда всегда говорили, что обставлены они были идеально, въ смыслѣ своихъ отношеній къ земской управѣ и исполненія ею ихъ медицинскихъ требованій; я зналъ, что надо мной смѣялись и острили по поводу тѣхъ щепетильности, осторожности и предупредительности, съ которыми я всегда относился къ нашему медицинскому персоналу. Тѣмъ не менѣе, М. ушелъ, хотя я предлагалъ ему отпускъ съ содержаніемъ, даже поѣздку за границу. Я зналъ, чего стоилъ такой человѣкъ, и какъ трудно, почти невозможно будетъ его замѣнить. Онъ исхудалъ, нервы его были разбиты, чувствительность притуплена,—деревня прямо уходила его и, останься онъ еще на годъ, навѣрное, доканала бы его окончательно. За нимъ ушелъ вскорѣ и врачъ южнаго участка, такъ что я остался опять съ однимъ врачомъ въ городѣ—евреемъ. А я уже понималъ въ то время вполнѣ, что̀ значили для какого-либо деревенскаго дѣла личныя перемѣны, въ особенности перемѣны успѣвшихъ примѣниться къ потребностямъ мужика людей. Все, что̀ было ими сдѣлано, всѣ тѣ зародыши и начатки, которые они вызывали своей дѣятельностью въ своемъ непосредственномъ сосѣдствѣ, быстро пропадали, и мужикъ обращался въ первобытное состояніе. Я уже выяснилъ этотъ процессъ подробно, когда говорилъ о народныхъ учителяхъ; теперь скажу только, что нѣчто однородное происходило и съ докторами, и съ фельдшерами, и съ акушерками. Это были искуственные наросты, вліяніе которыхъ на народный организмъ исчезало съ ихъ удаленіемъ. А въ данномъ случаѣ на мѣсто М. пришлось пригласить еще еврея. Найти въ то время земскаго врача для деревенской больницы было чрезвычайно трудно. Когда этотъ еврей—человѣкъ, между прочимъ, очень хорошій и добросовѣстный, скоро понявшій, какъ относился къ его еврейству мужикъ,—вскорѣ тоже ушелъ, больница опять стала пустая, и я, наконецъ, вынужденъ былъ взять на это мѣсто врача-женщину. Это была очень серьезная, дѣльная и знающая женщина, но все-таки—женщина; а N—скій мужикъ вообще еще далеко не дошелъ до того, чтобы считать женщину за человѣка. Кромѣ того, земскій врачъ долженъ быть хирургомъ,—въ его практикѣ очень часты несчастные случаи, когда ножъ необходимъ, а женщина-врачъ не можетъ дѣлать какихъ-либо серьезныхъ операцій. При всемъ моемъ уваженіи

къ женщинѣ вообще, я не вѣрилъ въ земскаго врача-женщину, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда земство могло бы содержать ее при врачѣ-мужчинѣ; въ самостоятельной же земской больницѣ она едва-ли практична, такъ какъ можетъ разсчитывать только на пользованіе женщинъ и дѣтей. Мужикъ къ ней не пойдетъ.

Я нѣсколько разъ ѣздилъ въ Петербургъ, пустилъ въ ходъ все мое знакомство, объявлялъ во всѣхъ газетахъ, но такъ-таки до конца моей службы и не могъ ни усилить, ни измѣнить персонала, и оставался при евреѣ и женщинѣ, то-есть, въ сущности, оказался въ томъ же положеніи, что и при началѣ моей службы. Большая часть медицинскаго бюджета пропадала безслѣдно,—на „варяговъ“ разсчитывать было нельзя. Они не были ничѣмъ привязаны къ уѣзду, ни экономически, ни чувствомъ; когда волна, гнавшая ихъ въ деревню, прошла,—даже залучить кого-либо въ деревенскую больницу оказалось невозможно. Даже и женщина-врачъ держалась въ ней только благодаря нѣкоторымъ исключительнымъ личнымъ условіямъ; какъ только эти условія измѣнились—ушла и она.

А изъ имѣющихся у меня за нѣсколько лѣтъ протоколовъ собраній N—скаго земства, спустя много лѣтъ послѣ моего выхода въ отставку, я узналъ, что оно такъ и продолжаетъ бороться съ невозможностью удержать своихъ земскихъ врачей; во время холерной эпидеміи въ немъ цѣлое лѣто не было *ни одного* доктора. Я же безусловно убѣжденъ, что земская медицина можетъ оказывать нѣкоторое вліяніе только при условіи постоянныхъ и хорошихъ врачей; безъ нихъ, или при ихъ частыхъ перемѣнахъ, земскій медицинскій бюджетъ—не что иное, какъ брошенныя въ печку деньги, такая же пустая формальность, какъ полицейскіе пожарные навѣсы по деревнямъ.

Вопросъ о производительности земскихъ расходовъ съ теченіемъ времени все больше и больше смущалъ меня. Расходы эти распадались на обязательные и необязательные. Къ первымъ относилось содержаніе почтовыхъ дорогъ и перевозовъ, земскихъ станцій, мировыхъ судей, разныхъ присутствій, квартирныя деньги разнымъ чинамъ, губернскій земскій сборъ, и т. д. Эти расходы возлагались на земство разными узаконеніями; оно служило только посредствующимъ звеномъ, и отъ нихъ не было спасенія. Главными статьями расходовъ необязательныхъ были народное здравіе и народное образованіе, доходившія въ N—скомъ уѣздѣ, въ концѣ моей службы, до 35.000 рублей въ годъ. Это была капля въ морѣ сравнительно съ тѣмъ, что было дѣйствительно нужно, такая капля, которая своей незначительностью и недостаточно-

стью сама убивала свою возможную производительность, а между тѣмъ нашъ нищій уѣздъ и такъ оканчивалъ каждый годъ дефицитомъ, накапливалъ неоплатную недоимку, и капля эта представляла собою огромныя деньги, которыя приходилось „выбивать“ чуть не по грошамъ и тѣми же мѣрами, противъ примѣненія которыхъ такъ возставало и воевало съ исправникомъ либеральное N—ское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Читатель, конечно, замѣтилъ, что, въ теченіе этого разсказа, мнѣ не разъ приходилось повѣствовать о томъ, какъ я сначала стремился пополнить оставленную мнѣ преемникомъ совершенно пустую земскую кассу, затѣмъ энергически взыскивалъ продовольственныя ссуды, страховыя недоимки и т. д. Продовольственный капиталъ былъ почти цѣликомъ въ ссудахъ, и еслибъ ихъ не взыскивать, при неподготовленности хлѣбо-запаснаго дѣла, всякій неурожай могъ легко обратиться въ голодъ; за страховыми недоимками, страховая касса была пуста, и выдача пожарныхъ премій задерживалась на полгода и больше, и подрывала все значеніе обязательнаго страхованія въ самомъ корнѣ; съ пустой уѣздной земской кассой голодали учителя и ссорился и тормазилъ все земское дѣло весь выборный уѣздный персоналъ. А между тѣмъ, на практикѣ, это было совершенно то же „выбиваніе“ недоимокъ, которымъ занималась такъ усердно уѣздная полиція, и, осуждая ее и противодѣйствуя ей, по мѣрѣ возможности, съ одной стороны, я, въ то же время, былъ вынужденъ—съ другой—обращаться къ ней же за тѣмъ же для пополненія собственныхъ земскихъ нуждъ. Эта несообразность постоянно стояла передо мною, и я никакъ не могъ отъ нея уйти. А всякая несообразность, притомъ такая настойчивая, вызываетъ, конечно, рефлексъ. Ревизуя, напримѣръ, родильный пріютъ, самостоятельный фельдшерскій пунктъ и земскую школу въ свищевской волости, я находилъ слѣдующую картину: въ родильномъ пріютѣ съ самаго его основанія не было ни одной крестьянской роженицы. Родили въ немъ только солдатка изъ сосѣдней губерніи, привезенная къ пріюту ночью неизвѣстно кѣмъ, да мѣщанка—любовница мѣстнаго кабатчика. Даже мѣстное духовенство—въ свищевской волости пять-шесть церковныхъ приходовъ—ни разу не приглашало земскую акушерку; попадьи и дьяконицы довольствовались мужицкими повитухами, даже между ними не было потребности въ настоящей акушеркѣ, и только однажды ее пригласили на роды помѣщицы, верстъ за сорокъ, въ другомъ уѣздѣ. Фельдшеръ былъ безпробудный пьяница, проводившій все свое время въ кабакѣ, не вытрезвившійся вполнѣ даже

къ моему пріѣзду, о которомъ онъ былъ предупрежденъ; онъ трясся всѣмъ тѣломъ, икалъ безпрестанно, и его налитые кровью глаза не могли ни на секунду сосредоточиться на чемъ-нибудь, а какъ-то безсознательно танцовали. А онъ былъ уже пятый на этомъ пунктѣ за послѣдніе два года; четверо его предшественниковъ были нисколько не лучше. Въ школѣ сидѣло десять-двѣнадцать ребятишекъ, тощихъ, голодныхъ, холодныхъ. Прекрасная, нѣсколько лѣтъ хорошо мнѣ извѣстная учительница, переведенная сюда, чтобы „поднять" школу, чуть не со слезами разсказывала, что это все, что она могла удержать всяческими правдами и неправдами; я подозрѣваю даже, что нѣкоторыхъ она содержала сама, на свой счетъ, изъ своего грошоваго жалованья. Въ то же время я знаю, что въ свищевской волости двѣ трети населенія, изъ года въ годъ, шесть мѣсяцевъ, а то и больше, питаются лебедой и другими суррогатами хлѣба, живутъ въ отвратительныхъ курныхъ избахъ, вмѣстѣ съ курами и телятами, жгутъ лучину, мрутъ отъ дифтерита и сыпного тифа,— даже цынга въ ней не переводится,—и что нѣкоторыя деревни поголовно заражены сифилисомъ. На волости слишкомъ сорокъ тысячъ рублей казенныхъ недоимокъ, и она платитъ за всѣ вышеописанныя земскія удовольствія около двухъ тысячъ рублей въ годъ земскихъ повинностей. Въ волостномъ правленіи, стяжавшемъ завидную славу хроническимъ безпорядкомъ всего своего дѣлопроизводства, и старшина, и писарь—въ городѣ, на высидкѣ за недоимку, и единственнымъ представителемъ власти является однорукій сторожъ-солдатъ, съ нѣсколькими медалями на затасканной шинели, уныло созерцающій въ одиночествѣ массу огромныхъ пруссаковъ-тараканова, поѣдающихъ огарокъ восьмериковой сальной свѣчи на присутственномъ столѣ.

— Когда назадъ ждете старшину? — спрашиваю я, пріѣхавшій за сто слишкомъ верстъ, чтобъ обревизовать правленіе и распутать кашу въ его дѣлопроизводствѣ по нѣсколькимъ предметамъ.

— Намъ неизвѣстно, ваше высокоблагородіе, намъ ничего неизвѣстно... — моргая усомъ и стараясь стоять на-вытяжку, отвѣчаетъ глухимъ голосомъ почтенный инвалидъ. — Топить не велѣно,—должно, долго продержатъ,—сообщаетъ онъ послѣ долгой паузы свои соображенія.

Свищевская волость не просила ни родильнаго пріюта, ни фельдшерскаго пункта, ни земской школы. Все это было ей навязано, такъ какъ она расположена центрально относительно двухъ-трехъ такихъ же волостей. Ей, живущей на лебедѣ и тща-

тельно скрывающей „нехорошую болѣсть“ и гніющей втихомолку, не до нихъ. Она мечтаетъ о „нови“ и „осенней Казанской“. У нея никогда не было ни одного представителя въ земскомъ собраніи, — она не имѣетъ о немъ никакого представленія и совершенно индифферентна ко всему, кромѣ вожделѣнія этой „нови“ и этой „осенней Казанской“. Старшина и писарь—въ кутузкѣ? Такъ имъ, прохвостамъ, и надо. Затѣмъ они, „него-дяи“, и посажены въ волостное правленіе, чтобы „отсиживать“ за міръ.

Какъ вы думаете, читатель, производительно ли мы изводили наши необязательные земскіе расходы, и не навели ли бы они и васъ на всякія нехорошія размышленія?

Всего мучительнѣе было сознаніе того, что свищевская волость ничего не просила сама, а мы взыскивали съ нея двѣ тысячи рублей, которыя купили бы ей триста кулей муки и дали бы хлѣбъ, вмѣсто лебеды, хотя бы ея младенцамъ. Мы отобрали у нея этотъ хлѣбъ, и вмѣсто него доставили ей удовольствіе лицезрѣть хорошенькую акушерку, цѣлую коллекцію пьяницъ фельдшеровъ да тоже голодавшую, благодаря своимъ ученикамъ, учительницу....... Если и это не былъ патернализмъ, противъ котораго мы сами такъ горячо и такъ справедливо возставали, то что же это было такое?

Когда подошли выборы на слѣдующее трехлѣтіе, составъ гласныхъ остался тотъ же самый, и я опять былъ выбранъ въ предсѣдатели управы на этотъ разъ единогласно. У меня, тѣмъ не менѣе, все-таки не было никакой партіи, какъ это понималось въ нашей уѣздной политикѣ, и мнѣ было извѣстно, что мой все возроставшій пессимизмъ очень не нравился нѣсколькимъ вліятельнымъ гласнымъ собранія. Съ удаленіемъ съ земской арены Л., въ уѣздѣ не было опредѣленнаго вожака;— у меня никогда не было ни малѣйшаго желанія сдѣлаться имъ, и я всегда держался особнякомъ, даже не принадлежалъ ни къ одному изъ уѣздныхъ кружковъ. Мой личный характеръ, въ то время очень рѣзкій и нетерпимый, не допускалъ сближенія съ людьми,—а къ интригамъ у меня не было никакихъ способностей. Я служилъ потому, что считалъ это своимъ долгомъ,—готовъ былъ уйти во всякую минуту, и не считалъ нужнымъ—да, по всей вѣроятности, и не съумѣлъ бы — подобрать шайку, чтобы увѣковѣчить свой режимъ, что было всегдашней политикой всѣхъ уѣздныхъ воротилъ, почему-либо попадавшихъ въ то положеніе, въ которомъ

я находился. То приподнятое настроеніе, которое бросило меня въ деревню, не могло продолжаться вѣчно,—такіе импульсы всегда недолговременны и уступаютъ обыкновенно мѣсто неудовлетворенности и постепенно помрачающейся окраскѣ всего окружающаго. На очередное губернское собраніе я поѣхалъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ за пять лѣтъ передъ тѣмъ. А собраніе это оказалось очень интереснымъ. Лѣвая была въ значительномъ большинствѣ, въ первый разъ по введеніи земскихъ учрежденій. Правая какъ-то выродилась,—въ ея средѣ не было ни одного выдающагося человѣка, и даже основавшій ее уѣздъ прислалъ въ первый разъ нѣсколькихъ представителей лѣвой. Князь, какъ предсѣдатель губернской управы на слѣдующее трехлѣтіе, оказался невозможнымъ, и это было понято и имъ, и собраніемъ съ перваго же дня. Тѣмъ не менѣе, замѣнить его было не особенно легко, хотя лѣвая и была въ безусловномъ большинствѣ и заключала въ своемъ составѣ многихъ дѣльныхъ людей. Съ теченіемъ времени съ мѣстомъ предсѣдателя губернской земской управы оказались связанными многія постороннія требованія,—одной дѣловитости и способности работать было не только недостаточно, но и онѣ являлись какъ бы второстепенными; выходило, что прежде всего нужны были представительность и извѣстное положеніе и въ глазахъ губерніи, и въ глазахъ администраціи. Содержаніе было маленькое, даже меньше того, что получали предсѣдатели нѣсколькихъ уѣздныхъ управъ;—приходилось жить въ губернскомъ городѣ, поддерживать престижъ губернскаго земства, ладить съ цѣлымъ десяткомъ уѣздныхъ воротилъ и съ администраціей;— все это дѣлало положеніе и не особенно прочнымъ, и не особенно желательнымъ. Въ Z—ской губерніи отъ губернской управы требовалось много такта. Вѣковыя традиціи дѣлали губернію начальствомъ уѣзда. Заурядный обыватель видѣлъ въ губернской управѣ начальство уѣздныхъ, и отъ этого отношенія къ дѣлу ему очень трудно было отрѣшиться. Онъ выросъ и воспитался на служебной іерархіи, и понималъ только отношенія начальника къ подчиненному—и наоборотъ. То своеобразное положеніе, которое занимало губернское земство относительно уѣздныхъ, превышало его пониманіе, и онъ никакъ не могъ всесторонне къ нему приспособиться. Недоразумѣнія, возникавшія на этой почвѣ, были сравнительно часты и вызывали въ уѣздахъ недоброжелательность къ персоналу губернской управы иногда безъ всякаго разумнаго основанія. Съ другой стороны, и губернская управа не всегда выдерживала свою роль, поддаваясь, такъ сказать, общему для атмосферы губернскаго го-

рода стремленію начальствовать и предписывать. У нея не было въ уѣздахъ своихъ собственныхъ органовъ, и потому ей часто приходилось обращаться къ уѣзднымъ управамъ по поводу разныхъ дѣлъ; въ случаѣ натянутости или даже враждебности отношеній, какія, напр., были между нею и Иваномъ Ильичемъ до моего появленія на земскомъ поприщѣ N — скаго уѣзда, ея положеніе оказывалось очень затруднительнымъ. Князь былъ предсѣдателемъ Z—ской губернской земской управы съ самаго основанія земскихъ учрежденій въ губерніи, и хотя онъ и считался первоклассным дипломатомъ, тѣмъ не менѣе у губернской управы были застарѣлыя недоразумѣнія съ нѣсколькими уѣздными земствами, и это, помимо партійныхъ мотивовъ, много способствовало общему желанію замѣнить его новымъ лицомъ. Единственнымъ подходящимъ кандидатомъ въ предсѣдатели оказался молодой еще, сравнительно, человѣкъ, съ хорошими средствами и старинной родовитой дворянской фамиліи, очень представительный, хорошо образованный, но изъ того уѣзда, гдѣ получила свое основаніе лѣвая, и это сдѣлало его выборъ довольно затруднительнымъ, хотя въ рѣшительную минуту онъ все-таки получилъ небольшое большинство голосовъ и былъ такивыбранъ. Земство желало видѣть его и губернскимъ предводителемъ дворянства; но на дворянскомъ собраніи, послѣдовавшемъ немедленно за земскимъ, лѣвая оказалась въ меньшинствѣ, и князь опять одержалъ побѣду и былъ выбранъ и на слѣдующее трехлѣтіе. N—скій уѣздъ выбралъ въ предводители опять меня, но въ кандидаты ко мнѣ — молодого человѣка, только-что кончившаго курсъ въ петербургскомъ университетѣ и еще не достигшаго земскаго совершеннолѣтія; этотъ выборъ далъ мнѣ возможность слѣдующей же весной выйти въ отставку, такъ какъ юноша этотъ, будучи предводителемъ дворянства, могъ, подобно мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, занять и мѣсто предсѣдателя земской управы. Такимъ образомъ я покинулъ земскую службу, какъ только явилось лицо, могшее занять обѣ занимавшіяся мною должности.

Вскорѣ затѣмъ судьба закинула меня навсегда на чужбину, къ антиподамъ, и мнѣ не пришлось ни разу посѣтить N—скій уѣздъ; послѣдующую исторію его земства я знаю только по протоколамъ его собраній. Читать эти протоколы умѣючи могутъ только тѣ, кто знаетъ, какъ они составляются и въ чемъ именно заключается ихъ сущность, и это умѣнье дается только долгимъ личнымъ опытомъ. Въ теченіе моей службы дѣятельность N—скаго уѣзднаго земства не разъ останавливала на себѣ вниманіе пе-

тербургской печати, и толстыхъ журналовъ, и газетъ. Талантливые писатели разбирали ее въ особыхъ статьяхъ по протоколамъ его собраній,—конечно, съ своей собственной, излюбленной точки зрѣнія, основанной гораздо больше на теоретическихъ представленіяхъ о вещахъ, чѣмъ на дѣйствительности. Это, къ сожалѣнію, обычная особенность отношеній русской печати ко всѣмъ сторонамъ русской жизни вообще. А протоколы земскихъ собраній составляютъ особенно благопріятную почву для этой двойственности, и особенно способны подтверждать односторонность въ ту или другую сторону, смотря по общему міровоззрѣнію и даже настроенію читателя. Думаю, что я умѣю читать и понимать ихъ болѣе или менѣе вѣрно;—кромѣ того, я знаю лично всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, и потому протоколы эти возстановляютъ передо мною послѣдующую исторію N—скаго земства довольно ясно. Оно вызвало, послѣ моего ухода, многихъ варяговъ на всяческія должности—пересаживало музыкантовъ съ мѣста на мѣсто, хлопотало и билось вѣроятно не меньше другихъ уѣздныхъ земствъ Z—ской губерніи — и оказывается въ результатѣ во всѣхъ существенныхъ своихъ проявленіяхъ топчущимся все на томъ же мѣстѣ, что и тридцать лѣтъ тому назадъ, преуспѣвъ серьезно только въ дальнѣйшемъ накопленіи всяческихъ недоимокъ. Послѣдующія узаконенія, во-первыхъ, самымъ существеннымъ образомъ съузили тотъ матеріалъ, изъ котораго земство можетъ пополнять личный персоналъ своихъ выборныхъ служащихъ, ограничило его постоянно и быстро уменьшающимся въ числѣ дворянскимъ сословіемъ; во-вторыхъ, благодаря этому, мужикъ оказался обособленнымъ еще болѣе и увеличилась пропасть между нимъ и всѣми способными такъ или иначе благотворно воздѣйствовать на него элементами. Оборачиваясь назадъ хладнокровно и безпристрастно, я думаю, что народники семидесятыхъ годовъ въ родѣ меня и ударились сначала въ пессимизмъ, а затѣмъ въ политическія крайности именно потому, что сознали, что ихъ *земскія* вожделѣнія были при существовавшихъ общихъ условіяхъ одними мечтаніями, безъ всякой реальной почвы для ихъ осуществленія,—что они могли быть и были такимъ же начальствомъ и только начальствомъ, какъ и прямо административные и всякіе другіе служебные органы, и что дѣйствительной, внутренней связи между ними и деревней не было и не могло быть. Деревня оставалась сама по себѣ, они — сами по себѣ; это были не идущіе рука объ руку и взаимно помогающіе другъ другу элементы одного и того же общественнаго тѣла, а управляющіе и управляемые, рѣзко и отчетливо раздѣленные, ин-

тересы которыхъ были діаметрально противоположны во всѣхъ существенныхъ проявленіяхъ ихъ общей жизни, вездѣ, гдѣ они встрѣчались и соприкасались, благодаря требованіямъ внѣшней силы—государства. Возможный прогрессъ уничтожался всюду присущимъ антагонизмомъ и взаимнымъ непониманіемъ: они говорили на разныхъ языкахъ и жили въ разныя эпохи,—хотя и были въ дѣйствительности современниками въ общей родной странѣ.

П. А. Т.

СЕМЕЙСТВО БУДДЕНБРОКОВЪ

ЭСКИЗЪ.

По роману: „Buddenbrooks. Verfall einer Familie“. Roman, v. Thomas Mann. Berlin, 1903.

V *).

Когда Тони, вмѣстѣ съ братомъ Томомъ, подъѣхала въ великолѣпномъ экипажѣ фамиліи Крёгеровъ къ маленькому дому лоцмана Дитриха Шварцкопфа въ Травемюнде, лоцмалъ стоялъ у крыльца, снявъ свою матросскую фуражку. Это былъ коренастый человѣкъ низкаго роста, съ краснымъ лицомъ, водянистыми голубыми глазами и окладистой сѣдой бородой. Лицо его производило впечатлѣніе искренности, честности и почтенности.

— Я очень польщенъ вашимъ согласіемъ погостить у насъ, фрейлейнъ Будденброкъ,—сказалъ онъ, помогая Тони выйти изъ экипажа.—Здравствуйте, герръ Будденброкъ. Надѣюсь, что почтенный господинъ консулъ и его супруга обрѣтаются въ полномъ здравіи... Милости просимъ, пожалуйте! Моя жена вѣроятно приготовила намъ закусить что-нибудь.—Поѣзжайте въ трактиръ Педерсена,—продолжалъ онъ, обращаясь къ кучеру, который внесъ въ домъ чемоданъ Тони, — тамъ лошадей отлично устроятъ на ночь. Вѣдь вы переночуете у насъ, герръ Будденброкъ? Нужно дать передохнуть лошадямъ.

Черезъ четверть часа гости и хозяева сидѣли уже на верандѣ, заросшей дикимъ виноградомъ, и пили кофе. Тони громко

*) См. выше: окт., 682 стр.

восторгалась свѣжестью морского воздуха и открывавшимся съ веранды видомъ на широкую, сверкающую на солнцѣ рѣку со множествомъ скользящихъ по ней лодокъ. Издали виднѣлось море. Широкія кофейныя чашки съ голубыми ободками казались Тони очень неуклюжими сравнительно съ тонкимъ стариннымъ фарфоромъ въ родительскомъ домѣ, но общій видъ стола, съ поставленнымъ подлѣ Тони букетомъ полевыхъ цвѣтовъ, былъ очень привлекательный, и она къ тому же проголодалась въ дорогѣ.

— Вотъ вы увидите, фрейлейнъ, какъ вы здѣсь поправитесь,—сказала хозяйка.—У васъ очень утомленный видъ. Это навѣрное отъ городского воздуха и отъ свѣтской жизни.

Госпожа Шварцкопфъ, маленькая, худощавая женщина лѣтъ пятидесяти, съ гладко причесанными и собранными позади въ сѣтку черными волосами, въ аккуратномъ коричневомъ платьѣ съ бѣлыми воротникомъ и манжетками, усердно подчивала Тони кофеемъ со сливками, домашней булкой съ изюмомъ, медомъ въ сотахъ, и извинялась за простоту комнаты, отведенной гостьѣ. Томъ бесѣдовалъ со старикомъ, разсказывая ему о городскихъ дѣлахъ.

Среди ихъ разговора на веранду вышелъ, съ книгой въ рукахъ, юноша лѣтъ двадцати; онъ снялъ свою сѣрую фетровую шляпу и, покраснѣвъ, неловко поклонился.

— Что же это ты такъ поздно пришелъ, сынокъ?—спросилъ лоцманъ, и представилъ юношу гостямъ:—Это мой сынъ...—онъ назвалъ имя, котораго Тони не разслышала. — Онъ студентъ медицины, и проводитъ у насъ каникулы.

— Очень пріятно,—учтиво сказала Тони. Томъ всталъ и протянулъ руку молодому Шварцкопфу, который еще разъ поклонился, отложилъ книгу и, снова покраснѣвъ, сѣлъ къ столу.

Онъ былъ средняго роста и скорѣе худощавъ; короткіе остриженные волосы и едва пробивающіеся усы были очень свѣтлаго цвѣта, чему соотвѣтствовалъ нѣжный цвѣтъ лица, покрывавшагося румянцемъ при малѣйшемъ поводѣ. Глаза у него были синіе, какъ у отца, только нѣсколько темнѣе, и имѣли такое же добродушное и оживленное выраженіе. Начавъ ѣсть, онъ обнаружилъ необыкновенно ровные, сверкавшіе какъ отточенная слоновая кость, бѣлые зубы. На немъ была надѣта сѣрая куртка съ отворотами, стянутая позади на резинкѣ.

— Прошу извинить меня, я дѣйствительно запоздалъ,—сказалъ онъ.—Я зачитался на берегу и не поглядѣлъ во-время на часы.—Сказавъ это, онъ продолжалъ ѣсть молча, изрѣдка под-

нимая пытливый взглядъ на Тони и Тома. Когда мать его стала снова подчивать Тони, онъ сказалъ:

— Медъ въ сотахъ вы можете ѣсть не опасаясь, mademoiselle Будденброкъ... Это чистый продуктъ природы... Знаешь по крайней мѣрѣ, что глотаешь... Вамъ слѣдуетъ хорошо питаться здѣсь. Морской воздухъ ускоряетъ обмѣнъ веществъ, и если вы не будете достаточно ѣсть, вы еще больше похудѣете...

Мать съ нѣжностью слушала молодого человѣка и поглядѣла на Тони, стараясь узнать, какое впечатлѣніе произвели на нее слова сына. Но старикъ Шварцкопфъ сталъ ворчать:

— Брось ты свой обмѣнъ веществъ, господинъ докторъ... Намъ до этого нѣтъ никакого дѣла.

Молодой человѣкъ засмѣялся и, снова покраснѣвъ, взглянулъ на тарелку Тони.

Старикъ лоцманъ нѣсколько разъ назвалъ сына по имени, но Тони никакъ не могла разобрать въ его расплывчатомъ, мягкомъ произношеніи, какъ звали молодого человѣка. Что то въ родѣ „Мооръ“ или „Мордъ“...

Послѣ кофе Шварцкопфы, отецъ и сынъ, закурили свои короткія деревянныя трубки, а Томъ—свои излюбленныя русскія папиросы. Молодые люди стали вспоминать старыя школьныя исторіи, и Тони приняла участіе въ ихъ разговорѣ. —Какъ жаль, что Христіана нѣтъ съ нами!—сказала она. — Онъ такъ ловко передразнивалъ учителей...

Среди разговора Томъ обратился къ сестрѣ и сказалъ ей, указывая на стоявшіе передъ нею цвѣты:

— Грюнлихъ сказалъ бы: „Какъ нарядны эти цвѣты!“

Тони вспыхнула и сердито толкнула брата въ бокъ, взглянувъ украдкой на молодого Шварцкопфа.

Уже въ половинѣ седьмого, когда начинало темнѣть, Тони съ братомъ поднялись, чтобы пойти погулять къ морю. Старикъ лоцманъ извинился, что не можетъ ихъ сопровождать,—онъ долженъ былъ уйти по дѣлу—и попросилъ ихъ вернуться къ ужину къ восьми часамъ. Они пошли безъ него въ сопровожденіи молодого медика.

VI.

Проснувшись утромъ въ своей маленькой чистенькой комнатѣ съ мебелью, обитой свѣтлымъ кретономъ въ большихъ цвѣтахъ, Тони зажмурила глаза отъ солнечныхъ лучей, пробивавшихся сквозь щели ставень, и стала вспоминать впечатлѣнія минув-

шаго дня. На сердцѣ у нея было спокойно и радостно,—всѣ недавнія событія, ужасная сцена въ ландшафтной комнатѣ, увѣщанія родителей и пастора, Грюнлихъ со своими золотистыми бакенбардами, отошли куда-то въ прошлое. Здѣсь она будетъ просыпаться каждое утро съ полной безмятежностью... Какіе милые люди эти Шварцкопфы!... Вчера за ужиномъ подавали апельсинный пуншъ, и всѣ пили за пріятную совмѣстную жизнь. Было очень весело. Старикъ Шварцкопфъ разсказывалъ интересныя морскія исторіи, а его сынъ говорилъ о Геттингенѣ, гдѣ онъ учился... Какъ странно, что она все еще не знаетъ, какъ его зовутъ; за ужиномъ его ни разу не назвали по имени, а спросить было неловко. Какое это можетъ быть имя... Мооръ... Мордъ? Во всякомъ случаѣ онъ очень милъ, этотъ Мооръ, или Мордъ... Онъ былъ къ ней очень внимателенъ. Она сказала, что послѣ ѣды у нея всегда горячая голова, и что это вѣроятно происходитъ отъ полнокровія... Что же онъ отвѣтилъ? Онъ внимательно поглядѣлъ на нее и сказалъ:—Да, артеріи у висковъ вздуты, но это еще не доказываетъ, что у фрейлейнъ много крови, или довольно кровяныхъ шариковъ; напротивъ того, она вѣроятно малокровна.

Часы съ кукушкой пробили девять; Тони вскочила съ постели и, подбѣжавъ къ окну, раскрыла ставни. Небо было нѣсколько облачно, но солнце сіяло; издали виднѣлось море, покрытое легкой рябью. Тони одѣлась и вышла въ корридоръ. Дверь въ комнату, гдѣ ночевалъ Томъ, была открыта,—онъ уже рано утромъ уѣхалъ въ городъ. Уже въ корридорѣ этого довольно высокаго второго этажа, гдѣ расположены были только спальни, пахло кофеемъ,—это былъ, повидимому, самый характерный запахъ маленькаго домика, и онъ все усиливался по мѣрѣ того какъ Тони спускалась по деревянной лѣстницѣ съ перилами внизъ и, миновавъ кабинетъ лоцмана и столовую, прошла на веранду, розовая и свѣжая въ своемъ изящномъ бѣломъ пикейномъ платьѣ.

На верандѣ, за накрытымъ столомъ, сидѣли только хозяйка съ сыномъ; передъ ними стояли уже опорожненныя чашки. На матери надѣтъ былъ большой кухонный передникъ поверхъ коричневаго платья. Она поднялась на встрѣчу молодой дѣвушкѣ и стала извиняться въ томъ, что утренній кофе пили безъ нея:

— Простите, фрейлейнъ Будденброкъ... мы люди простые и встаемъ рано... Мой мужъ уже работаетъ у себя въ кабинетѣ... вѣдь вы не въ претензіи?

— Ничуть,—отвѣтила Тони.—Да и я всегда раньше встаю.

Но вчерашній пуншъ .. Это ваша вина, что я сегодня проспала,— прибавила она, здороваясь съ молодымъ Шварцкопфомъ. — Вы слишкомъ часто чокались вчера со мной.

Молодой человѣкъ улыбнулся и, покраснѣвъ, опустилъ глаза на лежавшую передъ нимъ газету.

Хозяйка освѣдомилась, хорошо ли Тони провела первую ночь въ ихъ домѣ, снова стала извиняться за недостаточность комфорта въ ихъ простомъ быту; когда Тони стала пить кофе, она поднялась, взяла стоявшую подлѣ нея корзиночку съ ключами и сказала:

— Простите, фрейлейнъ Будденброкъ,—мнѣ необходимо быть на кухнѣ. Тамъ жарится колбаса... Желаю вамъ хорошаго аппетита и пріятной прогулки передъ обѣдомъ. Вы вѣдь, конечно, захотите теперь пройтись къ морю; тамъ, на берегу, вы навѣрное встрѣтите много знакомыхъ... Если угодно, мой сынъ проводитъ васъ туда.

— Я буду ѣсть только медъ въ сотахъ, сказала Тони, оставшись наединѣ съ молодымъ Шварцкопфомъ.—Тогда знаешь по крайней мѣрѣ, что глотаешь!

Молодой человѣкъ всталъ съ мѣста и положилъ трубку на перила веранды.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь курить,—остановила его Тони.—Когда я дома схожу пить кофе утромъ, въ комнатѣ всегда уже пахнетъ дымомъ отъ папиной сигары... Скажите,—неожиданно спросила она:—правда, что яйцо соотвѣтствуетъ четверти фунта мяса?

Шварцкопфъ густо покраснѣлъ. — Вы смѣетесь надо мной, кажется?—спросилъ онъ полушутливо, полусердито.—Меня и такъ вчера отецъ пробралъ за то, что я, будто бы, хвастаю своими знаніями.

— Что вы, что вы?—испуганно сказала Тони.—Я спросила васъ самымъ невиннымъ образомъ; я дѣйствительно хотѣла знать это... вѣдь я совсѣмъ ничего не знаю, а вы... такой ученый...

— Ну да, конечно, питательность яйца равняется приблизительно такому количеству мяса,—отвѣтилъ успокоенный и сильно польщенный молодой человѣкъ.

Кончивъ свой завтракъ и складывая салфетку, Тони спросила, указывая на газету.

— Есть здѣсь что-нибудь интересное?

Молодой человѣкъ засмѣялся и презрительно покачалъ головой.

— Ровно ничего... Вѣдь эти „Городскія Извѣстія“ — очень жалкая газета!

— Неужели? А папа и мама ее всегда выписываютъ.

— Ну да, конечно, — сказалъ онъ и покраснѣлъ. — Никакой другой газеты нѣтъ подъ рукой; я тоже, какъ видите, читаю ее. Но развѣ можетъ имѣть потрясающій интересъ то, что оптовый торговецъ, консулъ такой-то, собирается праздновать серебряную свадьбу... Вамъ смѣшно?... Но почитали бы вы другія газеты!.. „Кенигсбергскую Газету“ или „Рейнскую Газету“ — это совсѣмъ другое дѣло. Что бы тамъ ни говорилъ прусскій король...

— А что онъ говоритъ?

— Этого, видите ли, нельзя повторить при дамѣ. — Онъ опять покраснѣлъ. — Онъ очень немилостиво отозвался объ этихъ газетахъ. Вѣдь онѣ очень рѣзко нападаютъ на правительство, на церковь и аристократію... и очень ловко водятъ за носъ цензуру.

— И вы, кажется, тоже нападаете на аристократію?

— Я? — спросилъ онъ и смутился... Тони поднялась.

— Ну, объ этомъ мы еще поговоримъ въ другой разъ, — сказала она. — Теперь бы мнѣ хотѣлось пойти къ морю. Видите, небо стало совсѣмъ яснымъ. Хотите проводить меня?

VII.

Она надѣла соломенную шляпу съ большими полями и раскрыла зонтикъ, потому что, несмотря на легкій вѣтерокъ съ моря, было очень жарко. Молодой Шварцкопфъ шелъ въ своей сѣрой фётровой шляпѣ и съ книгой въ рукахъ рядомъ съ нею, и отъ времени до времени украдкой глядѣлъ на нее. Они прошли черезъ садъ кургауза, пустынный въ этотъ часъ, мимо кондитерской, двухъ домиковъ въ швейцарскомъ стилѣ, и приближались къ берегу. Было около половины двѣнадцатаго, и всѣ дачники, вѣроятно, гуляли теперь на берегу.

— Что это у васъ за книга? — спросила Тони.

Молодой человѣкъ взялъ книгу въ обѣ руки и сталъ ее перелистывать съ конца.

— Эта книга васъ не можетъ интересовать, mademoiselle Будденброкъ. Тутъ все про кровь, про внутренности человѣка, про болѣзни... Вотъ здѣсь, напримѣръ, говорится про эмфизему легкихъ. Это очень опасная штука, и отъ нея можно умереть. А тутъ объ этомъ разсказывается совершенно равнодушно... Ну, а какія книги читаете вы?

— Знаете вы Гофмана?—спросила Тони.

— Автора сказки о капельмейстерѣ и золотомъ горшкѣ?.. Да, это недурно... но, знаете ли, это все-таки больше чтеніе для дамъ. Мужчинамъ слѣдуетъ въ наше время читать другія книги.

— А теперь я хочу еще о чемъ-то васъ спросить,—сказала Тони, немного спустя.—Какъ васъ зовутъ по имени? Я никакъ не могла разобрать... и все объ этомъ думаю.

— Неужели вы объ этомъ думали?

— Ну да. Предлагать такіе вопросы не принято, но я очень любопытна....

— Меня зовутъ Мортеномъ,—сказалъ онъ, и покраснѣлъ больше чѣмъ когда-либо.

— Мортенъ? Какое красивое имя!—въ немъ есть что-то особенное, чужеземное.

— Вы очень романтичны, mademoiselle Будденброкъ, и слишкомъ много читали Гофмана. Дѣло просто въ томъ, что мой дѣдъ былъ родомъ изъ Норвегіи, и его звали Мортеномъ. Въ честь его и меня такъ окрестили.

Они подошли къ берегу и увидѣли множество разставленныхъ на солнцепекѣ крытыхъ соломенныхъ креселъ и палатокъ, въ которыхъ сидѣли дамы въ синихъ, защищающихъ отъ солнца pince-nez, мужчины въ свѣтлыхъ костюмахъ; множество дѣтей въ большихъ соломенныхъ шляпахъ, съ голыми ножками, рѣзвились на берегу, носили воду въ маленькихъ ведеркахъ, пекли пироги изъ песка въ деревянныхъ формочкахъ.

— Мы прямо направляемся къ кучѣ знакомыхъ... тутъ вѣдь вся компанія Меллендорповъ,—сказала Тони.—Не лучше ли намъ свернуть въ сторону?

— Я ничего противъ этого не имѣю. Но вамъ, вѣроятно, пріятнѣе примкнуть къ нимъ.

— Ничуть... Конечно, поздороваться съ ними я должна, но увѣряю васъ, что мнѣ это просто противно. Я пріѣхала сюда, чтобы отдохнуть и не видаться...

— Съ кѣмъ не видаться? Знаете, mademoiselle Будденброкъ, я тоже хотѣлъ бы предложить вамъ одинъ вопросъ... но какъ-нибудь въ другой разъ. Теперь я, если позволите, оставлю васъ. Я посижу тамъ на камняхъ.

— Вы не хотите, чтобы я представила васъ моимъ знакомымъ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—поспѣшно возразилъ Мортенъ,—благодарю

васъ. Я къ тому же совсѣмъ не принадлежу къ ихъ кругу. Я лучше сяду на камни.

Тони встрѣтила на берегу большую группу знакомыхъ, состоявшую изъ сенаторши Меллендорпъ, урожденной Лангальсъ, madame Гагенстремъ съ дочерью Юлинькой, семьи крупнаго виноторговца Кистенмакера, консула Фризче изъ Гамбурга съ женой и Петера Дольмана, вѣчнаго дамскаго ухаживателя, одного изъ видныхъ городскихъ „suitiers"; онъ не блисталъ изяществомъ манеръ Юста Крёгера, но пользовался успѣхомъ, благодаря своему грубоватому добродушію. Все это общество очень радушно встрѣтило Тони, только Гагенстремы поздоровались съ ней нѣсколько холодно. Ее стали разспрашивать, гдѣ она живетъ, нашли „страшно оригинальнымъ", что она поселилась въ скромной семьѣ лоцмана Шварцкопфа, дѣлали комплименты ея „очаровательному туалету" и стали приглашать на предстоящіе вечера и разныя увеселенія.

— Вы еще не купались сегодня?—спросила одна изъ дамъ.— Кто еще изъ барышенъ сегодня не купался? Марихенъ, Юлинька, Лиза? Онѣ пойдутъ, конечно, съ вами, mademoiselle Тони...

Нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ отдѣлились отъ общества и направились вмѣстѣ съ Тони къ купальнѣ. Петеръ Дольманъ попросилъ позволенія проводить ихъ.

— Помнишь, какъ мы вмѣстѣ ходили въ школу?—спросила Тони Юлиньку Гагенстремъ.

— Да-а. Вы всегда старались разозлить меня,—отвѣтила Юлинька съ снисходительной улыбкой.

По дорогѣ въ купальню, дѣвушки прошли мимо камней, гдѣ сидѣлъ Мортенъ съ книгой въ рукахъ. Тони нѣсколько разъ привѣтливо кивнула ему головой.

— Кому это ты кланяешься, Тони?

— Это молодой Шварцкопфъ,—отвѣтила Тони.—Онъ проводилъ меня сюда...

— Сынъ лоцмана?—спросила Юлинька Гагенстремъ и пристально взглянула своими блестящими черными глазами въ сторону Мортена. Онъ со своей стороны оглядывалъ съ нѣкоторой грустью группу нарядныхъ свѣтскихъ барышенъ.

VIII.

Для Тони потянулись блаженные лѣтніе дни и недѣли, болѣе пріятные, чѣмъ всѣ, которые она прежде проводила въ Траве-

мюнде. Она поправилась, сдѣлалась по прежнему беззаботной и задорной. Консулъ радовался ея цвѣтущему виду, когда пріѣзжалъ къ ней по воскресеньямъ съ Томомъ и Христіаномъ. Они обѣдали тогда за табль-д'отомъ въ кургаузѣ, пили кофе въ саду, гдѣ играла музыка, и заходили потомъ въ залу, гдѣ происходила игра въ рулетку, чтобы посмотрѣть на игру, привлекавшую многихъ легкомысленныхъ людей, въ томъ числѣ, конечно, Юста Крёгера и Петера Дольмана. Консулъ никогда не игралъ.

Тони грѣлась на солнцѣ, купалась, ѣла жареную колбасу съ прянымъ соусомъ и совершала длинныя прогулки съ Мортеномъ. Они ходили всегда по шоссе въ сосѣдній городокъ или отправлялись вдоль берега къ лежащему на возвышеніи „морскому храму", откуда открывался далекій видъ на море. Мортенъ былъ пріятный и интересный собесѣдникъ, хотя иногда пугалъ Тони своими рѣзкими и рѣшительными сужденіями, которыя произносилъ, весь краснѣя отъ волненія. Тони очень огорчалась, когда онъ заявлялъ, что всѣ аристократы—идіоты и негодяи, но она гордилась тѣмъ, что онъ былъ вполнѣ откровененъ съ нею и высказывалъ убѣжденія, которыя скрывалъ отъ родителей. Тони, конечно, иногда приходилось видаться съ своими городскими знакомыми на берегу, или въ саду при кургаузѣ, а также иногда принимать приглашенія на вечера и катанья по морю въ парусныхъ лодкахъ. Тогда Мортенъ „сидѣлъ на камняхъ". Эти камни стали съ перваго дня условнымъ выраженіемъ на ихъ языкѣ. „Сидѣть на камняхъ" значило быть одинокимъ и скучать. Въ дождливые дни, когда море покрывалось густой сѣрой завѣсой, сливаясь съ низкимъ небомъ, и когда нельзя было ходить по намокшему берегу и по дорогѣ, Тони говорила:

— Сегодня мы съ вами должны сидѣть на камняхъ, т.-е. на верандѣ или въ гостиной. Придется вамъ сыграть мнѣ ваши студенческія пѣсни, хотя это и очень скучно.

— Да,—отвѣчалъ Мортенъ,—посидимъ въ гостиной... Но знаете ли, когда вы со мной, то это уже не камни!..—Впрочемъ, онъ никогда ничего подобнаго не говорилъ при отцѣ; матери онъ не стѣснялся.

Въ хорошую погоду они охотнѣе всего отправлялись вдоль берега къ „морскому храму". Это былъ круглый дощатый павильонъ, весь покрытый съ внутренней стороны разными надписями, инициалами, стихами, изображеніями сердецъ... Тони и Мортенъ садились лицами къ морю, слушая рокотъ набѣгающихъ волнъ, сливающійся съ шумомъ деревьевъ и чириканьемъ

птицъ. Защищенные отъ вѣтра, они мирно бесѣдовали, и Мортенъ чаще всего наводилъ разговоръ на общественныя темы.

— Почему вы такъ нападаете на аристократовъ?—спросила его разъ Тони:—это не хорошо съ вашей стороны... Были ли вы знакомы съ какими-нибудь аристократами?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Мортенъ почти съ негодованіемъ.—Я, слава Богу, ни съ однимъ изъ нихъ не встрѣчался.

— Вотъ видите, а я знаю одну дѣвушку-аристократку—Армгарду фонъ-Шиллингъ, я вамъ о ней разсказывала. Право, она гораздо проще и добродушнѣе насъ съ вами. Она въ школѣ даже не думала о томъ, что ее зовутъ фонъ-Шиллингъ, и все разсказывала про своихъ коровъ.

— Конечно, бываютъ исключенія, mademoiselle Тони,—горячо возразилъ онъ.—Но дѣло не въ отдѣльныхъ личностяхъ, а въ принципѣ. Нельзя, чтобы человѣкъ, только потому, что онъ знатнаго происхожденія, имѣлъ всѣ преимущества надъ людьми простого званія, каковы бы ни были ихъ заслуги...—Мортенъ говорилъ съ наивнымъ и чистосердечнымъ возмущеніемъ, и въ его добродушныхъ глазахъ сверкали рѣшимость и упрямство...

— Мы, буржуазія, третье сословіе, какъ насъ звали до сихъ поръ, не признаемъ гнилого дворянства, не признаемъ теперешней іерархіи сословій... Мы хотимъ, чтобы всѣ люди были свободны и подчинены только законамъ... Мы хотимъ свободы печати, свободы труда. Но мы порабощены, законы о печати неумолимы, ни одно свободное слово не разрѣшается въ угоду порядкамъ, которые все равно рано или поздно уничтожатся... Прусскій король совершилъ большую несправедливость. Тогда, въ 1813 году, во время нашествія французовъ, онъ насъ призвалъ и обѣщалъ намъ конституцію... Мы пришли, мы освободили Германію...

Тони, опершись подбородкомъ на руку, взглянула на него со стороны, серьезно раздумывая о томъ, дѣйствительно ли онъ способствовалъ освобожденію Германіи отъ французовъ.

— Все это такъ,—сказала она.—Но скажите... Чѣмъ это васъ касается? Вѣдь вы не пруссакъ.

— Да это все равно, mademoiselle Будденброкъ. Развѣ у насъ больше свободы, равенства и братства, чѣмъ въ Пруссіи? Преграды, сословныя различія, привилегіи аристократовъ—та же исторія у насъ, какъ и тамъ. Вотъ вы симпатизируете аристократамъ,—почему? Потому что отецъ вашъ важный господинъ, а вы—принцесса. Вы иногда согласны погулять вдоль морского берега съ кѣмъ-нибудь изъ насъ, простыхъ людей, но когда вы

опять попадаете въ свое избранное общество, то нашему брату остается сѣсть на камни...—Голосъ его дрожалъ отъ волненія.

— Мортенъ,—сказала Тони съ грустью,—вы все-таки злились, когда сидѣли на камняхъ. Я вѣдь вамъ предлагала представить васъ моимъ знакомымъ.

— Ахъ, я вѣдь говорю не лично о васъ, mademoiselle Тони, а только принципіально. Я говорю, что у насъ такъ же мало братства, какъ и въ Пруссіи. А если ужъ говорить о себѣ,—прибавилъ онъ тихимъ, взволнованнымъ голосомъ,—то дѣло не въ настоящемъ, а скорѣе въ будущемъ, когда вы, въ качествѣ madame такой-то, замкнетесь въ вашемъ знатномъ кругу, и тогда нашему брату придется всю жизнь сидѣть на камняхъ.

Онъ замолчалъ, и Тони ничего не отвѣтила. Наступила томительная тишина.

— Помните,—началъ снова Мортенъ,—я говорилъ вамъ объ одномъ вопросѣ, который хочу давно предложить вамъ. Онъ меня мучитъ съ перваго дня вашего пріѣзда... Но я вамъ предложу его какъ-нибудь въ другой разъ, это не къ спѣху, и въ сущности это съ моей стороны только праздное любопытство. Сегодня я хочу открыть вамъ нѣчто другое... посмотрите!

Мортенъ вынулъ изъ кармана куртки кончикъ узкой полосатой ленты и взглянулъ на Тони съ выжидательнымъ и торжествующимъ выраженіемъ лица.

— Какая красивая лента! — сказала она, не понимая, въ чемъ дѣло.—Что она обозначаетъ?

— Она обозначаетъ,—отвѣтилъ Мортенъ съ большой торжественностью,—что я принадлежу въ Геттингенѣ къ политическому студенческому союзу. У меня есть и шапочка тѣхъ же цвѣтовъ, но здѣсь я ее прячу. Это большая тайна, и не дай Богъ, чтобы отецъ узналъ объ этомъ... Я вполнѣ довѣряю вамъ...

— Я ни слова не скажу, Мортенъ, на меня вы можете разсчитывать. Но я все-таки не знаю еще, въ чемъ дѣло... Неужели вы всѣ въ заговорѣ противъ дворянства? Чего вы хотите?

— Мы хотимъ свободы...—сказалъ онъ, указывая нѣсколько неловкимъ, но восторженнымъ жестомъ куда-то въ даль, въ открытое море. Тони устремила глаза по направленію его руки, и они долго молчали, глядя вмѣстѣ въ даль, въ то время какъ море спокойно шумѣло у ихъ ногъ. И Тони вдругъ показалось, что она соединена съ Мортеномъ въ великомъ, неопредѣленномъ и пламенномъ тяготѣніи къ тому, что онъ называлъ „свободой“.

IX.

Наступила осень. По небу неслись сѣрыя, разорванныя облака; море покрыто было пѣнящимися волнами, съ шумомъ набѣгавшими на песчаный берегъ. Сезонъ уже кончался; берегъ почти совсѣмъ опустѣлъ въ обычные часы гулянія, но Тони и Мортенъ продолжали свои прогулки, любуясь на бурную игру волнъ.

— Теперь вы вѣроятно уже скоро уѣдете, mademoiselle Тони? — спросилъ однажды Мортенъ, расположившись у ногъ Тони, которая сидѣла на выступѣ утеса и любовалась набѣгающими на берегъ волнами.

— Нѣтъ... зачѣмъ уѣзжать? — возразила Тони, не вполнѣ вникая въ его слова.

— Да вѣдь сегодня уже десятое сентября... мои каникулы тоже кончаются... Скажите, вы рады вернуться въ городъ? Начнутся выѣзды, балы... Вамъ нравятся кавалеры, съ которыми вы танцуете?.. Нѣтъ, я не то хотѣлъ спросить, а другое...— Мортенъ взглянулъ ей въ лицо и спросилъ ее рѣшительнымъ тономъ:—Скажите, кто такой Грюнлихъ?

Тони вздрогнула и повела глазами вокругъ себя, какъ человѣкъ, которому напоминаютъ о забытомъ тяжеломъ снѣ. При этомъ, однако, въ ней опять пробудилось то же чувство, которое она испытала, когда Грюнлихъ дѣлалъ ей предложеніе, т.-е. сознаніе значительности ея персоны.

— Ахъ, такъ *это* вы хотѣли знать, Мортенъ!—сказала она серьезнымъ тономъ.—Я вамъ скажу... разъ ужъ Томъ назвалъ его имя. Бенедиктъ Грюнлихъ—гамбургскій купецъ. Онъ просилъ моей руки, но я не рѣшилась отвѣтить ему согласіемъ, потому что я *не выношу его*... — Въ голосѣ Тони послышалось возмущеніе.—Вы не можете себѣ представить, что это за человѣкъ! —продолжала она.—Между прочимъ, у него золотистыя бакенбарды... совершенно неестественнаго цвѣта! Я увѣрена, что онъ посыпаетъ ихъ порошкомъ, которымъ золотятъ орѣхи на Рождество... Къ тому же онъ хитрилъ, льстилъ моимъ родителямъ. И такой навязчивый человѣкъ! Онъ не отставалъ отъ меня, хотя я всячески высмѣивала его. Разъ онъ устроилъ мнѣ сцену, при которой онъ чуть не плакалъ. Подумайте — мужчина, который плачетъ!..

— Онъ вѣроятно очень васъ любитъ, — сказалъ Мортенъ тихимъ голосомъ.

— Да мнѣ-то что за дѣло до этого?—воскликнула Тони съ изумленіемъ.

— Вы жестоки, mademoiselle Тони... Скажите, вы никогда ни къ кому не были привязаны? Неужели у васъ холодное сердце? Вѣдь вовсе не такъ глупо плакать, будучи отвергнутымъ вами... Неужели вы смѣетесь надъ всѣми, кому вы дороги? Неужели у васъ холодное сердце?

Тони вовсе не смѣялась; напротивъ того, у нея вдругъ стала дрожать верхняя губа. Поглядѣвъ опечаленными глазами на Мортена, она тихо сказала:

— Нѣтъ, Мортенъ, не думайте этого обо мнѣ.

— Я этого и не думаю!—воскликнулъ Мортенъ съ какимъ-то внезапнымъ ликованіемъ въ голосѣ. Онъ близко пододвинулся къ ней, взялъ ея руку въ обѣ свои руки и восторженно взглянулъ на нее своими добрыми синими глазами.

— И вы не будете смѣяться надо мной, если я вамъ скажу...

— Я знаю, Мортенъ...—тихо сказала она.

— Вы знаете!.. И вы, *вы*, mademoiselle Тони...

— Да, Мортенъ. Я о васъ очень высокаго мнѣнія. Вы мнѣ нравитесь... вы мнѣ милѣе, чѣмъ всѣ, кого я до сихъ поръ встрѣчала въ жизни.

Онъ вскочилъ, совершенно обезумѣвъ отъ счастья, сталъ цѣловать руки Тони и воскликнулъ радостнымъ голосомъ:

— Благодарю... благодарю васъ! Я такъ счастливъ, какъ еще никогда въ жизни...

Потомъ онъ прибавилъ болѣе тихо:

— Вы теперь скоро уѣдете въ городъ, Тони, и черезъ двѣ недѣли я тоже долженъ вернуться въ Геттингенъ. Но обѣщайте мнѣ не забыть того, что произошло сегодня, пока я вернусь... уже съ докторскимъ дипломомъ... Тогда я буду молить вашего отца, чтобы онъ согласился на наше счастье... Только обѣщайте не слушать до тѣхъ поръ признаній разныхъ Грюнлиховъ... Вотъ увидите, я скоро покончу съ экзаменами. Я буду работать какъ... Да и это вовсе не такъ трудно...

— Да, Мортенъ, — сказала она съ сіяющимъ отъ счастья лицомъ.

Онъ приложилъ ея руку къ своей груди и спросилъ тихимъ умоляющимъ тономъ:

— Могу я... въ подкрѣпленіе?..

Она ничего ему не отвѣтила, только тихо приблизила къ нему свое лицо, и Мортенъ поцѣловавъ ее въ губы медленнымъ и

долгимъ поцѣлуемъ. Потомъ они отвернулись другъ отъ друга и стали смотрѣть въ разныя стороны. Они были очень смущены.

X.

„Дорогая mademoiselle Будденброкъ! Сколько времени прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ нижеподписавшійся лишенъ лицезрѣнія самой очаровательной дѣвушки на свѣтѣ! Эти ничтожныя строки да убѣдятъ васъ въ томъ, что передъ его духовнымъ взоромъ неустанно витаетъ вашъ образъ, и что онъ постоянно думаетъ о томъ счастливомъ часѣ въ гостиной вашихъ родителей, когда вы дали ему осчастливившее его обѣщаніе—правда, еще робкое и неполное. Съ тѣхъ поръ прошли длинныя томительныя недѣли, въ теченіе которыхъ вы удалились отъ свѣта для провѣрки своихъ чувствъ. Нижеподписавшійся надѣется, что время испытанія кончилось, и позволяетъ себѣ послать прилагаемое при семъ колечко въ залогъ своей безсмертной нѣжности. Выражая свое глубочайшее преклоненіе и нѣжно цѣлуя ваши ручки, свидѣтельствуетъ вамъ свою безконечную преданность вѣрный вамъ *Б. Грюнлихъ*".

„Милый папа! Я въ бѣшенствѣ—отсылаю тебѣ полученныя мною отъ Грюнлиха письмо и кольцо. Онъ *не хочетъ* меня понять: никакого „обѣщанія" я ему не давала, и я тебя убѣдительно прошу разъяснить ему, что я теперь еще *въ тысячу разъ менѣе,* чѣмъ шесть недѣль тому назадъ, могу согласиться стать его женой. Пусть онъ оставитъ меня въ покоѣ—вѣдь онъ ставитъ себя въ *смѣшное* положеніе. Тебѣ, дорогой отецъ, я вѣдь могу открыть, что я полюбила другого и любима имъ. Насъ связываетъ вѣчная любовь. О, папа! Я могла бы исписать о немъ много листовъ—я говорю о Мортенѣ Шварцкопфѣ, который скоро будетъ докторомъ, и тогда будетъ просить у тебя моей руки. Я знаю, что, по традиціямъ нашей семьи, я должна была бы выйти замужъ за коммерсанта, но Мортенъ принадлежитъ къ другому разряду тоже очень уважаемыхъ людей — къ ученымъ. Онъ не богатъ, что тебѣ и мамѣ вѣроятно кажется большимъ недостаткомъ, но я должна тебѣ сказать, милый папа, что, несмотря на мою молодость, я уже понимаю, что счастье—не въ деньгахъ. Крѣпко тебя цѣлую и остаюсь твоей покорной дочерью *Антоніей.*

„PS. Кольцо изъ низкопробнаго золота и очень узкое".

„Милая моя Тони! Увѣдомляю тебя о полученіи твоего письма,

согласно съ которымъ я не преминулъ сообщить—въ деликатной формѣ—господину Гр. о твоемъ взглядѣ на вещи, но дѣйствіе моихъ словъ было потрясающее. Гр. пришелъ въ неописуемое отчаяніе, сталъ увѣрять, что не въ состояніи пережить твоего отказа, и лишить себя жизни,—такъ сильно онъ тебя любитъ. Такъ какъ я не могу принять въ серьёзъ то, что̀ ты пишешь о своей другой привязанности, то я прошу тебя еще разъ обдумать все это. Какъ христіанинъ, я убѣжденъ, дорогая дочь, что человѣкъ обязанъ считаться съ чувствами другихъ людей, и тебѣ пришлось бы тяжело отвѣчать передъ Верховнымъ Судіей за жизнь человѣка, который наложилъ бы на себя руки изъ-за твоей холодности и упрямства. И затѣмъ, я долженъ воскресить въ твоей памяти то, что̀ я часто говорилъ тебѣ въ личной бесѣдѣ—мы рождены, милая моя дочь, *не* для того, что̀ мы по близорукости считаемъ своимъ личнымъ счастьемъ, ибо мы существуемъ не каждый самъ по себѣ, а составляемъ какъ бы звенья одной цѣпи. Мы зависимъ отъ тѣхъ, которые намъ предшествовали и указали намъ вѣрный путь, дѣйствуя сами не по влеченію каприза, а согласно твердымъ, испытаннымъ традиціямъ. Путь, по которому ты должна слѣдовать, совершенно ясенъ, какъ мнѣ кажется, и ты не была бы моей дочерью, не была бы внучкой твоего нынѣ почившаго дѣда и вообще не была бы достойнымъ членомъ нашей семьи, еслибы дѣйствительно вздумала легкомысленно и упрямо идти собственнымъ ложнымъ путемъ. Все это я прошу тебя, моя милая Антонія, хорошенько обдумать.

„Твоя мать, Томъ, Христіанъ, Клара и Клотильда (которая гостила нѣсколько недѣль у своего отца), а также Ида Юнгманъ, сердечно тебѣ кланяются; мы всѣ радуемся скорому твоему возвращенію. Любящій тебя—*отецъ*".

Шелъ проливной дождь и рѣзкій вѣтеръ свистѣлъ вокругъ дома. Въ трубѣ завывали какіе-то жалобные, отчаянные голоса. Когда Мортенъ Шварцкопфъ вышелъ послѣ обѣда покурить на веранду, онъ увидалъ передъ собой господина въ длинномъ пальто изъ желтой клѣтчатой матеріи и въ сѣрой шляпѣ; передъ крыльцомъ стояла коляска съ поднятымъ верхомъ. Мортенъ остолбенѣлъ, взглянувъ на розовое лицо незнакомца: у него были бакенбарды какъ бы напудренныя порошкомъ, которымъ золотятъ орѣхи на Рождество.

Онъ взглянулъ на Мортена разсѣянно, какъ на слугу, и спросилъ мягкимъ голосомъ:

— Лоцманъ Шварцкопфъ дома? Могу я его видѣть?

— Да...—пробормоталъ Мортенъ.—Отецъ, кажется...

Незнакомецъ поднялъ на Мортена глаза,—они были голубые, какъ у гуся.

— Въ такомъ случаѣ, будьте любезны спросить вашего отца, можетъ ли онъ меня принять. Моя фамилія Грюнлихъ.

Мортенъ проводилъ посѣтителя въ кабинетъ лоцмана, а самъ прошелъ въ столовую позвать отца, курившаго тамъ свою послѣобѣденную трубку. Когда старикъ вышелъ изъ комнаты, Мортенъ пересѣлъ къ круглому столу, оперся на него локтями и, не обращая вниманія на мать, занятую шитьемъ у окна, всецѣло погрузился повидимому въ чтеніе „жалкихъ“ „Городскихъ Извѣстій“, гдѣ ничего не сообщалось, кромѣ того, что консулъ такой-то празднуетъ свою серебряную свадьбу. Тони была наверху, въ своей комнатѣ, и отдыхала послѣ обѣда.

Старикъ-лоцманъ вошелъ въ кабинетъ съ довольнымъ видомъ хорошо пообѣдавшаго человѣка. Мундиръ его былъ разстегнутъ, и виднѣлся бѣлый пикейный жилетъ. Раскраснѣвшееся лицо составляло рѣзкій контрастъ съ осанистой бѣлой бородой. Онъ поклонился посѣтителю, указалъ ему мѣсто на потертомъ клеенчатомъ диванѣ, самъ сѣлъ на деревянное кресло передъ столомъ и спросилъ:

— Чѣмъ могу служить?

— Мое имя—Грюнлихъ, — отвѣтилъ посѣтитель, — Грюнлихъ изъ Гамбурга. Для того, чтобы зарекомендовать себя вамъ, могу прибавить, что я состою въ дѣловыхъ и дружескихъ отношеніяхъ съ консуломъ Будденброкомъ.

— А-ла-бонёръ! Я очень радъ вашему посѣщенію, господинъ Грюнлихъ. Не позволите ли предложить вамъ стаканчикъ грога? Я сейчасъ...

— Позволю себѣ замѣтить,—спокойно сказалъ Грюнлихъ,—что время мое разсчитано, и меня ждетъ коляска. Я долженъ попросить васъ удѣлить мнѣ лишь нѣсколько минутъ вниманія.

— Я къ вашимъ услугамъ,—сказалъ Шварцкопфъ, нѣсколько оторопѣвъ.

Наступила короткая пауза.

— Милостивый государь!—началъ Грюнлихъ рѣшительнымъ тономъ, откинувъ голову назадъ и сжавъ губы на подобіе кошелька, стянутаго шнурками,—дѣло, по которому я явился, касается молодой дѣвицы, проживающей нѣсколько недѣль въ вашемъ домѣ.

— Фрейлейнъ Будденброкъ?—спросилъ Шварцкопфъ.

— Именно... я долженъ вамъ сообщить, что нѣсколько времени тому назадъ просилъ ея руки; я получилъ согласіе роди-

телей, и сама mademoiselle Будденброкъ, хотя формальнаго обрученія еще и не состоялось, все-же вполнѣ меня обнадежила.

— Вотъ какъ!—съ жаромъ воскликнулъ Шварцкопфъ.—А я и не зналъ этого. Поздравляю васъ, господинъ... Грюнлихъ, отъ души. Она—прекрасная, благородная дѣвушка!

— Благодарю васъ, — холодно отвѣтилъ Грюнлихъ. — Но я явился къ вамъ сегодня вслѣдствіе того, что въ послѣднее время возникли *затрудненія*... исходящія изъ вашего дома... Мнѣ сообщаютъ, что вашъ сынъ, студентъ медицины... позволилъ себѣ нарушить мои права и воспользовался здѣшнимъ пребываніемъ mademoiselle Будденброкъ, чтобы выманить у нея обѣщаніе...

Старикъ-лоцманъ, слушавшій съ изумленіемъ начало рѣчи Грюнлиха, вскочилъ съ мѣста при послѣднихъ его словахъ...

— Что̀ такое?.. Что̀ это означаетъ?..

Онъ побѣжалъ къ двери, широко ее раскрылъ и крикнулъ громовымъ голосомъ:

— Мета! Мортенъ! Идите сюда! Идите сюда скорѣе!

— Мнѣ было бы очень жаль,—сказалъ Грюнлихъ съ тонкой улыбкой,—еслибы, предъявляя мои болѣе старыя права, я разрушилъ этимъ ваши отцовскіе планы, господинъ лоцманъ...

Дитрихъ Шварцкопфъ посмотрѣлъ въ упоръ на Грюнлиха своими острыми голубыми глазами, какъ бы напрасно силясь понять смыслъ его словъ.

— Милостивый государь, — сказалъ онъ такимъ голосомъ, точно обжегъ себѣ горло глоткомъ горячаго грога.—Я—простой человѣкъ и хитрить не умѣю. Но могу вамъ сказать, что вы сильно ошиблись; я знаю, кто такой мой сынъ и кто—фрейлейнъ Будденброкъ, и слишкомъ гордъ для такого рода отцовскихъ плановъ! А теперь скажите, что̀ такое тутъ произошло?—обратился онъ къ вошедшимъ въ комнату женѣ и сыну... Грюнлихъ не поднялся при ихъ появленіи, и продолжалъ сидѣть на кончикѣ дивана въ своемъ пальто, застегнутомъ на всѣ пуговицы.—Ты, кажется, натворилъ глупостей? — набросился лоцманъ на Мортена.

У Мортена раскраснѣлось лицо и засверкали глаза отъ гнѣва.

— Да, отецъ,—сказалъ онъ,—фрейлейнъ Будденброкъ и я...

— Дуракъ! шутъ гороховый! — крикнулъ старикъ. — Ты завтра же уѣдешь въ Геттингенъ—и дѣло съ концомъ!

— Боже мой! Дитрихъ! — вступилась его жена, складывая руки съ мольбой:—какъ можно такъ круто... кто знаетъ!..—Она замолчала, и видно было, что въ ея душѣ разбилась сладкая надежда.

— Не желаете ли вы поговорить съ mademoiselle Будденброкъ? — сказалъ лоцманъ суровымъ голосомъ, обращаясь къ Грюнлиху.

— Она въ своей комнатѣ; она спитъ,—проговорила жена Шварцкопфа страдальческимъ голосомъ.

— Очень жаль,—сказалъ Грюнлихъ, причемъ въ голосѣ его послышалось нѣкоторое облегченіе, и поднялся.—Я долженъ, къ сожалѣнію, спѣшить. Позвольте выразить вамъ,—прибавилъ онъ, снимая шляпу передъ Шварцкопфомъ,—мою признательность за ваше благородное и мужественное поведеніе. Имѣю честь откланяться, прощайте.

Не обращая вниманія на Мортена и его мать, Грюнлихъ медленно вышелъ изъ комнаты.

XI.

Томъ пріѣхалъ за Тони въ Крёгеровскомъ экипажѣ въ десять часовъ утра и сѣлъ закусить, на прощанье, съ семьей лоцмана. Все было какъ въ первый день пріѣзда, только лѣто уже миновало, и было слишкомъ холодно сидѣть на террасѣ; кромѣ того, однимъ членомъ семьи стало теперь меньше:—Мортенъ уѣхалъ въ Геттингенъ и даже не успѣлъ проститься, какъ слѣдуетъ, съ Тони.

Въ одиннадцать часовъ братъ и сестра сѣли въ карету, къ задку которой привязали большой сундукъ Тони. Одѣтая въ теплую осеннюю кофточку, бѣдная Тони дрожала отъ холода и чувствовала себя очень несчастной. Она расцѣловалась съ хозяйкой и пожала руку старику-лоцману.

— Счастливой дороги, фрейлейнъ Будденброкъ! — сказалъ Шварцкопфъ.—Поклоны вашимъ родителямъ... и не поминайте насъ лихомъ!

Дверцы кареты захлопнулись, лошади тронули. Шварцкопфы замахали платками вслѣдъ отъѣзжающимъ.

Тони откинулась въ уголъ кареты и стала смотрѣть въ окно на мелькавшія передъ нею улицы Травемюнде, на рыбаковъ, чинившихъ сѣти, сидя у порога своихъ домиковъ, на босоногихъ дѣтей, съ любопытствомъ глазѣвшихъ на городской экипажъ. *Они* оставались здѣсь, имъ не нужно было возвращаться въ городъ...

Когда исчезли изъ виду послѣдніе дома Травемюнде, Тони закрыла глаза; она была утомлена отъ проведенной безъ сна

ночи и волненій послѣднихъ дней. Но какъ только она стала теперь немного дремать, она ясно увидѣла передъ собой лицо Мортена съ его смѣющимся ртомъ и ослѣпительно бѣлыми зубами. У нея стало спокойно и радостно на душѣ. Она начала припоминать все, что слышала отъ него во время ихъ частыхъ бесѣдъ, и съ особаго рода блаженнымъ чувствомъ дала себѣ торжественное обѣщаніе хранить все это въ душѣ, какъ неприкосновенную святыню. То, что прусскій король совершилъ большую несправедливость; что „Городскія Извѣстія"—жалкая газета; даже и то, что четыре года тому назадъ измѣнены законы, касающіеся университетовъ,—все это станетъ отнынѣ для нея утѣшительными истинами, тайнымъ сокровищемъ, которымъ она всегда сможетъ наслаждаться гдѣ бы то ни было,—на улицѣ, въ семейномъ кругу, за обѣдомъ... Какъ знать? Можетъ быть, она пойдетъ по предначертанному ей пути, выйдетъ замужъ за Грюнлиха,—это теперь безразлично. Но когда онъ будетъ говорить съ ней, она станетъ думать про себя: „Я знаю нѣчто такое, чего ты не знаешь... аристократы—говоря *принципіально*—достойны презрѣнія"!

Она улыбнулась отъ внутренняго удовольствія... Но вдругъ среди шума колесъ ей явственно послышался голосъ Мортена, который говорилъ: „Сегодня намъ опять придется сидѣть обоимъ на камняхъ, mademoiselle Тони...", и отъ этого воспоминанія у нея болѣзненно сжалась грудь... Она прижала обѣими руками платокъ къ лицу и горько заплакала.

— Бѣдная Тони!—проговорилъ Томъ, стараясь ее утѣшить.—Мнѣ такъ тебя жалко. Я знаю, какъ тяжела разлука... Вотъ мнѣ тоже придется уѣхать послѣ Рождества въ Амстердамъ; отецъ опредѣляетъ меня туда на мѣсто къ Келену и Комп... Мнѣ тоже придется разлучиться на долго со своими...

— Ахъ, Томъ! Разлука съ родителями и семьей совсѣмъ не то...

— Да-а,—медленно сказалъ онъ.—Это вѣрно... Онъ хотѣлъ прибавить еще что-то, но замолчалъ и опустилъ глаза.—Но эта печаль проходитъ,—сказалъ онъ, помолчавъ.—Пройдетъ нѣсколько времени, и ты забудешь...

— Да я именно не хочу забыть!—съ отчаяніемъ воскликнула Тони.—Забыть... развѣ это утѣшеніе?!

XII.

Въѣзжая въ городъ, Тони съ любопытствомъ глядѣла на знакомыя улицы и зданія, какъ бы удивляясь, что все осталось по старому, когда она испытала бурю новыхъ чувствъ. Она уже не плакала,—печаль разлуки уходила вдаль при видѣ привычной старой обстановки, къ которой она возвращалась. Мелькнули на улицѣ знакомыя лица, нѣсколько людей ей почтительно поклонились...; она—дома. Экипажъ подъѣхалъ къ внушительному дому Будденброковъ, передъ которымъ стояли какъ-разъ три огромныхъ воза, нагруженныхъ мѣшками съ хлѣбомъ; на каждомъ мѣшкѣ стояло широкое черное клеймо фирмы „Іоганнъ Будденброкъ". Консулъ выходилъ изъ конторы, засунувъ перо за ухо, когда Тони и Томъ вышли въ переднюю; онъ нѣжно обнялъ дочь, которая глядѣла на него заплаканными и нѣсколько смущенными глазами. Вся остальная семья тоже встрѣтила дѣвушку радостными восклицаніями и объятіями.

Тони отлично проспала первую ночь въ родительскомъ домѣ и сошла на слѣдующее утро, 22-го сентября, уже въ семь часовъ въ маленькую столовую, гдѣ застала одну только Иду Юнгманъ за приготовленіемъ утренняго кофе.

— Что̀ это, Тоничка, дитя мое, ты такъ рано вставать стала?—спросила она удивленно.

Тони подошла къ бюро, крышка у котораго была откинута, сѣла и сначала глядѣла въ окно на почернѣвшіе отъ дождя камни на дворѣ, на сырой, пожелтѣвшій садъ, потомъ стала разсѣянно перебирать кучки визитныхъ карточекъ и разнаго рода аннонсовъ, лежавшихъ на бюро...

Вдругъ она увидѣла хорошо знакомую ей толстую тетрадь изъ разнородной бумаги въ тисненомъ переплетѣ и съ золотымъ обрѣзомъ,—отецъ, вѣроятно, вписывалъ что-нибудь въ нее наканунѣ вечеромъ; странно, что онъ не заперъ ее, какъ обыкновенно, въ ящикъ. Тони раскрыла тетрадь, стала ее перелистывать и углубилась въ чтеніе. Ей часто доводилось читать отдѣльныя мѣста въ этой семейной хроникѣ, но на этотъ разъ чтеніе произвело на нее особенно сильное впечатлѣніе. Съ какимъ благоговѣніемъ говорилось на этихъ листахъ о самыхъ обыденныхъ событіяхъ въ семьѣ, какую значительность пріобрѣтали всѣ факты при такомъ отношеніи къ нимъ!.. Тони оперлась о столъ обоими локтями и продолжала читать съ возростающимъ интересомъ и чувствомъ гордости. И въ исторіи ея юной жизни

не было пропущено ни одного событія. Мелкимъ, но четкимъ почеркомъ записаны были въ семейную хронику годъ ея рожденія, ея дѣтскія болѣзни, время ея поступленія въ школу, потомъ—въ пансіонъ m-lle Вейхбротъ, годъ конфирмаціи,—и эти записи сопровождались благочестивыми размышленіями консула о Божьей волѣ, управляющей судьбами его семьи... Тони задумалась: что еще будетъ занесено въ будущемъ въ исторію ея жизни, что прочтутъ о ней младшіе члены семьи съ такимъ же благоговѣніемъ, съ какимъ она читаетъ теперь о минувшихъ событіяхъ?

Тони откинулась на креслѣ, взволнованная нахлынувшими на нее чувствами. Она преисполнилась благоговѣніемъ къ традиціямъ и сознаніемъ своей собственной важности.

„Какъ звено въ цѣпи",—писалъ отецъ... да, да! Какъ звено въ цѣпи, она имѣетъ большое значеніе, и это налагаетъ на нее огромную отвѣтственность; она должна своими рѣшеніями и поступками участвовать въ внушительной исторіи своей семьи... Она перелистовала всю тетрадь до конца; на послѣдней страницѣ написана была рукой консула вся генеалогія семьи, начиная съ бракосочетанія родоначальника Будденброковъ съ пасторской дочерью, Бригиттой Шуренъ, до свадьбы консула Іоганна Будденброка съ Елизаветой Крёгеръ въ 1825 г. „Отъ этого брака,—значилось въ записи,—родилось четверо дѣтей"... Затѣмъ слѣдовали годы и дни рожденія каждаго изъ нихъ; къ имени Тома уже было приписано, что въ 1842 году онъ вступилъ ученикомъ въ дѣло отца.

Тони долго смотрѣла на свое имя, за которымъ слѣдовало пустое пространство; потомъ рѣшительнымъ и нервнымъ движеніемъ схватила перо, какъ-то толкнула его въ чернильницу и написала неровнымъ крупнымъ почеркомъ:

...„обручилась 22-го сентября 1845 года съ Бенедиктомъ Грюнлихомъ, купцомъ изъ Гамбурга".

XIII.

— Я совершенно съ вами согласенъ, почтенный другъ. Вопросъ этотъ очень важный и нужно съ нимъ покончить. Поэтому я и заявляю вамъ коротко и ясно: традиціонная сумма приданаго наличными деньгами для дѣвушекъ въ нашей семьѣ—семьдесятъ тысячъ марокъ.

Грюнлихъ взглянулъ на своего будущаго тестя короткимъ, испытующимъ взглядомъ опытнаго дѣльца и сказалъ:

— Вы знаете, глубокочтимый отецъ, какъ высоко я ставлю принципы и традиціи, но, можетъ быть, въ данномъ случаѣ... дѣла увеличиваются, семья ростетъ... и матеріальное положеніе мѣняется къ лучшему...

— Почтенный другъ,—сказалъ консулъ,—я готовъ идти на встрѣчу вашимъ желаніямъ... и прибавляю еще десять тысячъ. Я бы даже сразу вамъ это предложилъ, но вы не дали мнѣ договорить.

— Значитъ, восемьдесятъ тысячъ, — сказалъ Грюнлихъ съ такимъ выраженіемъ, точно хотѣлъ сказать: „это не слишкомъ много, но все-же достаточно".

Консулъ остался доволенъ результатомъ переговоровъ, такъ какъ „традиціонное приданое наличными деньгами" заключалось именно въ восьмидесяти тысячахъ.

Грюнлихъ откланялся послѣ этой дѣловой бесѣды и уѣхалъ въ Гамбургъ.

Образъ жизни Тони ничуть не измѣнился; она по прежнему танцовала на вечерахъ у себя дома, у Меллендорповъ, Кистенмакеровъ и Лангальсовъ, принимала ухаживанія молодыхъ людей, каталась на конькахъ;.. въ серединѣ октября она была даже на вечерѣ у Меллендорповъ въ честь помолвки ихъ сына съ Юлинькой Гагенстремъ. Хотя она и возмущалась тѣмъ, что старинная семья Меллендорповъ породнилась съ ненавистными „выскочками" Гагенстремами, но на вечеръ все-таки пошла. Слова, вписанныя ею въ семейную книгу, дали ей только пріятное право бѣгать одной или съ матерью по лучшимъ магазинамъ и дѣлать большіе заказы для приданаго въ большомъ стилѣ. Въ домѣ на Mengstrasse сидѣли по цѣлымъ днямъ двѣ швеи, вышивая монограммы и уничтожая огромныя количества хлѣба съ зеленымъ сыромъ.

— Мама, прислано полотно отъ Лентфера?

— Нѣтъ, дитя мое, прибыли только двѣ дюжины чайныхъ салфетокъ.

— Ахъ, Боже мой! Вѣдь обѣщали полотно къ сегодняшнему дню,—нужно начать шить простыни... Ида! бѣлошвейка требуетъ прошивокъ для наволочекъ.

— Тамъ, въ бѣльевомъ шкафу въ корридорѣ, Тони,—сходи за ними сама, милая!

— Боже мой! Неужели я для того выхожу замужъ, чтобы бѣгать внизъ и вверхъ по лѣстницѣ...

— Подумала ли ты о подвѣнечномъ платьѣ, Тони?

— Moirée antique, мама! Иначе чѣмъ въ moirée antique я не согласна вѣнчаться!

Такъ прошли октябрь, ноябрь. Къ Рождеству явился Грюнлихъ, чтобы провести праздники въ семьѣ своей невѣсты; его обращеніе съ нею было очень тактичное—безъ лишнихъ, неделикатныхъ нѣжностей. Тони иногда удивлялась тому, что счастье Грюнлиха далеко не такъ бурно проявляется, какъ можно было бы ожидать по его отчаянію изъ-за ея первоначальнаго отказа. Онъ смотрѣлъ теперь на нее съ спокойнымъ и удовлетвореннымъ видомъ собственника.

Послѣ Рождества Грюнлихъ сейчасъ же уѣхалъ въ Гамбургъ, такъ какъ дѣла требовали его постояннаго присутствія. Вопросъ о квартирѣ былъ рѣшенъ письменно. Тони, которую привлекала жизнь въ большомъ городѣ, выразила желаніе поселиться на одной изъ центральныхъ улицъ Гамбурга, недалеко отъ торговой конторы Грюнлиха. Но женихъ настоялъ на покупкѣ виллы за городомъ, въ романтической мѣстности Эйменбютель, очень подходящей для молодой парочки; „въ этомъ идиллическомъ гнѣздышкѣ они будутъ счастливо жить—procul negotiis“... Грюнлихъ не забылъ школьной латыни.

Свадьба состоялась въ январѣ слѣдующаго, 1846 года. Наканунѣ у Будденброковъ былъ очень веселый парадный вечеръ, на которомъ присутствовало все лучшее общество.

Въ день свадьбы Тони, по общему мнѣнію, была очень хороша въ платьѣ изъ бѣлаго moirée antique, украшенномъ маленькими миртовыми вѣточками. Грюнлихъ имѣлъ еще болѣе корректный видъ, чѣмъ обыкновенно, во фракѣ и шолковомъ жилетѣ; бородавка у носа была припудрена, золотистыя бакенбарды тщательно расчесаны.

Къ вѣнчанію, происходившему въ галереѣ съ колоннами, собралась вся семья: старики Крёгеры, консулъ Крёгеръ съ женой и сыновьями, Юргеномъ и Яковомъ, Готгольдъ Будденброкъ съ женой, урожденной Стювингъ, и тремя дочерьми, Фредерикой, Генріеттой и Фифи, къ сожалѣнію уже утратившими всѣ три надежду выйти замужъ... Мекленбургская побочная линія Будденброковъ представлена была отцомъ Клотильды, который не могъ придти въ себя отъ изумленія при видѣ роскоши въ домѣ своихъ богатыхъ родственниковъ. Франкфуртскіе родные не могли пріѣхать, и ограничились присылкой подарковъ. Изъ постороннихъ приглашены были только докторъ Грабовъ, домашній врачъ, и Зеземи Вейхбродтъ, въ черномъ платьицѣ и съ новыми зелеными лентами на чепцѣ.—„Будь счастлива, *доброе*

дитя!“—сказала она, когда Тони вошла рядомъ съ Грюнлихомъ, и шумно поцѣловала ее въ лобъ.

Галерея была украшена цвѣтами; справа устроенъ былъ алтарь. Обрядъ вѣнчанія совершалъ пасторъ Келлингъ, сказавшій также рѣчь новобрачнымъ. Тони очень наивнымъ и добродушнымъ тономъ произнесла „да“ на вопросъ пастора о согласіи на бракъ, а Грюнлихъ сначала еще сказалъ „гм-мъ“, чтобы прочистить себѣ горло. Послѣ того сѣли за столъ, и ѣда была очень хорошая и обильная.

...Гости съ пасторомъ во главѣ продолжали еще ѣсть, когда консулъ съ женой пошли проводить отъѣзжающихъ новобрачныхъ. Передъ домомъ стояла карета, нагруженная сундуками и дорожными мѣшками. Послѣ многократныхъ обѣщаній скоро пріѣхать къ родителямъ въ гости и просьбъ, чтобы и они скорѣе посѣтили ее въ Гамбургѣ, Тони сѣла въ карету, очень оживленная и веселая. Ея мужъ сѣлъ подлѣ нея и закуталъ женѣ и себѣ ноги дорожнымъ плэдомъ.

Но когда уже собирались захлопнуть дверцу, Тони вдругъ заволновалась, откинула плэдъ, выскочила изъ кареты, не обращая вниманія на Грюнлиха, который что-то бормоталъ, и, кинувшись къ отцу, стала его обнимать.

— Прощай, папа... добрый папа!—сказала она и прибавила тихимъ голосомъ:—ты доволенъ мною, папа?

Консулъ безмолвно прижалъ ее къ груди, потомъ отступилъ на шагъ и крѣпко пожалъ ей обѣ руки...

Она сѣла опять въ карету, дверцы захлопнулись, лошади тронули, и консульша махала батистовымъ платочкомъ до тѣхъ поръ, пока карета не скрылась въ морозной дали.

Консулъ продолжалъ задумчиво стоять рядомъ съ женой, которая плотнѣе надвинула на плечи мѣховую пелерину.

— Вотъ она и уѣхала, Бетси!

— Да, Жанъ, первое дитя уѣзжаетъ отъ насъ.—Будетъ ли она счастлива съ нимъ?

— Ахъ, Бетси, она довольна собой. Это—самое большое счастье на землѣ.

Они вернулись къ своимъ гостямъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Въ своихъ письмахъ домой Тони подробно описывала свою новую жизнь. Устройствомъ своей загородной виллы она была вполнѣ довольна; она выхваливала коричневую атласную мебель залы, уютную столовую, и главнымъ образомъ свою любимую комнату—маленькую гостиную съ лиловой мебелью. Двѣ дѣвушки и маленькій грумъ составляли штатъ ея прислуги, совершенно достаточный по ея мнѣнію. Вообще, домъ былъ поставленъ, по ея словамъ, на вполнѣ приличную ногу, соотвѣтствующую ихъ общественному положенію. Одного только ей недоставало—экипажа; въ гости они ѣздили въ наемной коляскѣ. Мужъ обѣщалъ ей обзавестись лошадьми, но не торопился исполнить обѣщаніе: „онъ почему-то избѣгаетъ бывать со мной въ обществѣ“,—писала она,—„и не поощряетъ даже знакомства съ сосѣдями. Что̀ бы это значило? неужели онъ ревнивъ“? Грюнлихъ съ утра уѣзжалъ въ городъ и возвращался иногда поздно вечеромъ,—настолько его поглощали дѣла. Изрѣдка только онъ проводилъ вечера̀ съ женой дома—за чтеніемъ газетъ.

У Грюнлиховъ были только два друга дома: докторъ Класенъ и банкиръ Кесельмейеръ, близкій пріятель Грюнлиха. По описаніямъ Тони, это былъ очень смѣшной старикъ, съ сѣдой, коротко остриженной бородой и жидкими, совершенно бѣлыми волосами, которые развѣвались отъ малѣйшаго дуновенія и были похожи на пухъ. Онъ дѣлалъ смѣшныя движенія головой—совсѣмъ какъ птица—и болталъ безъ умолку. Тони прозвала его, было, за это сорокой, но Грюнлихъ запретилъ ей называть такъ своего друга, „потому что,—говорилъ онъ,—сорока вороватая птица, а Кесельмейеръ очень честный человѣкъ“. Банкиръ очень ласково и дружественно относился къ Тони, постоянно говоря, что такая жена—счастье для Грюнлиха.

Тони очень звала родителей къ себѣ въ гости, прося ихъ пріѣхать, не дожидаясь приглашенія Грюнлиха, который почему-то увѣренъ, что у отца Тони нѣтъ времени навѣстить дочь. Осенью того же года консулъ съ женой поѣхали въ Гамбургъ къ Тони и остались очень довольны радушнымъ пріемомъ Грюнлиха; онъ забросилъ всѣ свои, столь важныя по его словамъ, дѣла̀ и находился неотступно при тестѣ; консулъ не имѣлъ даже

возможности побывать одинъ у своихъ родственниковъ, Дюшановъ. Тони они нашли, какъ всегда, вполнѣ довольной собой и занятой изготовленіемъ приданаго для ожидаемаго черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ребенка. Въ ноябрѣ пришло почтительное письмо отъ Грюнлиха съ извѣщеніемъ о рожденіи у него дочери и о томъ, что его „дорогая супруга и новорожденная дочь обрѣтаются въ полномъ здравіи". Отъ Тони была небольшая приписка, въ которой она говорила, что еслибы у нея родился сынъ, то она знаетъ одно очень красивое имя, которымъ она бы его назвала. Дѣвочку же ей хотѣлось бы назвать Метой, но Грюнлихъ настаиваетъ на имени Эрика.

Въ домѣ на Mengstrasse стало очень тихо послѣ замужества Тони, тѣмъ болѣе, что оно совпало съ отъѣздомъ обоихъ сыновей консула, Тома и Христіана. Томъ помѣщенъ былъ отцомъ, для пополненія своего коммерческаго образованія, въ торговый домъ ванъ-Келена въ Амстердамѣ, и уѣхалъ тотчасъ же послѣ свадьбы сестры. Ему особенно тяжела была разлука съ роднымъ городомъ, потому что пришлось проститься съ цвѣточницей Анной, нѣжной и стройной, какъ газель, смуглой дѣвушкой съ бархатными черными глазами; но Томъ былъ человѣкомъ долга; прощаясь съ своей подругой, онъ убѣждалъ ее въ необходимости покориться неизбѣжному, т.-е. тому, что онъ пойдетъ своимъ предначертаннымъ путемъ, современемъ „сдѣлаетъ партію", достойную имени Будденброка, и что имъ не придется больше свидѣться; ей онъ только совѣтовалъ „не продешевить себя" въ будущемъ, такъ какъ до сихъ поръ—онъ это повторилъ ей нѣсколько разъ—она не унизила себя, отдавая свою любовь ему. Несмотря на такую разсудительность, онъ все-таки пролилъ много искреннихъ слезъ, цѣлуя въ послѣдній разъ свою безутѣшную подругу. Въ Амстердамѣ онъ сразу усердно занялся дѣлами, выказывая большія способности къ коммерческимъ занятіямъ; его принципалъ очень хвалилъ его усердіе въ письмахъ къ консулу, и пригласилъ своего юнаго служащаго бывать у него въ домѣ. Консулъ былъ очень доволенъ удачнымъ началомъ карьеры старшаго сына и писалъ ему поощрительныя письма, преисполненныя всякими практическими разсужденіями. Онъ совѣтовалъ Тому выказывать какъ можно больше почтенія женѣ принципала и заслужить ея расположеніе, потому что она можетъ при случаѣ замолвить за него словечко, еслибы случилась какая-нибудь оплошность съ его стороны въ дѣлахъ; затѣмъ пускался съ нимъ въ длинныя разсужденія по поводу плановъ расширенія дѣлъ ихъ собственной фирмы на будущее время. Онъ со-

глашался съ сыномъ, что экспортное дѣло въ широкихъ размѣрахъ, о которомъ мечталъ Томъ, дѣйствительно очень выгодно,— но опасно въ виду огромнаго риска, особенно въ эти тревожныя времена политическихъ волненій. Консулъ напоминалъ Тому мудрое правило, завѣщанное основателемъ ихъ фирмы своему сыну: „сынъ мой, занимайся съ любовью дѣлами весь день—но только такими, при которыхъ можно спокойно спать ночью". Онъ высказывалъ твердую рѣшимость держаться этого правила до конца своихъ дней и выражалъ надежду, что и сынъ его, будущій владѣлецъ фирмы, не отступится отъ того же принципа, хотя нѣкоторые люди процвѣтаютъ вовсе не соблюдая осторожности въ дѣлахъ, какъ, напримѣръ, торговый домъ Гагенстремъ и Стрункъ, очень идущій въ гору, въ то время какъ дѣла фирмы Будденброкъ сохраняютъ скромные размѣры.—„Я только молю Бога, — писалъ консулъ, — чтобы мнѣ удалось оставить тебѣ дѣло въ его теперешнемъ, а не уменьшенномъ видѣ. Вотъ только бы семья твоей матери не такъ растрачивала свои капиталы; наслѣдство съ ихъ стороны для насъ очень важно".

Другимъ своимъ сыномъ, Христіаномъ, консулъ былъ гораздо менѣе доволенъ. Онъ опредѣлилъ его клеркомъ къ м-ру Ричардсону въ Лондонъ, и надѣялся, что выучка въ англійской торговой конторѣ послужитъ ему на пользу. Христіанъ считалъ, что сдѣлалъ большую уступку отцу, отказавшись отъ своей мечты объ университетскомъ образованіи и согласившись поѣхать въ Лондонъ; поэтому тамъ онъ считалъ себя совершенно свободнымъ,— и въ его письмахъ домой онъ больше разсказывалъ о своемъ увлеченіи лондонскими театрами, чѣмъ о занятіяхъ у м-ра Ричардсона. Это очень огорчало консула; кромѣ того, его безпокоило здоровье обоихъ его сыновей: Тому пришлось провести первыя же лѣтнія каникулы въ Эмсѣ, чтобы лечиться отъ нервнаго разстройства, а Христіанъ тоже писалъ домой о безпокоившихъ его нервныхъ припадкахъ.

Въ домѣ на Mengstrasse консульша проводила дни очень тихо въ обществѣ своей младшей дочери Клары, молчаливой дѣвочки съ удивительно строгими красивыми глазами, и Клотильды, которая, несмотря на свои двадцать лѣтъ, имѣла видъ почти старой дѣвы: на ея остромъ слишкомъ длинномъ лицѣ рѣзко обозначались линіи рта и щекъ; гладко причесанные волосы были какого-то неопредѣленнаго сѣроватаго оттѣнка. Она въ сущности не была опечалена своей старообразностью, такъ какъ надеждъ на замужество у нея не было, и ей хотѣлось скорѣе пережить время возможныхъ перемѣнъ судьбы. Она смиренно предвидѣла

свое будущее: оно могло состоять въ томъ, что она будетъ проживать въ уютной, но очень скромной комнаткѣ маленькую ренту, которую ей вѣроятно выхлопочетъ ея влiятельный дядя изъ какого-нибудь благотворительнаго учрежденiя для поддержки бѣдныхъ дѣвушекъ благороднаго происхожденiя.

Жизнь на Mengstrasse нельзя было, однако, назвать спокойной, потому что времена были очень тревожныя; въ городѣ происходили волненiя, и консульша была въ постоянномъ безпокойствѣ. Наступилъ 1848 годъ, и въ началѣ октября въ городѣ начались безпорядки. Консульша почувствовала отголоски революцiоннаго настроенiя въ своемъ собственномъ домѣ: кухарка Трина, которая много лѣтъ служила въ домѣ и всегда была покорной и тихой дѣвушкой, вдругъ стала очень дерзко разговаривать со своей госпожей и въ отвѣтъ на какое-то совершенно справедливое замѣчанiе консульши стала объяснять ей, что скоро наступитъ „новый порядокъ", и господа станутъ прислуживать слугамъ. Эти слова объяснялись дружбой Трины съ молодымъ мясникомъ, который занялся ея „политическимъ воспитанiемъ". Консульша сейчасъ же разсчитала бунтующую кухарку, но этотъ инцидентъ сильно обезпокоилъ ее. Вскорѣ произошло новое событiе: на главной улицѣ вышибли камнями зеркальныя стекла въ лучшемъ суконномъ магазинѣ, и толпа ходила по улицамъ съ криками: „Мы требуемъ общаго избирательнаго права"! Въ городѣ говорили, что рабочiе готовятъ крупную демонстрацiю на площади передъ ратушей, и болѣе осторожные жители боялись выходить изъ дому. Консулъ былъ увѣренъ, что большинство рабочихъ въ его хлѣбныхъ складахъ не примкнетъ къ движенiю, такъ какъ все это были люди немолодые, много лѣтъ служившiе у него и преданные своему хозяину, который не давалъ имъ никакого повода къ недовольству. Но были среди рабочихъ и молодые, недавно поступившiе къ нему, и онъ опасался ихъ влiянiя. Тѣмъ не менѣе, когда въ одинъ изъ этихъ тревожныхъ октябрьскихъ дней назначено было засѣданiе городского совѣта, консулъ отправился туда, несмотря на слухи о томъ, что толпа намѣревается штурмовать залу засѣданiя. Консульша умоляла мужа остаться дома, но онъ очень твердо заявилъ ей, что для него было бы позоромъ не пойти изъ трусости, и что къ тому же и ея старикъ отецъ, Лебрехтъ Крёгеръ, тоже будетъ на засѣданiи, такъ какъ не унизится до страха передъ толпой. Тогда она его отпустила, прося его быть осторожнымъ, а также оберегать ея отца.

По дорогѣ въ засѣданiе консулъ встрѣтилъ маклера Гоша,

сорокалѣтняго холостяка, который слылъ въ городѣ за большого оригинала. Онъ соединялъ практическую дѣятельность посредника при покупкѣ недвижимостей съ увлеченіемъ поэзіей и героизмомъ. Онъ носилъ широкій плащъ, шляпу съ большими полями и старался придать своему добродушному лицу демоническое выраженіе, сжималъ тонкія губы въ сардоническую улыбку; ему хотѣлось казаться чѣмъ-то среднимъ между Наполеономъ и Мефистофелемъ,—что ему, впрочемъ, мало удавалось. Онъ говорилъ возвышеннымъ слогомъ, точно декламируя отрывки изъ драмъ Шиллера, и ходили слухи, что онъ проводитъ свободные отъ дѣлъ часы за переводомъ Лопе-де-Вега. Когда онъ потерялъ разъ на биржѣ очень незначительную сумму, онъ разыгралъ цѣлую трагическую сцену—только изъ любви къ патетическимъ словамъ и жестамъ, такъ какъ при его солидныхъ заработкахъ эта потеря не имѣла никакого значенія. Волненія въ городѣ настроили его на героическій ладъ, и, встрѣтивъ консула, онъ оглушилъ его цѣлымъ потокомъ торжественныхъ словъ о величіи стихійныхъ движеній, о красотѣ бушующей толпы, о томъ, что его сердце бьется согласно съ сердцемъ толпы, что и въ немъ загорается жажда великихъ событій. Консулъ слушалъ съ улыбкой этого искренно увлекающагося чудака, зная, что въ сущности онъ—самый благодушный и мирный человѣкъ. Они вмѣстѣ вошли въ залу засѣданія, гдѣ всѣ уже были въ сборѣ, и съ волненіемъ обсуждали положеніе дѣлъ. Въ скоромъ времени передъ домомъ гдѣ происходило засѣданіе, собралась большая толпа: все собраніе встревожилось, многіе даже открыто выражали свои страхи, и лишь нѣсколько человѣкъ держали себя съ достоинствомъ, въ томъ числѣ старикъ Лебрехтъ Крёгеръ; онъ требовалъ, чтобы засѣданіе продолжалось, и выражалъ полное презрѣніе къ бунтующей на улицѣ толпѣ. Положеніе осажденныхъ членовъ совѣта становилось очень тягостнымъ, и только благодаря присутствію духа консула Будденброка все кончилось благополучно. Онъ смѣло вышелъ къ толпѣ рабочихъ и, сказавъ имъ рѣчь на мѣстномъ діалектѣ, успокоилъ ихъ. Ничего утѣшительнаго онъ имъ въ сущности не обѣщалъ, но онъ зналъ психологію рабочаго населенія въ своемъ городѣ. Ничего сознательнаго въ поднятомъ ими тогда шумѣ не было,—они только слышали о движеніяхъ въ другихъ городахъ и не хотѣли отстать, даже не зная, чего собственно требовать. Авторитетный и нѣсколько насмѣшливый тонъ консула, пользовавшагося общимъ уваженіемъ, отрезвилъ ихъ, и они разошлись съ сознаніемъ, что достигли своей цѣли и весело провели день.

Для семейства Будденброковъ день бурнаго засѣданія въ совѣтѣ имѣлъ, однако, печальныя послѣдствія. Старикъ Крёгеръ былъ такъ потрясенъ „неслыханной дерзостью черни“, что не могъ вынести униженія: ему, Лебрехту Крёгеру, пришлось ждать нѣсколько часовъ, пока толпѣ „угодно было“ позволить ему сѣсть въ экипажъ и уѣхать домой. Когда консулъ сѣлъ съ тестемъ въ поданную послѣ долгихъ ожиданій карету, его ужаснуло безжизненное выраженіе поблѣднѣвшаго лица у тестя. Случилось еще, что по дорогѣ въ карету влетѣлъ камень, брошеный кѣмъ-то изъ толпы. Это нанесло послѣдній ударъ гордому патрицію:—когда консулъ привезъ его домой, Лебрехтъ Крёгеръ, блестящій cavalier à la mode, былъ уже мертвъ.

II.

Годъ и два мѣсяца спустя, въ морозное январьское утро 1850-го года, Грюнлихъ съ женой и трехлѣтней дочкой сидѣли за завтракомъ въ столовой. Грюнлихъ, уже готовый къ отъѣзду въ городъ, въ черномъ сюртукѣ и съ гладко расчесанными золотистыми бакенбардами, ѣлъ по англійской модѣ бифштексъ за утреннимъ завтракомъ; Тони находила эту привычку очень аристократической, но ей самой было противно ѣсть что-нибудь утромъ кромѣ яицъ и кофе. Она сидѣла за столомъ въ изящномъ капотѣ, такъ какъ считала, что красивое неглиже очень аристократично, и, въ качествѣ замужней дамы, любила щеголять въ изысканныхъ утреннихъ нарядахъ. На этотъ разъ она была въ темно-красномъ пеньюарѣ изъ мягкой матеріи, подходившей къ тону обоевъ; густой рядъ маленькихъ бантиковъ изъ краснаго бархата спускался спереди отъ ворота до самаго низа платья, и такой же красный бархатный бантъ красиво выдѣлялся на ея свѣтлыхъ волосахъ. Лицо ея сохранило прежнее наивное и нѣсколько задорное выраженіе, и обычная живость ея движеній еще усилилась въ это утро, вслѣдствіе замѣтной нервности и раздраженія.

Рядомъ съ ней, на высокомъ дѣтскомъ стулѣ, сидѣла маленькая Эрика, упитанная дѣвочка съ короткими свѣтлыми локонами, одѣтая въ толстое вязанное платьице изъ голубой шерсти. Она охватила обѣими ручками большую чашку и съ аппетитомъ пила молоко.

Когда Эрика отставила наконецъ чашку, Тони позвонила и велѣла вошедшей дѣвушкѣ пойти погулять съ полчаса съ ребенкомъ. Дѣвушка увела маленькую Эрику, и, оставшись наединѣ

съ мужемъ, Тони обратилась къ нему, очевидно возобновляя прерванный разговоръ.

— Вѣдь это просто смѣшно!—сказала она нѣсколько раздраженно:—какія у тебя причины протестовать противъ найма няни... Не могу же я вѣчно возиться съ ребенкомъ.

— Вѣдь у насъ уже есть двѣ дѣвушки. Какая молодая женщина...

— У дѣвушекъ дѣла по горло. Вотъ вѣдь кухарка съ утра должна готовить тебѣ бифштексъ. Подумай, Грюнлихъ, Эрикѣ нужно будетъ скоро нанять бонну, потомъ гувернантку...

— Мы не въ состояніи уже теперь держать для нея отдѣльную няню.

— Не въ состояніи... Развѣ мы нищіе? Вѣдь насколько я знаю, у меня было восемьдесятъ тысячъ приданаго... Конечно, не въ этомъ дѣло,—вѣдь ты женился на мнѣ по любви. Но почему же ты совершенно не сообразуешься съ моими желаніями, не хочешь нанять няню, не покупаешь экипажа, который намъ нуженъ какъ хлѣбъ насущный? И почему мы живемъ за городомъ, если не въ состояніи держать экипажа для поѣздокъ въ гости? Почему ты вообще не любишь, чтобы я ѣздила въ городъ?.. Вѣдь я здѣсь совсѣмъ скисну въ одиночествѣ.

Грюнлихъ налилъ себѣ краснаго вина въ стаканъ и отрѣзалъ кусочекъ сыра, ничего не отвѣчая.

— Да развѣ ты меня еще любишь? — спросила Тони.— Твое молчаніе такъ неучтиво, что я не могу не напомнить тебѣ объ извѣстной сценѣ въ нашей ландшафтной комнатѣ... тогда ты велъ себя иначе. А съ перваго дня послѣ свадьбы ты только изрѣдка проводилъ вечера со мной, и то уткнувшись въ газету. Первое время ты по крайней мѣрѣ исполнялъ мои желанія, но это давно кончено. Ты совершенно не обращаешь вниманія на меня.

— А ты? Ты разоряешь меня своимъ бездѣльемъ и пристрастіемъ къ роскоши...

— Ну, да, конечно, я въ родительскомъ домѣ не имѣла надобности двинуть пальцемъ, а теперь должна обходиться почти безъ прислуги. Отецъ мой—богатый человѣкъ, и не могъ ожидать, что мнѣ придется отказывать себѣ въ нужномъ количествѣ прислуги...

— Такъ подожди нанимать третью дѣвушку, пока богатство твоего отца не перейдетъ въ наши руки.

— Что̀, ты желаешь смерти отца?.. Я говорю, что мы состоятельные люди, и что я вошла въ твой домъ не съ пустыми

руками... И почему ты постоянно говоришь о нашихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ? Въ чемъ дѣло,—у тебя какое-нибудь затрудненіе въ дѣлахъ?..

Въ это время раздался звонокъ, и черезъ минуту въ комнату вошелъ банкиръ Кесельмейеръ. Онъ остановился въ дверяхъ, состроилъ очень смѣшную гримасу, посмотрѣлъ внимательно на обоихъ супруговъ и сказалъ веселымъ голосомъ:

— Ага!

Веселости банкира Кесельмейера нельзя было довѣрять, потому что чѣмъ больше онъ внутренно злился, тѣмъ болѣе онъ обыкновенно гримасничалъ, придавая веселое выраженіе лицу, безпрестанно вскидывая на носъ и сдергивая пенснэ, размахивая руками и болтая всякій вздоръ. Поэтому и на этотъ разъ Грюнлихъ быстро взглянулъ на него съ нескрываемой подозрительностью.

— Вы сегодня такъ рано?—спросилъ онъ.

— Да, да!—отвѣтилъ Кесельмейеръ, помахивая въ воздухѣ одной изъ своихъ маленькихъ, красныхъ морщинистыхъ рукъ.— Мнѣ нужно съ вами поговорить, сейчасъ же поговорить, милый мой!

— Присядьте, господинъ Кесельмейеръ,—сказала Тони.—Я рада, что вы пришли,—будьте судьей между нами. Я утверждаю, что трехлѣтній ребенокъ нуждается въ нянѣ, а Грюнлихъ говоритъ, что я его разоряю.

Кесельмейеръ присѣлъ къ столу, и съ необыкновенной веселостью оглядывалъ изящную сервировку, серебряную сухарницу, этикетку на бутылкѣ съ краснымъ виномъ... При послѣднихъ словахъ Тони, онъ шумно расхохотался.

— Вы его разоряете?—воскликнулъ онъ.—Ахъ, Боже мой, вотъ прелесть, вотъ смѣхъ-то!

Грюнлихъ нервно заёрзалъ на стулѣ и быстро провелъ руками по своимъ золотистымъ бакенбардамъ.

— Что вы, съ ума сошли, Кесельмейеръ?—сказалъ онъ.— Перестаньте смѣяться, ради Бога! Хотите вина? Хотите сигару? Чему вы собственно смѣетесь?

— Дайте мнѣ вина и сигару... Чему я смѣюсь? Такъ вы находите, что ваша жена васъ разоряетъ?

— У нея слишкомъ большая любовь къ роскоши,—сердито сказалъ Грюнлихъ.

— Да, это правда,—подтвердила Тони.—Я унаслѣдовала это отъ мамы. Всѣ Крёгеры любятъ роскошь.

Она такъ гордилась всѣмъ, что относилось къ ея семьѣ, что

всякая фамильная черта ей казалась святыней, передъ которой нужно преклоняться.

Когда завтракъ кончился и мужчины выкурили сигары, Грюнлихъ провелъ своего прiятеля черезъ лиловую комнату въ кабинетъ. Тони осталась еще въ столовой, чтобы наблюдать за тѣмъ, какъ дѣвушка прибираетъ со стола; минутъ черезъ десять она прошла въ залу, чтобы лично обмести пыль съ разныхъ бездѣлушекъ, стоящихъ на этажеркахъ. Оттуда она направилась въ свою либимую лиловую комнату и стала поливать растенiя изъ лейки. Она очень любила свои пальмы, придававшiя, по ея мнѣнiю, особенно изысканный видъ ея квартирѣ. Она стала разглядывать каждый листокъ, срѣзывать пожелтѣвшiе листья, и двигалась по комнатѣ медленными, степенными движенiями. Она не утратила въ качествѣ madame Грюнлихъ самоувѣренности, отличавшей ее въ дѣвичествѣ, держалась очень прямо и смотрѣла на все сверху внизъ. Только наивное выраженiе губъ указывало на то, что вся ея напускная важность въ сущности—невинная дѣтская поза.

Она вдругъ остановилась, прервавъ осмотръ растенiй, потому что до нея явственно доходили голоса изъ кабинета, несмотря на закрытую дверь и спущенную портьеру.

— Да не кричите же, Боже мой!—раздавался голосъ Грюнлиха, нѣсколько пискливый на высокихъ нотахъ.—Возьмите сигару!—прибавилъ онъ съ отчаянiемъ.

— Съ большимъ удовольствiемъ, благодарю васъ,—отвѣтилъ банкиръ, и послѣ нѣкоторой паузы, во время которой онъ вѣроятно закуривалъ сигару, продолжалъ:

— Ну, такъ что же, заплатите вы, да или нѣтъ?

— Отсрочьте, Кесельмейеръ!

— Нѣтъ, милый мой, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи! Вашъ кредитъ потерянъ. Развѣ можно довѣрять вашей фирмѣ? Вѣдь всѣ знаютъ, какъ много вы потеряли при банкротствѣ бременскаго банка. Вы сами знаете, какъ къ вамъ теперь относятся. Развѣ Гутстикеръ и Бокъ вѣрятъ вамъ? А кредитный банкъ?

— Онъ отсрочилъ векселя.

— Вотъ какъ?—вѣдь вы врете. Я знаю, что они вамъ вчера отказали... Но вы не смущайтесь—въ вашихъ интересахъ, конечно убѣждать меня, что другiе вамъ довѣряютъ. Нѣтъ, милый мой, напишите консулу, я подожду только недѣлю.

— Не кричите, Кесельмейеръ, не смѣйтесь такимъ адскимъ смѣхомъ! Мое положенiе очень серьезно,—я этого не отрицаю,

но все можетъ еще кончиться благополучно. Послушайте, отсрочьте, и я уплачу вамъ двадцать процентовъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! это рѣшено, милый мой,—я и сорока не возьму. Со времени банкротства братьевъ Вестфаль въ Бременѣ, всякій старается развязаться съ вами, и я тоже... Я всегда стою за своевременную ликвидацію... Когда дѣло начинаетъ падать, нужно ликвидировать... Я требую мой капиталъ.

— Это безсовѣстно, Кесельмейеръ!

— Безсовѣстно? Вотъ потѣха! Да чего вы собственно хотите? Вамъ, все равно, придется обратиться къ тестю. Кредитный банкъ держитъ васъ за горло... И другіе тоже — да и книги ваши не въ особенномъ порядкѣ... Ужъ лучше вамъ прямо объявить себя банкротомъ.

— Послушайте, Кесельмейеръ... Сдѣлайте мнѣ одолженіе, возьмите еще одну сигару!

— Да я еще эту наполовину не кончилъ. Оставьте меня въ покоѣ съ вашими сигарами. Заплатите!

— Не губите меня Кесельмейеръ... Вѣдь вы мой другъ... Не откажите мнѣ въ кредитѣ.

— Что? Еще кредитъ? Вы съ ума сошли? Новый заемъ хотите сдѣлать?

— Да, Кесельмейеръ, я молю васъ!.. Чтобы заплатить коекому и выиграть время... У меня много проектовъ. Все еще можетъ благополучно кончиться. Вѣдь вы знаете, я очень предпріимчивъ и энергиченъ...

— Вы просто плутъ, милый мой, и кромѣ того неудачникъ. Всѣ ваши предпріятія приносятъ пользу другимъ, а вы загубили вашу совѣсть безъ всякой пользы для себя. Это очень, очень смѣшно! Вѣдь вамъ уже ни одинъ банкъ на свѣтѣ не окажетъ кредита ни на грошъ... Почему вы собственно боитесь, разъ навсегда, раскрыть свои карты? Потому что, четыре года тому назадъ, все обстояло не такъ, какъ слѣдуетъ? Вы боитесь, что обнаружится...

— Хорошо, Кесельмейеръ, я напишу тестю. Но что, если онъ откажется платить за меня?

— Тогда... ха-ха! мы объявимъ себя тогда банкротомъ, милый мой... Это будетъ очень весело. Меня это не касается. Я въ сущности обезпечилъ себя процентами, которые кое-какъ собралъ у васъ... А при конкурсѣ мои права будутъ первыя, дорогой мой, такъ что я въ проигрышѣ не буду. У меня полный инвентарь въ карманѣ. Я ужъ постараюсь, чтобы не при-

прятали ни одной серебряной сухарницы, ни одного капотика... До свиданія, милый мой, всего хорошаго!..

Кесельмейеръ быстро поднялся и ушелъ. Въ коридорѣ раздались его странные, осторожные шаги... Когда Грюнлихъ вошелъ въ лиловую комнату, Тони стояла тамъ съ лейкой въ рукахъ и смотрѣла ему въ лицо широко раскрытыми глазами.

— Чего ты стоишь, чего ты глазѣешь?—сказалъ онъ, странно размахивая руками. Его розовое лицо не обладало способностью блѣднѣть. Оно было все въ красныхъ пятнахъ, какъ у больного скарлатиной.

III.

Консулъ Іоганнъ Будденброкъ прибылъ въ два часа, вошелъ въ дорожномъ пальто въ залу и обнялъ Тоню съ грустной нѣжностью. Онъ очень постарѣлъ и былъ чрезвычайно блѣденъ. Въ послѣднее время у него было много волненій: Томъ заболѣлъ болѣзнью легкихъ, сталъ харкать кровью, и консулу пришлось бросить всѣ дѣла и поѣхать къ нему въ Амстердамъ. Оказалось, что непосредственной опасности нѣтъ, но что молодому человѣку необходимо прожить нѣкоторое время на югѣ, такъ что, какъ только ему стало немного лучше, консулъ отправилъ его на югъ Франціи, въ По, вмѣстѣ съ сыномъ его принципала, которому тоже нужно было лечиться. Вернувшись домой, консулъ засталъ извѣстіе о банкротствѣ въ Дременѣ, при которомъ онъ сразу терялъ восемьдесятъ тысячъ марокъ, и эта потеря отозвалась на отношеніяхъ къ фирмѣ „Будденброкъ“ со стороны разныхъ кредитныхъ учрежденій. Консулъ стойко отнесся ко всѣмъ этимъ волненіямъ и затрудненіямъ, но совершенно растерялся, когда на него обрушилось новое несчастіе: Грюнлихъ, мужъ его дочери, написалъ ему длинное жалобное письмо съ заявленіемъ о своей несостоятельности и съ мольбой выручить его суммой въ сто или сто-двадцать тысячъ марокъ. Консулъ осторожно сообщилъ объ этомъ женѣ, и отвѣтилъ Грюнлиху сухимъ письмомъ, въ которомъ сообщалъ, что пріѣдетъ самъ и желаетъ переговорить съ нимъ и съ банкиромъ Кесельмейеромъ.

Тони вышла къ отцу въ залу. Она любила принимать гостей въ салонѣ съ коричневой атласной мебелью, и такъ какъ она чувствовала важность обстоятельствъ, вызвавшихъ пріѣздъ консула, то рѣшила принять и его какъ гостя, въ залѣ. Она вышла къ нему очень хорошенькая въ своемъ свѣтло-сѣромъ модномъ

платьѣ, съ широкимъ криволиномъ, и старалась придать серьезное выраженіе своему хорошенькому личику.

— Здравствуй, папа! наконецъ-то ты къ намъ пріѣхалъ. Какъ здоровье мамы? Какія извѣстія отъ Тома? Пожалуйста, сними пальто, садись, милый папа. Не хочешь-ли ты умыться съ дороги? Я приготовила тебѣ комнату на верху. Грюнлихъ тоже какъ разъ одѣвается.

— Я его здѣсь подожду. Ты вѣдь знаешь, что я пріѣхалъ для очень серьезнаго разговора съ твоимъ мужемъ? А Кесельмейеръ—здѣсь?

— Да, папа, онъ сидитъ въ лиловой комнатѣ и разсматриваетъ альбомы...

— А гдѣ Эрика?

— На верху, съ дѣвушкой. Она купаетъ свою куклу... Конечно, не въ водѣ,—вѣдь это восковая кукла... Она только играетъ...

— Ну да, понятно.—Консулъ вздохнулъ и продолжалъ:

— Я думаю, милая Тони, что ты не совсѣмъ ясно освѣдомлена о положеніи твоего мужа.

Онъ сѣлъ на кресло у большого стола, а Тони усѣлась на маленькомъ пуфѣ почти у его ногъ.

— Нѣтъ, папа,—отвѣтила Тони—я должна сознаться, что ничего не знаю. Боже мой, вѣдь я такая дурочка, ты самъ знаешь. На дняхъ я слышала, какъ Грюнлихъ говорилъ съ Кесельмейеромъ... Мнѣ показалось, что Кесельмейеръ только шутитъ. А Грюнлихъ съ тѣхъ поръ ужасно сердитый, прямо невыносимый... Только вотъ вчера онъ опять сталъ ласковѣе, все спрашивалъ, люблю ли я его, и замолвлю ли я за него словечко, если онъ долженъ будетъ тебя просить о чемъ-то... Онъ сказалъ мнѣ, что написалъ тебѣ, и что ты пріѣдешь. Какъ хорошо, что ты здѣсь! Мнѣ какъ-то жутко... Грюнлихъ разставилъ въ кабинетѣ зеленый карточный столъ. На немъ лежитъ масса бумагъ и карандаши... Это, кажется, для дѣловой бесѣды съ тобой и Кесельмейеромъ.

— Послушай, дитя мое,—сказалъ консулъ, проводя рукой по ея волосамъ.—Я долженъ предложить тебѣ серьезный вопросъ. Скажи мнѣ... Ты очень любишь мужа?

— Конечно, папа,—отвѣтила Тони съ какимъ-то дѣтскимъ притворствомъ. Консулъ помолчалъ съ минуту.

— Значитъ, ты его любишь настолько,—продолжалъ онъ,—что не могла бы жить безъ него ни въ какомъ случаѣ? Даже если бы, по волѣ Божіей—обстоятельства его измѣнились настолько, что ты не могла бы уже жить въ такой обстановкѣ,

какъ эта?...—Онъ указалъ рукой на мебель и портьеры, на золоченые часы, стоящіе на этажеркѣ, и, наконецъ, на ея платье.

— Конечно, папа,—покорно сказала Тони. Но въ глазахъ ея было такое выраженіе, какъ у дѣтей, когда среди чтенія сказки вдругъ имъ начинаютъ говорить о нравственныхъ обязанностяхъ,—выраженіе неловкости и нетерпѣнія, благонравія и досады.

Консулъ задумался. Само собой разумѣется, что въ душѣ онъ желалъ всячески избѣжать необходимости выплатить крупную сумму за своего зятя; но онъ вспоминалъ о томъ, какъ настаивалъ на бракѣ дочери, и чувствовалъ себя виноватымъ передъ ней. Онъ считалъ себя поэтому обязаннымъ сообразоваться съ рѣшеніемъ дочери. Онъ зналъ, конечно, что она вышла замужъ за Грюнлиха не по любви, но считалъ возможнымъ, что за эти четыре года привычка и рожденіе ребенка многое измѣнили, что Тони привязалась къ мужу и не согласится разстаться съ нимъ. Въ такомъ случаѣ придется уплатить долги Грюнлиха. Конечно, христіанскій долгъ и женское достоинство требуютъ, чтобы Тони не уходила отъ своего мужа и въ несчастіи; но если она всетаки выскажетъ такое желаніе, то онъ не въ правѣ лишать ее тѣхъ удобствъ жизни, къ которымъ она привыкла. Ему самому было бы пріятнѣе всего забрать дочь съ ребенкомъ къ себѣ и предоставить Грюнлиха его судьбѣ. Конечно, не дай Богъ, чтобы дѣло дошло до такой крайности, но, во всякомъ случаѣ, онъ сталъ вспоминать о параграфахъ закона, допускающихъ разводъ въ томъ случаѣ, если мужъ не въ состояніи содержать жену и дѣтей. Но прежде всего нужно узнать, что думаетъ его дочь.

— Я вижу,—продолжалъ онъ, нѣжно гладя ея волосы, —что ты, милое дитя, держишься очень похвальныхъ принциповъ. Но нужно прямо смотрѣть на вещи. Я спросилъ тебя не о томъ, какъ бы ты вообще поступила при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, но о томъ, что ты намѣрена сдѣлать сейчасъ, сегодня. Я не думаю, чтобы ты была посвящена въ положеніе дѣлъ, и долженъ сообщить тебѣ, что твоему мужу приходится пріостановить платежи...

— Грюнлихъ обанкротился?—тихо спросила Тони.—Я вѣдь этого не подозрѣвала. Значитъ, Кесельмейеръ не шутилъ?...О, Боже!—воскликнула она вдругъ, ужаснувшись слова „банкротство“, въ которомъ съ дѣтства видѣла нѣчто позорное и ужасное.—Онъ банкротъ!—повторила она, потрясенная и уничтоженная этимъ роковымъ словомъ.

Отецъ пристально вглядывался въ нее своими маленькими проницательными глазами.

— Вѣдь я тебя спрашиваю,—сказалъ онъ мягко,—готова ли ты слѣдовать за мужемъ и въ бѣдности?

— Конечно, папа,—отвѣтила Тони, но разрыдалась какъ ребенокъ.—Вѣдь я же должна...

— Вовсе нѣтъ!—быстро возразилъ онъ, но прибавилъ изъ чувства долга: — Я тебя къ этому не сталъ бы принуждать. Если бы твои чувства не связывали тебя неразрывно съ твоимъ мужемъ, то тебѣ не было бы надобности переносить всѣ страданія, неизбѣжно связанныя съ его разореніемъ. Мнѣ хочется избавить тебя отъ всего этого и взять тебя съ Эрикой къ намъ домой.

— Ахъ, папа! — тихо сказала Тони: — развѣ не было бы лучше...—На лицѣ ея отразилось нѣжное и грустное чувство, связывающее ее съ чѣмъ-то далекимъ, навсегда исчезнувшимъ.

— Я угадываю твои мысли, милая Тони,—грустно сказалъ отецъ,—и готовъ сознаться, что раскаяваюсь въ томъ, что тогда уговаривалъ тебя выйти за него замужъ. Но вѣдь я это считалъ своимъ долгомъ. Я хотѣлъ создать тебѣ жизнь достойную тебя, а Грюнлихъ явился ко мнѣ съ самыми лучшими рекомендаціями и казался такимъ порядочнымъ человѣкомъ. О его дѣлахъ я имѣлъ вполнѣ благопріятныя свѣдѣнія. Я самъ просмотрѣлъ его книги. Не понимаю, въ чемъ дѣло; все это еще выяснится. Но скажи, ты меня не обвиняешь?..

— Нѣтъ, папа, какъ ты можешь это подумать! Не огорчайся, бѣдный папа; ты такъ блѣденъ,—не дать ли тебѣ капель?—Она обняла его и поцѣловала.

— Благодарю тебя. Я пережилъ много тяжелаго въ послѣднее время. Но что̀ же дѣлать, на то воля Божія. И я все-таки чувствую себя виновнымъ передъ тобою. Но теперь отвѣть мнѣ на главный вопросъ. Скажи мнѣ откровенно, Тони... Полюбила ли ты своего мужа за эти четыре года?

Тони снова заплакала и, закрывая глаза батистовымъ платочкомъ, проговорила среди рыданій:—Ахъ, зачѣмъ ты спрашиваешь, папа?.. Я его никогда не любила... Онъ былъ мнѣ всегда противенъ, вѣдь ты это знаешь.

Трудно было опредѣлить, что̀ выражало лицо консула при этихъ словахъ дочери. Глаза его были печальны и испуганны, и все-таки онъ сжалъ губы съ такимъ выраженіемъ, которое у него появлялось, когда ему удавалось устроить выгодное дѣло. Онъ тихимъ голосомъ сказалъ:

— Четыре года...

Тони сразу осушила слезы и, вскочивъ съ мѣста, гнѣвно воскликнула:

— Четыре года!.. Ну да, иногда онъ сидѣлъ со мной по вечерамъ и читалъ газеты въ моемъ обществѣ за эти четыре года... Конечно, у насъ есть ребенокъ, и я очень люблю Эрику,— хотя Грюнлихъ увѣряетъ, что я—плохая мать... съ ней я ни за-что не разстанусь... Но Грюнлихъ.... А теперь онъ еще къ тому же банкротъ... Ахъ, папа, если бы ты взялъ меня съ Эрикой къ себѣ, я была бы счастлива!

Консулъ былъ очень доволенъ, но все-же считалъ своимъ долгомъ коснуться главнаго пункта; въ виду рѣшительнаго отвѣта Тони на первый вопросъ, это не представляло большого риска.

— Ты, однако, забываешь,—сказалъ онъ,—что можно помочь Грюнлиху... это могъ бы сдѣлать я. Я вѣдь чувствую себя виноватымъ передъ тобой, и если ты этого пожелаешь... если ты на этомъ настаиваешь, то я долженъ предупредить банкротство твоего мужа, уплативъ кое-какъ его долги...

— О какой суммѣ собственно идетъ рѣчь?—спросила Тони удивленнымъ и слегка разочарованнымъ тономъ.

— Не въ этомъ вѣдь дѣло, дитя мое,—отвѣтилъ консулъ.— Сумма большая, очень большая. Къ тому же я не имѣю права скрыть отъ тебя, что у нашей фирмы были въ послѣднее время большія потери, и что ей очень трудно... Я, конечно, говорю это не къ тому, чтобы...

Тони не дала ему договорить. Она вскочила и, держа еще омоченный слезами батистовый платочекъ въ рукахъ, воскликнула:

— Никогда!

У нея былъ видъ настоящей героини. Слово „фирма" подѣйствовало магически. Оно вѣроятно оказало еще болѣе рѣшающее вліяніе, чѣмъ даже ея раздраженіе противъ Грюнлиха.

— Ты этого не сдѣлаешь, папа!—крикнула она совершенно внѣ себя.—Чтобы ты еще обанкротился! Нѣтъ, никогда, я этого не допущу!

Въ эту минуту дверь изъ корридора открылась и вошелъ Грюнлихъ.

Іоганнъ Будденброкъ поднялся съ мѣста рѣшительнымъ движеніемъ, которое означало: дѣло рѣшено!

IV.

Очень холодно поздоровавшись съ своимъ зятемъ и предупредивъ его сразу, что едва ли сможетъ чѣмъ-нибудь помочь ему, консулъ прошелъ съ нимъ въ кабинетъ, куда пригласили и банкира Кесельмейера, вызвавъ его изъ лиловой комнаты. Въ кабинетѣ приготовленъ былъ столъ, на которомъ разложены были бумаги и торговыя книги. Грюнлихъ старался какъ-нибудь оттянуть начало дѣлового засѣданія разными преувеличенно-учтивыми фразами, обращенными и къ тестю, и къ Кесельмейеру, который въ свою очередь тоже отвлекалъ консула отъ дѣла шуточками и разспросами о путешествіи, разговорами о погодѣ. Ужимки этого страннаго человѣка произвели на консула самое отталкивающее впечатлѣніе, и онъ попросилъ поскорѣе перейти къ дѣламъ. Онъ прежде всего потребовалъ, чтобы Грюнлихъ показалъ ему главную книгу для „ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ". Грюнлихъ весь дрожалъ, исполняя его требованіе, и, прежде чѣмъ консулъ заглянулъ въ книгу, сталъ умолять его о пощадѣ и просилъ имѣть въ виду, что его несчастіе во всякомъ случаѣ превышаетъ его виновность.

Прошли длинныя томительныя минуты, въ теченіе которыхъ консулъ внимательно изучалъ длинные столбцы цифръ, сопоставлялъ разныя даты и дѣлалъ отмѣтки карандашомъ на листѣ бумаги. Наконецъ, онъ „ознакомился съ положеніемъ дѣлъ". Совершенно потрясенный, съ измученнымъ отъ волненія и усталости лицомъ, онъ воскликнулъ:

— Несчастный вы человѣкъ!

Онъ дѣйствительно чувствовалъ искреннее состраданіе къ Грюнлиху, тѣмъ болѣе, что его собственныя несчастія располагали его теперь къ снисходительности и добротѣ. Но онъ поборолъ охватившую его жалость и спросилъ дѣловымъ тономъ:

— Какъ это возможно... въ какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ?

Консулъ не высказалъ главной своей мысли... Ему казалось самымъ подозрительнымъ то, что несчастіе обрушилось на Грюнлиха именно теперь, когда нѣсколько пошатнулся кредитъ фирмы Будденброкъ, вслѣдствіе понесенныхъ ею потерь изъ-за бременскаго банкротства. Вѣдь уже два, три года тому назадъ дѣла Грюнлиха были въ томъ же положеніи, какъ и теперь,—почему же тогда его векселя принимались какъ наличныя деньги, почему его кредитъ былъ неисчерпаемъ тогда? Консулъ, конечно, понималъ, что женитьба Грюнлиха на его дочери могла укрѣпить

его положеніе въ торговомъ мірѣ, но неужели его кредитъ основанъ былъ исключительно на родствѣ съ домомъ Будденброковъ? Неужели онъ самъ по себѣ ничего не представлялъ? Вѣдь консулъ имѣлъ о немъ самыя лучшія свѣдѣнія отъ разныхъ банкировъ, видѣлъ его книги... Неужели онъ такъ въ немъ ошибся? Грюнлихъ очевидно съумѣлъ всѣхъ убѣдить въ томъ, что онъ — участникъ фирмы своего тестя. Во всякомъ случаѣ, консулъ рѣшилъ разсѣять это заблужденіе и вполнѣ отстраниться отъ дѣлъ Грюнлиха.

— Если вы хотите знать мое мнѣніе, я долженъ къ сожалѣнію сказать, что не только ваше несчастіе, но и ваша вина очень велика. Не знаю право, какъ вамъ помочь... Вамъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Кесельмейеру,—господинъ Грюнлихъ долженъ шестьдесятъ тысячъ марокъ. Согласились ли бы вы отсрочить уплату этой суммы?

Въ отвѣтъ на слова консула Кесельмейеръ очень весело и даже добродушно расхохотался. Іоганнъ Будденброкъ покраснѣлъ отъ бѣшенства. Онъ предложилъ этотъ вопросъ, только исполняя пустую формальность, такъ какъ зналъ, что даже отсрочка одного изъ кредиторовъ не можетъ измѣнить положенія дѣлъ. Но его возмутилъ наглый смѣхъ Кесельмейера. Отстранивъ рукой всѣ бумаги и положивъ карандашъ на столъ, онъ сказалъ очень твердо и сухо:

— Въ такомъ случаѣ я заявляю, что отказываюсь отъ всякаго дальнѣйшаго вмѣшательства въ это дѣло.

— Ага!—воскликнулъ Кесельмейеръ, весело размахивая руками.—Вотъ это хорошо сказано. Сразу отрѣзано - безъ всякихъ долгихъ фразъ.

— Я ничѣмъ не могу помочь вамъ, другъ мой,—спокойно сказалъ консулъ Грюнлиху, даже не поглядѣвъ въ сторону Кесельмейера.—Мужайтесь и ищите утѣшенія и силы въ мысляхъ о волѣ Божіей. Я считаю разговоръ оконченнымъ.

Грюнлихъ началъ умолять консула помочь ему, заплатить за него сто-двадцать тысячъ марокъ, что вполнѣ возможно для такого богатаго человѣка, какъ онъ, сталъ предлагать ему какіе угодно проценты, но консулъ былъ неумолимъ.

— Развѣ вы не въ состояніи уплатить за него?—спросилъ Кесельмейеръ, глядя на консула съ хитрой улыбкой.—Вѣдь это былъ бы прекрасный случай доказать солидность фирмы Будденброкъ.

— Я бы попросилъ васъ, милостивый государь, предоставить мнѣ самому заботу о репутаціи моего дома. Чтобы доказать

солидность моей фирмы, нѣтъ надобности бросать деньги въ лужу...

— Отецъ!—снова началъ умолять Грюнлихъ:—спасите меня! Вѣдь дѣло идетъ не только обо мнѣ... пусть я погибну, но что̀ станется съ вашей дочерью, моей обожаемой женой, и нашимъ невиннымъ ребенкомъ?.. Я не переживу позора, я лишу себя жизни... и да проститъ вамъ тогда Господь вашъ грѣхъ!

Іоганнъ Будденброкъ откинулся на креслѣ, блѣдный отъ волненія. Опять этотъ человѣкъ произнесъ ту же угрозу, которая потрясла его четыре года тому назадъ, опять традиціонныя въ семьѣ Будденброковъ христіанскія чувства грозили побѣдить практическія соображенія. Но онъ быстро овладѣлъ собою. „Сто-двадцать тысячъ...“—мысленно повторилъ онъ, и сказалъ спокойно и твердо:

— Антонія моя дочь, и я о ней позабочусь... объ этомъ вы узнаете въ свое время. А теперь я ничего не могу прибавить къ тому, что̀ сказалъ.—Онъ поднялся и направился къ двери.

Грюнлихъ сидѣлъ совершенно растерянный, и не могъ произнести ни слова. Но веселость Кесельмейера достигла высшихъ предѣловъ при видѣ рѣшительнаго движенія консула. Пенснэ соскочило у него съ носа, ротъ широко раскрылся, и изъ него высунулись желтые обломки зубовъ, все лицо побагровѣло отъ гримасъ.

— Ха-ха-ха!—разсмѣялся онъ.—Я нахожу это удивительно забавнымъ! Но я бы совѣтовалъ вамъ все-таки, господинъ консулъ, не топить вашего замѣчательнаго зятька... вѣдь другого такого энергичнаго, изворотливаго человѣчка не найти на всемъ земномъ шарѣ... Ха-ха! четыре года тому назадъ, когда у него была уже, такъ сказать, петля на шеѣ... онъ удивительно ловко распространилъ на биржѣ слухъ о своей помолвкѣ съ mademoiselle Будденброкъ, прежде чѣмъ она еще состоялась... Не могу не похвалить...

— Кесельмейеръ!—крикнулъ Грюнлихъ, судорожно простирая впередъ руки, точно онъ хотѣлъ отогнать привидѣніе.

— Какъ же мы это собственно устроили?—безжалостно продолжалъ Кесельмейеръ, не обращая вниманія на ужасъ своего пріятеля.—Какъ это мы заполучили дочку и прикарманили восемьдесятъ тысячъ? Это была ловкая штука. Когда человѣкъ отличается энергіей и изворотливостью, онъ это легко обдѣлываетъ. Спасителю-папенькѣ показываютъ очаровательныя чистенькія книги, въ которыхъ все въ идеальномъ порядкѣ... дѣло только въ томъ, что книги не вполнѣ согласовались съ грубой

дѣйствительностью... на самомъ дѣлѣ три четверти приданаго должно было пойти на уплату долговъ по векселямъ.

Консулъ остановился въ дверяхъ, блѣдный какъ смерть. Его охватилъ безпредѣльный ужасъ. Неужели онъ очутился въ этомъ тускло освѣщенномъ кабинетѣ одинъ въ обществѣ мошенника и бѣшеной обезьяны?

— Милостивый государь, я презираю вашу низкую клевету, тѣмъ болѣе, что она касается и меня...; я не поступалъ опрометчиво, я навелъ точныя справки о моемъ зятѣ... Все послѣдующее совершилось по волѣ Божіей.

Онъ повернулся къ дверямъ, не желая слушать болѣе ни слова. Но Кесельмейеръ закричалъ ему вслѣдъ:

— Вотъ какъ? Вы наводили о немъ справки? У кого—у Бока, у Гудстикера, у Петерсена? Да вѣдь они были заинтересованы огромными суммами—для нихъ этотъ бракъ былъ спасеніемъ.

Консулъ захлопнулъ за собой дверь.

V.

Онъ прошелъ въ залу, велѣлъ позвать дочь и потребовалъ, чтобы она сейчасъ же собралась въ дорогу вмѣстѣ съ ребенкомъ. Тони стала суетиться, совершенно растерянная, испуганная внезапностью всего происшедшаго.

— Что мнѣ взять съ собой, папа?—спросила она..-—Всѣ платья? одинъ или два сундука?.. Боже мой, неужели Грюнлихъ банкротъ?.. Такъ развѣ я могу взять съ собой мои брилліанты?

— Возьми только самое нужное,—маленькій сундучокъ. Все остальное тебѣ пришлютъ, только торопись!..

Въ эту минуту раздвинулась портьера, и въ комнату вошелъ Грюнлихъ съ выраженіемъ человѣка, который хочетъ сказать: „Вотъ я, убей меня, если хочешь“! Онъ быстро подошелъ къ женѣ и опустился передъ нею на колѣни. Видъ его возбуждалъ жалость: золотистыя бакенбарды были растрепаны, сюртукъ смятъ, воротъ разстегнутъ и лобъ весь въ поту.

— Антонія,—сказалъ онъ,—посмотри на меня!.. Сжалься, я умру отъ горя, если ты отвергнешь мою любовь. Неужели у тебя хватитъ жестокости сказать мнѣ: „я тебя ненавижу, я тебя оставляю“?

Тони плакала, видя передъ собой полное повтореніе сцены въ ландшафтной комнатѣ.

Глядя на это искаженное отъ ужаса лицо, на глаза, полные мольбы, она не могла не повѣрить искренности его чувствъ.

— Встань, Грюнлихъ,—сказала она, рыдая,—пожалуйста, встань! Я вовсе тебя не ненавижу.—Не зная, что еще прибавить, она безпомощно обратилась къ отцу. Консулъ взялъ ее за руку, поклонился зятю и направился съ дочерью къ двери въ корридоръ.

— Ты уходишь!—крикнулъ Грюнлихъ и вскочилъ на ноги.

— Я вѣдь вамъ уже объяснилъ,—сказалъ консулъ,—что не могу оставить дочь въ незаслуженномъ ею несчастіи. Благодарите вашего Создателя за то, что это чистое дитя уходитъ отъ васъ, не чувствуя къ вамъ презрѣнія. Прощайте!

Грюнлихъ окончательно потерялъ голову. Онъ бы могъ еще говорить о короткой разлукѣ, о возвращеніи и новой жизни, и, быть можетъ, спасти наслѣдство. Но его обычная энергія и изворотливость покинули его. Онъ схватилъ вазу, стоявшую на этажеркѣ, и бросилъ ее объ полъ, такъ что она разбилась вдребезги.

— Вотъ какъ! Отлично!—крикнулъ онъ.—Убирайся! Ты думаешь, я буду плакать о тебѣ? Вы ошибаетесь, милая моя. Я женился на тебѣ только ради денегъ, а такъ какъ этихъ денегъ было далеко не достаточно, то мнѣ тебя не нужно. Ты мнѣ надоѣла... надоѣла!

Іоганнъ Будденброкъ молча увелъ дочь, потомъ вернулся, подошелъ къ Грюнлиху, который стоялъ у окна, заложивъ руки за спину, дотронулся до его плеча и сказалъ тихо и внушительно:

— Мужайтесь и молитесь!..

Въ большомъ домѣ на Mengstrasse воцарилось подавленное настроеніе, когда тамъ поселилась madame Грюнлихъ съ маленькой дочкой. Всѣ старались не упоминать о случившемся, и только героиня происшедшихъ событій, напротивъ того, съ большимъ воодушевленіемъ говорила о своемъ несчастіи.

Тони поселилась съ Эрикой во второмъ этажѣ и была немного разочарована, когда отецъ заявилъ ей, что ей слѣдуетъ въ первое время жить замкнуто и не бывать въ обществѣ; хотя она и не виновна въ своемъ несчастіи, все-же, въ качествѣ „разводки", должна вести себя крайне скромно. Но Тони обладала счастливымъ даромъ уживаться со всякимъ положеніемъ въ жизни и быть при этомъ довольной собою. Ей нравилась теперь

роль невинно страдающей женщины; она стала носить темныя платья, гладко причесываться, и вознаграждала себя за отсутствіе развлеченій тѣмъ, что безъ устали разсуждала съ домашними о важности всего случившагося, о своемъ несчастномъ бракѣ, о Грюнлихѣ и вообще о жизни и судьбѣ. Мать ея не любила этихъ разговоровъ и останавливала дочь каждый разъ, когда она заговаривала на свою любимую тему. Клара была еще ребенкомъ и ничего не понимала изъ того, что ей разсказывала сестра, а кузина Тильда была слишкомъ глупа, чтобы быть благодарной слушательницей. Только Ида Юнгманъ съ удовольствіемъ выслушивала свою бывшую воспитанницу. Ей уже было теперь тридцать-пять лѣтъ, и она гордилась тѣмъ, что посѣдѣла на службѣ въ одномъ изъ первыхъ домовъ города.

Охотнѣе и дольше всего Тони бесѣдовала съ отцомъ послѣ обѣда или за утреннимъ кофе. Ея отношеніе къ отцу стало еще болѣе задушевнымъ и нѣжнымъ послѣ ея несчастія, чему значительно способствовалъ тотъ фактъ, что отецъ постоянно говорилъ ей о томъ, что онъ виновенъ передъ нею. Разговоры вертѣлись главнымъ образомъ вокругъ начатаго процесса о разводѣ. Сознаніе, что она—центръ настоящаго процесса, преисполняло ее чувствомъ гордости.

— Отецъ!—говорила она,—въ такого рода бесѣдахъ она никогда не называла консула „папой“.—Отецъ, какъ подвигается наше дѣло? Я думаю, что вполнѣ можно разсчитывать на успѣхъ? Я точно изучила параграфъ, онъ совершенно ясенъ: „неспособность мужа содержать жену“... Если бы у насъ былъ сынъ, онъ остался бы у Грюнлиха.

— Я много думала о годахъ моего супружества, отецъ,— сказала она ему въ другой разъ.—Такъ вотъ почему онъ не хотѣлъ, чтобы мы жили въ городѣ и чтобы я бывала въ обществѣ: онъ боялся, что я какъ-нибудь узнаю, каково его положеніе... Каковъ мошенникъ!

— Не слѣдуетъ судить ближнихъ, дитя мое,—отвѣтилъ консулъ.

Когда разводъ состоялся, Тони не безъ гордости вписала въ фамильную хронику, подъ тѣми строками, которыя написала четыре года тому назадъ, слѣдующія слова: „Этотъ бракъ былъ законно уничтоженъ въ февралѣ 1850-го года“.

Она говорила отцу, что, конечно, считаетъ все это происшествіе пятномъ въ исторіи ихъ семьи, но утѣшала его тѣмъ, что загладитъ это пятно, что она еще молода и, кажется, недурна, и, конечно, не совершитъ вторично глупости.

— Я выйду во второй разъ замужъ, вотъ увидишь,—и заглажу прошлое вторымъ выгоднымъ бракомъ.

Тони часто стала употреблять теперь выраженіе: „да, такова жизнь“, произнося слово „жизнь“ съ важностью, указывающею на глубину ея жизненнаго опыта. Кромѣ отца, она „говорила по душѣ“ также съ Томомъ, который вернулся осенью домой. Онъ очень поправился и похорошѣлъ за время своего отсутствія. Онъ изящно одѣвался, вставлялъ французскія слова въ рѣчь и удивлялъ всѣхъ своимъ пристрастіемъ къ моднымъ писателямъ-сатирикамъ. Отецъ имъ очень гордился и радовался его вторичному вступленію въ дѣло.

Оборотный капиталъ фирмы увеличился въ это время на сто тысячъ талеровъ, полученныхъ послѣ смерти старой madame Крёгеръ, и это благопріятно повліяло на дѣла. Наслѣдникъ Крёгеровъ, консулъ Юстъ Крёгеръ, сильно растрачивалъ свое состояніе, чему способствовало и легкомысліе его сыновей; одинъ изъ нихъ, Яковъ, попался въ какомъ-то сомнительномъ дѣлѣ и уѣхалъ въ Америку, а другой, Юргенъ, изучалъ юриспруденцію въ Вѣнѣ, но выказывалъ очень слабыя умственныя способности.

Огорчаясь паденіемъ семьи Крёгеровъ, консулъ только тѣмъ болѣе возлагалъ надежды на своихъ собственныхъ дѣтей. Томомъ онъ былъ вполнѣ доволенъ; что же касается Христіана, то, судя по письмамъ мистера Ричардсона, онъ отлично усвоилъ себѣ англійскій языкъ, но слишкомъ увлекался театромъ. Потомъ онъ вдругъ обнаружилъ страсть къ путешествіямъ, захотѣлъ побывать въ южной Америкѣ, и послѣ долгаго сопротивленія консулъ далъ ему на это разрѣшеніе. Лѣтомъ 1851 года онъ отправился въ Вальпарайзо, получивъ тамъ мѣсто въ какомъ-то торговомъ домѣ.

Консулъ былъ также вполнѣ доволенъ своею дочерью Тони, которая держалась съ большимъ достоинствомъ; хотя послѣ развода на долю ея выпадало много уколовъ самолюбія со стороны разныхъ знакомыхъ и родственниковъ, но она помнила, что она—урожденная Будденброкъ, и сообразовала съ этимъ свои дѣйствія и слова. Ее въ особенности возмущало высокомѣріе Юлиньки Меллендорпъ, урожденной Гагенстремъ, которая теперь, при встрѣчахъ на улицѣ, ждала, чтобы Тони ей поклонилась первая... Тони, конечно, проходила мимо нея, не кланяясь. Она тѣмъ болѣе ненавидѣла „выскочекъ“ Гагенстремовъ, что ихъ дѣла шли рѣшительно въ гору. Старикъ Гагенстремъ умеръ, а его сынъ,—тотъ, которому Тони въ дѣтствѣ дала пощечину,—продолжалъ вмѣстѣ со своимъ компаньономъ Стрункомъ блестящее экспортное дѣло и очень богато женился.

Тони приходилось сильно отстаивать себя и въ отношеніяхъ съ родственниками, въ особенности съ семьей дяди Готгольда, который завидовалъ богатству консула и внутренно злорадствовалъ, когда произошла исторія съ Грюнлихомъ... Его дочери, перешедшія всѣ три въ разрядъ старыхъ дѣвъ, выказали большой интересъ къ несчастію ихъ кузины; на семейныхъ собраніяхъ по четвергамъ, происходившихъ послѣ смерти madame Крёгеръ въ домѣ консула, Тони приходилось выслушивать много ядовитыхъ намековъ, на которые она, однако, всегда находила удачные отвѣты. Кузины ее очень жалѣли, находя, что уже гораздо лучше совсѣмъ не выходить замужъ, чѣмъ разводиться, но Тони съ большимъ достоинствомъ заявляла, что онѣ весьма заблуждаются:

— Я, по крайней мѣрѣ, теперь знаю жизнь, — говорила она, — и перестала быть наивной дурочкой. И къ тому же, у меня гораздо больше шансовъ вторично вступить въ бракъ, чѣмъ коекому выйти замужъ въ первый разъ...

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Всѣ въ семьѣ и въ городѣ почти уже забыли объ исторіи съ Грюнлихомъ, и сама Тони вспоминала о своемъ бракѣ только изрѣдка, подмѣчая въ лицѣ маленькой Эрики сходство съ Грюнлихомъ. Она стала снова носить свѣтлыя платья, завивать волосы и бывать въ обществѣ. Такъ какъ здоровье консула въ послѣднее время сильно пошатнулось, то вся семья каждое лѣто уѣзжала на воды въ Эмсъ, Баденъ-Баденъ или Киссингенъ. Тони очень любила эти поѣздки, соединяемыя обыкновенно съ краткими пріятными пребываніями въ Мюнхенѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ и другихъ городахъ. Хотя Тони приходилось на водахъ подвергаться строгому режиму, вслѣдствіе появившейся у нея нервной желудочной болѣзни, все-же она очень радовалась лѣтнимъ путешествіямъ, такъ какъ дома она нѣсколько скучала.

— Ахъ, Боже мой, отецъ! — говорила она: — знаешь ли, какъ это въ жизни бываетъ... Конечно, я теперь узнала жизнь, но поэтому-то мнѣ такъ тяжело сидѣть дома, точно я еще совсѣмъ дурочка. Мнѣ, конечно, очень пріятно жить у тебя, папа... но, знаешь ли, какъ это въ жизни бываетъ...

Больше всего она страдала отъ воцарявшейся въ домѣ все большей и большей набожности. Консулъ всегда отличался благочестіемъ, а годы и разстроенное здоровье еще болѣе увеличили въ немъ эту черту, и жена его, приближаясь къ старости, тоже заразилась его набожностью. Утромъ и вечеромъ вся семья собиралась въ столовой, куда призывали и прислугу, и хозяинъ

читалъ вслухъ какую-нибудь главу изъ Библіи. Кромѣ того, въ домѣ постоянно гостили пасторы и миссіонеры, очень полюбившіе благочестивый домъ Будденброковъ, гдѣ, къ тому же, такъ хорошо и обильно кормили.

Томъ былъ слишкомъ сдержанъ и разсудителенъ, чтобы позволить себѣ хотя бы улыбнуться въ разговорѣ съ почтенными пасторами, столь часто гостившими въ домѣ его родителей; но Тони всячески потѣшалась надъ ними и пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы конфузить ихъ; усердно угощая ихъ, въ качествѣ любезной хозяйки, она давала понять, что не чувствуетъ особеннаго уваженія къ чревоугодію почтенныхъ пастырей.

VI.

Однажды, въ воскресенье, лѣтомъ 1856 года, вся семья Будденброковъ собралась въ ландшафтной комнатѣ и ожидала консула для совмѣстной прогулки за городъ. Тони сидѣла на диванѣ, въ изящномъ шолковомъ платьѣ, рядомъ съ консульшей, сохранявшей еще гордую осанку въ старости и одѣтой съ обычной пышностью. Ея гладко причесанные волосы сохраняли свой неизмѣнный рыжій цвѣтъ, благодаря отличному парижскому эликсиру. Томъ сидѣлъ въ креслѣ и курилъ папиросу. Клара и Тильда стояли у окна. Бѣдная Клотильда, безъ всякой пользы для себя, уничтожала ежедневно громадное количество ѣды; она съ каждымъ днемъ худѣла и имѣла уродливый видъ въ своемъ черномъ платьицѣ. Было очень душно, и всѣ высказывали надежду, что надвигающіяся тучи принесутъ дождь, который освѣжитъ воздухъ и сдѣлаетъ прогулку болѣе пріятною.

Въ эту минуту вошла въ комнату Ида Юнгманъ съ маленькой Эрикой. Дѣвочка имѣла очень смѣшной видъ въ своему туго накрахмаленномъ ситцевомъ платьицѣ. У нея былъ такой же розовый цвѣтъ лица и такіе же голубые глаза, какъ у Грюнлиха, но задорную верхнюю губу она унаслѣдовала отъ матери. Добрая, честная Ида была уже совсѣмъ сѣдая, хотя ей недавно только минуло сорокъ лѣтъ,—но въ ея семьѣ рано сѣдѣли. Она уже прожила двадцать лѣтъ въ семьѣ Будденброковъ, завѣдывала кухней, кладовой, бѣльемъ и посудой, дѣлала важнѣйшія покупки, нянчилась съ маленькой Эрикой, и всѣ дамы въ городѣ завидовали консульшѣ, что у нея такая преданная особа въ домѣ. Ида Юнгманъ знала свои качества, и была преисполнена сознаніемъ своего достоинства. Если къ ней подсаживалась во время

прогулки съ Эрикой на скамейку какая-нибудь обыкновенная служанка, она сейчасъ же говорила:—Эрика, тутъ дуетъ!—и уходила съ ребенкомъ.

Тони взяла свою маленькую дочь, поцѣловала ее и усадила рядомъ съ бабушкой. Консулъ все не приходилъ; онъ одѣвался у себя въ спальнѣ. Но о прогулкѣ уже не могло быть и рѣчи. Небо обложилось тучами и полился проливной дождь.

Вдругъ въ комнату вбѣжала горничная Лина съ такимъ шумомъ, что Ида сурово ее окликнула:

— Что это съ тобой?

Лина задыхалась, глядя на всѣхъ широко раскрытыми глазами, и не могла говорить отъ волненія.

— Ахъ, барыня, ахъ, идите скорѣй!.. Ахъ, Боже мой, какъ я испугалась!

— Ну вотъ!—сказала Тони:—навѣрное что-нибудь напроказила... разбила что-нибудь изъ дорогой посуды. Знаешь, мама, твоя прислуга...

Но дѣвушка не дала ей докончить.

— Ахъ, нѣтъ, ma'ame Грюнлихъ... Не то... Я зашла къ барину принести сапоги, а онъ сидитъ на креслѣ и ничего не можетъ сказать... Кажется, съ нимъ худо!..

— За Грабовомъ скорѣй!—крикнулъ Томъ, и всѣ побѣжали въ спальню.

Но Іоганнъ Будденброкъ былъ уже мертвъ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Со смертью консула Іоганна Будденброка главою фирмы сдѣлался Томъ и, несмотря на свою молодость, съумѣлъ сразу зарекомендовать себя очень предпріимчивымъ и умѣлымъ дѣльцомъ. Дѣла консула оказались, по вскрытіи завѣщанія, въ лучшемъ состояніи, чѣмъ можно было ожидать послѣ крупныхъ потерь послѣдняго времени. Оборотнаго капитала у фирмы осталось семьсотъ тысячъ марокъ,—меньше, чѣмъ при смерти отца консула, но все-же достаточно по тогдашнему времени для того, чтобы сохранять престижъ крупнаго торговаго дома. Дѣла продолжали идти заведеннымъ порядкомъ, но все-таки чувствовался болѣе предпріимчивый духъ молодого принципала, причемъ, однако, осторожность бывшаго бухгалтера, господина Маркуса, ставшаго теперь ком-

паньономъ Тома, не допускала никакихъ опрометчивыхъ шаговъ. Всѣ находили, что Томъ и Маркусъ отлично дополняютъ другъ друга, и на биржѣ относились съ полнымъ довѣріемъ къ новому представителю старинной фирмы.

Очень скоро послѣ смерти консула вернулся домой Христіанъ послѣ восьмилѣтняго отсутствія. Онъ былъ по прежнему очень некрасивъ и поражалъ своей крайней худобой. На его сухомъ и впаломъ лицѣ рѣзко выступали торчащія скулы и острый носъ съ горбинкой, волосы были очень жидкіе, шея длинная и худая. Онъ одѣвался въ толстые англійскіе костюмы, и вообще пріобрѣлъ видъ англичанина. Тотчасъ же по пріѣздѣ его, Тони отправилась съ нимъ на могилу отца, и тамъ онъ велъ себя нѣсколько странно, полу-сконфуженно, полу-насмѣшливо. Его видимо стѣсняла экспансивная печаль сестры. И онъ, и Томъ, боялись всякаго открытаго проявленія чувствъ, въ противоположность ихъ отцу, склонному къ сентиментальности и сентенціозности. Томъ даже видимо страдалъ при видѣ рыдающей на глазахъ у всѣхъ Тони, и не могъ слушать безъ тягостнаго чувства, какъ она за обѣдомъ, въ промежуткахъ между ѣдой, принималась сквозь слезы выхваливать высокія качества ихъ отца. Самъ онъ держалъ себя крайне сдержанно, и на похоронахъ отца, и когда заводился разговоръ о немъ въ семейномъ кругу; но часто, когда никто даже не упоминалъ о немъ, глаза его наполнялись слезами отъ скрытой печали. Христіанъ еще менѣе терпѣливо относился къ изліяніямъ сестры и даже иногда обрывалъ ее, просилъ перестать говорить. Самъ онъ не пролилъ ни одной слезы объ отцѣ, но страннымъ образомъ, несмотря на свою нелюбовь къ сентиментальнымъ изліяніямъ, вѣчно разспрашивалъ сестру, какъ только оставался съ нею наединѣ, о подробностяхъ смерти консула.

— Какой же у него былъ видъ? — спрашивалъ онъ, Богъ вѣсть въ который разъ. — Что̀ крикнула дѣвушка, вбѣжавъ къ вамъ? Неужели онъ былъ совсѣмъ желтый? Неужели онъ ничего больше не могъ проговорить, а только кричалъ: уа... уа?—Онъ замолчалъ и задумчиво поглядѣлъ въ даль.—Ужасно!—произнесъ онъ и, весь задрожавъ, поднялся съ мѣста и сталъ ходить по комнатѣ.

— А скажи, пожалуйста,—неожиданно сказалъ онъ, обращаясь къ сестрѣ:—знаешь ли ты это чувство?.. его трудно описать... когда проглотишь что-нибудь очень твердое и потомъ вся спина начинаетъ болѣть?

— Это очень часто бываетъ,—просто отвѣтила Тони.—Нужно выпить глотокъ воды.

— Вотъ какъ? — возразилъ онъ разочарованно. — Нѣтъ, я думаю, что мы говоримъ о разныхъ ощущеніяхъ.

При этомъ, однако, онъ первый старался разсѣять траурное настроеніе въ домѣ, вѣчно разсказывалъ о лондонскихъ театрахъ, о своихъ знакомствахъ съ актерами и актрисами, о какой-то миссъ Ватерклусъ, объ очень занятной, по его словамъ, модной шансонеткѣ „That's Maria", такъ что мать останавливала его неприличные при данныхъ обстоятельствахъ разсказы. На неудовольствіе матери онъ обыкновенно не обращалъ вниманія, но иногда самъ внезапно обрывалъ разговоръ, увѣряя всѣхъ, что онъ часто не въ состояніи глотать только потому, что ему представляется, что онъ не можетъ этого сдѣлать.—Кусокъ уже сидитъ вотъ здѣсь... а мускулы отказываются пропустить его дальше... я даже тогда не рѣшаюсь захотѣть проглотить!

— Что за глупости, Христіанъ! — прерывала его Тони.— Какъ это ты не смѣешь захотѣть проглотить... Что ты насъ морочишь?

Томъ молчалъ, а консульша говорила сыну, что все это нервныя явленія, что ему повредилъ климатъ тропическихъ странъ.

Послѣ обѣда Христіанъ часто садился за маленькую фисъгармонію, стоявшую въ передней, и начиналъ подражать виртуозу-пьянисту, не дотрогиваясь при этомъ до клавишей, такъ какъ онъ былъ такъ же немузыкаленъ, какъ и всѣ Будденброки. Подражаніе было настолько мастерскимъ, что даже строгая Клара не могла удержаться отъ смѣха.

— Какой Христіанъ странный!—сказала разъ madame Грюнлихъ, оставшись наединѣ съ Томомъ.—Онъ всегда вдается въ самыя мелкія детали... говоритъ о непонятныхъ ощущеніяхъ.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать,—отвѣтилъ Томъ.— Христіанъ слишкомъ несдержанъ, ему недостаетъ внутренняго равновѣсія. Съ одной стороны, онъ не выноситъ безтактности другихъ людей, а съ другой стороны, самъ слишкомъ откровенно говоритъ о своихъ ощущеніяхъ, все выбалтываетъ, какъ человѣкъ въ бреду. Онъ слишкомъ занятъ собой, слишкомъ вдумывается въ то, на что разумный человѣкъ не долженъ обращать вниманія. Въ этомъ есть какое-то безстыдство. Такое внимательное отношеніе къ себѣ допустимо въ людяхъ выдающихся, въ поэтахъ и художникахъ, которые могутъ красиво выражать свои чувства. Но мы—простые купцы, и намъ нѣтъ основанія задумываться о томъ, что мы иногда не смѣемъ хотѣть глотать. Слишкомъ это

для насъ исключительныя чувства;—лучше дѣлать съ толкомъ то, что дѣлали наши предки.

Томъ предложилъ Христіану вступить въ дѣло и занять мѣсто прокуриста, — конечно, номинально, такъ какъ коммерческимъ знаніямъ Христіана онъ не особенно довѣрялъ; во всякомъ случаѣ онъ могъ вести англійскую корреспонденцію. Томъ просилъ только брата не злоупотреблять своимъ привилегированнымъ положеніемъ, а аккуратно проводить въ конторѣ рабочіе часы, чтобы не подавать дурного примѣра служащимъ.

Христіанъ принялъ предложеніе, и первое время очень аккуратно исполнялъ свои обязанности. Ему нравились занятія въ конторѣ; онъ даже поздоровѣлъ и сталъ ѣсть съ лучшимъ аппетитомъ. Онъ являлся въ контору одновременно съ Томомъ, садился у своей конторки, противъ брата и Маркуса, прочитывалъ „Городскія Извѣстія", докуривая свою утреннюю трубку, выпивалъ рюмку коньяку изъ стоявшей у него въ ящикѣ бутылки и принимался за работу. Англійскія письма онъ писалъ очень толково и красиво.

Въ домашнемъ кругу онъ по обыкновенію подробно описывалъ настроенія, вызываемыя работой.

— Пріятно быть купцомъ,—говорилъ онъ.—Это солидная, скромная, пріятная профессія. И чудесно быть къ тому же участникомъ фирмы... Я себя чувствую лучше, чѣмъ когда-либо... Приходишь утромъ въ контору со свѣжей головой, почитаешь газету, покуришь, подумаешь о томъ, о семъ, выпьешь коньяку и поработаешь немного. Потомъ обѣдъ, отдыхъ въ семейномъ кругу, и опять за работу... Пишешь на опрятной гладкой бумагѣ, хорошимъ перомъ... линейка, разрѣзной ножъ, штемпель, все это перваго сорта, аккуратно. Все исполняется по порядку, потомъ складывается на завтра. И вечеромъ, за ужиномъ, чувствуешь полное довольство... каждый членъ тѣла доволенъ... руки довольны...

— Боже мой, Христіанъ!—воскликнула Тони.—Ты, право, комиченъ. Руки довольны! Ну что это за глупости!

— Какъ, ты развѣ не знаешь этого чувства?..—Онъ сталъ объяснять свое ощущеніе.—Знаешь, вотъ сжимаешь этотъ кулакъ... онъ не особенно силенъ, потому что человѣкъ усталъ отъ работы, но рука не влажная, не причиняетъ досады... Является такое пріятное чувство удовлетворенія... не скучно даже, если сидишь потомъ безъ дѣла.

Никто ничего не отвѣтилъ; только Томъ замѣтилъ равнодушнымъ тономъ, скрывая свое возмущеніе:

— Мнѣ кажется, что не для того человѣкъ работаетъ, чтобы...—Но онъ не закончилъ фразы и прибавилъ только:—у меня, по крайней мѣрѣ, другія цѣли.

Но Христіанъ не слышалъ его словъ, занятый какими-то воспоминаніями, и принялся разсказывать страшную исторію объ убійствѣ въ Вальпарайзо. Подобные его разсказы занимали всѣхъ, даже Эрику и Иду Юнгманъ,—только Томъ слушалъ ихъ съ явнымъ неудовольствіемъ и иронической улыбкой. Но Христіанъ не обращалъ на это вниманія, увлеченный самъ своими воспоминаніями.

Если вообще отношенія между двумя братьями стали постепенно портиться, то нападающей стороной былъ во всякомъ случаѣ не Христіанъ. Онъ спокойно признавалъ, что старшій братъ безконечно серьезнѣе, почтеннѣе и дѣловитѣе его. Но именно это полное и равнодушное признаніе его превосходства раздражало Тома, потому что Христіанъ при всякомъ удобномъ случаѣ простодушно показывалъ, что онъ не придаетъ никакого значенія дѣловитости, почтенности и серьезности.

Онъ повидимому совершенно не замѣчалъ даже недовольства брата... вполнѣ основательнаго, потому что послѣ первой недѣли усердныхъ занятій Христіанъ сталъ все болѣе халатно относиться къ работѣ. Онъ приходилъ позже, гораздо дольше предавался подготовленію къ работѣ, т.-е. куренію папиросъ и питью коньяка, а обѣдать уходилъ въ клубъ и часто не возвращался уже въ контору.

Въ клубѣ, гдѣ собирались по преимуществу холостые люди, очень любили Христіана, съ упоеніемъ слушали его разсказы о разныхъ приключеніяхъ и любовныхъ исторіяхъ, и восторгались его подражательнымъ талантомъ, его анекдотами, которые онъ разсказывалъ съ невозмутимо-серьезнымъ лицомъ, усиливая этимъ комическій эффектъ.

II.

Къ великому удовольствію и гордости Тони, къ Тому перешло званіе нидерландскаго консула, которымъ пользовался его отецъ, такъ что надъ дверью дома на Mengstrasse снова сталъ красоваться щитъ съ изображеніемъ льва и съ надписью: „Dominus providebit“. Устроивъ это дѣло, молодой консулъ отправился лѣтомъ по дѣламъ въ Амстердамъ, не опредѣливъ, сколько времени продлится его путешествіе.

Тони очень страдала оттого, что и послѣ смерти отца ея—

мать продолжала поддерживать піэтистическую атмосферу въ домѣ. Утромъ и вечеромъ по прежнему всѣ члены семьи и прислуга собирались въ столовой, и консульша или Клара читали вслухъ какую-нибудь главу изъ Библіи, или какую-нибудь проповѣдь изъ имѣющихся въ домѣ многочисленныхъ сборниковъ пасторскихъ рѣчей. Не довольствуясь этимъ, консульша учредила еще у себя воскресную школу: по воскресеньямъ она собирала у себя множество бѣдныхъ дѣвочекъ, по преимуществу учениц народной школы. Онѣ являлись въ чистенькихъ парадныхъ платьицахъ, съ гладко причесанными свѣтлыми косами; консульша выходила къ нимъ очень важная и внушительная, въ своемъ тяжеломъ черномъ атласномъ платьѣ, въ бѣлоснѣжной кружевной наколкѣ, и говорила имъ о христіанскомъ долгѣ и о добродѣтели. Кромѣ того, она основала „Іерусалимскіе вечера", въ которыхъ принимали участіе Клара и Клотильда, а также и Тони—послѣдняя съ большой неохотой. Разъ въ недѣлю за вытянутымъ во всю длину столомъ въ столовой, при свѣтѣ лампъ и свѣчей, усаживались около двадцати дамъ въ томъ возрастѣ, когда пора позаботиться о мѣстечкѣ въ царствѣ небесномъ, пили чай, ѣли бутерброды и пирожное, и слушая чтеніе разныхъ благочестивыхъ трактатовъ, изготовляли рукодѣлія, которыя потомъ продавались па благотворительномъ базарѣ, и выручка посылалась миссіонерскимъ обществамъ въ Іерусалимѣ. Тони страшно тяготилась этими скучными собраніями, и злилась на пасторовъ и миссіонеровъ, наводнявшихъ ихъ домъ еще больше, чѣмъ при жизни отца. Они, по ея мнѣнію, стали хозяевами въ домѣ и обирали мать. Этотъ пунктъ касался въ сущности Тома, но онъ не протестовалъ, и только Тони все ворчала о людяхъ, которые поѣдаютъ вдовьи дома и слишкомъ усердно молятся.

Она глубоко ненавидѣла всѣхъ этихъ господъ въ длинныхъ черныхъ сюртукахъ, и въ качествѣ опытной женщины, которая уже не дурочка и знаетъ жизнь, не считала себя обязанной вѣрить въ ихъ безусловную святость.—Боже мой, мама!—говорила она,—не слѣдуетъ, конечно, говорить худое о ближнихъ... но одно я должна тебѣ сказать, и было бы странно, если бы жизнь не убѣдила тебя въ этомъ,—а именно, что не всѣ носящіе длинный сюртукъ и говорящіе: „Господи, помилуй", —вполнѣ безупречны.

Тони, дѣйствительно, приходилось много страдать отъ господъ пасторовъ и миссіонеровъ. Однажды, напримѣръ, одинъ миссіонеръ, по имени Іонаѳанъ, человѣкъ, побывавшій въ Сиріи и Аравіи, съ большими строгими глазами, скорбно отвисавшими щеками, подошелъ къ ней и спросилъ ее, совмѣстимы ли съ хри-

стіанскимъ смиреніемъ завитушки, которыя она носитъ на лбу?.. Но онъ не зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и Тони дала ему почувствовать всю силу своего сарказма.—Вы бы лучше заботились о своихъ собственныхъ локонахъ, господинъ пасторъ,—гордо отвѣтила она и величественно вышла изъ комнаты. А у бѣднаго Іонаѳана былъ почти совсѣмъ голый черепъ.

Но еще большее торжество выпало на ея долю. Пасторъ Тричке, слезливый Тричке, какъ его звали, потому что онъ всегда плакалъ по воскресеньямъ среди проповѣди,—слезливый Тричке съ блѣднымъ лицомъ и красными глазами, который въ теченіе десяти дней на перегонку съ бѣдной Клотильдой ѣлъ и читалъ молитвы, читалъ молитвы и ѣлъ, вдругъ влюбился въ Тони,—вовсе не въ ея безсмертную душу, а въ ея прекрасные глаза, задорную верхнюю губку и свѣтлые волосы. И этотъ божій человѣкъ, имѣвшій въ Берлинѣ жену и много дѣтей, осмѣлился послать черезъ лакея Антона въ комнату Тони письмо, состоявшее изъ библейскихъ цитатъ и нѣжныхъ признаній... Тони увидѣла письмо на столѣ, когда пошла вечеромъ спать; она его прочла, отправилась рѣшительными шагами въ спальню матери и прочла ей посланіе благочестиваго пастыря душъ. Послѣ этого слезливый Тричке уже не появлялся въ домѣ на Mengstrasse.

— Таковы они всѣ!—сказала madame Грюнлихъ.—Боже, какой я была прежде дурочкой, мама! Но жизнь научила меня не довѣрять людямъ. Всѣ мошенники... это къ несчастію правда. Грюнлихъ!..—Это имя прозвучало какъ трубный звукъ.

III.

Еще до истеченія года послѣ смерти Іоганна Будденброка произошли два радостныхъ событія въ домѣ на Mengstrasse. Клара стала невѣстой симпатичнаго пастора Тибурція изъ Риги, и вся семья одобряла этотъ выборъ. Клара, которой въ то время исполнилось девятнадцать лѣтъ, была очень строгой, благочестивой дѣвушкой,—ей какъ разъ подходило быть женой пастора. Она была красива, но здоровье у нея было слабое; она постоянно страдала головными болями, и потому жизнь въ деревнѣ, которая ей предстояла въ замужествѣ—Тибурцій былъ сельскимъ пасторомъ,—была для нея очень желательна.

Но еще большимъ событіемъ было обрученіе Тома съ Гердой Арнольдсенъ, подругой Тони по пансіону Зеземи Вейхбродтъ. Томъ встрѣтился съ нею въ Амстердамѣ, въ домѣ своего быв-

шаго принципала, и, по его словамъ, сразу влюбился въ Герду, которая ему нравилась еще дѣвочкой, а теперь стала еще болѣе прекрасной и блестящей. Онъ познакомился съ ея отцомъ, выдающимся скрипачомъ, восторгался его дуэтами съ Гердой, которая играла на настоящемъ страдиваріусѣ, и черезъ нѣсколько времени оффиціально попросилъ руки Герды у ея отца. Старикъ Арнольдсенъ сказалъ, что вполнѣ готовъ отдать за него свою дочь, какъ ему ни трудно съ нею разстаться, но не увѣренъ въ согласіи Герды, такъ какъ она твердо рѣшила не выходить замужъ. Онъ былъ очень удивленъ, узнавъ, что Герда уже дала свое согласіе Тому, и на слѣдующій день состоялось обрученіе. Сообщая матери о состоявшейся помолвкѣ, Томъ прибавилъ въ концѣ письма, что онъ дѣлаетъ къ тому же выгодную партію, такъ какъ старикъ Арнольдсенъ милліонеръ, и чистосердечно сознался, что это обстоятельство тоже повліяло на его выборъ.

Когда Герда съ отцомъ пріѣхали, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ помолвки, въ гости къ матери Тома, весь городъ былъ пораженъ чарующей и нѣсколько странной красотой дѣвушки съ блѣднымъ и гордымъ лицомъ и тяжелыми темно-рыжими волосами. „Въ ней есть что-то особенное“,—говорили восхищенные suitiers въ клубѣ.—„Этотъ консулъ Будденброкъ имѣетъ оригинальный вкусъ... немножко слишкомъ даже претенціозный: вѣдь вотъ какую невѣсту себѣ выискалъ...“—говорили другіе.—„Онъ совсѣмъ не похожъ на своихъ предковъ,—нѣтъ въ немъ простоты“. Всѣ знали, что Томъ заказываетъ свое платье въ Гамбургѣ, и всегда самое лучшее и въ большихъ размѣрахъ; что онъ любитъ тонкое бѣлье и духи, и вообще чувствуетъ пристрастіе ко всему аристократическому и изысканному. Выборъ такой невѣсты, какъ Герда, въ которой было „что-то особенное“, соотвѣтствовалъ этимъ изысканнымъ вкусамъ, идущимъ въ разрѣзъ съ традиціями семьи. Нѣкоторые осторожные люди качали при этомъ головой, но въ общемъ нельзя было не одобрить женитьбы на дѣвушкѣ изъ очень почтенной семьи и съ приданымъ въ триста тысячъ марокъ.

Тони была упоена женитьбой брата на ея подругѣ, передъ которой она преклонялась еще дѣвочкой. Она находила ея игру на скрипкѣ божественной, а цифра ея приданаго преисполняла ее гордостью. Этотъ бракъ,—говорила она брату,—загладитъ позоръ ея собственнаго несчастнаго брака съ человѣкомъ, имя котораго ей непріятно произносить. Консульша была тоже очень довольна невѣстой своего сына, которая отнеслась къ ней съ холодной почтительностью. Одинъ только Христіанъ мало инте-

ресовался помолвкой брата. Онъ занятъ былъ мучившей его новой болѣзнью—неопредѣленной болью въ лѣвой ногѣ.—Понимаешь ли,—говорилъ онъ брату,—это не боль, а постоянная нестерпимая мука въ ногѣ... потомъ въ боку, около сердца... Не правда ли, это очень странно?—По совѣту доктора, онъ отправился къ морю, въ Травемюнде, и проводилъ все время въ кургаузѣ, за игрой въ рулетку, или же разсказывалъ анекдоты гамбургскимъ suitiers. Къ нему пріѣхали въ гости Томъ и Тони, и посѣтили при этомъ случаѣ стариковъ Шварцкопфовъ. Тони узнала, что Мортенъ живетъ въ Бреславлѣ, что онъ—врачъ съ отличной практикой. Потомъ жена лоцмана угостила ихъ кофеемъ на верандѣ. Все было какъ десять лѣтъ тому назадъ,—только Мортенъ отсутствовалъ, а родители его очень состарились, и madame Грюнлихъ не была больше дѣвочкой, а опытной женщиной, знающей жизнь; это ей не помѣшало ѣсть на этотъ разъ много меда въ сотахъ, потому что это—„чистый продуктъ природы, и знаешь по крайней мѣрѣ, что глотаешь".

Послѣ Рождества состоялись обѣ свадьбы; Тибурцій съ женой уѣхали въ Ригу, а Томъ съ Гердой сдѣлали свадебное путешествіе въ Италію, на нѣсколько мѣсяцевъ, и, по возвращеніи, поселились въ среднемъ этажѣ на Mengstrasse. Тони все приготовила къ ихъ пріѣзду, убрала квартиру и ждала ихъ въ столовой съ чаемъ. Пока Герда переодѣвалась съ дороги, Тони излила свое сердце передъ братомъ, говоря ему, какъ ей скучно дома съ матерью, занятой своими благочестивыми обществами и пріемомъ пасторовъ и миссіонеровъ. Она объявила Тому о своемъ намѣреніи помѣстить Эрику въ пансіонъ къ Зеземи Вейхбродтъ, а самой уѣхать гостить къ своей подругѣ, Евѣ Нидерпауръ, въ Мюнхенъ. Томъ одобрилъ ея планъ, и въ свою очередь сталъ говорить ей о себѣ. Онъ говорилъ, что радъ тому, что женился, потому что онъ по натурѣ не созданъ для холостой жизни, не любитъ кутить, и въ то же время не выноситъ одиночества. Хорошо, что ему такъ скоро удалось найти подходящую жену.

— Я знаю,—говорилъ онъ,—что не всѣ въ городѣ одобряютъ мой выборъ. Герда нѣсколько странная женщина, не такая, какъ ты, Тони. Ты проще и естественнѣе, чѣмъ она. Герда—самое странное существо на свѣтѣ... она какъ будто холодная, но ея страстная игра на скрипкѣ доказываетъ, что у нея есть сильныя чувства... Словомъ, ее нельзя мѣрить обычной мѣркой, она—артистка, странное, загадочное и очаровательное существо.

Въ то время, какъ Томъ говорилъ это, открылась дверь изъ коридора, и въ столовую вошла стройная, высокая женщина въ длинномъ, спускавшемся мягкими складками домашнемъ платьѣ. Блѣдное лицо было окаймлено тяжелыми темно-рыжими волосами, и въ углахъ карихъ глазъ лежали голубоватыя тѣни. Это была Герда, мать будущихъ Будденброковъ.

З. В.

СПЕКУЛЯТИВНАЯ САТУРНАЛІЯ

ВЪ

С.-А.-С. ШТАТАХЪ

Нью-іоркская газета „The United States Investor", самое серьезное и положительное финансовое изданіе въ Америкѣ, помѣстила однажды сравненіе цѣнъ акцій цѣлыхъ сотенъ разныхъ желѣзнодорожныхъ, промышленныхъ и торговыхъ компаній на нью-іоркской биржѣ въ 1896 и 1902 годахъ,—сравненіе, изъ котораго мы приводимъ нижеслѣдующее небольшое извлеченіе, для того, чтобы выяснить его общій характеръ:

Компаніи:	1896 г.	1902 г.
Atchison, Topeka & Santa-Fe	$8^3/_8$	$83^1/_2$
Chesapeake & Ohio	11	48
Chicago & E. Illinois	$37^1/_2$	169
C. C. C. & St.-Louis	$19^1/_2$	106
Denver & Rio-Granda	10	46
Erie	$10^1/_4$	40
Iowa Central	$5^1/_2$	$50^1/_4$
Lake Erie & Western	$12^1/_2$	69
Mexican Central	6	$30^3/_4$
Minnesota & St.-Louis	12	113
Missouri Pacific	15	$103^3/_4$
P. C. C. & St.-Louis	11	89
Reading	$5^7/_8$	$66^7/_8$
Southern Pacific	$14^1/_4$	$69^1/_4$
Southern Railway	$6^1/_8$	$37^1/_4$
Texas & Pacific	5	$44^7/_8$
Union Pacific	3	$108^1/_2$
Colorado Fuel & Iron	$14^5/_8$	109
General Electric	$20^1/_2$	$331^1/_2$
North American	$3^1/_2$	130
Tennessee Coal & Iron	13	73

Каждая изъ этихъ компаній имѣетъ акціонерный капиталъ не ниже нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ долларовъ, и около половины — больше ста милліоновъ,—и представляютъ собою только крайне незначительную часть всего обращающагося на нью-іоркской биржѣ акціонернаго капитала страны;—мы приводимъ ихъ только какъ образчикъ общаго увеличенія акціонерныхъ бумажныхъ цѣнностей отъ четырехъ до тридцати-пяти разъ въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ. Подсчетъ этого увеличенія только для вышеприведенныхъ двадцати-двухъ компаній, принимая въ соображеніе ихъ акціонерную капитализацію, даетъ огромнѣйшую сумму, около $1^1/_2$ милліарда долларовъ; а такъ какъ на биржѣ котируются акціи слишкомъ тысячи однѣхъ желѣзнодорожныхъ компаній и многихъ тысячъ рудокопныхъ, промышленныхъ, страховыхъ, банковскихъ, пароходныхъ и т. д., поднявшихся въ той же пропорціи, — нѣкоторыя въ 60 и даже 80 разъ,— то читатель сообразитъ и самъ, что это общее увеличеніе должно суммироваться не милліардами, а цѣлыми ихъ десятками.

Само собой разумѣется, что дѣйствительное поднятіе цѣнности всѣхъ этихъ предпріятій, благодаря „хорошимъ временамъ", отнюдь не соотвѣтствуетъ этому „биржевому" увеличенію ихъ бумажной цѣнности;—нельзя, конечно, предположить, чтобы стоимость желѣзнодорожной системы увеличилась въ теченіе шести лѣтъ въ 10 разъ, какъ, напр., Atchison, Topeka & Santa-Fe, или въ 36 разъ, какъ, напр., Union Pacific, тѣмъ болѣе, что всему американскому желѣзнодорожному и финансовому міру отлично извѣстно, что желѣзныя дороги эти, помимо ихъ акціонернаго капитала, заложены не только въ полной ихъ дѣйствительной стоимости, но часто и гораздо выше ея;—200.000 англійскихъ миль протяженія американскихъ желѣздныхъ дорогъ представляютъ собою въ общемъ капитализацію въ 12 милліардовъ долларовъ, раздѣленную приблизительно поровну между облигаціями и акціями,—слѣдовательно, однѣ облигаціи, т.-е. закладныя, представляютъ собою $ 30.000⁰⁰ на милю,—конечно, значительно больше, чѣмъ дороги эти стоили въ дѣйствительности. Акціонерный ихъ капиталъ представляетъ собою въ громадномъ большинствѣ случаевъ только фиктивную, исключительно спекулятивную цѣнность,—изъ нихъ меньше одной трети выплачиваютъ какіе-либо дивиденды, и меньше одной десятой — регулярные. Atchison, Topeka & Santa-Fe, Union Pacific и Southern Pacific, напримѣръ, компаніи съ акціонерными капиталами въ слишкомъ сто милліоновъ долларовъ каждая, никогда, со времени своей постройки, не платили никакихъ дивидендовъ; двѣ первыя не разъ банкротились и проходили сквозь судебный процессъ реорганизаціи, за своей неспособностью выплачивать проценты по закладнымъ, а настоящая спекулятивная горячка догнала ихъ акціи до 83, 108 и

69, т.-е. создала бумажныя цѣнности, представляющія наличную стоимость въ 300 слишкомъ милліоновъ долларовъ, абсолютно ничего за собою не имѣющую въ реальномъ смыслѣ. Пока этимъ созданіемъ дутыхъ цѣнностей занимались „wall street“, т.-е. преимущественно нью-іоркскіе финансовые авантюристы и отчасти денежные тузы, страна могла оставаться спокойной;—къ сожалѣнію, повышеніе это продолжалось и продолжается на этотъ разъ такъ долго и такъ упорно, что, за послѣднее время, волна спекулятивной маніи несомнѣнно захватила собою и провинцію, и въ каждомъ городѣ опять завелись начисто было-выметенныя паникой 1893 года такъ называемые „bucket shops“, конторы, имѣющія прямое постоянное сообщеніе съ нью-іоркской биржей и дающія возможность всякому обывателю спекулировать чѣмъ угодно и сколько угодно. Дутыя бумажныя цѣнности переселяются, благодаря имъ, постепенно, небольшими партіями, медленно, но безъ перерыва, изъ рукъ чисто биржевыхъ, профессіональныхъ элементовъ, въ руки провинціальнаго населенія, и когда, по соображеніямъ сбывшихъ ихъ такимъ образомъ съ огромной выгодой денежныхъ дѣльцовъ Нью-Іорка, переселеніе это окажется достаточно значительнымъ, —начнется, конечно, хищническій набѣгъ на пониженіе и произойдетъ финансовый крахъ въ родѣ „черной пятницы“ 1873 г. или банковской паники 1893 года. Американскій народъ, внѣ всякаго сомнѣнія, больше какой-либо другой національности, подверженъ увлеченіямъ спекулятивной горячки; одною изъ самыхъ распространенныхъ нашихъ пословицъ является та, которая гласитъ, что гораздо легче сдѣлать деньги, чѣмъ удержать ихъ въ своемъ распоряженіи. Конечно, спекуляція не ограничивается бумажными цѣнностями—она распространяется, какъ зараза, и на поземельный рынокъ, и на всѣ рѣшительно отрасли человѣческой дѣятельности, промышленныя и торговыя. За послѣдніе два-три года все шло въ гору, быстро, неудержимо—цѣны росли на землю, на постройки, на всяческіе продукты. Въ нашемъ городѣ городскія мѣста на дѣловыхъ улицахъ поднялись въ цѣнѣ на 500—600% — съ пятисотъ долларовъ за линейный футъ фронта до $ 3.000^{00}, даже больше; на резидентскихъ—на 50, на 100%; постройка и теперь стоитъ на 100% больше, чѣмъ два года тому назадъ, и въ матеріалѣ, и, особенно, въ работѣ. Цѣна на печеный хлѣбъ, на мясо, на масло, на одежду, бѣлье и почти всякій другой предметъ домашняго обихода поднялась отъ 10 до 100 и 200%; на работу—на 25—50%, въ нѣкоторыхъ ремеслахъ—на 100% и даже больше. Мастеръ-штукатуръ получаетъ теперь въ нашемъ городѣ 8 долларовъ за 8 часовъ работы; его помощникъ-чернорабочій—4 доллара, да и при этихъ цѣнахъ нѣкоторые дома стоятъ по два и по три мѣсяца, дожидаясь, когда извѣстный классъ рабочихъ можетъ до нихъ до-

браться. Желѣзнодорожная, промышленная и вообще городская строительная горячка такъ сильна, что вывозъ мануфактуръ за границу уже около года быстро упадаетъ—не потому, чтобы спросъ на американскій товаръ этого рода прекратился, а потому, во-первыхъ, что внутреннія потребности такъ быстро возросли, что фабриканты не успѣваютъ удовлетворять во-время даже ихъ, а во-вторыхъ, цѣны на американскіе продукты, благодаря этому внутреннему требованію, поднялись соотвѣтственно и уже не могутъ конкуррировать съ тѣмъ же успѣхомъ на европейскомъ рынкѣ. Ввозъ изъ-за границы увеличивается съ каждымъ мѣсяцемъ, и на внутреннемъ нашемъ рынкѣ опять появились англійскіе рельсы, германскія стальныя издѣлія, французскіе шолкъ и objets de luxe, — издѣлія, совершенно было-вытѣсненныя съ него всего два—три года тому назадъ. Ввозъ этотъ въ 1902 году далеко превзошелъ ввозъ какого-либо предшествовавшаго ему года, и превысилъ милліардъ долларовъ. Небывалые въ исторіи міра торговые балансы въ нашу пользу за 1899, 1900 и 1901 года въ настоящій моментъ почти сошли на нѣтъ,—и хотя слишкомъ два милліарда долларовъ этихъ балансовъ остались въ нашихъ предѣлахъ, хотя запасы золота въ странѣ почти удвоились [1]), хотя денежное обращеніе увеличилось на 55% [2]), все-таки постоянно и упорно чувствуется недостатокъ въ денежныхъ знакахъ, циркуляція кредитокъ національныхъ банковъ значительно увеличена, и государственное казначейство въ теченіе прошлаго года много разъ вынуждено было прибѣгать къ экстраординарнымъ мѣрамъ, дабы помочь обострявшемуся денежному положенію. Въ какіе-нибудь два года безумнѣйшая спекуляція и предпринимательская и строительная горячка поглотили всѣ эти рессурсы, перевернули небывалое дотолѣ финансовое благосостояніе и денежное обиліе и опять поставили Союзъ на прямую дорогу къ неизбѣжному, вѣроятно, безпримѣрному до сихъ поръ по своей интенсивности денежному кризису и промышленному и торговому застою.

Въ то же время, общія политико-экономическія условія страны крайне существенно измѣнились сравнительно съ тѣми, какія преобладали во время послѣдняго нашего финансоваго краха 1893 года;—и капиталъ, и трудъ, организованы теперь несравненно лучше и компактнѣе, такъ сказать,—ихъ сила разграничена гораздо рѣзче, и будетъ ощущаться несравненно чувствительнѣе. Мы такъ часто и много писали на страницахъ „Вѣстника Европы" объ американскихъ трё-

---

[1]) Съ $ 497.103.183^{70} въ 1896 г. до $ 967.129.839^{00} въ 1902 г.

[2]) Съ $ 1.506.434.966^{00} въ 1896 г. до $ 2.336.111.992^{00} въ 1902 г.; за то же время вклады въ банкахъ поднялись съ $ 4.888.000.000^{00} до $ 8.535.000.000, а операціи clearing houses Союза—съ $ 51.935.651.733^{00} до $ 114.190 226 021^{00}.

стахъ, что не можемъ сказать о нихъ чего-либо новаго,—кромѣ развѣ того, что они и въ настоящій моментъ по прежнему множатся и благоденствуютъ, – абсолютно ничего ни къ ихъ искорененію, ни къ ихъ обузданію не сдѣлано и до сихъ поръ. Европейская печать, въ особенности газетные и журнальные обозрѣватели изъ мѣстныхъ редакціонныхъ силъ, мало знакомые съ дѣйствительностью американскихъ дѣлъ и судящіе объ нихъ съ европейской точки зрѣнія на правительственную власть вообще, принявшіе въ серьёзъ многочисленныя и многоглаголивыя тирады президента Рузевельта противъ трёстовъ, придали имъ совершенно не принадлежащее и не могущее имъ принадлежать значеніе;—на самомъ дѣлѣ, онѣ такъ и остались, въ лучшемъ случаѣ, безусловно безвредной кому-либо болтовней; говоримъ—въ лучшемъ случаѣ потому, что сами считаемъ ихъ не чѣмъ инымъ, какъ трескучимъ избирательнымъ маневромъ въ виду прошлыхъ ноябрьскихъ выборовъ. Несмотря на несомнѣнную личную честность и прямолинейность характера Рузевельта, несмотря на его бурную энергію, обиліе добрыхъ намѣреній и достаточную эксцентричность для того, чтобы не стѣсняться какими-либо традиціями,—онъ, во-первыхъ, слишкомъ мелокъ и недостаточно способенъ для того, чтобы сдѣлаться серьезнымъ реформаторомъ въ чемъ-либо; во-вторыхъ, слишкомъ опутанъ партійными узами и окруженъ несравненно болѣе сильными, чѣмъ онъ самъ, людьми, дабы избрать какой-либо самостоятельный, опредѣленный путь, и, главное, удержаться на немъ. А въ дѣлѣ искорененія ли, урегулированія ли существеннымъ образомъ нашихъ трёстовъ, и у Рузевельта, и у всего американскаго народа открылся новый противникъ, чрезвычайно, какъ оказывается, могучій, и притомъ въ самой неожиданной сферѣ—въ сферѣ организованнаго труда. Что противникъ этотъ не только силенъ, но и очень ловокъ—ясно изъ того, что американскій народъ и не подозрѣвалъ до сихъ поръ, что трудъ этотъ уже лѣтъ десять противодѣйствуетъ весьма успѣшно всякому эффективному федеральному законодательству противъ трёстовъ въ конгрессѣ Союза; это было случайно открыто и безусловно доказано конгрессіонной индустріальной коммиссіей, только-что закончившей и опубликовавшей свои обширные труды [1]. Оказывается, что организованный трудъ, посредствомъ своихъ центральныхъ исполнительныхъ чиновъ, постоянно поддерживаетъ въ Вашингтонѣ превосходно организованное представительство, своимъ вліяніемъ систематически и успѣшно противодѣйствующее всякому положительному законодатель-

---

[1]) Reports of the Industrial Commission, XIX volumes, Washington, 1902. Къ этой огромной и чрезвычайно замѣчательной во многихъ отношеніяхъ работѣ мы еще надѣемся вернуться въ будущемъ.

ству противъ трёстовъ, потому что такое законодательство несомнѣнно будетъ обращено капиталомъ и противъ рабочихъ союзовъ, вся дѣятельность которыхъ за послѣднее время быстро обращаетъ и ихъ въ такія монополистическія организаціи въ сферѣ труда, какими являются промышленные и торговые трёсты въ сферѣ капитала. Спрошенные подъ присягой, главные вожаки организованнаго труда въ Америкѣ, въ родѣ президента американской федераціи труда Гомперса и президентовъ нѣсколькихъ самыхъ большихъ ремесленныхъ союзовъ, должны были признать, что они и не сочувствуютъ какому-либо анти-трёстному законодательству, федеральному или штатнымъ, и на дѣлѣ противодѣйствовали его осуществленію систематически и непосредственно въ Вашингтонѣ и при выборахъ конгрессмэновъ. Извѣстно, что тѣ же вожаки, и во всѣхъ анти-трёстныхъ конвенціяхъ, и въ печати, и съ каѳедры, всегда осуждали трёсты и требовали ихъ искорененія,—на дѣлѣ же, тамъ именно, гдѣ такое искорененіе только и могло быть достигнуто,—противодѣйствовали ему всѣми силами, всѣмъ своимъ вліяніемъ, хотя и втихомолку, и настолько ловко, что такое противодѣйствіе до сихъ поръ оставалось тайнымъ. Объясненіе такого страннаго, на первый взглядъ прямо парадоксальнаго факта, заключается въ томъ, что такое законодательство не можетъ быть частичнымъ противъ монополіи капитала, а должно быть принципіальнымъ противъ монополіи вообще, какого бы то ни было рода, сорта или наименованія,—и современные ремесленные союзы совершенно справедливо опасаются, что оно можетъ быть съ успѣхомъ обращено и противъ ихъ собственной дѣятельности. Дѣло въ томъ, что за послѣднее десятилѣтіе организованный трудъ въ Америкѣ, къ сожалѣнію, усвоилъ нѣкоторые весьма сомнительные методы, и во многихъ случаяхъ несомнѣнно стремится къ монополизаціи ремеслъ въ рукахъ своихъ членовъ, пытается возстановить нѣчто въ родѣ средневѣковыхъ ремесленныхъ цеховъ. Такъ, его главное принципіальное возраженіе противъ трёстовъ капитала, состоявшее въ томъ, что союзы открыты для всякаго желающаго, тогда какъ трёсты закрыты для всего остального міра, конечно утратило свое значеніе въ виду тѣхъ ограниченій, которыя установились одно за другимъ въ послѣднее время для пріема въ такіе союзы новыхъ членовъ. Доказано, что входная плата—initiation fee—для вступленія новаго члена, до послѣдняго десятилѣтія бывшая номинальной, и никогда не превосходившая одного или двухъ долларовъ, для покрытія сопряженныхъ съ такимъ вступленіемъ канцелярскихъ расходовъ союза, поднята теперь многими изъ нихъ до 25, другими—до 125, а нѣкоторыми—даже до 500 долларовъ; что нѣкоторые мѣстные союзы не признаютъ принадлежности отдѣльныхъ членовъ къ національнымъ организаціямъ ихъ ремеслъ

достаточною для безпрепятственнаго вступленія, а требуютъ, при ихъ переѣздѣ въ ихъ городъ, и баллотировки для принятія въ мѣстный союзъ, и внесенія опредѣленной имъ входной платы; что число членовъ нѣкоторыхъ союзовъ остается постояннымъ, несмотря на ростъ городовъ, и неизбѣжно заставляетъ предполагать стремленіе съ цѣлью ограничить число извѣстныхъ ремесленниковъ въ извѣстной мѣстности и, благодаря этому, поднять заработную ихъ плату. Мы умышленно привели выше настоящую заработную плату штукатуровъ въ нашемъ городѣ—ихъ союзъ поднялъ ее за послѣдніе два года съ $ 4^{50} въ день до $ 8^{00} именно благодаря тому, что возвысилъ входную плату до 125 долларовъ и держитъ свой составъ въ числѣ 125 членовъ, забаллотировывая всѣхъ тѣхъ, кто въ состояніи внести такую плату, и учредивъ, благодаря такому порядку, прямую монополію. Будь въ силѣ эффективный анти-трёстный законъ,—не подлежитъ никакому сомнѣнію, что дѣятельность этого союза была бы объявлена монополіей и воспрещена. Если трёсты капитала стремятся къ монополіи и достигаютъ ея, то и организованный трудъ вступилъ на тотъ же путь—и оба, и капиталъ, и трудъ, противодѣйствуютъ одинаково всякому положительному законодательству, имѣющему въ виду искорененіе или обузданіе монополіи. При такомъ положеніи дѣлъ, они едва ли, конечно, достижимы,—и мы лично относимся больше чѣмъ скептически какъ къ походу Рузевельта противъ трёстовъ, такъ и къ войнѣ противъ нихъ органовъ и вожаковъ организованнаго труда.

И ходъ политической кампаніи прошлаго 1902 года [1]), и ея результаты были, больше чѣмъ когда-либо прежде, прямыми послѣдствіями этого новаго экономическаго положенія. Вся кампанія отличалась особенной апатіей—обѣ главныя политическія партіи, и республиканская, и демократическая, дѣйствовали крайне вяло;—вожаки обѣихъ относились индифферентно къ контролю палаты представителей, такъ какъ не желали брать на себя отвѣтственности за отлично сознаваемую ими невозможность достиженія какого-либо новаго законо-

---

[1]) Какъ мало извѣстны русской журналистикѣ даже основные факты здѣшняго государственнаго устройства и здѣшней исторіи, ясно изъ иностраннаго обозрѣнія ноябрьской книжки „Русскаго Богатства" (1902 г.). Г. Южаковъ, описывая ноябрьскіе выборы, говоритъ, что произошли „частичные" выборы въ палату представителей. Въ дѣйствительности же эта палата—House of Representatives—выбирается цѣликомъ каждый разъ, въ каждый четный годъ, что, конечно, произошло и теперь. Срокъ ея службы—всего два года, и въ четыре года голосуетъ весь Союзъ. Затѣмъ, онъ говоритъ, что демократическая партія послѣ войны ни разу не обладала полнымъ контролемъ федеральной власти. И это абсолютно невѣрно, такъ какъ въ 1893—94 годахъ и президентомъ Союза былъ демократъ Кливелэндъ, и обѣ палаты конгресса были въ рукахъ демократовъ;—этотъ 53-ій конгрессъ и отмѣнилъ таможенный тарифъ Макъ-Кинлэя и ввелъ тарифъ Гормана-Вильсона, вызвавшій панику 1893 года.

дательства. Казалось, никто не могъ или не хотѣлъ опредѣлить, въ чемъ же именно въ настоящій моментъ заключается принципіальная между ними разница? Относительно главныхъ ихъ положеній, изложенныхъ въ національныхъ „платформахъ“ президентской кампаніи 1900 года, въ обѣихъ образовались болѣе или менѣе значительные расколы. Имперіализмъ и неразрывно связанный съ нимъ филиппинскій вопросъ остались совершенно въ тѣни. Республиканская партія, конечно, должна быть благодарна за это Рузевельту. Что бы онъ ни говорилъ самъ, и что бы ни проповѣдывали его присные и приближенные, его общительный характеръ, его крайняя доступность, его, такъ сказать, народные личные вкусы и привычки, такъ исключаютъ какую бы то ни было мысль объ опасностяхъ правительственнаго имперіализма, что всѣ толки объ этомъ, такіе громкіе при покойномъ Макъ-Кинлэѣ, совершенно исчезли теперь изъ обращенія. Необходимо отдать справедливость Рузевельту въ томъ смыслѣ, что вся его личность, открытая, прямая, совершенно неспособная къ какой-либо хитрости, абсолютно несовмѣстима съ мыслью о какой бы то ни было опасности отъ него лично для народной свободы; а такъ какъ предполагается, что онъ же будетъ выбранъ и на слѣдующее послѣ 1904 года четырехлѣтіе, то абстрактныя разсужденія такого рода теряютъ въ глазахъ живущаго настоящей минутой американскаго народа всякую цѣнность [1]). Да и филиппинскія дѣла очевидно всѣмъ надоѣли,—внутренніе вопросы занимаютъ всецѣло вниманіе народа,—и имперіализмъ, и анти-имперіализмъ какъ-то незамѣтно совсѣмъ сошли со сцены. Большинство штатныхъ „платформъ“ обѣихъ партій въ послѣднюю кампанію совсѣмъ не упоминаетъ о нихъ. Въ американской политикѣ такія метаморфозы нерѣдки,—она не гонится за принципіальными отвѣтами, разъ „злоба дня“ переходитъ на что-либо другое, и

[1]) Насколько Рузевельтъ простъ, всего лучше было еще недавно доказано внезапнымъ отозваніемъ германскаго посла въ Вашингтонѣ, Голлебена. И Германіи, и Великобританіи, было чрезвычайно желательно выпутаться изъ завареннаго ими такъ необдуманно венецуэльскаго конфликта посредствомъ ловушки Рузевельту—приглашеніемъ сдѣлаться арбитраторомъ этого столкновенія, что, конечно, вовлекло бы и его лично, и Союзъ въ самыя непріятныя осложненія. Говорятъ, что Голлебену удалось заручиться согласіемъ Рузевельта, даннымъ въ пылу добрыхъ намѣреній и ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, и что только не безъ сильныхъ натяжекъ и ухищреній кабинету и вліятельнымъ сенаторамъ удалось убѣдить его взять это согласіе обратно. Германскій императоръ былъ такъ недоволенъ Голлебеномъ за то, что онъ, якобы, ввелъ его въ заблужденіе по этому поводу, что отозваніе посла было рѣшено немедленно и безъ какихъ бы то ни было обычныхъ въ такихъ случаяхъ прелиминарій. Посолъ былъ дѣйствительно виноватъ въ томъ, что неправильно оцѣнилъ какъ характеръ Рузевельта, такъ и значепіе его антуража.

предоставляетъ ихъ будущему. Еще только годъ тому назадъ никто не могъ бы предвидѣть такого исхода.

И серебряный вопросъ, и популизмъ также совершенно безслѣдно исчезли съ американскаго политическаго горизонта, исчезли настолько, что не осталось отъ нихъ не только національныхъ, но и почти ни одной штатной организаціи. Ни въ конгрессѣ Союза, ни въ составѣ штатныхъ правительствъ не осталось ни одного „сильверита", ни одного „популиста". Ихъ твердыни, штаты центральнаго запада и Скалистыхъ горъ, цѣликомъ перешли на ноябрьскихъ выборахъ въ республиканскій лагерь; хотя въ новой палатѣ представителей конгресса республиканское большинство и упало съ сорока голосовъ на двадцать, въ сенатѣ оно значительно увеличится, и господство въ немъ этой партіи обезпечено на долгое время.

Въ средѣ республиканской партіи впервые появился серьезнѣйшій расколъ по поводу протекціонизма. Хотя главнымъ ея вожакамъ, бросившимся со всѣхъ сторонъ на помощь, и удалось предохранить результаты прошлыхъ выборовъ отъ вліянія этого раскола, тѣмъ не менѣе его значеніе и размѣры обозначились весьма ясно, благодаря тому, что спикеръ палаты представителей, Гендерсонъ, бывшій слишкомъ двадцать лѣтъ членомъ этой палаты, нашелся вынужденнымъ отказаться отъ назначенія въ кандидаты своей партіи на то же мѣсто на прошлыхъ выборахъ, потому что штатная платформа партіи— штата Эйоуэ—требовала пересмотра настоящаго таможеннаго тарифа, на что онъ, крайній протекціонистъ, не могъ согласиться. Въ свое время этотъ отказъ, сдѣлавшій его добровольно частнымъ человѣкомъ изъ второго по своему значенію и вліянію государственнаго чина во всемъ Союзѣ, надѣлалъ большого шума въ странѣ, и хотя въ настоящее время расколъ этотъ, повидимому, временно и улаженъ въ томъ смыслѣ, что текущая сессія конгресса не коснется состоящаго въ силѣ таможеннаго тарифа Динглэя,—едва ли подлежитъ сомнѣнію, что онъ выплыветъ опять въ слѣдующую президентскую кампанію. Земледѣльческій центръ и западъ, до сихъ поръ составлявшіе надежнѣйшій оплотъ протекціонизма, встревожены мануфактурными трёстами и общимъ подъемомъ цѣнъ на все, что имъ нужно, больше чѣмъ когда-либо, и если общее положеніе дѣлъ не измѣнится,—неизбѣжно потребуютъ серьезнѣйшаго пересмотра тарифа; а въ виду всего вышеизложеннаго, относительно невѣроятности какого-либо дѣйствительнаго законодательства противъ все болѣе и болѣе укореняющихся и распространяющихся монополій, мы не видимъ никакихъ основаній къ тому, чтобы надѣяться на какое-либо существенное измѣненіе всѣхъ настоящихъ экономическихъ жизненныхъ условій.

Въ началѣ кампаніи вожаки разныхъ фракцій не разъ пытались

свести въ одно цѣлое давно распавшуюся на части демократическую партію. Сняли съ полки давно сданнаго въ политическій архивъ эксъ-президента Кливелэнда, помирили его съ искуснѣйшимъ и хитрѣйшимъ политиканомъ Союза, эксъ-губернаторомъ штата Нью-Іорка, Гилломъ—оба они, лѣтъ десять тому назадъ, ворочали всей организаціей демократической партіи—и попробовали свести ихъ съ Брайяномъ, безраздѣльнымъ владыкой демократовъ до его финальнаго пораженія въ 1900 году; но онъ отказался пріѣхать, а Генри Вотерсонъ безжалостно разгромилъ предполагавшуюся комбинацію въ своей газетѣ „Louisville Courrier", обладающей громаднымъ вліяніемъ въ демократическихъ массахъ, и жестоко высмѣялъ непрошенныхъ миротворцевъ. Расколъ, вызванный въ средѣ своей партіи Брайяномъ, хотя самъ онъ теперь утратилъ всякое значеніе, оказался и до сихъ поръ незалечимо глубокимъ; образовавшіяся еще въ 1896 году фракціи никакъ не могутъ столковаться; хотя серебряный вопросъ и погребенъ навсегда, но поднятыя имъ страсти все еще не улеглись и, цѣпляясь за другіе обломки чикагской платформы 1896 г., все еще вносятъ въ ряды демократовъ непроходимую рознь. Ноябрьскіе выборы сдали окончательно въ архивъ и Кливелэнда, и Гилла, и Брайяна, но не вынесли на поверхность ни одного свѣжаго человѣка, ни одного новаго вожака, на которомъ могли бы остановиться всѣ демократическія фракціи. Дѣйствительно выдающіеся люди, въ родѣ эксъ-министра иностранныхъ дѣлъ Союза, Ольнэя, или эксъ-сенатора Гормана, слишкомъ заинтересованы въ успѣхѣ именно той или другой фракціи, для того, чтобы *вся* партія могла искренно сойтись на одномъ изъ нихъ; а безъ такой искренности успѣхъ совершенно невозможенъ, такъ какъ откалывающіяся демократическія меньшинства взяли привычку съ 1896 года не просто устраняться отъ голосованія, а въ тайнѣ подавать свои голоса за кандидата противной партіи. Въ этой тактикѣ нѣтъ теперь никакого сомнѣнія, и ею только и можно вполнѣ объяснить размѣры побѣды Макъ-Кинлэя въ 1900 году и послѣдніе ноябрьскіе выборы.

Выборы эти отнюдь нельзя считать побѣдой республиканской партіи, какъ это было громогласно объявлено всему міру. Ея большинство въ палатѣ существенно уменьшилось, хотя сильвериты и популисты штатовъ запада и Скалистыхъ-горъ и сошли со сцены и вернулись въ ея лагерь. Демократы же отвоевали обратно порубежные штаты, Мэрилэндъ, Делаваръ, Кентукки, едва-едва не осилили въ Нью-Іоркѣ и въ первый разъ за долгій промежутокъ времени овладѣли даже однимъ изъ штатовъ Новой Англіи—Коннектикутомъ. Если, что весьма вѣроятно, „хорошія времена" придутъ къ концу, благодаря необузданной спекуляціи и неизбѣжному финансовому краху, до

слѣдующей президентской кампаніи 1904 года, у демократовъ будетъ превосходный шансъ не только захватить палату, но и выбрать демократа-президента. Все будетъ зависѣть отъ того, съумѣютъ ли они согласиться на „платформѣ“ и найти подходящаго вожака.

Кампанія 1896 года чрезвычайно существенно перетасовала личный составъ старыхъ партій того времени; перетасовка эта продолжалась безостановочно съ тѣхъ поръ, отчасти благодаря постепенной дизентеграціи сильверитовъ и популистовъ, а главное—благодаря такимъ совершенно новымъ и чисто-политическимъ вопросамъ, какъ имперіализмъ и колоніальная политика, съ одной стороны, и чисто экономическимъ, какъ трёсты и организованный трудъ, или сахарный и каменноугольный,—съ другой. Мы думаемъ, что въ настоящее время эти послѣдніе существенно преобладаютъ, и что принципіальная разница между двумя главными—а на ноябрьскихъ выборахъ и единственными—американскими политическими партіями все болѣе и болѣе стушевывается. Чисто абстрактные политическіе вопросы перестаютъ занимать массы, или, вѣрнѣе, умственные вожаки не въ состояніи удерживать ихъ съ собою, какъ не могутъ пересилить чисто дѣловые элементы въ совѣтахъ партій. Мыслящій и независимый гражданинъ, не стремящійся къ куску „общественнаго пирога“, невольно останавливается въ недоумѣніи передъ громаднымъ большинствомъ штатныхъ партійныхъ „платформъ“ прошлыхъ выборовъ. Онѣ представляютъ собою, почти безъ всякихъ исключеній, болѣе или менѣе трескучій наборъ фразъ, совершенно игнорируютъ чисто политическую жизнь страны, и пережевываютъ старыя истрепанныя тирады противъ трёстовъ, кокетничаютъ съ союзнымъ трудомъ, и не даютъ рѣшительно ничего опредѣленнаго. Чрезвычайно широко распространено въ народѣ убѣжденіе, что палата представителей была бы захвачена демократами, еслибы Рузевельтъ не успѣлъ покончить стачку антрацитныхъ углекоповъ, почти всецѣло привлекшую къ себѣ общественное вниманіе въ теченіе прошлыхъ лѣта и осени. Стачка эта началась еще въ маѣ мѣсяцѣ, стоила странѣ огромныхъ денегъ, и ея послѣдствія въ формѣ страшнаго недостатка топлива на всемъ востокѣ отзываются крайне тяжело и теперь, вызвавъ усиленную смертность во всѣхъ большихъ городахъ. Особенно суровая зима и спекулятивная лихорадка во всѣхъ почти мануфактурныхъ производствахъ вызываютъ особенно усиленное потребленіе каменнаго угля, а запасовъ нѣтъ никакихъ, цѣна стоитъ очень высокая, и убытки во всѣхъ направленіяхъ просто неисчислимы. Были уже случаи, что городскіе жители, включая всѣ ихъ власти, останавливали силой цѣлые каменноугольные желѣзнодорожные поѣзда, предназначенные для другихъ мѣстъ, и дѣлили захваченный такимъ насильнымъ образомъ уголь между собою, обѣщаясь

заплатить за него, что̀ слѣдуетъ, его дѣйствительнымъ владѣльцамъ; и эти владѣльцы не преслѣдовали ихъ законнымъ порядкомъ, такъ какъ сознавали, что невозможно было бы добиться правосудія тамъ, гдѣ сами власти, судебныя и административныя, участвовали лично и открыто въ такомъ грабежѣ. Трудно хотя бы приблизительно вычислить убытки самихъ углекоповъ, владѣльцевъ каменноугольныхъ копей и, главное, всей страны; они, конечно, значительно превзошли громадную сумму въ сто милліоновъ долларовъ. Стачка продолжалась 24 недѣли, слишкомъ 150.000 углекоповъ въ ней участвовали, и потеряли до 30 милліоновъ заработной платы; многія копи залило водой, такъ какъ стачка остановила и помпы, и нѣкоторыя изъ нихъ пришлось совсѣмъ оставить,—въ другихъ откачиваніе стоило и будетъ стоить милліоновъ. И все-таки эти убытки—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ терпѣла въ ту зиму, благодаря этой стачкѣ, вся страна. Антрацитныя каменноугольныя копи Союза всѣ сосредоточены въ незначительной, сравнительно, части штата Пенсильваніи; въ прежніе годы, лѣтомъ заготовлялся запасъ на зиму, такъ какъ одна зимняя работа не можетъ удовлетворить зимняго потребленія; нынѣче запасовъ къ октябрю никакихъ не осталось; многія копи или заброшены, или еще не откачаны и ничего не производятъ, и количества добываемаго угля далеко не хватаетъ. Цѣна поднялась больше чѣмъ вдвое, хотя многіе заводы и фабрики уже должны были остановиться; во многихъ городахъ нѣтъ угля не только для электрическаго ихъ освѣщенія, а даже для достаточнаго отопленія дѣловыхъ зданій и работы элеваторовъ въ нихъ, не говоря уже о жилыхъ помѣщеніяхъ. Въ Чикаго двадцати-двухъ- и двадцати-четырехъ-этажные дома вынуждены были остановить свои элеваторы на бо̀льшую часть дня, хотя обязательства съ жильцами и требуютъ ихъ хода цѣлыя сутки. Въ результатѣ—десятки тысячъ рабочихъ безъ работы, безчисленныя тяжбы, иски за убытки, общее нервное раздраженіе, вліяющее на всю общественную жизнь. Еще ни одна американская стачка не отзывалась на этой жизни такъ широко, такъ осязательно, такъ чувствительно, какъ этотъ конфликтъ „Соединенныхъ рудокоповъ Америки“ — United miners of America — съ ихъ хозяевами [1]). Къ сожалѣнію, онъ еще далеко не оконченъ, хотя работа и возобновилась еще въ концѣ прошлаго октября. Дѣло въ томъ, что хотя Рузевельту и удалось возобновить эту работу, но рѣшеніе не достигнуто; споръ переданъ обѣими сторонами на разсмотрѣніе спеціальной коммиссіи изъ семи членовъ, назначенной президентомъ съ

[1]) Къ сожалѣнію, въ такой общей журнальной статьѣ, какова настоящая, невозможно хотя бы вкратцѣ изложить сущность этой стачки,—такъ многосторонни спорные пункты и такъ каждый изъ нихъ требуетъ обширныхъ объясненій, безъ которыхъ они останутся непонятны читателю.

согласія и одобренія обѣихъ сторонъ, изслѣдующей въ настоящее время въ открытыхъ засѣданіяхъ все антрацитное каменноугольное дѣло и имѣющей рѣшить: основательны ли требованія углекоповъ, или нѣтъ? Этой коммиссіей, засѣдающей непрерывно уже около двухъ мѣсяцевъ и посѣтившей въ полномъ составѣ многія копи и поселенія углекоповъ, уже выяснены съ достаточной опредѣленностью нѣкоторые пункты спора, между прочими и главный—борьба между союзными и внѣ-союзными углекопами. Первыхъ около 140.000; вторыхъ—около 20.000. Послѣдніе были несогласны на стачку, считая ее неправильною, и желали продолжать работу; но несмотря на то, что для ихъ защиты была въ концѣ-концовъ вызвана вся милиція штата, слишкомъ 10.000 солдатъ,—союзный терроръ былъ такъ силенъ, что возобновить работу было невозможно. Хотя вожаки стачки и отрицали сначала существованіе этого террора, а затѣмъ, когда его наличность была безусловно установлена, свое участіе въ немъ, тѣмъ не менѣе изслѣдованіе коммиссіи уже доказало, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда его зачинщики и участники, почти всегда члены союза, попадали въ руки правосудія, углекопный союзъ принималъ на себя и на свой счетъ и ихъ защиту, и уплату наложенныхъ на нихъ денежныхъ штрафовъ; что собранныя по всему Союзу въ пользу семействъ стачечниковъ пожертвованія, достигшія огромной суммы въ полмилліона долларовъ, употреблялись главнымъ образомъ на этотъ предметъ—на поддержаніе террора и на борьбу съ закономъ по этому поводу. Какъ и въ великой желѣзнодорожной стачкѣ Дэбса въ 1894 году, общественныя симпатіи, сначала бывшія почти всецѣло на сторонѣ углекоповъ, теперь медленно, но, повидимому, неудержимо начинаютъ сокращаться и глядѣть и на эту стачку съ нѣсколько другой точки зрѣнія. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что далеко не всѣ методы современныхъ ремесленныхъ союзовъ Америки могутъ выдержать безпристрастную критику, и что ихъ вожакамъ нерѣдко не мѣшало бы быть болѣе осторожными въ употребленіи разныхъ крайнихъ мѣръ; насиліе и тираннія въ какой бы то ни было формѣ всегда обнаружатся въ концѣ-концовъ въ такихъ серьезныхъ, широкихъ конфликтахъ труда съ капиталомъ, какимъ является настоящій американскій каменноугольный.

Возобновивъ посредствомъ этой коммиссіи антрацитное каменноугольное производство въ самую критическую минуту и для ноябрьскихъ выборовъ, и для быстро приближавшейся зимы, Рузевельтъ дѣйствовалъ и внѣ закона, и внѣ принадлежащихъ ему, какъ президенту Союза, правъ и власти, и внѣ всякихъ прецедентовъ. Настоятельныя требованія минуты оказались важнѣе всѣхъ этихъ условныхъ путъ и ограниченій. Несомнѣнная абстрактная опасность такихъ

coups d'état была сначала совершенно упущена изъ виду и печатью, и общественнымъ мнѣніемъ. Только когда въ собравшійся въ декабрѣ конгрессъ былъ внесенъ билль о покрытіи издержекъ коммиссіи, вопросъ обрисовался вполнѣ и съ этой стороны. Но народное настроеніе у насъ теперь таково, что такія „тонкости", чисто теоретическія, не останавливаютъ на себѣ ничьего вниманія.

Этотъ очеркъ настоящаго политическаго и экономическаго положенія Союза былъ бы неполонъ, если не упомянуть о сахарномъ вопросѣ. Вопросъ этотъ, почти въ одинаковой мѣрѣ съ каменноугольнымъ, продолжаетъ занимать наше общественное мнѣніе, въ особенности въ виду непрерывающихся усилій Рузевельта заставить конгрессъ провести трактатъ взаимности съ республикой острова Кубы. Свеклосахарное производство, повидимому, быстро вытѣсняетъ тростниковое. Еще въ 1853 году только 14% потреблявшагося въ то время сахара получалось изъ свеклы; въ 1860 г. этотъ процентъ поднялся до 25, а въ 1900 г. достигъ уже 65. И это было достигнуто въ соединеніи съ постоянно падавшею цѣною на сахаръ и при быстро поднимавшемся потребленіи его per capita. Въ 1854 г., все свеклосахарное производство міра давало только 182.000 тоннъ; въ 1864 г. оно достигло 536.000 тоннъ, въ 1874 г. — 1.219.000, а въ 1900 г.—уже 5.510.000. Цѣна же за фунтъ упала съ 5,37 цента въ 1871 г. до 2,49 центовъ въ 1900 г. Въ этомъ быстромъ ростѣ свеклосахарнаго производства, результатѣ большей энергіи, предпріимчивости и изобрѣтательности жителей болѣе сѣверныхъ странъ въ сравненіи съ жителями тропическихъ, въ которыхъ только и возможно тростниковое производство, — Союзъ принялъ участіе только въ теченіе прошлаго десятилѣтія, но участіе это было такое успѣшное и быстро возростающее, что у него явились справедливыя надежды отдѣлаться болѣе или менѣе скоро отъ тяжелой дани иностранцамъ на огромную сумму въ сто милліоновъ долларовъ въ годъ. Введенный въ 1897 году таможенный тарифъ Динглэя былъ особенно благопріятенъ домашнему сахару; онъ охраняетъ и сырецъ, и рафинадъ, и, съ паденіемъ цѣнъ на сахаръ на всемірномъ рынкѣ, отрѣзалъ островъ Кубу отъ американскаго внутренняго рынка почти всецѣло. Рузевельтъ, обязанный большей долей своей популярности испано-американской войнѣ, является всегда и вездѣ рыцарскимъ защитникомъ кубинскихъ интересовъ, и, почти съ перваго же дня своего вступленія въ должность президента Союза, обратилъ особенныя усилія на то, чтобы пониженіемъ тарифа на сахаръ помочь бѣдствующему острову. Прошлый конгрессъ, однако, не внялъ его представленіямъ—своя рубашка къ тѣлу ближе, и наши свеклосахарные дѣльцы не остановились передъ открытымъ сопротивленіемъ диктантамъ своей партіи и провалили на конгрессѣ всѣ пред-

ложенія о пониженіи тарифа на сахаръ Кубы. Тогда Рузевельтъ перемѣнилъ тактику—и заключилъ коммерческій трактатъ взаимности съ правительствомъ Кубы; и этотъ-то трактатъ и добивается своего утвержденія въ сенатѣ. Положеніе покуда еще не выяснилось, но надо думать, что и трактатъ не будетъ утвержденъ, во всякомъ случаѣ во всей цѣлости. Эти-то чисто экономическіе споры по поводу цѣлесообразности и выгодности для страны подобныхъ мѣръ больше вліяютъ нынче на политическую группировку разныхъ вліятельныхъ государственныхъ чиновъ, въ особенности членовъ обѣихъ палатъ конгресса, чѣмъ абстрактные политическіе вопросы; во внутреннихъ средахъ обѣихъ политическихъ партій образуются самостоятельныя группы и клики, существенно ослабляющія партійную дисциплину и вызывающія неопредѣленность и въ общихъ, чисто политическихъ вопросахъ. Группа сенаторовъ отъ свеклосахарныхъ штатовъ въ федеральномъ сенатѣ, цѣликомъ принадлежащая къ республиканской партіи, составляетъ, однако, въ немъ рѣзко опредѣленное меньшинство въ ея средѣ, держащее въ своихъ рукахъ балансъ силы во всемъ сенатѣ и способное диктовать свои условія почти по всякому общему законодательному вопросу, вліяющему на всю страну. Еще только десять лѣтъ тому назадъ такая раздвоенность, такъ сказать, была совершенно неизвѣстна въ національныхъ дѣлахъ американской политики.

П. А. Тверской.

Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1903.

Новая книга проекта гражданскаго уложенія: наслѣдственное право.—Уравненіе наслѣдственныхъ правъ мужчинъ и женщинъ.—Разряды наслѣдниковъ; устраненіе дальнихъ родственниковъ отъ наслѣдованія по закону. — Расширеніе наслѣдственныхъ правъ пережившаго супруга.—Постановленія новаго уголовнаго уложенія о государственныхъ преступленіяхъ и о смутѣ.

Редакціонная коммиссія, составлявшая проектъ гражданскаго уложенія, окончила свою работу: не такъ давно вышли въ свѣтъ двѣ послѣднія ея части—книги: первая („Положенія общія") и четвертая („Наслѣдственное право"). Остановимся, покамѣстъ, на нѣкоторыхъ, особенно важныхъ нововведеніяхъ, вносимыхъ проектомъ въ наше наслѣдственное право.

Статья 15-ая четвертой книги гласитъ: „лица женскаго пола наслѣдуютъ наравнѣ съ лицами мужского пола". Въ этихъ немногихъ словахъ заключается цѣлый переворотъ—но онъ настолько справедливъ, настолько подготовленъ общественнымъ мнѣніемъ, что, по всей вѣроятности, не встрѣтитъ возраженій въ высшихъ законодательныхъ инстанціяхъ и безъ всякихъ неудобствъ и затрудненій перейдетъ въ жизнь. Въ древней Россіи стремленіе духовенства уравнять наслѣдственныя права сыновей и дочерей, выразившееся въ уставѣ вел. кн. Всеволода о церковныхъ судахъ, скоро было побѣждено другимъ, противоположнымъ. Судебники, какъ и болѣе ранніе законодательные памятники, допускали наслѣдованіе дочерей лишь при отсутствіи сыновей. Помѣстная система повлекла за собою выдѣлъ дочерямъ, „на прожитокъ", части изъ отцовскаго помѣстья. Указъ 17 марта 1731-го года, положившій конецъ различію между помѣстьями и вотчинами, создалъ тотъ порядокъ, который удержался до настоящаго времени: за дочерьми было признано право на $^{1}/_{14}$ часть недвижимаго и $^{1}/_{8}$ движимаго имущества. Въ боковыхъ линіяхъ сестры при братьяхъ не наслѣдуютъ вовсе. Ненормальность такого порядка

сознана уже давно. Въ проектѣ гражданскаго уложенія, составленномъ Сперанскимъ, сестры при братьяхъ признавались наслѣдницами во всѣхъ линіяхъ, но въ меньшей долѣ. При разсмотрѣніи этого проекта въ государственномъ совѣтѣ десять членовъ (противъ 13) высказались за полное уравненіе наслѣдственныхъ правъ обоихъ половъ. Сорокъ лѣтъ спустя, главноуправляющій вторымъ отдѣленіемъ собственной Е. И. В. Канцеляріи, гр. Д. Н. Блудовъ, представилъ имератору Николаю всеподданнѣйшій докладъ объ общемъ пересмотрѣ узаконеній, опредѣляющихъ наслѣдственныя права женщинъ. Констатируя противорѣчіе между этими узаконеніями и распространенными въ обществѣ взглядами—противорѣчіе, ведущее къ постояннымъ обходамъ закона,—гр. Блудовъ склонялся, очевидно, къ полному уравненію обоихъ половъ; но его пугала мысль о „быстромъ переходѣ“, который, касаясь „навыковъ и, такъ сказать, ежедневныхъ дѣйствій“, „всегда производитъ нѣкоторое невыгодное для общественнаго богатства колебаніе не только въ умахъ, но и въ самомъ управленіи имуществъ“. Равенство долей онъ полагалъ, поэтому, установить (при наслѣдованіи въ нисходящей линіи) только по отношенію къ движимому имуществу, а по отношенію къ недвижимости ограничиться увеличеніемъ долей, получаемыхъ дочерьми. Дальнѣйшаго хода эти предположенія не получили. Шестнадцать лѣтъ спустя, въ 1864 г., заглохшій, но не забытый вопросъ былъ поднятъ вновь ходатайствомъ смоленскаго дворянства, исходившимъ изъ убѣжденія, что дѣйствующій законъ о наслѣдованіи женщинъ представляется „неестественнымъ, несправедливымъ и неоправдываемымъ никакою государственною или общественною необходимостью“. Министерство юстиціи, на разсмотрѣніе котораго поступило это ходатайство, нашло его вполнѣ основательнымъ, но усомнилось въ правѣ дворянства возбуждать вопросъ, касающійся общихъ нуждъ и пользъ государства [1]), и потому ограничилось сообщеніемъ своего взгляда главноуправляющему вторымъ отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи.

Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе почти сорока лѣтъ, дѣло не двинулось впередъ ни на одинъ шагъ, и законъ, оффиціально признанный устарѣвшимъ и несправедливымъ, до сихъ поръ остается безъ измѣненій. Это одинъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ неподвижности, свойственной нашему гражданскому законодательству. Порядки, давно отжившіе свой вѣкъ, держатся силою инерціи, даже тогда, когда ни съ чьей стороны не встрѣчаютъ активной поддержки. Весьма вѣроятно, что еслибы не былъ предпринятъ общій пересмотръ гражданскихъ

[1]) Съ смоленскимъ ходатайствомъ совпалъ, на бѣду, извѣстный адресъ московскаго дворянства, вызвавшій, въ высшихъ сферахъ, стремленіе ограничить область дворянскихъ ходатайствъ.

законовъ, расширеніе наслѣдственныхъ правъ женщинъ до сихъ поръ не было бы поставлено на очередь. Между тѣмъ, необходимость реформы выяснена какъ нельзя лучше уже въ упомянутомъ нами отзывѣ министерства юстиціи. „Родственное расположеніе“—читаемъ мы здѣсь—„не различаетъ половъ; сынъ и дочь одинаково близки родителямъ, братья и сестры равно близки умершему. Поэтому, если правильно предположеніе, что умершій желалъ оставить имѣніе ближайшимъ родственникамъ (предположеніе—прибавимъ мы отъ себя,—составляющее одну изъ главныхъ основъ наслѣдованія по закону), то дѣти должны наслѣдовать ему въ равной долѣ, сестра должна быть допущена къ наслѣдству наравнѣ съ братомъ... Женщина перестала быть рабой и работницей; она сдѣлалась такимъ же полноправнымъ существомъ, какъ и мужчина; и съ этой точки зрѣнія, значитъ, постановленіе нашего законодательства о неравенствѣ наслѣдственныхъ правъ мужчины и женщины оказывается непослѣдовательнымъ“. Основаніемъ къ удержанію этого неравенства не можетъ служить и обычай выдавать приданое: „выдача приданаго не составляетъ общаго правила, количество его не опредѣлено ни закономъ, ни обычаемъ, и слѣдовательно приданое не всегда уравниваетъ долю дочерей съ частями сыновей“. Неосновательно и указаніе на возможность смягчить или устранить несправедливость, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, путемъ завѣщанія, такъ какъ—помимо запрещенія завѣщать родовыя имѣнія—завѣщаніе успѣваетъ составить далеко не всякій, да и малѣйшаго нарушенія формальностей достаточно для признанія его недѣйствительнымъ. Наслѣдственныя права мужчины и женщины уравнены даже тамъ, гдѣ женщина, въ глазахъ закона, всю жизнь является существомъ несамостоятельнымъ; тѣмъ болѣе они должны быть уравнены въ Россіи, гдѣ женщина, въ области имущественныхъ отношеній, стоитъ, вообще говоря, наряду съ мужчиной. Къ этимъ неопровержимымъ доводамъ министерства юстиціи слѣдуетъ прибавить, что въ настоящее время все больше и больше увеличивается число женщинъ, ищущихъ и достигающихъ, собственными усиліями, самостоятельнаго положенія. Лучшимъ подспорьемъ въ этомъ законномъ и симпатичномъ стремленіи будетъ служить признаніе за дочерьми и сестрами одинаковыхъ наслѣдственныхъ правъ съ сыновьями и братьями.

Не менѣе важнымъ нововведеніемъ представляется и система наслѣдованія, установляемая ст. 16—21 проекта. За силою статьи 16-ой родственники призываются къ наслѣдованію по закону въ порядкѣ слѣдующихъ шести разрядовъ: первый разрядъ составляютъ сыновья и дочери наслѣдодателя и ихъ нисходящіе; второй разрядъ—отецъ и мать наслѣдодателя и ихъ нисходящіе; третій—дѣды и бабки и ихъ нисходящіе; четвертый—прадѣды и прабабки и ихъ нисходящіе; пя-

тый—прапрадѣды и прапрабабки и ихъ нисходящіе; шестой—восходящіе пятой степени и ихъ нисходящіе. Родственники предъидущаго разряда исключаютъ родственниковъ послѣдующаго. Родственники, не принадлежащіе ни къ одному изъ перечисленныхъ разрядовъ, не имѣютъ права наслѣдованія по закону. По ст. 17-ой, между дѣтьми наслѣдодателя наслѣдство дѣлится по равнымъ частямъ; если же кто-либо изъ нихъ или всѣ они умерли, оставивъ нисходящихъ, то наслѣдство дѣлится поколѣнно, т.-е. въ степень каждаго изъ умершихъ вступаютъ его дѣти, между которыми полученная часть наслѣдства дѣлится поголовно. На томъ же основаніи наслѣдство дѣлится въ случаѣ смерти дальнѣйшихъ нисходящихъ. По ст. 18-ой, при наслѣдованіи родственниковъ второго разряда наслѣдство дѣлится пополамъ: одна половина предоставляется отцу наслѣдодателя, а въ случаѣ его смерти—его дѣтямъ (т.-е. роднымъ или единокровнымъ братьямъ и сестрамъ наслѣдодателя) или ихъ нисходящимъ; другая половина предоставляется матери наслѣдодателя, а въ случаѣ ея смерти—ея дѣтямъ (т.-е. роднымъ или единоутробнымъ братьямъ и сестрамъ наслѣдодателя) или ихъ нисходящимъ. Если нѣтъ родственниковъ, имѣющихъ право наслѣдованія въ одной половинѣ, то все наслѣдство предоставляется родственникамъ, имѣющимъ право наслѣдованія въ другой половинѣ. По ст. 19-ой, при наслѣдованіи родственниковъ третьяго разряда наслѣдство дѣлится на двѣ равныя части, изъ которыхъ одна предоставляется дѣду и бабкѣ наслѣдодателя по отцу, а за ихъ смертью—ихъ нисходящимъ, другая—дѣду и бабкѣ наслѣдодателя по матери, а за ихъ смертью—ихъ нисходящимъ. Относительно дальнѣйшаго дѣлежа частей дѣйствуетъ порядокъ, установленный ст. 18-ою. По ст. 21-ой, при наслѣдованіи родственниковъ четвертаго, пятаго и шестого разрядовъ, родственникъ, къ наслѣдодателю ближайшій по степени, исключаетъ дальнѣйшаго [1]; родственники равныхъ степеней дѣлятъ между собою наслѣдство поголовно.

Приведенныя нами статьи проекта: 1) устраняютъ различіе между агнатами и когнатами, отмѣняя дѣйствующее теперь правило, въ силу котораго наслѣдство переходитъ непремѣнно въ *одинъ* родъ (родовое отцовское имущество—въ родъ отца, родовое материнское—въ родъ матери, благопріобрѣтенное—въ родъ отца); 2) значительно расши-

---

[1]) Пояснимъ это правило примѣромъ. Положимъ, что послѣ смерти лица А. остались только родственники четвертаго разряда, т.-е. имѣющіе съ нимъ общаго прадѣда или общую прабабку. Одинъ изъ нихъ Б.,—сынъ прадѣда по отцу (двоюродный дѣдъ А.), другой, В.—внукъ того же прадѣда (троюродный дядя А.). Первый состоитъ съ А. въ четвертой степени родства, второй—въ пятой; слѣдовательно, все наслѣдство долженъ получить Б. Еслибы кромѣ него былъ еще на лицо Г., сынъ прадѣда А. по матери, то Г. и Б. раздѣлили бы наслѣдство поровну.

ряютъ наслѣдственныя права восходящихъ родственниковъ и 3) отстраняютъ очень дальнихъ родственниковъ отъ наслѣдованія по закону. Первое изъ этихъ нововведеній, состоящее въ тѣсной связи съ проектируемымъ уничтоженіемъ различія между родовыми и благопріобрѣтенными имуществами, мы разсмотримъ въ другой разъ; теперь остановимся на двухъ послѣднихъ.

Дѣйствующее законодательство (ст. 1141 и 1142 т. X ч. I св. зак. гражд.) ставитъ наслѣдственныя права родителей въ очень тѣсныя рамки. Имущество, пріобрѣтенное дѣтьми, поступаетъ, въ случаѣ бездѣтной ихъ смерти, въ пожизненное владѣніе родителей; въ собственность каждаго изъ нихъ переходитъ—„не въ видѣ наслѣдства, а яко даръ"—только то, что̀ было имъ уступлено сыну или дочери въ видѣ дара. Есть основаніе думать, что эти статьи введены въ сводъ законовъ вопреки историческимъ указаніямъ на родителей, какъ на наслѣдниковъ послѣ бездѣтно умершихъ дѣтей [1]). Какъ бы то ни было, несправедливость исключенія родителей изъ числа наслѣдниковъ сознавалась уже давно. Въ проектѣ гражданскаго уложенія 1809-го года предполагалось признать за родителями право наслѣдованія послѣ бездѣтно умершихъ дѣтей, и съ этимъ предположеніемъ согласилось громадное большинство государственнаго совѣта. Въ томъ же смыслѣ высказался и гр. Блудовъ, въ всеподданнѣйшемъ докладѣ 1848-го года. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что отецъ и мать, по общему правилу, ближе, дороже братьевъ и сестеръ, и что въ огромномъ большинствѣ случаевъ именно первыхъ умирающій бездѣтно желалъ бы видѣть своими наслѣдниками. За наслѣдственное право родителей говоритъ и то, что послѣ смерти дѣтей они часто остаются старыми, слабыми, больными, неспособными зарабатывать себѣ средства къ жизни. Не менѣе симпатично и признаніе наслѣдственныхъ правъ за восходящими родственниками второй степени, по дѣйствующимъ законамъ вовсе отстраненными отъ наслѣдства. Дѣдъ или бабка, опять таки по общему правилу, ближе чѣмъ дядя или тетка и больше нуждаются въ имущественномъ обезпеченіи. Случаи перехода наслѣдства къ болѣе дальнимъ восходящимъ — будутъ, конечно, до крайности рѣдки.

Исключеніе дальнихъ родственниковъ изъ числа наслѣдниковъ по закону представляется, по нашему мнѣнію, вполнѣ раціональнымъ и справедливымъ. Мысль о немъ возникала въ законодательныхъ сферахъ, еще въ сороковыхъ годахъ, но не получила развитія именно вслѣдствіе той косности, которою такъ долго отличалось наше гражданское право. „Право наслѣдованія родственниковъ" — читаемъ мы

[1]) См. объясненія редакціонной коммиссіи къ книгѣ четвертой, стр. 43—45.

въ объясненіяхъ редакціонной коммиссіи, — „основывается на предполагаемомъ чувствѣ родственной связи между наслѣдодателемъ и лицомъ, призываемымъ къ наслѣдованію; родственная же связь между наслѣдодателемъ и родственниками отъ шестой и дальнѣйшихъ восходящихъ степеней представляется столь отдаленною, что въ обыденной жизни она едва ли принимается когда-либо въ разсчетъ. Казалось бы, что и закону нѣтъ надобности принимать въ разсчетъ то, что не имѣетъ значенія въ дѣйствительности. Признавая права, обусловленныя столь отдаленною родственною связью, необходимо имѣть въ виду, что права окажутся ничтожными, если не будетъ гарантирована полная исправность метрическихъ записей на пространствѣ нѣсколькихъ столѣтій. Между тѣмъ, если такая гарантія и существуетъ для ближайшаго времени, то она едва ли возможна для временъ болѣе отдаленныхъ, — а при такомъ положеніи дѣлъ благоразумнѣе не возбуждать надеждъ отдаленныхъ родственниковъ на полученіе наслѣдства, чѣмъ, создавъ такія надежды, сдѣлать ихъ неосуществимыми вслѣдствіе отсутствія, потери или порчи метрическихъ книгъ“. Подтвержденіемъ послѣдняго соображенія могутъ служить недавніе процессы о наслѣдствахъ, служившихъ предметомъ спора между различными категоріями дальнихъ родственниковъ наслѣдодателя, изъ которыхъ ни одной не удавалось съ достаточною ясностью доказать свое наслѣдственное право. Намъ кажется, что слѣдовало бы поставить вопросъ еще рѣшительнѣе, чѣмъ предлагаетъ редакціонная коммиссія, и ограничить право наслѣдованія не первыми шестью, а первыми *четырьмя* или *пятью* разрядами родственниковъ, т.-е. не распространять его дальше восходящихъ третьей степени (прадѣдовъ и прабабокъ) или, въ крайнемъ случаѣ, четвертой (прапрадѣдовъ и прапрабабокъ), съ ихъ нисходящими. Совершенно немыслимо, въ самомъ дѣлѣ, чтобы наслѣдникомъ явился самъ пращуръ (восходящій родственникъ пятой степени) или даже его сынъ (двоюродный прапрадѣдъ); весьма рѣдко это будетъ и внукъ пращура, а бо́льшею частью—дальнѣйшіе его нисходящіе, т.-е. родственники наслѣдодателя въ восьмой, девятой, десятой, одиннадцатой, двѣнадцатой степени [1]). Нѣсколько ближе къ наслѣдодателю родственники пятаго разряда, но и здѣсь наиболѣе возможные наслѣдники (внуки прапрадѣда и ихъ нисходящіе) окажутся родственниками его въ шестой, седьмой, восьмой,

[1]) Потомокъ пращура, стоящій въ генеалогическомъ деревѣ на одной высотѣ съ наслѣдодателемъ, является родственникомъ послѣдняго въ десятой степени; но такъ какъ послѣдующіе бо́льшею частью моложе наслѣдодателя, то вѣроятнѣе, что наслѣдниками выступятъ лица, въ генеалогическомъ деревѣ занимающія мѣсто *ниже* наслѣдодателя, т.-е. родственники его въ одиннадцатой или двѣнадцатой степени.

девятой, десятой степени [1]). Можно ли утверждать, что между родственниками, настолько отдаленными, существуетъ какая-нибудь реальная близость, оправдывающая наслѣдованіе однихъ изъ нихъ послѣ другихъ? Сплошь и рядомъ они даже вовсе не знаютъ другъ друга, и наслѣдственное право возникаетъ неожиданно для самого наслѣдника, вслѣдствіе случайности помѣшавшей наслѣдодателю заблаговременно распорядиться своимъ имуществомъ. Понятенъ, до извѣстной степени, такой переходъ наслѣдства только до тѣхъ поръ, пока существуютъ родовыя имѣнія: фикція давно исчезнувшаго родового единства требуетъ, чтобы имѣніе не выходило изъ рода, какъ бы далеко наслѣдодатель и его правопреемникъ ни отстояли другъ отъ друга, какъ бы ничтожна ни была внутренняя связь между ними. Вмѣстѣ съ различіемъ между имуществами родовыми и благопріобрѣтенными должно пасть и наслѣдованіе въ отдаленныхъ степеняхъ родства, тѣмъ болѣе, что расширяемая свобода завѣщанія позволитъ собственнику дать своему имуществу именно то назначеніе, которое онъ считаетъ самымъ желательнымъ. Выморочность имущества, при отсутствіи близкихъ родственниковъ — исходъ наиболѣе цѣлесообразный, наиболѣе согласный съ интересами общества и государства.

Значительно отступаютъ отъ дѣйствующаго права и постановленія проекта о наслѣдованіи супруговъ. По ст. 28-й, переживающій супругъ наслѣдодателя получаетъ: 1) четвертую часть всего наслѣдства, когда наслѣдуетъ вмѣстѣ съ родственниками перваго разряда; 2) половину наслѣдства, когда наслѣдуетъ вмѣстѣ съ родственниками второго или третьяго разрядовъ (т.-е. съ отцомъ и матерью, братьями и сестрами, дѣдомъ и бабкой, дядьями и тетками наслѣдодателя) и 3) все наслѣдство, когда послѣ наслѣдодателя не осталось родственниковъ первыхъ трехъ разрядовъ. По ст. 29-й, пережившій супругъ, при наслѣдованіи совмѣстно съ родственниками второго или третьяго разрядовъ, получаетъ, сверхъ половины наслѣдства, всю относящуюся къ домашнему обиходу движимость. Такое расширеніе наслѣдственныхъ правъ пережившаго супруга кажется намъ вполнѣ правильнымъ: есть полное основаніе предполагать, что, при отсутствіи нисходящихъ, переходъ значительной части наслѣдства къ пережившему супругу согласенъ съ волей супруга, умершаго безъ завѣщанія. Совершенно справедливо, по той же причинѣ, и предоставленіе пережившему супругу всего наслѣдства, разъ что послѣ умершаго остались только дальніе родственники (не ближе прадѣда, прабабки и ихъ нисходящихъ). Не вполнѣ удовлетворительнымъ кажется намъ только постановленіе

[1]) Потомокъ прапрадѣда, стоящій въ генеалогическомъ деревѣ на одной высотѣ съ наслѣдодателемъ—родственникъ послѣдняго въ восьмой степени, а наиболѣе вѣроятные, какъ объяснено выше, наслѣдники—въ девятой или десятой степени.

проекта (ст. 32), по которому супруги, бракъ которыхъ расторгнутъ или признанъ недѣйствительнымъ, не наслѣдуютъ другъ послѣ друга. Съ одной стороны, это постановленіе излишне, такъ какъ лица, бракъ которыхъ расторгнутъ или признанъ недѣйствительнымъ, больше не супруги, и слѣдовательно о наслѣдованіи ихъ въ этомъ качествѣ не можетъ быть и рѣчи; съ другой стороны, оно не полно, такъ какъ не предусматриваетъ случаевъ разлученія (раздѣльнаго жительства) супруговъ (допускаемаго проектомъ: см. въ книгѣ второй, семейственное право, ст. 141 и сл.). Если смерть одного изъ супруговъ воспослѣдовала во время ихъ разлученія, то едва ли справедливо предоставлять другому какое бы то ни было право наслѣдованія въ имуществѣ умершаго.

Возвращаясь къ разбору новаго уголовнаго уложенія [1]), остановимся, прежде всего, на постановленіяхъ, относящихся къ государственнымъ преступленіямъ. Въ проектѣ редакціонной коммиссіи они составляли три главы, озаглавленныя: 1) мятежъ, 2) измѣна и 3) оскорбленіе Величества и преступныя дѣянія противъ членовъ императорскаго Дома. Въ окончательномъ текстѣ уложенія двѣ изъ числа этихъ главъ (первая и послѣдняя) соединены въ одну (по порядку—третью): „о бунтѣ противъ верховной власти и о преступныхъ дѣяніяхъ противъ священной особы императора и членовъ императорскаго дома“, а вторая (по порядку—четвертая) озаглавлена: „о государственной измѣнѣ“. По своему содержанію эта часть новаго уложенія меньше другихъ расходится съ соотвѣтствующими постановленіями дѣйствующаго уложенія; между наказаніями, вообще весьма суровыми, выдающуюся роль играетъ смертная казнь, назначаемая какъ за посягательство на жизнь, здоровье, свободу или вообще неприкосновенность священной особы царствующаго императора, императрицы или наслѣдника престола, или на низверженіе царствующаго императора съ престола, или на лишеніе его власти верховной, или на ограниченіе правъ ея (ст. 99), такъ и за насильственное посягательство на измѣненіе въ Россіи или въ какой-либо ея части установленныхъ законами основными образа правленія или порядка престолонаслѣдія, или на отторженіе отъ Россіи какой-либо ея части (ст. 100). Есть, однако, и различія между обоими кодексами. Самое существенное изъ нихъ заключается въ томъ, что новое уложеніе и по отношенію къ государственнымъ преступленіямъ остается вѣрнымъ общему воззрѣнію своему на соучастіе, не распространяя это понятіе на такъ называемую прикосновенность къ преступленію. По дѣйствующему уложенію (ст. 243 и 249) одному и

[1]) См. „Внутр. Обозр.“, въ №№ 5, 6 и 7 „Вѣстника Европы“ за текущій годъ.

тому же наказанію (смертной казни) подлежатъ, въ случаѣ злоумышленія или преступнаго дѣйствія противъ особы или правъ императора, или бунта противъ верховной власти, какъ сообщники, пособники и подстрекатели, такъ и попустители, укрыватели и недоносители. Новое уложеніе, вообще признающее соучастниками только непосредственныхъ совершителей преступленія, подстрекателей и пособниковъ, разсматриваетъ попустительство какъ злоупотребленіе по службѣ, укрывательство и недонесеніе—какъ противодѣйствіе правосудію [1]). Сообразно съ этимъ, попустители, укрыватели и недоносители въ дѣлахъ о государственныхъ преступленіяхъ подлежатъ отвѣтственности не на основаніи правилъ, изложенныхъ въ третьей главѣ уложенія, а на основаніи постановленій, заключающихся въ главахъ 7-ой и 37-ой. Если государственное преступленіе принадлежитъ къ числу особенно тяжкихъ, то прикосновенность къ нему влечетъ за собою и болѣе тяжкую отвѣтственность. Такъ, напримѣръ, когда идетъ рѣчь о посягательствѣ, предусмотрѣнномъ статьею 99-ою, недоноситель подвергается, по ст. 163-ой, срочной каторгѣ, укрыватель, по ст. 166 и 168-ой—каторгѣ, на срокъ не свыше восьми лѣтъ, попуститель, по ст. 643-ей—каторгѣ срочной или на срокъ не свыше восьми лѣтъ (смотря по тому, совершилось ли посягательство или не совершилось.

Другое различіе, также весьма важное, касается пособниковъ. По общему правилу, выраженному въ ст. 51, наказаніе пособника, помощь котораго была несущественна, смягчается на основаніяхъ, ст. 53-ею установленныхъ (т.-е. смертная казнь замѣняется каторгой безъ срока или на срокъ отъ десяти до пятнадцати лѣтъ). Изъ этого правила не сдѣлано никакого изъятія по отношенію къ государственнымъ преступленіямъ; слѣдовательно, не-необходимые пособники этихъ преступленій не подлежатъ смертной казни. Третье различіе касается приготовленія къ государственному преступленію. По ст. 242-ой дѣйствующаго уложенія приготовленіемъ, влекущимъ за собою смертную казнь, считается, между прочимъ, словесное или письменное изъявленіе мыслей и предположеній, касающихся посягательства противъ особы императора. Ничего подобнаго новое уложеніе не устанавляетъ; общее опредѣленіе, которое оно, въ ст. 50-ой, даетъ приготовленію (пріобрѣтеніе или приспособленіе средства для приведенія въ исполненіе умышленнаго преступнаго дѣянія почитается приготовленіемъ"), примѣнимо, за отсутствіемъ спеціальныхъ правилъ, и къ государственнымъ преступленіямъ, не исключая самыхъ тяжкихъ.

[1]) По ст. 170-ой недоноситель и укрыватель не подлежитъ наказанію, если преступленіе совершено членомъ его семьи. Такъ какъ изъ этого общаго правила не сдѣлано никакихъ изъятій, то и слѣдуетъ считать его примѣнимымъ и къ государственнымъ преступленіямъ.

Простое выраженіе умысла и въ этой сферѣ, слѣдовательно, наказанію не подлежитъ. Смягчена, въ большинствѣ случаевъ, и наказуемость приготовленія; смертная казнь сохранена для приготовленія къ посягательствамъ, предусмотрѣннымъ ст. 99-ою, но за приготовленіе къ бунту назначается каторга срочная или на срокъ не свыше десяти лѣтъ (смотря по степени опасности приготовленія; болѣе наказуемо оно тогда, когда виновный имѣлъ въ своемъ распоряженіи средства для взрыва или складъ оружія). Изъ числа посягательствъ на членовъ императорскаго дома смертною казнью остаются обложенными лишь тѣ, которыя направлены противъ жизни. Всѣ эти отступленія отъ дѣйствующаго уложенія не только справедливы, но и цѣлесообразны. „Уравненіе умысла съ покушеніемъ и даже съ самымъ совершеніемъ“—читаемъ мы въ объясненіяхъ редакціонной коммиссіи (т. II, стр. 19),—„приравненіе тягчайшихъ злодѣяній къ преступленіямъ меньшей важности, лишаютъ виновныхъ повода ограничить свою дѣятельность учиненіемъ болѣе легкаго преступленія, лишаютъ основанія остановиться и не идти далѣе по пути, однажды избранному, даютъ сильное орудіе главнымъ закоренѣлымъ злоумышленникамъ, пользующимся, какъ указываютъ судебныя данныя, этимъ безразличіемъ закона для терроризаціи вновь вступившихъ въ заговоръ, въ особенности юныхъ сочленовъ, указаніемъ на то, что для нихъ нѣтъ возврата, что они во всякомъ случаѣ не избѣгнутъ смертной казни“.

Не совсѣмъ согласной съ общимъ строемъ третьей главы уложенія кажется намъ послѣдній отдѣлъ ст. 102-ой, относящейся къ преступнымъ сообществамъ. Въ первоначальномъ проектѣ редакціонной коммиссіи этой статьѣ соотвѣтствовала ст. 62-ая, конецъ которой былъ изложенъ такъ: „виновный въ подговорѣ кого-либо составить сообщество для учиненія мятежа или принять участіе въ такомъ сообществѣ наказывается поселеніемъ“. Въ проектѣ, измѣненномъ министромъ юстиціи по соглашенію съ предсѣдателемъ редакціонной коммиссіи (ст. 86), передъ опредѣленіемъ наказанія (того же самаго) были вставлены слова: „буде онъ не подлежитъ наказанію какъ сообщникъ“. Въ окончательной редакціи уложенія мы читаетъ слѣдующее: „виновный въ подговорѣ составить сообщество для учиненія тяжкаго преступленія, ст. 99 или 100 предусмотрѣннаго, или принять участіе въ такомъ сообществѣ, *если послѣднее не составилось*, наказывается: въ отношеніи сообщества для учиненія тяжкаго преступленія, ст. 100 предусмотрѣннаго—ссылкою на поселеніе; въ отношеніи сообщества для учиненія тяжкаго преступленія, статьею 99-ой предусмотрѣннаго—каторгою на срокъ не свыше восьми лѣтъ“. Перемѣна заключается здѣсь не только въ эвентуальномъ усиленіи наказанія, но и въ самомъ

опредѣленіи преступнаго дѣянія. По смыслу ст. 51-ой новаго уложенія подстрекательство наказуемо только тогда, когда преступное дѣяніе, служившее его предметомъ, дѣйствительно *учинено*. Въ текстѣ проекта, какъ первоначальнаго, такъ и измѣненнаго, не было ничего несовмѣстнаго съ этимъ общимъ правиломъ: предполагалось, очевидно, что подговоръ возъимѣлъ дѣйствіе, и подговорщикъ, поэтому, подлежитъ наказанію. Не то мы видимъ въ ст. 102-й уложенія: сообщество не состоялось, преступное дѣяніе не учинено, подговоръ остался безъ всякихъ послѣдствій—а между тѣмъ подговорщикъ подвергается наказанію. Наказуемымъ здѣсь является, слѣдовательно, *злой умыселъ*, вопреки общему началу, принятому составителями уложенія.

Едва ли послѣдовательна и другая перемѣна, внесенная въ текстъ уложенія послѣ того какъ оно вышло изъ рукъ редакціонной коммиссіи. Въ проектѣ, какъ первоначальномъ, такъ и измѣненномъ, строго различалось посягательство на особу императора, императрицы и наслѣдника престола (ст. 59 первоначальнаго проекта, ст. 83—измѣненнаго), отъ посягательства на образъ правленія, порядокъ престолонаслѣдія, права самодержавной власти и цѣлость имперіи (ст. 60 первоначальнаго проекта, ст. 84—измѣненнаго). Въ самомъ уложеніи посягательство на ограниченіе верховной власти перенесено въ статью (99-ую), предусматривающую посягательство на особу императора, между тѣмъ какъ оно ничѣмъ, въ сущности, не отличается отъ посягательства на образъ правленія, предусмотрѣннаго статьею 100-ою. Правда, наказаніе и тамъ, и тутъ одно и то же (смертная казнь): но только въ ст. 100-ой установлено его смягченіе, если посягательство обнаружено въ самомъ началѣ и не вызвало особыхъ мѣръ къ его подавленію, да и приготовленіе, недонесеніе, укрывательство, попустительство въ случаяхъ, подходящихъ подъ дѣйствіе ст. 100-ой, карается менѣе строго, чѣмъ въ случаяхъ, подходящихъ подъ дѣйствіе ст. 99-ой.

Глава четвертая новаго уложенія, посвященная государственной измѣнѣ, отличается, въ сравненіи съ дѣйствующимъ законодательствомъ, значительнымъ смягченіемъ наказаній. Государственная измѣна, въ смыслѣ содѣйствія непріятелю въ его военныхъ или другихъ враждебныхъ противъ Россіи дѣйствіяхъ, влечетъ за собою, по уложенію о наказаніяхъ, смертную казнь. Новое уложеніе грозитъ смертною казнью только за особо поименованные, важнѣйшіе случаи измѣны; въ первоначальномъ проектѣ (ст. 63) ихъ было указано пять, въ окончательной редакціи (ст. 108) прибавленъ еще шестой. Обыкновенное наказаніе за измѣну—срочная каторга, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, увеличивающихъ вину—безсрочная. Замѣнена каторгою смертная казнь и въ случаѣ вступленія русскаго подданнаго въ завѣдомо

непріятельское войско (ст. 109), и въ случаѣ возбужденія иностраннаго правительства къ военнымъ или инымъ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи (ст. 110). Точнѣе опредѣлены нѣкоторые другіе виды измѣны и вновь предусмотрѣны весьма важныя ея формы, ускользавшія до сихъ поръ отъ заслуженной кары. Ст. 114-ая грозитъ исправительнымъ домомъ тому, кто, исполняя договоръ или порученіе правительства о заготовленіи средствъ нападенія или защиты, или завѣдуя ихъ заготовленіемъ, завѣдомо допуститъ ихъ негодность и въ такомъ видѣ предъявитъ ихъ къ пріему [1]). Ст. 115-я назначаетъ аналогичное наказаніе за поставку завѣдомо вредныхъ или негодныхъ къ употребленію предметовъ довольствія для дѣйствующей арміи (или флота) или военныхъ (или морскихъ) госпиталей. Наравнѣ съ заготовляющимъ или сдающимъ отвѣчаетъ въ обоихъ случаяхъ тотъ, кто завѣдомо принимаетъ негодные предметы. Чтобы убѣдиться въ цѣлесообразности этихъ постановленій, стоитъ только припомнить вопіющія злоупотребленія, совершавшіяся при снабженіи нашихъ войскъ всѣмъ для нихъ необходимымъ, во время обѣихъ послѣднихъ восточныхъ войнъ... Замѣтимъ, въ заключеніе, что изъ числа наказаній за государственныя преступленія новое уложеніе совершенно исключаетъ конфискацію, до сихъ поръ удержавшуюся въ текстѣ дѣйствующаго уложенія (ст. 255), хотя давно уже не примѣнявшуюся на самомъ дѣлѣ.

Глава пятая новаго уложенія, озаглавленная: „о смутѣ", обнимаетъ собою какъ нѣкоторыя изъ преступленій, въ дѣйствующемъ уложеніи именуемыхъ преступленіями противъ порядка управленія (напр. возстаніе противъ власти, противозаконныя сообщества), такъ и преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя въ другихъ отдѣлахъ (напр. возбужденіе къ неповиновенію верховной власти, дѣйствующимъ уложеніемъ относимое къ разряду государственныхъ преступленій). Признакомъ, объединяющимъ всѣ разновидности смуты, редакціонная коммиссія признаетъ *непосредственное* нарушеніе государственнаго спокойствія или государственной безопасности. Тѣ дѣянія, которыя нарушаютъ государственное спокойствіе лишь *посредственно*, создавая препятствія для правительственной дѣятельности вообще или въ ея отдѣльныхъ отрасляхъ, отнесены въ слѣдующія главы: шестую (о неповиновеніи власти) и седьмую (о противодѣйствіи правосудію). Провести намѣченную такимъ образомъ демаркаціонную черту было нелегко: слишкомъ близко соприкасаются между собою нѣкоторыя преступныя дѣянія, искусственно пріуроченныя къ различнымъ главамъ— напр. сопротивленіе, оказываемое скопищемъ (гл. 5, ст. 122 пун. 2),

[1]) Наказаніе повышается до срочной каторги, если негодные предметы были сданы при помощи особыхъ приспособленій или стачки съ пріемщикомъ.

и сопротивленіе, оказываемое нѣсколькими лицами (гл. 6, ст. 142 ч. 2), одинаково *непосредственно* нарушающія спокойствіе и безопасность. Это, впрочемъ, недостатокъ чисто внѣшній, не имѣющій существеннаго значенія. Обращаясь къ содержанію главы пятой и останавливаясь прежде всего на тѣхъ ея статьяхъ, которыя касаются разнаго рода *скопищъ*, мы считаемъ особенно важнымъ постановленіе ст. 121-ой, предусматривающей участіе въ такихъ публичныхъ скопищахъ, которыя имѣютъ цѣлью выразить неуваженіе верховной власти или порицаніе установленныхъ законами основными образа правленія или порядка наслѣдія престола, или заявить сочувствіе бунту, или измѣнѣ, или лицу, учинившему бунтовщическое или измѣнническое дѣяніе, или ученію, стремящемуся къ насильственному разрушенію существующаго въ государствѣ общественнаго строя. До сихъ поръ къ участникамъ подобныхъ скопищъ примѣнялась обыкновенно ст. 252-ая уложенія о наказаніяхъ, назначающая наказаніе за произнесеніе публично рѣчей, въ коихъ, хотя и безъ прямого и явнаго возбужденія къ возстанію противъ верховной власти, усиливаются оспаривать или подвергать сомнѣнію неприкосновенность правъ ея, или дерзостно порицать установленный государственными законами образъ правленія или порядокъ наслѣдія престола. Такое явно распространительное толкованіе закона, объясняемое, но не оправдываемое отсутствіемъ спеціальныхъ, ad hoc изданныхъ правилъ, представляется особенно прискорбнымъ, въ виду тяжкаго наказанія, назначаемаго ст. 252-ою (каторжная работа на время отъ 4 до 6 лѣтъ). Новое уложеніе грозитъ участникамъ скопища, упомянутаго выше, заключеніемъ въ крѣпости на срокъ не свыше трехъ лѣтъ или заключеніемъ въ тюрьмѣ, а устроителю или руководителю скопища—заключеніемъ въ крѣпости [1]) или заключеніемъ въ тюрьмѣ на срокъ не ниже шести мѣсяцевъ. Болѣе строгое наказаніе (ссылка на поселеніе или заключеніе въ исправительномъ домѣ) опредѣлено для тѣхъ участниковъ скопища, которые не оставили его послѣ требованія разойтись, предъявленнаго въ присутствіи вооруженной силы. Не совсѣмъ понятно, почему въ послѣднемъ случаѣ допущено заключеніе въ исправительномъ домѣ. По общему правилу, принятому составителями уложенія, преступленія политическаго характера (если они не принадлежатъ ни къ числу самыхъ тяжкихъ, влекущихъ за собою смертную казнь или каторгу, ни къ числу наиболѣе легкихъ, за которыя назначается тюрьма или арестъ) караются ссылкой на поселеніе или заключеніемъ въ крѣпо-

[1]) Припомнимъ, что по новому уложенію опредѣленіе рода наказанія, безъ означенія максимальной его мѣры, даетъ суду право (при непризнаніи снисхожденія) довести наказаніе до высшаго предѣла, допускаемаго закономъ. Для заключенія въ крѣпости этотъ предѣлъ—шесть лѣтъ.

сти, но отнюдь не исправительнымъ домомъ. Свойство скопища, о которомъ теперь идетъ рѣчь, не измѣняется, конечно, и послѣ прибытія вооруженной силы; не должно было, поэтому, измѣняться и свойство наказанія. Что введеніе въ послѣднюю часть ст. 121-ой заключенія въ исправительномъ домѣ нарушаетъ систему, проводимую уложеніемъ—это покажетъ слѣдующій примѣръ. Положимъ, что изъ двухъ осуждаемыхъ на основаніи вышеприведеннаго закона одинъ признается подлежащимъ болѣе тяжкой отвѣтственности, другой—менѣе тяжкой, но первому дается снисхожденіе. Исходной точкой для наказанія, опредѣляемаго первому, принимается ссылка на поселеніе, замѣняемая, за силою ст. 53-ей, заключеніемъ въ крѣпости; наказаніемъ второму служитъ заключеніе въ исправительномъ домѣ. Если и допустить, что срокъ заключенія будетъ назначенъ второму болѣе короткій, чѣмъ первому, то участь болѣе виновнаго все-таки окажется, de facto, болѣе легкой, чѣмъ участь менѣе виновнаго: громадное большинство предпочитаетъ провести два-три года въ крѣпости, чѣмъ годъ—въ исправительномъ домѣ, вмѣстѣ съ осужденными за преступленія противъ собственности и другія позорящія дѣянія. Въ обоихъ проектахъ, первоначальномъ (ст. 81) и измѣненномъ (ст. 105), наказаніе, въ данномъ случаѣ, назначалось только одно—поселеніе, отъ котораго возможенъ переходъ только къ заключенію въ крѣпости. Позднѣйшая вставка отнюдь, поэтому, не можетъ считаться перемѣной къ лучшему.

Кромѣ скопищъ, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, глава пятая уложенія предусматриваетъ съ одной стороны скопища менѣе преступныя, не стремившіяся прямо къ какой-либо противозаконной цѣли и не совершившія противозаконныхъ дѣйствій, но не исполнившія требованія разойтись (ст. 120; наказаніе, смотря по степени упорства участниковъ, арестъ или тюрьма), съ другой стороны—скопища болѣе преступныя, учинившія насиліе, сопротивленіе или принужденіе (ст. 122 и 123; наказаніе—исправительный домъ, а при особой опасности преслѣдуемыхъ цѣлей или употребленныхъ средствъ—срочная каторга). Намъ кажется, что участниковъ скопища, допустившаго, безъ отягчающихъ обстоятельствъ, только сопротивленіе власти (ст. 122 пун. 2 и ст. 145 ч. 1) правильнѣе было бы признать подлежащими *либо* заключенію въ исправительномъ домѣ, *либо* заключенію въ крѣпости, въ зависимости отъ свойства мотивовъ, вызвавшихъ сопротивленіе, и цѣлей, которыхъ имъ предполагалось достигнуть. Такая свобода въ выборѣ наказанія предоставлена суду, напримѣръ, ст. 125-ою уложенія, имѣющею въ виду сообщества, цѣлью дѣятельности которыхъ является возбужденіе къ неповиновенію или противодѣйствію закону, или возбужденіе вражды между сословіями

или классами, или возбужденіе рабочихъ къ устройству или продолженію стачки.

Отъ непослѣдовательности въ родѣ той, которую мы замѣтили въ послѣдней части ст. 121-ой, несвободны также ст. 129-ая и 130-ая. Первая изъ нихъ имѣетъ въ виду произнесеніе или чтеніе публично рѣчи или сочиненія, или распространеніе или публичное выставленіе сочиненія или изображенія, возбуждающихъ: 1) къ учиненію бунтовщическаго или измѣнническаго дѣянія, 2) къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ общественнаго строя, 3) къ неповиновенію или противодѣйствію закону, или обязательному постановленію, или законному распоряженію власти; 4) къ учиненію тяжкаго, кромѣ указанныхъ выше, преступленія. Наказаніе, въ случаяхъ первомъ и второмъ—ссылка на поселеніе, въ случаяхъ третьемъ и четвертомъ—заключеніе въ исправительномъ домѣ на срокъ не свыше трехъ лѣтъ. Тѣ же самые случаи и тѣ же самыя наказанія мы встрѣчаемъ и въ ст. 130-ой, относящейся къ распространенію *непубличному*, но при условіяхъ особенно опасныхъ (напр. среди войска, рабочихъ или сельскаго населенія). Какъ уже было сказано выше, въ системѣ новаго уложенія ссылка на поселеніе, замѣняемая при снисхожденіи, заключеніемъ въ крѣпости, является наказаніемъ, спеціально предназначеннымъ для преступленій политическаго характера и вообще непозорящаго свойства. Политическій характеръ могутъ имѣть, безспорно, и дѣянія, предусмотрѣнныя въ пун. 3 и 4 ст. 129 и 130, наравнѣ съ предусмотрѣнными въ пун. 1-мъ и 2-мъ; почему же суду не предоставлено, по отношенію къ нимъ, право выбора между крѣпостью и исправительнымъ домомъ? Здѣсь возможна та же аномалія, на которую мы указали, говоря о ст. 121-ой: виновный въ болѣе тяжкомъ преступленіи можетъ быть присужденъ (при снисхожденіи) къ заключенію въ крѣпости, а виновный въ аналогичномъ, менѣе тяжкомъ преступленіи—къ заключенію въ исправительномъ домѣ. Свободный выборъ между обоими наказаніями былъ бы здѣсь столь же умѣстенъ, какъ и въ случаяхъ, подходящихъ подъ дѣйствіе ст. 125-ой. Скажемъ болѣе: рядомъ съ крѣпостью и исправительнымъ домомъ слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ въ пун. 3 ст. 129 и 130, поставить тюрьму, такъ какъ до крайности различна можетъ быть важность закона, обязательнаго постановленія или административнаго распоряженія, къ неповиновенію которымъ направлено возбужденіе. Правда, отъ исправительнаго дома можно перейти къ тюрьмѣ, но только въ случаѣ признанія подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія; между тѣмъ, самое преступленіе можетъ быть настолько маловажнымъ, что и при отсутствіи обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, заключеніе въ исправи-

тельномъ домѣ являлось бы для него карой черезчуръ суровой? [1]). Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что дѣйствіе ст. 129-ой распространяется и на проступки печати, которые когда-нибудь должны же перейти изъ вѣдѣнія администраціи въ вѣдѣніе суда.

По ст. 132-ой виновный въ составленіи, размноженіи, храненіи или провозѣ изъ-за границы сочиненія или изображенія, статьями 128 и 129 указанныхъ [2]), съ цѣлью ихъ распространенія или публичнаго выставленія, если такое распространеніе или выставленіе *не послѣдовало*, наказывается заключеніемъ въ крѣпости на срокъ не свыше трехъ лѣтъ. То же самое наказаніе, при тѣхъ же условіяхъ, опредѣлено ст. 104-ою за составленіе, размноженіе, храненіе или провозъ изъ-за границы сочиненій или изображеній, заключающихъ въ себѣ оскорбленіе или угрозу особѣ царствующаго императора, императрицы или наслѣдника престола. Между тѣмъ, *распространеніе* сочиненій и изображеній, предусмотрѣнныхъ ст. 104-ою, карается, на основаніи ст. 103-ей, гораздо строже (каторгою на срокъ не свыше восьми лѣтъ), чѣмъ распространеніе сочиненій и изображеній, предусмотрѣнныхъ ст. 128-ою и 129-ою. Отсюда ясно, что всѣ дѣйствія, предшествующія распространенію послѣднихъ (составленіе, размноженіе, провозъ, храненіе), слѣдовало бы обложить наказаніемъ меньшимъ, чѣмъ опредѣленное ст. 104-ою: крайнимъ его предѣломъ могло бы служить, напримѣръ, заключеніе въ крѣпости на срокъ не свыше одного года. Содержаніе ст. 103 и 132 возбуждаетъ еще другія, болѣе важныя сомнѣнія, возникавшія уже въ средѣ редакціонной коммиссіи, Можно ли признавать наказуемыми такія дѣйствія, въ которыхъ нѣтъ даже признаковъ приготовленія къ преступленію? Кто размножаетъ сочиненіе, кто провозитъ изъ-за границы болѣе или менѣе значительное число его экземпляровъ, тотъ даетъ поводъ думать, что цѣль его — распространеніе сочиненія, и достаточно немногихъ данныхъ, чтобы возвести это предположеніе на степень доказаннаго факта; но какъ удостовѣрить наличность такой цѣли, если рѣчь идетъ о составленіи сочиненія или, тѣмъ болѣе, о храненіи или провозѣ его въ одномъ экземплярѣ? Не слѣдуетъ ли опасаться, что, за отсутствіемъ другихъ доказательствъ, достаточной уликой противъ обвиняемаго будетъ считаться самый фактъ состав-

---

[1]) Это замѣчаніе примѣнимо и къ ст. 125-ой, касающейся преступныхъ сообществъ.

[2]) По ст. 128-ой виновный въ оказаніи дерзостнаго неуваженія верховной власти или въ порицаніи установленныхъ законами основными образа правленія или порядка наслѣдія престола, произнесеніемъ или чтеніемъ, публично, рѣчи или сочиненія или распространеніемъ или публичнымъ выставленіемъ сочиненія или изображенія, наказывается ссылкою на поселеніе. Содержаніе ст. 129-ой изложено нами выше.

ленія, храненія или провоза, разъ что ему не дано удовлетворительнаго объясненія? Не сведется ли примѣненіе ст. 104-ой и 132-ой къ наказуемости умысла, еще не перешедшаго въ приготовленіе? Одинъ изъ членовъ редакціонной коммиссіи (И. Я. Фойницкій) предложилъ, въ измѣненіе текста, составленнаго большинствомъ, признать наказуемымъ „размноженіе, провозъ изъ-за границы, храненіе или передачу на храненіе въ мѣстахъ, предназначенныхъ или служащихъ для сбыта или оглашенія неопредѣленному числу людей“ и уменьшить наказаніе до заточенія на срокъ не свыше одного года [1]. Находя, что эта редакція имѣетъ несомнѣнное преимущество передъ принятою въ уложеніи, мы думаемъ, что для наказуемости храненія и провоза изъ-за границы необходимъ былъ бы еще одинъ добавочный признакъ: болѣе или менѣе значительное количество хранимыхъ или провозимыхъ экземпляровъ.

[1]) См. „Объясненія къ проекту редакціонной коммиссіи“ т. II, стр. 121—122 и 216. Въ первоначальномъ проектѣ статьямъ 104 и 132 соотвѣтствуютъ статьи 76 и 91.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1903.

Правительственныя сообщенія о македонскомъ вопросѣ.—Турція и великія державы, съ точки зрѣнія англійскихъ филантроповъ.—Письмо британскаго премьера.—Перемѣны въ международныхъ отношеніяхъ и комбинаціяхъ.—Третейскій судъ во внѣшней политикѣ.—Манчжурскій вопросъ.—Новый франко-русскій журналъ въ Швейцаріи.

Какъ видно изъ „Правительственнаго Вѣстника" (отъ 22 сентября и 15 октября), статсъ-секретарь графъ Ламздорфъ и графъ Голуховскій отправили 20 сентября россійскому и австро-венгерскому посламъ въ Константинополѣ нижеслѣдующую тождественную телеграмму:

„Въ послѣднее время вы были уполномочены сдѣлать заявленіе, что Россія и Австро-Венгрія неуклонно продолжаютъ предпринятое ими дѣло умиротворенія, придерживаясь выработанной въ началѣ года программы, несмотря на возникшія затрудненія къ ея осуществленію.

„Дѣйствительно, въ то время какъ, съ одной стороны, революціонные комитеты возбуждали безпорядки и препятствовали христіанскому населенію трехъ вилайетовъ оказать содѣйствіе къ выполненію реформъ, съ другой—органы Блистательной Порты, на коихъ возложено было примѣненіе таковыхъ, вообще не проявляли въ данномъ случаѣ желательнаго усердія и не прониклись истинными цѣлями, положенными въ основу этихъ мѣропріятій.

„Дабы явить доказательство ихъ твердой рѣшимости настоять на полномъ осуществленіи помянутыхъ реформъ, принятыхъ Портою и имѣющихъ цѣлью обезпечить общую безопасность, оба правительства условились относительно болѣе дѣйствительныхъ способовъ контроля и надзора. Вы безъ замедленія получите точныя указанія по сему предмету.

„Если съ одной стороны оба правительства вполнѣ признаютъ право и обязанность Блистательной Порты подавлять безпорядки, вызванные злоумышленною агитаціею комитетовъ, то съ другой—они не могутъ не сожалѣть, что это подавленіе сопровождалось насиліями и жестокостями, отъ которыхъ страдало мирное населеніе. Въ виду сего они считаютъ настоятельно необходимымъ придти на помощь жертвамъ этихъ прискорбныхъ событій, и вышеупомянутыя инструкціи вамъ укажутъ въ подробностяхъ на способы помочь лишеннымъ всякихъ средствъ къ существованію жителямъ, облегчить возвращеніе ихъ на мѣста и озаботиться возстановленіемъ сожженныхъ селеній, церквей и школъ.

„Правительства Россіи и Австро-Венгріи питаютъ твердую надежду, что ихъ непрестанныя усилія достигнутъ намѣченной цѣли прочнаго умиротворенія въ потерпѣвшихъ отъ смутъ областяхъ, и убѣж-

дены, что ихъ вполнѣ безпристрастные совѣты будутъ приняты всѣми, кого они касаются".

Предположенныя „точныя указанія", выработанныя затѣмъ обоими министрами иностранныхъ дѣлъ, получили форму нижеслѣдующей тождественной инструкціи, согласно которой представителями Россіи и Австро-Венгріи въ Константинополѣ сдѣлано было Портѣ 9-го октября соотвѣтствующее представленіе.

„1. Для установленія контроля надъ дѣятельностью мѣстныхъ турецкихъ властей по приведенію въ исполненіе реформъ назначить при Хильми-пашѣ особыхъ гражданскихъ агентовъ отъ Россіи и Австро-Венгріи, которые будутъ обязаны всюду сопровождать главнаго инспектора, обращать его вниманіе на нужды христіанскаго населенія, указывать на злоупотребленія мѣстныхъ властей, передавать ему соотвѣтствующія представленія пословъ въ Константинополѣ и доносить своимъ правительствамъ обо всемъ происходящемъ въ странѣ.

„Въ помощь этимъ агентамъ могли бы быть назначены секретари и драгоманы, которымъ будетъ поручено выполненіе ихъ приказаній и дано разрѣшеніе объѣзжать округа для опроса жителей христіанскихъ селеній, наблюденія за дѣятельностью мѣстныхъ властей и т. д.

„Въ виду того, что задача гражданскихъ агентовъ будетъ состоять въ наблюденіи за введеніемъ реформъ и умиротвореніемъ населенія, ихъ полномочія прекратятся черезъ два года послѣ назначенія.

„Высокая Порта должна предписать мѣстнымъ властямъ всячески облегчать этимъ агентамъ выполненіе порученной имъ задачи.

„2. Такъ какъ реорганизація турецкой жандармеріи и полиціи является одною изъ наиболѣе существенныхъ мѣръ къ умиротворенію края, то необходимо немедленно же потребовать отъ Порты приведенія въ исполненіе этой реформы.

„Принимая, однако, во вниманіе, что приглашенные уже для этой цѣли нѣсколько шведскихъ и другихъ иностранныхъ офицеровъ, вслѣдствіе незнанія языка и мѣстныхъ условій, не могли принести соотвѣтственной пользы, то въ первоначальномъ проектѣ желательно сдѣлать нѣкоторыя измѣненія и дополненія:

„а) задача реорганизаціи жандармеріи въ трехъ вилайетахъ будетъ возложена на генерала иностранной національности на службѣ императорскаго оттоманскаго правительства, къ которому могли бы быть прикомандированы военные чины великихъ державъ; имъ будутъ поручены отдѣльные районы, на пространствѣ коихъ они будутъ дѣйствовать какъ контролеры, инструкторы и организаторы. Такимъ образомъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ въ состояніи будутъ наблюдать за образомъ дѣйствій войскъ по отношенію къ населенію;

„б) эти офицеры могутъ, если это имъ представится необходимымъ, просить о прикомандированіи къ нимъ нѣкотораго числа иностранныхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ.

„3. Какъ только обнаружено будетъ умиротвореніе страны, тотчасъ же потребовать отъ турецкаго правительства измѣненія территоріальнаго разграниченія административныхъ единицъ въ видахъ болѣе правильной группировки отдѣльныхъ народностей.

„4. Одновременно предъявить требованіе о преобразованіи административныхъ и судебныхъ учрежденій, въ каковыя желательно было бы открыть доступъ мѣстнымъ христіанамъ, содѣйствуя при этомъ развитію мѣстнаго самоуправленія.

„5. Немедленно учредить въ главныхъ центрахъ вилайетовъ смѣшанныя коммиссіи, образованныя изъ христіанскихъ и мусульманскихъ делегатовъ въ равномъ числѣ для разбора дѣлъ по политическимъ и инымъ преступленіямъ, совершеннымъ во время смутъ.

„Въ коммиссіяхъ этихъ должны участвовать консульскіе представители Россіи и Австро-Венгріи.

„6. Потребовать отъ турецкаго правительства ассигнованія особыхъ суммъ:

„а) для водворенія на мѣста ихъ прежняго жительства христіанскихъ семействъ, укрывшихся въ Болгаріи и въ другихъ мѣстностяхъ;

„б) на выдачу пособій христіанамъ, лишившимся крова и имущества;

„в) на возстановленіе жилищъ, храмовъ и школъ, разрушенныхъ турками во время возстанія.

„Коммиссіи, въ коихъ будутъ засѣдать видные представители христіанскаго населенія, будутъ завѣдывать распредѣленіемъ этихъ суммъ. Консулы Россіи и Австро-Венгріи будутъ наблюдать за ихъ расходованіемъ.

„7. Въ христіанскихъ селеніяхъ, выжженныхъ турецкими войсками и башибузуками, водворенные жители освобождаются въ теченіе года отъ уплаты всякихъ налоговъ.

„8. Оттоманское правительство возобновитъ обязательство безъ малѣйшаго замедленія ввести всѣ реформы, помянутыя въ проектѣ, выработанномъ въ февралѣ нынѣшняго года, такъ равно и тѣ, на настоятельность коихъ будетъ указано впослѣдствіи.

„9. Такъ какъ бо̀льшая часть насилій и жестокостей была совершаема илавэ (редифами второго разряда) и башибузуками, то настоятельно необходимо, чтобы первые были распущены и чтобы безусловно не было допускаемо образованіе шаекъ башибузуковъ".

Для того, чтобы эта дополненная и исправленная дипломатическая программа могла разсчитывать на практическое примѣненіе, необходимо согласіе и активное участіе самой Турціи, которая до сихъ поръ вообще не обнаруживала готовности подвергать себя иноземному контролю. А для успѣшнаго нравственнаго воздѣйствія на Порту въ данномъ направленіи было бы весьма важно полное единодушіе великихъ державъ относительно желательныхъ способовъ умиротворенія Балканскаго полуострова. Такое единодушіе, безъ сомнѣнія, существуетъ, насколько можно судить по формальнымъ заявленіямъ кабинетовъ. Австро-Венгрія и Россія дѣйствуютъ отъ имени всей Европы, и австро-русская программа турецкихъ реформъ оффиціально поддерживается Англіею, Франціею и Италіею, причемъ нѣтъ и рѣчи о скрытомъ принципіальномъ разладѣ, который въ былое время

служилъ главнымъ препятствіемъ цѣлесообразной совмѣстной политикѣ державъ на Востокѣ. Если замѣчаются разногласія въ настоящее время въ области балканскихъ дѣлъ, то скорѣе въ смыслѣ враждебномъ, чѣмъ благопріятномъ турецкому правительству; особенно рѣзко высказывается это настроеніе въ Англіи.

Англійская печать съ наибольшимъ вниманіемъ слѣдитъ за событіями, происходящими въ Македоніи и въ другихъ провинціяхъ европейской Турціи; англійскіе общественные дѣятели и журналисты не скрываютъ своихъ чувствъ по отношенію къ турецкой системѣ управленія. Въ концѣ сентября собрался въ Лондонѣ многолюдный митингъ, подъ предсѣдательствомъ епископа ворчестерскаго, для обсужденія македонскаго вопроса; въ числѣ ораторовъ были членъ парламента Брайсъ, сэръ Фрей, лордъ Стэнморъ и пасторъ Кемпбелль. Собраніемъ принята была резолюція, въ которой заявляется, что непосредственная власть султана должна прекратиться въ Македоніи; что дѣйствія Великобританіи въ 1878 году и ея обязательства по берлинскому трактату возлагаютъ на нее настоятельный долгъ убѣждать другія державы въ преимуществахъ такой политики; и что слѣдуетъ организовать денежный фондъ для оказанія пособій македонскимъ бѣглецамъ. Въ общественномъ движеніи въ пользу македонцевъ участвуютъ главнымъ образомъ духовныя лица, во имя принциповъ христіанской религіи; лондонская „федерація свободной церкви“ устроила митингъ подобнаго рода, и видные англиканскіе епископы публично выражаютъ свои мнѣнія о туркахъ и туркофильской дипломатіи. Въ Манчестерѣ состоялось также народное собраніе для протеста противъ турокъ, по почину мѣстнаго лордъ-мэра. Епископъ гибралтарскій пишетъ, что македонская проблема представляетъ не болѣе трудностей, чѣмъ прежнія турецкія задачи, благополучно разрѣшенныя на островѣ Критѣ, въ Босніи и въ Восточной Румеліи. Архіепископъ кентерберійскій счелъ своею обязанностью сообщить главѣ британскаго правительства о „возростающей тревогѣ между служителями церкви въ виду непринятія мѣръ, могущихъ уменьшить страданія македонскаго населенія“. Первый министръ отвѣтилъ архіепископу пространнымъ письмомъ, которое было тотчасъ же оффиціально напечатано въ „Times“ и по англійскому обычаю подверглось свободной критикѣ въ той же газетѣ, равно какъ и въ другихъ изданіяхъ. Признавая вполнѣ естественнымъ негодованіе англичанъ по поводу бѣдствій турецкихъ христіанъ, м-ръ Артуръ Джемсъ Бальфуръ указываетъ на нѣкоторыя существенныя обстоятельства, слишкомъ часто забываемыя при оцѣнкѣ балканскихъ дѣлъ. Само христіанское населеніе Македоніи раздѣлено на враждебные между собою элементы, изъ которыхъ ни одинъ не можетъ претендовать на господство. „Приблизительно третья часть

населенія — магометане; изъ остальной массы жителей большинство состоитъ изъ болгаръ, подчиненныхъ въ религіозномъ отношеніи экзарху, и изъ грековъ, подвластныхъ патріарху. Всѣ страдаютъ отъ дурного турецкаго управленія; всѣ въ огромной степени выиграли бы отъ реформы. Но тогда какъ магометане приходятъ въ ужасъ отъ одной мысли о христіанскомъ владычествѣ, христіане-экзархисты жестоко преслѣдуютъ христіанъ-патріархистовъ, и греки скорѣе нашли бы покровительство для своей народности и религіи подъ властью султана, чѣмъ въ свободной борьбѣ съ болгарами при неограниченной мѣстной автономіи". Если еще къ этимъ внутреннимъ племеннымъ и религіознымъ распрямъ присоединить внѣшнее соперничество великихъ и малыхъ государствъ, заинтересованныхъ въ судьбѣ Македоніи, то станетъ очевиднымъ, что „Европѣ приходится здѣсь имѣть дѣло съ проблемою совершенно исключительною по характеру и по трудности". Лучшимъ способомъ дѣйствія въ этомъ случаѣ является, по мнѣнію Бальфура, „постоянная кооперація Австріи и Россіи, подкрѣпляемая помощью и совѣтами другихъ державъ, участвовавшихъ въ подписаніи берлинскаго трактата". Австрія и Россія уже „въ силу своего географическаго положенія обладаютъ ни съ чѣмъ несравнимымъ вліяніемъ на разнородные элементы Балканскаго полуострова; никакія другія націи не могутъ дѣйствовать тамъ столь успѣшно, и никакая другая нація или группа націй не могла бы тамъ ничего сдѣлать, еслибы Австрія и Россія относились къ дѣлу подозрительно или враждебно. Изъ этого слѣдуетъ,—говоритъ въ заключеніе Бальфуръ,—что мы должны теперь поддерживать обѣ державы ради улучшенія жизни Македоніи и для избѣжанія международныхъ замѣшательствъ. Конечно, за нами остается право предлагать извѣстныя поправки и измѣненія; мы это дѣлали и будемъ дѣлать и впредь, когда представится къ тому поводъ. Но было бы нелѣпо упускать изъ виду, что въ извѣстныхъ случаяхъ двѣ державы сильнѣе трехъ, для исполнительныхъ цѣлей, и что увеличеніе числа участниковъ сопровождалось бы соотвѣтственнымъ уменьшеніемъ сплоченности и единства дѣйствій".

Обсуждая интересное письмо британскаго премьера, газеты напоминаютъ, что Англія болѣе всего способствовала расширенію первоначальной австро-русской программы, и что сдержанность тона Бальфура достаточно объясняется и оправдывается обстоятельствами. Спеціальный корреспондентъ „Times"'а, недавно возвратившійся изъ Македоніи, опровергаетъ, между прочимъ, замѣчаніе министра о мусульманахъ, относящихся, будто бы, отрицательно къ дѣлу реформъ; напротивъ, по словамъ корреспондента, турки не менѣе христіанъ страдаютъ отъ неурядицъ и жаждутъ установленія прочнаго законнаго

порядка. „Христiане могутъ по крайней мѣрѣ искать защиты у консуловъ, а намъ некому жаловаться“,—говорятъ нерѣдко туземные обыватели-магометане. Въ Салоникахъ къ сотруднику „Times“ обращались по секрету разные представители турецкаго населенiя, въ томъ числѣ мусульманскiе землевладѣльцы, чиновники и даже муллы, съ цѣлью побудить иностранную печать вступиться и за мусульманскихъ жителей Турцiи, которые также нуждаются въ гарантiяхъ личной и общественной безопасности, въ избавленiи отъ административныхъ насилiй и произвола, хотя бы при помощи международнаго вмѣшательства. Безъ сомнѣнiя, хорошая и честная администрацiя столь же необходима для турокъ, какъ и для христiанъ, и цѣлесообразныя реформы въ мѣстномъ правительственномъ строѣ оказались бы благодѣтельными и для мусульманскаго населенiя; тѣмъ не менѣе мусульманскiй элементъ, связанный съ правительствомъ единствомъ религiи и расы, пользуется все-таки привилегированнымъ положенiемъ сравнительно съ христiанами и не можетъ смотрѣть на иноземное вмѣшательство иначе, какъ враждебно. Тѣ турецкiе обыватели, которые ждутъ помощи отъ иностранныхъ державъ и отъ международнаго контроля, составляютъ вѣроятно ничтожное исключенiе въ массѣ мусульманскихъ патрiотовъ и фанатиковъ, слѣпо подчиняющихся традицiямъ религiознаго и политическаго режима Турцiи. Однако, какъ удостовѣряетъ „Times“, мѣстная автономiя примирила бы мусульманъ съ новыми условiями быта, подъ ближайшимъ надзоромъ великихъ державъ, а въ ожиданiи этой будущей автономiи нужно желать успѣха предварительнымъ административнымъ улучшенiямъ и нововведенiямъ, намѣченнымъ въ австро-русской программѣ.

Въ послѣднее время много говорится въ иностранной печати о перемѣнахъ въ группировкѣ великихъ державъ и о новыхъ политическихъ комбинацiяхъ, призванныхъ нанести послѣднiй ударъ устарѣлому тройственному союзу. Италiя все болѣе сближается съ Францiею, и поѣздка короля Виктора-Эммануила III съ королевою Еленою въ Парижъ послужила поводомъ къ такимъ шумнымъ и искреннимъ народнымъ проявленiямъ франко-итальянскихъ симпатiй, какихъ не ожидали, повидимому, сами правители обѣихъ странъ. Въ Италiи происходили многочисленныя манифестацiи въ честь французовъ и Францiи; страною внезапно овладѣла жажда французской дружбы, и эти порывы имѣли такой горячiй, страстный характеръ, какъ будто въ нихъ выражалось раскаянiе за многiе годы холоднаго, недоброжелательнаго соперничества и недовѣрiя. Итальянцы начинаютъ ясно сознавать, что политика Бисмарка и Криспи, создавшая атмосферу

вражды между двумя сосѣдними народами латинской расы, совершенно не соотвѣтствовала реальнымъ интересамъ, потребностямъ и стремленіямъ Италіи и вовлекла ее въ ненужныя разорительныя обязательства, ради обезпеченія политическаго преобладанія Германіи и Австро-Венгріи. Союзъ съ германскою имперіею не только не доставилъ итальянцамъ никакихъ выгодъ, но имѣлъ пагубное вліяніе на весь ходъ новѣйшаго развитія Италіи, направивъ ея заботы на путь одностороннего внѣшняго могущества и милитаризма въ ущербъ насущнымъ нуждамъ населенія. Національное самолюбіе на первыхъ порахъ удовлетворялось ролью великой державы, вполнѣ равноправной съ двумя первенствующими имперіями центральной Европы; Италія съ каждымъ годомъ увеличивала свои расходы на армію и флотъ, подъ предлогомъ возможныхъ, будто бы, столкновеній съ Франціею, и въ то же время гордилась своею принадлежностью къ тройственному союзу, имѣвшему своею задачею сохраненіе общаго европейскаго мира. Эпоха отрезвленія наступила уже довольно давно, и стѣснительные союзы продолжали существовать только потому, что отреченіе отъ нихъ могло бы повредить установившимся дружественнымъ связямъ между тремя правительствами. Чувства итальянцевъ къ Австріи и австрійцамъ всегда оставались въ сущности непріязненными, и многіе спорные вопросы австрійской политики вызывали понятное раздраженіе въ Италіи; вѣнскій кабинетъ не давалъ хода мѣстному итальянскому патріотизму въ предѣлахъ австро-итальянскихъ земель и систематически отстранялъ также притязанія Италіи на самостоятельные политическіе интересы въ Албаніи и въ другихъ областяхъ Балканскаго полуострова. Вмѣстѣ съ тѣмъ Австро-Венгрія, какъ католическая держава, слишкомъ часто напоминала о своихъ старинныхъ близкихъ отношеніяхъ къ Ватикану, и во имя этихъ отношеній откровенно нарушала принципъ взаимности относительно Италіи; итальянскіе патріоты до сихъ поръ не могутъ забыть, что императоръ Францъ-Іосифъ не отдалъ визита покойному королю Гумберту въ Римѣ, изъ опасенія возбудить неудовольствіе папы, для котораго Римъ есть по прежнему собственность святѣйшаго престола, незаконно захваченная савойской династіею. Нежеланіе вѣнскаго двора признать Римъ столицею итальянскаго королевства наглядно показало Европѣ, что Австро-Венгрія не примирилась еще съ совершившимся національнымъ объединеніемъ Италіи и что союзъ обѣихъ державъ есть только искусственная кабинетная комбинація, лишенная надежной почвы. Тѣмъ не менѣе, тройственная „лига мира“ держится еще номинально, подъ заботливымъ руководствомъ Германіи; но и послѣдняя не обнаруживаетъ уже прежняго интереса къ излюбленному дипломатическому созданію князя Бисмарка. Союзъ, придуманный спеціально про-

тивъ Франціи и Россіи, утратилъ свой raison d'être, съ тѣхъ поръ какъ исчезъ или смягчился антагонизмъ между Германіею и Россіею, и установились прочныя мирныя отношенія между французами и нѣмцами; боязнь войны изъ-за Эльзасъ-Лотарингіи перестала волновать умы, и гарантіи европейскаго мира вышли уже изъ-подъ исключительной власти Берлина послѣ заключенія франко-русскаго союза.

Измѣнившееся международное положеніе въ Европѣ лучше всего характеризуется такими краснорѣчивыми фактами, какъ совмѣстныя дѣйствія Россіи и Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ, дружественныя франко-итальянскія манифестаціи, оффиціальныя напоминанія о прошлыхъ совмѣстныхъ войнахъ для освобожденія Италіи, свиданія императоровъ въ Шенбруннѣ и въ Висбаденѣ. Правители великихъ державъ остаются какъ бы внѣ традиціонныхъ союзовъ, сближаются и расходятся свободно, безъ всякой связи съ старыми политическими комбинаціями, и даже какъ будто въ ущербъ этимъ комбинаціямъ, которыя фактически приходятъ постепенно въ забвеніе. Публика мало-по-малу привыкаетъ къ мысли, что миръ и безопасность Европы основываются вовсе не на союзахъ тройственномъ или двойственномъ, не на секретныхъ охранительныхъ трактатахъ, а на общихъ интересахъ спокойнаго культурно-политическаго развитія, интересахъ, одинаково близкихъ всѣмъ европейскимъ народамъ и государствамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, идея третейскаго суда въ международныхъ спорахъ пріобрѣтаетъ значеніе, какого она никогда еще не имѣла въ прежнія времена.

Англія и Франція заключили между собою формальный договоръ, которымъ обѣ державы обязываются „всѣ возникающія между ними разногласія юридическаго характера или вытекающія изъ толкованія трактатовъ передавать на разсмотрѣніе постояннаго третейскаго суда, учрежденнаго въ Гаагѣ на основаніи конвенціи 29 іюля 1899 года, если окажется невозможнымъ разрѣшить эти несогласія при помощи дипломатіи и если они по существу не затрогиваютъ жизненныхъ интересовъ, независимости или чести спорящихъ сторонъ, и также если они не касаются интересовъ какой-либо третьей державы". Съ перваго взгляда можетъ казаться, что оговорка насчетъ жизненныхъ интересовъ и чести сторонъ отнимаетъ отъ компетенціи третейскаго суда именно ту категорію спорныхъ вопросовъ, которая чаще всего служитъ источникомъ опасныхъ столкновеній. Въ самомъ дѣлѣ, если третейскому разбирательству будутъ подлежать только споры юридическаго характера, не задѣвающіе ни національнаго достоинства, ни жизненныхъ интересовъ державъ, то сфера примѣненія принциповъ третейскаго суда нисколько не расширится, и возможность войнъ не перестанетъ угрожать культурному человѣчеству. Однако понятія о

жизненныхъ интересахъ и о національной чести крайне растяжимы и перемѣнчивы, и отъ практическихъ государственныхъ людей всегда будетъ зависѣть отнесеніе самыхъ щекотливыхъ вопросовъ къ разряду споровъ юридическаго характера или вытекающихъ изъ толкованія договоровъ,—точно также какъ и наоборотъ, вполнѣ безразличные или чисто формальные споры могутъ легко получить значеніе жгучихъ конфликтовъ, не допускающихъ спокойнаго обсужденія. При современныхъ условіяхъ политической жизни ни одно разумное правительство не возьметъ на себя тяжелой отвѣтственности за возбужденіе войны, пока существуетъ малѣйшая возможность уладить возникшій споръ мирнымъ путемъ, и можно заранѣе сказать, что культурныя государства въ своихъ взаимныхъ счетахъ будутъ все чаще и послѣдовательнѣе истолковывать возникающіе споры въ такомъ духѣ, чтобы мирное разрѣшеніе ихъ подразумѣвалось само собою. То, что̀ въ былое время считалось недоступнымъ безпристрастной судебной оцѣнкѣ и приводило обыкновенно къ кровавой расправѣ, не вызываетъ нынѣ никакихъ серьезныхъ затрудненій или замѣшательствъ, и вопросы, казавшіеся нѣкогда въ высшей степени трудными и скользкими, очень часто разрѣшаются теперь благополучно при содѣйствіи спеціальныхъ коммиссій или трибуналовъ, хотя бы дѣло шло о крупныхъ національныхъ интересахъ, связанныхъ съ соображеніями и чувствами патріотизма. Недавно смѣшанная коммиссія изъ трехъ американцевъ и трехъ англичанъ разрѣшила споръ о границѣ между территоріею Аляски и владѣніями Канады, и благодаря тому, что англійскій „лордъ-главный судья", лордъ Эльверстонъ, убѣдился доводами американцевъ и высказался въ ихъ пользу, большинство трибунала оказалось на сторонѣ Соединенныхъ Штатовъ; значительная полоса земли, считавшаяся спорною, окончательно включена теперь въ американскія владѣнія, на основаніи подробнаго толкованія отдѣльныхъ статей договоровъ, опредѣлявшихъ права Россіи на Аляску до передачи этой области сѣвероамериканскому правительству. Споры о границахъ поземельныхъ владѣній между государствами принадлежатъ несомнѣнно къ числу очень серьезныхъ, затрогивающихъ и національную честь, и жизненные интересы населенія, и такого рода вопросы, какъ и многіе другіе, не менѣе важные, связанные съ толкованіемъ договоровъ, дѣлаются отнынѣ достояніемъ международнаго третейскаго суда, по инціативѣ Англіи и Франціи. Съ этой точки зрѣнія новѣйшій англо-русскій трактатъ представляетъ крупный шагъ впередъ въ дѣлѣ распространенія принциповъ международнаго арбитража въ современномъ культурномъ мірѣ.

Вопросъ о судьбѣ Манчжуріи также могъ бы быть предметомъ третейскаго суда согласно принципамъ англо-французскаго договора, ибо разгорѣвшійся споръ вытекаетъ изъ толкованія трактата, заключеннаго нами съ Китаемъ, и не затрогиваетъ непосредственно ни національной чести, ни жизненныхъ интересовъ Россіи. Національная честь наша вовсе не требуетъ, чтобы мы окончательно присоединили Манчжурію, которую раньше обѣщали очистить подъ извѣстными условіями, а жизненные интересы Россіи рѣшительно не дозволяютъ намъ брать на себя тяжелую обузу ежегодныхъ многомилліонныхъ затратъ на благоустройство китайской провинціи, плотно населенной чуждымъ намъ культурнымъ азіатскимъ племенемъ,—тѣмъ болѣе что принятіе на себя этой обузы испортило бы на многіе годы наши международныя отношенія на дальнемъ Востокѣ и заставило бы насъ постоянно держать тамъ наготовѣ огромныя вооруженныя силы, въ ущербъ европейскимъ интересамъ Россіи и нуждамъ ея коренного русскаго населенія. Трудность вопроса заключается только въ томъ, что насъ связываютъ съ Манчжуріею построенныя нами въ этой странѣ двѣ желѣзнодорожныя линіи, обошедшіяся круглымъ счетомъ около полумилліарда рублей; одна изъ этихъ дорогъ, соединяющая великій сибирскій путь съ Владивостокомъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отдана нами въ чужія руки, а другая, ведущая къ Портъ-Артуру, могла бы перейти въ завѣдываніе китайцевъ или иностранцевъ, еслибы мы рѣшились благоразумно отречься отъ широкихъ разорительныхъ плановъ и предпріятій на Квантунскомъ полуостровѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что мы сдѣлали крупную ошибку, увлекшись мыслью о соединеніи сибирской магистрали съ Тихимъ океаномъ черезъ китайскую территорію, не представляющую для насъ никакихъ гарантій безопасности; мы безъ всякой надобности создали себѣ источникъ хроническихъ затрудненій и тревогъ въ отдаленномъ краѣ, который для своего культурнаго развитія нуждается, прежде всего, въ прочномъ внѣшнемъ мирѣ и спокойствіи. Этотъ отдаленный край и безъ того поглощаетъ слишкомъ большія суммы изъ нашего государственнаго бюджета, питаемаго скудными средствами обѣднѣвшаго русскаго населенія; въ одно десятилѣтіе, съ 1888 по 1898 годъ, общая цифра ежегодныхъ приплатъ казны по Приморской области составляетъ болѣе 150 милліоновъ рублей, если не считать расходовъ по вѣдомствамъ военному и морскому. Русская торговля на дальнемъ Востокѣ совершенно ничтожна и не имѣетъ шансовъ успѣха и въ будущемъ, пока существуетъ у насъ покровительственная система, поддерживающая плохія качества товаровъ и страшную дороговизну всѣхъ необходимыхъ предметовъ потребленія; мѣстные русскіе жители, не исключая и самыхъ суровыхъ патріотовъ, вынуждены пріобрѣтать

заграничные продукты, преимущественно американскіе, уплачивая за нихъ непомѣрно высокія пошлины. О какомъ-либо торговомъ соперничествѣ нашемъ съ англичанами, американцами и японцами въ Манчжуріи не можетъ быть и рѣчи, и полезная русская предпріимчивость не явится тамъ на смѣну иностранной, даже при полномъ вытѣсненіи послѣдней искусственными и насильственными мѣрами; явятся только многочисленные хищники, готовые смѣло распредѣлять и расходовать казенные милліоны подъ разными благовидными предлогами. Мы не видимъ основанія поощрять аппетиты этой новой хищной породы „манчжурцевъ", которые уже нашли себѣ усердныхъ союзниковъ въ такъ-называемой патріотической печати. Громкія слова о величіи и славѣ Россіи никого не введутъ въ заблужденіе, когда дѣло идетъ объ открытіи новыхъ неограниченныхъ путей къ быстрой и легкой наживѣ на счетъ россійской казны. Россія не нуждается въ доказательствѣ своего могущества посредствомъ новыхъ военныхъ подвиговъ; для нея война съ Японіею была бы совершенно безцѣльною тратою силъ, особенно пагубною для будущаго, въ виду враждебныхъ къ намъ отношеній Англіи и отчасти также Соединенныхъ Штатовъ. Такъ какъ за японцами стоятъ союзники ихъ, англичане, то нашъ флотъ въ Тихомъ океанѣ всегда подвергался бы опасности уничтоженія, и даже въ лучшемъ случаѣ наши побѣды были бы крайне непрочны и никогда не обезпечили бы намъ окончательнаго и надежнаго мира на дальнемъ Востокѣ; мы нажили бы себѣ вѣчнаго непримиримаго врага въ Японіи и должны были бы постоянно ограждать себя отъ безпокойнаго сосѣда, для котораго доступъ къ азіатскому материку есть вопросъ жизни. И все это только ради того, чтобы имѣть удовольствіе тратить десятки и сотни милліоновъ рублей на китайскую провинцію, гдѣ намъ въ сущности и дѣлать нечего, и не допускать туда дешевыхъ и хорошихъ иностранныхъ товаровъ во избѣжаніе соблазна для злополучныхъ обывателей пограничныхъ русскихъ владѣній! Газетные патріоты напрасно ссылаются на задорный, вызывающій тонъ японскахъ дѣятелей и журналистовъ: возбужденное общественное мнѣніе Японіи свидѣтельствуетъ только о томъ, что Россіи приписываются коварные завоевательные планы, направленные противъ жизненныхъ интересовъ японской націи,—планы, совершенно несовмѣстимые съ общимъ миролюбивымъ характеромъ нашей внѣшней политики. Истинныя основы этой политики еще недавно подтверждены въ высокознаменательномъ письмѣ Государя Императора къ президенту Лубе, и, безъ сомнѣнія, японцы тотчасъ успокоятся, когда убѣдятся въ ошибочности своихъ предположеній и опасеній. Въ томъ же духѣ правды и миролюбія долженъ разрѣшиться и манчжурскій

вопросъ для пользы Россіи, вопреки всѣмъ мнимо-патріотическимъ возгласамъ искателей казенныхъ милліоновъ.

Въ западной Европѣ существуетъ уже не мало періодическихъ изданій, основанныхъ на русскія деньги и имѣющихъ цѣлью ознакомленіе иностранной публики съ Россіею, съ ея экономическими и финансовыми дѣлами; потребность въ такихъ изданіяхъ вызывалась преимущественно усилившимся за послѣдніе годы распространеніемъ русскихъ процентныхъ бумагъ за границей, вслѣдствіе чего и самыя изданія имѣли отчасти спеціально-финансовый характеръ и наиболѣе внимательно обсуждали вопросы государственнаго кредита. Разъясняя иностранцамъ наши финансовые успѣхи, эти органы попутно изображали утѣшительныя картины нашего общаго политическаго положенія, говорили о благополучномъ процвѣтаніи народа и нерѣдко весьма краснорѣчиво отзывались о великихъ достоинствахъ и заслугахъ отдѣльныхъ нашихъ государственныхъ дѣятелей. Недостаткомъ этихъ изданій является пристрастіе ихъ къ высшей политикѣ и къ тонкой дипломатіи, чего не любятъ дѣловые иностранцы, и потому похвальное благонамѣренное усердіе часто вызываетъ лишь недовѣріе и подозрительность читателей. Отъ такого типа литературныхъ предпріятій рѣзко отличается скромный журналъ „La Russie“, издаваемый съ іюля настоящаго года въ Лозаннѣ однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ, который почти цѣлую четверть вѣка прожилъ за границей и стоитъ въ сторонѣ отъ всякихъ политическихъ партій. Насколько можно судить по вышедшимъ до сихъ поръ нумерамъ, журналъ ставитъ себѣ задачей слѣдить за русскою экономическою жизнью и литературою, знакомить съ ходомъ русскаго законодательства и съ положеніемъ нашихъ финансовъ. Такъ, въ полученномъ нами нумерѣ отъ 20 сентября разбирается прежде всего новый законъ о вознагражденіи рабочихъ за несчастные случаи на фабрикахъ и заводахъ; затѣмъ помѣщены статьи о пользованіи водами въ Россіи, о внѣшней русской торговлѣ, о русскомъ искусствѣ, о русскихъ желѣзныхъ дорогахъ въ связи съ бюджетомъ на 1903 годъ, переводъ разсказа Тургенева „Пѣвцы“, беллетристическій очеркъ г. Дорошевича и др. Общій спокойный тонъ журнала производитъ выгодное впечатлѣніе и можетъ доставить изданію успѣхъ среди той части заграничной публики, которая интересуется Россіею и ея дѣлами не съ точки зрѣнія политики.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1903.

I.

— Профессоръ А. Н. Гиляровъ. „Предсмертныя мысли XIX-го вѣка во Франціи". Кіевъ. 1902.

Подведеніе историческихъ, техническихъ и литературныхъ, въ широкомъ смыслѣ, итоговъ истекшаго столѣтія должно представлять громадную, хотя и весьма трудную работу. Опредѣленіе удѣльнаго вѣса многочисленныхъ и разнородныхъ событій, открытій и явленій, разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія отдаленныхъ и, по большей части, непредвидѣнныхъ въ свое время послѣдствій, конечно, требуетъ гораздо болѣе вдумчивости и способности къ строгому анализу, чѣмъ логическое развитіе *возможностей*, дающее содержаніе систематическимъ очеркамъ *будущаго*. Вотъ почему существуетъ рядъ интересныхъ и даже блестящихъ очерковъ того, что разовьется и будетъ существовать въ области человѣческой жизни чрезъ сто лѣтъ. Такова, напримѣръ, книга Шарля Ришэ „Dans cent ans". Сюда же можно отнести и книгу Уэльса „Предвидѣнія" (Москва, 1902 г.), представляющую до крайности оригинальное начертаніе—того пути, по которому совершится, по мнѣнію автора, въ наступившемъ столѣтіи развитіе обширныхъ городовъ и способовъ передвиженія,—измѣненія взглядовъ на войну и тѣ ея условія, которымъ предстоитъ преобладающая роль, а также той борьбы за существованіе, въ которую вступятъ между собою европейскіе языки. „Республика будущаго",—рисуемая Уэльсомъ, не безъ вліянія ученій Ницше,—обниметъ собою весь міръ, принимая въ свои граждане всѣхъ, способныхъ приносить пользу, безъ различія племени и религіи;—она внушитъ имъ, что самая жизнь есть привилегія, связанная съ отвѣтственностью, и что „міръ—не благотворительное учрежденіе", и будетъ, поэтому, во имя счастья здоровыхъ и

свободныхъ людей, безпощаденъ къ жалкимъ, безпомощнымъ и безполезнымъ, которые плодятся „по тупости и невоздержанію“.

Съ другой стороны, мы до сихъ поръ имѣемъ весьма поверхностныя, лишь за очень небольшими исключеніями, попытки обрисовать итоги ушедшаго вѣка, ограничивающіяся лишь внѣшнимъ сравненіемъ послѣднихъ годовъ соприкасающихся столѣтій, какъ это сдѣлано, напр., Максомъ Ленцемъ въ его „Jahrhunderts-Ende vor hundert Jahren und jetzt“. Быть можетъ, еще не настало время для серьезнаго труда въ этомъ отношеніи, и контрастъ яркихъ и темныхъ красокъ прошлаго вѣка еще лишаетъ наблюдателя возможности уловить общій и господствующій колоритъ картины. Быть можетъ, также, объективности взгляда мѣшаютъ завѣщанные прошлымъ вѣкомъ настоящему неразрѣшенные вопросы и находящіяся въ состояніи назрѣванія общественныя явленія, а разгадка смысла и значенія ихъ принадлежитъ будущему. Поэтому—для болѣе или менѣе вѣрнаго общаго итога или, вѣрнѣе, инвентаря наслѣдія XIX вѣка,—покуда можно лишь подводить отдѣльные, приблизительные итоги, захватывающіе по очереди человѣческую мысль и изобрѣтательность, условія и формы общежитія, техническое достояніе и политическіе идеалы—и притомъ въ болѣе тѣсныхъ границахъ времени. Впослѣдствіи, изъ нихъ, какъ изъ кусочковъ мозаики, окажется возможнымъ составить одно цѣлое и, сгладивъ строгимъ анализомъ шероховатости частей, создать одну синтетическую картину.

Съ этой точки зрѣнія нельзя не привѣтствовать трудъ кіевскаго профессора А. Н. Гилярова и не отдать справедливости настойчивой и сложной работѣ, положенной имъ въ основаніе своего очерка міропониманія во Франціи конца XIX вѣка по ея крупнѣйшимъ литературнымъ произведеніямъ. Множество ссылокъ и выписокъ, взятыхъ изъ самыхъ разнообразныхъ беллетристическихъ, публицистическихъ, историческихъ и философскихъ произведеній, искусно и безъ натяжекъ связанныхъ руководящею мыслью, указываетъ на размѣры этой работы. Умѣнье заставить самыхъ разнообразныхъ авторовъ служить своими положеніями и разсужденіями для подтвержденія выводовъ составителя книги доказываетъ значительную долю самостоятельности, вложенную въ его трудъ. Стараясь, по собственному выраженію, быть лишь „передатчикомъ и истолкователемъ“ созданій французской мысли и „оставаться въ тѣни“, — профессоръ Гиляровъ, начертавъ строго обдуманную схему своего изслѣдованія, переноситъ центръ тяжести именно въ истолкованіе, которому и отдается съ широкой объективностью и спокойствіемъ, чуждымъ страстныхъ полемическихъ или публицистическихъ пріемовъ. Въ немъ, прежде всего, чувствуется вдумчивый созерцатель движенія человѣческой мысли, предъ кото-

рымъ ея *скитанія* и нерѣдкая ея безплодность не заслоняютъ глубокаго и подчасъ возвышеннаго смысла ея неустанной работы и вѣчнаго *исканія*. Достаточно, въ этомъ отношеніи, указать на главу VIII-ой книги, посвященную почти всецѣло Ренану (стр. 215—332) и представляющую собою критическій трудъ, могущій быть выдѣленнымъ въ цѣлое самостоятельное сочиненіе; или на главу IX, главное мѣсто въ которой отведено Тэну, или, наконецъ, на главу XIV, содержащую въ себѣ цѣнный по своему безпристрастію очеркъ символизма и декадентства, одинаково чуждый и огульныхъ осужденій, и слѣпого восторга предъ лишенною нерѣдко всякаго содержанія формой.

Книга профессора Гилярова открывается указаніемъ на тотъ духовный переломъ, который переживала въ концѣ XIX в. (и переживаетъ до сихъ поръ) Франція, когда старые идеалы, построенные на завѣщанной XVIII-мъ вѣкомъ горячей вѣрѣ въ могущество разума и благородство человѣческой природы—продолжаютъ жить лишь въ силу инерціи, но совершенно утратили свое животворящее значеніе. Франція, такъ долго видѣвшая панацею отъ всѣхъ золъ въ „великихъ принципахъ“ 1789 года, глаголетъ ихъ нынѣ устами, почти не ощущая ихъ въ сердцѣ. Она, повидимому, судя по мнѣніямъ, приводимымъ авторомъ, убѣдилась, что приложеніе отвлеченныхъ началъ „свободы и равенства“ не только не вызываетъ собою расцвѣта „братства“, но что, въ абсолютномъ своемъ видѣ, эти начала сами по себѣ почти неосуществимы, такъ какъ практическая жизнь, мѣняя свои формы какъ Протей, отрицаетъ ихъ въ рядѣ общественныхъ явленій и непреоборимыхъ личныхъ условій. *Внѣшняя* свобода, поставленная „во главу угла“ современнаго общественнаго зданія, не обновила и не улучшила *внутренняго* человѣка—и, неудовлетворенный ею, онъ подымается со страстнымъ и мрачнымъ протестомъ противъ всѣхъ устоевъ общественной жизни, въ которыхъ начало XIX вѣка видѣло обезпеченіе общаго блага всѣхъ и личнаго спокойствія каждаго.

Но протестъ тогда лишь не безплоденъ, когда онъ сопровождается яснымъ указаніемъ, на опредѣленныя и твердо сознанныя начала, которыми слѣдуетъ замѣнить то, что кажется отжившею неправдою и старою ложью. Этихъ началъ представители французской мысли конца XIX вѣка, однако, не видятъ ни въ чемъ, уподобляясь врачу, который, вскрывъ и обнаживъ до сокровенной глубины болящую язву, останавливается предъ мыслью о способѣ излеченія въ нерѣшительности и скучающемъ, лѣнивомъ раздумьѣ, не вѣря въ терапію и убѣдившись на опытѣ, что всѣ средства—суть лишь палліативы.

Рядомъ интересныхъ цитатъ рисуетъ авторъ тоску пресыщенія и мученія скуки—этого, по словамъ Бодлэра, „самаго безобразнаго изъ

всѣхъ гадовъ, пресмыкающихся въ омерзительномъ звѣринцѣ нашего духа",—овладѣвшія эгоистически замкнувшимися въ себя грубыми въ душѣ и утонченными въ жизни эпикурейцами, выработанными современною интеллектуальною жизнью. Чувство, случайно вызвавшее у Гоголя восклицаніе: „все люди, люди!—хоть бы черти, что-ли, попадались!.."—составляетъ предметъ подробнаго и сочувственнаго анализа у многихъ современныхъ французскихъ писателей. Ихъ невыразимо „гнететъ тоскою — однозвучный жизни шумъ", но избавленія отъ этой тоски нѣкоторые изъ нихъ ищутъ, не стремясь духомъ кверху, а опускаясь книзу—въ область чисто животной жизни, среди которой не нужно ни мыслить, ни чувствовать, ни вѣрить, ни надѣяться.

„Стряхнуть съ себя,—говоритъ авторъ, передавая ихъ взгляды,—весь ненужный гнетъ европейской культуры, чтобы „жить, какъ скотъ", предаваясь нѣгѣ и лѣни, или прозябать какъ растеніе—вотъ въ чемъ, за неимѣніемъ лучшаго, смыслъ жизни. Это не возвращеніе къ природѣ, о которомъ грезили мечтатели восемнадцатаго вѣка, измученнаго такъ же, какъ девятнадцатый, сомнѣніями,—но мечта о животной жизни. У мечтателей конца восемнадцатаго вѣка человѣкъ не только не превращался въ животное, а наоборотъ, былъ человѣкомъ въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова, какъ носитель высшихъ идеаловъ разума. Призывъ возвратиться къ природѣ былъ тогда подсказанъ сильнымъ чувствомъ, рвавшимся изъ оковъ, въ которыя его заковала созданная культурой условность; современныя грёзы о нѣгѣ и лѣни свидѣтельствуютъ, напротивъ, объ усталости и поэтому слабости чувства, такъ какъ бодрое и сильное чувство мечтаетъ не о лѣни, а о дѣятельности. Изысканность чувства свойственна одинаково концу восемнадцатаго и девятнадцатаго вѣковъ, но какая громадная разница между зноемъ страсти, палящимъ въ „Новой Элоизѣ" или въ „Полѣ и Виржиніи" – и истомой чувства, напримѣръ, у Мопассана" (стр. 40—41).

Видя въ этомъ направленіи французской мысли результатъ крайняго развитія раціонализма, подавившаго внушенія чувства, какъ неразумныя и безправныя,—и приведшаго къ одновременному господству безнадежнаго скептицизма и безвыходнаго пессимизма, проф. Гиляровъ даетъ краткій, но очень содержательный очеркъ послѣдовательнаго развитія и перерожденія ученія Декарта. Отправляясь отъ указанныхъ двухъ свойствъ умственнаго настроенія современной Франціи, онъ разсматриваетъ въ шести главахъ—по очереди—тѣ области, въ которыхъ мятущаяся мысль могла бы найти себѣ содержаніе и успокоеніе, не будь она отравлена всеразлагающимъ анализомъ. Любовь, искусство, умозрѣніе, общественные и политическіе идеалы, проявленія религіознаго и нравственнаго чувства въ сознаніи выдающихся

французскихъ писателей конца XIX в.—проходятъ предъ читателемъ разбитые и опустошенные, въ своего рода погребальномъ шествіи. Оказывается, что любовь принижена,—что работа мысли вноситъ отраву и въ безъ того печальное существованіе человѣчества,—что искусство, и само по себѣ, и какъ средство утѣшенія, тщетно,—что политика и общественные идеалы разбиты или распадаются сами собою—и что, наконецъ, нравственное и религіозное чувство подорваны въ самомъ корнѣ...

Любовь—есть единственная и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ причина всего сущаго. „Трудъ, слава, добро, которое можно сдѣлать,—говоритъ Родъ,—все это миражи, строимые воображеніемъ людей на горизонтѣ ихъ пустыни, такъ какъ они не могутъ распознать единственнаго источника жизни", который есть *любовь*. Но рядомъ съ этимъ источникомъ существуетъ ужасная, неотвратимая, безжалостная смерть, уничтожающая навсегда индивидуальное существованіе, вызванное къ жизни любовью. Трагизмъ любви усиливается именно тѣмъ, что она безсильна противъ смерти, которая *одна достовѣрна*. Притомъ любовь не только не оправдываетъ того, что̀ говорятъ о ней мечтатели и моралисты, но и какъ наслажденіе—она не имѣетъ никакой цѣны. По характерному мнѣнію Бурже́, въ его „Physiologie de l'amour moderne"—современная физическая любовь есть не что̀ иное, какъ „встрѣча двухъ пресыщеній и состязаніе двухъ развращенностей",—и съ нею скоро случится то же, что̀ дѣлается съ современнымъ „бордо̀", въ которомъ есть все—кромѣ вина. Такъ будетъ съ любовью, въ которой можно будетъ найти все... исключая любви. Поэтому цѣлый рядъ писателей, цитируемыхъ авторомъ, мечтаетъ, подобно Шопенгауэру, но далеко не съ его глубиною и широтою, побѣдить смерть умерщвленіемъ любви, принеся эту послѣднюю жертву человѣчества всепобѣждающей судьбѣ. „Когда,—говоритъ Родъ въ „La course à la mort",—чувствительность погибнетъ, убитая своимъ избыткомъ; когда потребности жизни размножатся и поработятъ людей тираническими привычками; когда для единенія половъ останется лишь пошлое плотское побужденіе,—почему бы мужчинамъ и женщинамъ, съ общаго согласія, не отказаться отъ этого мгновеннаго удовольствія, которое, не удовлетворяя ихъ слишкомъ сложнаго и разборчиваго желанія, повергаетъ въ пучину бытія новое существо? Тогда разумъ восторжествуетъ, наконецъ, надъ закономъ природы, надъ инстинктомъ; его превосходство возсіяетъ въ конечномъ отреченіи, и послѣдній мужчина и послѣдняя женщина угаснутъ въ ихъ дѣвственной старости; умрутъ въ той великой мысли, что сознательная жизнь исчезаетъ вмѣстѣ съ ними, и что для того, чтобы пить лучи солнца или дрожать отъ холода, остались лишь безсознательные животныя и цвѣты.

При такомъ взглядѣ на „источникъ жизни"—какъ на исключительно физическій процессъ—тускнѣетъ духовная жизнь и слабѣетъ ея главнѣйшее выраженіе—чувство. Вмѣстѣ со способностью чувствовать слабѣетъ и воля, убиваемая мнительностью и нерѣшительностью. Современные французы касаются своимъ утонченнымъ умомъ всего, интересуются всѣмъ и все разлагаютъ своимъ анализомъ, тоскуя въ то же время о томъ, что идеалъ ускользаетъ и скрывается,—не имѣя достаточно *вѣры*, чтобы охранить этотъ идеалъ отъ гибели и вмѣстѣ не имѣя достаточно *воли*, чтобы отказаться навсегда отъ его исканія и ограничиться полусномъ повседневности. Къ нимъ, повидимому, примѣнимы слова Лермонтова: „и полюбить они не смѣютъ—и вовсе кинуть не умѣютъ"... Шестьдесятъ страницъ, посвященныхъ авторомъ „отравѣ чувства мыслью", принадлежатъ къ лучшимъ въ книгѣ.

Разборомъ взглядовъ выдающихся французскихъ писателей конца вѣка на задачи и пріемы искусства, профессоръ Гиляровъ доказываетъ, что крайній скептицизмъ проникъ и въ самый процессъ творчества, и приводитъ для сравненія слова представителя стараго поколѣнія—Виктора Гюго и представителя новаго—Зола̀, которыми они характеризуютъ поэзію и ея служителей. „Поэзія, по мысли Гюго — вселенскій гимнъ, а душа поэта—соборный колоколъ, призываемый Святымъ Духомъ къ благовѣсту, божественный глаголъ котораго отзывается во всѣхъ, внемлющихъ ему..."—„Современная поэзія,—говоритъ Зола̀,—ядовитая муха, собирающая заразу со всякой падали и вносящая, кружась, жужжа и блестя золотомъ своихъ крыльевъ, разложеніе всюду—и въ хижины, и въ дворцы". Менѣе строгъ, чѣмъ Зола̀, къ современной поэзіи Родъ („Le sens de la vie"), но и онъ заявляетъ, что поэты, мыслители и художники, которые прежде выражали общій идеалъ, трогали сердца массъ и руководили народами,—теперь играютъ фразами, звуками, риѳмами и красками, презирая толпу и гордясь своимъ уединеніемъ, если только не предпочитаютъ въ качествѣ любопытныхъ разсматривать у людей раны, полученныя во всеобщей борьбѣ, и трогать ихъ только для того, чтобы растравлять еще больше.

Переходя въ область политическихъ идей, профессоръ Гиляровъ отмѣчаетъ то, почти единодушное, недовольство, которое возбуждаетъ въ корифеяхъ французской литературы современная демократія съ ея всеобщею подачею голосовъ, т.-е. „съ глупою тиранніею числа и царствомъ силы въ наиболѣе слѣпой и несправедливой формѣ". Ихъ возмущаетъ то, что вмѣсто равенства, для установленія котораго были принесены такія страшныя жертвы, наступилъ „халифатъ конторъ, деспотизмъ банковъ и тираннія торговли съ продажными и узкими идеями, съ тщеславными и плутовскими инстинктами"; настало „огром-

ное, глубокое, неизмѣримо глупое и грубое господство финансиста и выскочки, возсіявшее надъ Франціею, словно отвратительное солнце" (Анатоль Франсъ, Гюисмансъ, Бурже́). Не видя, однако, выхода къ лучшему въ широко разливающихся ученіяхъ соціализма, и отвращаясь отъ анархизма, современная французская литература ищетъ спасенія отъ затрудненій, роковымъ образомъ со всѣхъ сторонъ окружающихъ одряхлѣвшее и извѣрившееся во все общество, въ созданіи ряда плановъ обновленія жизни на началахъ новаго „modus vivendi". Въ сжатомъ, но весьма обстоятельномъ и сильномъ очеркѣ разбираетъ профессоръ Гиляровъ эти пути обновленія, приходя къ выводу, что ни отреченіе отъ себя, ни сплоченіе всѣхъ для взаимной любви и помощи, вслѣдствіе признанія тщеты всего существующаго, ни трезвое отрѣшеніе отъ всѣхъ преданій и завѣтовъ старины, ни исканіе общественныхъ идеаловъ въ формахъ общежитія, выработанныхъ Новымъ Свѣтомъ, ни, наконецъ, величайшее напряженіе разума, вооруженнаго всѣми силами и открытіями новѣйшей техники,—не приведутъ къ желанной цѣли, если одновременно нельзя измѣнить въ человѣкѣ его природы и обновить его душевныя силы.

Десятая глава книги посвящена той „жаждѣ вѣры", которая проявилась въ послѣднее время у многихъ представителей мыслящей Франціи, вслѣдствіе того, что религіозное чувство продолжаетъ жить въ душѣ человѣка даже и тогда, когда самая религія уже утрачена. Авторъ подробно развиваетъ ту же мысль, которую нѣкогда, съ свойственной ему красотою слова, высказалъ Герценъ, написавъ въ „Быломъ и Думахъ":—„цѣлая пропасть лежитъ между теоретическимъ отрицаніемъ и практическимъ отреченіемъ: сердце все еще плачетъ и прощается, когда умъ уже давно приговорилъ и казнитъ". Профессоръ Гиляровъ находитъ, что въ вопросѣ о религіи французское сознаніе въ послѣдніе два вѣка совершило полный кругъ: начавъ съ отрицанія религіозныхъ идеаловъ, какъ излишнихъ для жизни, оно теперь ихъ ищетъ, съ цѣлью встрѣтить въ нихъ для жизни опору. Это исканіе звучитъ даже въ стихахъ одного изъ виднѣйшихъ представителей безнадежности и разочарованія,—звучитъ въ замѣчательномъ произведеніи Бодлэра: „Благословеніе". Искусственно созданныя традиціи и непремѣнное желаніе „новаго" заставляютъ, однако, это сознаніе обходить, въ своемъ исканіи, христіанство, очищенное отъ наслоеній, созданныхъ римской церковью. Отсюда—проповѣдь браманизма и буддизма. Эти религіи, впрочемъ, ближе всего подходятъ къ современному настроенію со своими ученіями о призрачности всего сущаго и со своимъ пессимизмомъ. Посвятивъ много—быть можетъ, даже незаслуженно много—страницъ полу-научнымъ фантазіямъ Фламмаріона, стремящимся найти удовлетвореніе религіозному чувству вообще,—авторъ

даетъ интересный очеркъ даровитыхъ произведеній Леконта-де-Лиля, бывшаго „краснорѣчивымъ глашатаемъ“ браманизма и буддизма, и знакомитъ съ политическими взглядами Жана Лагора (псевдонимъ), въ которыхъ проводятся идеи, проникающія эти двѣ религіи и приводящія къ успокоенію, давшему извѣстному критику Леметру основаніе сравнить сочиненія Лагора съ „Подражаніемъ Христу“.

Послѣднія главы книги содержатъ очеркъ воззрѣній оккультистовъ, мистиковъ и символистовъ, приведенныхъ въ систему и разграниченныхъ умѣлою и знающею рукою, что представляется далеко не легкимъ при неопредѣленности границъ этихъ воззрѣній и ихъ частомъ взаимномъ переплетеніи. Въ этихъ главахъ особенно выдѣляется все, посвященное Метерлинку, съ его стремленіемъ отдѣлить *разумъ* отъ *мудрости*, съ его преклоненіемъ предъ *безсознательнымъ*, съ его теоріей о томъ, что человѣческое несчастіе состоитъ въ жизни „вдалекѣ отъ своей души“ и въ опасеніи ея малѣйшихъ движеній, т.-е. „въ жизни въ сторонѣ отъ истинной жизни“,—съ его мнѣніемъ о томъ, что смыслъ жизни открывается въ *молчаніи*, а не въ суетѣ существованія, — съ его возвышеннымъ взглядомъ на поэзію, цѣль которой „держать открытыми великіе пути, ведущіе отъ зримаго къ незримому“... Метерлинкомъ авторъ занимается съ особой любовью, невольно прорывающеюся сквозь общій объективный тонъ книги,—и, конечно, никто изъ тѣхъ, кому знакомы произведенія этого тонкаго и глубокаго вызывателя *настроеній*, не поставитъ автору въ вину этотъ приливъ субъективности.

Книга заключается сводомъ причинъ, приведшихъ французское общество къ современному кризису мыслей и столкновенію требованій разума съ голосомъ чувства. „Средневѣковой культурный идеалъ,— говоритъ проф. Гиляровъ,—былъ весь проникнутъ чувствомъ, и всякій разъ, когда поднималъ голосъ раціонализмъ, отвѣтомъ ему былъ мистицизмъ. Во французскомъ просвѣтительномъ движеніи раціонализмъ взялъ надъ чувствомъ рѣшительный перевѣсъ; теперь послѣднее, послѣ долгаго порабощенія, снова собралось съ силами и вытѣсняетъ раціонализмъ“. Рядомъ съ этимъ наступили послѣдствія чрезмѣрнаго гнета, налагаемаго европейской культурой на современнаго человѣка. Видя въ человѣкѣ существо по преимуществу разумное, эта культура, по мнѣнію автора, „ставитъ идеаломъ возможное освобожденіе человѣка для чисто духовной дѣятельности и, поскольку субъектъ противоположенъ объекту, духъ—природѣ, обособленіе человѣка отъ природы, подчиненіе всей жизни созданнымъ нашимъ разумомъ формамъ“.—Къ этому присоединяется выработанное успѣхами культуры людское самомнѣніе. „Считая себя исключительными носителями разума, противополагая себѣ остальную природу, какъ неразумную,—говоритъ профессоръ Ги-

ляровъ,—мы воображаемъ себя царями міра и этимъ отдаемся во власть одному изъ самыхъ жалкихъ предразсудковъ, опровергаемыхъ ежедневнымъ наблюденіемъ окружающихъ насъ явленій".

Въ чемъ же выходъ изъ болѣзненнаго настроенія, порожденнаго этими причинами? Въ жизни, сообразной съ природой, — отвѣчаетъ авторъ. „Нужно,—говоритъ онъ,—не кичиться нашимъ мнимымъ царственнымъ положеніемъ во вселенной, не обольщать себя призракомъ безпредѣльности нашихъ способностей, не обособлять себя отъ природы, но понять наше мѣсто въ общемъ строѣ мірозданія, признать удостовѣренный опытомъ узкій предѣлъ нашихъ познавательныхъ силъ, сообразовать нашу жизнь съ природой. Таковъ завѣтъ всей истекшей нашей исторіи. Онъ не даетъ опоры ни для угнетеннаго настроенія, ни для ослабленія рвенія въ доступной намъ дѣятельности, ни для приниженія нашей жизни до скотской. Для мысли ясной и смѣлой нѣтъ высшей отрады, какъ бросить предразсудки и посмотрѣть въ лицо дѣйствительности прямо и трезво. Если ничтожно наше мѣсто въ безконечномъ, то мы можемъ достигнуть крупнаго въ конечномъ. Не дано намъ никакихъ знаній о сверхопытномъ, зато открыто для насъ широкое поле въ опытныхъ знаніяхъ, которое только еще начинаетъ воздѣлываться и уже приноситъ обильную жатву. Поэтому у насъ нѣтъ основаній оплакивать жизнь какъ поприще безъисходнаго мрака и сѣтовать на полное отсутствіе руководительныхъ образцовъ. Жизнь можетъ быть цѣнной лишь когда здорова, а такой она можетъ быть лишь когда естественна, т.-е. сообразна съ природой. Черты такой жизни можно считать въ общемъ и главномъ достаточно выясненными. Жить согласно съ природой значитъ искать руководства не въ отвлеченныхъ построеніяхъ мысли и не въ предразсудкахъ, порождаемыхъ невѣжествомъ, но въ тѣхъ взглядахъ, которые вырабатываются тѣснымъ любвеобильнымъ и любознательнымъ общеніемъ съ природой: развертывать, насколько возможно, всю полноту своего существа, давая свободу всѣмъ своимъ способностямъ и склонностямъ, не служащимъ въ ущербъ ни себѣ, ни другимъ; стремиться къ возможной простотѣ, отвергая всѣ несовмѣстимыя съ ней и не лежащія въ основѣ общежитія условности и формальности; идти къ достиженію намѣченныхъ цѣлей твердо, правдиво и искренно; быть постоянно дѣятельнымъ, избѣгая всякой праздности"...

Призывомъ къ пантеистическому альтруизму и къ культу искренняго чувства заканчиваетъ свою книгу профессоръ Гиляровъ:

„Стряхни съ себя все ненужное бремя, ветхій человѣкъ,—восклицаетъ онъ.—Найди въ себѣ силу выйти изъ моря лжи и условностей для вольной и естественной жизни. Не разумомъ только, но и любовью, постигни живую связь и единство всего сущаго; подобно великому

христіанскому святому (Франциску Ассизскому), съумѣй и въ солнцѣ, и въ землѣ, и въ лунѣ, и въ звѣздахъ, и въ вѣтрѣ, и въ водѣ, и въ огнѣ признать своихъ кровныхъ, въ каждомъ звѣрѣ—брата, въ каждой птицѣ—сестру, въ жизни каждой былинки—жизнь твоей однородную,—и радушно засіяетъ тебѣ солнце, привѣтливо защебечутъ птицы, любовно будутъ благоухать цвѣты. Не презирай чувства. Твердо помни, что въ сердцѣ лежатъ корни религіознаго, нравственнаго и поэтическаго міропониманія, что на его тревожномъ станкѣ сплетается тотъ уборъ, безъ котораго непригляднoй становится жизнь"...

Обширный трудъ, предпринятый авторомъ книги „Предсмертныя мысли XIX-го вѣка во Франціи"—уже въ виду своей сложности не можетъ быть лишенъ нѣкоторыхъ недостатковъ, или, точнѣе говоря, недочетовъ, нисколько не умаляющихъ его общей цѣнности. Такъ, въ немъ бросается въ глаза несоразмѣрность частей. Помѣщая въ свое изслѣдованіе цѣлые трактаты, могущіе имѣть совершенно самостоятельное значеніе, авторъ, въ то же время, удѣляетъ начертанію и критикѣ нѣкоторыхъ общественныхъ явленій первостепенной важности лишь нѣсколько словъ. То же допускаетъ онъ иногда и относительно глубокихъ философскихъ ученій, которыхъ правильнѣе вовсе не касаться, чѣмъ касаться мимоходомъ. Такъ, напр., изложенію и критикѣ идеаловъ „соціалистической грёзы", пріобрѣтающей, однако, съ каждымъ днемъ весьма осязательную реальность, посвящено не много болѣе двухъ страницъ; такъ, объ „Этикѣ" Спинозы, которую самъ авторъ называетъ „великолѣпнымъ и глубокомысленнымъ философскимъ твореніемъ", говорится съ краткостью, достойною лучшей цѣли, что „при всемъ его аппаратѣ аксіомъ, опредѣленій, положеній, доказательствъ, леммъ, схолій и проч. и при всей раздѣльности его содержанія, все-таки яснѣе всего то, что въ немъ весьма немногое ясно".

Затѣмъ авторъ, возражая противъ мысли, что литература портитъ общественные нравы и затемняетъ идеалы, и указывая, что наоборотъ, общество, своими приниженными и измельченными потребностями и запросами, создаетъ больную и гнилую литературу—вовсе не развиваетъ эту мысль съ желательною подробностью и не указываетъ на вліяніе, въ этомъ отношеніи, общественныхъ факторовъ, которые, безъ сомнѣнія, имѣютъ не меньшее значеніе для „скитанія" мысли, чѣмъ перерожденіе и вырожденіе раціонализма, какъ теоретическаго ученія.

Наконецъ, нельзя не пожалѣть, что профессоръ Гиляровъ, въ трудѣ котораго довольно часто попадаются литературныя оцѣнки того или другого произведенія цитируемыхъ имъ авторовъ, не пошелъ дальше и не коснулся измѣненія самыхъ пріемовъ творчества, характеризующаго конецъ XIX вѣка во Франціи. Тотъ *эготизмъ*, который

пропиталъ французское міропониманіе послѣднихъ лѣтъ и который далъ выразиться въ утонченной формѣ всей „душевной пустынѣ“ беллетриста и поэта этихъ годовъ—выразился и въ пріемахъ творчества, сливъ ихъ съ содержаніемъ въ одно цѣлое. Старые мастера завѣщали указанія на необходимыя качества писателя, состоящія, между прочимъ, въ способности *создавать, а не срисовывать* образы,—въ способности придавать изображаемому житейскую правдивость (crédibilitè),—въ сознаніи важности и внутренняго смысла описываемаго,—въ умѣніи автора скрывать свою личность, т.-е., по совѣту Бальзака, творить все, быть вездѣ и не быть нигдѣ видимымъ, какъ Богъ, и т. п. Подъ вліяніемъ неправильно понятыхъ взглядовъ Тэна на *личный* характеръ искусства, которое должно быть откровеніемъ личной души предъ сложной душою общества,—во многихъ современныхъ французскихъ литературныхъ произведеніяхъ авторъ почти постоянно выступаетъ на первый планъ со своими антипатіями, вкусами, наклонностями и даже пороками, обѣляемыми устами героевъ. Глубина изслѣдованія даже у такихъ большихъ авторовъ, какъ Зола̀, замѣняется его продолжительностью, и persistance d'analyse все болѣе и болѣе замѣняетъ puissance d'analyse. Развитіе характера дѣйствующихъ лицъ находится въ пренебреженіи, и вмѣсто созданія образовъ снимаются чуть-чуть ретушированныя фотографіи или рисуются при благосклонномъ соучастіи клеветы—каррикатуры, а нелѣпые вымыслы и чувственныя фантазіи не находятъ нужнымъ считаться съ искаженною ими дѣйствительностью. Художникъ нерѣдко знакомитъ читателя не съ тѣмъ, что̀ важно для послѣдняго, а съ тѣмъ, что̀ имѣетъ исключительный, иногда совершенно болѣзненный интересъ только для самого автора,—вполнѣ естественное въ искусствѣ описаніе *страстей* замѣняется изображеніемъ *пороковъ*;—подъ знаменемъ искусства все чаще и чаще начинаютъ сводиться личные счеты, и т. д., и т. д. Обширная начитанность автора разбираемой книги могла бы дать ему возможность представить поучительные образцы въ этомъ отношеніи, нисколько не отклонивъ его отъ главнаго пути въ его трудѣ. Быть можетъ, даже и прекрасная характеристика историко-политическихъ взглядовъ самого Тэна выиграла бы въ полнотѣ, еслибы авторъ далъ краткій анализъ пріемовъ его творчества, столь характерно выраженныхъ въ его „Origines de la France contemporaine“, гдѣ, съ каждымъ томомъ, спокойное изложеніе изслѣдователя-патолога замѣняется все возрастающимъ гнѣвомъ запоздавшаго терапевта на своего больного... Наконецъ, намъ кажется, что взгляды выдающихся писателей, каковы Ренанъ и Тэнъ, въ значительной степени могли бы быть освѣщены и еще болѣе уяснены, еслибы авторъ воспользовался ихъ характерными отзывами о задачахъ искусства и

о различныхъ общественныхъ теченіяхъ, разбросанными во множествѣ въ журналахъ братьевъ Гонкуровъ. Въ замѣткахъ Гонкуровъ, записанныхъ, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ, Ренанъ и, въ особенности, Тэнъ, встаютъ какъ живые, разсыпая, въ дружеской бесѣдѣ, искры своего міровоззрѣнія.

Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать серьезнаго значенія за книгою профессора Гилярова. Просвѣтительное вліяніе французской литературы, по многимъ причинамъ, лежащимъ въ ней и внѣ ея, всегда сильно сказывалось на умственномъ и художественномъ развитіи русскаго общества. Поэтому трудъ, посвященный изображенію и анализу идеаловъ и чаяній современной французской мысли, имѣетъ для насъ серьезное значеніе. Онъ былъ бы полезенъ даже какъ простой сводъ взглядовъ, изложенныхъ систематически. И тогда онъ обогащалъ бы наше знаніе. Но онъ—не простой сводъ... Критическій элементъ, широко внесенный въ него, ставитъ его гораздо выше, выдвигая на первый планъ вопросы высшаго порядка. Анализъ произведеній, сдѣланный авторомъ, строго придерживающимся научнаго метода, и рядъ его *положеній* (напр., въ главѣ о Ренанѣ) облегчаютъ и вмѣстѣ направляютъ вызванную имъ къ работѣ мысль читателя. Спокойствіе этого анализа тѣсно связано съ его безпристрастіемъ, а вниманіе не разъ отдыхаетъ на поэтическихъ сравненіяхъ и образахъ. „Восхитительна поэзія молодой весны,—говоритъ профессоръ Гиляровъ, кончая XII главу, — съ ея благоуханіемъ, свѣжей зеленью, пѣснью соловьевъ; очаровательна поэзія лѣта съ его зрѣлостью, съ желтѣющими нивами, наливными плодами, сосредоточеннымъ молчаніемъ лѣсовъ; но есть своеобразная прелесть и въ осени, съ ея сѣрыми днями, съ наполовину обнаженными, наполовину одѣтыми въ разноцвѣтный нарядъ деревьями, съ ея вихрями, крутящими и бьющими желтые листья, съ ея блѣднымъ и трепетнымъ солнечнымъ лучомъ, скользящимъ по умирающему лѣсу, какъ „умирающей красавицы улыбка". Поэзія конца девятнадцатаго вѣка—поэзія осени; безобразная въ рукахъ бездарности, въ рукахъ генія она неотразимо привлекательна".

Наконецъ, эта книга — не одно тяжелое по выводамъ подтвержденіе упадка идеаловъ и усталости души „великаго народа". Въ скитаніи мысли послѣдняго авторъ хочетъ видѣть лишь мучительную работу по выясненію будущаго идеала, который онъ и рисуетъ въ примирительныхъ и успокоительныхъ послѣднихъ аккордахъ своего труда.

II.

— М. Гюйо. „Стихи философа“. Переводъ И. И. Тхоржевскаго. Спб. 1902.

Скончавшійся въ 1888 г., въ возрастѣ тридцати-трехъ лѣтъ, отъ издавна подтачивавшей его силы чахотки, Гюйо, сознавая скудость „судьбой отсчитанныхъ дней“, наполнилъ ихъ неустаннымъ и разнообразнымъ трудомъ. Сочиненія его, вызвавшія рядъ толкованій и критическихъ очерковъ, между которыми особенно замѣчательны статьи Альфреда Фуллье, руководившаго юношескимъ воспитаніемъ покойнаго философа,—касаются глубочайшихъ вопросовъ личной и общественной нравственности (La Morale d'Epicure,—La Morale anglaise contemporaine,—Esquisse d'une Morale sans obligation ni sanction), задачъ искусства (Les Problèmes de l'Esthétique contemporaine,—L'Art au point de vue sociologique); вопросовъ воспитанія (Hérédité et Education) и метафизическихъ изслѣдованій (La Genèse de l'idée de Temps и L'Irréligion de l'Avenir). Всѣ они изложены блестящимъ и подчасъ увлекательнымъ языкомъ; всѣ они проникнуты оригинальностью и смѣлостью мысли, увѣренной въ своихъ силахъ и безбоязненной въ своемъ полетѣ къ жадно искомой правдѣ. Сильный интересъ, возбужденный трудами Гюйо повсюду, особенно въ Италіи и Англіи, создалъ ему почетную извѣстность, какъ мыслителю, который, принимая со стоическимъ спокойствіемъ неизбѣжность безповоротнаго уничтоженія *личнаго* существованія, радостно вѣритъ въ *безсмертіе* добра и истины, составляющихъ наслѣдіе человѣчества, пріобщить къ которому свою долю исполненнаго долга и осуществленной любви дано каждому человѣку. Поэтому и появленіе его стихотвореній, изданныхъ подъ названіемъ „Стиховъ философа“, возбудило къ себѣ живѣйшее вниманіе. Подобно Вл. С. Соловьеву, но лишь систематичнѣе и въ болѣе широкихъ рамкахъ, онъ изложилъ свое философское міросозерцаніе въ поэтическихъ образахъ и картинахъ, сдѣлавъ его, такимъ образомъ, доступнымъ и понятнымъ большему числу читателей.

„Стихи философа“, раскрывая внутреннюю работу мысли автора, посвящаютъ читателя въ его задушевныя мечты, надежды и страданія и, безъ сомнѣнія, заставляютъ внимательнѣе вдуматься въ вопросы, стучащіеся въ душу современнаго человѣка и тревожащіе ее. Даже и не соглашаясь съ авторомъ, можно многому научиться отъ него въ смыслѣ ясной постановки и способа разрѣшенія такого рода вопросовъ. Гюйо не могъ не предвидѣть замѣчанія, что абстрактныя построенія философіи не созданы для языка стиховъ. Но это его не смущало. „Самый глубокій смыслъ, — говоритъ онъ, — принадлежитъ

часто самымъ простымъ словамъ". Философія нашего времени стремится разъяснить смыслъ человѣческаго бытія и назначенія,—но къ этому же постоянно стремилась и религія, которая всегда была однимъ изъ величайшихъ источниковъ поэзіи. Поэтому, отчего же поэзіи не быть выразительницею философскаго мышленія? Почему не пытаться отыскивать ту же истину—только подъ другой формой и другими путями, и при непремѣнномъ условіи настойчиваго стремленія къ вѣрности мышленія, искренности ощущенія, естественности и точности выраженія?..

„Стихи философа" распадаются на четыре книги: „Мысль", „Любовь", „Искусство", „Природа и человѣчество". Это раздѣленіе не выдержано, однако, вполнѣ, и стихи одной книги нерѣдко вплетаются въ другія книги, слѣдуя приливу и отливу мысли автора, возвращающейся къ одному и тому же вопросу и лишь освѣщающей его съ новой стороны. Исканіе правды, хотя бы эта правда и была куплена цѣною жизни, всегда связано у Гюйо съ сомнѣніемъ. „Сомнѣніе —говоритъ онъ—есть долгъ мыслящаго человѣка — le Devoir de Doute,—и оно останется въ моемъ мятежномъ сердцѣ, пока на землѣ будетъ существовать страданіе". Онъ рано начинаетъ вглядываться въ людскую скорбь и, несмотря на свою молодость, приходитъ въ ужасъ отъ того равнодушія, съ которымъ люди относятся къ чужому личному горю, причемъ, говоря словами Некрасова, „безъ слезъ имъ горе не понятно, безъ смѣха радость не видна". Вотъ какъ онъ описываетъ такое отношеніе къ личному горю:

Безъ цѣли я бродилъ въ саду, дыша весной,
Любуясь зеленью; вдали, передо мной,
Шла тихо женщина подъ темными вѣтвями—
Слегка дрожавшими, неровными шагами...
Что было съ ней?—какъ знать! лица я не видалъ.
Вдругъ рѣзкій трепетъ въ ней мгновенно пробѣжалъ;

Казалось, что она смѣется—нервно, сухо.
Ускорилъ я шаги; отрывисто и глухо
Вновь звуки хохота какъ будто донеслись;
Вокругъ все вмѣстѣ съ ней смѣялось, и лились
Рулады звонкія съ акацій и орѣха;
Закрыла пальцами лицо она отъ смѣха...

Я ближе подошелъ—и вдругъ увидѣлъ тутъ,
Что слезы у нея межъ пальцами текутъ...
Я понялъ: горькій плачъ былъ этимъ смѣхомъ страннымъ,
И эта женщина въ саду благоуханномъ
Шла съ кладбища.

Слеза, дрожащая въ очахъ,
Рыданіе, какъ смѣхъ, звенящее въ ушахъ,

И только—вотъ печаль! вотъ все, что намъ открыто
Тамъ, гдѣ, быть-можетъ, жизнь, гдѣ сердце, все разбито!

Лишь въ этихъ признакахъ на мигъ мы узнаемъ
То безконечное, что горемъ мы зовемъ!
Всю силу радости, всю глубину мученья
Намъ можетъ выразить лишь нервовъ сотрясенье;
Бездушный воздухъ намъ лишь звукъ передаетъ;
А что въ немъ вырвалось?—скорбь, радость... Онъ скользнетъ
И, неразгаданный, умолкнетъ, замирая.

Исчезла женщина въ аллеѣ,—все рыдая,
Рыдая безъ конца. Внушала ужасъ мнѣ
Живая эта скорбь! Я думалъ въ тишинѣ:
Вѣкъ одинокіе, хотя весь вѣкъ съ другими,

Какъ страшно сердцемъ мы привыкли быть глухими!
Всѣмъ, даже мнѣ чужда,—ушла она, скорбя...
Ушла!.. и съ грустью я почувствовалъ себя
Такимъ заброшеннымъ людьми и небесами,
Что и мои глаза наполнились слезами!

Постоянная борьба человѣка за существованіе, вѣчная жертва имъ собою за дневное пропитаніе—вызываютъ у Гюйо рядъ прекрасныхъ и прочувствованныхъ стихотвореній, между которыми особенно выдѣляется озаглавленное „Роскошь", описывающее красавицу, въ сонной грёзѣ постигающую мрачный контрастъ между блескомъ сапфировъ и жемчуговъ на ея груди и картиной физическихъ мученій, сопровождающихъ ихъ добываніе ради куска хлѣба, причемъ, когда она просыпается, каждый перлъ сорваннаго ею съ себя колье кажется ей *застывшею слезой*. Не менѣе отягощаетъ душу поэта и властно приковываетъ къ себѣ вниманіе безконечная цѣпь страданій, пережитыхъ и переживаемыхъ всѣмъ человѣчествомъ отъ ожесточенной борьбы политическихъ страстей и отъ войнъ. Отзывчивостью къ такимъ страданіямъ полны его четыре стихотворенія на извѣстныя группы Микель Анджело во Флоренціи. Вотъ одно изъ нихъ—„Вечеръ":

Нѣтъ силъ, онъ изнемогъ; напрасный конченъ бой.
Поникъ челомъ къ землѣ, безсильно свѣсивъ руки,
Поверженный герой,—разбитый, полный муки,—
И въ грудь усталую вползаетъ мракъ ночной.
Онъ преданъ! Гдѣ же Богъ,—Богъ истины святой!?
Не хочетъ вѣрить онъ... Но меркнутъ упованья.
Какъ небеса, предъ нимъ грядущее темно.
— И нѣтъ забвенія! и прошлыя страданья
Все ярче, все страшнѣй!.. Увы! такъ суждено:
Тамъ, гдѣ ужъ нѣтъ надеждъ, насъ ждутъ воспоминанья.

Одно изъ такихъ воспоминаній о тяжкихъ для Франціи дняхъ войны 1870—71 гг., когда казалось, что „погибли навсегда отечество

и справедливость", заставляетъ Гюйо оплакивать живучесть ненависти и страшную плодовитость несправедливости и зла, рождающихъ себѣ подобныхъ. Онъ спрашиваетъ себя, когда же наступитъ вѣкъ, которому суждено разорвать этотъ роковой кругъ?

Когда, какой народъ откроетъ міру новый,
Широкій горизонтъ и остановитъ кровь?
Не знаю я; но все—мой трудъ, мою любовь—
Несу заранѣе великому народу.
О, будь благословенъ! ты призванъ міръ спасти,—
Ты долженъ знаменемъ взять Право и Свободу
И человѣчность къ намъ съ собою принести!
(„Война".)

Смущенная тѣмъ, что приходится видѣть и вокругъ, и сквозь даль вѣковъ, увлекаемая „долгомъ сомнѣнія", мысль поэта ищетъ постоянно разрѣшенія своихъ тревогъ въ идеалахъ высшаго порядка, стоящихъ внѣ времени и пространства. Но она вступаетъ въ эту область не довѣрчиво и робко, а вооруженная все тѣмъ же сомнѣніемъ, ищущимъ „солнца правды" во что бы то ни стало. Это исканіе истины изображено Гюйо въ трогательномъ стихотвореніи:

I.

Капля росы пріютилась
Ночью подъ спящимъ листкомъ
И, съ пробудившимся днемъ,
Грустно безъ солнца томилась.

„О, если бъ только могла я
Видѣть сверкающій день"!
Капля шептала, вздыхая...
„Если бъ покинуть мнѣ тѣнь"!

Капля разсталася съ тѣнью;
Рвется она къ упоенью,
Къ солнцу, восторга полна,—

Солнце ей смерть посылаетъ,
И въ небеса улетаетъ
Струйкою пара она.

II.

Я, какъ росинка ночная,—
Хрупкій, дрожащій алмазъ,—
Страстно томлюсь, призывая:
Свѣтъ! заблести мнѣ хоть разъ!

Вѣчной измученъ я тьмою:
Правды я,—солнца хочу!
Жадно стремлюсь я душою
Вверхъ, къ золотому лучу.

Вѣра моя и святыня
Ты лишь, о Правда-богиня!
Дай же взглянуть на себя!

Знаю: приносишь ты горе...
Можетъ-быть, смерть въ этомъ взорѣ...
— Что жъ! Только бъ увидѣть тебя!
(„Сладкая смерть".)

Однако, поэтъ—„сынъ скептическаго вѣка", и поэтому изъ своего „трансцендентальнаго полета" онъ возвращается съ разбитыми надеждами.

Какъ лиственница—вдругъ, съ наставшею зимой
Вся, съ первымъ вечеромъ, уборъ листвы веселой
Роняетъ трепетно на землю подъ собой
И на зарѣ стоитъ уже нѣмой и голой,—
Такъ сразу всѣ мечты ребяческихъ годинъ,
Надежды, чаянья—передо мной смущеннымъ
Осыпалися вдругъ на сердцѣ потрясенномъ...
И я остался нагъ, покинутый, одинъ
Подъ небомъ сумрачнымъ, подъ вѣтромъ разъяреннымъ.
Но дерево стоитъ и, мужество храня,
Все съ той же силою стремится къ выси гордо...
Такъ продолжаю я смотрѣть на небо твердо,
Хоть небо пусто для меня...
(„Лиственница".)

Но лиственница, „смотря на небо твердо", все же корнями упирается въ землю. На землю приходится спуститься и поэту и на ней искать себѣ опоры. На землѣ, кромѣ личныхъ и человѣческихъ страданій, есть личное счастье, любовь, искусство, безмятежность созерцанія. Въ книгѣ, носящей названіе: „Любовь",—особенно сказывается нѣжная и тонкая душевная организація поэта. Не матеріальная, преходящая, хотя и яркая сторона любви привлекаетъ его мысль и чувство. *Единеніе* упорныхъ стремленій и горячихъ порывовъ, единеніе радостей и страданій, составляющее, съ теченіемъ времени, неразрываемую страницу воспоминаній, является предметомъ его мечты, а неосуществимость ея — причиной его скорби. Еще во вступленіи къ „Стихамъ философа" онъ пишетъ:

Сердце полно боязни, и сладкой и смутной;
Такъ влюбленный, раскрывши объятья свои,
Вдругъ смущается, полонъ тревоги минутной,
Видя цѣпи любви.

Но зачѣмъ этотъ страхъ? Или высшее счастье—
Не узнать на землѣ ни любви, ни цѣпей?
Нѣтъ! *гдѣ сердце у сердца встрѣчаетъ участье,*
Тамъ живется вольнѣй!
(„Servus Apollo".)

Въ рядѣ прелестныхъ стихотвореній (напр., „При отблескѣ очага“, „Къ серебряной свадьбѣ“, „Еще при отблескѣ очага“) онъ рисуетъ теплыми красками тихія радости семейной жизни и неувядаемость красоты—при условіи неувядаемости чувства. Ему кажется, что „великая любовь увѣрена въ себѣ“, что когда говорится „на вѣкъ!“ и „все для тебя“, то люди —

...входятъ въ жизнь довѣрчиво и нѣжно,
И распускается въ ихъ сердцѣ молодомъ
Безсмертная любовь безхитростнымъ цвѣткомъ,
Для нихъ грядущее какъ небеса безбрежно,
Какъ небеса свѣтло...

Спрашивая судьбу: удастся ли ему расцвѣсть измученной душой въ *такой гармоніи*,—Гюйо, въ своихъ грёзахъ, рисуетъ черты той, которая можетъ и должна дать ему счастье.

Любовь! вѣдь ты „сильна какъ пламя“,
„Сильна какъ смерть“,—въ глазахъ людей;
Какое жъ ты поднимешь знамя
Въ душѣ возлюбленной моей?

Зажжешь ли въ ней мои стремленья?
И, страстью насъ соединивъ,
Сольешь ли наши настроенья
Въ одинъ восторженный порывъ?

И, замечтавшися,—порою —
Мы съ нею будемъ ли вдвоемъ
Парить въ безбрежности душою,
И божество себѣ найдемъ?

—О, незнакомка дорогая,
Кому я грёзы эти шлю,
Кого люблю, еще не зная,
Дай мнѣ найти въ тебѣ, молю,

Духъ благородный и прекрасный,
Открытый истинѣ святой,
Какъ солнца лучъ—прямой и ясный
И столь же теплый и живой!
(„Лица и души“.)

Проникнутыя сильнымъ субъективнымъ элементомъ, прекрасныя по формѣ и музыкальности, стихотворенія: „Близко и далеко“ и „Подъ окномъ“, написанныя во Флоренціи, указываютъ, что поэту показалось, что онъ нашелъ наконецъ ту, которую „любилъ—еще не зная“. Онъ жалѣетъ, что нельзя пѣть, какъ когда-то, „*при всѣхъ*—тебя люблю я“, и тоскуетъ, что „пора тревожиться, страдать—для ясныхъ глазокъ не настала“;—онъ проситъ деревья, травы и сѣрыя скалы

разсказать *ей*, какъ онъ ввѣрялъ имъ наполнявшую его душу мечту любви къ ней:

О, блескъ природы необъятной,
Во всемъ глубокій и простой,—
Слети къ намъ лаской благодатной
И ей любовь мою открой!

Но наступаетъ горькая дѣйствительность... Оказывается, что въ изящныхъ формахъ нѣтъ идеи,—что не найти Пигмаліона, который вложилъ бы душу въ одну изъ многочисленныхъ „игрушекъ салона“ и заставилъ бы ее стать женщиною. „Для бѣдной правды нѣтъ дороги—ни въ ваше сердце, ни въ вашъ храмъ!“—восклицаетъ Гюйо въ негодованіи:

О, хрупкая прелесть видѣнья,
Какъ быстро разбилася ты!
Одно роковое мгновенье—
И нѣтъ предо мной красоты!

И больно за эту потерю,
И рвется на части душа!
Гляжу на нее—и не вѣрю:
Она ли была хороша?

Отъ глазъ этихъ, нѣкогда милыхъ,
Въ испугѣ бѣжать я готовъ,
И вызвать опять я не въ силахъ
Созданія собственныхъ сновъ.

Я вижу, что въ жизни плачевной
Обманчиво все, какъ мечта..
Лишь нѣжности, силы душевной
Не лжетъ никогда красота!

О, если бъ душа въ ней сквозила!
Тогда бы, какъ солнечный свѣтъ,
Въ ней сразу любовь воскресила
Всю прелесть былую... но нѣтъ!

Въ душѣ ея пусто и нѣмо,
И взоръ любопытныхъ очей
Не вспыхнетъ, какъ счастья поэма,
Алмазами чудныхъ лучей!

О, гдѣ ты, моя дорогая?
Свиданья наступитъ ли часъ?
— Оставьте меня: вы—другая.
Искалъ и любилъ я не васъ!

(„Поэзія и дѣйствительность“.)

Книга заканчивается проникнутымъ скорбью сравненіемъ:

Въ ручьѣ, словно пѣны клочокъ бѣлоснѣжный,
Мелькаетъ перо, колыхаясь въ волнахъ...
Остатокъ крыла,—окровавленный, нѣжный,—
Кто могъ тебя выронить тамъ, въ небесахъ?

Не знаю. Все ясно въ лазури пустынной;
Молчитъ и смѣется, блестя, небосклонъ...
— Что жъ грудь моя сжалась, въ тоскѣ безпричинной?
Какою утратой я втайнѣ смущёнъ?

Умчалось, исчезло перо въ отдаленьи...
Бѣгите жъ и вы,—мои грёзы любви,
Всѣ старыя слезы, всѣ думы, стремленья,—
Вы тоже разбитыя крылья мои!
(„Разбитое крыло".)

На разбитыхъ крыльяхъ нельзя подниматься въ область мечтаній о личномъ счастіи, и поэтъ, оставляя ихъ навсегда, и не вглядываясь болѣе въ окружающую его жизнь, съ ея темными сторонами и роковыми загадками, подобно Фаусту во второй части трагедіи, ищетъ успокоенія въ искусствѣ:

Какъ мраченъ этотъ міръ для взоровъ мудреца!
Но для поэта онъ—какъ полонъ обаянья!
. . . .
На взглядъ прекрасенъ міръ; онъ словно сновидѣнье;
Все—даже горе въ немъ—артисту нѣжитъ глазъ;
Жизнь драма стройная;—а въ драмѣ наслажденье
И видъ пролитыхъ слезъ доставитъ намъ подчасъ...

Задачи художника и поэта представляются ему особенно привлекательными. Онъ обрисовываетъ ихъ смыслъ и значеніе въ стихотвореніи „Berceuse":

Несется громкій плачъ изъ дѣтской колыбели
Но прибѣгаетъ мать и, обласкавъ сынка,
Наивной пѣсенкой, простой, какъ звукъ свирѣли,
Безсвязно-нѣжною, какъ вздохи вѣтерка,
Баюкаетъ дитя, и плачъ его стихаетъ.
— Сердечко лишь дрожитъ, вздымая грудь слегка, —
И, улыбаясь ей, ребенокъ засыпаетъ.

О, дѣти бѣдныя! вы всѣ въ глухую ночь
О жизни плачетесь, и душатъ васъ рыданья, —
Кто жъ, какъ не мы, пѣвцы, съумѣетъ вамъ помочь?
Кто убаюкаетъ въ васъ горькое страданье?
Мы къ вамъ склоняемся, и голосъ нашъ звучитъ,
Какъ эхо дальнее, вамъ лаской неподдѣльной.
О, пѣснь поэзіи,—будь пѣснью колыбельной:

Она сердца людей такъ сладко усыпитъ!
Дай любящимъ тебя твой миръ, успокоенье,
И на дѣйствительность рѣсницы ихъ закрой!
— Одно искусство здѣсь, одно лишь вдохновенье,
Какъ смерть могучее, намъ можетъ дать забвенье
И улыбнуться намъ безсмертія мечтой!

Мысль о примиряющемъ значеніи искусства „свѣтлаго и великодушнаго“, однако, недолго врачуетъ душу поэта. Онъ не можетъ отрѣшиться отъ неразгаданности будущаго, отъ тревогъ дѣйствительности и отъ горькихъ воспоминаній прошлаго. Цвѣты, выростающіе подъ вліяніемъ мимолетнаго вдохновенія, увядаютъ слишкомъ быстро—и *вчерашніе стихи* ничего уже не говорятъ сердцу, которое нѣмо для *вчерашнихъ чувствъ*. Не помогаетъ и обращеніе къ тихимъ радостямъ безмятежнаго созерцанія. Въ стихотвореніи „Спиноза“—чуткое и живое сердце Гюйо отказывается найти успокоеніе въ яркой, но холодной, какъ осеннее солнце, философіи этого мыслителя, ищущаго на землѣ „не явленій, а—причинъ“. Поэту хочется „вѣрить этому разумному покою“,—но,—заявляетъ онъ, —

Звучитъ во мнѣ сомнѣніе порою:
Тотъ, кто съумѣетъ все понять и все простить—
И кто негодованью чуждъ—тотъ можетъ ли любить?

Жизнь представляетъ слишкомъ много отрицательныхъ сторонъ, и „difficile est satyram non scribere“. Поэтому и Гюйо отдаетъ сатирѣ свою дань, то облекая ее въ добродушный юморъ („Благодарность“), то—въ злую и бичующую иронію, направленную противъ людской глупости и рабской слѣпоты („Намордникъ“).

Примирившись съ недостижимостью личнаго счастья, поэтъ все болѣе и болѣе чувствуетъ свое родство со всѣми людьми и невозможность отмежевать свою жизнь отъ общей жизни природы и человѣчества. Спокойно наслаждаясь красотою первой и сливаясь съ послѣднимъ, Гюйо, въ порывѣ своего пантеистическаго альтруизма, говоритъ:

Принадлежать себѣ никто не въ состояньи;
Онъ безъ другихъ ничто. Въ природѣ всѣ равны,
Всѣ тайно связаны и въ цѣпь заключены;
Мы всѣ—ея одной, Всесильный, достоянье!
Я расцвѣтаю самъ съ довѣрчивымъ цвѣткомъ,
Я самъ надъ розой вьюсь съ влюбленнымъ мотылькомъ...
Быть можетъ, въ мірѣ нѣтъ печали одинокой,
Нѣтъ личной радости: все связано глубокой,
Незримой общностью страданій и любви!
Мое—не чуждо вамъ, все ваше—мнѣ родное,
И чувства всѣхъ людей должны быть и мои!
Мнѣ счастьемъ можетъ быть лишь счастье міровое!

Успокоивая свою неустанную въ анализѣ и исканіи мысль—созерцаніемъ природы и вѣрою въ постепенное совершенствованіе человѣчества, Гюйо повторяетъ иногда, въ формѣ стиховъ, возвышенныя страницы своего „Esquisse d'une Morale sans obligation ni sanction“.

Въ цѣломъ рядѣ стихотвореній („Genetrix hominum deumque“, „Въ пути на югъ“, „Въ Провансѣ“, „Овернскій пейзажъ“, „Лунныйсвѣтъ“ и т. д.) онъ наслаждается сіяньемъ „вѣчной красы — равнодушной природы“, рисуя яркія картины:

Земля, раскаленная, дышетъ огнемъ;
Надъ нею струятся, дрожатъ испаренья;
За мыслью несвязной слѣжу я съ трудомъ:
Мнѣ голову кружитъ туманъ опьяненья;
Я пьянъ безъ вина—опьяненъ я тепломъ.

О, сколько здѣсь солнца! Горитъ, пламенѣетъ
Безоблачный сводъ,—ослѣпителенъ онъ!
А тамъ, въ отдаленьи, то море синѣетъ;
Тамъ, глубже, чѣмъ небо, другой небосклонъ
Застылъ, безпредѣльный, и густо темнѣетъ...
(„Въ Провансѣ“.)

—

. . . . А позади встаетъ изгибами вершины
Далекая гора, теряясь въ облакахъ,
Какъ завершеніе взволнованной долины,
Успокоеніе нашедшей въ небесахъ.

Въ другихъ стихотвореніяхъ этой категоріи онъ смотритъ на страданіе человѣка, какъ на школу, дающую знаніе, на страданіе человѣчества—какъ на долгую работу для будущаго счастія. Думая о вѣчныхъ трудовыхъ усиліяхъ людей, онъ описываетъ цвѣтокъ агавъ-алоэ, выростающій во всей красѣ, нежданно, изъ темной, грубой и огромной листвы. Подобно ему, должны найти себѣ осуществленіе лучшія мечты человѣчества.

О, человѣчество! вѣками
Пригвождено къ нагой скалѣ,
Ты втайнѣ бредишь небесами,
Ты все тоскуешь на землѣ.
. . . .
Ты ждешь, съ любовью молчаливой,
Скопляя соки въ тишинѣ;
Но идеалъ твой горделивый—
Вѣдь онъ взовьется въ вышинѣ?

Да! мы согнулись надъ землею,
Но для тебя,—цвѣтокъ мечты!
Чтобъ могъ раскрыться ты съ зарею
Во всемъ сіяньи красоты!

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе стихотворныхъ произведеній Гюйо, гармонически замыкающихъ, въ поэтическомъ синтезѣ,

кругъ его философскихъ трудовъ. Интересные сами по себѣ, они пріобрѣтаютъ особое значеніе для русскаго читателя тѣмъ, что въ отдѣльныхъ звеньяхъ ихъ цѣпи часто звучатъ тѣ же выраженія мысли, тѣ же наболѣвшіе вопросы, которые встрѣчаются во многихъ стихотвореніяхъ нашихъ выдающихся поэтовъ.

Г-нъ Тхоржевскій ознакомилъ своимъ переводомъ „Стиховъ философа" русскую читающую публику съ достойною вниманія и содержательною книгою, появленіе которой на нашемъ языкѣ можно привѣтствовать, какъ новый шагъ къ серьезному и вдумчивому мышленію и къ художественному наслажденію. Что касается до точности передачи содержанія „Стиховъ философа", то надо замѣтить, что вообще мысль автора въ каждомъ стихотвореніи передана вѣрно и притомъ съ необходимой, въ виду нѣкоторой отвлеченности текста, ясностью. Есть, однако, въ этомъ отношеніи и недостатки. Такъ, иногда, переводчикъ, передавая вполнѣ вѣрно смыслъ оригинала, уже слишкомъ отступаетъ отъ возможной точности въ передачѣ словъ автора. „Quel est donc ce caprice étrange, o, ma pensée... de venir ainsi palpitante et froissée — t'enfermer dans un vers?" — спрашиваетъ Гюйо въ „Servus Apollo". „Отчего это, мысль моя, прихотливо... къ тропинкѣ стиха приближаясь пугливо, робко просишь цѣпей?" — переводитъ г. Тхоржевскій. Еще болѣе сильное отступленіе отъ оригинала въ стихотвореніи „Близко и далеко", несмотря на прекрасную передачу настроенія автора. „Такъ близко мы—въ моемъ стремленьи—и далеко! Что сердца слабыя біенья! Въ груди сокрытымъ глубоко—имъ не внушить тебѣ волненья! И близко мы—въ одно мгновенье—и далеко!" — передаетъ переводчикъ слѣдующую мысль автора: „Que nous sommes loin l'un de l'autre—étant si près. Mon cœur bat à coté du vôtre: jusqu'à vous en vains je voudrais—enfler ses battements muets. Que nous sommes loin l'un de l'autre, étant si près...". Въ стихотвореніи „Сомнѣнье—долгъ" пропущена значительная по смыслу строка: „Heureux le cœur mobile où tout glisse et s'efface", хотя въ остальномъ переводъ безупреченъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отличается даже бо̀льшею силою, чѣмъ подлинникъ. Тѣмъ же свойствомъ, къ слову сказать, отличается и переводъ „Вечера" въ четырехъ флорентійскихъ группахъ. Въ „Горѣ поэта" авторъ говоритъ: „Lorsque je vois le beau,—je voudrai être deux", а въ переводѣ *прекрасное* замѣнено *искусствомъ* и говорится: „я наслаждаться имъ умѣю *лишь* вдвоемъ". Встрѣчается, затѣмъ, хотя и рѣдко, у г. Тхоржевскаго замѣна словъ, идущая въ разрѣзъ съ точною мыслью автора. Такъ, Justice—онъ переводитъ въ одномъ случаѣ *Правомъ*, въ другомъ—*Свободой*. Наконецъ, нельзя не пожалѣть, что превосходный и почти совершенно точный переводъ Гюйо отвѣта Микель Анджело на эпиграмму Строцци,

обращенную къ статуѣ *Ночи*, у г. Тхоржевскаго, также какъ у покойнаго Соловьева, не отличается послѣднимъ свойствомъ.

Микель Анджело.

Grato m'è il dormir e più l'esser di sasso
Mentrè chè il danno e la vergogna dura;
Non veder, non sentir m'è gran ventura;
Però non mi destar: deh! parla basso.

Гюйо.

Il m'est doux de dormir, plus doux d'être de pierre,
Tant que dure ici bas l'opprobre et la misère;
Ne rien voir, ni sentir, quel bonheur! Parle bas,
Oh! ne m'éveille pas!

Соловьевъ.

Мнѣ сладокъ сонъ, и слаще камнемъ быть!
Во времена позора и паденья
Не слышать, не глядѣть—одно *спасенье*...
Умолкни, чтобъ меня не разбудить.

Тхоржевскій.

Мнѣ сладко спать теперь, во времена паденья,
И слаще камнемъ быть. Какое наслажденье
Не знать, не чувствовать, не видѣть блеска дня!
О, не буди меня!

Въ нашей литературѣ есть, впрочемъ, еще переводъ, оригинальный тѣмъ, что четверостишіе Строцци начинается тѣмъ, чѣмъ оно кончается въ подлинникѣ. Это—переводъ Тютчева, въ которомъ, также какъ и у Соловьева, соблюденъ порядокъ риѳмъ:

Молчи, прошу, не смѣй меня будить!
О, въ этотъ вѣкъ жестокій и постыдный,
Не *жить*, не чувствовать—удѣлъ завидный;
Пріятно спать, пріятнѣй камнемъ быть!

А. К.

III.

— Н. Телешовъ. Повѣсти и разсказы. Москва 1902 г. Разсказы. С.-Петербургъ. 1903 г.

Г-нъ Н. Телешовъ является не новичкомъ въ литературѣ. Его „повѣсти и разсказы" выдерживаютъ третье изданіе. Кромѣ того существуетъ книга его разсказовъ, подъ заглавіемъ „На тройкахъ" и очеркъ скитаній по Западной Сибири, носящій названіе: „За Уралъ". Поэтому достоинства и недостатки этихъ сборниковъ можно считать не случайными проявленіями неуспѣвшихъ еще опредѣлиться и выразиться вполнѣ свойствъ и особенностей работы г. Телешова, а наоборотъ, такъ сказать, *органическими.* Отсюда вытекаетъ неминуемо и бо̀льшая строгость оцѣнки, побуждающая признать значительное преобладаніе въ нихъ недостатковъ надъ достоинствами. Къ послѣднимъ можетъ быть отнесена, прежде всего, человѣколюбивая основа разсказовъ. Авторъ рисуетъ—и вмѣстѣ будитъ въ читателѣ добрыя чувства. Всѣ его симпатіи—на сторонѣ слабыхъ, обиженныхъ, нуждающихся въ защитѣ. Онъ любитъ дѣтей и описываетъ ихъ съ нѣжностью,—и въ разсказахъ о дѣтяхъ всегда слышна у него искренность, чуждая простой подражательности Диккенсу или Достоевскому. Смерть, горе, разлука —обычные мотивы, звучащіе въ разсказахъ г. Телешова. Частое обращеніе къ нимъ можетъ развить у писателя, незамѣтно для него самого, впаданіе въ чувствительность, идущую въ разрѣзъ съ искренностью. Но этого у г. Телешова нѣтъ. При искусственности и явной придуманности фабулы бо̀льшей части разсказовъ, изложеніе наиболѣе выдающихся мѣстъ этихъ разсказовъ отличается спокойною трезвостью мысли и отсутствіемъ приподнятаго и неестественнаго тона. Къ достоинствамъ разсказовъ относится и ихъ *занимательность,* хотя и чисто внѣшняя. Не затрогивая душу читателя глубоко, не оставляя въ ней сколько-нибудь прочнаго впечатлѣнія, г. Телешовъ умѣетъ заинтересовать его вниманіе и поддержать его до конца живымъ языкомъ и быстрою смѣною картинъ своихъ разсказовъ.

Недостатки разсказовъ г. Телешова гораздо многочисленнѣе. За исключеніемъ двухъ-трехъ разсказовъ изъ быта переселенцевъ („Нужда", „Елка Митрича" и „Домой!"), весьма цѣнныхъ по сообщаемымъ въ нихъ даннымъ, почерпнутымъ очевидно изъ дѣйствительности,—на всѣхъ остальныхъ лежитъ яркая печать подражанія г. Чехову и отчасти гр. Л. Н. Толстому,—подражанія неудачнаго и чисто внѣшняго, состоящаго въ стремленіи облекать отрывочные и мимолетные эпизоды жизни въ форму законченныхъ по идеѣ разсказовъ, съ попытками на психологическій

анализъ. Но г. Телешовъ не проявляетъ способности къ серьезному анализу душевныхъ свойствъ, и у него нѣтъ той глубокой наблюдательности, которая поражаетъ въ Толстомъ, замѣняя ему нерѣдко то, что принято называть психологическимъ анализомъ. Авторъ—не изслѣдователь и не наблюдатель. Онъ—хорошій запоминатель поверхностныхъ впечатлѣній—не болѣе. Поэтому въ разсказахъ его нѣтъ почти ни одной живой личности, о которой складывалось бы у читателя опредѣленное представленіе. Тщательно описаны лица и одежда, обстановка и ѣда, движенія и позы многочисленныхъ людей, проходящихъ предъ читателемъ,—и всѣ они, едва промелькнувъ, сливаются въ безформенную массу, изъ которой *индивидуально* никто не выдѣляется. Исключеніе можно сдѣлать лишь по отношенію къ чувашу Максимкѣ (въ разсказѣ „Сухая бѣда"), фигура котораго жизненнѣе всѣхъ прочихъ, быть можетъ, вслѣдствіе большой подмѣси къ ея изображенію данныхъ чисто этнографическаго характера. Эти безцвѣтные люди, очень разнородные по мнѣнію автора—и очень однообразные въ смыслѣ необъясненія ихъ душевныхъ движеній, дѣйствуютъ въ рамкахъ лишенныхъ внутренняго значеніе житейскихъ случаевъ или анекдотическихъ приключеній. Рамки эти раздвигаются, однако, г. Телешовымъ до крайности широко, вмѣщая въ себя множество ненужныхъ подробностей, затуманивающихъ и безъ того недостаточно ясную руководящую мысль разсказа. Получается впечатлѣніе растянутой поддѣлки подъ жизнь, для чего-то разыгрываемый поддѣльными людьми. При этомъ обыкновенно вовсе не соблюдается перспектива разсказа, въ которомъ *все* стоитъ на первомъ планѣ, такъ что маленькіе, не имѣющіе связи съ общимъ ходомъ разсказа, эпизоды или сценки, лишенные даже всякаго мѣстнаго колорита или оригинальности, протиснувшись впередъ, портятъ цѣльность и безъ того трудно воспринимаемаго настроенія. Кромѣ разсказовъ изъ быта переселенцевъ, этимъ недостаткомъ не страдаетъ разсказъ *„Дуэль"*, навѣянный, очевидно, превосходными сценами Зудермана „Fritzchen", но построенный такъ, что впечатлѣніе, производимое трагическимъ положеніемъ офицера, пришедшаго объявить матери своего товарища, что ея сынъ убитъ на дуэли, къ концу разсказа, все умаляясь, смѣняется скукою, вызванной болтовнею не вѣдающей о своемъ несчастіи старой женщины.

Наиболѣе сильно отражающимъ на себѣ свойства творчества автора является самый большой изъ его разсказовъ—*„Маленькій романъ"*. Это —исторія стараго зажиточнаго холостяка, которому навязываетъ дѣтей его сестры мужъ, покинутый ею,—и который, подъ вліяніемъ примиряющаго и облагораживающаго дѣтскаго вліянія, начинаетъ тяготиться своею пустою и развратною жизнью... Смерть дѣтей отъ дифтерита

наноситъ ему тяжкій ударъ. Увидѣвъ, за время ихъ болѣзни, въ доброй и распущенной своей знакомой, къ которой онъ привыкъ относиться лишь какъ къ наложницѣ, трогательныя общечеловѣческія черты, онъ уѣзжаетъ съ нею за границу, вступая, такимъ образомъ, на порогъ семейной жизни. Эту несложную, но благодарную тему авторъ излагаетъ почти на пяти печатныхъ листахъ, посвящая читателя въ массу скучныхъ и неимѣющихъ никакого значенія подробностей ухода за дѣтьми,—и совершенно не разработывая того внутренняго перелома, который происходитъ въ душѣ героя разсказа и его близкой пріятельницы, подъ вліяніемъ смерти и страданій сдѣлавшихся имъ близкими маленькихъ существъ. Точно китайскія тѣни, безъ характеристикъ, безъ житейской или бытовой окраски, проходятъ въ разсказѣ разные знакомые героя и героини—и остаются совершенно чужды читателю. Попытки автора изображать наружныя проявленія глубокихъ душевныхъ страданій также не достигаютъ цѣли. Вотъ какъ, напр., въ своей подражательной манерѣ, описываетъ онъ рѣшимость чуваша Максимки на самоубійство, подъ вліяніемъ оскорбленнаго за любимую дѣвушку чувства и съ цѣлью учинить обидчику „сухую бѣду“: „Въ стѣнѣ торчалъ большой черный гвоздь, который Максимка самъ вбивалъ въ прошломъ году для зеркала. Не спуская теперь съ него глазъ, онъ началъ шарить за пазухою и вытащилъ сырую, оттаявшую веревку. Вынувъ, онъ посмотрѣлъ на нее. Потомъ опять поглядѣлъ на гвоздь и опять на веревку... Потомъ намоталъ веревку на гвоздь и завязалъ узломъ. Попробовалъ потянуть—было крѣпко. Потомъ изъ веревки сдѣлалъ съ другого конца петлю, и снова попробовалъ руками. Было тоже прочно. Потомъ онъ задумался. Думалъ Максимка не долго. Онъ повернулся лицомъ къ окну и молча погрозилъ кулакомъ, а черезъ минуту висѣлъ уже въ петлѣ“. Не менѣе неудачны, въ своемъ стремленіи подражать Тургеневу и Толстому, описанія сновъ и предсмертнаго бреда. Рѣчь простыхъ людей у автора выходитъ часто поддѣлкою подъ народный говоръ, причемъ придуманность выраженій и оборотовъ рѣжетъ ухо. Таковы, напр. разговоры цѣловальника и хозяина постоялаго двора съ Максимкой, предлагающимъ играть на „шыбырѣ“ (волынкѣ) и встрѣчающимъ отказъ въ такихъ выраженіяхъ: „къ чорту-съ!“ и „нѣтъ! этакой *подлости* намъ не требуется“; таковы всѣ рѣчи Митрича въ разсказѣ „Елка Митрича“.

Въ разсказахъ своихъ г. Телешовъ не касается общественныхъ темъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ общихъ мѣстъ, вставляемыхъ имъ въ монологи и діалоги Березина, героя „Маленькаго романа“. У него есть, однако, цѣлый разсказъ на философскую тему, совершенно неправдоподобный въ психологическомъ отношеніи. Это — „Жертвы жизни“. Герой разсказа—Столяровскій—неудачникъ и несчастливецъ, вознена-

видѣвшій до смерти, до замысла на убійство, знатнаго, богатаго, красиваго и здороваго ребенка,—по странному душевному противорѣчію погибаетъ въ волнахъ, спасая жизнь этому самому ребенку. Онъ проповѣдуетъ особую, собственную теорію о „злой, насмѣшливой и ненасытной силѣ природы", рядомъ съ которою стоитъ другая сила, сглаживающая грубости первой, причемъ первую онъ называетъ *законодательною* („требующею себѣ жертвъ"), а послѣднюю—*исполнительною* („собирающею жертвы"). Длинныя и горячія разсужденія Столяровскаго обличаютъ въ авторѣ слишкомъ бѣглое знакомство съ уголовно-статистическими изслѣдованіями Вагнера и Кетле и самое поверхностное усвоеніе себѣ теоріи детерминистовъ.

Пріемы описанія у г. Телешова иногда грѣшатъ многословіемъ и въ то же время не даютъ реальныхъ образовъ (напр. „лицо его, молодое и неглупое, *не обезображенное порокомъ и нищетою*, выражало вульгарную веселость или даже насмѣшку, если только могли выражать что-нибудь эти тусклые, пьяные глаза съ опухшими вѣками..." („Ошибка барина"). Часто встрѣчаются у автора обороты и выраженія, изобличающіе пренебрежительное отношеніе къ русскому языку. Такъ, напр., у г. Телешова—арестанты *громыхаютъ* цѣпями, *колятъ нѣдры* Сибири; бѣгущій мальчикъ иногда *поспрашиваетъ*; Березинъ *прогуливается*, нетерпѣливо *прохаживаясь*,—лакей Сидоръ имѣетъ *ветшающее лицо*, въ стѣнахъ дома не раздается *старушачьихъ* пѣсенъ, мысли Максимки такъ и *кишатъ*, ржавая вывѣска называется ржавою *желѣзкою*; усталая публика благотворительнаго базара, вдоволь *намявъ бока* (кому?) и туго *наколотивъ* карманы бездѣлушками изъ аллегри, разбредается; въ шахтѣ пахнетъ *испареніями* отъ камня или металла, городскіе часы издаютъ *безтолковые* звуки, жидкіе и *равнодушные*, и т. д. Какъ примѣръ странной конструкціи рѣчи можно привести слѣдующее мѣсто: „если нашу московскую Ивановскую колокольню считаютъ вышиною что-то около 38 саженъ и взобраться на нее считается чуть не подвигомъ, *то выбраться изъ шахты было втрое труднѣе*"; какъ на странный способъ цитатъ можно указать на то, что приводимыя авторомъ слова Мефистофеля цитируются не по творенію Гёте, а по либретто оперы Гуно. — Z.

IV.

— М. Помяловскій. Очерки русской исторіи. Элементарный курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1903. (148 стр.).

При новой гимназической реформѣ, которая была начата нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но еще до сихъ поръ остается незавершенною, сдѣланъ былъ опытъ введенія преподаванія исторіи въ са-

мые младшіе классы гимназіи. Такъ какъ подходящихъ для этого учебниковъ не существовало, то нѣкоторые педагоги поспѣшили отвѣтить на возникшій спросъ соотвѣтственнымъ предложеніемъ. Дѣло было, конечно, трудное, и спѣшка при составленіи учебниковъ, для которыхъ, собственно говоря, не было подходящихъ образцовъ, не могла дать удовлетворительныхъ результатовъ. Легко было только написать, набрать, напечатать и пустить въ продажу, но хорошаго отсюда получалось мало: получались скороспѣлыя издѣлія, которыя потомъ достойнымъ образомъ и оцѣнивались серьезной педагогической критикой. Мы не знаемъ, является ли „курсъ“ г. Помяловскаго предложеніемъ на упомянутый спросъ, — можетъ быть, авторъ имѣлъ въ виду учениковъ третьяго класса гимназій, гдѣ, исторія и прежде преподавалась,—но боимся, что критика—какъ спеціально-педагогическая, такъ и общая—доставитъ ему немало огорченій, и, быть можетъ, авторъ искренно пожалѣетъ, что поторопился выпустить въ свѣтъ свой учебникъ.

Каждое школьное руководство должно отличаться двумя главными качествами: научностью и педагогичностью. Если какая-либо,—скажемъ такъ, — научная теорія выше пониманія даже наиболѣе способныхъ учениковъ того возраста, для котораго предназначается руководство, то лучше совсѣмъ не касаться труднаго вопроса, чѣмъ приспособлять его къ пониманію учащихся, жертвуя научностью: это и ненаучно, и непедагогично. Между тѣмъ, многіе составители учебниковъ именно такъ и смотрятъ на свою задачу, чтобы дать нѣчто доступное дѣтскому пониманію, хотя бы и завѣдомо ненаучное, исходя изъ того положенія, что цѣль преподаванія заключается не въ сообщеніи вѣрныхъ знаній, а во внушеніи съ той или другой точки зрѣнія желательныхъ мыслей. Въ такомъ именно смыслѣ многіе и смотрятъ на задачу преподаванія исторіи, посредствомъ которой думаютъ утверждать воспитанниковъ въ благонравіи и народной гордости, принимаемой за любовь къ отечеству. Весь тонъ учебника г. Помяловскаго съ его слащавостью и замазываніемъ дурныхъ сторонъ нашего историческаго прошлаго обнаруживаетъ, что морально-патріотическія цѣли выдвигались въ его сознаніи на первый планъ, хотя бы съ ущербомъ для исторической правды.

Въ нашемъ прошломъ были и разинщина, и пугачевщина, о которыхъ лучше совсѣмъ не говорить дѣтямъ, чѣмъ сообщать то, что сообщаетъ г. Помяловскій. По его объясненію, бунтъ Стеньки Разина былъ вызванъ желаніемъ правительства, чтобы всѣ жили по закону, а пугачевщина—излишней добротой Екатерины II. Дѣло въ томъ, что при Алексѣѣ Михайловичѣ „много безпорядковъ происходило на Руси“ по той причинѣ, что въ судебникѣ Ивана Грознаго не было сказано,

„какъ надо жить, какъ съ другими ладить, какъ государству служить, какъ тѣмъ или другимъ дѣломъ царевымъ управлять“ (стр. 79), и вотъ царь велѣлъ составить уложеніе. Но,—продолжаетъ г. Помяловскій,—„законы пишутся для того, чтобы ихъ исполнять: отнынѣ вся жизнь русскихъ людей должна была идти по закону; но были на Руси люди, привыкшіе жить безъ всякаго закона, привыкшіе къ своеволію“, и вотъ „для нихъ появленіе уложенія было невыгодно,—приходилось теперь жить не по своей волѣ, и потому они начинаютъ бунтовать“ (стр. 80). Это—объясненіе бунта Разина, которое авторъ дополняетъ объясненіемъ пугачевщины. „Доброта государыни,—говоритъ г. Помяловскій,—позволила многимъ злоумышленникамъ думать, что ихъ преступленія останутся безнаказанными; когда же они увидѣли, что съ ними поступаютъ по всей строгости законовъ, они возмутились“ (стр. 109).

Къ числу мрачныхъ страницъ русской исторіи относится эпоха казней въ царствованіе Грознаго, и нужно имѣть много педагогическаго такта, чтобы объясненіе борьбы царя съ боярствомъ не было принято учащимися за оправданіе его жестокостей. Г. Помяловскій видимо старается выгородить Грознаго, жертвуя въ данномъ случаѣ моралью политикѣ. Во всемъ ненавистномъ виноваты опричники. Это они „обносили передъ царемъ и невинныхъ“, которыхъ царь тоже казнилъ, но за то, „узнавъ объ ошибкѣ, онъ потомъ каялся“ (стр. 68). Характеръ какого-то недоразумѣнія получаетъ въ изложеніи г. Помяловскаго и вся исторія съ митрополитомъ Филиппомъ. Грозный только „*согласился*“ назначить духовный судъ надъ Филиппомъ“; съ митрополита только „сняли санъ и отвезли въ уединенный монастырь“, а о нанесенныхъ ему оскорбленіяхъ, о казняхъ близкихъ къ нему людей—ни слова; наконецъ, катастрофа въ Отрочьемъ монастырѣ разсказана такъ: „черезъ годъ Іоаннъ вспомнилъ о немъ и послалъ за благословеніемъ“, но посланный, „вмѣсто того, чтобы испросить, какъ это велѣлъ царь, благословеніе у Филиппа“, взялъ да и задушилъ его. Интересно, какъ будетъ понята дѣтьми эта странная исторія, и какія чувства пробудитъ въ ихъ юныхъ душахъ размышленіе г. Помяловскаго, напечатанное непосредственно вслѣдъ за разсказомъ о томъ, какъ „пострадалъ святой мученикъ Филиппъ“,—размышленіе именно такого рода: „хоть и *странной кажется* намъ борьба царя съ боярствомъ, но она *была необходима*: только сокрушивъ непокорныхъ, Іоаннъ высоко поставилъ самодержавіе; не будь этого, оставайся бояре въ силѣ, — они послѣ Грознаго царя погубили бы землю Русскую своими раздорами, корыстолюбіемъ, неправосудіемъ“ (стр. 69).

Да, интересно было бы знать, какъ все это уложится въ душѣ вдумчиваго и нравственно чуткаго мальчика.

Остановимся еще нѣсколько на борьбѣ Іоанна съ боярствомъ. Вѣрно ли, по крайней мѣрѣ, г. Помяловскій объясняетъ ея причину. И здѣсь, какъ въ разсказахъ о Разинѣ и о Пугачевѣ, сводится къ тому, что люди хотѣли своевольничать, а имъ этого не давали дѣлать: пока царь былъ ребенкомъ, некому было ихъ обуздывать, а потомъ „видятъ наиболѣе виновные бояре, что не забылъ царь ихъ преступленія, и, опасаясь праведнаго возмездія, стали бѣжать въ Польшу“ (стр. 68).

Когда встрѣчаешь такія однородныя объясненія, но научной критики не выдерживающія, конечно, невольно заподозриваешь автора въ извѣстной тенденціи. Можетъ быть, ея и нѣтъ, т.-е., можетъ быть, все это происходитъ отъ неумѣлости автора, но „мораль басни“ у г. Помяловскаго выходитъ вездѣ одна: всѣ бѣды—отъ своеволія, и одно спасеніе—въ „праведномъ возмездіи“.

Если бы ученикъ по книжкѣ г. Помяловскаго желалъ прослѣдить исторію крѣпостного права въ Россіи, то онъ нашелъ бы, что тутъ все дѣлалось въ надлежащее время. Разсказавъ о прикрѣпленіи крестьянъ, онъ замѣчаетъ: „тогда оно было необходимо, и всѣ спасенные Годуновымъ, всѣ незначительные помѣщики были ему благодарны. Простой народъ,—оговаривается авторъ,—разумѣется, былъ недоволенъ, и много крестьянъ побѣжало на югъ въ казаки“ (стр. 72); но казачество, по представленію г. Помяловскаго, и было порожденіе людей, „привыкшихъ жить безъ всякаго закона, привыкшихъ къ своеволію“ (стр. 80). О вліяніи крѣпостного состоянія крестьянъ на крупныя народныя движенія XVII и XVIII вв., какъ мы видѣли, у него ни слова. Наоборотъ, вездѣ сильно преувеличиваются заботы власти о крестьянствѣ, вопреки даже оффиціальному признанію 19 февраля 1861 г. „Одни крестьяне,—говоритъ, напр., г. Помяловскій,—не получили никакихъ особенныхъ правъ и по прежнему остались подъ властью помѣщиковъ, но добрая, человѣколюбивая государыня постоянно заботилась о томъ, чтобы помѣщики обращались съ своими крестьянами какъ можно лучше“ (стр. 108). Какъ бы забывая объ этомъ, въ разсказѣ о Павлѣ I авторъ, замѣтивъ, что при его матери „крестьяне до времени (?) остались въ прежнемъ положеніи“, говоритъ, что этотъ императоръ первый обратилъ вниманіе на крестьянъ, ограничивъ власть помѣщиковъ надъ ихъ трудомъ (стр. 116). О томъ, какіе результаты въ дѣйствительной жизни все это имѣло, въ учебникѣ не говорится. Такіе вопросы, къ сожалѣнію, мало интересуютъ г. Помяловскаго, которому хочется только вездѣ показывать доброту и мудрость законодателей, не справляясь съ тѣмъ, какъ шла дѣйствительная жизнь. Да и тутъ очень ужъ проглядываетъ желаніе составителя изображать все такъ, чтобы никому не было обидно: про-

читавъ общую характеристику царствованія Павла I, ученикъ увидитъ, что оно было только продолженіемъ царствованія Екатерины II. Поэтому и весь застой въ крестьянскомъ дѣлѣ до середины XIX в. представляется г. Помяловскому какъ постепенное движеніе впередъ, хотя, напр., онъ и не объясняетъ, что онъ разумѣетъ подъ нѣсколькими законами Николая I, „подготовлявшими освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости" (стр. 129). „Много сдѣлано было,— столь же неопредѣленно говоритъ онъ въ главѣ объ Александрѣ II,— много сдѣлано было для облегченія участи крестьянъ уже предшествующими государями", и все зло крѣпостного права передъ 19 февраля 1861 г. заключалось для г. Помяловскаго только въ томъ, что у крестьянъ пропадала всякая охота къ труду, и что „немного дѣлали и помѣщики", нравственная же сторона дѣла совсѣмъ даже и не затронута въ изложеніи г. Помяловскаго. Что касается до того, какъ принятъ былъ манифестъ 19 февраля, между прочимъ, и бывшими рабовладѣльцами, то и тутъ г. Помяловскому понадобилось заявить, что „всѣ, отъ мала до велика, отъ крестьянина до вельможи, съ восторгомъ узнали объ отмѣнѣ крѣпостничества" (стр. 135). Лучше уже совсѣмъ не говорить объ извѣстныхъ вещахъ, чѣмъ говорить неправду.

А такой неправды слишкомъ ужъ много въ разсматриваемой книжкѣ. Вотъ примѣръ разныхъ категорій. Въ изложеніи судебной реформы Александра II (стр. 136), дореформенный судъ остался безъ характеристики, но за то ученикъ найдетъ ее нѣсколькими страницами выше (стр. 128), гдѣ сказано, что послѣ преобразованій Александра I, улучшившихъ нашъ судъ, „дѣла рѣшались по справедливости, обиженные всегда могли найти управу". Чтобы не отходить далеко, отмѣтимъ и слѣдующую страницу гдѣ, о немилости, постигшей Сперанскаго, сказано такъ: онъ „умѣлъ оказать много услугъ своему благодѣтелю и Россіи, но въ началѣ 1812 г. долженъ былъ удалиться отъ дѣлъ: онъ былъ сторонникомъ всего французскаго, и ему нельзя было править дѣлами, „когда съ Франціей шла война" (стр. 127). Изъ дальнѣйшаго изложенія выходитъ, что какъ только окончилась война съ Наполеономъ, Сперанскому опять стало можно заниматься дѣлами правленія. Этотъ эпизодъ—прекрасный pendant къ эпизоду съ митрополитомъ Филиппомъ: очевидно, онъ считаетъ неудобнымъ говорить о несправедливости сильныхъ міра сего, хотя бы надъ ними уже давно былъ произнесенъ „судъ исторіи". Имъ полагается всегда быть только мудрыми, добрыми, великодушными, и г. Помяловскій, подробно разсказавъ, напримѣръ, о мести княгини Ольги древлянамъ, все-таки не затруднился и ее назвать „доброй княгиней" (стр. 10). Въ этомъ отношеніи стоитъ только прочесть одну за другою разныя характе-

ристики отдѣльныхъ лицъ, къ которымъ составитель учебника старается внушить особую любовь и почтеніе, чтобы увидѣть, сколько слащавой елейности было у него въ запасѣ, когда онъ писалъ свои характеристики.

Но оставимъ въ сторонѣ напускную елейность характеристикъ, примѣровъ которой можно привести немало. Посмотримъ еще, какъ г. Помяловскій учитъ понимать хотя бы факты внѣшней политики Россіи въ XIX в. Вотъ нѣсколько мѣстъ на удачу. При имп. Николаѣ I нѣкоторыя „войны произошли потому, что къ великодушному государю русскому обращались за помощью многіе притѣсненные и обиженные, и отказа никому не бывало“ (стр. 129). Конечно, въ числѣ притѣсненныхъ и обиженныхъ былъ и австрійскій императоръ, которому,—какъ объясняетъ г. Помяловскій событія 1849 г.,—русскій государь „уступилъ завоеванную его оружіемъ страну“ (стр. 131). Восточная война 1853 — 1856 г. изложена такъ, что читатель нисколько не будетъ удивленъ, когда прочтетъ, что, „видя успѣхи русскихъ, истомленные борьбой враги заговорили о мирѣ“ (стр. 133). Или вотъ еще: по словамъ г. Помяловскаго, если западныя державы при Александрѣ III „не смѣли нарушать мира“, то только потому, что „видѣли могущество Россіи“ и „знали, что русскій царь готовъ обуздать всякаго зачинщика войны“ (стр. 141). Ученики могутъ подумать, что западныя державы рвались всѣ между собою передраться, и что лишь Россія помѣшала имъ это сдѣлать и тѣмъ „спасла всю Европу отъ ужасовъ войны“ (тамъ же).

Особенность разсматриваемаго учебника состоитъ еще въ томъ, что, составляя въ общемъ систематическій обзоръ русской исторіи, онъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ о многихъ событіяхъ, которыя давнымъ-давно вошли во всѣ систематическіе учебники (напр., событія 1762, 1825, 1830, 1863 гг.). Мѣстами автору приходится вводить въ изложеніе и западно-европейскія событія, но и тутъ онъ умѣетъ оберегать своихъ предполагаемыхъ питомцевъ отъ соблазна; о французской революціи сказано только, что это былъ „мятежъ противъ правительства“, во время котораго мятежники уничтожили королевскую власть и провозгласили у себя республику, т.-е. народоправство“ (стр. 116).

Въ заключеніе слѣдовало бы дать небольшой совѣтъ составителю книжки. Въ предисловіи онъ обѣщаетъ „исправлять и по мѣрѣ силъ совершенствовать свой трудъ“, но если при этомъ имѣется въ виду новое изданіе книги, то авторъ сдѣлалъ бы лучше, если бы изъялъ первое изданіе изъ обращенія и приступилъ къ составленію новаго изданія не ранѣе того, какъ и имъ самимъ, и другими основательно будетъ забытъ его первый опытъ. А пока „совершенство-

ваніе“ могло бы происходить только развѣ что въ еще бо̀льшемъ развитіи тѣхъ качествъ, которыя едва-ли соотвѣтствуютъ книжкѣ, предназначенной для обученія подростающихъ поколѣній. — Н—инъ.

V.

— Рейнъ: Іоганъ-Вильгельмъ Снельманъ. Историко-біографическій очеркъ.

Всякая новая книга о Финляндіи, написанная болѣе или менѣе объективно, представляетъ цѣнное пріобрѣтеніе для нашего общества. Часть повременной печати у насъ, занимающаяся не столько Финляндіей, сколько травлей ея культурно-національныхъ учрежденій, мало, конечно, служитъ цѣли ознакомленія съ истиннымъ положеніемъ вещей въ этой странѣ. Трудъ гельсингфорсскаго профессора Рейна, нынѣ переведенный со шведскаго на русскій языкъ, не принадлежитъ, конечно, къ категоріи писаній въ духѣ Мессароша и другихъ спеціалистовъ по финляндскому вопросу. Предметомъ своего весьма обширнаго изслѣдованія проф. Рейнъ избралъ, какъ будто, жизнь и дѣятельность Снельмана. Но, — справедливо указываетъ переводчикъ, — біографія Снельмана, въ теченіе болѣе трехъ-четвертей XIX вѣка принимавшаго выдающееся участіе въ политической и общественной жизни Финляндіи, обращается въ книгѣ проф. Рейна въ исторію края за соотвѣтствующій періодъ времени. Какъ историкъ, проф. Рейнъ, и по методу своего изслѣдованія, и по своимъ воззрѣніямъ, примыкаетъ къ той старой школѣ, которая ищетъ причины совершающихся событій въ стремленіяхъ и пожеланіяхъ отдѣльныхъ историческихъ личностей. Поэтому у пр. Рейна главнѣйшее вниманіе обращено, при описаніи событій, на личный элементъ исторіи. Измѣненія, совершающіяся въ массахъ народныхъ, причины общаго характера—мало интересуютъ его. Вслѣдствіе этого, объясненіе многихъ историческихъ явленій новѣйшей исторіи Финляндіи пріобрѣтаетъ у него односторонній характеръ. Мы не думаемъ, напр., чтобы тотъ благодѣтельный поворотъ, который пережила Финляндія въ началѣ 60-хъ годовъ, произошелъ только вслѣдствіе благопріятнаго настроенія тѣхъ или иныхъ представителей личнаго начала, которымъ съумѣли искусно воспользоваться финляндскіе государственные люди. А между тѣмъ проф. Рейнъ этому политическому искусству воспользоваться настроеніемъ, придаетъ первенствующее значеніе при изслѣдованіи хода реформъ, возродившихъ Финляндію къ новой жизни. Въ своихъ сужденіяхъ и оцѣнкахъ дѣятельности лицъ и событій проф. Рейнъ высказываетъ свои политическіе взгляды, въ которыхъ опять-таки моменту такъ называемой „осторожной политической мудрости“

удѣляется слишкомъ много мѣста и значенія. Это, повидимому, объясняется тѣмъ, что трудъ Рейна (это мы узнаемъ изъ предисловія ко второму тому) писалъ до тѣхъ послѣднихъ событій, которыя создали для Финляндіи иное политическое положеніе. „Надо сознаться,—пишетъ самъ авторъ въ этомъ предисловіи:—„что при свѣтѣ совершившихся фактовъ многія сужденія, высказанныя въ этомъ трудѣ, должны показаться устарѣвшими и какъ бы сданными исторіей въ архивъ“.

Но, при всѣхъ своихъ теоретическихъ недостаткахъ, книга Рейна представляетъ крупный интересъ прежде всего по богатѣйшему фактическому матеріалу, освѣщающему всю почти исторію Финляндіи за послѣднее время. Матеріалъ этотъ не только для русскаго, но вѣроятно и для финляндскаго читателя представляется весьма цѣннымъ по своей новизнѣ, такъ какъ онъ взятъ въ значительной своей части изъ архивовъ, частной переписки и т. п. источниковъ. При обработкѣ матеріала, авторъ стремился сохранить объективность историка, и это ему удалось до нѣкоторой степени. Вся книга, со многими выводами которой, можетъ быть, и пе согласятся представители финской передовой мысли, проникнута тѣмъ не менѣе горячей любовью къ родному краю и преданностью ея самостоятельнымъ политическимъ учрежденіямъ. Въ послѣднихъ авторъ видитъ залогъ благополучія Финляндіи, причину ея расцвѣта, начавшагося въ 60-ые годы, когда финскій народъ вновь активно былъ призванъ къ политической жизни. Этотъ взглядъ автора, проникающій все его изслѣдованіе и связанный съ соотвѣтствующимъ воззрѣніемъ о правово-политическомъ положеніи Финляндіи (проф. Рейнъ склоняется къ теоріи реальной уніи), заслуживаетъ особаго вниманія и потому, что сочиненіе Рейна напечатано на русскомъ языкѣ „по распоряженію министра статсъ-секретаря великаго княжества Финляндскаго“, какъ это значится на самой книгѣ. Съ этой точки зрѣнія весьма любопытно сопоставить сужденія нашихъ оффиціозовъ и полуоффиціозовъ, въ родѣ „Новаго Времени“, о послѣднихъ финляндскихъ событіяхъ съ послѣдними страницами изслѣдованія проф. Рейна.

Оцѣнивая въ общемъ личность Снельмана, авторъ указываетъ, что „конечной цѣлью его стремленій было: поднять финскій народъ на степень полноправнаго, самостоятельнаго народа съ особой культурной жизнью и потребностями. Въ этомъ видѣ едва ли хоть одинъ финляндецъ станетъ оспаривать вѣрность его программы...“ „Онъ (Снельманъ),—читаемъ мы тутъ же—добился того, что представители низшихъ слоевъ населенія уже не считаютъ себя пасынками своей родины и сдѣлались полноправными гражданами. Это уравненіе правъ всѣхъ слоевъ населенія настолько укрѣпило народное самосознаніе,

что возросла въ значительной степени стойкость націи. Если бы испытанія, угрожающія нашей національной самостоятельности, постигли насъ въ 1840 и 1850 гг., когда финны считались какими-то безправными паріями въ странѣ, то можно себѣ представить, каковъ долженъ былъ тогда быть результатъ. Нападки на нашу національную самобытность тогда были бы гораздо опаснѣе, нежели теперь, когда уже совершено сплоченіе и когда сознаніе необходимости встать на ея защиту успѣло проникнуть въ глубокіе слои населенія. Мы сильно сомнѣваемся, чтобы *въ ту пору* удалось въ нѣсколько дней собрать болѣе полумилліона подписей подъ адресомъ въ защиту основного закона, и чтобы тогда крестьянское сословіе могло у насъ поступить такъ, какъ это имѣло мѣсто на сеймахъ 1899 и 1900 годовъ, когда крестьяне, какъ одинъ человѣкъ, вступились грудью за политическія права родины... Если признать, что самостоятельность нашего народа тѣмъ болѣе обезпечивается, чѣмъ болѣе широкіе слои населенія получаютъ возможность принимать непосредственное участіе въ совмѣстной работѣ на пользу родному краю, то нельзя не воздать должное Снельману, всю свою жизнь стремившемуся именно къ этой цѣли"..... Снельманъ вѣрилъ въ правильность этой теоріи (въ разумность естественнаго свободнаго хода развитія жизни), въ торжество правды и разума на землѣ. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что человѣческими дѣлами руководитъ высшій порядокъ, что разумное, истинное и справедливое рано или поздно восторжествуетъ, несмотря на всѣ встрѣчающіяся препятствія и пораженія. Онъ въ этомъ отношеніи раздѣлялъ точку зрѣнія своего друга юности, поэта Л. Стенбека, такъ прекрасно выразившаго указанную мысль въ извѣстномъ стихотвореніи, посвященномъ когда-то Снельману и могущемъ, собственно говоря, служить девизомъ всей исполненной борьбы и заботъ жизни славнаго патріота:

„Путемъ труда, лишеній, муки
Борясь съ невѣжествомъ и тьмой,
Пройдешь подъ знаменемъ науки
Ты въ царство истины святой.
И пусть погибнемъ мы: за нами
Пойдетъ бойцовъ сильнѣйшихъ рать...
Друзья, вѣдь, правда надъ врагами
Должна побѣду одержать!.."

Читатели, слѣдившіе за тѣмъ, какъ обсуждались въ извѣстной части повременной печати событія послѣднихъ лѣтъ въ Финляндіи, сколько злобы, клеветы и неправды распространялось добровольцами „Нов. Вр." и „Моск. Вѣд.", вѣроятно не посѣтуютъ на насъ за длинную выписку изъ труда проф. Рейна.

Обращаемся къ обзору содержанія книги г. Рейна. Первый томъ обнимаетъ жизнь и дѣятельность Снельмана до 1855 г. и даетъ картину многихъ сторонъ политической и общественной жизни Финляндіи въ царствованіе Николая I. Край прозябалъ не только въ политическомъ, но и въ культурномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Народная самодѣятельность была подавлена, и это сказывалось во всемъ. Университетъ (сначала въ Або, потомъ въ Гельсингфорсѣ) былъ проникнутъ формализмомъ и боязнью свободной мысли. Академическіе „отцы“ пуще всего боялись обвиненія университета со стороны высшей администраціи въ оппозиціонномъ духѣ, и всякая студенческая выходка принимала въ ихъ глазахъ опасный политическій характеръ. Преподаваніе подвергалось строгому контролю со стороны его правовѣрія. Когда Снельманъ, напр., въ самомъ еще началѣ своей преподавательской дѣятельности, объявилъ о своемъ намѣреніи прочесть серію лекцій „объ истинномъ значеніи и сущности академической свободы“, то ректоръ, а потомъ и консисторія университета признали этотъ предметъ совершенно недопустимымъ. Въ дѣло вмѣшался и статсъ-секретарь графъ Ребиндеръ. „Желаніе магистра Снельмана,— писалъ графъ въ оффиціальной бумагѣ, — объяснить учащейся молодежи сущность академической свободы съ философской точки зрѣнія обнаруживаетъ легкомысліе, не подобающее академическому преподавателю, который болѣе, чѣмъ кто-либо другой, долженъ помнить, что университетскій уставъ и дисциплинарныя правила для студентовъ содержатъ всѣ необходимыя по этому поводу предписанія, и что эти предписанія требуютъ не какихъ-либо комментаріевъ, а безусловнаго повиновенія“. Неудивительно, что при такихъ порядкахъ независимый Снельманъ, несмотря на крайнюю умѣренность своихъ политическихъ взглядовъ, не долго могъ продержаться въ университетѣ. Въ своемъ объясненіи по поводу инцидента, повлекшаго за собою удаленіе Снельмана, онъ писалъ между прочимъ: „меня выгоняютъ изъ университета, который даже несомнѣнные геніи признали себя вынужденными оставить, и въ которомъ люди, подобные имъ, только съ большимъ трудомъ могли завоевать себѣ положеніе. И разъ я коснулся судьбы этихъ людей, мнѣ стыдно прибавлять хоть одно слово въ свою защиту“. Можетъ быть, и для Снельмана, и для Финляндіи, уходъ его изъ университета имѣлъ крайне благотворныя послѣдствія. Совершивъ значительныя путешествія по Европѣ, проживъ продолжительное время въ Швеціи, Снельманъ возвратился на родину съ солидной философской и общественной подготовкой для той дѣятельности, которая ему предстояла. Трактатъ о государствѣ, написанный имъ подъ сильнымъ вліяніемъ философіи Гегеля, доставилъ ему репутацію ученаго не только въ родной странѣ, но и далеко за предѣлами ея. Въ этомъ

сочиненіи Снельманъ обосновываетъ свою теорію о великомъ назначеніи національности, которой онъ оставался вѣренъ всю свою жизнь. Поселившись въ маленькомъ тогда городкѣ Куопіо въ качествѣ ректора (завѣдующаго) элементарной школы, Снельманъ всецѣло почти погрузился въ журналистику, которая по условіямъ того времени была почти единственной ареной широкой общественной дѣятельности. Снельманъ сразу затѣялъ двѣ газеты, одну на финскомъ, другую на шведскомъ языкѣ. Особое значеніе пріобрѣла первая, выходившая подъ названіемъ „Сайма". Она сослужила великую службу финскому культурному движенію, поставивъ на первую очередь вопросъ о просвѣщеніи массъ. Для Снельмана этотъ вопросъ, какъ и многіе политическіе вопросы, сводился къ доставленію финскому языку не только равноправія со шведскимъ, но и господства во всей Финляндіи, во всѣхъ ея учрежденіяхъ. Такъ называемое „фенноманское" движеніе, направленное противъ шведовъ и ихъ языка, въ началѣ своего возникновенія носило скорѣе археологическій характеръ, выражавшійся въ собираніи пѣсенъ, изученіи сказаній и т. д. Но уже ко времени пребыванія Снельмана въ университетѣ „фенноманія" принимаетъ иную, болѣе общественную окраску; она становится движеніемъ демократическимъ, направленнымъ на поднятіе культурнаго уровня народныхъ массъ.

Въ этой эволюціи „фенноманскаго" движенія—„Сайма" Снельмана сыграла крупную роль. Страстная проповѣдь просвѣщенія, активности и самодѣятельности будила дремавшее финское общество. „Сайма" первая изъ финскихъ газетъ занималась всѣми текущими общественными вопросами и имѣла большой по тогдашнему времени успѣхъ. Это было нелегкимъ дѣломъ при томъ страшномъ цензурномъ гнетѣ, который господствовалъ тогда. Снельманъ въ своемъ боевомъ настроеніи не придавалъ первое время особаго значенія этому фактору. „Не можетъ быть,—писалъ онъ,—препятствій для послѣдовательной, выдержанной и смѣлой повременной печати. Слово—самое гибкое оружіе. Искусство обращаться съ нимъ пріобрѣтается въ борьбѣ съ неблагопріятными обстоятельствами,—только бы имѣлись на лицо добрая воля и настойчивость". Но оптимизмъ Снельмана скоро оказался разрушеннымъ. Несмотря на скромность либерализма „Саймы", она вызывала противъ себя цѣлый рядъ цензурныхъ мѣропріятій. Тогда генералъ-губернаторъ кн. Меньшиковъ старался въ Финляндіи проводить ту же цензурную практику, которая господствовала въ Россіи. „Сайма" наконецъ была запрещена. Никакихъ сообщеній, разсужденій по поводу этого событія допущено не было, только одна финляндская газета „Morgonbladet" напечатала въ траурной рамкѣ извѣстіе о смерти скончавшейся тогда какъ разъ русской великой княгини, и въ

той же рамкѣ привела стихотвореніе, которое всѣ отнесли къ гибели „Саймы". Тамъ, между прочими, была такая строфа:

„И такъ благородному, доброму гибель—
То воля тѣхъ силъ, что надъ нами царятъ;
Лишь злу одному здѣсь свобода, раздолье,
А высшимъ порывамъ здѣсь смертью грозятъ..."

„Сайма" вызвала нападки и со стороны даже нѣкоторыхъ феннмановъ, которые обвиняли Снельмана въ томъ поворотѣ, который намѣтился тогда въ русской политикѣ по отношенію къ финскому движенію. Въ первое время его возникновенія императоръ Николай I даже поддерживалъ его, какъ средство отторженія финновъ отъ Швеціи. Но развитіе народной литературы, повидимому, сильно обезпокоило правительство. Въ 1850 г. сенату было сообщено, что „Его Императорское Величество, до свѣдѣнія котораго дошло, что въ Финляндіи намѣревались издать новыя сочиненія на финскомъ языкѣ, обратилъ вниманіе, что лица, владѣющія финскимъ языкомъ, принадлежатъ исключительно къ рабочему или земледѣльческому классу населенія, и соизволилъ придти къ заключенію, что въ извѣстныхъ случаяхъ книги, не вредныя для образованнаго гражданина, могутъ быть невѣрно поняты необразованнымъ читателемъ изъ простонародья, при чемъ безполезное чтеніе вообще отвлекаетъ рабочій и земледѣльческій классъ населенія отъ болѣе полезныхъ занятій".

Въ виду этого и предписано было совершенно запретить печатаніе на финскомъ языкѣ политическихъ извѣстій и произведеній изящной литературы. Повидимому, это постановленіе, равно какъ и другія, ограничивавшія дѣятельность „Финскаго литературнаго общества", были направлены противъ феннманіи, не какъ противъ движенія національнаго, а какъ противъ теченія демократически-общественнаго. Это можно заключить изъ того, что одновременно съ указанными выше мѣропріятіями въ области цензурной правительство шло на встрѣчу желаніямъ феннмановъ въ смыслѣ предоставленія финскому языку оффиціальнаго положенія въ дѣлопроизводствѣ учрежденій правительственныхъ и общественныхъ.

Вообще, послѣдніе годы царствованія имп. Николая I были и для Финляндіи временемъ тяжелой реакціи. Проявленіемъ ея между прочимъ было уничтоженіе въ гельсингфорсскомъ университетѣ каѳедры философіи, въ которой, какъ извѣстно, императоръ Николай I видѣлъ главную причину безбожія и революціоннаго духа. Интересно, между прочимъ отмѣтить, что цѣлый рядъ нынѣ проектируемыхъ или уже практикуемыхъ мѣръ былъ уже тогда испробованъ. Каковъ былъ результатъ? Страна была слаба экономически, просвѣщеніе было мало

распространено, а въ смыслѣ скрѣпленія узъ съ Россіей эта система достигла того, что во время крымской войны *политическое* тяготѣніе къ Швеціи проявилось весьма сильно и ощутительно. Но это движеніе погасло сейчасъ же, какъ только Финляндіи были открыты пути къ самостоятельному національно-политическому развитію.

Второй томъ біографіи Снельмана проф. Рейнъ посвящаетъ новой эпохѣ, которая началась со вступленіемъ на престолъ Александра II. Прежде всего новыя вѣянія отразились на университетѣ. Были уничтожены многія стѣснительныя правила, была возстановлена—подъ названіемъ „этики и систематики наукъ"—каѳедра философіи, которую занялъ до того опальный Снельманъ. Одновременно съ преподавательской дѣятельностью, Снельманъ снова бросился въ публицистику и политику, которая впервые громко заявила о своемъ существованіи. Жизнь требовала осуществленія цѣлаго ряда реформъ, для которыхъ необходимы были средства, а послѣднія могли быть доставлены лишь путемъ обложенія народа, которое, въ виду основныхъ законовъ края, допускалось только съ согласія земскихъ чиновъ, созываемыхъ на сеймъ. А между тѣмъ сеймы почти полустолѣтіе не функціонировали и нерѣшительныя представленія тогдашняго статсъ-секретаря гр. Армфельта предъ Государемъ хотя и встрѣчали откликъ, но оставались безъ всякаго движенія. Къ этому именно моменту относится рѣчь проф. Шаумана, произнесенная имъ въ сентябрѣ 1856 г., на торжественномъ университетскомъ актѣ по случаю коронаціи. Главнѣйшія нужды края, о которыхъ до того времени можно было только думать про себя или говорить въ тѣсномъ кружкѣ, были высказаны открыто и прямо. Національная самостоятельность, созывъ представителей народа, расширеніе правъ финскаго языка и свобода печати—таковы были пункты выставленной программы. Представитель высшей административной власти въ краѣ, гр. Бергъ, былъ въ затрудненіи, не зная, какъ отнестись къ этой рѣчи. Кончилось дѣло тѣмъ, что рѣчь была представлена въ русскомъ переводѣ Государю, который выразилъ свое неудовольствіе по поводу того, что „неумѣстныя сужденія" были высказаны университетскимъ профессоромъ въ учрежденіи, исключительно посвященномъ научнымъ занятіямъ. Рѣчь была конфискована и перепечатка ея въ русскихъ изданіяхъ была воспрещена, но она не осталась безъ дѣйствія: въ обществѣ, сенатѣ и прессѣ заговорили снова о сеймѣ; самъ Государь нашелъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣчи „полезныя мысли", какъ гласила резолюція. Снельманъ съ сочувствіемъ привѣтствовалъ рѣчь Шаумана въ редактируемомъ имъ „Литературномъ Листкѣ". Первые шаги Императора въ обновленіи строя Финляндіи утвердили Снельмана въ мысли, что лишь путемъ довѣрія къ благожелательности правительства возможно достигнуть

Финляндіи осуществленія важнѣйшихъ ея нуждъ. Отсюда его рѣзкая полемика съ „молодой“ Финляндіей и съ финляндскими эмигрантами, въ пропагандѣ которыхъ Снельманъ видѣлъ препятствіе къ реформамъ. Направленіе дѣятельности Снельмана приблизило его къ правящимъ сферамъ, и генералъ-губернаторъ графъ Бергъ неоднократно пользовался его совѣтами. Между тѣмъ, и въ сенатѣ при обсужденіи нѣкоторыхъ вопросовъ тоже былъ поставленъ запросъ о необходимости созыва сейма. Началась закулисная борьба: генералъ-губернаторъ графъ Бергъ, съ одной стороны, доносилъ о тревожномъ настроеніи умовъ, которое, по его мнѣнію, дѣлало невозможнымъ принять столь рѣшительную мѣру; а статсъ-секретарь гр. Армфельтъ и его товарищъ Шернваль-Валленъ указывали на двусмысленность поведенія гр. Берга и передавали жалобы, которыя вызывала его дѣятельность въ краѣ. Императоръ не рѣшался дать свое согласіе на созваніе земскихъ чиновъ Финляндіи, такъ какъ это могло вызвать преувеличенныя надежды на что-нибудь подобное и въ Россіи. Тогда Государь въ видѣ исхода, внявъ голосу своихъ финляндскихъ совѣтниковъ, издалъ манифестъ о созывѣ особой временной коммиссіи съ участіемъ представителей сословій. Функціи коммиссіи и составъ ея не стояли въ соотвѣтствіи съ основными законами края. Населеніе выражало опасеніе за цѣлость этихъ законовъ, въ сенатѣ образовалось меньшинство, которое обратилось съ ходатайствомъ о разъясненіи манифеста въ томъ смыслѣ, что коммиссія должна только выработать законопроекты, имѣющіе быть впослѣдствіи представленными на разсмотрѣніе земскихъ чиновъ. Согласно этому ходатайству и былъ изданъ Высочайшій рескриптъ 12-го (24-го) апрѣля 1861 г. Это внесло успокоеніе; коммиссія дѣятельно стала разрабатывать матеріалы для сейма, который былъ открытъ лично императоромъ 14-го сентября 1863 г. Къ тому времени Снельманъ былъ уже сенаторомъ и, какъ видно изъ бумагъ, найденныхъ послѣ его смерти, имъ по порученію новаго генералъ-губернатора Рокассовскаго была составлена тронная рѣчь.

Нужно замѣтить, что тѣ главы сочиненія г. Рейна, которыя относятся къ событіямъ 1855—1863 годовъ, обработаны по совершенно до сихъ поръ неизвѣстнымъ матеріаламъ и потому сообщаютъ рядъ крайне интересныхъ и характерныхъ данныхъ. Дальнѣйшая исторія Финляндіи тѣсно связана съ дѣятельностью сеймовъ, въ работахъ которыхъ Снельманъ принималъ дѣятельное участіе. Въ качествѣ сенатора, онъ пріобрѣлъ особую благодарность страны за проведенную имъ мѣстную реформу и устройство финансовъ и принималъ участіе въ разработкѣ новой формы правленія, которая, однако, не была санкціонирована, и въ выработкѣ новаго сеймоваго устава, который былъ принятъ сеймомъ 1867 г. и получилъ силу закона. Въ рядѣ реформъ,

оживившихъ Финляндію, Снельманъ внесъ свою долю, какъ публицистъ и сеймовый депутатъ. Постройка желѣзныхъ дорогъ, реорганизація церковнаго управленія, расширеніе сферы дѣйствія финскаго языка, школьная реформа, облегченія положенія печати, воинская повинность— всѣ эти вопросы, обсуждавшіеся на сеймахъ 1867, 1872, 1877 годовъ, такъ или иначе связаны съ дѣятельностью Снельмана, и потому г. Рейнъ даетъ подробную характеристику ихъ. Но личность Снельмана, въ изображеніи г. Рейна, не исчезаетъ въ той богатой рамѣ, которою онъ ее окружилъ; Снельманъ вездѣ выступаетъ рѣзко, рельефно, со всѣми своими крупными и мелкими чертами. Конечно, при оцѣнкѣ очень многихъ сторонъ этой крупной фигуры можно часто и не соглашаться съ ученымъ біографомъ, который самъ отчасти примыкаетъ, повидимому, къ тому политическому направленію, олицетвореніемъ котораго былъ Снельманъ, но зато авторъ вездѣ даетъ матеріалъ, добросовѣстно собранный и для иныхъ выводовъ.

Въ заключеніе, одна небольшая подробность: Снельманъ, въ общемъ настроенный весьма консервативно, всегда, какъ публицистъ, сенаторъ и депутатъ, стоялъ за свободу печати въ Финляндіи. Поэтому нѣкоторое значеніе имѣетъ тотъ отзывъ, который онъ далъ по поводу представленнаго, въ 60-хъ годахъ, на его заключеніе *русскаго* „Проекта устава о книгопечатаніи“. „Разсуждая принципіально“,— пишетъ Снельманъ въ своей запискѣ:—„едва ли возможно допустить свободу печати въ неограниченной монархіи. Ибо всякая критика общественныхъ порядковъ при такой системѣ, повидимому, въ концѣ-концовъ обращается на главу государства, что̀ не можетъ быть допущено. Но если желательно сдѣлать опытъ, то благоразумнѣе не останавливаться на полпути, а довести его до конца“,— и тутъ же Снельманъ доказываетъ нецѣлесообразность предположеній коммиссіи о сохраненіи предварительной цензуры, о системѣ предостереженій, о подчиненіи цензуры вѣдомству минист. вн. дѣлъ, о цензурныхъ карахъ и т. д.

На будущее Финляндіи Снельманъ смотрѣлъ съ надеждой, но далеко безъ оптимизма. „Нельзя забывать,—писалъ онъ въ одной изъ своихъ послѣднихъ публицистическихъ статей,—что національной самобытности небольшихъ народностей угрожаютъ многія опасности. Минуетъ ли Финляндію день испытанія? Увы, исторія не даетъ основанія лелѣять такую надежду. Да не наступитъ онъ только ранѣе, чѣмъ завершится великое преобразованіе, ранѣе чѣмъ его встрѣтитъ здѣсь единодушный народъ“. Онъ боялся всегда ассимилирующаго культурнаго вліянія, но опасности съ той стороны, съ какой она пришла, Снельманъ, какъ оптимистъ, повидимому не ждалъ. По мнѣнію проф. Рейна, Снельманъ „едва ли допускалъ возможность нарушенія того правового

строя, который былъ установленъ въ 1809 г., развѣ лишь въ томъ случаѣ, еслибы Россія сама стала монархіей конституціонной, при каковыхъ условіяхъ особый дарованный Финляндіи порядокъ могъ бы оказаться излишнимъ"...

VI.

— Массальскій, В. И. О положеніи и нуждахъ наемнаго труда въ сельско-хозяйственной промышленности. М. 1903.

Въ Москвѣ возникло недавно новое весьма симпатичное учрежденіе. При техническомъ обществѣ на частныя средства основанъ „Музей содѣйствія труду"; въ числѣ другихъ цѣлей онъ ставитъ себѣ задачей изученіе условій труда рабочихъ массъ и изысканіе средствъ къ улучшенію этихъ условій. Лежащая передъ нами книга представляетъ собою результатъ дѣятельности музея. Въ основаніе книги положенъ докладъ В. И. Массальскаго, прочитанный въ постоянной коммиссіи, функціонирующей при музеѣ; пренія къ этому докладу и нѣкоторыя другія данныя, присоединенныя къ нему, даютъ книгѣ извѣстную полноту и законченность.

Докладъ г. Массальскаго резюмируетъ цѣлый рядъ изслѣдованій Тезякова, Кудрявцева, Шаховского и др., которые изучили причину движенія нашихъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ съ насиженныхъ мѣстъ на югъ, обстановку ихъ во время пути и условія ихъ труда. Картина получается крайне тяжелая. По приблизительному подсчету автора, количество уходившихъ на сельско-хозяйственныя работы доходило, въ 1900 г., до 3 милліоновъ человѣкъ. О причинахъ, гонящихъ эту человѣческую волну отъ родныхъ полей, имѣются свѣдѣнія, добытыя путемъ опроса самихъ рабочихъ. Главнѣйшими изъ нихъ являются: малоземелье, неурожай, недостатокъ заработка на родинѣ и обремененіе населенія недоимками и долгами. Кромѣ этого, силой, заставляющей населеніе передвигаться, оказывается замѣтная разница въ заработной платѣ, существующей на мѣстахъ выхода и на мѣстахъ прихода рабочихъ. Авторъ разрабатываетъ далѣе въ своемъ докладѣ данныя о составѣ этой бродячей арміи въ отношеніи возраста, пола, семейнаго положенія, грамотности. Любопытно отмѣтить и тотъ выводъ изслѣдованія, который говоритъ, что въ Россіи несомнѣнно существуетъ постоянный контингентъ рабочихъ, *не случайно* ищущихъ заработка продажей своего труда въ сельско-хозяйственной промышленности. По регистраціи, произведенной на мѣстахъ найма, во врачебно-продовольственныхъ пунктахъ, оказывается, что болѣе $^3/_4$ рабочихъ вышли на заработки не первый разъ.

Положеніе рабочихъ на пути крайне тяжелое: желѣзными дорогами и пароходами пользуется не болѣе 1/5 части рабочихъ; а если имъ возможно передвигаться этими усовершенствованными путями сообщенія, то это происходитъ при обстановкѣ, при которой путешествіе пѣшкомъ представляется даже болѣе гигіеничнымъ. Ужасны и тѣ условія, которыя окружаютъ пришлыхъ рабочихъ на рынкахъ найма. Процентъ заболѣваемости крайне высокъ. Заработная плата даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она была сравнительно высока, начинаетъ понижаться съ увеличивающимся распространеніемъ машинной работы. Данныя о продолжительности рабочаго дня, о питаніи рабочихъ—дополняютъ общую картину.

Юридическое положеніе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ по существующимъ законамъ—ненормальное; для нанимателя-хозяина созданы въ договорѣ значительныя преимущества; за нарушеніе договора найма законъ грозитъ рабочему уголовной карой—лишеніемъ свободы. Та законодательная охрана, которою пользуются фабричные рабочіе, совершенно отсутствуетъ въ этой сферѣ труда.

Общія мѣропріятія, намѣчаемыя въ докладѣ г. Массальскаго для улучшенія положенія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, сводятся къ слѣдующему: прежде всего необходимо изслѣдованіе условій труда ихъ, которое лучше всего поручить органамъ земскаго самоуправленія; далѣе, рабочій людъ долженъ получить возможность дешеваго и сноснаго передвиженія по усовершенствованнымъ путямъ сообщенія; учрежденіе врачебно-продовольственныхъ пунктовъ и справочныхъ бюро на мѣстахъ скопленія рабочихъ въ нѣкоторыхъ земствахъ проведено уже, но эта мѣра должна получить общій характеръ. Коренной пересмотръ „Положенія о наймѣ на сельскія работы", дополненіе его постановленіями о продолжительности рабочаго дня, о работѣ женщинъ и дѣтей, введеніе особой сельско-хозяйственной инспекціи—таковы другія пожеланія доклада г. Массальскаго.

Болѣе детально разработаны предложенія доклада въ приложеніяхъ, имѣющихся въ книгѣ. В. Ф. Ставровскій въ своей запискѣ даетъ цѣлый проектъ санитарныхъ мѣропріятій, необходимыхъ для улучшенія быта сельско-хозяйственныхъ рабочихъ; В. Г. Виленцъ [1]) взялъ на себя задачу проанализировать дѣйствующія узаконенія о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и дѣлаетъ рядъ выводовъ о необходимости сблизить это Положеніе съ правилами о наймѣ рабочихъ на фабрики и заводы.

Не лишены интереса тѣ свѣдѣнія, которыя мы находимъ во вве-

---

[1]) „Музей содѣйствія труду" много обязанъ энергіи этого общественнаго дѣятеля, недавно скончавшагося въ самомъ расцвѣтѣ силы и дѣятельности.

деніи къ книгѣ: они относятся къ освѣщенію вопроса въ мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ, работавшихъ въ 1902—1903 гг. Составъ комитетовъ, въ большинствѣ состоявшихъ изъ представителей крупнаго землевладѣнія, въ *этомъ* вопросѣ проявилъ свое дѣйствіе. Интересы рабочихъ почти нигдѣ не были затронуты, почти вездѣ проглядываютъ заботы землевладѣльцевъ объ обузданіи рабочихъ. Можно указать рядъ ходатайствъ комитетовъ объ усиленіи каръ за нарушеніе со стороны рабочихъ договора, о предоставленіи земскимъ начальникамъ рѣшать подобнаго рода дѣла въ административномъ порядкѣ, и т. д., и т. д. Два комитета (галичскій и фатежскій) постановили даже ходатайствовать передъ правительствомъ о ввозѣ въ Россію дешевыхъ работниковъ-китайцевъ. „Въ китайцахъ,—мотивировалъ сѣверный помѣщикъ,—галичскіе землевладѣльцы найдутъ себѣ вѣрныхъ, исполнительныхъ и дешевыхъ работниковъ. Китайцы оживятъ нашъ затерянный въ лѣсныхъ дебряхъ край и современемъ найдутъ въ немъ себѣ новое отечество“. Фатежскій землевладѣлецъ разработалъ эту идею болѣе основательно. Онъ проектируетъ учрежденіе особыхъ правительственныхъ агентовъ для заключенія съ китайцами долгосрочныхъ контрактовъ и для регулированія всего вообще дѣла. Въ числѣ подробностей предлагаемой организаціи заслуживаетъ вниманія система проектируемыхъ строгихъ взысканій. „Мѣра эта,—читаемъ мы въ запискѣ фатежскаго аграрія,—крайне необходима въ виду строгихъ карательныхъ наказаній, существующихъ въ китайскомъ государствѣ, и полной de facto безнаказанности у насъ по несоблюденію условій договора найма. Если отвѣтственность китайскихъ рабочихъ по несоблюденію договоровъ оставить по существующему у насъ законодательству, то отличающійся въ настоящее время своей честностью и добросовѣстностью китайскій рабочій, сразу попавъ подъ наши законы, при которыхъ самая тяжкая кара—мѣсячный арестъ въ бездѣльи нашей роскошной тюрьмы, покажется ему настолько соблазнительнымъ, что онъ всячески будетъ стараться этой кары достигнуть, и тогда китайскіе рабочіе станутъ еще бо̀льшими мошенниками, чѣмъ наши, а намъ, землевладѣльцамъ, придется только безвозвратно терять затраченныя нами по перевозкѣ и на задатки китайцамъ деньги, что̀ только ляжетъ еще болѣе тяжкимъ бременемъ на нашъ и безъ того уже истощенный бюджетъ“. Конечно, *такія* мнѣнія были рѣдкостью и среди комитетовъ, но по существу—тенденціи, проглядывающія въ этихъ курьезныхъ сужденіяхъ, въ болѣе приличной формѣ, звучали въ очень многихъ работахъ и постановленіяхъ. Тѣмъ болѣе умѣстно появленіе книги, объективно и всесторонне выясняющей истинное положеніе дѣлъ въ настоящемъ вопросѣ. — М. Г—анъ.

Въ теченіе октября, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Адріановъ, А. В.—Очерки Минусинскаго края. Томскъ. 904. Ц. 60 к.

Ачкасовъ, Ал.—Образцы изящной русской рѣчи. Для взрослыхъ. М. 903. Ц. 1 р.

Бараць, Г. М. — Опытъ возстановленія текста и объясненіе древне-русскихъ юридическихъ памятниковъ. Спб. 903.

Бертенсонъ, Сергѣй. — Опытъ библіографическаго указателя Гоголевской юбилейной литературы. Спб. 903.

Бехтеревъ, В.—Основы ученія о функціяхъ мозга. Вып. 1. Спб. 903.

Билимовичъ, А. Д. — Министерство финансовъ. 1802—1902. Историческій очеркъ. Кіевъ. 903.

Богдановичъ, К. И. — Ученіе о рудныхъ мѣсторожденіяхъ. Курсъ, читанный въ Горномъ институтѣ. Вып. 1. Спб. 903. Ц. 1 р. 85 к.

Бородинъ, Н.—Каспійско-волжское рыболовство и его экономическое значеніе. Спб. 903. Ц. 50 к.

Буренинъ, В.—Театръ. Т. I: Потонувшій колоколъ—Забава Путятишна—Ожерелье Афродиты—Женщина съ кинжаломъ—Мадонна Беатриче—Фьяметта. Спб. 904. Ц. 1 р.

Ведребисели, (Д. К. Мякіева). — „Нетронутый уголокъ". Грузинскіе разсказы. Т. I. Спб. 903. Ц. 1 р.

Воскресенскій, А. Е. — Общинное землевладѣніе и крестьянское малоземелье. Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Ганото, Г.—Франція до Ришелье. Съ франц. С. П. Мельгуновъ. М. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Гейне. — Атта-Троль. Сонъ въ лѣтнюю ночь. Перев. и предисл. П. Коменова. М. 902. Ц. 1 р.

Грегоровіусъ, Ферд.—Исторія города Рима въ средніе вѣка (отъ V-го до XVI-го столѣтія). Съ 4-го нѣм. изд., съ дополн. по новому (1900 г.) итальянскому переводу. Перев. М. Литвиновъ. Т. II. Съ планомъ г. Рима въ эпоху императоровъ и 33 иллюстраціями. Спб. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Долиновъ, Л. М.—Искатель истины. Спб. 903.

Драгановъ, П. Д.—Графъ Л. Н. Толстой, какъ писатель всемірный, и распространеніе его произведеній въ Россіи и за границей. Спб. 903. Ц. 75 к.

Дубовицкій, Д. Ив.—Опытъ изслѣдованія пензенской губерніи и юго-восточной Россіи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Ч. II и III. Пенза. 903.

Елистратовъ, А.—О прикрѣпленіи женщины къ проституціи. Врачебно-полицейскій надзоръ. Каз. 903. Ц. 2 р.

Елпатьевскій, К. — Разсказы и стихотворенія изъ русской исторіи. 2-ое изд. дополненное. Спб. 903. Ц. 1 р.

Зальсскій, В. Ф.—Лекціи энциклопедіи права. Каз. 903. Ц. 2 р.

Зелинскій, В. — Русская критическая литература. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. О произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Ч. I. Изд. 3-ье. М. 903. Ц. 1 р.

——— О произведеніяхъ Н. В. Гоголя. Ч. I. Изд. 3-ье. М. 903. Ц. 1 р.

——— О произведеніяхъ М. Ю. Лермонтова. Ч. I. Изд. 2-ое. М. 903. Ц. 1 р.

——— Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Ч. III: 1874—1877. Изд. 2-е. М. 903. Ц. 1 р.

——— Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Вып. II, ч. 1. Изд. 4-е. М. 903. Ц. 2 р.

——— Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго. Ч. III. Изд. 2-е. М. 903. Ц. 1 р.

——— Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Ч. I. Изд. 3-ье. М. 903. Ц. 1 р.

Зварницкій, Д. И. — Источники для исторіи запорожскихъ козаковъ. Въ 2-хъ том. Владим. губерн. 903. Ц. 6 р. за оба тома.

Зеландъ (Дубельтъ), Е. — Герцогъ Джаколо. Драма въ 5 дѣйствіяхъ. Спб. 903. Стр. 95. Ц. 1 р,

Зинченко, Н.—Театръ при Петрѣ Вел. Очеркъ. Спб. 904. Ц. 15 к.

Іона, архим. — Свѣтъ съ Востока. Письма настоятеля посольской церкви въ Константинополѣ о церковныхъ дѣлахъ православнаго Востока. Вып. I. Спб. 903.

Иртеньевъ, Н. — Несовременные разсказы. Замѣтки и впечатлѣнія. Изд. О. А. Корсакевичъ. Либава. 903. Ц. 2 р.

Казанскій, П., проф. — Возрожденіе изученія права въ русскихъ университетахъ. Од. 903.

Карпентеръ, Эд. — О бракѣ (Marriage). Съ англ. М. И. Брусянина. Спб. 904. Ц. 25 к.

Карѣевъ, Н.—Учебная книга Древней исторіи. Съ историческими картами. Изд. 3-ье. Второе—было допущено Учен. Ком. Мин. нар. просв. для старшихъ классовъ гимназій, и Учебн. Отдѣл. мин. финансовъ для коммерческихъ училищъ. Спб. 903. Ц. 1 р. 20 к.

Компере.—Ж.-Ж. Руссо и его воспитаніе естественное. Перев. П. Первовъ. М. 903. Ц. 40 к.

Костомаровъ, Н. — Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Т. II (продолженіе и окончаніе): Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II. XVIII-е столѣтіе. Изд. 4-е. Спб. 903. Ц. 3 р.

Кюльпе, О. — Современная философія въ Германіи. Характеристика ея главныхъ направленій. Лекціи, читанныя для народныхъ учителей въ Вюрцбургѣ. Съ нѣм. М. Лембергъ, п. р. и съ предисловіемъ проф. Н. Н. Ланге М. 903. Ц. 80 к.

Лощиловъ, П. А.—О санитарныхъ условіяхъ кожевеннаго производства въ Нижегородской губерніи. Н.-Новг. 903.

Любичъ-Кошуровъ, I.—Братъ человѣчества. М. 903. Ц. 75 к.

Мальбраншъ, Н. — Разысканіе истины. Съ франц. перев. Е. Смѣловой, п. р. Э. Радлова. Т. I. Спб. 903. Ц. 2 р.

Мартыновъ, С. В.—Современное положеніе русской деревни. Сарат. 903.

Молль, А.—Врачебная этика. Обязанности врача во всѣхъ отрасляхъ его дѣятельности. Съ нѣм. перев. д-ръ мед. Я. Левенсонъ, съ прилож. статьи М. Уварова о положеніи общественной медицины въ Россіи. Спб. 903. Ц. 2 р.

Ницше, Фр.—Такъ говорилъ Заратустра. Книга для всѣхъ и для никого. Съ нѣм. перев. Ю. М. Антоновскаго. 2-е изд. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Т. и *П. Ш.* — Новыя законы о служащихъ и рабочихъ, занятыхъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ и на желѣзныхъ дорогахъ. М. 904. Ц. 25 к.

Пановъ, А. В.—Домашнія библіотеки. Опытъ систематическаго указателя книгъ для самообразованія. Сарат. 903. Ц. 40 к.

28*

Петрушевскій, А. — Краткій обзоръ Суворовской литературы, русской, французской и нѣмецкой—по 1903 годъ. Съ 3 прилож. Спб. 903. Ц. 2 р.

Пирожковъ, М. В. — Сборникъ задачъ для вступительныхъ экзаменовъ въ высшія техническія учебныя заведенія. Пособіе для экзаменаторовъ. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Полетаевъ, Н. А.—Что такое философія и гдѣ ея предѣлы. Спб. 903.

Потапенко, И. Н. — Сочиненія. Томъ I. Счастье поневолѣ. Романъ.—Повѣсти и разсказы: Пѣшкомъ за славой.—До и послѣ.—Остроумно.—Небывалое дѣло. Стр. 542. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. На дѣйствительной службѣ. Деревенскій романъ и др. повѣсти и разсказы изъ духовнаго быта. 3-е изд. А. Ф. Маркса. Спб. 903. Стр. 549. Ц. 1 р. 50 к.

Привислинецъ, Д. *Туткевичъ* и А. *Дружининъ*. — Россія и западная ея окраина. Кіевъ. 903. Ц. 1 р.

Прискорбный, Ѳома.—Самобытный отечественный „мыслитель". Еп. Ѳеофанъ въ письмахъ на общественныя темы. Страница изъ исторіи нашего умственнаго развитія. Спб. 903. Ц. 20 к.

Пругавинъ, А. С. — Старообрядческіе архіереи въ суздальской крѣпости. Очеркъ изъ исторіи раскола по архивнымъ даннымъ. Спб. 903. Ц. 25 к.

Пѣтуховъ, С. П. — Воронежская огнеупорная глина и примѣненіе ея въ промышленности. Спб. 903.

Рейнъ, Т.—Іоганъ-Вильгельмъ Снельманъ. Историко-біографическій очеркъ. Сокращенный перев. со шведскаго. Спб. 903. Ц. 3 р. 50 к.

Риль, Ал. — Введеніе въ современную философію. 8 лекцій. Съ нѣм. Г. Котляръ. М. 903. Ц. 1 р.

Ройтманъ, Дм.—Курсъ космографіи. (Начальная астрономія). Спб. 903. Ц. 1 р. 10 к.

Сервантесъ Сааведра, Мигуель. — Безподобный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Перев. съ испанск., съ предисловіемъ, біографіей автора и примѣчаніями, сдѣлалъ Маркъ Басанинъ. Въ 4-хъ томахъ. Спб. 903. Ц. 2 р. 40 к.

Скаржинскій, А. Б. — Къ вопросу объ обезпеченіи рабочихъ отъ послѣдствій несчастныхъ случаевъ. Спб. 903.

Снегиревъ, Л. Ѳ.—Процессъ о злоупотребленіяхъ въ харьковскомъ земельномъ и торговомъ банкахъ: Судебное слѣдствіе — Приговоръ палаты — Кассаціонныя жалобы—Судебныя пренія. М. 903. Стр. 943+240+117. Ц. 3 р. 50 к.

Степовичъ, А. І.—Ежегодникъ коллегіи П. Галагана. 1902—1903. Годъ 3. Кіевъ. 903. Ц. 2 р.

Сыромятниковъ, С. Н. (Сигма). — Изъ жизни современнаго сердца. Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Тезяковъ, Н. И. — Матеріалы по изученію дѣтской смертности въ Воронежской губерніи. Ворон. 903.

——— Основы санитарной статистики. Спб. 903. Ц. 60 к.

Харузинъ, Николай. — Этнографія. Лекціи, читан. въ Имп. Москов. Университетѣ. Изданіе посмертное, п. р. В. Харузиной. Вып. III: Собственность и первобытное государство. Спб. 903. Ц. 2 р.

Хохловъ, Г. Т.—Путешествіе уральскихъ казаковъ въ „Бѣловодское царство". Съ предисловіемъ Влад. Короленко. Спб. 903.

Фальковскій, Ф.—Пробужденіе. Драма-сказка, въ 5 д. Спб. 903.

Челпановъ, Г., проф.—Мозгъ и Душа. Критика матеріализма и очеркъ современныхъ ученій о душѣ. 2-е изд. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Шарвинъ, В. В.—Химія на службѣ человѣку. М. 903.

Шерадамъ, А. — Европа и австрійскій вопросъ на рубежѣ XX столѣтія. Спб. 903.

Шепелевичъ, Д.—„Донъ-Кихотъ" Сервантеса. (Т. II: „Жизнь Сервантеса и его произведенія" 1901 г.). Съ портретомъ Сервантеса и приложеніями. Спб. 903. Ц. 1 р. 75 к.

Шиловскій, П.—Акты, относящіеся къ политическому положенію Финляндіи. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Шингаревъ, А. И. — Обще-губернская санитарная организація въ Воронежской губерніи. Ворон., 903.

Шницеръ, Я. Б. — Иллюстрированная всеобщая исторія письменъ съ 155 рис. и 19 отдѣльн. таблицами, печатанными красками и золотомъ. Спб. 903. Ц. 4 р. Изд. А. Ф. Маркса.

Шопенгауеръ, Арт. — Изученіе человѣка по выраженію лица. Спб. 904. Ц. 15 к.

Шпилевскій, С. М.—Столѣтіе училища имени Демидова. Демидовскій юридическій лицей. Рѣчь директора лицея, 30 августа 1903 г. Ярославль. 903.

Щегловъ, В. Г.—Высшее учебное заведеніе въ г. Ярославлѣ имени Демидова, въ первый вѣкъ его образованія и дѣятельности (6 іюня 1803—1903 г.). Историческій очеркъ. Яросл. 903.

Myrian, A.—Le Système de Newton est faux. Tulle. 903.

— Библіотека армянскихъ писателей. № 1: Агароньянъ, А., Башó, перев. К. Мелихъ-Каракозовъ. Тифлисъ. 903. Ц. 20 к.

— Галерея русскихъ дѣятелей. Главные дѣятели освобожденія крестьянъ. Премія къ „Вѣстнику и Библіотекѣ самообразованія". П. р. С. Венгерова. Изд. Брокгауза-Ефрона. Ц. 2 р.

— Губернскіе съѣзды и совѣщанія земскихъ врачей и представителей земскихъ управъ Саратовской губерніи, съ 1876 г. по 1894 г. Составл. П. Калининымъ, п. р. Н. Тезякова. Сарат. 903.

— Ежегодникъ Императорскихъ Театровъ. Сезонъ 1900—1901 г. Приложеніе 1-е и 2-е. Спб. 903.

— Извѣстія Восточнаго Института, п. р. директора Института А. Позднѣева. Т. III: 1901—2 академич. годъ. Вып. II, IV, V. Т. II, 1902—3 акад. годъ. Владивостокъ. 903.

— Отчетъ Коммиссіи по народному образованію. Начальныя народныя училища. XXVI-й годъ. 1877—1903 г. Спб. 903.

— Отчетъ Одесской Городской Управы, за 1902 г., по народному образованію. Од. 903.

— Отчетъ о дѣятельности Педагогическаго Общества, состоящаго при Имп. Москов. Университетѣ, за 1901—1902 г. Годъ IV. М. 903.

— Отчеты изслѣдованія по кустарной промышленности. Т. VII. Спб. 903.

— Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгородской губерніи за 1902 годъ. Съ приложеніемъ докладовъ и отчетовъ Губернской Управы. Т. I и II. Новг. 903.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Вятской губерніи за 1903 годъ (годъ XII-ый). Вып. II. Виды на урожай въ 1903 г. Вятка. 903.

— Современные европейскіе беллетристы. Вып. VI: Углекопы (Schlagende Wetter). Драма въ 4 д. Маріи Делле-Граціе. Съ нѣм. перев. Э. Б. Харьк. 903. Ц. 50 к.

— Статистическій Ежегодникъ Вятской губерніи за 1900 годъ. Вятка. 903.

— Статистическій Сборникъ С.-Петербургской губерніи. 1901 г. Вып. 1. Сельское хозяйство и крестьянскіе промыслы въ 1900—1901 сельско-хозяйственномъ году. Спб. 903.

— Статистическія свѣдѣнія по начальному народному образованію въ Россійской имперіи. Вып. 4 (данныя 1900 года). Ред. В. Фармаковскаго и Е. П. Ковалевскаго. Спб. 903.

— Статистико-экономическій обзоръ по Елизаветградскому уѣзду Херсонской губерніи за 1902 годъ. Изд. Земской Управы. Елисаветгр., 903.

— Труды Общества больничныхъ врачей въ Спб., съ приложеніемъ протоколовъ засѣданій Общества за 1902 г. П. р. Н. Кетчера. Годъ второй. Спб. 903.

— Тысяча-девятьсотъ-третій годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. II и III. Спб. 903.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Thomas Mann. „Der kleine Herr Friedemann“.—„Tristan“. Novellen. Berlin, 1903 (S. Fischer, Verlag).

Томасъ Маннъ—уроженецъ Любека. Онъ знаетъ жизнь портовыхъ городовъ сѣверной Германіи и изображаетъ ее чрезвычайно талантливо и живо въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ. Въ Германіи, гдѣ каждый городъ имѣетъ свою характерную физіономію и живетъ своей автономной жизнью, очень развился въ послѣдніе годы такъ называемый „областной романъ“, т.-е. изображеніе отдѣльныхъ мѣстностей германской имперіи съ ихъ обособленными интересами, нравами и типами. Наиболѣе прославившійся „областной романъ“—„Іерне Уль“ Густава Френсена, столь колоритно возсоздавшій жизнь тихаго уголка въ Шлезвигъ-Гольштиніи. Теперь же на ряду съ нимъ ставятъ вышедшую нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ книгу Томаса Манна—романъ „Buddenbrooks“, очерки изъ котораго печатаются въ настоящее время въ „Вѣстникѣ Европы“ [1]). Съ той же эпической пространностью и съ такимъ же вдумчивымъ проникновеніемъ въ смыслъ обыденныхъ жизненныхъ переживаній, съ какимъ Френсенъ описываетъ судьбу одного человѣка, Томасъ Маннъ повѣствуетъ о судьбахъ большой семьи въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Френсенъ придаетъ въ своемъ романѣ огромное значеніе личной иниціативѣ, видитъ въ трудѣ спасеніе отъ всѣхъ страданій и ударовъ судьбы, и въ общемъ относится примирительно къ жизни, хотя и описываетъ ея мрачныя стороны. Томасъ Маннъ, напротивъ того, пессимистъ въ своемъ пониманіи жизни, хотя часто останавливается и на свѣтлыхъ явленіяхъ дѣйствительности, и также обнаруживаетъ иногда добродушный юморъ въ отдѣльныхъ характеристикахъ. Близость Томаса Манна къ Френсену заключается такимъ образомъ не въ одинаковомъ пониманіи жизни, а скорѣе въ одинаковой манерѣ, въ неторопливомъ описаніи характерныхъ подробностей жизни, въ умѣньи углублять будничныя переживанія среднихъ людей. Въ „Іерне Уль“ жизнь крестьянскаго сына изъ маленькой шлезвигской деревушки пріобрѣтаетъ общечело-

---

[1]) См. окт., 682 стр., и выше: стр. 287.

вѣческій интересъ заключенными въ ней страданіями, увлеченіями, ошибками и стремленіями; и точно также въ романѣ Томаса Манна исторія купеческой семьи со всѣми жизненными переживаніями ея многочисленныхъ членовъ становится въ правдивомъ и пластичномъ изложеніи Томаса Манна воплощеніемъ жизни и судьбы среднихъ людей.

Томасъ Маннъ—новый человѣкъ въ нѣмецкой литературѣ. Кромѣ романа „Buddenbrooks“, онъ написалъ еще двѣ книги небольшихъ разсказовъ: „Der Kleine Herr Friedemann“ и „Tristan“. Это—рядъ психологическихъ этюдовъ, составляющихъ до нѣкоторой степени подготовленіе къ большому роману: дѣйствующія лица разсказовъ принадлежатъ къ тому же буржуазному кругу, какъ и семья хлѣботорговцевъ Будденброковъ, и во многихъ разсказахъ выступаютъ даже лица, болѣе пространно описанныя въ романѣ „Buddenbrooks“. Въ разсказахъ Манна намѣчаются уже всѣ особенности его писательской манеры: выдержанный реализмъ, сказывающійся въ изобиліи яркихъ и характерныхъ подробностей, а также большая пластичность типовъ и характеровъ. Основной мотивъ разсказовъ—тотъ же, который разрабатывается болѣе пространно и убѣдительно въ большомъ романѣ: Маннъ изображаетъ печальные контрасты жизни, невозможность сочетать болѣе возвышенныя и утонченныя потребности духа съ условіями житейскаго благополучія, трагизмъ столкновеній между „правдой души“ и „правдой жизни“. Герои и героини разсказовъ не принадлежатъ къ числу сильныхъ, преуспѣвающихъ натуръ. Это, напротивъ того, большей частью неудачники съ сосредоточенной внутренней жизнью, люди съ тонкими эмоціями—и печальной судьбой. Содержаніе разсказовъ заключается въ изложеніи отдѣльныхъ эпизодовъ, переживаній, въ которыхъ сказывается и весь душевный складъ, и опредѣляющаяся имъ судьба человѣка. Развязка всѣхъ разсказовъ Манна трагическая—въ нихъ говорится всегда о гибели возвышенныхъ, чистыхъ натуръ, не выносящихъ грубости и жестокости жизни. Въ противоположность реалистамъ школы Зола, Маннъ не развѣнчиваетъ человѣка,—какъ психологъ, онъ скорѣе идеалистъ и умѣетъ находить удивительно тонкія душевныя движенія у простыхъ, безхитростныхъ людей, но его пессимизмъ обращенъ къ жизни, и онъ со скорбной убѣжденностью и убѣдительностью разсказываетъ о жестокихъ насмѣшкахъ судьбы надъ людьми съ тонкой, впечатлительной душой. Чѣмъ богаче душевный міръ человѣка, чѣмъ сильнѣе и нѣжнѣе его чувства, тѣмъ болѣе онъ во власти торжествующихъ въ жизни грубыхъ натуръ, тѣмъ вѣрнѣе онъ идетъ къ гибели. „Маленькій господинъ Фридеманъ“ обреченъ на грустную жизнь съ дѣтства. Онъ родился здоровымъ ребенкомъ, но его уронила нянька, и онъ выросъ хилымъ гор-

буномъ, но съ красивымъ грустнымъ лицомъ. Болѣзненность и слабость, однако, не озлобили его; сильная и сосредоточенная внутренняя жизнь его съ юности направлена на то, чтобы примириться съ лишеніями, на которыя его обрекла судьба, и чтобы найти утѣшеніе и радость въ мирномъ созерцательномъ существованіи. Первое наивное увлеченіе хорошенькой дѣвочкой, сестрой школьнаго товарища, и ея предпочтеніе другому, здоровому и веселому мальчику, научаетъ Фридемана отказаться отъ надеждъ на счастливую любовь. Онъ убѣждается разъ навсегда, что всѣ эти бурныя радости, о которыхъ ему съ увлеченіемъ разсказываютъ товарищи,—„не для него". Онъ съ этимъ мирится и замыкается въ своемъ внутреннемъ мірѣ, испытывая радости, недоступныя другимъ. У него развивается особая блаженная любовь къ природѣ, особое отношеніе ко всѣмъ впечатлѣніямъ извнѣ: и удовольствія, и грусть составляютъ для него источникъ глубокихъ ощущеній, и все существо его преисполняется чувствомъ тихой гармоніи, примиренностью со всѣмъ, что приноситъ жизнь. Такъ проходятъ долгіе тихіе годы; Фридеманъ живетъ незамѣтной для другихъ богатой внутренней жизнью, внѣшнее же его существованіе—самое обыденное и скромное. Онъ служитъ въ экспортной конторѣ, у него есть, кромѣ того, небольшія личныя средства, и онъ живетъ тихо въ обществѣ трехъ своихъ сестеръ, старыхъ дѣвъ, окружающихъ его нѣжными попеченіями. Но, доживъ мирно до тридцати лѣтъ, „маленькій господинъ Фридеманъ", встрѣчаетъ женщину, которая нарушаетъ его мудрое душевное спокойствіе, и минутная мечта о счастьѣ любви, т.-е. о томъ, что „не для него", губитъ его. Женщина, въ которую онъ влюбляется, принадлежитъ къ разряду „жестокихъ красавицъ", наслаждающихся своей властью надъ сердцами. Ей пріятно наивное обожаніе маленькаго горбуна, она побѣждаетъ его инстинктивную замкнутость, заставляетъ его забыть обычную сдержанность, дать волю охватившему его чувству. Она его мучитъ своимъ жестокимъ любопытствомъ, разспрашиваетъ о причинахъ его горба, но вмѣстѣ съ тѣмъ вводитъ его въ обманъ своимъ нѣжнымъ вниманіемъ. И только тогда, когда онъ, забывъ свое обычное оборонительное отношеніе къ жизни, начинаетъ страстно говорить ей о любви, она съ оскорбительнымъ презрѣніемъ и насмѣшкой отталкиваетъ его и уходитъ; онъ остается одинъ въ уединенной аллеѣ сада, куда она сама завлекла его,—и это внезапное пробужденіе къ печальной дѣйствительности послѣ минутной грезы о счастьѣ такъ трагично, что Фридеманъ, пройдя нѣсколько шаговъ до находящагося по близости пруда, бросается въ воду. Правда жизни открылась ему во всей своей жестокости,—онъ почувствовалъ несправедливое торжество жизненныхъ удачниковъ надъ

обиженными судьбой, какъ бы искренни и глубоки ни были чувства послѣднихъ, и не можетъ пережить неожиданнаго удара.

Болѣе сложное столкновеніе между торжествующей пошлостью, которая безсознательно давитъ слабыя души, смутно и безсильно тянущіяся къ свѣту и красотѣ, изображено въ лучшей повѣсти Манна— „Tristan“: въ санаторію для легочныхъ больныхъ (саркастическое описаніе санаторіи, шарлатанскихъ пріемовъ врачей, разныхъ типовъ паціентовъ сдѣлано очень живо, правдиво и остроумно) богатый коммерсантъ привозитъ свою жену, блѣдную, кроткую молодую женщину. Мужъ—очень здоровый и плотный, очень шумный и самодовольный человѣкъ; онъ всѣмъ разсказываетъ и о своемъ крупномъ дѣлѣ, которое требуетъ его присутствія и не позволяетъ ему остаться дольше одного дня при больной женѣ, и о своемъ необычайно здоровомъ, увѣсистомъ ребенкѣ, рожденіе котораго и было причиной болѣзни матери. Къ женѣ онъ относится съ преувеличенной заботливостью, съ обиліемъ нѣжныхъ словъ,—причемъ за всѣмъ этимъ чувствуется сухость сердца и мелкій эгоизмъ. Ея болѣзнь—чахотка, но онъ предпочитаетъ называть ее катарромъ легкихъ, чтобы имѣть нравственное право не тревожиться. Молодая женщина, оставшись одна въ лечебницѣ, сторонится отъ большинства паціентовъ, любящихъ говорить безъ конца о своемъ здоровьи. Съ нею сближается только одинъ изъ пансіонеровъ санаторіи—писатель, котораго всѣ считаютъ чудакомъ. Ему нравится молчаливая блѣдная женщина, онъ часто бесѣдуетъ съ ней, узнаетъ ея жизнь—и угадываетъ интимную драму, отъ которой она гибнетъ, сама не отдавая себѣ въ этомъ отчета. Она—нѣжное, чуткое существо, рожденное для поэтической любви и красоты; дѣвушкой она жила среди какихъ-то сказочныхъ мечтаній, вдали отъ реальнаго міра, чуждая ему,—и все, что было дорого и близко ея душѣ, она умѣла выразить только въ музыкѣ. Явился „претендентъ на ея руку“, дѣловой человѣкъ, имѣвшій въ виду породниться съ ея богатымъ отцомъ и, кромѣ того, дѣйствительно полюбившій тихую, красивую дѣвушку. Она охотно пошла за него замужъ,—не зная жизни, не понимая людей, не чувствуя, что губитъ свою душу. Но постепенно пошлое благополучіе мужа стало ее заѣдать—чѣмъ болѣе онъ расцвѣталъ въ своемъ эгоистическомъ, грубомъ жизненномъ довольствѣ, тѣмъ болѣе печальной и одинокой становилась она, хирѣя и страдая отъ сѣрости и будничности жизни. Остатокъ ея силъ ушелъ на рожденіе сына—унаслѣдовавшаго плотскую натуру отца. Она заболѣваетъ острой легочной болѣзнью—и рада уединиться въ санаторіи, вдали отъ шумно-жизнерадостнаго мужа, отъ чуждаго ей по духу ребенка. Въ частыхъ и долгихъ бесѣдахъ съ ней писатель глубоко заглядываетъ въ эту „оскорбленную грубостью жизни душу“

и нѣжно привязывается къ ней. Однажды, когда всѣ пансіонеры отправляются вмѣстѣ съ докторомъ кататься на саняхъ, пользуясь солнечнымъ морознымъ днемъ, писатель остается наединѣ съ своей пріятельницей (она отказалась отъ прогулки въ шумномъ обществѣ) въ опустѣвшей гостиной и заставляетъ ее сѣсть за рояль. Она сначала отказывается, ссылаясь на слабость и на то, что она долго не упражнялась въ игрѣ, но, наконецъ, уступаетъ его просьбѣ. Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ вещей, она воодушевляется и играетъ „Isolden's Liebestod" Вагнера; въ этой бурной трагической пѣсни любви и смерти выливается вся истрадавшаяся душа молодой женщины; когда она кончаетъ играть, писатель болѣе чѣмъ когда-либо убѣждается въ непростительномъ преступленіи, совершенномъ надъ чистой, стремившейся къ духовнымъ высотамъ женщиной. Ея мужъ кажется ему убійцей, загубившимъ красоту и молодость жены, душевныя потребности которой такъ противоположны его жизненнымъ идеаламъ. Страстная игра на роялѣ—послѣднее проявленіе жизненной энергіи у молодой женщины. Ей становится хуже,—и докторъ быстро вызываетъ мужа, чтобы убѣдить его увезти больную; въ санаторіяхъ не любятъ, чтобы смертные случаи портили статистику выздоравливаній. Когда пріѣзжаетъ шумный коммерсантъ въ сопровожденіи своего цвѣтущаго младенца и разряженной мамки,—писатель проникается ненавистью къ этому зрѣлищу торжествующей пошлости, запирается у себя въ комнатѣ и пишетъ пространное письмо этому совершенно незнакомому ему человѣку, выясняя ему его преступленіе, доказывая ему, что онъ не имѣлъ права „сорвать вѣнецъ съ головы сказочной принцессы" и избрать ее въ подруги своей мелкой жизни. Получивъ письмо за полной подписью писателя, возмущенный и въ сущности ничего не понимающій „честный буржуа" отправляется къ своему обидчику для объясненій и говоритъ ему рѣзкости въ полномъ сознаніи своей правоты и безупречности. Ихъ бурное объясненіе, за которымъ долженъ былъ бы послѣдовать вызовъ, внезапно обрывается—приходятъ сказать, что больная умираетъ, и мужъ ея спѣшитъ къ ней. Опять торжествуетъ трагическая „правда жизни", и возвышенное, прекрасное существо становится жертвой благоденствующей пошлости.

Жестокость жизни служитъ темой еще одного разсказа Манна, очень характернаго для его міросозерцанія. Разсказъ носитъ заглавіе: „Luischen" и изображаетъ мучительную власть красивой, но безсердечной жены надъ ея мужемъ, уродливымъ человѣкомъ съ нѣжнымъ любящимъ сердцемъ. Онъ какъ бы чувствуетъ себя виновнымъ предъ нею за свою внѣшнюю непривлекательность и терпѣливо выноситъ всѣ ея капризы, моля ее только о томъ, чтобы она никогда не обма-

нывала его. Сразу чувствуется, что изъ этихъ двухъ связанныхъ другъ съ другомъ, по какой-то злой ироніи судьбы, людей духовное превосходство—на сторонѣ смѣшного для постороннихъ, непривлекательнаго, не умѣющаго держать себя въ обществѣ, ненаходчиваго мужа, а не на сторонѣ блестящей красавицы жены, вызывающей общее участіе своимъ неудачнымъ по видимости бракомъ. Она—очень чувственная натура и при этомъ сухая, жестокая эгоистка. Ей пріятно мучить и унижать мужа. Не довольствуясь тѣмъ, что она измѣняетъ ему, она придумываетъ вмѣстѣ со своимъ возлюбленнымъ, пустымъ, но красивымъ свѣтскимъ фатомъ, злую шутку надъ беззащитнымъ въ своей безконечной добротѣ и кротости мужемъ. Она уговариваетъ его устроить вечеръ съ различными увеселеніями и зрѣлищами для гостей—и „гвоздемъ" спектакля долженъ быть танецъ съ куплетами, исполненный хозяиномъ въ костюмѣ пейзанки. Несчастный мужъ красавицы умоляетъ избавить его отъ шутовской роли, но долженъ уступить женѣ, у которой разгорается инстинктъ жестокости. Вечеръ наступаетъ, и послѣ цѣлаго ряда разнообразныхъ представленій передъ зрителями появляется въ пестромъ женскомъ нарядѣ хозяинъ дома, возбуждая даже не смѣхъ, а ужасъ своимъ уродствомъ, и съ искаженнымъ лицомъ начинаетъ пѣть веселую пѣсенку „Луисхенъ" о томъ, какъ она плѣняетъ всѣ сердца. Пѣніе сопровождается ужимками и танцами—подъ музыку, сочиненную пріятелемъ хозяйки; композиторъ и хозяйка аккомпанируютъ куплетамъ на роялѣ въ четыре руки. Всѣмъ становится почти страшно отъ трагическаго уродства этой сцены, и мучительность зрѣлища усугубляется еще странностью музыки, сочетающей мотивы банальнаго вальса съ болѣзненно дѣйствующими, грустными диссонансами. Одинъ изъ этихъ диссонансовъ заставляетъ несчастнаго исполнителя „Luischen" обернуться къ роялю, и онъ вдругъ останавливается, прерывая свой шутовской танецъ: глядя на увлеченную игрой, разгорѣвшуюся отъ жестокаго наслажденія жену, онъ сразу все понимаетъ, и, охваченный смертельнымъ ужасомъ, падаетъ. Его поднимаютъ уже мертвымъ.

Подобные диссонансы жизни, трагизмъ глубокихъ чувствъ, не уживающихся съ пошлостью и практическими условіями жизненнаго успѣха, составляютъ содержаніе и всѣхъ остальныхъ разсказовъ Манна, отличающихся драматизмомъ изложенія, тонкостью психологическаго анализа и яркимъ реализмомъ въ описаніи житейскихъ подробностей.

II.

Ellen Key. Menschen. Charakterstudien. Стр. 330 (Berlin, S. Fischer, Verlag).

Въ своей новой книгѣ критическихъ этюдовъ, озаглавленной „Люди", извѣстная шведская эссеистка, Элленъ Ки, даетъ очень интересныя характеристики жизни и творчества двухъ великихъ писателей истекшаго XIX-го вѣка, шведскаго поэта Альмквиста и англійскаго Роберта Броунинга, присоединяя ко второму очерку біографію и разборъ произведеній жены Броунинга, поэтессы Елизаветы Баретъ-Броунингъ. Интересъ этихъ трехъ очерковъ заключается въ томъ, что, кромѣ эстетической оцѣнки названныхъ поэтовъ, Элленъ Ки выясняетъ ихъ значеніе для нашего времени, указывая на связь ихъ міросозерцанія и ихъ художественной манеры съ идейными задачами конца XIX-го и начала XX-го вѣка.

Имя Альмквиста, которому посвящена первая половина книги Элленъ Ки, извѣстна и за предѣлами его родины. Его знаютъ какъ автора символической „Книги о шиповникѣ" и какъ борца противъ общественныхъ предразсудковъ и условной морали, но яснаго представленія объ Альмквистѣ, какъ писателѣ и человѣкѣ, нѣтъ внѣ его родины; онъ не вошелъ въ общую европейскую литературу, какъ вошелъ въ нее, напримѣръ, изъ старыхъ шведскихъ писателей Тегнеръ, а изъ новѣйшихъ Стринбергъ, и поэтому обстоятельный и убѣдительный очеркъ Элленъ Ки въ ея книгѣ, появившійся теперь въ нѣмецкомъ переводѣ, является чрезвычайно цѣннымъ.

Элленъ Ки особенно настаиваетъ на томъ, что Альмквистъ—„самый современный шведскій поэтъ"; по своимъ же стремленіямъ, также какъ и по своей художественной манерѣ,—доказываетъ она,—онъ прямой предвозвѣстникъ задачъ, выдвинутыхъ концомъ XIX-го вѣка,—стремленія къ синтезу, къ объединенію искусства и жизни; кромѣ того, при всемъ своемъ реализмѣ, при пламенномъ желаніи поднять нравственный уровень въ своей странѣ, искоренить пагубные предразсудки, Альмквистъ въ своихъ художественныхъ пріемахъ имѣетъ много общаго съ лучшими представителями новѣйшаго символизма. Какъ Блэкъ, жившій въ началѣ XIX-го вѣка и не понятый своими современниками, является прародителемъ англійскихъ прерафаэлитовъ, такъ и Альмквистъ, романтикъ начала XIX-го вѣка, тоже не понятый своимъ временемъ и испытавшій много преслѣдованій въ жизни,—предвозвѣстникъ нео-романтизма нашихъ дней.

Разсказывая жизнь шведскаго поэта, Элленъ Ки говоритъ, что она представляетъ рѣдкій примѣръ полной гармоніи между словами

и дѣломъ писателя по своему неуклонному слѣдованію философскимъ и нравственнымъ идеаламъ, по той ясности души, съ которой Альмквистъ выносилъ всѣ выпавшія на его долю страданія, сохранивъ до старости обаятельную мягкость характера и улыбку просвѣтленнаго мудреца. Въ теченіе своей долгой жизни Альмквистъ выдвигался на очень разнообразныхъ поприщахъ. Воспитанный своимъ дѣдомъ, ученымъ библіотекаремъ Гервелемъ, онъ въ дѣтствѣ увлекался старинными книгами и рукописями, подавая надежду стать кабинетнымъ ученымъ - такимъ же археологомъ, какъ его дѣдъ. Но ученость, увлекавшая его въ первой юности, не стала единственной цѣлью его жизни. Въ 20-хъ годахъ XIX-го вѣка Альмквистъ женился и поселился со своей молодой женой въ деревнѣ, занимаясь полевыми работами и литературнымъ творчествомъ. Удрученный и устрашенный условностью городской жизни, онъ уединился на лонѣ природы для болѣе спокойной и плодотворной дѣятельности. Но черезъ десять лѣтъ жизнь Альмквиста круто измѣнилась; онъ сталъ ректоромъ новой реформированной школы въ Стокгольмѣ, извѣстнымъ педагогомъ, окруженнымъ почетомъ и любовью своихъ учениковъ, а также прославленнымъ поэтомъ. Въ 40-хъ годахъ наступаетъ новая перемѣна. Альмквистъ принужденъ отказаться отъ ректорства и предается исключительно литературному труду, публицистической дѣятельности въ газетѣ „Aftonbladet“, и кромѣ того пишетъ много беллетристическихъ произведеній, а также заваленъ всякаго рода ремесленнымъ трудомъ— перепиской нотъ, корректорствомъ, чертежами картъ и т. д. Это годы тяжелой жизненной борьбы, непосильнаго труда для прокормленія себя, жены и дѣтей. Художественное творчество его въ это время затруднялось тяжелыми житейскими условіями, и нѣкоторое облегченіе наступило лишь тогда, когда, по ходатайству одного епископа, родственника Альмквиста, король Оскаръ пришелъ на помощь голодающему знаменитому поэту и назначилъ его на должность полкового пастора. Но не прошло и десяти лѣтъ, какъ лѣтомъ 1851-го года Альмквистъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ въ рыбацкой лодкѣ изъ своей родины, преслѣдуемый и правительствомъ, и буржуазнымъ обществомъ за смѣлую проповѣдь свободы личности. Онъ бѣжалъ въ Америку и долго жилъ тамъ въ городахъ и въ лѣсахъ, ведя тяжкую жизнь эмигранта, тяжело работая на разныхъ поприщахъ, чтобы добыть себѣ скудный заработокъ. И только въ срединѣ 60-хъ годовъ онъ вернулся въ Европу утомленнымъ сѣдымъ старикомъ, сохранившимъ, однако, неувядаемую ясность души, поселился въ Бременѣ и жилъ тамъ уединенной жизнью среди своихъ книгъ и бумагъ. Когда онъ заболѣлъ, его перевели въ больницу, занеся его въ списки подъ именемъ профессора Вестермана; а когда онъ умеръ, его похо-

ронили на кладбищѣ для бѣдныхъ. Только гораздо позже останки его перевезены были въ Швецію и преданы торжественному погребенію.

Въ этой жизни, столь полной переходовъ отъ одиночества къ лихорадочной дѣятельности среди людей, отъ короткихъ моментовъ славы къ долгимъ годамъ одинокаго скитанія среди чужихъ, полной неожиданностей перемѣнъ судьбы, есть однако глубокая внутренняя цѣльность: Альмквистъ оставался вѣренъ себѣ, сохранялъ всегда ясность души, и всегда стремился объединить жизнь съ искусствомъ, превратить жизнь въ своего рода богослуженіе. Въ своемъ главномъ произведеніи, въ „Книгѣ о шиповникѣ", онъ высказываетъ надежду на то, что въ грядущемъ свѣтломъ будущемъ отношеніе къ искусству будетъ такимъ же, какъ къ религіи. Всѣ святыя проявленія жизни, трудъ, красота и любовь,—лепестки мистической міровой розы. Вся жизнь Альмквиста осуществляетъ на дѣлѣ его пониманіе жизни какъ священнодѣйствія, и то, что онъ чувствовалъ и къ чему стремился въ дѣйствительности, выражено символически въ „Книгѣ о шиповникѣ", гдѣ говорится объ идеалѣ жизни, сливающейся съ искусствомъ путемъ тѣснаго единенія съ природой. Не нужно творить, чтобы быть художникомъ, нужно только „созерцать жизнь взорами невинности",—тогда человѣкъ живетъ въ сліяніи со всей міровой жизнью, а это и есть истинное богослуженіе, приношеніе на алтарь Господень—„розъ міровой любви". Въ этой проповѣди сліянія жизни съ искусствомъ и религіей" заключается основная идея Альмквиста, его протестъ противъ раздвоенности, противъ отдѣленія внутреннихъ потребностей души отъ служенія непосредственнымъ житейскимъ цѣлямъ.

Стремленіе къ слитной міровой жизни, выражающейся не только въ безплодныхъ мечтаніяхъ, но въ любви и трудѣ на пользу общаго просвѣтленія, приближаетъ романтика Альмквиста, борца противъ переживаній XVIII-го вѣка, къ нашему времени. Современники Альмквиста не понимали его, но онъ нашелъ единомышленниковъ и продолжателей своей проповѣди въ Рёскинѣ и въ движеніи, созданномъ во всей Европѣ англійскими пре-рафаэлитами. На примѣрѣ Альмквиста ясно видна преемственность между романтизмомъ начала XIX-го вѣка и литературой нашихъ дней. Романтики стремились инстинктивно къ тому, что современная намъ философія старается совершить сознательно, т.-е. къ тому, чтобы разбить—конечно, не въ дѣйствительности, а въ познаваніи—границы между тѣломъ и душой, между жизнью и смертью, между нормальнымъ и ненормальнымъ, между язычествомъ и христіанствомъ. Измученное дуализмомъ, человѣческое сознаніе ищетъ исхода въ монизмѣ, стремится къ синтетическому объединенному пониманію міра,—и то же стремленіе ярко проявляется во всемъ творчествѣ Альмквиста, пріобщая его къ нашему времени.

Не только общностью внутренняго содержанія, но и внѣшней формой, т.-е. особенностями своей художественной манеры, Альмквистъ близокъ къ поэтамъ конца XIX и начала XX в. Въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ онъ сливаетъ границы между опредѣленными литературными формами, эпосомъ, лирикой и драмой, и стремится создать новыя свободныя рамки для выраженія своихъ мыслей и чувствъ. Онъ вводитъ свободный стихъ въ свою лирику, пишетъ стихотворенія въ прозѣ, а въ его драмахъ анализъ ощущеній и внутреннихъ переживаній преобладаетъ надъ дѣйствіемъ. Альмквистъ безконечно разнообразитъ свой стиль, заботясь только о соотвѣтствіи содержанія съ формой, въ которую оно воплощено. Выдержанность настроенія, искренность тона кажутся ему болѣе существенными признаками истинно художественнаго произведенія, чѣмъ строгое слѣдованіе законамъ лирики или драмы. Онъ признаетъ единственнымъ закономъ художественнаго творчества — слѣдованіе интуитивному чувству, стихійному вдохновенію; интуицію Альмквистъ ставитъ выше разсудочности, ограничивающей чувство связи съ міровой жизнью. Сущность поэзіи онъ видитъ въ откровеніяхъ души поэта, примыкая тѣмъ самымъ къ поэзіи настроеній нашего времени. Поэтическая манера Альмквиста тоже сильно отличается отъ языка романтиковъ съ ихъ любовью къ яркимъ краскамъ и фантастическимъ образамъ. Задолго до Бодлэра онъ почувствовалъ соотвѣтствіе между всѣми проявленіями жизни въ природѣ, между звуками, запахами, красками, и подобно современнымъ символистамъ передаетъ свои ощущенія сопоставленіями впечатлѣній зрѣнія, слуха и обонянія, характеризуя звуки красками, запахи звуками и т. д., и находя въ этомъ символъ единства міровой жизни.

Изъ произведеній Альмквиста, очень многочисленныхъ и разнообразныхъ, наиболѣе знаменита его „Книга о шиповникѣ“: въ формѣ бесѣдъ общества, собравшагося въ охотничьемъ замкѣ для чтенія и обсужденія стиховъ чудака Рикарда Фурумо, Альмквистъ излагаетъ свое міросозерцаніе, говоритъ о сліянности всего существующаго. Въ эту книгу онъ хотѣлъ включить всю жизнь, показать единство въ многообразіи, и многообразіе въ единствѣ, разбить границы между самыми различными проявленіями жизни, отразить весь міръ, краски и запахи внѣшнихъ предметовъ, чувства, выражающіяся въ слезахъ и смѣхѣ, поэзію, религію и философію. Пользуясь мотивами изъ жизни и поэтическихъ преданій всѣхъ странъ, онъ съумѣлъ дѣйствительно глубоко заглянуть въ единую сущность всего разнообразія міра, и символическая книга о „Міровой розѣ“, проникнутая глубокимъ чувствомъ гармоніи и преисполненная неувядаемыхъ поэтическихъ красотъ, составляетъ вѣнецъ творчества Альмквиста. По своему основ-

пому настроенію, по сосредоточенности и глубинѣ гармоничнаго, примиреннаго отношенія къ бытію какъ къ цѣлому, книга Альмквиста глубоко родственна философскимъ идеаламъ нашего времени.

Но другія произведенія Альмквиста показываютъ, что онъ не всегда былъ преисполненъ цѣльнаго гармоничнаго отношенія къ жизни. Въ его творчествѣ отразилась внутренняя борьба противъ глубоко терзавшаго его дуализма, противъ мучительнаго сознанія разорванности въ мірѣ, противъ невозможности примириться съ страданіями и зломъ. Онъ самъ объяснялъ двойственность своей натуры тѣмъ, что унаслѣдовалъ различные темпераменты своихъ родителей; мать его была нѣжной мечтательницей, любившей природу и увлекавшейся Руссо; отецъ, военный коммиссаръ Альмквистъ—умный человѣкъ, исключительно занятый практическими интересами; бракъ родителей Альмквиста былъ несчастный, и противоположности ихъ натуръ, не сглаженныя любовью, отразились на сынѣ. Онъ самъ говоритъ, что иногда въ немъ пробуждалась „чиновничья душа“ отца, иногда сказывалась поэтическая натура матери. Поэтому его такъ мучила раздвоенность въ природѣ, въ общественной жизни и въ христіанствѣ: его пугалъ Христосъ съ Его требованіемъ „всего или ничего“, заграждая ему путь къ наслажденію жизнью, къ полнотѣ индивидуальнаго развитія. Альмквисту удалось впослѣдствіи достигнуть внутренняго примиренія и побороть ужасъ передъ контрастами жизни. Онъ нашелъ успокоеніе въ чувствѣ непосредственнаго благоговѣнія передъ неразгаданностью міра, въ любви ко всему живущему. „Любовь не спрашиваетъ, а своимъ присутствіемъ все объясняетъ“, писалъ онъ.

Но прежде, чѣмъ достигнуть этой гармоніи, Альмквистъ пережилъ долгій періодъ борьбы, омрачившей для него радость жизни, и всѣ произведенія этой поры обращены на темныя стороны жизни, главнымъ образомъ на мучительные вопросы о безуміи и преступленіи, которые врываются въ жизнь и мутятъ ея источники. Вопросу о преступленіи посвящена его книга „Аморина“, написанная въ юности. Въ ней онъ высказываетъ мысль, ставшую теперь общепризнанной истиной, о томъ, что преступленіе является часто слѣдствіемъ унаслѣдованныхъ инстинктовъ или психическихъ болѣзней, и что къ преступникамъ надо относиться какъ къ больнымъ, превращая тюрьмы въ больницы. Герой книги—предвозвѣстникъ Нитцшевскаго „сверхъчеловѣка“; онъ унаслѣдовалъ отъ родителей преступные инстинкты, заставляющіе его вѣчно жаждать крови. Изображая его жертвой своего безумія, Альмквистъ ополчается противъ теоріи о свободѣ воли и показываетъ безпомощность человѣка передъ рокомъ. Изъ охватывающаго его отъ этого сознанія отчаянія Альмквистъ находитъ исходъ въ непосредственномъ чувствѣ единенія съ природой. Свѣтъ правды

заключенъ для него въ прозрѣніяхъ созерцательныхъ чувствъ—это довѣріе къ безсознательному, скрытому въ душѣ, сближаетъ Альмквиста съ Метерлинкомъ. Слова Альмквиста о томъ, что самая высокая жизнь—безсознательная, такая, когда человѣкъ становится какъ бы лирой, струнъ которой касается Богъ (этотъ идеалъ воплощенъ въ героинѣ его книги, Аморинѣ), звучатъ какъ цитата изъ драмъ Метерлинка.

Мысли о безуміи и преступности занимаютъ Альмквиста и въ другихъ его произведеніяхъ, въ сатирѣ „Ормуздъ и Ариманъ" и въ „Часовнѣ". Тотъ фактъ, что въ жизни людей такъ много страданій, кажется ему неразрѣшимой загадкой, затемняющей вѣру въ благость мірозданія. Сравнивая человѣческую природу съ узорчатой тканью камчатнаго полотна, онъ восклицаетъ: „Господь соткалъ эту ткань. Но не спрашивай, какъ вотканы въ узоры цвѣтовъ нити преступленій. На этотъ вопросъ ты не получишь отвѣта". Единственный исходъ изъ сомнѣній — отказаться отъ искушенія постигнуть тайну добра и зла и, слѣдуя внутреннему инстинкту, вѣрить, любить и помогать другъ другу, ибо просвѣтить другъ друга мы не можемъ". „Изъ этого жизненнаго принципа исходятъ всѣ стремленія Альмквиста къ воздѣйствію на людей, къ проповѣди жизни, построенной на правдѣ и любви,—вся его упорная борьба противъ общественныхъ предразсудковъ и условной морали. Согласно своему основному убѣжденію, онъ гораздо менѣе довѣряетъ государственнымъ и общественнымъ мѣропріятіямъ, чѣмъ внутреннему нравственному чутью отдѣльныхъ людей. Въ „Ормуздѣ и Ариманѣ" изображена въ сатирическомъ видѣ заботливость Ормузда, который точнѣйшимъ образомъ регламентируетъ устройство государства и семьи, искусства и природы, и доходитъ въ своемъ отеческомъ попеченіи до того, что опредѣляетъ, какія породы розъ должны рости въ садахъ, и въ какихъ лѣсахъ соловьи — подъ страхомъ грозы и ливня за ослушаніе—должны пѣть, услаждая слухъ людей. Но цвѣты, животныя и люди почтительно пользуются благодѣніями Ормузда лишь днемъ,—ночью же по землѣ проносится таинственное существо, дѣйствующее безъ плана и порядка, и разрушающее вліяніе Ормузда на тѣла и на души. Благодаря ему, раскрывается внутреннее очарованіе природы въ небывалой прелести—и тамъ, гдѣ показывается таинственный духъ, пробуждается сущность вещей". Ормуздъ, обезпокоенный разрушителемъ своихъ благихъ намѣреній, называетъ его „подозрительной личностью", но люди полюбили этого врага Ормузда, потому что подъ властью послѣдняго они не чувствовали себя счастливыми. „Люди были бы радостнѣе, если бы имъ не навязывали опредѣленныхъ путей для добра, а довѣряли ихъ внутреннему чутью, если бы имъ дали возможность свободно

пользоваться плодами разума, силы и добра, для того, чтобы идти къ свѣту".

Высказавъ въ сатирической формѣ свой взглядъ на первенствующее значенiе свободнаго внутренняго влеченiя человѣка къ добру, Альмквистъ еще болѣе рѣзко и опредѣленно высказывается объ антагонизмѣ свободы личности и ограничивающихъ рамокъ законности въ „Трехъ женщинахъ изъ Смолета". Тамъ онъ говоритъ о тайнѣ преступленiя словами, напоминающими Ницше: „Преступленiя,—говоритъ онъ, — путь, по которому человѣчество идетъ впередъ, и каждый новый культурный перiодъ воплощаетъ то, что предшествующiй считалъ смертельнымъ грѣхомъ и противъ чего боролся всѣмъ своимъ могуществомъ, всей своей мудростью и всѣми своими законами, по той простой причинѣ, что каждая ступень культуры охраняетъ свою жизнь, оберегаетъ себя отъ смерти. Пороки двигаютъ человѣчество впередъ, и только благодаря имъ создается въ жизни дѣйствительно важное; вотъ послѣдняя истина, которую можетъ выразить человѣческiй языкъ, потому что послѣ нея мало что остается сказать. Я говорю вовсе не о всѣхъ порокахъ, даже не о большинствѣ ихъ,—не о мелкихъ грѣхахъ и заблужденiяхъ, а о самомъ большомъ, о смертномъ грѣхѣ каждаго столѣтiя, о томъ, передъ которымъ вся культура даннаго перiода содрогается, какъ передъ угрозой своей смерти. Этотъ грѣхъ раскрываетъ двери для новаго круга понятiй, ведетъ вверхъ на болѣе высокую культурную ступень... Потому и Христосъ былъ распятъ, что Его проповѣдь расширяла культурныя понятiя ветхозавѣтнаго мiра". Нельзя не изумиться смѣлости мысли, высказанной Альмквистомъ въ этихъ словахъ,—высказанной задолго до нашего времени, когда смѣлость разрушительныхъ и назидательныхъ взглядовъ стала всеобщимъ лозунгомъ и залогомъ успѣха.

То, что Альмквистъ называетъ „ведущимъ впередъ человѣчество смертнымъ грѣхомъ", означаетъ, конечно, борьбу за свободу, борьбу противъ общественныхъ предразсудковъ и переживанiй въ области нравственности во имя нарождающихся въ свободной душѣ новыхъ и болѣе высокихъ представленiй о добрѣ. Эту борьбу Альмквистъ велъ не только словомъ, но и дѣломъ, и испыталъ тяжкiя гоненiя, возбудилъ величайшее озлобленiе противъ себя въ обществѣ, устрашенномъ его разрушительными теорiями, и долженъ былъ искать спасенiя въ бѣгствѣ. Онъ обрушился на самое больное мѣсто въ общественномъ устройствѣ, на ложь, лежащую въ основѣ буржуазной семьи, смѣло заговоривъ о безнравственности браковъ, построенныхъ не на любви. Въ настоящее время его мысли не кажутся неслыханно смѣлыми, хотя зло, на которое онъ ополчился, далеко не устранено; проповѣдь, за которую онъ поплатился благополучiемъ всей жизни,

возобновлена его соотечественникомъ Стриндбергомъ и другимъ скандинавскимъ писателемъ Бьернсономъ, не говоря о множествѣ писателей другихъ странъ. Но теперь обличителей лжи въ области семейныхъ отношеній не постигаетъ месть встревоженнаго общества, а напротивъ того, они вызываютъ сочувствіе; Альмквистъ же дѣйствительно очутился въ положеніи человѣка, совершившаго смертный грѣхъ относительно своихъ современниковъ, когда открылъ имъ двери къ новому пониманію одного изъ основныхъ вопросовъ общественной жизни, когда во всеуслышаніе уподобилъ людей, живущихъ въ бракѣ безъ любви, фальшивымъ монетчикамъ. Альмквистъ по личному опыту убѣдился въ безотрадности и пагубности семьи, въ которой нѣтъ любви между мужемъ и женой. Ребенкомъ онъ страдалъ отъ несогласія между родителями, а потомъ былъ самъ несчастливъ въ бракѣ съ чуждой ему по духу женой. Цѣлый рядъ повѣстей, теоретическихъ статей и брошюръ посвящены Альмквистомъ вопросу о бракѣ; наибольшую бурю вызвала его повѣсть „Обойдется“ (Es geht an), въ которой проповѣдуется бракъ, основанный на любви и равноправности супруговъ, на производительномъ трудѣ, и обличается ложь и уродство несвободной, связанной разными предразсудками семьи. Почти одновременно съ этой повѣстью, Альмквистъ издалъ трактатъ „О причинахъ общаго недовольства въ Европѣ“, гдѣ, ссылаясь на разные церковные авторитеты, доказывалъ, что церковь должна освящать только истинный, построенный на любви бракъ, и что теперешній бракъ создаетъ только путы, умножающія ложь жизни. Эти книги, также какъ и другія публицистическія работы Альмквиста, посвященныя вопросамъ о реформѣ образованія, объ улучшеніи быта рабочихъ, и были причиной всеобщаго негодованія противъ Альмквиста, и заставили его спасаться отъ преслѣдованій бѣгствомъ въ Америку.

Такова жизнь и дѣятельность замѣчательнаго шведскаго поэта, соединявшаго мистицизмъ въ искусствѣ съ проповѣдью практическаго индивидуализма въ жизни и предугадавшаго въ началѣ XIX-го вѣка идеи, ставшія общимъ достояніемъ лишь въ наше время.

Статьи о Робертѣ Броунингѣ и его женѣ, составляющія вторую половину книги Элленъ Ки, написаны очень интересно и обстоятельно, но представляютъ мало новаго сравнительно съ тѣмъ, что извѣстно объ этой замѣчательной во всѣхъ отношеніяхъ четѣ первоклассныхъ англійскихъ поэтовъ.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 ноября 1903.

Еще о религіозно-философскихъ собраніяхъ.—Магометанская пропаганда среди саратовскихъ чувашей.—Отдѣльные цензора и совмѣстительство обязанностей редакторскихъ и цензорскихъ. — Вопросъ о національности земскихъ начальниковъ въ сѣверо-западномъ краѣ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы говорили о религіозно-философскихъ собраніяхъ, два года сряду происходящихъ въ Петербургѣ. Пользуясь отчетами объ этихъ собраніяхъ, печатаемыми въ журналѣ „Новый Путь“, мы остановились на одной изъ затронутыхъ ими темъ (свободѣ совѣсти) и старались выставить на видъ своеобразный интересъ преній, въ которыхъ участвуютъ представители различныхъ, рѣдко сходящихся между собою слоевъ нашего общества. Не менѣе любопытенъ и обмѣнъ мыслей, вызванный докладомъ Д. С. Мережковскаго: „Левъ Толстой и русская церковь“ [1]). Отправляясь отъ извѣстнаго опредѣленія св. синода, которымъ Л. Толстой признанъ не принадлежащимъ болѣе къ православной церкви, докладчикъ поставилъ, между прочимъ, вопросъ: „есть ли св. синодъ полноправный представитель вселенской церкви Христовой“? Нельзя сказать, чтобы этотъ вопросъ получилъ въ собраніи полное всестороннее освѣщеніе; чаще и больше шла рѣчь о личности и дѣятельности Толстого, о значеніи произнесеннаго надъ нимъ приговора. Два различные взгляда на нашу церковную организацію выразились, однако, съ достаточною ясностью. Самъ докладчикъ напомнилъ слова Достоевскаго: „русская церковь въ параличѣ съ Петра Великаго“. Духовнымъ регламентомъ,—говоритъ г. Мережковскій,—„Петръ подчинилъ церковь государству. Съ тѣхъ поръ дѣятельность церкви стала лишь *духовною политикою*, частью болѣе обширной и важной политики государственной. Петръ соединилъ въ себѣ власть русскаго царя съ властью русскаго патріарха, *кесарево*—съ *божьимъ*“. „Онъ богъ твой, богъ твой, о Россія!“—восклицаетъ о немъ Ломоносовъ; Ѳеофанъ Прокоповичъ еще при жизни Петра называетъ его „христомъ“ (въ смыслѣ помазанника Божьяго). Съ другой стороны, раскольничья легенда провозглашаетъ Петра антихристомъ—„и въ этой чудовищной легендѣ народная мистика выражаетъ свой самый глубокій, испытующій вопросъ объ отношеніи

[1]) См. № 2 „Новаго Пути“. Докладъ г. Мережковскаго представляетъ собою часть предисловія ко второму тому его книги: „Л. Толстой и Достоевскій“.

русскаго самодержавія къ русскому православію, идеи человѣкобога къ идеѣ Богочеловѣка"... „Съ Петра Великаго"—читаемъ мы дальше—„за церковью стоитъ государство, за жезломъ духовнымъ—мечъ гражданскій. Надо быть исторически справедливымъ къ русскому образованному обществу; нельзя обвинять его за этотъ слишкомъ естественный вопросъ, который шевелится въ умѣ: въ данномъ случаѣ, относительно Л. Толстого, у котораго бунтъ противъ церкви такъ неразрывно связанъ съ бунтомъ противъ государства—насколько и само дѣйствіе церкви независимо отъ внушеній государственныхъ"? Въ вопросѣ, такимъ образомъ поставленномъ, заключается уже, собственно говоря, и отвѣтъ нѣкоторымъ изъ участниковъ преній, вызванныхъ докладомъ, данный въ болѣе прямой и ясной формѣ. „Церковь"—сказалъ Е. А. Егоровъ—„учреждена Христомъ, а правительствующій синодъ—Петромъ Великимъ. Церковь вѣчна, и самыя врата адовы не одолѣютъ ее; а синоду нѣтъ и двухсотъ лѣтъ, и бытію его могутъ положить конецъ три слова царствующаго императора. Церковь учреждена для цѣлей спасенія; синодъ учрежденъ ради цѣлей духовной политики. Будучи, въ силу ст. 43-ей законовъ основныхъ, органомъ верховной власти, учрежденнымъ ради цѣлей церковнаго управленія, синодъ есть именно административный органъ свѣтской власти. Поскольку синодъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ полномочій, данныхъ ему волей россійскихъ монарховъ, постольку его опредѣленія авторитетны. Попытки придать ему значеніе чего-то самосущаго, стоящаго внѣ зависимости отъ преходящей воли земной власти, встрѣчаютъ неодолимую преграду въ вышеупомянутомъ учредительномъ законѣ. Пробуютъ намекать, что синодъ—церковный соборъ; но церковный соборъ дѣйствуетъ не въ силу внѣшняго повелѣнія, а по непосредственно ему принадлежащей власти. Устами православной власти св. синодъ не можетъ быть признанъ и потому, что синодовъ много... Вообразите себѣ только на одну минуту, напр., хоть Никейскій соборъ: отцы собора составили исповѣданіе вѣры, а протонотарій или куропалатъ византійскаго вазилевса положилъ этотъ символъ единой истинной вѣры подъ сукно—можете вы вообразить такое положеніе вещей? Конечно, нѣтъ, ибо каноны соборовъ дѣйственны внѣ всякой зависимости отъ усмотрѣнія агентовъ политической власти. Между тѣмъ, всякое опредѣленіе правительствующаго синода получаетъ силу только подъ условіемъ одобренія его свѣтскимъ чиновникомъ. Не поставитъ онъ своего *читалъ* (за которымъ подразумѣвается: „и содержаніе онаго одобрилъ") —и опредѣленіе отцовъ тѣмъ самымъ уравнивается нулю. Само собою разумѣется, что никакой чиновникъ не въ состояніи заградить уста вселенской апостольской церкви и былъ бы безсиленъ въ равной мѣрѣ передъ опредѣленіями синода, еслибы синодъ былъ церковью, а не

однимъ изъ высшихъ административныхъ органовъ, существующихъ исключительно въ силу повелѣнія россійскихъ государей"... Ту же самую мысль выразилъ и В. В. Розановъ. „Синодъ"—замѣтилъ онъ—„не соборъ, даже не церковное учрежденіе. Если туда придетъ сектантъ со своими сомнѣніями—развѣ съ нимъ станутъ тамъ говорить? Въ синодѣ сидятъ ученые и администраторы, туда не зовутъ простыхъ умомъ и сердцемъ... Нужно всмотрѣться во все учрежденіе синода, въ рожденіе его и исторію, въ механизмъ его устройства, въ смыслъ вызова епископовъ засѣдающихъ и въ самый процессъ засѣданія, и наконецъ въ постоянныя двухвѣковыя темы его сужденій, чтобы понять, что это есть строгое, точное, такъ сказать алгебраическое учрежденіе, безъ собственной личной въ немъ души, ея волненій, ея свободы, мученій совѣсти. Синодъ не имѣетъ ни традицій, ни формъ судить явленіе чисто личной религіозной жизни... Въ одной части онъ административное учрежденіе, въ другой—философская академія". „На апостольскомъ соборѣ"—сказалъ А. В. Карташевъ—„не было цезаря, а въ духовномъ регламентѣ говорится, что учреждаемая коллегія крайняго своего судію имѣетъ самого самодержавнаго монарха".

Не меньше сторонниковъ нашло въ собраніи и противоположное мнѣніе. В. А. Терновцевъ, возражая Е. А. Егорову, доказывалъ, прежде всего, что русская церковь ничего не потеряла съ замѣной патріарха синодомъ [1]). „Патріаршерство было отмѣнено не по прихоти Петра. Передъ отмѣной оно сдѣлалось центромъ реакціи. Оно могло существовать только до тѣхъ поръ, пока государство русское было движимо однимъ лишь загробнымъ идеаломъ. Явилось патріаршество въ исторіи по настояніямъ той же свѣтской власти и въ такой же мѣрѣ, какъ и синодъ". Когда послѣ смерти Петра Великаго все сдѣланное имъ висѣло на волоскѣ, ничто не мѣшало возстановленію патріаршества; но „о немъ забыла Россія—и это вѣрный признакъ того, что оно ей не было нужно. Синодъ созывается свѣтскою властью: но и вселенскіе соборы также созывались свѣтскою властью, и отцы собора считали это законнымъ". Признавая, что „синодъ—не соборъ", г. Терновцевъ восклицаетъ: „синодъ есть синодъ—и для рѣшенія вопроса о Толстомъ ему этого достаточно". Дальше г. Терновцева пошелъ г. Скворцовъ (редакторъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія"). По его словамъ „синодъ въ Россіи есть форма и организація самая совершенная. Онъ не учрежденіе свѣтской власти, а соборъ... Синодъ есть форма собора—начало истинно апостольское и православное. Русская

---

[1]) Е. А. Егоровъ замѣтилъ на это, что онъ вовсе не говорилъ о возстановленіи патріаршества, и что г. Тернавцевъ приписалъ ему такія надежды, которыхъ онъ никогда не питалъ и не питаетъ.

церковь вмѣстѣ съ нимъ скажетъ міру новое слово". „Для меня",—сказалъ архимандритъ Сергій,—„синодъ—уста русской церкви. Для меня нѣтъ разницы въ словахъ: синодъ или церковь". Всего подробнѣе и опредѣленнѣе, однако, эта сторона вопроса разработана не въ рѣчахъ ораторовъ, а въ такъ называемомъ „supplementum"—въ мнѣніи духовнаго цензора, архимандрита Антонина, помѣщенномъ въ „Новомъ Пути" непосредственно послѣ изложенія рѣчи г. Егорова. „Императоръ Петръ I-ый"—читаемъ мы здѣсь—„учрежденіемъ синода не привнесъ сторонняго элемента въ созидательную организацію церкви. Святыня божественнаго авторитета и власть епископская, какъ средоточіе жизнетворнаго бытія въ церкви, остались цѣлы и нетронуты... Правда, можетъ быть свѣтская власть при синодальной формѣ правленія получила возможность болѣе или менѣе напряженнаго своего проявленія; однако же верховная власть—не единственная и не коренная основа авторитета синода. Одни полномочія синода, какъ епископата—благодатнаго достоинства, по хиротоніи священства, а другія, церковно-каноническія — какъ органа власти въ духовныхъ нуждахъ и интересахъ, слоящихся въ порядкахъ церковно-гражданскаго уложенія... Актъ синодальнаго удостовѣренія объ отпаденіи Льва Толстого отъ церкви состоялся не только безъ участія свѣтской власти, но и безъ авторизаціи съ этой стороны... Съ очень недавняго времени и присяга для членовъ синода, съ словами: „исповѣдую съ клятвою крайняго судію духовныя коллегіи быти самого всероссійскаго монарха", отмѣнена. Въ самомъ же духовномъ регламентѣ эти слова вызваны не цезаре-папистической тенденціей, а уравнительно ранговой относительно сената и синода, такъ какъ сенатъ при Петрѣ обнаруживалъ намѣреніе поставить синодъ къ себѣ въ отношеніе субординаціи... По смыслу регламента оберъ-прокуроръ синода долженъ наблюдать за правильностью и аккуратностью дѣлопроизводства въ синодѣ съ формальной стороны и со стороны дѣйствующихъ нормъ русскаго права. Съ точки зрѣнія канцелярской механики онъ „долженъ инстиговать бумаги, чтобы по нихъ исполнено было". Такимъ образомъ его отмѣтки: *читалъ* и *исполнить* относятся не къ законодательной функціи утвержденія, а къ выполненію „смотрѣнія, чтобы въ синодѣ не на столѣ только вершились, но самымъ дѣломъ исполнялись".

На чьей сторонѣ въ приведенномъ нами спорѣ право и правда—предоставляемъ судить читателямъ. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно: вопросъ, затронутый религіозно-философскимъ собраніемъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые какъ-то сами собою остаются, обыкновенно, внѣ обсужденія. Заслугой, поэтому, является самая его постановка. Всѣ духовные ораторы, принимавшіе участіе въ преніяхъ, говорили, болѣе или менѣе опредѣленно, противъ сопричисленія св.

синода къ присутственнымъ мѣстамъ, существующимъ въ силу велѣнія свѣтской власти; но въ другихъ случаяхъ—напр., при разсмотрѣніи вопроса о свободѣ совѣсти [1])—и въ ихъ рѣчахъ слышалось нѣчто въ родѣ сожалѣнія объ избыткѣ зависимости, тяготѣющей надъ духовенствомъ. Характерны, съ этой точки зрѣнія, и слова „supplementum“: „свѣтская власть при синодальной формѣ правленія получила возможность болѣе ими менѣе напряженнаго своего проявленія“. Едва ли эта повышенная напряженность выражается только въ наблюденіи за правильностью и аккуратностью синодальнаго дѣлопроизводства. Изъ числа двухъ формулъ, о которыхъ шла рѣчь во время преній, въ смыслѣ „смотрѣнія, чтобы дѣла не на столѣ только вершились“,—можетъ быть истолкована развѣ вторая („исполнить“), но отнюдь не первая („читалъ“), заключающая въ себѣ, по справедливому замѣчанію г. Егорова, одобреніе самаго существа рѣшенія. Кто въ правѣ одобрить, тотъ можетъ и отказать въ одобреніи, необходимомъ для окончательной силы тѣхъ или другихъ мѣропріятій.

Кстати о свободѣ совѣсти: чѣмъ рѣже встрѣчается на практикѣ ея оффиціальное признаніе, тѣмъ бо́льшаго вниманія заслуживаетъ каждый случай этого рода. Въ сѣверной части саратовской губерніи (въ уѣздахъ: кузнецкомъ, петровскомъ и хвалынскомъ) значительную часть населенія составляютъ инородцы—татары, мордва и чуваши. Татары твердо держатся магометанства; мордва и чуваши уже давно числятся православными. Убѣжденными членами православной церкви они, однако—по словамъ корреспондента „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (№ 211),—считаться не могутъ. Въ былое время инородцевъ заставляли переходить въ православіе: упорствовавшихъ наказывали, соглашавшихся награждали, и дѣло оффиціальнаго обращенія шло, повидимому, весьма успѣшно. Но на самомъ дѣлѣ многіе изъ обращенныхъ вернулись къ прежнимъ богамъ, другіе перешли въ расколъ, нѣкоторые—въ магометанство. Особенно усилилась, въ послѣднее время, тяга къ магометанству между чувашами. Къ татарамъ являются изъ Мекки пилигримы, которыхъ они считаютъ святыми. Эти пилигримы обращаются съ проповѣдью не только къ своимъ единовѣрцамъ, но и къ православнымъ чувашамъ, на которыхъ она дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, что проповѣдники ведутъ суровую, аскетическую жизнь и все, чего требуютъ отъ другихъ, исполняютъ сами. Усилія православныхъ священниковъ и миссіонеровъ противодѣйствовать вліянію пилигримовъ остаются тщетными. Въ виду этого мѣстные миссіонеры обратились въ епархіальный миссіонерскій комитетъ съ просьбою выработать мѣры для борьбы съ проповѣдью магометанскихъ пилигримовъ и при-

---

[1]) См. „Общественную Хронику“ въ № 7 „Вѣстника Европы“ за текущій годъ.

мѣнить особыя наказанія и административныя воздѣйствія какъ къ проповѣдникамъ, такъ и къ соблазняемымъ ими чувашамъ. Въ миссіонерскомъ комитетѣ вопросъ этотъ долго и горячо обсуждался. Одни члены комитета—преимущественно пожилые священники—настойчиво доказывали, что безъ репрессій въ миссіонерскомъ дѣлѣ обойтись нельзя, что отказаться отъ нихъ значило бы ослабить поступательный ходъ православія, и что въ частности съ чувашами и проповѣдниками-пилигримами нужно поступать возможно строже, для чего необходимо ходатайствовать объ административномъ воздѣйствіи. Другіе члены комитета—главнымъ образомъ, молодые священники — горячо и убѣжденно доказывали неумѣстность и вредъ репрессіи въ религіозномъ дѣлѣ. Они напоминали о плодахъ этого способа дѣйствій, прежде практиковавшагося въ широкихъ размѣрахъ, и утверждали, что со стороны миссіонеровъ даже неудобно предлагать подобныя мѣры: призывать репрессію—значитъ принижать свое дѣло и сознаваться въ недостаточности своихъ силъ. На сторону этого послѣдняго мнѣнія склонилось, въ концѣ-концовъ, большинство комитета: просьба о репрессивномъ воздѣйствіи на татаръ и чувашей была отклонена, проповѣдь православія рекомендовано вести въ гуманномъ духѣ, безъ всякихъ мѣръ принужденія. Что такое рѣшеніе не только справедливо, но и разумно — въ этомъ можетъ сомнѣваться одна лишь реакціонная печать, поспѣшившая заявить протестъ противъ опасной мягкости саратовскаго миссіонерскаго комитета. Поклонники административнаго воздѣйствія крайне недовольны тѣмъ, что для примѣненія его упущенъ столь удобный случай. Забывая или не желая знать, что *совращеннымъ* нашъ законъ не грозитъ никакой карой, они желали бы преслѣдованія ихъ если не тѣмъ путемъ, такъ другимъ, наказанія ихъ если не по суду, то безъ суда, въ предѣлахъ и формахъ, установленныхъ „усмотрѣніемъ". По истинѣ удивительна эта вѣрность традиціоннымъ пріемамъ, несостоятельность которыхъ доказана вѣковымъ опытомъ и постоянно доказывается вновь, неотразимою силою очевидности. Не ясно ли, что податливость чувашей на проповѣдь мусульманскихъ пилигримовъ объясняется именно шаткостью вѣрованій, не столько усвоенныхъ, сколько навязанныхъ? Не ясно ли, что новое обращеніе, достигнутое старымъ способомъ, легко могло бы оказаться столь же непрочнымъ, какъ и прежнее? Не ясно ли, что проповѣди съ успѣхомъ можетъ быть противопоставлена только проповѣдь, убѣжденію—убѣжденіе, примѣру—примѣръ?.. Если бы взглядъ, восторжествовавшій въ саратовскомъ миссіонерскомъ комитетѣ, былъ принятъ повсемѣстно, это доставило бы православному духовенству такую силу, которой оно до сихъ поръ напрасно искало въ поддержкѣ „свѣтскаго меча".

До какой степени ненормально положеніе нашей провинціальной печати—объ этомъ можно судить, между прочимъ, по тому, что перемѣной къ лучшему кажется даже назначеніе отдѣльныхъ цензоровъ, въ такихъ городахъ, гдѣ цензурныя функціи исполнялись до сихъ поръ должностными лицами изъ среды мѣстной губернской администраціи [1]. Мы говоримъ: *кажется*, такъ какъ на самомъ дѣлѣ значеніе подобной перемѣны зависитъ всецѣло отъ случайныхъ условій. Гдѣ вице-губернаторъ или совѣтникъ губернскаго правленія, облеченный цензорскою властью, не употреблялъ ее во зло, не налагалъ систематическаго veto на все касающееся мѣстнаго управленія и мѣстной жизни, тамъ назначеніе отдѣльнаго цензора можетъ значительно ухудшить судьбу газеты: вѣдь чиновнику, исправлявшему цензорскія обязанности только между прочимъ и не съумѣвшему справиться съ ними, не грозитъ ничего другого, кромѣ освобожденія отъ непріятнаго порученія,—а отдѣльный цензоръ, возбудившій противъ себя неудовольствіе начальства, рискуетъ удаленіемъ отъ должности, иногда равносильнымъ потерѣ средствъ къ существованію. Возможна, конечно, и обратная комбинація—возможна замѣна придирчивой, неустойчивой, капризной мѣстной опеки болѣе уравновѣшеннымъ и сдержаннымъ спеціальнымъ надзоромъ; но особенно вѣроятной такую комбинацію признать нельзя, въ виду свойственной большинству должностныхъ лицъ заботливости о сохраненіи и улучшеніи своего служебнаго положенія. Нѣкоторымъ выигрышемъ для провинціальной печати будетъ развѣ признаніе обязанностей отдѣльнаго цензора несовмѣстимыми съ обязанностями редактора мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей. Когда редактированіе послѣднихъ возлагалось на то же самое административное должностное лицо, которое несло на себѣ цензорскія функціи, это нерѣдко отзывалось крайне неблагопріятно на частныхъ изданіяхъ, въ которыхъ цензоръ-редакторъ усматривалъ соперниковъ оффиціальной газеты. Вотъ, напримѣръ, что мы прочли недавно въ пермской корреспонденціи „Восточнаго Обозрѣнія". Много лѣтъ сряду для населенія пермской губерніи признавалось достаточнымъ существованіе одного органа печати—„Губернскихъ Вѣдомостей"; ходатайства частныхъ лицъ объ изданіи газеты встрѣчали систематическій отказъ. Наконецъ, два года тому назадъ, основанъ былъ „Пермскій Край", заручившійся хорошей редакціей и хорошими сотрудниками. „Пока цензоромъ былъ покойный вице-губернаторъ Богдановичъ и

[1] Закономъ 8-го іюня нынѣшняго года къ отдѣльнымъ цензорамъ, существовавшимъ уже раньше въ Ригѣ, Ревелѣ, Юрьевѣ, Митавѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, Одессѣ и Казани, прибавлены еще семь: въ Владивостокѣ, Екатеринославѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Ростовѣ-на-Дону, Саратовѣ, Томскѣ и Харьковѣ.

совѣтникъ губернскаго правленія Токаревъ, газета встала на ноги, завоевавъ обширныя симпатіи. Затѣмъ произошли смѣна цензоровъ и уходъ наилучшихъ сотрудниковъ; газета начала падать въ тиражѣ, хотя безусловно находилась все-таки въ рукахъ опытныхъ и надежныхъ. Подписчики поражались скудостью матеріала, дошедшаго до голыхъ перепечатокъ изъ другихъ газетъ. Наконецъ, передъ объявленіемъ подписки на 1904 годъ, „Пермскій Край“ (№№ 736, 737 и 738) началъ печататься въ сокращенномъ до-нельзя объемѣ, и подписчики только изъ № 738 узнали, что причины эти вызваны независящими отъ редакціи обстоятельствами. Цензоромъ газеты является совѣтникъ губернскаго правленія Суслинъ, онъ же редакторъ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостей“. Конечно, редакція возбуждаетъ ходатайство о невозможности существованія газеты въ сказанныхъ условіяхъ, но пока что̀ будетъ, а въ предподписочное время тиражъ „Пермскаго Края“ падетъ, и разоренной газетѣ дальнѣйшее существованіе сдѣлается невозможнымъ“... Пермь не принадлежитъ къ числу городовъ, куда назначены отдѣльные цензора; ничто, слѣдовательно, не мѣшаетъ тамъ продолженію прискорбныхъ порядковъ, описанныхъ въ только-что приведенной корреспонденціи. Возможны они, впрочемъ, и при существованіи отдѣльныхъ цензоровъ—возможны до тѣхъ поръ, пока отъ усмотрѣнія администраціи зависитъ оставить большой губернскій городъ безъ частной, т.-е. независимой газеты или, допустивъ ея основаніе, создать для нея такія условія, при которыхъ фактически немыслимо ея продолженіе.

Въ сѣверо-западномъ краѣ вводятся земскіе начальники. Существуетъ, повидимому, предположеніе установить, при замѣщеніи новыхъ должностей, извѣстное процентное отношеніе между лицами русскаго и польскаго происхожденія, т.-е. предоставить извѣстное (сравнительно меньшее) число мѣстъ полякамъ-землевладѣльцамъ сѣверо-западныхъ губерній. Казалось бы, что противъ такого способа дѣйствій возможно было бы только одно возраженіе, основанное на заранѣе предрѣшенномъ нарушеніи равновѣсія—и нарушеніи его, притомъ, во вредъ тому элементу, къ которому принадлежитъ большинство мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Въ основаніе института земскихъ начальниковъ положена географическая, если можно такъ выразиться, связь между этими должностными лицами и мѣстностью, подчиняемою ихъ власти. Отступленіе отъ этого начала, не вызываемое крайнею необходимостью, въ самомъ корнѣ подрываетъ учрежденіе, безъ того уже имѣющее слишкомъ мало raisons d'être. Систематически съуживать кругъ мѣстныхъ людей, изъ которыхъ могутъ быть назначаемы

земскіе начальники, значитъ идти прямо въ разрѣзъ съ намѣреніями законодателя. Въ реакціонной печати, однако, предположеніе, упомянутое нами выше, встрѣчаетъ возраженія совершенно другого рода. Ошибкой признается не ограниченіе числа поляковъ, допускаемыхъ къ занятію должности земскаго начальника, а самое ихъ допущеніе, въ какомъ бы то ни было размѣрѣ. „Земскіе начальники"—читаемъ мы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ",—„даже не происходя изъ мѣстной среды, вводятся въ нее какъ люди *свои* (курсивъ въ подлинникѣ) и, по идеѣ учрежденія, должны становиться для населенія возможно болѣе *своими* людьми, близкими всѣмъ его радостямъ и печалямъ. Чѣмъ болѣе эта цѣль будетъ достигнута въ сѣверо-западномъ краѣ, тѣмъ сильнѣе будетъ вліять на народъ со стороны земскихъ начальниковъ примѣръ любви къ Россіи, вѣра въ ея духъ, убѣжденіе въ несокрушимой незыблемости ея силы, пониманіе всеобъемлемости русской идеи, охватывающей всѣхъ подданныхъ имперіи не только русскаго, но точно также польскаго или литовскаго племени... Земскій начальникъ, именно по своей нравственной близости къ населенію, неизбѣжно такъ или иначе будетъ вліять на его чувства въ чисто-національномъ смыслѣ. Облекать такою миссіею поляка—значитъ давать новую тонкую силу не-русскимъ и даже анти-русскимъ вліяніямъ... Зачѣмъ же создавать самимъ себѣ затрудненія, съ которыми потомъ неизбѣжно придется бороться? Не лучше ли съ самаго начала введенія новаго института поставить его на чисто-русскую почву"?

Исходя изъ искусственно придуманныхъ, безусловно невѣрныхъ основаній, нельзя не придти къ совершенно ошибочному выводу. *Своими* для мѣстнаго населенія—„своими", большею частью, только внѣшнимъ образомъ—земскіе начальники могутъ считаться только тогда, когда они и раньше жили и дѣйствовали въ его средѣ или, по крайней мѣрѣ, имѣютъ кое-что общее съ нимъ въ качествѣ землевладѣльцевъ. Разъ что этого нѣтъ, земскій начальникъ столь же чуждъ населенію, какъ и всякій другой пришлый чиновникъ, и, наравнѣ съ послѣднимъ, можетъ перестать быть чуждымъ только съ теченіемъ времени, при совокупности условій, слишкомъ рѣдко встрѣчающихся въ дѣйствительности. Нѣтъ такой должности, которая сама по себѣ дѣлала бы чужого—*своимъ*, и меньше всего подобной чудотворной силой обладаетъ должность земскаго начальника. Опытъ давно уже показалъ съ достаточною ясностью, что земскій начальникъ—даже если онъ принадлежитъ къ числу мѣстныхъ землевладѣльцевъ,—не воспитатель народа, не живое олицетвореніе патріотическихъ доблестей, а просто чиновникъ, исполнитель начальническихъ приказаній, дѣйствующій не примѣромъ, а силою власти. Болѣе чѣмъ странно ожидать или требовать отъ него, чтобы онъ распространялъ въ народѣ

вѣру въ Россію, пониманіе „русской идеи“. Это не входитъ въ составъ его задачи, его призванія; для этого у него нѣтъ ни средствъ, ни данныхъ. Пускай онъ добросовѣстно и умѣло исполняетъ свои административно-судейскія функціи, не задаваясь цѣлями, стремленіе къ которымъ слишкомъ легко можетъ привести къ противоположному результату. Проповѣдь патріотизма, опирающаяся на дискреціонную власть, лишена убѣдительной силы; самый обыкновенный ея продуктъ—лицемѣріе, воспитываемое страхомъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Совѣта Имп. Женскаго Патріотическаго Общества.

Съ соизволенія Августѣйшей Предсѣдательницы Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества предпринято изданіе открытыхъ писемъ съ художественнымъ воспроизведеніемъ:

1) *въ геліогравюрахъ (на мѣди)*: картинъ изъ коллекціи Императорскаго Эрмитажа и Русскаго Музея Императора Александра III, по цѣнѣ 2 рубля за каждую серію въ 20 разныхъ открытыхъ писемъ 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я и 6-я серія по 20 писемъ вышли;

2) *въ двойной фототипіи*: съ художеств. воспр. картинъ: Московской Городской Третьяковской Галлереи, по цѣнѣ 1 рубль за каждую серію въ 20 разныхъ открытыхъ писемъ. 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я серія по 20 писемъ вышли.

Адресная сторона всѣхъ открытыхъ писемъ снабжена штемпелемъ: „Въ пользу школъ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества".

Означенное изданіе, кромѣ цѣлей благотворительныхъ, стремится возможно широко распространить среди публики знакомство съ хранящимися въ вышеуказанныхъ хранилищахъ произведеніями искусства, недоступными для большинства. Это изданіе, будучи предназначено для открытыхъ писемъ, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду его особенно художественнаго исполненія, большой интересъ для знатоковъ художественныхъ воспроизведеній и для любителей искусства. Подъ каждою геліогравюрою и двойной фототипіею помѣщено имя художника, названіе картины и наименованіе галлереи, а подъ воспроизведеніями картинъ Императорскаго Эрмитажа сверхъ сего—школа, къ которой принадлежалъ художникъ.

Открытыя письма продаются въ наиболѣе извѣстныхъ магазинахъ, или можно подписываться у Почетнаго Старшины Императорскаго

Женскаго Патріотическаго Общества, Фридриха Борисовича Бернштейна, С.-Петербургъ, Адмиралтейскій каналъ 23; за пересылку взимается по 15 к. за 1 серію, а за 2 серіи 20 коп. и т. д.

Каталоги высылаются безплатно.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.